

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 760 917

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.

GIFT OF

Dr. Litman

Class

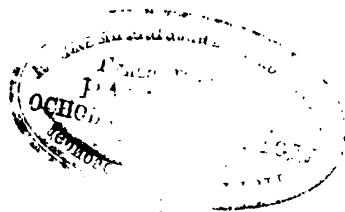
1000000

О ЧЕРКИ
ИЗЪ ИСТОРИИ И НАРОДНЫХЪ СКАЗАНИЙ.

520

Н. Н.

1

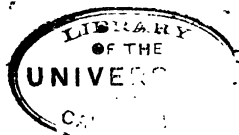

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ И НАРОДНЫХЪ СКАЗАНИЙ.

(НОВАЯ ИСТОРИЯ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

520

МОСКВА.

Издание братьевъ Салаевыхъ.

1873.

ПРЕДЪЛЪ

ПРЕДЪЛЪ ВЪЗВРАЩЕНІЯ НА

ПРЕДЪЛЪ ВЪЗВРАЩЕНІЯ НА

Дозволено Цензурою. Москва. 12 Октября 1872 г.

(Печатано съ изданія 1863 г.)

Типография Грачева и комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

D20
03
1873
MAIN

ГЛАВА I.

Изобрѣтенія и открытія.

ИЗОБРѢТЕНІЯ.

1. Іоаннъ Гутенбергъ.

1.

Возможностію имѣть и читать недорого-стоющія книги, возбуждающія въ человѣкѣ мысль о добрѣ и пользѣ, мы обязаны нѣмцу, уроженцу Майнца, Іоанну Гутенбергу, родившемуся, въ 1397 г., на хуторѣ Гензефлейшъ. Отецъ его, Фріело или Фридрихъ Гензефлейшъ, присоединилъ къ своей фамиліи, — что было въ обычаѣ въ тѣ времена, — фамилію жены своей, Эльзы или Елисаветы Гутенбергъ, послѣдней въ родѣ Гутенберговъ. Фамиліи Гензефлейшъ и Гутенбергъ принадлежали къ дворянству и считались почетными въ Майнцѣ. Между богатыми дворянскими родами и фамиліями цеховыхъ и гражданъ города Майнца изстари существовала вражда, изъ-за того, что дворянскіе роды, по большей части, удерживали за собою всю власть въ городѣ и часто притѣсняли гражданъ. Вражда эта укоренилась и была причиною многихъ смутъ. Такъ было и въ 1420 г. Возстаніе горожанъ принудило семейства дворянъ, называвшихъ себя старыми горожанами, (Альтбюргерами), удалиться изъ Майнца. Гензефлейшы испали убѣжища въ Страсбургѣ; они остались тамъ на житье даже и послѣ того, какъ, по мирнымъ условіямъ, „старымъ гражданамъ“ разрѣшено было возвратиться въ Майнцъ. Молодость Іоанна Гутенберга, равно какъ мѣсто и обстоятельства, въ которыхъ онъ приобрѣлъ свои многостороннія познанія, — совершенно не-

извѣстны; достовѣрно только то, что, съ 1436 по 1438 г., онъ, сообщая со многими другими, занимался дѣланіемъ зеркалъ и шлифованіемъ камней; тогда же, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ самимъ прессы, началъ онъ первые, несовершенные опыты надъ печатаніемъ книгъ. Въ прежнее время, семья Гутенберга была сильна и богата, но бѣгство изъ Майнца разорило ее и Гутенбергъ принужденъ былъ, даже для прокормленія себя, примѣнять къ дѣлу многоразличныя свои познанія, а при томъ и обучать другихъ; вырванные за работу деньги онъ употреблялъ на дорого-стоившіе ему опыты. Впрочемъ, извѣстно, что ни одна книга не была еще напечатана имъ въ Страсбургѣ.

Мысль о книгопечатаніи должна бы давно придти кому нибудь въ голову, такъ какъ уже печатались образа святыхъ съ стихами и изрѣченіями. Это дѣлалось такимъ образомъ: на дощечкѣ изъ грушеваго дерева вырѣзывали образъ святаго и какое-нибудь его изрѣченіе; черты изображенія, переводимыя на бумагу, дѣлались выпукло, остальные же мѣста на дощечкѣ углублялись рѣзцомъ. Эти выпуклыя черты покрывались черной краской и оттискивались на бумагѣ посредствомъ особой скалки.

Отъ такого способа распространять изображенія уже недалеко было до книгопечатанія, однако до Гутенберга никому не приходила мысль о томъ. Сначала, онъ сталъ вырѣзывать цѣлыя рѣченія выпукло на доскахъ и покрывалъ ихъ черной краскою; но такъ надо было имѣть особую дощечку для каждой страницы, притомъ и печатаніе посредствомъ скалки оказалось неудобнымъ: печать выходила не вездѣ ровною. Тогда придумалъ онъ прессъ, изъ-подъ котораго оттискъ выходилъ гораздо ровнѣе. Между тѣмъ, Гутенбергъ, все по-прежнему, былъ бѣденъ, приходилось ему работать на чужія деньги, — что доставило много несправностей и даже тяжель. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ, вдругъ озарила его свѣтлая мысль: онъ подумалъ: „если каждую букву вырѣзать отдѣльно изъ деревянной доски, то можно будетъ складывать ихъ какъ угодно, и составлять изъ отдѣльныхъ буквъ разныя слова“. Сказано — сдѣлано. Съ подвижными буквами Гутенбергъ могъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе прежняго; конечно, вырѣзанныя изъ доски буквы оставались однѣ и тѣ же, но такъ какъ онѣ были подвижныя, то можно было располагать ими свободно. Мы объяснимъ это примѣромъ: имѣя подъ рукою отдѣльныя буквы: а, b, e, n, d, — Гутенбергъ, различнымъ образомъ передви-

гая и складывая буквы эти, могъ составлять изъ нихъ слова: abend, ab, end, Bad, Baden, den, и проч.; между тѣмъ какъ неподвижными, на деревѣ вырѣзанными, буквами можно было отпечатать одно только слово: abend. Осталось быть, Гутенбергу сидѣть тутъ, ожидая, пока въпередъ. Но онъ тотчасъ же замѣтилъ, что деревянные буквы скоро стираются; даютъ нечеткіе оттиски и не долго держатся; а притомъ, надо чрезвычайнаго много труда и траты времени, чтобы вырѣзать изъ дерева количество буквъ, потребное для напечатанія большой книги, въ особенности же, — Библии. И онъ началъ обдумывать, какъ бы дѣлать буквы изъ металла: свинца, олова или мѣди. Но прежде, еще исполненія этого намѣренія, онъ оставилъ Страсбургъ и отправился въ Майнцъ. Здѣсь онъ заключилъ съ богатымъ майнцскимъ гражданиномъ Фустемъ условіе, по которому оба они должны были открыть въ Майнцѣ типографію и снабдить ее типографскими снарядами; Фустъ обязывался доставить деньги на это предпріятіе; барыши же условлено было дѣлить поровну. Кроме того, Гутенбергъ обязывался платить шесть процентовъ за капиталъ, а Фустъ — прибавлять ежегодно денегъ, сколько придется, на покрытіе издержекъ.

Если бы честный Гутенбергъ повелъ дѣло съ честнымъ же товарищемъ, — нѣтъ сомнѣнія, что труды его, изобрѣтенія, долговременная борьба съ разными препятствіями, были бы вознаграждены; но Фустъ былъ плутъ, выше всего ставившій деньги и наживу, а въ Гутенбергѣ найсильнѣе оный человѣкъ, котораго легко было обмануть.

Тогда какъ Фустъ добивался только денегъ, Гутенбергъ употреблялъ всѣ старанія изобрѣсти искусство, открывшее міру дѣятели знанія. Въ Майнцѣ, онъ началъ не только отливать металлические буквы, вмѣсто деревянныхъ. То былъ еще новый шагъ впередъ: металлические буквы были правильнѣе, мельче, красивѣе деревянныхъ. Это составляло уже великое усовершенствованіе въ дивномъ, великомъ искусствѣ; принесшемъ, впоследствии, только пользу для всего міра. Вотъ какіе приемы употреблялъ Гутенбергъ: на отчетливо-вырѣзанныя изъ мѣди буквы онъ наливалъ свинцу; такимъ способомъ получались углубленные формы, въ которыя отливалъ онъ уже оловянные и бронзовые буквы. Если разсудить: сколько сотенъ буквъ могъ онъ отлить въ одинъ день да сравнить этотъ способъ съ прежней ручной вырѣзкой изъ дерева, — успѣхъ въ дѣлѣ представится уже громаднымъ.

Прежде всего, Гутенберг задумал издать Библию, — и это указывало на благочестивый образ его мыслей; начатки искусства, приобретённого дарованием: ему от Бога проворливости; онъ хотѣлъ посвятить слову Божию. Въ началѣ печатать Библию, въ 1452 г., окончилъ печатаніе въ 1455, но предпріятіе это повлекло за собою большіе расходы; самая продолжительность труда свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ устройства книгопечатанія, о томъ, какъ еще мало опытности имѣли въ этомъ дѣлѣ наборщики.

Около того же времени, поступилъ въ товарищи къ Гутенбергу и Фустъ. Петръ Шефферъ, зять Герисгейма. Шефферъ былъ очень ловкій человекъ; онъ имѣлъ прекрасный почеркъ и придавалъ особенную красоту буквамъ; онъ же придумалъ лучшіе приёмы для дѣланія болѣе прочныхъ буквъ. Фустъ давно уже замышлялъ отдѣлаться отъ Гутенберга, чтобы удержать за собою всѣ выгоды предпріятія; поэтому, увидавъ способности Шеффера, онъ старался сойтись съ нимъ какъ можно ближе — вѣкъ, наконецъ, отдалъ за него дочь свою.

Послѣ столькихъ размышленій, трудовъ, пожертвованій, Гутенбергъ достигъ уже цѣли, на которую именно и обрушился на него жесточайшій ударъ. Алчный, лукавый Фустъ, неожиданно потребовалъ отъ Гутенберга весь свой капиталъ и съ процентами, которые, однако, прежде тѣмъ, простили ему на словахъ.

Гутенбергъ былъ кроткій, добродушный человекъ, весь преданный извѣстному, мало опытному въ дѣлахъ житейскихъ. Полагаясь на эту неопытность Гутенберга, Фустъ навязалъ бѣдняку джелекую тяжбу; притомъ же, онъ велъ ее всевозможными кривыми путями, съ помощью джги и обмана. Онъ искалъ богатство и значеніе, онъ подкупилъ судей и, вопреки всякому праву, выигралъ тяжбу. Гутенбергъ былъ не въ состояніи выплатить возмѣщаемую прокуроромъ сумму, и судьи приговорили за джскъ Фуста отдать ему, въ полную собственность, всю типографію Гутенберга.

Это происходило въ декабрѣ 1455 г. Сердце обливаясь кровью, при мысли о положеніи Гутенберга. Всѣ плоды его стараній, — награда за многолѣтніе труды и опыты, — были похищены у него самымъ подлымъ образомъ, похищены тѣмъ человекомъ, кого онъ такъ довѣрчиво посвя-

тилъ въ тайну своего искусства. Настала жестокая зима. Безъ денегъ, безъ хлѣба, безъ всякихъ пособій, безъ покровительства, безъ надежды на правосудіе, — что было дѣлать въ Майнцѣ бѣдному Гутенбергу? Подавленный горемъ, онъ еще оставался тамъ нѣкоторое время, — потому, что, какъ этотъ пророкъ, котораго весь міръ обязанъ средствами къ образованію, принужденъ былъ, съ посохомъ странника, покинуть вторично родину, покинуть нищимъ, безпомощнымъ скитальцемъ и, — что всего хуже, — обманутымъ въ доверіи своемъ къ честности другихъ людей.

Онъ отправился поить въ Страсбургъ, гдѣ уже вытерпѣлъ столько горькихъ испытаній. Въ Страсбургѣ, онъ надѣялся основать типографію и снискать честнымъ трудомъ пропитаніе. Съ этой надеждой, поддерживавшей его во всѣхъ бѣдствіяхъ, онъ и прибылъ въ Страсбургъ. Но надежды оказались напрасными: богатые знакомые Гутенберга не обратили вниманія на его просьбы и убѣжденія и отказали въ денежныхъ средствахъ для исполненія его предпріятія. Нужда подавляла Гутенберга; а Фустъ и Шефферъ, въ это же самое время, собирали жатву съ трго, что онъ посѣялъ. Съ предательской хитростію, срыли они отъ Гутенберга изобрѣтенный Шефферомъ способъ изготовленія болѣе прочныхъ и красивыхъ буквъ; и только отдѣлавшись отъ своего товарища, пустились въ ходъ это изобрѣтеніе. Они издали вредоносный неалтиръ, который и до сихъ поръ считается образцовымъ произведеніемъ книгопечатанія. Оба они обогатились чрезвычайно, а благородный Гутенбергъ, изобрѣтатель искусства, которому они всѣмъ были обязаны, жилъ въ нуждѣ и являлся находившійся, гдѣ приклонить голову, отягощенную работами и горемъ.

3.

Положеніе Гутенберга въ Страсбургѣ становилось отчаяннымъ, — но вдругъ вошла надъ нимъ звѣзда спасенія. Онъ вступилъ въ сношенія съ докторомъ Конрадомъ Гюмери, богатымъ синдикомъ въ Майнцѣ, который и предложилъ ему средства завести въ этомъ городѣ новую типографію. Гутенбергъ возвратился въ родной городъ, гдѣ испыталъ столько горя, гдѣ вѣроломные товарищи обманомъ лишили его всего, — и опять

основать типографію. Онъ долженъ былъ начинать съизнова, между тѣмъ какъ прежде чуть-было не достигъ цѣли. Онъ сталъ создавать съ основанія, приложилъ всѣ силы свои къ наилучшему устройству типографіи, къ тому, чтобы, хоть подъ конецъ, получить награду за умственный и матеріальный трудъ свой, — насколько оставили на то возможности Фустъ и Шефферъ: — однако, и послѣдняя надежда обманула его.

Тайна его искусства, изъ которой онъ думалъ извлечь пользу и для себя, — на что, конечно, имѣлъ полное право, особенно при стѣсненномъ своемъ положеніи, — тайна эта была разглашена — и это глубоко огорчало его. Въ то время, какъ онъ тягася съ Фустомъ и Шефферомъ и наконецъ отошелъ отъ нихъ, въ дѣлахъ по типографіи произошла остановка: многіе мастера, обязавшіеся подъ клятвою никому не отрывавъ тайны искусства, лишились работы. Они разошлись, а такъ какъ дѣла прекратились, эти мастера и сочли себя разрѣшенными отъ клятвы. Они основали типографіи въ другихъ городахъ: въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Бамбергѣ, — вскорѣ изъ всѣхъ этихъ мѣстъ стали распространяться по всюду печатныя сочиненія. Къ этой бѣдѣ для Гутенберга присоединилась другая, впрочемъ, еще болѣе способствовавшая распространенію искусства книгопечатанія по цѣлому міру. Римскій папа лишилъ архіепископскаго сана курфюрста майнцаго Дитера и поставилъ на его мѣсто Адольфа, графа нассаускаго. Не покоряясь этому приговору, Дитеръ собиралъ войско; Адольфъ нассаускій послѣдовалъ его примѣру — и между обоими соперниками началась кровопролитная война. Жители Майнца были приверженцами Дитера, — онъ укрѣпился въ ихъ городѣ. Адольфъ осадилъ Майнцъ и ввѣлъ его въ одну туманную, осеннюю ночь. Граждане оборонялись, но принуждены были уступить нечаянности нападенія, превосходству силы. Дружины Адольфа рѣзали безпощадно, подожгли часть города и страшно свирѣпствовали. Въ эту ужасную ночь, постигла вѣроломнаго Фуста достойная кара: типографія его, со всѣми снарядами при ней, сгорѣла — и прошло много времени, прежде чѣмъ собрался онъ съ силами основать новую. Мастера его разошлись по разнымъ мѣстамъ и основали новыя типографіи. Несчастіе этой кровавой ночи такъ жестоко постигло и многострадальнаго Гутенберга, что онъ не могъ уже держать новооснованную типографію и принужденъ былъ уступить ее въ собственность доктору Гюмери, давшему

ему въ займы денегъ. Впрочемъ, кажется, люди, хорошо-расположенные къ Гутенбергу, давали ему надлежащую поддержку; такъ, докторъ Гюмери предоставилъ Гутенбергу надворъ за типографією, а близкіе родственники его занялись типографією, переведенной въ Этвиль, въ Рейнгау. На ту пору, въ Этвиль имѣлъ пребываніе курфирстъ-архіепископъ, Адольфъ, графъ нассаускій, столько же ненавидѣвшій жителей Майнца за нерасположеніе къ нему, сколько и жители Майнца ненавидѣли его за кровавыя дѣйствія его наемниковъ, при взятіи города. Архіепископъ Адольфъ принялъ Гутенберга въ число своихъ камеръ-юнкеровъ. Конечно, это было не Богъ знаетъ какое заavidное мѣсто: наши камеръ-юнкеры и камергеры пришли бы въ ужасъ отъ содержанія, какое получалъ бѣдный Гутенбергъ. Ежегодно давали ему только придворное платье, да сверхъ того, онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ податей и налоговъ и имѣлъ право ввозить въ Майнцъ каждый годъ, безплатно, 20 мальтеровъ ржи и двѣ бочки вина; но притомъ, онъ былъ освобожденъ и отъ всякой службы при дворѣ. Чѣмъ же тутъ было жить?—вѣроятно, часто приходилось голодать Гутенбергу; если только типографія не приносила ему побольше доходу.

Вѣроятно то, что золотыхъ дней онъ не дождался, не получилъ заслуженной награды. Но сознаніе, что онъ открылъ путь къ высшему, всемірному образованію, должно было утѣшать его возвышенную душу. Читая слово Божіе на родномъ языкѣ или другую какую-либо подезную книгу, мы должны благословлять память человѣка, изобрѣтательность котораго доставила намъ способъ для этого. Съ прискорбіемъ, должны мы сказать, что Гутенбергъ умеръ (въ 1469 г.) въ бѣдности и несчастіи, преслѣдовавшихъ его во всю жизнь. Кажется, онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ. Его похоронили въ старой францисканской церкви, въ Майнцѣ, и какой-то добрый родственникъ поставилъ надъ могилой его простую плиту. Гутенбергъ былъ послѣднимъ изъ рода Гензефлейшъ-Гутенберговъ. Неблагодарный міръ долго не признавалъ заслугъ великаго человѣка. Только въ наше время жители Майнца догадались, что, какъ для себя, такъ и для великаго своего гражданина, они обязаны воздвигнуть памятникъ. Памятникъ этотъ торжественно поставленъ 12 августа 1837 г. Если кто-нибудь изъ читателей нашихъ придетъ въ Майнцъ, — да не забудетъ онъ взглянуть на бронзовую статую Гутенберга, по-

среди площади близъ собора, которая носитъ его имя! Пусть, при этомъ, подумаетъ онъ, что Гутенбергъ былъ орудіемъ Божиимъ, послужившимъ къ открытію людямъ стезей знанія и науки, пусть не забудетъ тоже, что всѣ мы обязаны съ благодарностію вспоминать о человѣкѣ, искусствѣ котораго, по волѣ Божіей, сдѣлалось намъ причастнымъ все наше знаніе—отъ азбуки и до Библіи!

Сначала монахи называли благородное искусство книгопечатанія дьявольскимъ изобрѣтеніемъ, именно за то, что оно отнимало у нихъ одинъ изъ источниковъ ихъ доходовъ, — переписку книгъ. А, можетъ, они почувствовали, что время слѣпой вѣры миновало, что, вслѣдъ за Гутенбергомъ, выступить Лютеръ.

2. ИЗОБРЕТЕНІЕ ПИСЧЕЙ БУМАГИ.

Древнѣйшій видъ бумаги, это—египетскій *папирусъ*, изготовлявшійся изъ египетскаго растенія *Cyperus Papyrus*. Растеніе это принадлежитъ къ семейству злаковъ; стебель его окруженъ снизу налистниками и вѣнчается зонтиковиднымъ цвѣткомъ; его находятъ въ стоячей водѣ, въ Египтѣ, по берегамъ Нила, а также въ Сициліи. Божницу или волокно папирусоваго тростника отдѣляли тонкими рядами отъ стебля, разстилали ихъ на столѣ, всыпанутомъ нильской водою, и поизвали клеевымъ кипяткомъ изъ той же воды; потомъ, на первый слой клали второй, выжимали изъ нихъ влажность прессомъ, сушили ихъ на солнцѣ и ложили свиннымъ зубомъ. Римляне долго употребляли папирусъ (объ ихъ сверткахъ изъ папирусу была уже рѣчь во второй части нашей книги). До покоренія Мексикки Испанцами, Мексиканцы подобнымъ же способомъ приготовляли бумагу изъ листьевъ агавы (аюя).

Израильтине, во время Давида, вмѣсто книгъ, имѣли свертки изъ кожъ разныхъ животныхъ; Іонійцы Малой Азіи тоже писали на невыдѣланныхъ бараньихъ и козьихъ кожахъ, съ которыхъ соскабливали только волосъ. Впослѣдствіи, волосъ стали сводить извѣстью; и кожи, очищенные такимъ способомъ, назывались *пергаментомъ*, отъ города Пергама, въ Малой Азіи, гдѣ искусство очищать кожи, для письма на нихъ, было усовершенствовано. Но и египетскій папирусъ, на перга-

ментъ не были удобны для употребленія; къ тому же, они были очень дороги. Между тѣмъ, Индійцы еще прежде Рождества Христова, изобрѣли искусство изъ необработанной хлопчатой бумаги, которую превращали они въ кисель, и приготавливали массу, годную для письма. Отъ нихъ, эта, такъ-называемая, хлопчатобумажная бумага перешла въ Среднюю Азію, въ Бухарію; преимущественно же изготовлялась она въ городѣ Самаркандѣ. Проникнувъ побѣдною въ Бухару, Арабы познакомились съ изготовленіемъ и употребленіемъ этой бумаги и заведи въ Меккѣ бумажныя фабрики; въ одиннадцатомъ же столѣтіи, бумага, чрезъ Арабовъ, сдѣлалась извѣстной въ Испаніи. Тамъ уже существовали *водяныя мельницы*, за ними, — основали, первыя въ Европѣ, и *писчебумажныя мельницы*, которыя впоследствии, введены были въ Италиі, Франціи и Германіи. Но и хлопчатобумажная бумага имѣла много недостатковъ, — она не столько выдерживала, была легче бумаги изъ *льнянаго тряпья*. Вскорѣ придумали, вмѣсто хлопчатой бумаги, употребить старее хлопчатобумажное тряпье, превращая его въ густую массу, а потомъ выжимая подъ прессомъ въ тонкіе листы. Опытъ удался, первый шагъ пошелъ къ другому, именно — къ употребленію вмѣсто бумажнаго, льнянаго тряпья, которое, допрежде, выбрасывалось безъ всякой пользы. Одинъ нѣмецъ привезъ эту массу въ дѣло: но до насъ не дошло ни имя его, ни годъ изобрѣтенія. До 1300 г. не встрѣчается бумаги изъ льнянаго тряпья; но съ 1318 г., хранятся въ архивѣ Науфбейернскаго госпиталя документы, писанные на бумагѣ изъ льнянаго тряпья; въ тамошнемъ же городскомъ архивѣ хранятся подобные документы отъ 1326 и отъ 1331 г. — доказательство, что этотъ родъ бумаги первоначально сдѣлался извѣстенъ въ Германіи; ибо въ испанскихъ и итальянскихъ бібліотекахъ нѣтъ такой бумаги до 1367 г. Изобрѣтеніе это напрасно приписывается Китайцамъ, потому что и до сихъ поръ они изготовляютъ свою бумагу изъ невыдѣланной пеньки, изъ бамбука и изъ лыка шелковицы (шелковая бумага).

Бумага изъ льнянаго тряпья — самая крѣпкая, удобная и дешевая; безъ изобрѣтенія ея, самое книгопечатаніе не сдѣлало бы такихъ быстрыхъ успѣховъ.

3. ИЗОБРЕТЕНІЕ КОМПАСА (МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ).

Все мореходство древнихъ ограничивалось плаваньемъ вдоль береговъ (каботажемъ): у нихъ не было вѣрнаго путеводаителя по обширнымъ пустынямъ моря. Единственными путеводаителями ихъ были солнце и звѣзды, но они лишались, когда небо покрывалось облаками. И долго никому въ голову не приходило, что небольшою кусочекъ желѣза можетъ указывать стороны свѣта, что съ этимъ путеводаителемъ можно безбоязненно вѣрять себя, при самыхъ отдаленныхъ путешествіяхъ, неизвѣстному океану. Только въ среднихъ вѣкахъ, около 1300 г., неаполитанецъ *Флавіо Джиойо* первый открылъ силу *магнитной стрѣлки*. Это—стальная стрѣлка, натертая магнитомъ и свободно обращающаяся на точкѣ опоры. Въ сѣверномъ полушаріи, конецъ ея постоянно обращенъ на сѣверъ; въ южномъ—на югъ. Если опустить ее въ ящикъ, на днѣ котораго нарисована картушка (Wind-Rose) указатель вѣтровъ, то, во всякое время, днемъ, ночью, при ясномъ и при пасмурномъ небѣ, извѣстно будетъ направленіе пути. Устроенный такимъ образомъ ящикъ называется *компасомъ*. По изобрѣтеніи компаса, великій океанъ пересталъ казаться замкнутымъ міромъ; европейцы открыли морской путь въ Восточную Индію и переплыли Атлантическій Океанъ до западнаго полушарія, гдѣ и нашли цѣлую новую страну свѣта.

4. ИЗОБРЕТЕНІЕ ПОРОХА.

Порохъ имѣлъ такое же важное значеніе въ военномъ дѣлѣ, какое имѣлъ компасъ для мореплаванія и торговли; онъ произвелъ великую реформу во всѣхъ сословіяхъ и силахъ народовъ. Китайцы выдаютъ себя за изобрѣтателей пороха и утверждаютъ, что онъ извѣстенъ у нихъ болѣе 1600 лѣтъ. Думаютъ, что отъ Китайцевъ узнали порохъ Арабы, которые вели торговлю съ Индіей; Арабы же познакомили съ нимъ Европу. Первые слѣды употребленія пороха находимъ мы въ Испаніи, завоеванной Арабами въ 711 г. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, употребляли огонь и нѣчто въ родѣ пороха для взрыва камней въ Раммельсбергѣ, при Госларѣ. Этотъ опытъ навелъ сына Генриха Льва къ мысли взорвать

точно такимъ же способомъ стѣны одного замка (въ 1200). Но употребленіе пороха на войнѣ явилось позднѣе: протекло довольно много времени, прежде чѣмъ вздумали насыпать пороху въ мортиру (собственно *иготъ*) и чрезъ воспламененіе его, метать ядра.

Изобрѣженіе пороха обыкновенно приписываютъ францисканскому монаху *Бартольдъ Шварцу*, имѣвшему пребываніе въ городѣ Фрейбургѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Онъ жилъ около 1350 г., любилъ заниматься химіею, особенно же опытами надъ металлами, — можетъ быть, онъ надѣялся найти средство дѣлать золото. Разъ, онъ нечаянно истолкъ въ иготи нѣсколько седитры, сѣры и угля: смѣсь эту прикрылъ онъ камнемъ и сталъ выскрѣпать огонь подлѣ иготи; вдругъ запала въ иготъ искра: смѣсь мгновенно воспламенилась — и, съ чрезвычайной силой, подбросила вверхъ камень, прикрывавшій иготъ. Испуганный химикъ стоялъ въ недоумѣніи и изумлялся необычайному происшествію. Но онъ повторилъ опытъ надъ смѣсью — и явленіе повторилось. Тогда Шварцъ ознакомилъ многихъ съ своимъ открытіемъ и указалъ какую пользу можно было бы извлечь изъ него для разрушенія на войнѣ стѣнъ, мостовъ и другихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью, стали дѣлать стволы, имѣвшіе видъ иготи, и называвшіеся тоже мортирами. Въ устьѣ мортиръ насыпали пороху, а досверхъ наваливали каменьевъ; у задняго, глухого конца мортиры находилась скважина, къ которой прикладывали огонь для воспламененія пороха. До сихъ поръ, тяжелыя бомбы кидаютъ изъ широкихъ мортиръ. Впослѣдствіи, прибавили длину мортиръ и превратили ихъ въ пушки: сначала и въ нихъ накладывались камни, но потомъ стали ихъ заряжать ядрами болѣе значительной величины. Въ 1378 г., отлили въ Аугсбургѣ три пушки, изъ которыхъ самая большая могла метать, на разстояніи тысячъ шаговъ, большія ядра въ 127 фунтовъ вѣсу, средняя — въ 70 фунтовъ, а меньшая — въ 50 фунтовъ. Но эти громадныя орудія трудно было сдвигать съ мѣста, поэтому стали дѣлать ихъ меньшаго размѣра, такъ что они могли дѣйствовать и въ открытомъ полѣ и для защиты крѣпостей. Позднѣе, начали отливать пушки съ такимъ тонкимъ стволомъ, что одинъ человекъ удобно могъ носить ихъ и распоряжаться свободно. Эти переносныя орудія, равно какъ мортиры и пушки, имѣли отверстія, къ которымъ прикладывался фитиль для воспламененія пороха. Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи этихъ руч-

ныхъ снарядовъ относится къ 1387 г., въ которомъ городъ Аугсбургъ выслалъ своимъ союзникамъ на подмогу тридцать ружейныхъ стрѣлковъ. Долго въ Аугсбургъ и Нюрнбергъ изготовляли лучшія ружья и пушки, а со временемъ, во многомъ усовершенствовали ихъ. Такъ нашли очень неудобнымъ зажигать ружья, какъ и пушки, посредствомъ фитиля, а придумали курокъ, къ которому привинчивался кремль, къ курку же приделывалось стальное колесо, вертѣвшееся кругомъ и выставлявшее огонь изъ кремня. Это изобрѣтеніе было сдѣлано въ Нюрнбергѣ, въ 1517 г.; такой ружейный замокъ назывался нѣмецкимъ. Но дѣйствовать колесомъ этимъ все-таки было трудно, поэтому Французы изобрѣли ударный ружейный замокъ. Для того, чтобы можно было, при случаѣ, употреблять новое оружіе вмѣсто копья, стали привинчивать къ устью его другое оружіе, называемое штыкомъ, (по французски, bayonnette отъ города Байонны, гдѣ это оружіе было изобрѣтено). Нынѣ перестаютъ употреблять кремль: искру, производящую выстрѣлъ, гораздо удобнѣе и легче добываютъ изъ накладываемаго на курокъ *пистона*.

Сначала новые военные снаряды мало употреблялись въ походахъ, ихъ считали коварнымъ оружіемъ, неприличнымъ для честнаго воина. Особенно же рыцари возставали противъ такъ-называемаго „адскаго изобрѣтенія.“ На что, въ самомъ дѣлѣ, были ихъ сила и ловкость, превосходное вооруженіе и доспѣхи, когда какой-нибудь трусъ, однимъ прикосновеніемъ пальца, могъ издали повернуть ихъ на землю? Когда простые пѣхотинцы выходили противъ рыцарей, съ мушкетерами и пушками, рыцари слагали съ себя мечи и бросали конья. Съ той поры, военную службу начали отправлять наемники — *солдаты* (отъ слова „solde“ — плата): образовались постоянныя войска, и, прежде всего во Франціи, гдѣ постоянныя дружины *gens d'armes* овъ чрезъчурно усилили власть государей. Въ битвахъ перестали сражаться съ прежнимъ ожесточеніемъ, потому что рѣшеніе боя зависѣло уже не отъ силы отдѣльно взятыхъ воиновъ, а отъ искусства вождя, отъ быстроты въ передвиженіяхъ цѣлыхъ массъ. Война сдѣлалась искусствомъ, способъ же вести ее — наукой.

5. ИЗОБРЕТЕНІЕ ЧАСОВЪ.

Это изобрѣтеніе, важное, какъ для частной жизни, такъ и для науки, относится тоже къ среднимъ вѣкамъ, но только въ послѣднее время до-

ваденою до великаго совершенства. Въ самой глубокой древности, въ китай вали, многоликопрошло дни — по положенію солнца; по часамъ же, различнымъ образомъ набрасывавшей на землю солицы, смотря по ея положенію; съиздана наука иже готовить *солнечныя часы*. Но ими можно было обойтись только днемъ, и то при сѣвѣ солнца; дни и ночи же не быда: никакого дѣла. Для опредѣленія времени и днемъ и ночью и въ каждое мгновеніе, потребно было такое орудіе, которое, при постоянномъ и равномерномъ движеніи, подавало бы видимый или слышимый знакъ, сколько протекло частей времени. Такъ древніе народы, и между прочими Китайцы, давнымъ-давно изобрѣли *водяныя часы*. Для этого Китайцы употребляли круглый сосудъ, имѣвшій внизу круглое, жемчужное отверстіе; сосудъ этотъ, пустой, вставляли въ другой сосудъ, наполненный водою. По мѣрѣ того, какъ вода изъ нижняго сосуда проникала въ верхній, послѣдній постепенно опускался и показывалъ части протекавшаго времени. Въ западной Азіи, изобрѣтатели водяныхъ часовъ были, вѣроятно, Ассирійцы; отъ нихъ, во времена великаго персидскаго завоевателя, Бира, перешли они въ Малую Азію, въ Грецію. Первыя водяныя часы Римляне приобрѣли только въ 160 г. до Р. Х. Юлій Цезарь привезъ такіе часы изъ Британіи въ Римъ. Въ 390 г., король Остготъ, Теодорихъ, послалъ въ подарокъ водяные часы бурундукному королю Гундобальду, и тотъ показывалъ тоже движеніе солнца и мѣсяца. Вѣроятно въ сосудахъ, имѣвшихъ воду, были едѣлаемы колеса, которые приводились въ движеніе капающей водою. Того же рода часы арабскій ханифъ Гарунъ — ала-Рашидъ подарилъ Карлу Великому. Они были металлическіе, имѣли часовую стрѣлку, и были устроены такимъ образомъ, что, съ окончаніемъ каждаго часа, падалъ въ представленный внизу тѣло, столько же металлическихъ шариковъ, сколько протекло времени; при паденіи шариковъ, выходили изъ дверей рыцари, которые, съ поспѣвшимъ часомъ дня, возвращались назадъ и запирали двери: колеса, приводимыя въ движеніе посредствомъ воды, открывали двери, изъ которыхъ выкатывались шарикъ и выходили рыцари.

Но вода все-таки имѣла много неудобствъ. Лѣтомъ, въ жары, она увеличивается въ объемъ, становится слишкомъ жидкою и испаряется; зимою замерзаетъ: по этому, съ давнихъ поръ, стали замѣнять воду пескомъ, который, если совершенно высушенъ, легко сыплется чрезъ са-

мел. маленькое отверстие сосуда. Песокъ насыпалъ въ дѣй. соединенныя между собою лавы, и когда онъ весь высыпался изъ верхней лавы, тогда песочные часы переворачивали. Но и такіе часы всегдѣ невѣрно обозначали время. Тогда человеческій разумъ придумалъ часы съ колесами, для которыхъ не нуженъ ни песокъ, ни вода, ни солнечная сила, приводящая въ дѣйствіе колеса, всегда одинакова, и никогда не ослэбраваетъ.

Сначала эти часы, сначала, въ иррафѣ, привѣшанными къ часамъ и приводившихъ въ дѣйствіе всю систему колесъ. Такие часы съ гири и изобрѣтатель ихъ не извѣстенъ—были устроены еще, въ 986 г., въ Магдебургѣ французскимъ монахомъ *Гербертомъ*, тѣмъ самымъ, который, впоследствии, одѣлся папою, подъ именемъ Сильвестра II. Часы эти были безъ боя, и только триста лѣтъ спустя, до насъ дошли вѣстныя боевыя часы. Въ 1344 г., устроили въ Наудѣ первые боевые часы, которые были всякій часъ, а въ 1370 г., французскій король Карлъ V вынесъ изъ Германіи знаменитаго часовщика *Генриха Бико*, который одѣлъ первые большіе часы въ Парижѣ, поставилъ ихъ въ башнѣ королевскаго дворца. Въ Германіи, первыми породили движущіе боевые часы, былъ, кажется, Аугсбургъ; по крайней мѣрѣ, такіе часы находились въ немъ уже въ 1364 г.

Но всѣ эти часы были не совершенны, потому что не доставало имъ *маятника*, уравнивающаго постепенное развѣрчиваніе гири. Этихъ важнѣйш. открытій обязаны мы знаменитому флорентинскому естественному философу Галилею, (1564—1642), который, въ качествѣ папскаго учителя въ церкви, открылъ цѣлое ученіе о маятникѣ, наприимѣръ: что всѣ обороты маятника одинаковы по времени, что большая или меньшая быстрота движеній маятника зависитъ отъ его длины, и проч. Отъ этихъ открытій произошли и часы, такъ что самое незначительное сотрясеніе поддерживаетъ движеніе въ нихъ.

Этихъ порою наконецъ къ изобрѣтенію *карманныхъ часовъ*, которые всякій можетъ удобно носить при себѣ. Слава изобрѣтенія ихъ принадлежитъ нѣмцу *Петру Гелю*, часовщику въ Нюрнбергѣ, который, около 1560 г., одѣлъ первые карманные часы. Сначала они были чересъ чуръ велики, имѣли видъ ящика, и потому назывались *нюрнбергскими ящиками*. Но вскорѣ стали употреблять меньшіе размѣры,

болѣе удобной формы, а наконецъ достигли того, что цилиндрическіе часы помѣщались даже въ перстнѣ. Голландецъ Гюйгенсъ, жившій въ 17-мъ столѣтіи, много усовершенствовалъ карманные часы, которые, въ нынѣшнее время, сдѣлались такъ дешевы, что рѣдкій мальчишкѣ не носить ихъ въ карманѣ.

Всѣ упомянутыя выше и многія другія изобрѣтенія Нѣмцевъ даютъ право Германіи со славою занимать мѣсто на ряду другихъ державъ. Это убѣжденіе должно утѣшать нѣкоторымъ образомъ въ томъ, что другіе народы нерѣдко насмѣхаются надъ Нѣмцами, частію за ихъ непоколебимость, частію за то, что они отказываются быть Нѣмцами. Глубиною своего мышленія, стойкостію въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ задачъ, въ изобрѣтательности и въ искусствѣ, Нѣмцы могутъ поспорить со всѣми прочими націями.

ОТКРЫТІЯ.

1. ГЕНРИХЪ МОРЕХОДЕЦЪ.

1.

На Пиренейскомъ полуостровѣ, когда еще имѣли тамъ владѣнія Мавры, рядомъ съ двумя христіанскими государствами, Аррагоніей и Кастиліей, возникло изъ одной кастильской провинціи отдельное королевство, Португальское. Французскій принцъ *Генрихъ* помогаль испанскимъ христіанамъ въ войнѣ противъ Мавровъ. Въ благодарность за это, кастильскій король Альфонсъ VI далъ ему, какъ особое графство, прилосу земли между Мухо и Дувро, которая получила названіе Португалии отъ пристани *Cale* (*Porto Cale*). Постепенными завоеваніями у Мавровъ область эта была распространена до устьевъ рѣки Гвадианы. Препятствія Генриха навѣвались королями и храбро бились съ Маврами; но магманіи же Мавровъ съ полуострова, они и въ самой Африкѣ преслѣдовали этихъ наслѣдственныхъ враговъ своихъ: король Іоаннъ (1411 — 1433) переправился черезъ Гибралтарскій проливъ и ему удалось взять

сильную крѣпость Цейту, на африканскомъ берегу. Изъ гавани этого города предприняты были великія открытія.

Третій сынъ короля Іоанна, инфантъ *Генрихъ*, посвящалъ всё досуги свои наукамъ, особенно жѣ географіи и астрономіи. Жажда къ ученію заставила его покинуть дворъ, — онъ поселился въ южной части Португаліи, въ Логосѣ, близъ мыса св. Винцента. Оттуда недалеко до африканскаго берега, и инфанту сподручно было собирать разныя свѣдѣнія о сосѣдяхъ. Въ это время господствовало всеобщее стремленіе открыть морской путь въ Индію, въ эту страну, столь прославленную своимъ плодородіемъ и богатствомъ. Инфантъ Генрихъ думалъ, что можно, объѣхавъ Африку, достигнуть Юго-западной Азіи—вѣдь должна же эта часть свѣта имѣть гдѣ-нибудь коонецъ. Сохранилось отъ древнихъ временъ преданіе (см. часть I. Гл. 1), что нѣкогда Финикияне объѣхали всю Африку: но боялись несносной жары подъ экваторомъ, думали, что жара эта спалитъ всякаго, кто переплыветъ черезъ линію; притомъ разсказывалось о дикихъ, лютыхъ звѣряхъ, нападающихъ на корабли, объ огненныхъ потокахъ, объ илистой водѣ, густой какъ студень, въ которой вязли будто бы корабли. Такія сказки не допускали никакихъ попытокъ, оттого мореходцы продолжали еще держаться береговъ,—и хотъ компасъ былъ уже открытъ съ 1300 г., однако неохотно пускались въ открытое море.

Старательно развѣдывалъ Генрихъ отъ мореплавателей и купцовъ о западномъ берегу Африки. Собранныя свѣдѣнія поощряли его снарядить на свой счетъ нѣсколько судовъ и отправить ихъ для далѣкихъ открытій. Но головы первыхъ мореходцевъ слишкомъ еще были набиты всечеловѣческими страхами: при вступленіи въ открытое море, ужась одолѣвъ ихъ и они воротились, ничего не одѣлавъ, на что Генрихъ сильно прогнѣвался. Наконецъ, нашолъ онъ двухъ храбрыхъ рыцарей, которые дали ему слово возвратиться домой только тогда, когда откроютъ что-нибудь достойное вниманія. Пустились они въ путь и плыли все далѣе да далѣе, какъ разразилась буря и выбросила ихъ судно на маленький островъ *Порто-Санто*. Генрихъ приказалъ основать тамъ колонію, засѣять почву хлѣбомъ, засадить овощами, развести виноградники; кромѣ того, переселены были туда разныя животныя, которыя весьма размножились подъ этимъ прекраснымъ, благодѣтельнымъ небомъ: такъ од-

на сукотная самка кролика развела, въ нѣсколько лѣтъ, такое многочисленное потомство, что, не безъ основанія, стали опасаться, какъ бы не истребило оно всѣхъ мышей на островѣ.

2.

Часто, при ясной погодѣ, въ Порто-Санто видѣлись далекія туманныя горы на горизонтѣ, — и Генрихъ приказалъ плыть въ ихъ направленіи. Въ 1420 г., открыли островъ Мадеру, поросшій сплошнымъ, премучимъ лѣсомъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, никогда не бывала нога человѣка. Лѣсъ подожгли, и, говорятъ, онъ горѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ. И здѣсь Генрихъ основалъ колонію: онъ выслалъ туда разныхъ сѣмянъ, домашнихъ животныхъ, и приказалъ пересадить виноградныя лозы съ острова Кипра, а сахарный тростникъ изъ Сициліи; оба растенія превосходно принялись, въ почвѣ удобренной золою, подъ благораствореннымъ небомъ острова. До сихъ поръ, сахаръ съ острова Мадеры — самаго высокаго качества, хотя и мало его тамъ добывается; зато, вина вывозится оттуда въ Европу ежегодно до 30, 000 бочекъ. Большое количество этого жгучаго вина отправляется въ Восточную и въ Западную Индію.

Открытіе острова Мадеры еще болѣе ободрило принца; только мореплаватели его не совсѣмъ еще отдѣлались отъ прежняго страха. Вскорѣ Португальцы пристали къ находившимся недалеко отъ Мадеры Банарскимъ островамъ, извѣстнымъ уже древнимъ подъ именемъ „счастливыхъ острововъ.“ Они увидали тамъ нѣсколько огнедышущихъ горъ, а высокій Пикъ Тенерифскій испускалъ изъ себя густыя облака дыма. Мореплаватели пришли къ заключенію, что, вѣроятно, тутъ-то и находится огонь экватора; однако, не смотря на это, поплыли, они дальше въ открытое море — и, въ 1432 г., открыли Азорскіе острова, лежащіе на полпути изъ Португаліи въ Америку и отстоящіе на 200 миль отъ берега. Эти острова были совсѣмъ безлюдны, — только, въ 1449 г. поселились на нихъ первые жители. Нынѣ они изобилуютъ хлѣбомъ, виномъ и снабжаютъ припасами португальскіе и испанскіе корабли, идущіе въ Америку и въ Остиндію.

Между тѣмъ, мореплаватели не ходили еще южнѣ Камарскихъ острововъ, потому что къ западу находится мысъ, вдающійся въ море: мысъ этотъ долго считался границей міра и назывался мысомъ *Нономъ*. Здѣсь находятся въ морѣ страшные водовороты, здѣсь самымъ смѣлымъ морякамъ есть отчего призадуматься. Однако, мужественный, разумный кормчій Гильанецъ отважился попытать счастья; первыя попытки его были неудачны; наконецъ направилъ-таки онъ бѣгъ своего корабля далѣе въ открытое море и удалось ему (въ 1433) объѣхать опасный мысъ Нонъ, которому, оттого, пережѣнили названіе и прозвали его мысомъ *Боядородомъ*, т. е. объѣханнымъ мысомъ. Это событіе возбудило всеобщее вниманіе и доставило великую радость инфанту Генриху, не смотря на то, что берегъ по ту сторону нашли пустымъ и необитаемымъ. Оттуда добывали только кожи моржей и тюленей.

Христіанскіе мореплаватели хотѣли видѣть въ жителяхъ африканскаго берега враговъ христіанства. Людей этихъ они убивали, грабили, уводили въ плѣнъ. Эти разбойничьи подвиги подали поводъ къ торговлѣ Неграми. Въ 1442 г., въ первый разъ видѣли въ столицѣ Португаліи, Лиссабонѣ, чернокожихъ людей, съ толстыми губами и волнистыми волосами: они захвачены были въ плѣнъ по сосѣдству отъ золотосной рѣки. Несчастные предлагали золотой песокъ въ выкупъ за свободу. Этого именно и добивались алчные европейцы. Тогда возникло всеобщее стремленіе къ путешествіямъ; жажда золота гнала на корабли людей, которые иначе никогда не рѣшились бы проникнуть за предѣлы извѣстнаго въ то время міра: Венеціанскіе и генуэзскіе купцы снаряжали суда; — всѣ желали открывать новыя страны съ золотосными потоками. Когда же такихъ потоковъ не находили, — захватывали въ полонъ Негровъ.

Около 1440 г., Португальцы достигли рѣки Сенегала. Тамъ, въ первый разъ, нашли они Негровъ, дикихъ язычниковъ; Негры, встрѣчавшіеся имъ на сѣверѣ, были магометане. Близъ устья рѣки Сенегала, находится Зеленый Мысъ, а передъ нимъ, лежатъ десять острововъ, которые были названы островами Зеленаго Мыса. Туда прибыли Португальцы въ 1447 г. Эти острова гористы, но воздухъ на нихъ такъ тепелъ, что низины покрыты вѣчно-зеленѣющими деревьями. Португальское правительство

недостаточно обработаны и, поэтому они мало обработаны и почти бесполезны. Въ 1482 г. открыли берегъ собственно Гвинеи; достигли страны, лежащей подъ экваторомъ и страшившей столь многихъ: однако, никѣмъ не съего таинственной. Тамъ нашли много золота, слоновой кости, воска и другихъ дорогихъ товаровъ, такъ что, съ слѣдующаго же года, путешествія въ Африку весьма усилились.

Великія эти открытія, отъ Порто-Санто до Гвинеи, на протяженіи 500 миль, обмѣнены на инфанту Генриху. Хотя самъ онъ не ходилъ въ море, однако все поименованнаго путешествія были предприняты по его предначертаніямъ. Какъ долженъ былъ онъ радоваться, види, что предначертанія эти увеличались такимъ успѣхомъ! Онъ положилъ основаніе величію и силѣ небольшого Португальскаго королевства, которое, одно время, было самымъ вѣстунимъ, самымъ могущественнымъ торговымъ государствомъ въ цѣлой Европѣ.

2. Бартоломео Диашъ и Васко де Гама.

Но смерти Генриха Мореходца, остылъ нѣсколько жаръ къ открытіямъ, потому что, на первый разъ, всѣ были вполне удовлетворены золотымъ несомнѣннымъ въ Гвиней. Но въ 1481 г., на престолъ Португаліи вступилъ король Юаннъ II, который принялся за планы Генриха и съ большими рвеніемъ, продолжалъ ихъ. Онъ заложилъ на берегахъ Гвинеи колоніи и крѣпости и послалъ оттуда корабли для важнѣйшихъ изслѣдованій. Мореплаватели его прошли еще 300 миль на югъ, за экваторъ, и были обрадованы тѣмъ, что Африка не только не расширяется къ югу, какъ было показано на старыхъ картахъ, но напротивъ, постепенно суживается къ юго-востоку. Тогда жилось, чѣмъ когда-нибудь, возникла надежда достигнуть южной оконечности Африки, объехать всю добраться моремъ до Остиндіи. Слѣдующій *Бартоломео Диашъ* отважился на эту попытку, онъ плылъ все далѣе на югъ, открылъ въ немъ 200 миль новыхъ земель и, въ 1486 г., благополучно достигъ южной оконечности Африки, гдѣ вооружилъ якорь. Но солдаты и матросскаго думали, что пришло время сдаться, что если дальше плыть, то не минуешь погибели; къ тому же разыгрались сильныя бури, которыя и были очень обыкновенны въ этихъ широтахъ: доблестный Диашъ принужденъ былъ

возвратиться въ Лиссабонъ. Онъ называлъ южную оконечность Африки Бур-
ный Мисонъ. Но получивъ радостное вѣстіе, король Іоаннъ вскра-
селся, и въ этотъ мигъ мы назвали мисонъ *Доброй Надеждой*.
Названіе это, по праву, осталось господствующимъ, ибо, сверхъ ожида-
нія, исполнились надежды Іоанна.

Въ это же самое время, король Іоаннъ послалъ къ королю Абиссиніи,
о существованіи котораго жакъ-то иривѣдалъ, двухъ отважныхъ людей,
хорошо знавшихъ по арабски: они должны были употребить все стараніе,
для заключенія съ нимъ торговаго договора. Они отплыли въ
Средиземному морю въ Каиръ, а оттуда, съ караваномъ, въ Адену, на
Чермное море. Тамъ они разстались. Одинъ изъ нихъ отправился въ Абис-
синію, а другой не дерзнулъ, убитъ; другой отплылъ въ Индію, увидавъ соб-
ственными глазами прекрасную страну, посетилъ Каннурту и Гаю и
благополучно возвратился въ Португалію. Онъ не находилъ словъ для
описанія всѣхъ богатствъ Индіи. Разказы его поощрили Португальцевъ
къ отысканію прерванаго пути въ эту благословенную страну. Между-
тѣмъ, умеръ Іоаннъ. Преемникъ его, король Эммануилъ, снарядилъ че-
тыре корабля, отдалъ имъ подъ начальство отважному мореходцу *Васко де Гама*, и велѣлъ ему попытаться — нельзя ли объѣхать кругомъ Афри-
ки? Васко де Гама не робѣлъ нисколько, — не танго было предпріятіе: дун-
да у аго Эшпаага, состоящаго изъ 160 человекъ, они ожидали не ма-
лонецъ смерти, а жостомъ и молитвой притворялись, изъ щей: бито. (пола
1497гг.), флотъ высудилъ поутъ полыми парусами. Васко де Гама при-
былъ къ мысу Доброй Надежды въ самое неблагоприятное время года:
страшныя бури ежеминутно угрожали потопить его суда въ морскоѣ пу-
чине. Но, лица провантъ, дла Гама, было отчаяніе: него матросовъ, которое
на единъ разъ собирались выбросить за борть виновныхъ: оного: ихъ
положенія. Но Васко де Гама оставался непоколебимо твердъ и спокоенъ;
схвативъ его, преземокла, въ общасности, мятежныхъ моряковъ, оныхъ да-
тоналы въ дѣлѣ, фсамъ сталъ у кормила. Наконецъ, 20 января, при по-
путномъ вѣтрѣ, обогнулъ мысъ. Однако, Васко де Гама не тотчасъ пустился
въ открытое море, а двинулся впередъ по восточному берегу Африки, въ
томъ предположеніи, не удастся ли тутъ найти, набуды, оцѣдѣнія, юбъ
Индія. Намъ дальше плыть: оны на вѣвры, проходя мимо страны Готтен-
тольдъ, подошъ Карентинагомыса, вдоль по берегу *Содба* мы, тѣмъ, большае

находить слѣдовъ благосостоянія и сношенія съ Индіею. Въ мартѣ 1498 г., онъ вступилъ въ *Мозамбическій проливъ*, и въ первый разъ увидѣлъ тамъ парусныя суда. На судахъ этихъ не было ни одного гвоздя; доски связывались бичевками; а эти бичевки дѣлались изъ волоконъ коры кокосоваго дерева, которыми тоже конопатились суда: паруса были сдѣланы изъ паничовыхъ шельми; на дѣлоторахъ изъ большихъ судовъ находились карты и компасы. Португальцы нашли тамъ не только индійскія произведенія: шелкъ, жемчугъ, привозимыя ною — магометаны, которыми вывозили товары эти въ Аравійскому манию. Теперь Португальцы убѣдились, что достигли цѣли своего путешествія. Тамъ дополнивъ нотою до *Меланду*, по самой экваторіальной линіи. Тамъ были они приняты ласково; сдѣланы морисовъ, уже нѣколько разъ бывшихъ въ Индію, и процѣль въ 500 миль черезъ океанъ; 19 мая 1498 г., сталъ шмъца якорь въ *Индюутиемской* гавани, на Малабарскомъ берегу. Наконецъ достигли цѣли путешествія и сѣбѣхъ предпріятій — благословенной Индіи. Но вскорѣ Португальцы сознали, что съ тремя кораблями (четвертый сгорѣлъ у нихъ на дорогѣ) невозможно имъ дѣлать завоеваній; что не только начать и торговлю кокошечниками, стеклянными бусами, выдурками блестящими (бездѣлными) Индійскими, но и не вѣдомыми Нотра, они только могли дѣлать благосостоянію, и имѣли города, мануфактуры, занимались торговлею земледѣліемъ; король имъ былъ окруженъ блестящими и рѣдкими нитомъ. Одинъ туземный купецъ, проживавшій въ Маджугутѣ, по торговѣ дѣлакъ, и очень обрадовался, что тамъ неожиданно встрѣтился Еврепейцамъ, и охотѣе обшариваться съ ними. Но испанскій Васко де Гама предостерегъ *Индюутиемскую* королю, ханкутторку, и цѣль уже основательная надежда на заключеніе съ цари выдѣлать торговаго договора, когда вышлалъ въ это дѣло магометана. Онъ спѣшилъ, чтобы еврейцы не охотились у нихъ, а въ выгоды отъ торговли, и навѣсти на Португальцевъ, и одержать, и будучи охотѣе торговать. Могутъ, а дѣлать, съ спасеными дѣлами, рѣдкими страна; король Фетедъ Васкоу, рѣшилъ посадить въ тюрьму навязчивыхъ чужеземцевъ Васко де Гама, и оудить ономъ и славу, и бѣдному нѣмъ оудитъ. Оны, поспѣшно, поплыли въ Меланду, и оттуда, для выдѣла, Доброю Надеждою, развѣдывать Европу. 14 сентября 1498 г., въ благословенно ошаривъ, и рѣдкими нитомъ, сдѣ-

ить, въ устье Таго, — совершилъ самое дѣло и самое трудное, кое по-
блѣнилъ мореплаванія, морское путешествіе: онъ, онъ одинъ, онъ одинъ
первый открылъ этотъ морской путь въ Атлантическій океанъ, въ
океанъ, въ океанъ. **Въ Мартинъ Бегаймъ**, бывшаго въ то время
въ Португаліи, — описавшаго этотъ морской путь, —
— Рассказывая исторію открытій и сдѣланныхъ Португальцами и Испан-
цами, мы не хотимъ позабыть о доблестной и смелой личности, Бегаймъ,
котораго императоръ Максимилианъ считалъ за гражданина германской
имперіи, совершившаго самое далекое путешествіе. Мартинъ Бегаймъ
происходилъ отъ знатной нюрнбергерской фамиліи. Съ молодости онъ обу-
чался торговлѣ сукномъ; лавъ купецъ, желая посмотреть на бѣлый
свѣтъ, и въ некоторое время былъ приказникомъ въ Зальцбургѣ и въ авст-
рійскихъ владѣніяхъ. Оттуда отправился онъ, въ 1457 г., въ Венецію. Въ
1477 г., онъ находился въ Мехеленѣ, въ улуменіи князя Лоріуса
фанта Дорфа; и ѣздилъ по дѣламъ его на франкфуртскую ярмарку; посѣ-
щая также и нидерландскіе торговые города: Антверпенъ, Гентъ,
Брюгге, и проч. Тогда черезъ четыре, онъ отправился въ Португалію. Въ
это время, всѣ Португальцы, принадлежавшіе къ купечеству, бредили
новыми торговыми путями и открытіями; поспешному, и Мартинъ Бе-
гаймъ поддавшись всеобщему увлеченію, онъ участвовалъ во многихъ мор-
скихъ путешествіяхъ, совершенныхъ вдоль берега Африки. Зная хорошо
математику, онъ скоро отличился отъ толпы мореплавателей; король
Иоаннъ II избралъ его, вмѣстѣ съ некоторыми другими смѣлыми людь-
ми, для исправленія астролябіи на палубѣ мореплаванія. Показанія доста-
вали почести Бегайму; въ 1485 г., король португальскій торжественно
посвятилъ его въ рыцари, причемъ герцогъ Эммануиль, наследникъ пре-
стола, застегнулъ ему правую шпору. Сами же король и князь его ме-
чоты. После того, Бегаймъ поселился на Файаль, одномъ изъ Азорск-
ихъ острововъ, гдѣ поселилась фламандская колонія, начальникомъ кото-
рой рыцарь Робертъ фонъ Моэраркенъ былъ уже давно съ нимъ другомъ.
Бегаймъ женился на его дочери и дѣлъ его койкою пришло, въ томъ
же здоровомъ климатѣ острова. Но пожелавъ еще пенсировать, увидать родную и пожелавъ
всѣмъ своимъ благамъ, благополучно прибывъ въ Нюрнбергъ онъ, бѣло
году прогостилъ тамъ у родныхъ и своихъ. Легко вообразить съ какою

удивленіемъ чуждые граждане древняго имперскаго города; въ особенности же достопочтенныя даймоны и тетуны, смотрѣли на Бегайма и осыпали вопросами этого челоѣка, который хвастался, что видѣлъ „третью часть земнаго шара.“ Онъ рассказывалъ много любопытнаго о разныхъ странахъ свѣта, — что и подало поводъ нюрнберцамъ просить Бегайма нарисовать имъ на память земной шаръ. Въ угоду имъ, Бегайма выточилъ деревянный шаръ въ 1 футъ 8 дюймовъ въ поперечникѣ, оклеилъ его пергаментомъ и нарисовалъ на немъ всѣ видѣныя и невидѣныя имъ страны; тутъ же написалъ онъ красными и черными чернилами всѣ диковины, какія зналъ про нихъ. Глобусъ этотъ до сихъ поръ хранится въ Нюрнбергѣ и служить доказательствомъ, что Бегайма не имѣлъ яснаго понятія объ Индіи, Китаѣ, Японіи и др., а украшалъ только, во вкусъ своихъ современниковъ, баснословныя разсказы Птолемея и Плинія и нѣкоторые болѣе достовѣрныя — Марко Поло. Тамъ, гдѣ лежить Америка, онъ нарисовалъ огромную группу острововъ и подписалъ подъ нею толкованія въ родѣ слѣдующихъ:

Zanziber insula. Этотъ островъ, именуемый Занзиберомъ, имѣетъ 2000 миль въ окружности. Тамъ есть свой король, особый языкъ: жители поклоняются идоламъ. Эти жители — очень большіе люди; каждый изъ нихъ съ четырехъ нашихъ объемомъ, а иной постоятъ и пятерыхъ нашихъ. Они ходятъ нагіе, и всѣ черны, почти безобразны, съ большими длинными ушами, широкими ртами, большими страшными глазами, и руки у нихъ вчетверо больше рукъ прочихъ людей....“

Объ островѣ *Java* много написано между прочимъ:

„Въ королевствѣ Ямбри люди, — мужчины и женщины, — имѣютъ назади хвостъ, какъ собаки. Тамъ растетъ многое множество птицъ и живутъ разныя животныя: единороги и другія. Въ другомъ королевствѣ, Фанфарѣ, растетъ лучшая въ свѣтѣ камфора и продается на двѣхъ золота. Есть тамъ высокія пальмы, между древесною и жерой некоторыхъ съевъ превращается въ очень вкусную муку; Марко Поло пишетъ, въ свой третьей книгѣ, что пять мѣсяцевъ пробылъ на этомъ островѣ.“

О большомъ островѣ *Зипангу* (Японіи) находится длинное примѣчаніе:

„Тамъ находятъ множество чуждъ морскихъ, сирѣчь и другихъ рыбъ. Если кто пожелаеъ больше узнать объ этомъ чудномъ народѣ, о рѣдкостныхъ рыбахъ въ тамошнемъ морѣ и о животныхъ на сушѣ, тотъ

пусть прочтеть книги Циннія, Исидора, Аристотеля, Страбона, Srescula Vincenzi и другихъ учителей и проч. и проч.“

Далѣе:

„Островъ Бондусъ. На островѣ Бондусѣ св. Фома, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, претерпѣлъ мученіе.“

Такимъ образомъ весь глобусъ мелко описанъ. Очень интересно знать, что думали, во времена Колумба, о странахъ другаго полушарія. Все нижнее пространство великаго всемірнаго океана занято длиннымъ навѣстіемъ на то же нюрнбергско-нѣмецкомъ нарѣчіи объ изготовленіи глобуса. Въ заключеніи сказано дѣла...

Художество это и яблоко сооружено въ 1492 г., по Рождествѣ Христовѣ. Вышеупомянутый господинъ Мартинъ Бегайтъ завѣщаваетъ его въ честь и удовольствіе города Нюрнберга; пусть поминаютъ о немъ добромъ, послѣ того какъ онъ увидѣтъ доводъ къ супругѣ, живущей отсюда за 700 миль; тамъ имѣетъ онъ домъ и на островѣ тамъ думаетъ провести остатки дней своихъ.

4. ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ (РОД. 1447. УМ. 1506).

Въ то время, какъ горячка новизны открытій на морѣ охватила всѣхъ предприимчивыхъ людей, голоуподного оригинала и гениальнаго человека озарила мысль, исполненіе которой имѣло послѣдствіемъ открытіе четвертой, не подозреваемой до того, части свѣта. Замѣчательный человекъ этотъ былъ Христофоръ Колумбъ (*).

Онъ родился въ Генуѣ (1447), но около времени вступленія Іоанна II на португальскій престолъ переселился въ Португалію, и женился тамъ на дочери Бартоломея Перестрелло, капитана корабля, участвовавшаго во многихъ морскихъ путешествіяхъ, совершенныхъ, съ цѣлю открытій, при инфантъ Генрихѣ. Перестрелло сохранилъ тщательно отъ этихъ путешествій дневники, рисунки и карты. Позднѣе я любознательность Колумба пристрастившагого человѣка къ этому; къ тому же, (*). Португальская Чинальдо Колумбо, италянская Cristoval Colombo.

Колумбъ былъ уже извѣстенъ, какъ искусный мореходецъ, не имѣвший почти себя равнаго. Колумбъ происходилъ отъ знатнаго, но обѣдѣвшаго генуэзскаго рода; нужда, а также собственная охота, съ раннихъ поръ приучили его къ мореплаванію; а векомъ, убѣдившись, что, безъ геометріи, астрономіи, географіи и рисованія, придется навѣкъ остаться простымъ морякомъ, онъ, съ самаго дѣтства, по доброй своей волѣ, обратился къ наукѣ. Съ 14-го года отъ рожденія, онъ ознакомился съ моремъ, посѣщалъ лучшія гавани Средиземнаго моря и, какъ рассказываютъ, отправлялся съ Англичанами даже на китовый промыселъ въ Исландію.

Въ Португаліи, онъ ревностно перечитывалъ и сравнивалъ дневники своего тестя, и совершилъ самъ путешествіе на остр. Мадеру, на Азорскіе и Канарскіе острова. Мало-по-малу возникла въ немъ мысль, что можно достигнуть Индіи, плывя на западъ по открытому морю. Тогда уже знали, по крайней мѣрѣ, думали, что земля есть шаръ. На этомъ шарѣ, Индія лежала далеко на востокъ; по сказаніямъ древнѣйшихъ путешественниковъ, это была огромная страна, о восточной оконечности которой никто не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній. „Что знаетъ, думалъ Колумбъ, не лежитъ ли она близко къ Западной Европѣ? Если же не такъ, то нельзя ли достигнуть Индіи, направляясь прямо на западъ?“ Мысль эта казалась еще вѣроятнѣе оттого, что Португальскіе мореплаватели встрѣчали иногда на морѣ необыкновенныя тростники, искусственно-обработанное дерево, а разъ видѣли даже два трупа особой породы людей, — и все это плыло по морю отъ запада и прибывалось къ берегамъ Азорскихъ острововъ. Въ умѣ Колумба все болѣе и болѣе утверждалась мысль о близости Индіи къ западу Европы. Тесть Колумба и другіе свѣдущіе люди, которымъ изложилъ онъ свое мнѣніе, одобрили его; надо было только склонить короля къ плыванію смѣлаго мореходца. Однако, Колумбъ, какъ вѣрный сынъ своей родины, прежде всего, обратился съ предложеніемъ къ родной Генуѣ. Онъ просилъ нѣсколькихъ кораблей, для открытія новаго пути; но ему отказали съ насмѣшкой, какъ мечтателю. Тогда, конечно, ближе всего было ему искать помощи своего государя, Іоанна II. Король, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ совѣтниковъ, принялись разсматривать предложенія Колумба, но когда вдохновенный Колумбъ изложилъ сановникамъ всѣ свои мысли, они были на

столько нивки, что стали водить его двусмысленными отвѣтами, а втихомолку задували испытать его дѣло на собственную свою пользу. Португальскій король приказалъ наскоро снарядить нѣсколько судовъ и выслалъ ихъ съ другимъ мореходцемъ. Но человекъ этотъ не былъ перою, могшимъ совершить такое предпріятіе. После нѣсколькихъ дней плаванія на западъ, онъ возвратился и объявлялъ, что ничего и думать отыскивать тамъ землю.

Въ то время, когда Колумбъ былъ въ Испаніи.

2. КОЛУМБЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Огорченный и негодуя на португальскихъ министровъ, Колумбъ обратился къ испанскому двору. Въ Испаніи царствовали тогда *Фердинандъ Аррагонскій* и *Изабелла Кастильская*. Царственная чета передала предложеніе Колумба на разсмотрѣніе комитету ученыхъ, которые хоть и были честию португальскихъ сановниковъ, но показавши себя гораздо глупѣе ихъ. Это были все духовныя лица, вовсе несвѣдущія въ математику и морское дѣло, къ тому-жъ, Испанія не была дотогѣ морской державою, и Испанцы, въ бездѣйствіи, смотрѣли на открытія своихъ сосѣдей. Одинъ изъ духовныхъ совѣтниковъ думалъ, что если заплыть такъ далеко, то придется все глубже и глубже спускаться внизъ, такъ что, на возвратномъ пути, невозможно будетъ взобраться на водную гору. Другой говорилъ, что еслибъ оттуда можно было доставать что нибудь, то, навѣрное, древніе знали бы про то. Третій, соглашавшійся, на крайней мѣрѣ, что это дѣло возможное, утверждалъ что надо плыть до цѣли не менѣе трехъ лѣтъ; а четвертый, наконецъ, объявлялъ даже проектъ безбожнымъ и дерзкимъ.

Къ этимъ мудрымъ соображеніямъ духовнымъ, присоединился еще денежный недостатокъ и стѣсненныя обстоятельства Фердинанда и Изабеллы, по причинѣ ожесточенной борьбы съ Маврами, которые все еще держались въ южной Испаніи. Колумбу объявили, что, въ настоящее время, невозможно пускаться въ такія невѣрные, дорогостоящіе предпріятія. И этого рѣшенія бѣдный Колумбъ долженъ былъ дожидаться ровно пять лѣтъ!

Словно предвидя такой исходъ, Колумбъ, передъ отъѣздомъ въ Испанію, послалъ брата своего, Бартоломео, въ Англію, чтобы, если

можно, слышать, тамоньеров короля въ участіи въ этомъ предпріятіи. Но Бартоломео не давалъ себѣ вѣстои ни полуслова: Колумбъ не зналъ, что онъ попался въ руки въ морскихъ разбойниковъ. После многократныхъ, печальныхъ примечаній, Бартоломео прибылъ нищимъ въ Англію, гдѣ сначала принужденъ былъ саработывать себѣ деньги черченіемъ картъ для того, чтобы явиться ко двору въ приличной одеждѣ.

Колумбъ хотѣлъ уже уѣхать въ Англію, когда пріоръ монастыря *Рабиды*, гдѣ воспитывались его дѣти, подалъ ему, за нѣсколько дней до отъѣзда, другія мысли. Этотъ человекъ пользовался довѣріемъ Изабеллы и льстилъ себя надеждою, что рекомендаціи его могутъ послужить въ пользу. Дѣйствительно, Колумба пригласили ко двору, но война съ Маврами все еще продолжалась, и царя Фердинанда была пуста совершенно, а монахи и священники, вторично опрощенные, не понимали. Такъ протекло одно *три года*.

Наконецъ, стойкость Колумба утѣмлялась успѣхомъ. Мавры были побѣждены. Изабелла съ торжествомъ въступила въ столицу ихъ, *Гренаду*. Тогда друзья Колумба воспользовались счастливымъ событіемъ, чтобы склонить королеву къ исполненію великаго его предначертанія. Больше всего хлопоталъ за Колумба венецїанецъ, Арагонинъ *Сантъ-Антоніо*. Выразивъ истинно свое оное вынужденіе согласію у королевы, которая, судя по тому, что она сказала ему, что у ней вовсе нѣтъ денегъ на предпріятіе, — впрямую, она вынуждала заплатить свои драгоценныя вещи *Сантъ-Антоніо* предложилъ ей все свое состояніе, простиравшееся до 70,000 червонцевъ. Изабелла приняла ихъ самообращеніемъ, 17 апрѣля 1492, подписала договоръ съ Колумбомъ. Въ силу этого договора, Колумбъ назначенъ адмираломъ и всѣхъ морей и вице-королемъ всѣхъ земель и острововъ, какіе онъ открытъ. Дадъ, — уступился ему десятый процентъ со всѣхъ будущихъ доходовъ вѣн. привилегіи должны были принадлежать на достѣину его принца.

Радость была радости Колумба! Онъ поспѣшилъ въ *Палосу*, морскій портъ въ Андалузіи, гдѣ снаряжался маленный флотъ. Въ концѣ іюня, все было готово къ отплытію. Тамъ было много неграбительныхъ судна, изъ которыхъ два меньшихъ были просто большіе боты, составляли весь флотъ Колумба. Экипажъ состоялъ изъ 90 человекъ, между которыми

находилось много дворянъ, часть по доброй своей воле, часть по приказанію Изабеллы. Наканунъ отпавтія, весь экипажъ двинулся, въ торжественной процессіи, къ монастырю. Рабиды въ жаркихъ молитвахъ онъ поручилъ себя Богу и новымъ святымъ, исповѣдался, получить разрѣшеніе въ грѣхахъ и причастился Св. Таинцъ, — какъ подобаетъ благочестивымъ христіанамъ. и пошелъ въ отъ ...

3. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ БОЛУМБА (1492).

На слѣдующее утро, въ пятницу, 3-го августа 1492 г., передъ самымъ восходомъ солнца, въ присутствіи безчисленныхъ зрителей, възвѣнъ и восклицаніями провожавшихъ жителей, приключеній, флотилія отплыла съ пристани. Первые предѣлы въ натаплились въ добромъ расположеніи духа, потому что плыли по извѣстнымъ водамъ, въ направленіи къ Канарскимъ островамъ. Только когда сломался руль, бѣзавиднѣйшіе приняли это за дурное предзнаменованіе. Но острововъ достигли благополучно и остановились у одного изъ нихъ для починки судовъ.

6-го сентября, отплыли дальше, прямо на западъ, но въ извѣстномъ океану. Попутный вѣтеръ, дувшій до самого конца, благопріятствовалъ путешественникамъ — и уже на слѣдующій день земля исчезла изъ глазъ ихъ. Страшное положеніе для людей, впервые отрѣзанныхъ отъ сообщенія со всѣмъ живымъ, предѣльнымъ, на тобѣ какъ столетніе бременахъ и доскахъ, бушующимъ волнамъ, не выдающимъ передъ собой ничего промѣла неба да воды, увлекаемыхъ все дальше и дальше, Богъ знаетъ куда, подѣ предводительствомъ отчаяннаго удальца, который о нѣмъ путешествія знаетъ только то, что представила ему фантазія! Право, нельзя ставить въ вину самымъ отважнымъ изъ экипажа Колумбона флота, если и они начинали трепетать, если и они проливали слезы, который хладнокровно подвергалъ гибели 96 человекъ.

Между тѣмъ, спокойствіе Колумба внушало удивленіе и доверіе. Безъ устали, стоялъ онъ день и ночь на палубѣ, съ лотомъ и инструментами для наблюденій, спалъ весьма мало и занимался даже нѣкоторыми наблюденіями. Гдѣ замѣчалъ печаль и уныніе, тамъ онъ ласково ободрялъ, а ропщущихъ развеселялъ добрыми общаніями. Удивительно, какую власть приобрѣлъ онъ надъ жанами.

Но стрижь малолетнихъ возрастала съ каждымъ днемъ. Приближаясь къ чертѣ пассатныхъ вѣтровъ, суда полетѣли какъ изъ лука стрѣла, Боже! что будетъ съ нашими морями! Къ первому октябрю, суда промчались уже 770 морскихъ миль. Правда, Колумбъ убавлялъ нѣсколько разстояніе для спрашивавшихъ, но все не могъ ихъ утѣшить.

Извѣдка представлялись кое-какія надежды. Попадались птицы невѣдомыхъ народовъ; но не знали, что морскія птицы залѣтаютъ весьма далеко. Въ одномъ мѣстѣ море было покрыто такой густою зеленою травою, что она задерживала ходъ судовъ. Но черезъ нѣсколько дней, исчезли птицы и трава, — бѣдняки опять увидали себя, какъ бы заброшенными на безбрежномъ океанѣ. Боязнь ихъ превратилась въ отчаяніе. Самые робкіе яростно требовали вождя своего къ отвѣту, — они грозили выбросить его за бортъ, если тотчасъ же не воротится онъ назадъ. Еще разъ успокоилъ онъ ихъ своей ясной спокойной увѣренностію: онъ притворился будто весьма доволенъ сдѣланными успѣхами, будто имѣетъ основательную надежду скоро достигнуть цѣли.

Птицы снова показывались и исчезали; солнце восходило и заходило; суда, съ быстротою молніи, летѣли на западъ. Отчаяніе моряковъ не знаетъ болѣе границъ; они хотѣли наложить руки на Колумба. Одна мысль: кто поведетъ ихъ назадъ — удерживаетъ отъ преступленія. Колумбъ проситъ подождать еще три дня: коли въ теченіи этихъ трехъ дней земля не покажется, — онъ согласенъ воротиться. Не безъ сопротивленія, принимаютъ моряки это условіе.

Добрый ли геній внушилъ эту мысль Колумбу или открылъ онъ какіе-нибудь знаменія близости земли, — только на слѣдующій же день опущенный лотъ достигалъ уже дна; тростники и одностебловое дерево съ красивыми ягодами плыли въ направленіи къ Испанцамъ, земныя птицы садились на мачтахъ. Солнце только-что закатилось. Еще ничего не было видно: Колумбъ приказалъ свернуть паруса, чтобы, ночью, не наткнуться на подводные камни. За два часа до полуночи, замѣтили огонь въ отдаленіи. Земля! земля! раздавалось на судахъ. Всѣ бросились въ объятія другъ къ другу, всѣ рыдали, — и Колумбъ имѣлъ утѣшеніе видѣть у ногъ своихъ тѣхъ самыхъ людей, которые еще недавно угрожали его жизни. Послѣ перваго упоенія восторга, вспомнили о болѣе высокомъ долгѣ — и отъ души запѣли благодарственные хвалы Богу. Вся

ночь пришла въ изъясненіяхъ радости. Съ разсвѣтомъ, (пятница 12-го октября) Испанцы увидѣли передъ собою прекрасный, зеленѣющій островъ.

4. ГВАНАГАНИ. КУБА. ИСПАНЬОЛА.

Съ восхожденіемъ солнца, морехи сѣли въ лодки и, съ музыкой, съ распушенными знаменами, стали грести къ острову. На берегу собралось почти все населеніе туземцевъ, которые столько же дивились чуднымъ гостямъ, сколько и въ нихъ возбуждали удивленія. Они были совсѣмъ наги, имѣли красновато-мѣдный цвѣтъ кожи, черные, щетинистые волосы. Языкъ ихъ имѣлъ что-то несвязное, какъ бы звѣриное; они походили на стадо робкихъ серыхъ, — такъ боязливо, беззащитно, торопливо перебѣгали они туда и сюда. Испанцы сначала не знали, точно ли это люди.

Конечно, эти дикари все-таки были люди; но силы духа ихъ нисколько не были развиты. Ограниченные однимъ только островомъ, теплый климатъ котораго доставлялъ имъ въ изобиліи плоды, мѣсь и коренья маиса, они не были принуждаемы необходимостію заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ или охотой; имъ даже не зачѣмъ было заботиться о теплой одеждѣ, о постоянныхъ жилищахъ. На островѣ не было и большихъ звѣрей, въ борьбѣ съ которыми могли бы они упражнять свою силу, ловкость и хитрость. Отъ всего этого, островитяне были такъ слабы, что одинъ европейскій бульдогъ обращалъ въ бѣгство цѣлую толпу Индійцевъ. Впрочемъ, число этихъ людей было очень невелико: оттого не отнимали они нищи другъ у друга; ни у кого не было собственности; да и не соединены были они даже въ общество, а жили просто, какъ звѣри въ дубровѣ.

Болумбъ, въ богатомъ платьѣ, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, стоялъ на носу первой изъ лодокъ, которая пристада къ берегу: онъ хотѣлъ быть первымъ европейцемъ, ступившимъ на почву новаго свѣта. За нимъ послѣдовали другіе и, въ чувствѣ радости за спасеніе жизни, послѣ шестнадцатилѣтней смертной тоски на утлыхъ доскахъ, — бросились на колѣна и съ восторгомъ лѣдовали твердую землю. То была благодарственная жертва природѣ, другую жертву предписывала имъ религія.

они воздвигли престолъ и встали передъ нимъ благочестивыя молитвы. Послѣ того, Колумбъ принялъ островъ во владѣніе короля испанскаго, съ церемоніями, какія соблюдали Португальцы при открытіяхъ своихъ въ Африкѣ. Индійцы съ изумленіемъ смотрѣли на все это, и естественно—ничего ни понимали, такъ какъ и самое появленіе бѣлыхъ людей, въ одеждѣ, съ бородами, съ диковинною рѣчью и еще болѣе диковинными приѣмами, уже было для нихъ непостижимымъ.

Дикари называли свой островъ *Гвананани*,—такъ называется онъ и доселѣ. На картѣ онъ находится въ числѣ Багамскихъ острововъ. Колумбъ хорошо видѣлъ, что не найдешь тутъ сопровождѣнія Индій, и рѣшился плыть дальше. Индійцы, замѣтившіе алчность европейцевъ къ маленькимъ, золотымъ монетамъ, какія носили они, для украшенія, въ носу и въ ушахъ, указали имъ на югъ. Во время этого путешествія, проплыли мимо нѣсколькихъ плоскихъ острововъ и, наконецъ, открыли большой островъ, который взятые на суда Индійцы называли *Кубой*; на первый разъ, Колумбъ принялъ его за материкъ Индіи. Онъ присталъ къ берегу, вездѣ на немъ нашелъ такую роскошную растительность, такую красоту мѣстоположенія, которымъ нельзя было довольно удивиться; но нигдѣ не было и слѣда обработки. Толпы нагихъ людей, также звѣроподобно и робко, какъ и на Гвананани, бѣгади взадъ и впередъ, и, казалось, не заботились ни о золотѣ, ни о хлѣбѣ. Когда показали имъ золотыя монеты, они закричали *Гаити* и указали на востокъ. Колумбъ послѣдовалъ ихъ указанію—и, 6-го декабря, прибылъ на островъ Гаити, который назвалъ Испаньолой (т. е. Малой Испаніей). Этотъ островъ называли также *Санъ-Доминго*.

Испанцы нашли тамъ все ту же прелесть мѣстоположенія, то же плодородіе почвы, ту же добродушную, слабую породу людей, которые не знали одежды, не имѣли понятія о трудѣ. Эти островитяне были, однако, раздѣлены на нѣсколько племенъ, и каждое изъ нихъ состояло подъ начальствомъ *Каирика* или вождя. Одного изъ этихъ каириковъ четверо Индійцевъ носили на носилкахъ; впрочемъ, онъ былъ нагъ, какъ и остальные. Знаками онъ растолковалъ Испанцамъ, что иногда, въ выдолбленныхъ изъ дерева лодкахъ (канотахъ), заходятъ къ нимъ враги съ соседнихъ (открытыхъ, въслѣдствіи, Барбадскихъ) острововъ, враждебно нападаютъ на его народъ, а взятыхъ плѣнниковъ увлекаютъ къ

себѣ и тамъ помирають. Колумбъ содрогнулся. Такъ какъ и прежде онъ имѣлъ намѣреніе основать на Гаити поселеніе, то далъ понять кацикъ, что хочетъ построить у него крѣпостцу и оставить въ ней нѣсколько людей изъ своихъ спутниковъ. Дикари поняли его намѣреніе и обрадовались, какъ дѣти. Съ любопытствомъ, смотрѣли они на испанскихъ плотниковъ и сами помогали таскать лѣсъ. Всѣ золотыя кольца свои они съ радостію отдавали за стеклянныя бусы, за бубенчики и булавы. На вопросъ о мѣсторожденіи золота, они опять указали на югъ.

Между тѣмъ, обстоятельства уже не допускали Колумба дѣлать дальнѣйшія открытія: одно изъ судовъ его разбилось о скалы, на другомъ командиръ донъ Пинсонъ удалился тайкомъ для отысканія въ свою пользу золотоносной страны. У Колумба оставался одинъ только корабль, и то самый маленький. На нещѣ онъ рѣшился возвратиться въ Испанію, прежде чѣмъ предупредить его тамъ донъ Пинсонъ. Въ невопостроенной крѣпостцѣ, названной Навидадомъ, Колумбъ оставилъ 38 Испанцевъ, далъ имъ мудрые совѣты и наказалъ крѣпко обращаться съ Индійцами, — а съ остальными спутниками и нѣсколькими Индійцами пустился опять въ море (14-го декабря 1493.)

5. ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ (1493 г.)

На третій день обратнаго пути, Колумбъ настигъ уже вѣроломнаго Пинсона, который ничего не открылъ и хотѣлъ пробраться въ Европу, чтобы, первому, доставить туда вѣсть объ успѣхѣ экспедиціи. Одинъ видъ Колумба поразилъ негодня: онъ хотѣлъ-было оправдать свой поступокъ выдуманными предлогами, но великій человѣкъ избавилъ его отъ униженія: онъ увѣрилъ его, что все уже позабылъ.

Вскорѣ потомъ страшная буря угрожала потопить смѣлыхъ моряковъ и уничтожить навсегда слѣды ихъ великихъ открытій. Экипажъ, съ трепетомъ отчаянія, ждалъ гибели плохихъ судовъ, одинъ Колумбъ сохранилъ присутствіе духа. Онъ наскоро написалъ на пергаментѣ извѣстіе о своемъ открытіи, тщательно уложилъ его въ боченокъ и бросилъ въ море. Но судьба доставила ему самому удовольствіе возвѣстить о великомъ своемъ подвигѣ. Небо прояснилось, — и 15 января, около вечера, увидали землю. То была Санта-Марія, одинъ изъ Азорскихъ острововъ.

Тамъ принуждены были простоять около шести недѣль, для исправленія сильно пострадавшихъ судовъ. На послѣднемъ перѣздѣ, новая буря, загнала Колумба въ устье рѣки Таго (4 марта), такъ что онъ принужденъ былъ явиться въ Лиссабонъ. Молва предшествовала ему. Король Іоаннь II португальскій захотѣлъ самъ переговорить съ нимъ и очень раскаялся, что не послушалъ, десять лѣтъ тому назадъ, сѣлаго Колумба.

Наконецъ (15 марта), Колумбъ вступилъ въ гавань Палось. Съ кликами восторга, встрѣтила его любопытная толпа народа, семь мѣсяцевъ тому назадъ смотрѣвшая на отплытіе его съ того же самого мѣста. Звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, чуть не задушили Колумба въ объятіяхъ, когда, какъ благочестивый христіанинъ, пошелъ онъ, съ спутниками своими, къ Рабитскому монастырю. На ту пору, дворъ находился въ *Барселонѣ*: поэтому, Колумбъ проѣхалъ по всей Испаніи, какъ бы въ триумфѣ, и имѣлъ торжественный вѣздъ въ Барселону. Фердинандъ и Изабелла сидѣли на тронѣ; герой приклонилъ предъ ними колѣно, принесъ имъ присягу въ вѣрности и отдалъ вѣрный отчетъ во всемъ, что видѣлъ и что съ нимъ случилось. Его осыпали почестями и похвалами, а въ знакъ особенной милости, возвели въ званіе дворянина.

Молва объ открытіи новаго свѣта, въ тысячу кратъ увеличенная, пронеслась по всей Европѣ; но живѣйшій интересъ возбудила она въ самой Испаніи. Въ скоромъ времени, нашлось около 1500 человекъ, желавшихъ участвовать во второмъ путешествіи, предпринятомъ съ цѣлью открыть собственно золотonosныя страны. Король снарядилъ 17 кораблей и послалъ на нихъ ремесленниковъ и рудокоповъ; а Колумбъ озаботился взять съ собою европейскихъ животныхъ и растений, которыя, какъ онъ надѣялся, должны были превосходно разводиться на плодосныхъ островахъ.

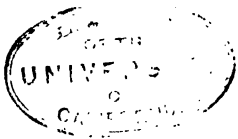
Напередъ было испрошено соизволеніе папы, который не приминувъ подарить испанской коронѣ всѣ страны, какія будутъ открыты. Когда же Португалія начала возражать противъ этого, папа ограничилъ дары свои землями, лежащими по ту сторону линіи Меридіана, мысленно проведенной имъ сначала на 100, а потомъ на 300 миль западнѣ крайнихъ Азорскихъ острововъ, отъ одного полюса къ другому. Все, открытое по сю сторону Меридіана, должно было принадлежать Португаліи. Поэтому, въ послѣдствіи, Бразилія сдѣлалась собственностью Португаліи.

6. Второе путешествие Колумба (1493).

На этотъ разъ флотъ выступилъ (25 сентября) изъ Бадикской пристани и направился болѣе на югъ. 22 ноября, достигли первого карибскаго острова, который Колумбъ назвалъ *Дескада*, а затѣмъ, были открыты, одинъ послѣ другаго: *Доминика*, *Марисалантъ Гваделупа*, *Антига*, *Порторико* и проч.: на всѣхъ этихъ островахъ нашли враждебныя племена и многіе слѣды людоедства.

Заботы о новооснованной колоніи повели Колумба на Испаньолу, куда онъ прибылъ 22 ноября. Но къ ужасу своему, онъ не нашелъ ни колоніи, ни крѣпостцы. Безчеловѣчное обращеніе Испанцевъ съ добродушными Индійцами вооружило послѣднихъ къ справедливой оборонѣ: они умертвили всѣхъ своихъ притѣснителей, разрушили крѣпость и скрылись во внутренность острова. Тогда Колумбъ рѣшился основать колонію на болѣе удобномъ мѣстѣ и, съ истиннымъ восторгомъ, заложилъ первый городъ въ новомъ свѣтѣ; въ честь королевы, онъ назвалъ его *Изабеллою*. Но тутъ началось сцѣпленіе несчастій, во всю жизнь преслѣдовавшихъ великаго человѣка. Изъ всѣхъ 1500 спутниковъ не болѣе трехъ человѣкъ не проклинали Колумба. Они считали, что не затѣмъ явились въ Индію, чтобы воздѣлывать поля, разрабатывать дикія страны, терпѣть недостатокъ во всѣхъ удобствахъ цивилизованныхъ государствъ: кто хотѣлъ обогатиться тяжкимъ трудомъ, тому, по ихъ мысли, не зачѣмъ было и покидать Европы.

Положеніе Колумба, точно, было нехорошо. Король ожидалъ скоро получить первый корабль, нагруженный золотомъ. Правда, на Испаньолѣ находили много золотого песку, — но съ какимъ трудомъ надо было отыскивать его и какъ мало приносило это занятіе! Для удовлетворенія короля и своихъ товарищей, благородный Колумбъ былъ вынужденъ поработить бѣдныхъ дикарей, наложить на нихъ дань золотомъ и хлопчатой бумагою. Какъ злополучные рабы, Индійцы должны были отыскивать золотой песокъ; когда же, воодушевляемые врожденной любовью къ свободѣ, они хотѣли сопротивляться, — въ нихъ стрѣляли изъ пушекъ, травили этихъ глѣхъ бѣдняковъ большими собаками, — и пришлось имъ поклониться своимъ притѣснителямъ.

Между тѣмъ, Колумбъ, слѣдуя указаніямъ Индійцевъ, опять отправился на югъ, объѣхалъ на судахъ Бубу и отыскалъ Ямайку. Тамъ онъ заботѣлъ. Съѣстные припасы выжили у экипажа, — и достигнувъ, съ неслыханнымъ трудомъ, Испаньолы, онъ нашелъ здѣсь полный мятежъ. Испанцы опять стали обращаться безчеловѣчно-жестоко съ Индійцами. Индійцы же уничтожили посѣвы манса и маниока. Многие недовольные возвратились въ Испанію. Вскорѣ явился испанскій придворный, съ большимъ полномочіемъ, и началъ изслѣдованіе — и передъ нимъ, въ чемъ хотѣли, въ томъ и обвинили Колумба. Но Колумбъ, столько же изъ негодованія на дерзость этого придворнаго, сколько и изъ желанія предупредить его дѣйствія, передалъ начальство брату своему, Бартоломео, а самъ неспѣшно отправился въ Испанію (1494). Тамъ онъ нашелъ, что злые люди очернили его и, хотя, на этотъ разъ, присутствіе его разсѣяло клевету, однако, цѣлыхъ два года медлили снаряженіемъ флота для новаго путешествія, да и тутъ, когда Колумбъ отправился въ это путешествіе, — дали ему только нѣкоторое число грубыхъ преступниковъ.

7. ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ КОЛУМБА (1496).

Въ третье путешествіе свое, Колумбъ направился еще далѣе на югъ и, можетъ быть, достигъ бы Бразиліи, еслибы безвѣтріе и палачій зной подъ экваторомъ не принудили его обратиться на западъ: всѣ бочки съ виномъ и водою начали трескаться, а съѣстные припасы — портиться. Такъ прибылъ онъ на островъ *Тринидадъ*, при устьѣ рѣки Ораноко, быстрота и сила теченія которой чуть не разбили суда его о скалы. По громадности этого потока, Колумбъ заключилъ, что онъ выходитъ не изъ острова, а приблизившись къ берегу, — на дѣлѣ удостоверился, что достигъ материка. Но не находя вѣроятнымъ, чтобы материкъ этотъ находился въ связи съ Индіей (Восточною), онъ предположилъ, что гдѣ-нибудь найдется проходъ: этотъ проходъ и былъ открытъ дѣйствительно, но не тамъ, гдѣ искалъ Колумбъ, а гораздо юнѣе, при самой оточечности новой части свѣта.

Белѣанъ Колумба и рапортъ экипажа принудили, на этотъ разъ, адмирала отправиться въ Испаньолу. Но и тамъ мало чему было радоваться. Братъ его, Бартоломео, съ нѣкоторыми изъ своихъ людей, отправился

на другую сторону острова, для основанія новаго поселенія, Сан-Доминго. Между тѣмъ, одинъ испанскій дворянинъ взбунтовалъ своихъ земляковъ противъ обоихъ наѣзтниковъ, обвинивъ Колумба будто онъ щадить Индейцевъ съ намереніемъ — поработить Испанцевъ. Не слѣдуетъ довѣрять генуэзцу! Мятежники захватили для себя три корабельныхъ груза съ съѣстными припасами, и Бартоломео, съ товарищами, чуть не умиралъ съ голоду на другомъ концѣ острова. Вотъ какое положеніе дѣлъ засталъ Колумбъ! Трудно было ему бороться съ мятежомъ — только сила ума спасла его отъ рукъ убійцы. Онъ отправлялъ королю самыя вѣрныя донесенія о положеніи дѣлъ, но и враги его посылали цѣлыя груды обвинительныхъ противъ него актовъ, а клеветы эти легко находили доступъ у подозрительнаго короля. Наконецъ, король послалъ знатнаго и вѣстолюбиваго испанца, Франциско *Бовадиллу* для изслѣдованія дѣла по обоюднымъ жалобамъ, съ тѣмъ, что если доносы на Колумба окажутся справедливыми, то смѣнить его и занять его мѣсто.

Прибывъ въ Испанію, Бовадилла, безъ всякихъ изслѣдованій, наложилъ запрещеніе на домъ и на имущество Колумба, приказалъ всѣмъ и каждому признавать начальникомъ его, Бовадиллу, и послалъ Колумбу, отъ имени короля, заранѣе изготовленную отставку. Затѣмъ уже, онъ открылъ судебныя засѣданія, вызывая всѣхъ приносить жалобы на Колумба и даже поощряя обвинителей. Въ этихъ обстоятельствахъ, Колумбъ явилъ то спокойствіе, ту умѣренность, которыми такъ часто спасалъ вѣрныя ему люди отъ смертной опасности; онъ все перенесъ терпѣливо и требовалъ только, чтобы и его выслушали. Но не допустивъ его до себя, Бовадилла приказалъ заковать въ цѣпи обоихъ братьевъ Колумбовъ и на разныхъ корабляхъ отправить въ Европу. Многіе честные Испанцы не могли выносить вида этихъ цѣпей. Какъ скоро суда нѣсколько отделились отъ твердой земли, капитанъ корабля почтительно подошелъ къ Колумбу и хотѣлъ снять съ него цѣпи. Но Колумбъ не допустилъ до этого: онъ хотѣлъ, чтобы вся Испанія видѣла, какъ награждать король человека, открывшаго Новый Свѣтъ. Видъ Колумба, обремененнаго цѣпами, возбудилъ въ Испаніи всеобщее негодованіе. Фердинандъ и Изабелла устыдились и тотчасъ приказали снять цѣпи съ Колумба, а королева послала ему даже денегъ, чтобы онъ могъ пристойно явиться ко двору. Молча, но съ видомъ оскорбленной доблести, повер-

ля Колумбъ у ступеней трона. И на этотъ разъ, правительство не забыло увѣрить Колумба въ милостивомъ расположеніи и даже созналось въ совершенной ошибкѣ; наконецъ, и Бовадилья былъ отставленъ, — но о контрактѣ съ Колумбомъ и не упоминалось вовсе, напротивъ того, посланъ былъ нѣмѣстникомъ, въ возмѣну нѣкто Овандо (2500). Съ негодованіемъ, Колумбъ оставилъ дворъ, повсюду возилъ съ собою свои цѣпи и завѣщанъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, положили ихъ и въ гробъ съ нимъ.

8. Четвертое путешествіе Колумба (1502).

Но вскорѣ проснулась въ душѣ Колумба прежняя страсть къ путешествіямъ и въ особенности желаніе отыскать предполагаемый проходъ въ Индію. Онъ опять явился ко двору просителемъ. Фердинандъ, завидовавшій открытіямъ Португальцевъ въ Индіи, далъ Колумбу четыре плохихъ корабля, съ которыми онъ и отплылъ изъ Кадикса (9 мая 1502). Съ первыхъ же недѣль, одинъ изъ кораблей получилъ течь, и это принудило Колумба, плыти на Испаньоду, которую онъ такъ желалъ миновать. Враждебно къ нему расположенный, Овандо не дозволилъ ему пристать къ гавани. Колумбъ направилъ суда свои къ материку, плылъ вдоль берега отъ мыса *Граціоса о Діоса* на югъ до Портебелло, но не нашелъ желаннаго прохода. Прелесть страны подала ему мысль основать колонію; но ненасытная алчность Испанцевъ возстановила противъ нихъ Индійцевъ, такъ что Колумбъ, потерявъ нѣсколькихъ изъ своихъ людей, успѣшно удалился и оставилъ этотъ край.

Съ той поры, обрушились на него несчастіе за несчастіемъ. Бури, страшныя непогоды ежедневно тревожили его флетилю; одинъ изъ жалкихъ кораблей потонулъ, другіе съ такой силой сшиблись, что чуть не разбились. Послѣ многихъ трудовъ, достигли наконецъ Ямайки (14 іюня 1503). Принуждены были вытащить на сушу почти раздробленные суда, о починкѣ ихъ нечего было и думать. Еслибъ небо не стало надъ несчастными и не послало имъ для спасенія чужой корабль, то знаменитому человеку, сдѣлавшему всемірныя открытія, предстояла бы печальная участь — окончить жизнь между дикарями, питаясь маіокомъ и маисомъ, будучи позабытъ цѣлою Европою.

Для избежанія такой участи, двое отчаянных моряков, испанец Мендоза и итальянец Фиски, предприняли удачную попытку. На двухъ выдолбленныхъ изъ дерева чолнахъ они отправились въ Испанюлу, лежащую въ 30 морскихъ миляхъ; десять дней плыли они по взволнованному морю; наконецъ, удалось имъ благополучно достигнуть цѣли. Колумбъ долженъ былъ считать ихъ погибшими, потому что прошло полгода, а о нихъ не было ни какого слуху. Эти полгода были для Колумба самымъ несчастнымъ временемъ во всю его жизнь. Матросы его забыли всякую подчиненность; увѣщанія Колумба не обижать Индійцевъ ни къ чему не служили; собралась шайна Испанцевъ и, покинувъ совсѣмъ начальника да скитаясь по острову, алчно и жестоко свирѣпствовала между туземцами. Скоро всѣ дикари удалились изъ того края и перестали доставлять жизненные припасы назойливымъ гостямъ. Только сила соображенія и ученость больного Колумба спасли его экипажъ отъ голодной смерти. Въ день наступленія полного луннаго затмѣнія, вычисленнаго имъ заранѣе, онъ объявилъ дикарямъ, что Богъ его разгнѣвался на Индійцевъ, за неуваженіе ихъ къ бѣлымъ (т. е. Испанцамъ), и что они усмотрятъ его гнѣвъ на ясномъ мѣсяцѣ, который затмится. Какъ предсказалъ онъ, такъ и случилось. Мѣсяцъ помрачился все болѣе и болѣе; испуганные Индійцы пали къ ногамъ человека, покровительствуемаго богами, и умоляли его умилостивить гнѣвъ небесный: они обѣщались приносить жизненныхъ припасовъ, сколько потребуется.

Безпорядки, произведенныя на островѣ бѣжавшей шайкой Испанцевъ, были такъ велики, что лучшіе изъ спутниковъ Колумба опасались самыхъ худыхъ для себя послѣдствій. Они выступили противъ несправимыхъ земляковъ своихъ и, подъ предводительствомъ Бартоломео Колумба, дали настоящее сраженіе, послѣ котораго оставшіеся въ живыхъ бродяги возвратились къ повиновенію.

Наконецъ, послѣ осьми томительныхъ мѣсяцевъ, явились вѣрные сподвижники, Мендоза и Фиски, и взяли покинутыхъ на большой корабль, который на службу могли вытребовать отъ жестокосердаго Ованды. Измученный горемъ и болѣзнію, Колумбъ прибылъ на Испанюлу и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы возвратиться въ Испанію.

9. Б О Н Ч И Н А К О Л У М Б А.

Первое извѣстіе, полученное Колумбомъ въ Испаніи, было очень печально—королева Изабелла скончалась. Она всегда уважала его, на ней онъ основывалъ послѣднія свои надежды. Теперь надежды эти исчезли, ибо на короля Фердинанда нечего было разчитывать.

Послѣ неблагодарности короля всего болѣе огорчало Колумба сдѣшное пренебреженіе, съ какимъ смотрѣли на его открытіе высокочѣрные вельможи, которымъ дѣло это, разъ исполненное, казалось весьма легкимъ, такъ что и всякой, по ихъ мнѣнію, могъ бы также хорошо его исполнить. Однажды, Колумбъ сидѣлъ за столомъ съ такой премудрой компаніей; стали подавать варенныя яйца. „Какъ вы думаете, господа“, сказалъ Колумбъ: „можно ли поставить на столъ яйцо острымъ концомъ, такъ чтобы оно держалось безъ посторонней помощи“? Все объявили, что это невозможно, только одинъ или двое попробовали. „Хорошо, смотрите же“, молвилъ Колумбъ. Онъ взялъ яйцо, крѣпко ударилъ имъ о столъ, и поставилъ его на разбитомъ концѣ. „Да такъ-то и мы бы сдѣлали!“ воскликнули всѣ.—Почему же вы не сдѣлали?“ спросилъ Колумбъ.

Нѣсколько разъ скромный герой являлся ко двору съ просьбами, ссылаясь на дарованныя ему привилегіи, на королевское обѣщаніе;—но все было напрасно. Онъ былъ оставленъ на жертву всѣмъ лишеніямъ бѣдности. Наконецъ, смерть Колумба разрѣшила вѣроломнаго короля отъ даннаго слова. Колумбъ умеръ въ Вальядолидѣ, 22 мая 1506 г.; 59 лѣтъ отъ рожденія. Братъ перенесъ останки его на Санъ-Доминго, положилъ ихъ въ соборѣ и не забылъ повѣсить цѣпи надъ гробницей.

Сынъ Колумба, Діаго, получилъ наконецъ намѣстничество надъ новыми открытыми странами; впрочемъ, не потому что онъ былъ сыномъ Колумба, а потому что женился на племянницѣ всемогущественнаго герцога Альбы. Даже имени Колумба не дали открытой имъ странѣ: честь эта выпала на долю флорентинскаго дворянина Америго Веспучія, совершившаго нѣсколько путешествій въ Новый Свѣтъ и издававшего описаніе ихъ: новую часть свѣта назвали страной Америга или *Америкой*. Только въ новѣйшіе времена назвали Колумбіей, въ честь великаго человека, одну провинцію Южной Америки.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ АМЕРИГѢ. ПЕРВОЕ КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

1. Альварецъ Кабраль.

Послѣ Колумба, почти ежегодно слѣдовали новыя открытія въ АмерикѢ. Еще при жизни его, въ 1500 г., король португальскій Эммануилъ послалъ флотъ по новооткрытому пути въ *Остъ-Индію*; онъ приказалъ адмиралу *Альварецу Кабралю*, проплывъ мимо мыса Доброй Надежды, держаться какъ можно далѣе на западъ. Кабраль такъ и сдѣлалъ — и открылъ въ Южной Америкѣ *Бразилію*, которую тогда же принялъ во владѣніе отъ имени короля Португаліи. Пославъ въ Лиссабонъ одинъ изъ 13 кораблей своихъ съ радостнымъ извѣстіемъ объ этомъ открытіи, съ остальными 12 кораблями, Кабраль оставилъ Бразилію, 5 мая 1500 г., и направился къ мысу Доброй Надежды. На этомъ пути застигла его страшная буря; онъ имѣлъ несчастье видѣть какъ передъ его глазами погибъ одинъ изъ лучшихъ кораблей его, а вмѣстѣ съ нимъ — и доблестный Бартоломео Діазъ, открывшій мысъ. Послѣ многихъ опасностей, Кабраль достигъ Мелинды и 13 августа вступилъ въ гавань Калькутты. Онъ представилъ подарки Заморину отъ имени своего короля, предложилъ торговый союзъ и просилъ дозволенія основать во владѣніяхъ Заморина фортъ для безопасной складки португальскихъ товаровъ. Сначала казалось, что Заморинъ готовъ согласиться на это, но вскорѣ завистливые магометане измѣнили его расположеніе и под koniecъ онъ даже напалъ враждебно на Португальцевъ. Кабраль, не имѣвшій достаточныхъ силъ для обороны, оставилъ Калькутту, пригрозивъ, впрочемъ, что скоро возвратится, затѣмъ поплылъ вдоль по Малабарскому берегу и захватилъ по пути къ мелкимъ королькамъ Бохима и Бонанора. Они приняли его дружелюбно и промѣняли на европейскіе его товары огромный грузъ перцу и другихъ приностей, — съ чѣмъ и возвратился Кабраль благополучно въ Лиссабонъ (31 іюля 1501 г.).

Обширная Бразилія сначала мало цѣнилась Португальцами; правда, они нашли тамъ плодородную почву, но мало дорогихъ предметовъ для торговли; къ тому же не попадалось имъ ни золота ни серебра. Только въ

1695 г., открыли они богатые золотые руды, а въ 1730 г., когда алмазовъ, подобныхъ которымъ, по прасотѣ и величинѣ, не находили на цѣломъ земномъ шарѣ.

2. Ласъ Казасъ.

Испанцы, не находившіе тамъ покуда золота, угнетали несчастныхъ Индійцевъ на островахъ, принуждая ихъ къ обработкѣ плодородной почвы. Они хотѣли обогатиться работой дикарей. Преимущественно же сажали они сахарный тростникъ, составляющій и донинѣ главное богатство тѣхъ острововъ. Но Индійцы были слабыми, не привычными къ работѣ; они быстро умирали подъ палкою жестокихъ своихъ владык, такъ что отъ милліона населенія, считавшагося первоначально на Испаньолѣ, черезъ 15 лѣтъ послѣ открытія этого острова, осталось не болѣе 60,000 человекъ. Еще безчеловѣчнѣе поступали съ тѣми изъ Индійцевъ, которые желали избѣжать владычества Испанцевъ; голыхъ Индійцевъ травили собаками, рубили мечами, застрѣливали изъ ружей; а кациковъ, для острастки прочихъ, сожигали на медленномъ огнѣ. И священники ученія Христова не только спокойно смотрѣли на ужасы эти, но еще поощряли къ нимъ, — если бѣдные дикари отказывались становиться на колѣна передъ распятіемъ или читать христіанскій символъ вѣры.

Но было нѣсколько благородныхъ людей и между духовенствомъ. Сильно возставалъ противъ безчеловѣчнаго обращенія съ Индійцами почтенный доминиканецъ, *Бартломео де Ласъ-Казасъ*. Самъ онъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ, а какъ никто не внималъ его увѣщаніямъ, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Испанію, для возбужденія состраданія короля и его совѣтниковъ. На короткое время это удалось ему; но вскорѣ алчные европейцы подкупами при дворѣ достигли того, что все осталось по-прежнему. Конечно, труденъ былъ для разрѣшенія вопросъ: кѣмъ замѣнить Индійцевъ для работы. Тогда благородный Ласъ-Казасъ напалъ на мысль, вмѣсто слабой американской расы, употреблять на работу Негровъ, болѣе привычныхъ къ труду и болѣе крѣпкихъ тѣлосможеніемъ. Мысль эту нашли столь выгодною, что ежегодно стали вывозить изъ Африки въ Америку болѣе 80,000 черныхъ невольниковъ.

Такъ, тигета, которую Ласъ-Базасъ хотѣлъ снять съ одной части свѣта, всю силою своею обрушилась на другую. Впрочемъ, и гораздо прежде его, несчастныхъ Негровъ уже продавали и покупали въ неволю.

3. ВАСКО НУНЕЦЪ ДЕ БАЛЬБОА.

Бальбоа былъ необразованный человѣкъ, низкаго происхожденія; но во время путешествія къ Даріенскому перешейку онъ доказалъ такое необыкновенное мужество, что всѣ товарищи единогласно избрали его начальникомъ, на мѣсто прежняго, неспособнаго капитана флота. Бальбоа оправдалъ ихъ довѣріе и основалъ *Санту Марію*, первую колонію на материкѣ.

Главнымъ желаніемъ его было добыть соизволеніе короля на новый свой санъ: онъ надѣялся испросить его, явившись передъ трономъ съ богатой добычей. Поэтому, на развѣздахъ своихъ, онъ досталъ, сколько могъ, золотыхъ пластинокъ отъ дикарей; а ласковымъ обращеніемъ съ Индійцами такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они охотно отдавали, что имѣли. Разъ, когда, по обыкновенію, онъ пылко распришивалъ о золотѣ, молодой кащикъ замѣтилъ ему: „на что вамъ эта ненужная дрянь? Если ужъ очень надобится они намъ, то ступайте вотъ въ эту землю, которая лежитъ по ту сторону, у самаго океана, въ шести солнцахъ отсюда. Только для этого надо, чтобы много было васъ.“

Какая вѣсть! Кащикъ подразумѣвалъ *Перу*, а другой океанъ, въ шести дняхъ пути, былъ то именно Южное Море, о которомъ всегда мечтали Браунъ. Бальбоа постигнулъ отправить въ Испанію съ этимъ извѣстіемъ вѣрнаго гонца, который долженъ былъ тоже поднести намѣстнику значительные подарки. Въѣстѣ съ тѣмъ, онъ успѣлъ увеличить свой отрядъ свѣжими солдатами: надежды на полученіе огромныхъ богатствъ заставили многихъ принять участіе въ трудахъ и бѣдствіяхъ, неразрывныхъ съ первымъ странствованіемъ по дикой пустынѣ, по лѣсамъ, болотамъ и горамъ.

„Сто девяносто смѣлыхъ искателей приключеній пустились въ путь съ цѣлью завоевать въ пользу испанскаго короля страну, густо населенную дикими народами. Великая способность Бальбоа властвовать надъ умами выказалась и въ сношеніяхъ съ кащиками, попадавшими по дорогѣ.

Онъ дружелюбъ со войми; тысячи Индійцевъ добровольно слѣдовали за нимъ и помогали Испанцамъ нести поклажу. Жарна, сырая низина и этой чрезвычайно-нездоровой части Америки, широкіе потоки, непроходимые лѣса, зѣфи и москиты, недостатокъ свѣжей воды и здоровой пищи дѣлали это путешествіе однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ, какия когда-либо были предприняты. Но Бальбоа участіемъ своимъ въ трудахъ товарищей удивлялъ ихъ ропотъ. Переправиться ли въ бродъ чрезъ болото, прорубить ли дорогу чрезъ дикій, колючій кустарникъ—онъ всегда былъ первый, и ни одна чорта неудовольствія на туманила всегда веселого его лица.

Между тѣмъ, шесть солнцевъ протянулось на двадцать пять; а все еще не видать было океана. Восторженно! Въ иные дни, не смотря на всѣ усилія, проходили не болѣе одной мили. Наконецъ дошли до высокой горы. Тутъ Индійцы сказали, что коли взойти на гору, то увидишь у ногъ своихъ океанъ. Восторженный Бальбоа пожалелъ первый насладиться этимъ зрѣлищемъ; онъ оставилъ людей своихъ внизу, а самъ взобрался на гору. И вотъ, глазами его открылся обширный океанъ, наплывшій темныя волны своей изъ невообразимой дали вѣйныхъ предѣловъ небесклана. Бальбоа простеръ руки, палъ на колѣна; и съ горячими слезами радости, возблагодарилъ Бога, приведшаго его на это мѣсто. Спутники не могли долѣе выдержать, бросились на вершину горы и приняли участіе въ радостныхъ чувствахъ и въ молитвахъ своего вождя. Бальбоа сошелъ на самый берегъ моря; съ мечемъ и щитомъ въ рукѣ, сталъ по поясъ въ воду и; съ обычными церемоніями, принялъ во владѣніе океанъ отъ имени короля Испаніи.

Эта часть Южнаго Моря составляла заливъ, находившійся на востокѣ отъ Панамы. Бальбоа далъ ему названіе залива св. Михаила, сохранившееся и до сихъ поръ. И здѣсь привязавъ онъ къ себѣ Индійцевъ честнымъ съ ними обращеніемъ; они приносили ему возмоществъ съѣстныхъ припасовъ, а навики дарили его золотомъ и жемчугомъ. Вездѣ подтверждалась молва о богатой странѣ золота, но, по словамъ сосѣдей, господствовалъ въ ней могущественный государь. Это обстоятельство заставило Бальбоа возвратиться за подкрѣпленіемъ. Покрытый славой, съ большими запасами золота, онъ прибылъ опять, въ началѣ 1514 г., въ конюю свою Санта-Марію.

Тогда онъ послать королю Фердинанду такой подарок золотомъ, какого не получали еще изъ новооткрытой страны, и просить наместничества надъ Дириентомъ и подкрѣпленій для небольшого своего войска. Можно вообразить восторгъ короля. Но было не въ политикѣ подозрительнаго испанскаго правительства слишкомъ возвышать дѣятельныхъ и счастливыхъ людей, — какъ и испытать это на себѣ Колумбъ. Намѣстничество, котораго просилъ Бальбоа, было дано не ему, а человѣку, несравненно хуже его, Давилѣ. Давила отправился въ Южную Америку съ пятнадцатью превосходными кораблями и съ 1200 солдатами; сверхъ того, къ войску его присоединились добровольно 1500 дворянъ. Молва о богатствахъ тѣхъ странъ была столь преувеличена, что въ Испаніи сложилось сказаніе будто стоитъ только съѣзъ зайти въ тамошнее море, чтобы наловить сколько хочешь золота.

Честный Бальбоа, въ толстомъ полотняномъ камзолѣ и въ посконныхъ плетущихъ вмѣсто обуви, покрывалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Индійцами свою хижину, когда явилось къ нему большое общество знатныхъ господъ и, между ними, донъ Педрарія Давила, гордо объявившій себя новымъ наместникомъ. Бѣда ни глубоко затронула Бальбоа неблагодарность короля, какъ ни роптали во всеуслышаніе его вѣрные солдаты, онъ, однако, принялъ съ покорностію приказанія новаго начальника, который тотчасъ же сталъ нужнымъ подвергнуть Бальбоа суду, за присвоеніе начальства, и потребовать за то значительную денежную пеню.

Впрочемъ, Педрарія никакъ не могъ отыскать несмѣтныхъ богатствъ страны; напротивъ, онъ страдалъ отъ лишенія всехъ удобствъ, къ которымъ привыкъ, а нездоровый климатъ скорѣ похитилъ у него около 600 человекъ. Остальные, которыми не уиѣлъ онъ упредить, шатались, какъ разбойники, по странѣ, грабили дикарей и производили такіа насилія, что все дружественныя связи, основанныя Бальбоа съ племенами, мгновенно рушились.

Между тѣмъ, Бальбоа, подобно Колумбу, не могъ равнодушно покинуть столь счастливо начатое имъ дѣло. Черезъ друзей своихъ въ Испанію, онъ пытался найти справедливость у короля и, дѣйствительно, получилъ мѣсто аделантадо или второстепеннаго наместника въ край при Южномъ Морѣ. П. Давила принужденъ былъ предоставить ему его разпоряженіе четыре бригантина, на которыхъ Бальбоа и вознамерился дости-

гнуть завѣтной своей цѣли—открыть Перу. Но какъ ни спѣшилъ онъ, а все-таки немогъ уйти отъ насмѣя завистливаго, своего начальника. Не успѣвъ онъ оглянуться, какъ былъ призванъ къ намѣстнику, обвиненъ въ небываломъ преступленіи и осужденъ на казнь. Вся колонія единогласно просила за него; но не съ тѣмъ ваяли его подъ караулъ, чтобы помиловать. Съ ужасомъ и горестью, увидали Испанцы публичную казнь человѣка, котораго считали они самымъ способнымъ начальникомъ, который могъ не только задумывать, но и исполнять великіе планы.

4. Фернандо Кортесъ (1485—1547).

Между тѣмъ путешествія для новыхъ открытій все продолжались. Далѣе всѣхъ преникъ на югъ *Жуанъ Диасъ де Солисъ*, посланный въ 1515 г. для отысканія прохода въ Южное Море. Онъ уже думалъ, что нашелъ его, но, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, замѣтилъ, что то была только рѣка—*Ла Плата*, чрезвычайная ширина которой (болѣе 30 миль) легко могла ввести его въ заблужденіе. Во время попытки пристать къ этой странѣ, неосторожный предводитель, вмѣстѣ со многими своими спутниками, былъ убитъ враждебными дикарями, которые нажарили и съѣли его,—послѣ чего остальные поспѣшно бѣжали оттуда.

Другіе Испанцы изъ Кубы посѣщали берега великой *Мексиканской Имперіи* и доставляли самыя благоприятныя свѣдѣнія объ обработкѣ и богатствахъ этой страны. Это побудило намѣстника острова Кубы, донъ *Веласкеца*, послать туда надежнаго человѣка, который привезъ бы какъ можно больше золота, и доставилъ бы ему, намѣстнику, честь значительно увеличить владѣнія короля испанскаго. Трудливый характеромъ, онъ ждалъ найти человѣка предприимчиваго, но не слишкомъ умнаго, не слишкомъ самостоятельнаго, такого, однимъ словомъ, который бы принялъ на себя всѣ труды, а ему предоставилъ почести и выгоды. Веласкецу указали на бѣднаго, но храбраго офицера, по имени *Кортеса*. Кортесъ былъ горячая голова; онъ прежде учился праву въ Саламанкскомъ университетѣ, но не доучился, поступилъ въ военную службу и пустился въ Америку искать счастья. Кортесъ никогда еще не командовалъ войсками, однако, садясь на суда, поступалъ такъ умно и ловко,

что Веласкецъ удивился и вздумалъ было отнять у него начальство надъ экспедиціей. Кортесъ замѣтилъ это, и тотчасъ отплылъ съ своими одиннадцатымъ судами. Онъ остановился на время на другомъ концѣ острова, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ. Веласкецъ пустился въ погоню за нимъ, — и только вѣрность и приверженность его спутниковъ спасла его отъ участи Вальбоа. Несмотря на то, что Кортесъ былъ снабженъ патентомъ наместника, все-таки поступалъ онъ какъ мятежникъ, ибо Веласкецъ приказалъ было истребовать отъ него патентъ.

12 февраля 1519 г. флотъ Кортеса оставилъ Кубу и направился къ Мексикѣ. Распространеніе христіанской религіи не было упущено изъ виду и на всѣхъ знаменахъ развѣвался святой крестъ. Эти 617 человекъ, съ 13 мушкетерами, 16 лошадьми и 14 небольшими пушками, надѣялись, во имя Христова, покорить страну, которая могла выставить противъ нихъ вѣскольکو миллионовъ человекъ.

5. ПРИБЫТІЕ ВЪ МЕКСИКУ.

Первая высадка произошла 2-го апрѣля на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится *Санъ Жуанъ де Улоа*. Вступивъ въ страну, Испанцы нашли въ ней гораздо болѣе многочисленное населеніе и высшую степень образованія, чѣмъ въ прежде-открытыхъ американскихъ земляхъ. Испанцамъ посчастливилось скоро войти въ сношенія съ жителями посредствомъ одной индіанки, весьма быстро обучившейся по-испански. Сначала самый видъ Испанцевъ, бороды ихъ и одѣяніе внушали къ нимъ уваженіе: Мексиканцы долго недоумѣвали — людей или боговъ видятъ они передъ собою. Они разсказали, что всѣ соседственные племена и народы платятъ дань могущественному царю, по имени *Монтесуму*, который живетъ, — въ какихъ нибудь двадцати дняхъ ѣзды, — въ большомъ городѣ и живетъ великолѣпный придворный лтатъ. Монтесума содержалъ скороходовъ во всѣхъ частяхъ своей имперіи, которые быстро передавали ему всѣ замѣчательные случаи; чрезъ нихъ-то узналъ онъ и о прибытіи дивныхъ чужеземцевъ. Вскорѣ явились отъ него послы къ Кортесу, поднесли ему богатые подарки и спросили, что ему надобно. Кортесъ назвалъ себя посланникомъ отъ великаго короля испанскаго, отправленнымъ къ мексиканскому царю для передачи ему лично важнаго

порученія, Гонцы успѣлиши назадъ, но вскорѣ возвратились, и сказали, что государь ихъ проситъ Кортеса оставить его имперію, — въ знакъ же благоволенія посылаетъ ему еще болѣе богатые подарки. Съ своей стороны, Кортесъ настаивалъ на томъ, чтобы видѣться съ царемъ мексиканскимъ, и продолжать свой походъ. Гонцы явились въ третій разъ, съ еще болѣе богатыми подарками, но именно этими подарками они разлакомили адчныхъ пришельцевъ, которые и не думали удалиться. Чтобы привязать къ себѣ надежнѣе своихъ солдатъ, Кортесъ, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, убѣдилъ ихъ сжечь свои корабли. Этимъ самымъ, шесть сотъ искателей приключеній отрѣзывали себѣ путь къ возвращенію.

Подвигаясь въ глубь страны, Кортесъ добрался до двухъ многолюдныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ назывался *Тласкалой*. Порядкомъ, въ какомъ держалъ онъ своихъ воиновъ, достоинство, съ какимъ шли Испанцы, всадники, о которыхъ туземцы думали, что они срослись съ лошадьми, а болѣе всего, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, — все это такъ сильно подѣйствовало на Индейцевъ, впрочемъ, вовсе не робкихъ, что они сочли благоразумнымъ стать подъ покровительство могущественныхъ иностранцевъ. Этимъ способомъ думали они спастись, еслибы даже погибло все мексиканское государство. Они приносили въ изобиліи съѣстные припасы Испанцамъ — и Кортесъ не забылъ привязать къ себѣ ихъ начальниковъ маленькими подарками, причемъ пользовался всякимъ случаемъ показать какое наказаніе постигнетъ тѣхъ изъ нихъ, которые измѣняютъ ему. По одному только подозрѣнію въ существованіи тайнаго заговора, онъ велѣлъ отрубить руки пятидесяти Тласкальцамъ. Страшная жестокость!

Но то было только прелюдій къ великой трагедіи. Придя въ слѣдующій городъ, *Холулу*, онъ истребилъ почти все его населеніе, для спасенія жизни 500 Испанцамъ. Кортесъ узналъ отъ переводчицы, что жители Холулы притворились доброжелательными, для того, чтобы вѣрнѣе напасть ночью на Испанцевъ и умертвить ихъ до послѣдняго человѣка. Тотчасъ схватилъ онъ начальниковъ, отдалъ ихъ подъ стражу и, по данному знаку, приказалъ своимъ солдатамъ рубить жителей и зажигать ихъ дома. Тутъ погибло шестьдесятъ тысячъ человѣкъ изъ жителей города; остальные разбѣжались. Кортесъ объявилъ начальникамъ причину своей суровости, побранилъ ихъ, однако, отпустилъ, приказавъ собрать

разбѣжавшихся жителей и снова обстроить городъ. Жители вели себя какъ подѣломъ-наказанныя дѣти, и съ той поры стали покорными.

Ни одно изъ мексиканскихъ племенъ не было такъ вѣрно Кортесу, какъ Тласкальцы. Тысячами слѣдовали они за нимъ на войну противъ Монтецумы. Они ненавидѣли этого царя, который незадолго передъ тѣмъ покорилъ ихъ. Обстоятельство, очень выгодное для Испанцевъ! Черезъ это, войско ихъ весьма усилилось, и Кортесъ, безъ опасеній, могъ идти прямо на столицу.

Наконецъ, увидали они эту столицу, во всемъ ея протяженіи, съ бѣлыми домами и храмами, столицу замѣчательную для народа, который не зналъ употребленія желѣза и не имѣлъ рабочаго скота. Испанцы насчитывали въ немъ 600,000 жителей. Городъ былъ расположенъ на островѣ, посреди озера; взойти въ него было можно по широкимъ плотинамъ. Кортесъ осторожно прошелъ по одной изъ этихъ плотинъ и очутился съ войскомъ своимъ въ городѣ, прежде чѣмъ Монтецума рѣшилъ какъ принять иностранцевъ, — друзьями или врагами.

Наконецъ, онъ явился самъ на носилкахъ, окруженный вельможами, въ хлопчатобумажныхъ мантияхъ, увѣшанныхъ золотыми бляхами, видъ которыхъ весьма порадовалъ Испанцевъ. Монтецума много дивился бѣлизнѣ и длиннымъ бородамъ гостей; онъ учтиво раскланялся съ Кортесомъ, который сошелъ съ лошади, и, неизвестно для чего, передалъ ему поклонъ отъ короля Испаніи. Монтецума призадумался. Онъ вспомнилъ старинное преданіе о томъ, что предки его пришли съ Востока, и что вожди ихъ ушли назадъ, обѣщаясь нѣкогда возвратиться и исправить законы страны. Кортесъ поддержалъ его въ мнѣніи, что нынѣ исполняется это преданіе, и, съ солдатами своими, вступилъ во владѣніе однимъ каменнымъ зданіемъ, которое, незамѣтно для Мексиканцевъ, онъ превратилъ въ крѣпостцу. Заряженные пушки и строгій караулъ предохраняли его отъ нечаяннаго нападенія.

Вотъ какимъ образомъ 500 удалцовъ (100 изъ нихъ остались въ фортѣ Вера-Круцъ) счастливо пробрались въ средоточіе великой имперіи, въ которой они должны были или утвердить свое владычество, или же — погибнуть до послѣдняго челоуѣка.

6. ПЛАНЪ МОНТЕЦУМЫ (1519).

Когда пошло дѣло на удалое предпріятіе, — оно можетъ быть довершено только рядомъ смѣлыхъ подвиговъ. Кортесъ былъ человѣкъ, исполнившій съ твердостью самые отчаянные замыслы, — какъ будто сама неизбежная судьба сражается за него. Если ужъ хотѣлъ онъ овладѣть имперіей, то долженъ былъ сдѣлать что-либо рѣшительное. Самъ царь долженъ былъ уступить ему свой санъ, а чтобы довести его до этого, надо было взять его въ плѣнъ въ виду подданныхъ.

Только удалой Кортесъ могъ составить такой планъ, отъ котораго principi было въ ужасъ храбрѣйшіе его офицеры; только съ умомъ и хладнокровіемъ Кортеса можно было счастливо исполнить планъ этотъ. Царь нѣсколько уже разъ посѣщалъ Кортеса и принималъ его посѣщенія, — какъ въ одинъ день, Кортесъ, переговоривъ заранѣе съ своими солдатами, отправился въ жилище царя съ лучшими своими офицерами. Прежде всего, онъ началъ говорить на счетъ только-что полученнаго извѣстія, о нападеніи дальняго мексиканскаго полководца на Испанцевъ, оставленныхъ въ колоніи Вера-Круцъ: одинъ изъ Испанцевъ былъ убитъ и голова его прислана въ столицу, для того, чтобы показать всѣмъ Мексиканцамъ, что Испанцы — тоже смертные люди. Этотъ враждебный поступокъ Кортесъ представилъ такимъ неслыханнымъ оскорбленіемъ для короля Испаніи, и притомъ онъ принялъ такой суровый видъ, что бѣдный Монтецума страшно перепугался. Далѣе Кортесъ объявилъ, что, навлекши на себя этимъ поступкомъ подозрѣніе въ тайной враждѣ, Монтецума можетъ изгладить это впечатлѣніе только необычайнымъ доказательствомъ довѣрія и преданности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Монтецума обѣщалъ выдать Испанцамъ провинившагося полководца, для наказанія его, по всей ихъ волѣ. Кортесъ отвѣчалъ, что это само собою разумѣется, но что такимъ образомъ онъ все еще далеко не будетъ удовлетворенъ. Нѣтъ для Монтецумы инаго средства возвратить себѣ довѣріе Испанцевъ, какъ, добровольно рѣшившись, провести съ ними нѣсколько времени. Монтецума поблѣднѣлъ, но скоро опять собрался съ духомъ и отвѣчалъ, какъ человѣкъ, понимающій свое достоинство. Кортесъ становился все суровѣе. Три часа длилась бесѣда; наконецъ, одинъ пылкій

испанскій офицеръ воскликнулъ: „К чему эти проволочки? Долой его, или сейчасъ заколите!“ Полосы и движенья этого чловека испугали Монтецуму; онъ спросилъ у переводчицы, что значать слова его. Узнавъ же ихъ значеніе, онъ затрепеталъ еще больше и, послѣ долгаго колебанія, отдался Испанцамъ. Когда вели его изъ дворца, собирався весь изумленный народъ; но Монтецума подавая знаки руками и принявъ на себя веселый видъ, — онъ желалъ увѣрить своихъ подданныхъ, что по собственной волѣ слѣдуетъ за Испанцами. Впрочемъ, Кортесъ ничего не упустилъ, что могло сдѣлать сносно положение огорченнаго царя и оказывалъ ему самую изысканную вѣжливость. Преміе совѣтники имѣли ежедневный доступъ къ царю. Злполучнаго же мексиканскаго полководца, съ знатнѣйшими его офицерами, къ ужасу всѣхъ соотечественниковъ, сожгли живаго на кострѣ; сложенномъ изъ мексиканскаго оружія.

Для упроченія за собою власти, Кортесъ убѣдилъ царя отставить лучшихъ его совѣтниковъ и замѣнить ихъ другими — поглупѣе. Подъ предлогомъ дать ему понятіе объ искусствѣ Европейцевъ строить корабли, чѣмъ давно уже возбудилъ онъ его любопытство, Кортесъ заставилъ соорудить два бригантина и пустить ихъ по Мексиканскому озеру; этимъ самымъ очень ловко утвердилъ за собою все воды, окружавшія столицу. Наконецъ, проведя слабаго царя по всѣмъ ступенямъ униженія, онъ сталъ внушать ему, чтобы онъ объявить себя вассаломъ короля испанскаго и платилъ ежегодную дань. При этомъ требованіи, несчастный царь залился слезами. Но могъ ли онъ отказать теперь? Всѣ формальности подданства, которыя Кортесъ составилъ какъ можно торжественнѣе, совершились передъ глазами цѣлаго народа и привели его въ описанную печаль.

При всемъ несчастіи, Монтецума все еще питалъ надежду, что скоро удалятся грозные гости. Кортесъ оставлялъ его при такихъ надеждахъ и говорилъ, что надо напередъ построить необходимые для этого корабли. Собственно же онъ только ждалъ подкрѣпленій изъ Испаніи, куда послалъ депеши, уже 9 мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ не зналъ, что депеши эти задержаны врагомъ его, Веласкецомъ, и что издалека собирается надъ нимъ гроза, которая разомъ можетъ уничтожить все плоды его благоразумія и отваги.

7. Памфило Нарваецъ.

Веласкецъ выдѣлалъ флотъ изъ 18 судовъ съ 800 человѣками пѣхоты, 80 всадниками, 12 пушками и множествомъ мушкетеровъ. Командиру этого флота, *Нарвацу*, поручено было преслѣдовать Кортеса въ цѣляхъ на Кубу и вмѣстѣ его продолжать завоеваніе. Каждое поощреніе для Кортеса!

Сначала онъ пытался привлечь на свою сторону Нарваца. Но молодому вождю слишкомъ привлекательно грѣшили завры, какіе могъ онъ пожать въ Мексикѣ, и, конечно, онъ не захотѣлъ уступить ихъ Кортесу. Вопросъ о власти приходилось рѣшить войною — войною на жизнь и смерть. Кортесъ сдѣлалъ нужные распоряженія въ Мексикѣ, оставивъ тамъ небольшой гарнизонъ и увѣривъ Монтецуму, что отправляется онъ на встрѣчу къ друзьямъ, для совѣщаній. Съ горстью людей, онъ выступилъ противъ непріятеля въперо сильнѣе.

По счастью для него, Нарваецъ былъ простоватъ и очень челонокъ; онъ не внушалъ довѣрія ни своимъ солдатамъ, ни Индійцамъ, такъ что одни съ ропотомъ слѣдовали за нимъ, а другіе ставили ему всяческія препятствія. Эмиссары Кортеса, пробравшись въ лагерь Нарваца, щедро сыпали деньгами, — и половина солдатъ была уже на сторонѣ Кортеса, прежде еще чѣмъ дошло дѣло до сраженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, умышленнымъ маршемъ, храбрые, испытанные воины Кортеса нагрянули на непріятеля скорѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Въ непроглядную ночь, перешли они вбродъ черезъ широкую рѣку, отдѣлявшую ихъ отъ непріятеля, и ударили на него такъ стремительно, что драматые солдаты Нарваца пришли въ безпорядокъ: они не знали откуда явился непріятель и какъ велико число его войска. Въ нѣсколько мгновеній, тяжелыя орудія ихъ очутились въ рукахъ Кортеса и были направлены противъ войска Нарваца. Съ опротивѣнной отвагой, бросился Нарваецъ на ряды нападающихъ, но тотъ же часъ получилъ смертельную рану. Кортесъ обещалъ прѣстѣть всѣхъ, которые ему сдадутся, — и до разсвѣта дѣло было окончено. Подорванный свѣжими войсками и хорошими орудіями, Кортесъ собирался уже возвратиться въ столицу, — въ это время онъ получилъ стрѣльцу вѣсть.

8. СМЕРТЬ МОНТЕЦУМЫ (1 июня 1520).

Оставленный въ Мексико, офицер хотѣлъ быть строгъ, какъ Кортесъ, но не имѣлъ его благоразумія—и испортилъ все дѣло. По простому подовѣрнію, онъ началъ, во время торжественныхъ игръ Мексиканцевъ, на нѣкоторыхъ изъ ихъ вельможъ и велѣлъ умертвить ихъ. За это весь городъ взбунтовался, даже быстрое появленіе Кортеса не могло успокоить волненія. 60, 000 Индійцевъ изготавились къ битвѣ. Трудно было устоять противъ нихъ 500 Испанцамъ! Кортесъ заперся въ своихъ укрѣпленіяхъ, отдалъ нѣсколько вылазокъ, но потерялъ много солдатъ и самъ былъ раненъ въ лѣвую руку. При такой крайности, онъ искалъ спасенія въ посредничествѣ Монтецумы, о которомъ, въ послѣднее время, очень мало заботился. Онъ уговорилъ его явиться на стѣнѣ въ царскомъ его одѣяніи. Но лишь только царь показался,—разъяренный народъ осыпалъ его ругательствами и пустилъ въ него градъ камней и стрѣлъ. Тяжело раненный въ голову, несчастный царь упалъ и, черезъ нѣсколько дней, умеръ.

Съ каждымъ днемъ, народъ изъ окрестностей все больше и больше стекался въ столицу и ежедневно же, съ остервененіемъ, подступали Мексиканцы къ испанскимъ укрѣпленіямъ. Возлѣ каменнаго зданія, занятаго ими, находилась башня, съ которой Индійцы безпрестанно выдвали въ Испанцевъ камнями. Напрасны были всѣ попытки согнать ихъ съ этой башни. Вдругъ самъ Кортесъ, приказавъ привязать щитъ къ раненой рукѣ своей, бросился, во главѣ храбрѣйшихъ воиновъ, на приступъ къ башнѣ. Одаренный необычайной силою, онъ уничтожалъ все, что попадалось ему, и, не смотря на это, Индійцы все еще не бѣжали. Двое мексиканскихъ юношей, жаждавшіе геройской смерти, обхватили Кортеса, когда онъ сталъ на краю башни, и безстрашно хотѣли ринуться внизъ, чтобы только увлечь его съ собою въ паденіи. Но богатырская сила опять-таки спасла Кортеса: онъ высвободился изъ объятій юношей и они одни погибли. Послѣ долгихъ усилій, Испанцамъ удалось поджечь башню и разбить, на этотъ разъ, непріятелей.

Но Кортесъ уже не надѣялся удержаться въ своихъ укрѣпленіяхъ. Въ полночь, вся дружина его въ тихомолку выступила въ обратный путь.

Вѣрные Тласкальцы должны были прикрывать отступление. Они столпились на узкой плетень, — и въ темную ночь были настигнуты градомъ камней и стрѣлъ. Озеро кишѣло лодками. Старапія Испанцевъ спасти свои сокровища еще увеличили гибельное замѣшательство. Ужасъ и отчаяніе проникли въ сердца самыхъ храбрыхъ; въ толпотѣ, въ давлѣ, страшномъ смятеніи, всѣ двигались впередъ, какъ цѣпало. Утромъ, послѣдовавшимъ за этой страшной ночью, Кортесъ нашелъ живыми только половину своихъ сподвижниковъ, и не могъ удержаться отъ слезъ, когда сталъ дѣлать имъ смотръ. Многие лучшіе офицеры или были убиты или утонули; недоставало тоже 2000 добрыхъ Тласкальцевъ: нѣкоторыхъ изъ нихъ Мексиканцы взяли живыми, чтобы принести ихъ въ жертву богамъ своимъ. Всѣ орудія и порохъ были потеряны, почти всѣ лошади погибли, и не много было спасено изъ великихъ свиропищъ.

Въ этой крайности, Кортесъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственнымъ образцомъ для опечаленныхъ солдатъ своихъ. Онъ раздѣлялъ съ ними всѣ тяготы и лишенія, ободрялъ ихъ своимъ спокойствіемъ, своею вѣрою въ будущее. Но самое худшее оставалось еще впереди. Не дошли они до Тласкалы, какъ вдругъ, съ одного пригорка, увидали широкую равнину, всю покрытую Мексиканцами. Оставалось одно — побѣда или смерть. Кортесъ не далъ позадуматься своимъ солдатамъ: сказавъ имъ нѣсколько восторженныхъ словъ, очертя голову, повелъ онъ ихъ въ битву. Они рубились, какъ отчаянные, но небольшое число ихъ терялось въ несметныхъ толпахъ, окружавшихъ и почти душившихъ ихъ. Тутъ увидалъ Кортесъ большое государственное знамя Мексиканцевъ и вдругъ вспомнилъ, что отъ участи этого знамени, — какъ слышалъ онъ какъ-то въ Мексико, — всегда зависятъ исходъ сраженія. Онъ прищипорилъ коня своего и, съ нѣсколькими храбрыми товарищами, пробился къ мексиканскому палладиуму; знаменосца онъ опрокинулъ копьемъ, мексиканскихъ воиновъ, окружавшихъ знамя, разогналъ друіе Испанцы — и Кортесъ съ торжествомъ унесъ знамя. Увидавъ это, Мексиканцы тотчасъ же разбѣжались. И такъ внезапно все это случилось, что Испанцы приписали спасеніе свое молитвамъ Святыхъ.

На слѣдующее утро, они вступили въ вѣрную Тласкалу.

Можно ли было думать, что человек, едва избежавший смерти, станет упорствовать въ мысли покорить громадную массу непріятелей и завоевать обширную монархію? Но именно такъ и случилось. Кортесъ никакъ не хотѣлъ отступить спокойно — онъ больше, чѣмъ когда-либо, жаждалъ достигнуть своей цѣли.

Такая стойкость, конечно, не всякому свойственна. Многие солдаты бранили его, называли отчаяннымъ, недорожающимъ жизнью, безумцемъ, были чрезвычайно недовольны новыми его замыслами. Но однихъ онъ склонилъ къ своему намѣренію тѣмъ, что разжигалъ жажду ихъ отомстить „собакамъ язычникамъ“, другихъ занялъ рубкой и отсыраніемъ деревьевъ изъ лѣсовъ тласкальскихъ для постройки судовъ, третьихъ ободравъ погоней за отдѣльными шайками враговъ, показывавшимися еще въ окрестностяхъ. Онъ давно уже послалъ довѣреннаго человека въ Испанію для закупки пороха и оружія и для набора искателей приключеній; но счастливый случай доставилъ ему неожиданную помощь.

Прибыли изъ Кубы два корабля съ грузомъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, назначавшихся для давно уже погибшаго Нарваца. Красно-рѣчивый Кортесъ легко овладѣлъ и грузомъ и самымъ экипажемъ. Точно также удалось ему воспользоваться грузомъ купеческаго корабля, прибывшаго для распродажи товаровъ. Но это еще не все: вскорѣ явились три корабля, посланные для открытій намѣстникомъ Ямайки, но не успѣвшіе ничего сдѣлать. Экипажъ ихъ съ радостію поступилъ въ Кортесу, по найму, на службу.

Тогда Кортесъ, давъ отставку всѣмъ недовольнымъ изъ войска Нарваца, отослалъ ихъ въ Вера-Круцъ. Съ остальными же 550 солдатами и при нихъ съ 40 лошадьми, 80 мушкетами и самопалами и 9 пушками, бодро выступилъ въ походъ на Мексико (28-го декабря). Его сопровождали 10,000 Тласкальцевъ, которые несли множество отсѣсанныхъ бревенъ и досокъ для сооруженія изъ нихъ на берегу Мексиканскаго озера новаго флота.

Сооруженіе флота задержало Кортеса на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время, онъ, съ великимъ искусствомъ, старался приобрести расположе-

ние соседственных селений. Ватаги, приказавъ ему разоружить все проводы, ведущие къ столицѣ. Для совершенной безопасности, городъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ. Кортесъ дѣйствовалъ медленно и осторожно: онъ зналъ, что теперешній король *Ауатимочини*, племянникъ *Монтенуми*, былъ человекъ умный и рѣшительный. Наконецъ, 3-го июля, былъ назначенъ общій приступъ къ городу. Планъ Кортеса былъ превосходно задуманъ; каждому офицеру назначено свое мѣсто; а для безопаснаго отступленія, въ случаѣ неудачи, одному изъ новоприбывшихъ офицеровъ было приказано прикрывать мостъ на плотинѣ, черезъ которую надо было проходить. Но офицеръ этотъ, вѣроятно, воображивъ, по легкомыслию своему, что его обдѣлать при дѣлать добычи, если онъ останется для охраны моста, забылъ всякое повиновеніе и стремительно вбѣжался въ ряды сражавшихся. Ауатимочинъ тотчасъ замѣтилъ это и приказалъ подрубить мостъ. Между тѣмъ, сражавшіеся до ночи Испанцы, не видя возможности противиться превосходству непріятельскихъ силъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. Но куда бѣжать? Страшная была давка на плотинѣ; бѣжавшіе впереди попадали въ отверстіе на мосту и изъ труповъ своихъ образовали новый мостъ. Во время этой задержки, Мексиканцы напали на отсталыхъ и сорокъ человѣкъ Испанцевъ живыми попались имъ въ руки. Они отвели ихъ въ храмъ свой; тамъ разрѣзали грудь каждому Испанцу, вынимали сердце и приносили въ жертву богамъ. Спасшіеся Испанцы съ ужасомъ смотрѣли издали на это дѣловское торжество; они видѣли, какъ упоенные радостію Мексиканцы ликовали и плясали въ ярко освѣщенномъ храмѣ; думалось имъ узнавать по голоеу терзаемымъ жертвы; волосъ у нихъ становился дыбомъ. Но Кортесъ задумалъ уже новый приступъ.

10. Взятіе Мексико (1521 г. 13-го Августа).

Испанцы потеряли 60 человѣкъ. Кортесъ заперся въ оропакъ и держался тамъ довольно долго; съ тѣмъ, именно цѣлю, чтобы опровергнуть пророчество ацтекскихъ жрецовъ, будто, въ теченіи восьмидесяти дней, истреблены будутъ все Испанцы. Неприятель у Мексиканцевъ не имѣла оружія, тогда ихъ въ столицѣ, три четверти которой были сожжены, изжигая и сосѣдственныхъ племенъ — все это дало возможности спастись

европейскихъ искателямъ приключеній изпровергнуть обширную монархію, которая, можетъ быть, бѣже вѣда была проворъ своихъ сосѣдей. Увидавъ, что нѣтъ другаго спасенія, — Гуатимочинъ бѣжалъ; но его поймали и привели къ Кортесу. „Я дѣлалъ то, что слѣдуетъ царю, сказалъ онъ съ достоинствомъ: до послѣдней крайности защищать мой народъ. Теперь не остается мнѣ ничего, кромѣ смерти. Возьми свой мечъ и порази меня въ сердца.“

Гуатимочинъ остался въ плѣну. Вскорѣ за тѣмъ, сдѣлалась и столица. Солдаты надѣявшіеся найти несмѣнную добычу, были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Вообразивъ, что побѣжденные, дѣвъ, жести, побросали въ озеро свои богатства, они, для разузнанія мѣстъ, гдѣ потоплено будто бы золото, имѣли жестокость подвергать вытѣ многихъ изъ знатныхъ Мексиканцевъ. Рассказываютъ даже, что и благороднаго Гуатимочина раздѣли, обременили оковами и, вмѣстѣ съ однимъ изъ его друзей, положили на горячіе угля. Сознаться ему было не въ чемъ — онъ лежалъ на угляхъ молча, но другъ его, менѣ твердый, стона и изгибался на пламени, называлъ себя несчастливѣйшимъ изъ людей. „А развѣ я лежу на розахъ?“ замѣтилъ ему Гуатимочинъ съ твердостью, достойною спартанца.

Тутъ подошелъ Кортесъ, и, устыдясь позорнаго зрѣлища, освободилъ страдальцевъ.

11. СМЕРТЬ КОРТЕСА (2 ДЕКАБРЯ 1547 Г.)

И такъ, завоеватель Мексики счастливо достигнулъ своей дѣли. Но врагъ его, Веласкецъ, не замедлилъ возбудить противъ Кортеса гнѣвъ короля Карла V. Лишь только совершилось завоеваніе Мексики, явился туда съ обширными полномочіями королевскій комиссаръ *донъ Талія*. Ему было приказано арестовать Кортеса, отобрать отъ него все имущество и подвергнуть суду его дѣйствія.

Кортесъ, съ жерваго же взгляда, замкнулъ, что донъ Талія — глупъ. И онъ представился ему въ высшей степени почтительнымъ, говорилъ о королѣ съ благоговѣніемъ, на всѣхъ этихъ обилъ въ толпу донъ Талію, такъ, что добрый этотъ не зналъ, какъ и вѣяться ему за дѣло, а наконецъ — удался. Тогда Кортесъ самъ обратился къ королю, съ правди-

вымъ разсказомъ о всѣхъ своихъ дѣятельныхъ и кстати съ богатымъ подаркомъ; онъ просилъ себя при этомъ, заслуженнаго имъ мѣста наместника. Карлъ V, самый предпримчивый воякъ, пришелъ въ восторгъ отъ подвиговъ Кортеса и согласился на его просьбу.

Кортесъ обстроилъ снова Мексико, раздѣлилъ земли и сталъ дѣлать развѣдки въ золотодобычныхъ копяхъ. Индійцы были поделены, какъ вещи, между Испанцами — и принуждены исполнять въ золотыхъ рудникахъ тяжкую работу невольниковъ. Отъ этой работы они быстро умирали. Трупы бездыханныхъ Мексиканцевъ лежали сотнями у входа въ каждый рудникъ и заражали воздухъ; а межъ тѣмъ, ястреба стадами слѣтались на обильную добычу, такъ что издали земля казалась тутъ подернутою чернымъ сукномъ. Всякое покушеніе поработенныхъ Индійцевъ возвратитъ себѣ человѣческія права ставилось имъ въ тягчайшее преступленіе и наказывалось ужасно. Въ одной провинціи были сожжены разомъ 60 нациковъ и 400 благородныхъ Мексиканцевъ; женъ ихъ и дѣтей принудили присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. По самому легкому подозрѣнію, повѣсили благороднаго Гуатимозина, а съ нимъ вмѣстѣ нациковъ, Тацонко и Табуи, некогда столь преданныхъ Испанцамъ и помогавшихъ Кортесу въ завоеваніи Мексико.

Однако, устройство Мексики было предоставлено не одному Кортесу. Ему придали изъ Испаніи цѣлую правительственную комиссію, съ которой независимый и властолюбивый Кортесъ никакъ не могъ ужиться. Начались снова жалобы, клеветы, интриги при дворѣ; безпрестанно являлись въ Мексику новые комиссары, требовавшіе къ суду наместника. Слишкомъ гордый, чтобы подвергнуть себя постыдному допросу въ странѣ, гдѣ онъ такъ прославился, Кортесъ предпочелъ лично представиться королю. Съ пышною, приличною его сану, окруженный свитой мексиканскихъ дворянъ, онъ явился въ Испанію въ 1528 г. Карлъ принималъ его съ отличіемъ и осыпалъ почестями; но не рѣшился предоставить ему всю власть. Онъ подчинилъ гражданское управленіе Мексикой особой коллегіи, Кортесу же поручилъ только военную часть и заботы о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ.

Разстроенный возвратился Кортесъ въ Мексику и старался развѣяться новыми походами. Послѣ безконечныхъ трудовъ, въ 1536 г., открылъ онъ большой полуостровъ *Калифорнію* и осмотрѣлъ большую часть за-

лива, отдѣляющаго этотъ полуостровъ отъ твердой земли. Въ 1540 г., онъ отправился опять въ Испанію; на встрѣчу при дворѣ совѣтъ иной пріемъ. Король Филиппъ, повидимому, и аять ничего не хотѣлъ про его заслуги; любимцы же и министры короля отдѣлывались отъ него только дѣловыми рѣчами. Фернандо Кортесъ умеръ 62 лѣтъ отъ роду, сѣтуя, какъ Колумбъ, на неблагодарность своего государя.

ПОРТУГАЛЬЦЫ ВЪ ОСТЬ-ИНДІИ.

1. ЭДУАРДЕ ПАХЕНО ПЕРЕЙРА.

Пока Испанцы дѣлали, съ такими усиліями, завоеванія въ Америкѣ, Португальцы не оставались праздными въ Ость-Индіи. Кабраль нашелъ слишкомъ значительными силы калькуттенскаго Заморина и вліяніе торгованныхъ въ его государствѣ магометанъ; поэтому, королю Эммануилу оставалось или отказаться отъ торговли съ Ость-Индіей, или послать туда военную силу, которая могла бы помѣриться съ Замориномъ и его магометанами. Онъ избралъ последнее. Въ мартѣ 1502 г. онъ послалъ въ Ость-Индію доблестнаго Васко де Гама въ 20 судахъ, съ которыми адмиралъ надѣялся внушить уваженіе и страхъ къ себѣ и къ португальскому имени. Васко де Гама на цѣлый день обложилъ самую столицу Заморина и захватилъ нѣсколько сарацинскихъ судовъ. Вносивъ вознагражденный за путешествіе найденною на судахъ этихъ богатую добычу золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, онъ возвратился въ Лиссабонъ, куда и прибылъ 1 сентября 1503 г.

По возвращеніи его, король отправилъ въ Ость-Индію другіе два небольшіе флота. Они нашли калькуттенскаго Заморина занятымъ каромъ владѣтеля *Кохима* за преданность его къ Португальцамъ. Заморинъ уже изгналъ его изъ владѣній, когда подоспѣли Португальцы и принудили Заморина удалиться. Владѣтель Кохима получилъ обратно свою страну. Изъ благодарности, онъ дозволилъ Португальцамъ построить деревянную крѣпость на берегу и то было первое поселеніе Португальцевъ въ Ость-Индіи. Нагрузивъ оба флота богатствами Индіи, Португальцы задумали возвратиться, но что станется изъ ихъ крѣпости? На защиту ея, остав-

даже бить съ двумя судами и 150 морскими экипажа, чествовать, одаренный геройскими дукоты, — *Эдуардо Пазека Перейра*. Съ скудными средствами своими, онъ совершилъ подвиги, которые доходят до чудеснаго.

Едва отплыли оба флота, какъ кабувертесий Заморинъ пошелъ опять на владѣтеля Бокима со всеми сухопутными и морскими своими силами. Прежде всего Заморинъ увидалъ крѣпостку и при ней два небольшихъ корабля съ горстью людей. Заморинъ имѣлъ и огнестрѣльные орудія, которыми снабдили его магометане, и 50,000 воиновъ. Силы были неравныя! Но Перейра былъ изворотливъ; онъ дѣлалъ нападенія, когда неприятель всего меньше могъ ожидать ихъ; онъ располагалъ войска свои такъ искусно, что они всегда и со всехъ сторонъ были прикрыты отъ нападенія, онъ такъ храбро бился, что войска Заморина не могли и подступить къ нему близко. Португальцы гораздо вѣрнѣ стрѣляли изъ пушекъ, чѣмъ непривычные къ этому дѣлу враги. Но все же удивительно, какъ могъ Перейра продержаться цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Наконецъ пришла къ нему помощь изъ Португаліи. Подвиги Перейры возбуждали такое удивленіе, что когда воротился въ Лиссабонъ, его встрѣтили съ громкими кликами восторга и, въ торжественной процессіи, повели въ соборъ, гдѣ епископъ сказалъ ему похвальную рѣчь.

Перейра принадлежалъ къ числу безкорыстныхъ героевъ, которые довольствуются одною славою. Онъ отказался принять отъ благодарнаго владѣтеля Бокима значительный подарокъ и просилъ только дать письменное свидѣтельство о совершенныхъ имъ подвигахъ. Король португальскій далъ ему мѣсто коменданта въ Гвиней, но вскорѣ внявъ навѣстамъ враговъ Перейры и приказалъ наложить на него оковы. Когда невинность Перейры была доказана, ему возвратили свободу, но никто и не подумалъ наградить его за прежніе подвиги.

2. Франческо Альмейда.

Какъ ни мала была деревянная крѣпостца Перейры, однако Португальцы утвердились съ нею на почвѣ Остъ-Индіи и задумали распространить тамъ свою власть. Первый затѣмъ снаряженный ими флотъ состоялъ уже изъ 36 кораблей; онъ назначенъ былъ именно для прикры-

тѣ первыхъ поселеній. Начальникъ флота, донъ *Франческо де Альмейда*, первый получилъ титулъ вице-короля Остъ-Индіи и принесть честь занимаемой имъ должности. Поступать онъ такъ, какъ будто принадлежала ему вся Индія и дѣлалъ все, чтобы дѣйствительно того достигнуть: онъ построилъ нѣсколько крѣпостей, устроивъ цѣну товаровъ (таксу), учредилъ рынки, съ которыхъ совсѣмъ прогналъ магометанъ. Не довольствуясь Малабарскимъ Берегомъ, онъ въ 1506 г. отплылъ на *Цейлонъ*, устроилъ торговый союзъ между этимъ плодороднымъ, богатымъ островомъ и Португалиею. Главнымъ планомъ его было совершенно овладѣть моремъ; поэтому, онъ пытался запереть Аравійскій и Персидскій заливы. Тогда вооружились магометане, а особенно султанъ египетскій, съ которымъ вступили въ союзъ и Венеціане: ибо Португальцы всѣмъ имъ приносили убытокъ. Но они опоздали; Португальцы прочно основали власть свою въ Остъ-Индіи.

3. АЛЬФОНСО АЛЬБУКЕРКЕ.

Преемникомъ храбраго Альмейды въ достоинствѣ вице-короля былъ *Альфонсо Альбукерке*, человекъ необыкновенный, котораго можно причислить къ величайшимъ героямъ его вѣка. Онъ поставилъ на самую высшую ступень значеніе Португаліи. Прежде своего назначенія вице-королемъ, онъ командовалъ небольшою эскадрой, съ которой долженъ былъ прогнать магометанъ изъ Аравійскаго и Персидскаго заливовъ. Но онъ сдѣлалъ гораздо важнѣйшее дѣло, — отнять у нихъ островъ Ормузь, складочное мѣсто персидской, аравійской и египетской торговли. Престольный король этого острова платилъ дань шаху персидскому; какъ только пріѣхали къ королю послы отъ шаха, онъ отослалъ ихъ къ Португальцамъ. Альбукерке далъ имъ мечей и пулъ, объявивъ, что вотъ такую-то монетою Португальцы имѣютъ обычай платить дань. Онъ уже построилъ на береговой косѣ фортъ, изъ котораго можно было обстрѣливать обѣ превосходныя гавани острова, когда завистливые соотечественники отозвали его, и онъ былъ принужденъ оставить магометанамъ все свое завоеваніе. Но передъ отъѣздомъ онъ поклялся не прежде обрить себѣ бороду, пока не возьметъ Ормуза.

Назначенный, вѣроятно послѣ того, вице-королемъ, что давало ему руки, онъ предложилъ самымъ обширнымъ планамъ для основанія неограниченной власти надъ моремъ и надъ всеми путями къ Остѣ-Индію. Прежде всего онъ подумалъ объ удобномъ сосредоточіи для этой власти—и избралъ *Гою*. Божимъ, гдѣ Португальцы основали первую свою колонію, даже не имѣлъ такого выгоднаго положенія для торговли, а *Балькутту*, казалась, скорѣй надо было совсѣмъ истребить, чѣмъ завоевывать съ вышеозначенной цѣлью. Что *Гоя* имѣла уже законнаго владѣльца—она принадлежала царю *Деккалѣ*—это, конечно, не было принято въ соображеніе. При второмъ нападеніи, Альбукерке взялъ этотъ городъ, въ 1510 г., сдѣлавъ изъ него столицу португальской Индіи и превосходную гавань ея снабдилъ грозными укрѣпленіями. Съ той поры, униженно стали заискивать милости Португальцевъ мелкіе царьки Индіи и сама упорная *Балькутта* признала въ 1514 г. верховную власть португальскаго короля.

Изъ *Гои* Альбукерке сталъ распространять власть свою все далѣе и далѣе. Онъ упрочилъ вполнѣ за собою торговлю на *Цейлонѣ*; потомъ выступилъ въ походъ противъ *Малакки* и завоевалъ ее; въ 1511 г., послѣ жаркой битвы, въ которой, со шпагой въ рукѣ, лично участвовалъ онъ при взятіи приступомъ моста. Онъ приобрѣлъ здѣсь несмѣтную добычу, построилъ крѣпость и принималъ тамъ пословъ изъ *Сиамы*, *Цеу*, *Явы* и *Суматры*, владѣтели которыхъ всѣ заискивали его дружбы. Часть флота проникла еще дальше и завоевала мѣстожительство самыхъ высокихъ сортовъ пряностей—*Молуккскіе острова*. Всѣ эти страны богатой Индіи были густо населены дѣятельнымъ народомъ, который, хоть и сохранялъ много слѣдовъ прежняго образованія, но, подъ гнетомъ деспотическаго правленія, упалъ духомъ и изнемогъ.

Тогда Альбукерке возвратился къ прежнему плану, — къ завладѣнію *Ормузомъ*, и въ закрытію черезъ это магометанамъ путей въ Индію. Между тѣмъ бѣлоснѣжная борода его отросла до самаго пояса. Въ 1515 г. онъ приступилъ къ городу; Португальцы совершили чудеса храбрости и взяли городъ приступомъ. Это завоеваніе заключило цѣлый рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ героями въ столь короткое время; передъ самымъ отплытіемъ въ *Гою*, онъ получилъ отъ своего короля отставку. Ударъ этотъ еще не столько бы поразилъ его, еслибъ не

былъ назначенъ въ преемники ему человѣкъ, котораго самъ онъ нѣкогда прогналъ за наказаніе въ Португалію. Это извѣстіе было смертельнымъ ударомъ для него, и такъ уже изнуреннаго опасной болѣзнію. Дрожащею рукою написалъ онъ съ корабля къ королю: „Государь! Вотъ послѣднее письмо, которое я, въ судорогахъ смерти, пишу вашему высочеству послѣ столькихъ писемъ, писанныхъ мною къ вамъ въ то время, когда я былъ еще полонъ жизненныхъ силъ! До послѣдней минуты я равнодушно и по доброй волѣ посвящалъ жизнь мою на служеніе вамъ. Я имѣю въ королевствѣ сына, Блаза Альбукерке. Умоляю ваше высочество доставить ему то значеніе, какое подобаетъ ему по моимъ заслугамъ. Что же касается Индіи, она сама будетъ говорить за себя и за меня.“ Альбукерке очень желалъ взглянуть въ послѣдній разъ на Гою; онъ увидалъ ее — и скончался не задолго передъ тѣмъ, какъ корабль его вошелъ въ гавань (1515). Солдаты потеряли въ немъ отца; жители покоренныхъ городовъ обязаны были ему введеніемъ хорошаго административнаго устройства и улучшеніями въ законодательствѣ; побѣжденные народы съ благодарностію прославляли его человѣколюбіе и умѣренность. Мало можно встрѣтить въ исторіи героевъ подобныхъ Альбукерку, героевъ соединившихъ въ себѣ силу воли съ сердечной добротою. Много лѣтъ послѣ его смерти, пожелали перенести прахъ его въ Лиссабонъ; но жители Гемдолго сопротивлялись этому и только панская булла могла убѣдить ихъ выдать останки великаго намѣстника.

ИСПАНЦЫ ВЪ ПЕРУ (1526 г.).

1. ПИЗАРРО.

Со времени удачныхъ походовъ Бальбоа, глаза всѣхъ охотниковъ до золота устремлены были на страну, гдѣ, по рѣчамъ Индійцевъ, — мѣсторожденіе этого металла. Недостойный убійца Бальбоа, Педрарія, былъ слишкомъ трусливъ, чтобъ отважиться на какое-либо предпріятіе, и слишкомъ завистливъ, чтобъ пособить въ немъ другимъ. Такъ оставались тщетными всѣ попытки, пока не вызвались трое искателей приключеній на собственный счетъ предпринять поѣздку въ желанную страну. Этому уже не могъ препятствовать намѣстникъ,

Первый из трех, которому суждено было исполнить великіе, блестящія, достойныя Александра Великаго, подвиги, былъ прежде бѣднымъ свинопасомъ; онъ назывался *Франческо Пизарро*. Побочный сынъ жестокосердаго дворянина и дѣвушки-простолюдинки, онъ рано былъ отданъ въ чужіе люди. Въ борьбѣ съ суровой судьбою не пріучился онъ съ малолѣтства къ тѣмъ нѣжнымъ, общительнымъ чувствамъ, которыя легко усваиваются дѣтьми, вступающими въ жизнь изъ хорошо-устроеннаго отеческаго дома, изъ объятій любящей матери. Оттого во всей жизни Пизарро мы не встрѣчаемъ ни одной черты добродетельства, вѣрной привязанности. Дѣтство провелъ онъ на пастбищахъ съ свиньями, позднѣе, увлекаемый огненнымъ характеромъ, участвовалъ въ походахъ въ Италію, а потомъ—въ путешествіяхъ въ Америку, гдѣ познакомился съ Кортесомъ и съ Бальбоа. Последняго онъ сопровождалъ во всѣхъ походахъ и уже въ то время представилъ много доказательствъ мужества и разума.

Не много меньше дарованій, но гораздо больше добродушія имѣлъ товарищъ его по оружію, *Діэго дель Альмагро*, человекъ, не знавшій даже кто были его родители. Третій, неразрывный ихъ товарищъ, былъ священникъ *Гернандо де Люкз*, доставившій на походъ деньги, которыя накопилъ онъ ростовщичествомъ; ему обѣщали первое епископство въ Перу.

Альмагро тоже употребилъ на предпріятіе все свое имѣніе, а Пизарро, у котораго ничего не было, вызвался принять на себя трудную должность вождя. Альмагро обязывался, отъ времени до времени, высылать ему пособія, а добычу должны они были дѣлить поровну. Договоръ этотъ поклялись они исполнить на освященномъ ангцѣ (*hostie*), часть отъ котораго принималъ каждый изъ договаривающихся. Люкзъ отслужилъ при этомъ обѣдню.

14-го ноября 1525 г. Пизарро отправился въ путь на одномъ кораблѣ и съ 113 человекъ экипажа. Онъ выбралъ самое неблагоприятное время года, и въ 70 дней прошелъ едва столько разстоянія, сколько нынѣшній мореходецъ можетъ пройти въ 70 часовъ. Вообще все странствіе такъ медленно подвигалось впередъ, такъ часто принуждены были, по причинѣ больныхъ, останавливаться на маленькихъ островахъ, что, безъ сомнѣнія, изъ этого похода ничего бы не вышло, еслибъ Аль-

нигро не являлся безпрестанно съ людьми и женскими принадами, да еслибъ самъ Пизарро не былъ одаренъ непреклоннымъ характеромъ. Предпринимчивость его возрастала по мѣрѣ увеличивавшихся затрудненій. Только въ концѣ 1526 г. достигъ онъ береговъ Перу. Но онъ намѣлъ страну эту стоишь многолюдной, такъ хорошо обработанной, что нечего было и думать утвердиться тамъ съ небольшимъ числомъ людей. Поэтому Пизарро удовольствовался тѣмъ, что вымѣнялъ у Перувианцевъ множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ за европейскія бездѣлушки, да взялъ съ собою двухъ человѣкъ изъ молодыхъ Перувианцевъ, которыхъ хотѣлъ обучить по испански, для употребленія ихъ, впоследствии, переводчиками. Такимъ образомъ, послѣ трехъ лѣтъ почти понапрасну проведенныхъ въ трудахъ, онъ возвратился въ 1527 г. въ Панаму.

Не добившись отъ намѣстника никакого пособія, Пизарро отправился прямо въ Испанію, явился къ королю Карлу и представилъ ему живую картину претерпѣнныхъ имъ бѣдствій и несмѣтныхъ богатствъ Перу. Король, которому стоило только дать Пизарро титулъ, назначилъ его намѣстникомъ странъ, какія онъ завоюетъ, и уполномочилъ выбирать самому своихъ офицеровъ и прочихъ должностныхъ лицъ. Взамѣнъ того Пизарро съ товарищами своими принималъ на свой счетъ всѣ издержки предпріятія. Кортесъ, находившійся на ту пору въ Испаніи, лишь только услышалъ о предпріятіи стараго товарища по оружію, — тотчасъ же ссудилъ его значительною суммою денегъ и далъ ему хорошіе совѣты.

Въ 1529 г. Пизарро отправился въ путешествіе на трехъ корабляхъ съ 180 человѣками экипажа. На тринадцатый день онъ присталъ къ берегамъ Перу. Въ надеждѣ на свои пистолеты и мушкеты да на 36 лошадей, которыя должны были показаться для туземцевъ диковиннымъ явленіемъ, Пизарро не только не воспользовался мудрыми совѣтами Кортеса, а напротивъ, подобно хищному звѣрю, накинулся на робкія толпы жителей. Индійцевъ разогнали, а при грабежѣ ихъ хижинъ нашли несмѣтное количество золота. Когда разнеслась молва объ этой добычѣ, Альмагро было легко набрать въ Панамѣ множество свѣжихъ рекрутовъ и выслать ихъ Пизарро. Первая колонія, названная Сан-Мигуэлемъ, была основана при рѣкѣ Пиурѣ.

При буйномъ неразуміи, съ какинѣ вѣлъ дѣла Пизарро, невозможно было бы ему, въ столь короткое время съ нѣсколькими сотнями войска завоевать многолюдную страну, простиравшуюся на 300 миль вдоль берегу моря;—еслибъ въ то самое время внутреннія распри не раздирали Перувианской монархіи. Не задолго до прибытія Испанцевъ, умеръ *Инка* или король (называвшійся также *сыномъ солнца*), по имени *Гуана Капакъ*. Король этотъ былъ весьма воинственъ; онъ завоевалъ собѣдственнымъ государство *Каито* и женился на дочери короля этого государства. Но послѣдній поступокъ не былъ законнымъ, потому что Гуана-Капакъ имѣлъ уже жену. Отъ первой жены былъ у него сынъ *Гуаскаръ*, отъ второй — другой сынъ, *Атагуальпа*. По вѣлѣ отца они должны были подѣлить между собою оставленные имъ владѣнія; но Гуаскаръ не захотѣлъ дѣлиться — и несчастное государство терзалось междоусобной войною. Атагуальпа, имѣвшій въ распоряженіи войска своего отца, взялъ въ плѣнъ своднаго брата и умертвилъ всѣхъ остальныхъ потомковъ рода Инковъ.

По милости этого раздора, Пизарро могъ проникнуть въ самую глубь страны не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Услыхавъ о прибытіи иностранцевъ, Гуаскаръ тотчасъ отправилъ пословъ къ нимъ съ просьбою о помощи. Атагуальпа, которому такое дѣло не слишкомъ понравилось, тоже послалъ гонцовъ къ Пизарро, и старался приобрести его дружбу богатыми подарками. Пизарро приказалъ отвѣтить Атагуальпѣ, что готовъ помочь ему, лишь бы только сначала переговорить съ нимъ лично, такъ какъ онъ — посланникъ великаго короля и имѣетъ открыть Атагуальпѣ важныя вещи. Между-тѣмъ Пизарро отправился самъ на встрѣчу королю въ *Камамку*, перувианское мѣстечко, гдѣ нашелъ нѣсколько каменныхъ зданій странной постройки: то были и храмы-солнцы и дворецъ. Пизарро легко превратилъ въ бастионы эти первыя каменные груды; окопалъ ихъ рвами и поставилъ передъ входомъ дѣя пунки.

2. АТАГУАЛЬПА ВЪ ПЛѢНУ (1532 г.).

Пизарро ставилъ себѣ образцомъ Кортеса; онъ страстно желалъ поработать ему въ дѣлѣ въ плѣнъ Монтесумы, а добродушная довѣрчивость Инки чрезвычайно облегчила исполненіе этого замысла.

Получивъ дружеское приглашеніе, Инка обѣщала посѣтить Пизарро и, дѣйствительно, явился къ нему съ такою пышностію, окруженный такимъ благоукстреннымъ, изящно одѣтымъ придворнымъ штатомъ; что Испанцы не могли смотрѣть на него безъ удивленія. Все, что говорилъ Инка, было весьма разумно; другъ челоѣчества порадовался бы, глядя на этихъ достойныхъ полудикарей. Но Пизарро думалъ только о золотѣ, — могъ ли онъ уважать *язычника* Атагуальпу? Тутъ произошла одна изъ самыхъ отвратительныхъ сценъ, какая только извѣстна въ исторіи.

Священникъ при стрѣдѣ Пизарро; *Викентій Валаверда* выступилъ впередъ и на испанскомъ языкѣ началъ говорить Инкѣ странную рѣчь, въ которой разсказалъ о сотвореніи міра, о грѣхопадении, о вочеловѣченіи, страданіяхъ и воскресеніи Христа, далѣе о назначеніи св. Петра въ наѣстники Иисусу Христу, о папѣ и проч.; затѣмъ потребовалъ, чтобы Инка обратился въ христіанскую вѣру и покорился папѣ и королю испанскому; а въ заключеніе, угрожалъ ему страшнѣйшими наказаніями въ случаѣ отказа.

Не возможно было ясно передать все это Инкѣ на перувіанскомъ нарѣчій. Однако, на все, что могъ понять изъ неразумной рѣчи, Инка отвѣчалъ умно и ужѣренно. Патеръ, по глупости своей, пришелъ въ величайшую ярость; и, безпрестанно ударяя по часослову, восклицалъ: „Здѣсь сказано! здѣсь сказано!“ Инка спокойно взялъ книгу и, незнакомый съ европейскими письменами, приложилъ ее къ уху: „Молчить, сказалъ онъ: ничего мнѣ не говорить!“ и равнодушно бросилъ книгу на землю. „Ахъ, проклятый язычникъ! воскликнулъ попъ: такъ-то кощунствуешь ты надъ. Словомъ Божіимъ! Видѣли ли вы, христіане? Къ оружію! Къ оружію! Отомстите безбожнымъ собакамъ за оскорбленіе святыни!“ Пизарро подалъ знакъ, и въ одно мгновеніе обнажились мечи; Перувіанцевъ, стоявшихъ возлѣ Инки, изрубили; самого же Инку увлекъ за собою Пизарро. Между тѣмъ за воротами палили пушки, производя ужасъ и смятеніе не столько смертоноснымъ своимъ дѣйствіемъ, сколько внезапными вспышками огня и страшнымъ громомъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разогнали войско въ 30,000 чел., стоявшее въ долинѣ, — какъ ударъ рукою по столу разгоняетъ кучу мухъ. Но фанатизмъ Испанцевъ не удовольствовался этимъ торжествомъ. Конница сѣла на лошадей,

преслѣдовала бѣглецовъ и рубила Индійцевъ, — пока не смерилось. Очитаютъ, что въ этотъ день было убито до 4000 Перувійцевъ. Добыча золотомъ и серебромъ была несмѣтна.

3. СМЕРТЬ АТАГУАЛЬНЫ (1533).

Несчастный Инка послѣ первыхъ минутъ изумленія, тупаго безпамятства, когда опомнился — съ неописаннымъ ужасомъ, увидалъ себя безъ друзей, въ кругу грозныхъ иноземцевъ, которые тѣпились его жалкимъ видомъ. Инка плакалъ, трепеталъ, не зная, что дѣлать, что сказать. Но увидавъ, съ какою ачтностію рѣются Испанцы въ награбленное ими золото, онъ вызвался, если отпустить его на свободу, доставить имъ полную комнату, — покуда можно достать рукою, — этого *украшенія*, ибо желтый металл не имѣлъ для него другой цѣны. Испанцы оцѣнили отъ радости при этомъ предложеніи. Пизарро велѣлъ Атагуальпу на словѣ, провести на данной высотѣ черную черту по всѣмъ четыремъ стѣнамъ комнаты, имѣвшей 22 фута въ длину и 16 футовъ въ ширину, и, съ своей стороны, далъ слово выпустить его на свободу если онъ исполнитъ обѣщаніе.

Перувійцамъ, опомнившимся послѣ перваго страха, легко было бы одолѣть малочисленныхъ Испанцевъ, но любовь къ плѣнному Инкѣ не дозволила имъ раздражать грозныхъ враговъ. Они поспѣшили спосылать къ нимъ изъ домовъ и храмовъ всей обширной монархіи золотые сосуды; каждодневно приходили съ своими сокровищами люди изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. *Гуаскаръ*, все еще содержавшійся въ плѣну у приверженцевъ Атагуальпы, лишь слышалъ о всемъ этомъ, сталъ предлагать Пизарро еще больше золота, если только онъ освободитъ его. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Атагуальпа приказалъ умертвить своднаго брата. Убийство это пришлось для Пизарро какъ нельзя болѣе кстати; оно давало ему предлогъ нарушить данное слово. Когда наполнили золотомъ всю комнату до самой черты и, полный надежды, Инка ожидалъ уже получить свободу, — къ смертельному его ужасу, объявили ему, что о свободѣ нечего ему и думать.

Между тѣмъ Альмагро приводилъ другу своему рекрутовъ за рекрутами; всѣ желали служить въ Перу. Дѣйствительно, исторія не предста-

вляеть подобнаго примѣра обогащенія солдатъ. Послѣ дѣла сопровицъ, на долю каждаго всадника пришлось 8000 пецовъ (въ то время *песу* стоилъ ровно фридрихсдоръ), на долю каждаго пѣхотинца 4000, офицеры же получили громадныя суммы. Съ казной болѣе полутора милліона талеровъ отправился въ Испанію младшій братъ Пизарро для поднесенія этихъ денегъ изумленному королю. Онъ привезъ Изъ Испаніи съ собою столько искателей приключеній, что вскорѣ Перу кишѣло Испанцами, которые играли золотыми, какъ полушками, а съ Перувианцами обращались, какъ съ домашними животными.

Плѣнный Инка былъ давно уже въ тягость для Пизарро и онъ задумалъ сбыть его съ рукъ, но въ законной формѣ, такъ чтобы и совѣсть была спокойна, и преступленіе имѣло, въ глазахъ недалековидныхъ людей, видъ справедливости. Пизарро назначилъ день для произнесенія приговора, созвалъ адвокатовъ и писарей, велѣлъ писать протоколы, выслушать свидѣтелей и нести процессъ по всей формѣ. Пизарро и Альмагро присутствовали лично на судилищѣ. Кончилась эта комедія тѣмъ, что несчастнаго Инку, какъ похитителя престола, братоубійцу, идослужителя, многоженца и мятежника противъ испанскаго короля, присудили *къ сожженію живымъ на кострь*. Всѣ присутствующіе, не исключая Балаверды, подписали приговоръ, который положено было исполнить немедленно. Узнавъ объ этомъ, Инка поблѣднѣлъ отъ ужаса. Онъ умолялъ о пощадѣ, плакалъ, просилъ, чтобы отослали его въ Испанію, говорилъ, что, можетъ быть, король будетъ человѣколюбивѣе—напрасно! Пизарро приказалъ ту же минуту вести его на казнь. На пути къ мѣсту казни, Балаверда подошелъ къ Инкѣ съ убѣжденіями принять христіанскую вѣру, обѣщая, въ такомъ случаѣ, что казнь будетъ смягчена. Надежда на жизнь увлекла бѣднаго Инку, онъ окрестился, и за это, за нѣсколько минутъ до сожженія—его задушили.

Многіе благородные офицеры и простолюдины отвратили взоры отъ ужаснаго зрѣлища и громко роптали на безчестіе, нанесенное испанскому имени.

4. СМЕРТЬ АЛЬМАГРО (1538)

Войско Пизарро росло почти съ каждыиъ мѣсяцемъ, это дало ему возможность идти на *Кууко*, столицу Инковъ, и овладѣть этимъ горо-

домъ. Альмагро получилъ отъ испанскаго двора выговоренную имъ награду, которой никакъ не могъ добиться отъ Пизарро, а именно — наместничество на 200 миль страны, въ области Пизарро. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мѣстности оказалось, что Буцко принадлежитъ къ области Альмагро: изъ-за этого возникли между двумя вождями первыя несогласія. Впрочемъ, Пизарро принужденъ былъ уступить; поэтому Альмагро отправился въ походъ, черезъ высокія горы, въ Чили: то были одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ и неблагоприятныхъ походовъ, когда-либо предпринятыхъ. Альмагро нашелъ въ Чили мало золота и такой воинственный народъ, что недѣля было и думать о колонизаціи.

Тѣмъ временемъ Пизарро устроилъ правленіе въ Перу, выстроилъ настоящую столицу, нынѣшнюю Лиму (1535 г.) и, по старому, подѣлилъ между Испанцами всѣ земли и всѣхъ жителей. Многіе офицеры съ небольшими отрядами разсѣялись по окрестностямъ, частью для изученія внутренней страны, частью для отысканія золота. Этимъ воспользовался одинъ изъ оставшихся потомковъ дома Инковъ; онъ собралъ свои народы и тайно стѣснилъ въ Буцко небольшой испанскій гарнизонъ, что чуть не истребилъ его голодомъ. Но подоспѣлъ возвратившійся изъ Чили Альмагро; разбилъ Перувианцевъ, а также полонилъ и испанскій гарнизонъ, въ числѣ котораго находились два брата Франческо Пизарро. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе причинъ требовать себѣ отъ Пизарро области, что его дикая страна не подходила ни подъ какое сравненіе съ богатымъ и прекраснымъ Перу. Взявъ силою то, что ему принадлежало по праву, онъ доказалъ, что знаетъ нравъ Пизарро. Друзья совѣтовали ему даже казнить двухъ братьевъ Пизарро, такъ-какъ иначе — этотъ послѣдній можетъ предупредить его; но такой поступокъ показался Альмагро слишкомъ жестокимъ.

Это доказательство челоуѣколюбія послужило ему же на гибель. Одинъ изъ братьевъ Пизарро успѣлъ бѣжать, другаго, самъ Пизарро предложилъ отправить посланникомъ въ Испанію, дабы король рѣшилъ споръ. Альмагро, очень желавшій уладить дѣло полюбовно, повѣрилъ хитрому пройдохѣ, который такъ часто его обманывалъ — и отпустилъ его брата. Вѣдѣя того, чтобъ пѣсть въ Испанію, бывший плѣнникъ подступилъ къ Буцко со всѣмъ войскомъ: Пизарро, въ виду явнѣйшаго Перувианцевъ,

смерть тирану!“ устремились ко дворцу наместника. Пизарро только что вышел из за стола и разговаривал съ нѣсколькими друзьями, когда нахъ вбѣжалъ въ комнату и объявилъ объ опасности. „Запри дверь!“ крикнулъ Пизарро одному офицеру; но офицеръ растерялся, — онъ вышелъ на встрѣчу приближающимся заговорщикамъ и сталъ спрашивать, что имъ надобно. Отвѣтомъ ему былъ смертоносный ударъ. Заговорщики двинулись дальше; нѣкоторые изъ друзей Пизарро повыскакали изъ оконъ, другіе, вѣстѣ съ Пизарро, удалились во внутреннія комнаты. Тамъ продолжался жаркій бой. Старый Пизарро защищалъ входъ мечемъ и щитомъ, и сражался съ пыломъ юнаго воина. „Не бойтесь, товарищи, кричать онъ; насъ довольно еще; чтобы наказать измѣнниковъ.“ Послѣ продолжительнаго боя, палъ долѣ него сведный братъ его Альбантара; потомъ остальные сведовидники, а наконецъ и Пизарро, истощенный силами, задыхаясь отъ усталости, получилъ смертельную рану въ горло. — Смерть его достойна была жизни; не вѣдая состраданія, онъ и самъ сдѣлался жертвою дикаго навідія; никто и слезинки не проронилъ о немъ.

7. Фернандо Магелланъ (1519—1522).

Пока совершались великія дѣла въ Америкѣ, одинъ опытный мореходецъ сдѣлалъ чуть ли не больше. Проходъ въ Индію, котораго такъ давно и напрасно искали, открылъ наконецъ португалецъ Фернандо Магелланъ, который совершилъ много подвиговъ въ Остѣ-Индіи, но раздраженный какими-то несправедливостями, оставилъ службу своего короля и обратился въ Испанію. Тамъ обязался онъ Карлу V открыть путь въ Индію черезъ Америку, и получилъ флотъ изъ пяти кораблей, съ которыми отплылъ изъ Севильи 10 августа 1519 г.

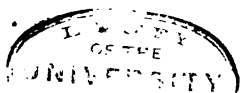
Онъ имѣлъ на судахъ 234 человѣка экипажа, надъ которыми, помни печальное положеніе Колумба и Васко де Гамы, потерѣвшихъ болѣе отъ сопротивленія своихъ людей, чѣмъ отъ бурь и волнъ, выговорилъ себѣ безусловное право жизни и смерти. Достигнувъ Канарскихъ острововъ, Магелланъ отправился на Югъ и сталъ изслѣдовать каждый заливъ на берегахъ Южной Америки. Только 12 января 1520 г. достигъ онъ устья рѣки Ла Платы. Съ той поры, пришлось ему безпрестанно бо-

ротыся съ непогодными и опасными подводными камнями, а достигнувъ 48-го градуса южной широты, онъ принужденъ былъ зайти въ гавань св. Юлиана и простоять тамъ всю зиму, которая, какъ извѣстно, по ту сторону лини, совпадаетъ съ нашими лѣтними мѣсяцами.

Тамъ мореходы впервые познакомились съ породой людей необычайнаго роста; люди этого племени имѣли до 7-ми и болѣе футовъ; поэтому показались Испанцамъ народомъ великановъ. Лица ихъ были расписаны красной краскою, около глазъ имѣли они желтыя полосы, а на щекахъ два сердцевидныхъ пятна. Они носили пѣхвовыя одежды и хорошо владѣли стрѣлами и луками. Были они тоже много соразмѣрно своему росту. Двухъ изъ нихъ Магелланъ взялъ въ плѣнъ, чтобы, какъ диковинку, показывать въ Европѣ; каждый изъ дикарей этихъ съдалъ ежедневно по корзинѣ сухарей и залпомъ выпивалъ по полу-ведру воды. Мышей они ѣли сырыхъ. Этотъ народъ испанцы Магелланъ называлъ „Патагонцами.“

Неслучилось нѣго, чего такъ давно онъ опасался. Тѣ изъ людей его, которые оставили въ Испаніи женъ и дѣтей, не видали ни какого основанія подвергаться, день за днемъ, всяческимъ опасностямъ, въ дикихъ странахъ и на бурныхъ моряхъ, ради какого-нибудь искателя приключеній. Они не хотѣли идти на встрѣчу вѣрной смерти для отысканія прохода черезъ Америку. Начался страшный мятежъ, подстрекаемые возбуждались противъ начальниковъ и избрали себѣ другихъ, съ которыми хотѣли возвратиться домой. Однако молодцы Магеллана и помощники, оказавшая имъ много матросами, оставшимися ему вѣрными, возвратили ему опять начальство: онъ приказалъ повѣсить и потомъ четвертовать мятежниковъ; одного же священника и офицера, тайно подстрекавшихъ къ бунту, посадилъ на необитаемый островъ.

Магелланъ попылъ дѣше на Югъ, и наконецъ, близъ Огненной Земли, отыскалъ желанный проходъ. Не возможно описать его радости! Впрочемъ, радость эту испортила ему потеря корабля, который отиразленъ была имъ для исследования одного залива, и не воротился. Другой корабль, еще прежде, разбился, во время бури, о скалы. Три не вѣли крейсировалъ Магелланъ по извилистому и опасному пути, который и доселѣ еще носить его имя, и 27-го ноября 1520 г. съ такой же радостію, какъ нѣкогда Бальбоа съ вершины горы, увидалъ онъ наконецъ

Южное море, до всахъ его необятномъ пространствѣ. Попутный вѣтеръ безостановочно благопріятствовалъ его плаванію: черезъ пространнѣйшій океанъ, небо во все время плаванія было постоянно ясно, что и подало мысль Магеллану назвать это море *Тихимъ Океаномъ*. Три мѣсяца и двадцать дней летѣли суда, не увидавъ ни разу земли. Съѣстные припасы всё вышли, свѣжей воды вовсе не было, а солнечные лучи ударили отвѣсно въ головы мореплавателей. Экипажъ заболѣлъ. Наконецъ, 6 марта 1521 г. достигли до группы острововъ и, со слезами радости, привѣтствовали землю. Магелланъ назвалъ острова эти *los Ladrones* (Разбойничьими островами), потому что запелъ жителей склонными къ воровству, и до сихъ поръ острова носятъ это названіе. Чистая вода, обиліе освѣжительныхъ плодовъ, въ нѣсколько дней восстановили здоровье больныхъ. Особенно же полезно было для нихъ молоко кокосовыхъ орѣховъ. Съ Разбойничьихъ острововъ, Магелланъ направился къ *Филиппинскимъ*—такъ онъ назвалъ ихъ, — *островами*. Но здѣсь экипажъ его поссорился съ дикарями; въ ссудѣ, Магелланъ получилъ рану стрѣлою, отъ которой вскорѣ и умеръ (27 апрѣля 1521 г.).

Остатокъ небольшого его экипажа продолжалъ путь и 8 ноября достигъ большаго острова *Барнео*. Оттуда прибыли они на *Тидоръ*, одинъ изъ Молуккскихъ острововъ, гдѣ уже находились Португальцы, которые не мало дивились появленію Испанцевъ, такъ какъ съ Востока не ожидали Европейцевъ. Вскорѣ между обоими народами произошло столкновеніе: экипажъ одного очень поврежденнаго, — изъ двухъ испанскихъ кораблей, принужденъ былъ сдаться Португальцамъ. Другой же корабль наскоро взявъ припасовъ съ Молуккскихъ острововъ и съ этими грузомъ продолжалъ путь къ мысу Доброй Надежды. Безъ дальѣйшихъ приключеній, онъ обогнулъ мысъ и 7-го ноября 1522 г. многострадательные путники достигли наконецъ Севильской пристани, изъ которой отплыли пять лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ совершенно было *первое кругосветное путешествіе*. Многихъ трудовъ и опасностей стоило приобрѣтеніе первыхъ познаній о нашемъ земномъ шарѣ, познаній, которыя нынѣ такъ легко получаетъ каждый ученикъ.

ГЛАВА II.

Борьба реформаци.

I. ЕРЕТИКИ И РЕФОРМАТОРЫ ДО ЛЮТЕРА.

1. Арнольдъ Брешианскій.

Послѣ крестовыхъ походовъ всѣ понятія сдѣлались яснѣе, мысль оживилась. Съ той поры возникъ тотъ духъ сомнѣнія, пытливости и изслѣдованія, который направился сначала противъ внѣшнихъ формъ церкви, — преобладанія духовенства и обрядности, а потомъ обратился противъ внутренняго смысла, т. е. ученія церкви. Если въ первое время и не слышно было о религиозныхъ сектахъ на Западѣ, зато, съ двѣнадцатаго и съ тринадцатаго столѣтій, стали часто появляться не только отдѣльные мыслители, но и цѣлыя секты, которыя противудѣйствовали власти папы и, для побѣды надъ нею, ссылались на первоначальное ученіе Христово, какъ изложено оно въ Евангеліи.

Однимъ изъ первыхъ реформаторовъ, ратовавшихъ съ речистію горячей любви къ истинѣ и праву противъ папскаго престола былъ *Арнольдъ*, уроженецъ *Брешии* въ Ломбардіи, родившійся въ началѣ 12-го столѣтія. Въ юношескіе годы, исполненный силы и пламенной любви ко всему великому, онъ учился въ Парижѣ у глубокомысленнаго *Абелярда*; ученіе это возбуждало въ немъ высокія мысли, — и тѣмъ болѣе негодовалъ онъ на упадокъ церкви и ея учителя, тѣмъ яростнѣе нападалъ на нихъ, не дававшихъ мѣста медленно, но вѣрно дѣйствующей, силѣ истины.

Арнольдъ утверждалъ, что духовнымъ лицамъ не подобаетъ пользоваться ни властью, ни богатствомъ, что то и другое составляетъ принадлежность свѣтскихъ властителей, что тогда только церковь исправится, когда возвратитъ она государству свѣтскія имущества, когда духовенство займется исключительно спасеніемъ души и будетъ доволь-

ствоваться добровольными приношеніями или десятинами. Пламенные рѣчи Арнольда сдѣлали его чрезвычайно популярнымъ въ народѣ, но и навлекли на него ненависть духовенства. Прелаты объявили ученіе его ересью; епископъ Брешии обвинилъ Арнольда передъ папою, а Иннокентій II изгналъ его изъ Италіи (въ 1139 г.).

Арнольдъ удалился во Францію; но и тамъ не могъ долго оставаться. Онъ началъ усердно отстаивать учителя своего, Абеларда, и враги послѣдняго обратились противъ него самого, а когда, вслѣдъ затѣмъ, Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво, сталъ въ числѣ его обвинителей, папа приказалъ заключить Арнольда, какъ преступника, въ монастырь. Поспѣшнымъ бѣгствомъ онъ спасся отъ этого приговора и нашелъ убѣжище въ Цюрихѣ. Констанцкій епископъ, къ епархіи котораго принадлежалъ Цюрихъ, дозволилъ ему тамъ оставаться и самъ легатъ папы, другъ Абеларда, оказывалъ уваженіе Арнольду. Въ Цюрихѣ Арнольдъ продолжалъ проповѣдывать, какъ нѣкогда въ Брешии, противъ испорченности духовенства, — указывая и на средства къ его исправленію.

Вскорѣ Римляне возстали противъ папскаго вѣдѣнія и пытались возстановить древнія римскія учрежденія. Они взяли Капитолій, избрали сенатъ и во главѣ его поставили патриція. Арнольдъ посѣщилъ въ Римѣ, и ревностно нападалъ тамъ на владычество папы. Онъ убѣдилъ Римлянъ просить нѣмецкаго короля Конрада III перенести въ Римъ столицу Имперіи. Конрадъ не обратилъ вниманія на эту просьбу, однако три послѣдующіе папы не могли возстановить спокойствія и изгнать Арнольда; онъ оставался въ Римѣ, покровительствуемый вѣлѣномами, любимымъ народомъ. Наконецъ папѣ Адріану IV удалось уничтожить этого врага папской власти. Однажды одинъ изъ приверженцевъ Арнольда напалъ на улицѣ на кардинала и смертельно поранилъ его; тогда Адріанъ запретилъ всякое богослуженіе въ Римѣ: перестали звонить въ колокола, служить обѣдни, принимать исповѣдь. Никогда еще надъ Римомъ не тяготѣло церковное запрещеніе, — народъ смутился, и заставилъ сенаторовъ помириться съ папою. Арнольдъ принужденъ былъ скрыться изъ Рима. Папскому легату удалось-было схватить его: но графъ Кампанія освободилъ Арнольда и отвезъ его къ себѣ въ замокъ. Вскорѣ послѣ того, прибылъ въ Италію императоръ Фридрихъ I. Онъ принудилъ графа выдать папѣ Арнольда.

Получивъ во власть свои еретика, Адрианъ тотчасъ же приказалъ его повѣсиль (въ 1155) и тѣло его сожгли и пепелъ бросили въ Тибръ.

2. ПЕТРЪ ВАЛЬДУСЪ И ВАЛЬДЕНЦЫ *).

Преданіе производить Вальденцевъ отъ основателя ихъ секты, Петра Вальдуса. По разсказамъ, жилъ въ 12-мъ столѣтіи, въ Міонѣ; купецъ Вальдусъ, который велѣлъ перевести для себя на французскій языкъ нѣкоторыя библейскія книги, и между прочимъ Евангеліе. Чтеніе этихъ книгъ породило въ немъ убѣжденіе, что въ римской церкви не все идетъ какъ бы слѣдовало, а это убѣжденіе внушило ему мысль жить и учить, какъ жили и учили апостолы. Онъ продалъ все свое имѣніе, вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ и всенародно училъ тому, что самъ зналъ объ ученіи Іисуса Христа и апостоловъ. Къ нему стекалось множество мужчинъ и женщинъ, преимущественно же изъ низшаго званія; онъ посылалъ ихъ распространять Евангеліе, увѣщавать народъ къ исправленію нравовъ. Архіепископъ міонскій запретилъ ему, какъ человѣку свѣтскаго званія, проповѣдывать и объяснять Св. Писаніе; но Петръ Вальдусъ былъ убѣжденъ, что, по словамъ Библии, каждый братъ о Христѣ долженъ увѣщавать, предостерегать и утѣшать другихъ; онъ не послушалъ запрещенія, говоря, что Бога слѣдуетъ слушать больше, чѣмъ людей.

Быстро распространялось новое ученіе въ южной Франціи, а оттуда, черезъ Альпы, въ Италію и, черезъ Пиринеи, въ Испанію. Вальденцы ревностно дѣйствовали; притомъ же, притязанія и пороки римскаго духовенства производили соблазны, а Вальденцы отличались безукоризненнымъ поведеніемъ, усердіемъ и смиреніемъ. Но чѣмъ больше возрастало число ихъ, тѣмъ сильнѣе были гоненія на нихъ со стороны той подставушей церкви. Въ 1164 г., папа Луцій III подвергъ ихъ церковному проклятію; въ 1169 г., Иннокентій III приписавъ епископу города Меца истребить французскій переводъ Библии, распространенный Вальденцами. Но не помогли ни приказанія, ни проклятія, и Иннокентій устроилъ престольный походъ на еретиковъ. Война была проведена на; два могущественные графа: Тулузскій и де Монперира на сторону

* У Назвизакъ гдѣсь: „Альбигойцы“, отъ города Альби, въ южной Франціи.

Вальденцевъ, въ 1209 г., войско крестоносцевъ взяло приступомъ городъ Базель, сожгло въ церкви 4000 человекъ и послало мечей 20,000. Въ этой бойнѣ подвергались смерти и вѣрующіе и еретики. „Бейте, бейте! кричалъ одинъ аббатъ: Господь разберетъ тамъ своихъ!“ Баркассона сдалась на договоръ, и, не смотря на то, жители принуждены были выйти изъ города босикомъ, въ однихъ рубашкахъ, оставить побѣдителямъ все свое имущество. Нѣкоторые изъ Вальденцевъ, по разсказамъ, переселились въ Богемію и Моравію.

3. Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

1.

Іоаннъ Гусъ родился, въ 1373 г., въ мѣстечкѣ Гусинецъ, въ южной Богеміи, и получилъ образованіе въ Пражскомъ университетѣ. Тамъ онъ былъ оцъ магистромъ свободныхъ искусствъ, потомъ публичнымъ преподавателемъ, а съ 1402 г., — священникомъ Влцеской церкви и духовникомъ Софіи, супруги короля Венцеслава. Задушевнымъ другомъ Гуса былъ богемскій дворянинъ Іеронимъ Фаульфишъ, обыкновенно называемый *Іеронимомъ Пражскимъ*. Изъ любви къ наукѣ, Іеронимъ посѣтилъ нѣсколько университетовъ, между прочими и Оксфордскій, гдѣ познакомился съ ученіемъ *Виклефа*, направленнымъ тоже противъ власти папы. По возвращеніи на родину, и онъ получилъ мѣсто преподавателя при Пражскомъ университетѣ.

Прочитавъ сочиненія Виклефа, Гусъ пришелъ въ такой восторгъ отъ его ученія, что не только сталъ рекомендовать его у себя на лекціяхъ, распространять переводами, но и самъ сталъ ратовать въ проповѣдяхъ противъ испорченности и злоупотребленій господствующей церкви. Подобно Арнольду Бруннанскому, онъ училъ, что было бы весьма полезно ограничить доходы духовенства, а подобно Виклефу, утверждалъ, что всѣ епископы и священники — такіе же преемники апостоловъ, какъ папа и кардиналы, что не папа, а Іисусъ Христосъ — глава церкви, и что христіанскія дѣянія слѣдуетъ, почерпая изъ Библіи.

Эти мнѣнія возбудили противъ Гуса сильную вражду. По наущенію Пражскаго епископа, сожгли публично сочиненія Виклефа, и самому Гусу

запретили говорить проповѣди. Но онъ предложилъ проповѣдывать и самъ на поплавахъ его на судъ къ себѣ, въ Римъ. Король Венгославъ, схвативъ его и многіе изъ богемскихъ вельможъ вступились за Гуса и напѣвными стали его лично явиться въ Римъ. Гусъ пошелъ дальше, онъ возсталъ противъ отпущенія грѣховъ, дарованнаго папою всѣмъ приващившимъ участіе въ войнѣ его съ королемъ Неополитанскимъ; тогда папа изрекъ анафемѣ противъ него и наложилъ запрещеніе на городъ Прагу; доколе пока Гусъ въ немъ останется. Гусъ принужденъ былъ покинуть городъ и скрыться въ родномъ своемъ Гусинѣ. Но и оттуда продолжалъ онъ проповѣдывать противъ папы, и за приговоръ его ашигировать на Христу, какъ истинному главѣ церкви. Партія его въ скоромъ времени восторжествовала въ Прагѣ и, въ августѣ 1414 г., онъ уже возвратился въ университетъ.

Между тѣмъ, созванъ былъ церковный соборъ въ Констанціи Констанціи. Императоръ Сигизмундъ требовалъ, чтобъ и Гусъ явился на соборъ и далъ отвѣтъ за свое ученіе. Соборъ былъ созванъ съ цѣлью предпринять *реформации* или улучшеніе церкви „во главѣ ея и въ членахъ“. Гусъ сознавалъ, что ратовалъ не противъ христіанскаго исповѣданія, а только противъ злоупотребленій церковныхъ. Въ Богеміи, даже молва всякія на него обвиненія; даже новый епископъ Прагскій, даже судья Бретановъ, Николай Назаретскій, дали ему письменное свидѣтельство, что въ ученіи его нѣтъ никакой ереси. Итакъ, Гусъ рѣшился ѣхать на соборъ, тѣмъ болѣе, что и императоръ Сигизмундъ далъ ему царское свое слово. Не смотря на то, мрачныя предчувствія проникали въ душу Гуса. Въ прощальномъ письмѣ къ Богемцамъ онъ упоминаетъ о могущественныхъ врагахъ, которыхъ встрѣтитъ въ Констанціи; и проситъ друзей молить Бога, чтобы помогъ. Онъ ему, бѣгъ вѣда для совѣсти, возвратиться въ Богемію, или же, по приговору Спасителя, твердымъ избрѣтитъ смерть.

Гусъ отправился въ путь 11 октября съ тремя знатными добрянами, которыхъ Венгославъ далъ ему въ провоматы. Въ Нюрнбергѣ, онъ получилъ охранную грамоту отъ императора, и, 3 ноября, прибылъ въ

Констанция. Такъ и пача. Людей XXIII общасть ему безопасность и по-
мощь, даже сняли съ него знаменъ. Но ничто не могло склонить Гуса къ
измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Онъ и въ Констанціи проповѣдывалъ то же
ученіе. Тогда взяли его подъ стражу: несмотря на возраженіе императо-
ра, присутствованіе въ Констанціи предаты доказывали, что на слѣ-
дуетъ держать слова даннаго еретикъ. Когда же онъ былъ въ
Венгріи, прѣлѣ ареста, Гуса привели изъ темницы въ собраніе. Прѣла-
ты объявляли ученіе его еретическимъ и нѣсколько разъ требовали, чтобъ
онъ отринулся отъ него. Но Гусъ съ твердостію, возражалъ имъ, объяв-
ляя, что только тогда отречется, когда представятъ ему катъся. Писанія
доказательства его заблужденій. И въ торжественномъ собраніи, гдѣ при-
нималъ участіе императоръ Сигизмундъ, Гуса приговорили, какъ
еретика, къ сожженію. Передъ городскими воротами, былъ воздвигнутъ
костеръ; съ твердостію, спокойствіемъ, не переставая молиться, прибли-
зился Гусъ къ мѣсту казни. Сняли съ него священническое облаченіе, а
на голову надѣли остроконечный, бумажный колпакъ съ изображеніемъ
трехъ чертей. Гусъ вспоминалъ при этомъ о Христѣ, которому враги его
надѣли, въ насмѣшку, терновый вѣнецъ на голову. Епископы произнес-
ли: „Мы передаемъ душу твою діаволу.“ Гусъ же отвѣтилъ, какъ нѣкогда
первомученикъ Стефанъ: „Вручаю душу мою Господу (Иисусу Христу).“
Увидавъ поселенника, съ большими усердіемъ дитятинаго звяну
дровъ для костра, на которомъ будутъ жечь еретика, Гусъ тихо улыб-
нулся и молвилъ: „О, святая простота!“ Молится, вознелъ онъ на костеръ
и не переставалъ молиться, пока пламя не заглушило его голоса. Пепелъ
его бросили въ Рейнъ. И нѣкогда Констанціи, гдѣ онъ былъ сожженъ,
было, что и до сих поръ, одно изъ самыхъ священныхъ мѣстъ въ Европѣ.
Черезъ годъ, станомъ же мученицескою смертію казнили друга Гуса,
Иеронима Пражскаго. На призванный никѣйскій соборъ, онъ, по первому
извѣстію, съ архиепископомъ Гуса, поспѣшили въ Констанцію на выручку
друга. Напрасно искалъ онъ для него защиты на соборѣ; на него самого
смотрѣли, какъ на еретика. Наконецъ онъ бѣжалъ въ Базель; на пути
оно сдѣлалъ, въ обремененнаго цѣбамъ, привели въ Констанцію. Пока
еще живъ, былъ Гусъ, не приступали къ рѣшенію участи Иеронима. Но

при вѣсти о жизни Гуса. Богемцы изволновались; представили собору горькіе упреки, потребовали освобожденія Іеронима: тогда приступлено было къ пересмотру его дѣла. Прелаты думали принудить чѣхъ монахинь Богемцевъ, заставивъ друга Гуса проклясть евр. ученіе. Употребили все средства, чтобы склонить Іеронима къ отреченію отъ этого ученія. Сначала Іеронимъ поддавался внушеніямъ и обѣщаніямъ собора: 11 сентября 1415 г., онъ публично проклянулъ поповъ Гуса и Вилефа, а 23 сентября еще опредѣленнѣе подтвердилъ отреченіе, прибавивъ, что дѣласты его добровольно и непринужденно. Однако, онъ ошибся, — отреченіемъ своихъ убѣжденій не спасъ онъ себя жизни и свободы: его оставили въ темницѣ, а враги его по-прежнему хитрили по нааму. Тогда возпресла въ немъ любовь къ истинѣ и побѣдила смѣлость смерти: 23-го мая, Іеронимъ долженъ былъ опять явиться передъ судьями, чтобы повторить отреченіе отъ мѣтѣй Гуса, — и тутъ возстали все дурныя силы дѣи, его Вилефъ и другая рѣчь, онъ объявилъ, что только страхи передъ нестроителемъ истории у него отреченіе, что конвульсидитон о етѣо грѣха, свѣтъ и истинныи признасть ученіа Вилефа и други своего Гуса. После такой поповѣди, отцы собора не стали мѣрять промѣсеніемъ надъ Іеронимомъ смертнаго приговора: 30 мая 1416 г., онъ принялъ смерть на кострѣ съ твердостью, которой удивлялись даже враги его. Настоятели требовали, чтобы костръ подождитъ, сяди, а спереди. „Еслибъ и болѣе этой минуты, то не было бы вѣсь“ — и онъ вѣсь.

II. РЕФОРМАТОРЫ.

ДОКТОРЪ МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ.

1. КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВСТУПИЛЪ ЛЮТЕРЪ ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Мартинъ Лютеръ родился 10 ноября 1483 г. въ Эйслебенѣ, въ Гарцѣ. Отецъ его, Гансъ Лютеръ, былъ честный рудокопъ; мать его звали Маргаритою. Гансъ Лютеръ переселился въ Эйслебенъ изъ деревни Мѣра, при Шмалькальденѣ. Богъ благословилъ труды его, — Гансъ нажилъ себѣ двѣ домны или плавильныя печи, въ Мансфельдѣ, такъ что, могъ съ

утѣшать слѣдующимъ образомъ: „Не печальтесь, любезный бакалавръ (*); вы не умрете отъ этой болѣзни; Богъ сдѣластъ изъ васъ великаго чловека, который для многихъ будетъ утѣшеніемъ.“

Въ 1505 г., Мартинъ Лютеръ, хорошо обучившись свободнымъ искусствамъ, сдѣланъ былъ магистромъ въ Эрфуртѣ. Въ концѣ года, онъ былъ сильно потрясенъ насильственной смертію друга своего Алексиса, заколотого передъ его глазами убійцами; потомъ, какъ-то въ сильную грозу, молнія ударила въ землѣотдѣль ближе отъ Лютера, что онъ спасся какъ-будто-бы чудомъ; — тогда онъ рѣшился отречься отъ міра и посвятить жизнь свою Богу. Не отъ лѣности, не отъ способности или отъ бѣдности поступилъ онъ въ монахи; онъ это сдѣлалъ даже безъ вѣдома и противъ воли отца.

2. Приключенія Мартина Лютера въ монастырь.

Поступивъ въ монастырь Августинцевъ въ Эрфуртѣ, Лютеръ не нашелъ тамъ душевнаго спокойствія, котораго желалъ найти. Въ годъ его искуса, налагали на него самыя тяжелыя работы. Онъ долженъ былъ мести церковь, заводить башенные часы, выносить нечистоты изъ монастыря, даже ходить по Эрфурту съ нищенской сумой за плечами. Это было для него тѣмъ обиднѣе, что всѣ знали магистра и нерѣдко указывали на него пальцами. Но Лютеръ все переносилъ съ смиреніемъ и страхомъ Господнимъ. Много онъ обрадовался, когда нашелъ въ монастырѣ латинскую Библію и могъ ежедневно читать св. Писаніе. Но монахи говорили ему: „Не учись, а испрашиваніемъ милостыни дол-

(*) Академическія степени были: бакалавръ, магистръ и докторъ. Эрфуртскій университетъ возмущенъ Лютеромъ въ одной изъ своихъ рѣчей, былъ тогда въ такой снѣгъ, что знаменито, что всѣ протѣ въ сражающ; въ дикій вѣдѣнъ и разсѣянный цхолаки. Но теперь слава его цидовалась и университетъ — мертвъ. А такое великолѣпіе бывало при помазованіи степени магистра, когда передъ новопомазованнымъ несли свѣчки и прославляли его! Я считаю эту радость не сравненной ни съ какой другой великой радостью. Съ такой же пылкостью, мадамъ, степени доктора. Тогда бѣдѣи, перлами, конругъ, черода, прдѣмъ, особеннымъ образомъ одѣвался, и удражался, но все это миновало для пришло въ упадокъ. А хотѣлось бы мнѣ, чтобъ удержались эти обычаи — Нынѣ достиженіе степени доктора сдѣлалось простой денежной спекуляціей.

жеть ты приносить пользу монастырю.“ После того, какъ произнесъ онъ обѣты и надѣлъ монашескую рясу, монахи ввели у него Библию. Учасъ и моляся денно и ночно; изнуряя себя постомъ и бичеваньемъ, онъ былъ постоянно печаленъ и мраченъ; даже служеніе, обѣдни не приносило ему утѣшенія. Но Богъ никогда не оставляетъ того, кто съ чистымъ сердцемъ къ Нему обращается, — и Мартину Лютеру Онъ послалъ благочестивыхъ людей, которые утѣшали его, когда изнывалъ онъ отъ печали. Такъ послалъ Онъ ему въ духовники стараго монаха, указавшаго на милосердное отпущеніе грѣховъ Семимъ Богомъ. Его назидательныя бесѣды сдѣлали глубокое впечатлѣніе на Лютера. Почтенный *Іоаннъ Штаупицъ*, завѣдывавшій слѣшкомъ сорока Августинскими монастырями, въ Мейссенѣ и Турингіи, старался тоже ободрить Лютера. „Ты насильно хочешь быть грѣшникомъ, говорилъ онъ ему однажды: а между тѣмъ не сдѣлалъ еще никакого важнаго грѣха. Если желаешь, чтобъ помогъ тебѣ Іисусъ Христосъ, то не возись съ пустяками да бездѣлками, и не дѣлай себѣ грѣха изъ каждой мысли.“ Такія утѣшенія дѣйствовали на некоторое время, но затѣмъ приходили опять мрачныя минуты. Разъ, Лютеръ на нѣсколько дней впередъ въ кельѣ, не ѣлъ не пилъ и впалъ въ такую тоску, что не замѣчалъ ничего, что вокругъ него дѣлалось. Монахи думали, что онъ вовсе не явится, что съ нимъ случилось какое-нибудь бѣдствіе; наконецъ, разломали двери у кельи Лютера и только звуками музыки могли привести его въ сознаніе.

Въ 1509 г. курфюрстъ Саксонскій, *Фридрихъ Мудрый* основалъ университетъ въ столицѣ своей, Виттенбергѣ; не доставало только хорошаго профессора философіи — и курфюрстъ поручилъ Штаупицу приискать кого-нибудь для этой должности. Штаупицъ тотчасъ подумалъ о Лютерѣ и сталъ приглашать его въ Виттенбергъ. Унылый Лютеръ никакъ было не соглашался, — онъ думалъ, что недовольно знаетъ. Однако, Штаупицъ не уступалъ и наконецъ, Лютеръ, жившій въ то время 25 лѣтъ отъ роду, отправился въ Виттенбергъ, гдѣ поселился въ кельѣ Августинскаго монастыря, которую и до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Лютеръ долженъ былъ говорить проповѣди, но и на это, по своей крайней застѣнчивости, никакъ не рѣшился: „Вы меня чужите, господинъ докторъ, говорилъ онъ Штаупицу: эдакъ, я трехъ мѣсяцевъ не вынесу.“ Но Штаупицъ опять настоялъ, — и съ первой же пропо-

вѣдѣ, Лютеръ произвелъ необычайное впечатлѣніе; онъ говорилъ просто, сильно, въ духѣ св. Писанія; и все, что онъ говорилъ, изливалося прямо изъ сердца. Тогда назначили его проповѣдникомъ при университетской церкви, которая, съ той поры, каждое воскресенье наполнялась набитыми слушателями.

3) Какимъ образомъ сталъ Лютеръ разговаривать противъ злоупотребленій католической церкви.

Въ 1510 г., онъ былъ посланъ въ Римъ по дѣламъ своего ордена; будучи профессоромъ, онъ все же оставался Августинцемъ. Въ Римѣ увидалъ онъ всѣмъ испорченность католическаго духовенства; особенно раздражалого небреженіе, съ какимъ совершали священники богослуженіе. „Не усѣбашь, бывало; отслужить и *одной* обѣдин, сдѣлать онъ разсказывалъ, какъ они отхватаютъ ихъ нѣсколько. Словнутаеми за деньги они молятся. — Не ваятъ бы и тысячи золотыхъ пудяденствъ, лишь бы не видать Рима.“

Но возвращеніи домой получилъ онъ степень доктора богословія; Бургистръ умикалъ, единжды, его проповѣдь назвать се столь назидательной, что принялъ на себя все иждоржи по помянутому Лютеру. Тутъ снѣрежностію принялся Лютеръ за науки; онъ хотѣлъ принести тебѣ своему своему званію и съ неунынными прилежаніями; старался изучать то, что не довелось ему узнать въ молодыхъ лѣтахъ.

Но одинъ случай далъ совсѣмъ иное направленіе его духу. Доминиканскій монахъ, *Іоанна Теуэль*, бѣжалъ тогда по Германіи, распропагандируя индульгенціи (разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты) и прибылъ наконецъ въ Ютербогъ, въ чотырехъ миляхъ отъ Виттенберга. На ту пору, папою былъ Левъ X, человекъ преданный роскоши и увольствіямъ, всегда нуждавшійся въ деньгахъ; въ тому же, нужны были огромныя суммы на постройку храма св. Петра: чтобы добыть деньги на все это, папа для вѣбѣ желанійхъ оставилъ много-многоство разрѣшительныхъ грамотъ. Между продавцами индульгенцій, разбѣжанными по Германіи, едва ли кто былъ безстыднѣе Теуэля, котораго, развѣ чуть-было не уточили; раздраженный народъ. Чтобы привлечь стеченіе народа, этотъ негодѣй всегда торжественно въбѣжалъ въ городъ: царя

нили, если на бархатной подушкѣ писали буллу, въ которой объявлялось объ отпущеніи грѣховъ, овищеніи, монахи, магистратъ и школы, съ сабѣями и коррупами, выходили къ нему на встрѣчу и вѣдали въ гонредъ; при этомъ во всѣ колокола, Тецель провожали въ церковь, гдѣ воздвигали папское знамя, украшенное краснымъ крестомъ, — и тутъ начиналась торговля. Тецель имѣлъ возлѣ себя два ящика: одинъ съ грамотами, другой съ деньгами; онъ часто восклицалъ: „Вотъ дакъ денешки зазвенятъ двѣ этия ящика, дудка и выдочетъ нѣтъ чистилища, прямо на небо.“ Были разрѣшительныя грамоты для всяческихъ грѣховъ: для воронства, клятвоступленія, насилія, убійства. Но въ Ютербогѣ отплатили Тецелю его же монетою. Разъ, явился къ нему рыцарь и перрошилъ продать ему разрѣшительную грамоту на самыя пылкія разбой на большой дорогѣ; ибо можно было получать разрѣшительныя грамоты и на будущіе грѣхи. „Экъ, да вѣдь такая грамота стоитъ дорого,“ молвилъ Тецель. Но рыцарь охотно заплатилъ, что Тецель потребовалъ, — и торгашъ индугенціями уѣхалъ съ орудіемъ туга набитымъ деньгами. И пришлось ему проѣзжать лѣсомъ; откуда ни возмись, бросился на него рыцарь со многими служителями, остановилъ повозку Тецеля и все деньги обобралъ до чиста. Тецель пролиналъ разбойника, посылалъ его въ преисподнюю ада, а разбойникъ заключись, показалъ ему разрѣшительную грамоту и молвилъ: „Развѣ не унасенъ своей грамотой?“ Пустой орудукъ Тецеля до сихъ поръ сохраняется въ Ютербогской ратушѣ.

Торговля индугенціями заглушала совѣсть въ людяхъ: они забывались, что не важное дѣло — грѣхъ, когда за нѣсколько прошей, а много-много за нѣскольکو талеровъ, можно получить за него разрѣшеніе. Тецель прямо училъ, что индугенція — самый великій даръ Божій; что разрѣшительный крестъ папы равносителенъ кресту Христову, такъ какъ Спаситель нашъ всю власть свою перѣдалъ папѣ. Не мудрено, что невѣжественный народъ толпами бѣгалъ за Тецелемъ.

Благочестіе Лютера было оскорблено такимъ обиходомъ; онъ началъ проповѣдывать противъ безчинствъ Тецеля. Проповѣди и поученія его сильно подѣйствовали на народъ; и тѣмъ свѣтлѣе, необачалиѣ были эти проповѣди, тѣмъ больше народа стекалось къ нему слушать. Какъ-то вдругъ заговорили грѣшны о томъ, что давно уже лежала на сердцѣ многихъ грѣшны. Но и этимъ не удовольствовались пылкіе докторъ. 31 октября

членамъ магистрата. Кардиналъ принималъ Лютера ласково, однако, строго потребовалъ, чтобы онъ отказался отъ заблужденій, впрямь, или не одобрялъ, и повиновался имъ. Всенъ рпшъ. Лютеръ бесстрашно отвѣтилъ, что не знаетъ за собою никакихъ заблужденій, и, съ христіанскими мужествомъ, защищалъ свое ученіе. Впрочемъ, онъ обещалъ молчать, если только заставить молчать и его противниковъ. Кардиналъ остался очень недоволенъ его отвѣтомъ; онъ велѣлъ ему уйти и никогда не возвращаться, пока не покорится. Тогда, по совѣту и съ помощію друзей, Лютеръ оставилъ тайно Аугсбургъ и, черезъ 11 дней, явился опять въ Виттенбергъ. Но передъ тѣмъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, онъ аппелировалъ къ *лучше-уваждоменному папѣ, на манеръ устождоменнаго*, и не только прибѣлъ этотъ выговоръ отнѣ Аугсбургскаго собора, но переслалъ его кардиналу Гаэтану. Кардиналъ потребовалъ отъ курфирста, чтобы Лютеръ былъ высланъ въ Римъ, а папа подтвердилъ разрѣшительныя грамоты и объявилъ Лютера еретикомъ. Онъ писалъ Гаэтану: „какъ скоро добудешь его (т. е. Лютера) во власть свою, заключи его подъ крѣпкую стражу, и держи до тѣхъ поръ, пока не получишь отъ насъ дальнѣйшихъ повелѣній на счетъ представленія его къ намъ. Если же онъ станетъ упорствовать въ своемъ противеніи, и ты не будешь имѣть возможности овладѣть имъ, то елику даруемъ тебѣ полную власть по всей Германіи объявить его и всѣхъ его приверженцевъ еретиками, проклятыми и преданными анаемъ“. Такия рѣши побудили Лютера идти дальше: онъ аппелировалъ на папу во вселенскому собору. Папа попытался кротостью склонить Лютера къ уступкамъ. Онъ поручилъ намерену своему, *Карлу Миллтицу*, Майсенскому дворянину, поднести курфирсту Саксонскому золотую розу, въ знакъ особаго пожеланія, а при этомъ случаѣ, уладить полюбовно споръ и съ Лютеромъ. Миллтицъ въѣзжалъ Лютера въ Аугсбургъ, крохотныя и ласковыя обращеніемъ убѣдилъ доктора написать къ папѣ почтительное письмо, а притомъ изъяснить папскому престолу и римской церкви глубочайшую преданность. Но дѣло, такъ удачно поведенное Миллтицемъ, было опять разстроено *Іоанномъ Экомъ*, профессоромъ теологіи въ Ингольштадтѣ. Іоаннъ Экомъ, чиновникъ ученый, искусный, но въ сѣхъ строптивый и твердый, думая сдѣлать больше чѣмъ всѣхъ противники Лютера, явился на

бороться отъ испугающаго звонить въ диспутахъ. Они вызвали Лютера, вместе съ другими вяттенбургскими теологами, на диспутъ въ Лейпцигъ. Когда Лютеръ собрался въ путь, карету его провожали 200 студентовъ, вооруженныхъ пиками и аллебардами. Эти добрые люди хотѣли защищать Лютера отъ всяческихъ оскорбленій. Лейпцигскіе диспуты продолжались нѣсколько недѣль, но на нихъ ничего не рѣшили, ибо каждая партія себя приписывала побѣду. Тутъ Лютеръ почувствовалъ необходимость настаивать, трюмфе происхожденіе папской власти и обвинить нечистивыя приписанія отелъкихъ папъ. Раздраженный, докторъ Эль отъѣхалъ въ Римъ, и оплохнулъ папу: издать буллу противъ Лютера. Въ этой буллѣ предавались проклятію 41 положеніе изъ сочиненій Лютера и опредѣлялось, ежели эти сочиненія, сверхъ того, самому Лютеру угрожадо отлученіе отъ церкви, если въ теченіе 60 дней, не отречется онъ отъ нихъ; всѣмъ же германскимъ властямъ повелѣвалось: Лютера и его приверженцевъ арестовать и привести въ Римъ. Торжествуя, воротился Эль въ Германію для обнародованія и приведенія въ дѣйствіе папской буллы: онъ уже думалъ, совсемъ уничтожить Лютера; однако, онъ боялся. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримеръ, въ Бедниъ, Майницъ и Девандъ сожгли сочиненія Лютера; но въ юрфирнествѣ Самсонскомъ и въ другихъ мѣстахъ не смѣли даже обнародовать папской буллы. Народъ изорвалъ ее въ клочья, а въ Лейпцигѣ чуть не, растерзавъ Эла. Лютеръ потерялъ послѣднее уваженіе къ святости, и непогрѣшимости папы; онъ написалъ сочиненіе о вавилонскомъ плѣненіи церкви, назвавъ въ немъ папу Антихристомъ; желающимъ извратить истину Св. Писанія, и оправдывать свои помышленія, осужденныя буллою за ересь. Вторично явился онъ къ церковному собору, и отказался повиневаться, некий. Публичнымъ объявленіемъ онъ созвалъ студентовъ; 10 декабря 1520 г., въ девять часовъ утра, сопровождаемый толпою докторовъ и студентовъ, вышелъ къ Эльтерсбургъ воротить. Тамъ воздвигли и зажгли костеръ; Лютеръ собственноручно бросилъ въ огонь сочиненія о правахъ папы, изданію противъ него, Лютера; буллу и другія сочиненія, своихъ противниковъ, и проглаголь слова Св. Писанія: „такъ, какъ преогорчили ты святыхъ, Господнихъ, ко и тебя да преогорчатъ, и да сожжетъ огонь вечный.“ Это было рѣшительное шаго къ отпаденію навсегда отъ католической церкви. Отъ пламени Лютерова костра долженъ быть возна-

рѣтся фанатъ странныхъ междоусобныхъ войнъ, обратившихъ въ пусто-
тыню всю Германію;—и еще доселѣ не извѣданы пропасты, откуда лиются
потоки крови отъ протестантовъ.

Б. Лютеръ въ Вормсѣ

Въ 1521 г., императоръ Карлъ V повелѣлъ собраться сейму въ Вормсѣ, приглашая курфюрста Саксонскаго, онъ писалъ къ нему, чтобы курфюрстъ привезъ съ собою Лютера, для переговоровъ по его дѣлу. Курфюрстъ спросилъ Лютера пойдеть ли онъ въ Вормсѣ, если получитъ приглашеніе. „Если позовутъ, то непремѣнно поѣду, отвѣчалъ Лютеръ. Благую мою силой и вѣрностію, вѣруюсь Господомъ Іисусомъ Христомъ, что не уклонюсь и не струсю; то и другое подвергну бы опасности мое благочестіе и благо многихъ другихъ людей.“ Курфюрстъ спросилъ у императора надежныхъ проводниковъ для Лютера, а вѣсть съ тѣмъ, Лютеръ получилъ императорскій указъ явиться къ суду въ Вормсѣ, въ теченіи 21 дня. Увѣжая, онъ обнялъ друга своего Меланхтона и сказалъ ему: „если не возвращусь, если враги мои умертвятъ меня, залинаю тебя, любезный братъ, не переставай учить и твердо пребывай въ истинѣ. Трудись между тѣмъ за меня, пока меня здѣсь не будетъ. Ты можешь многое сдѣлать лучше меня. Поэтому нечего много жалѣть обо мнѣ, если только ты остолеешь. Въ тебѣ Господь имѣетъ гораздо ученѣйшаго поборника.“

Лютеръ пустился въ дорогу, 2-го апрѣля, въ сопровожденіи императорскаго герольда Каспара Штурма, брата своего Какова, друзей Юста Ынаеа, Николая Амедорфа и знаменитаго правовѣда Іеронима Шурфа. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, подаренной ему Виттембергскимъ магистратомъ. Повсюду, гдѣ онъ останавливался, народъ обѣгалъ изъ окрестностей—посмотрѣть на человека, такъ смѣло вступающаго въ распрю съ папою. Когда Лютеръ приближался къ любезному своему Эрфурту, выѣхала къ нему, за двѣ мили на встрѣчу, длинная процессія пѣшихъ и конныхъ; въ городѣ же карета Лютера едва могла двигаться отъ тѣсноты. Ему не давали покоя, пока не сказали онъ проповѣди,—и сколько народа стеклось при этомъ! Въ Эйзенахѣ, онъ занемогъ было, но скорѣ оправдился. Его предупреждали не ѣздить далѣе, въ Вормсѣ какъ разъ сош-

путь его въ порокъ, — говорили ему. Но онъ отвѣчалъ неустрашимъ: „Если враги мои разложатъ огонь отъ Вормса до Виттенберга, то я тогда явлюсь къ нимъ, во имя Господне, исповѣдая Христа, и предаю себя Его волѣ.“ Не далеко отъ Вормса, выѣхавъ къ нему на встрѣчу гонецъ отъ друга его, Спалетина, тайнаго секретаря и придворнаго проповѣдника курфюрста Саксонскаго; и онъ просилъ его не вѣзжаться въ Вормсъ, не подвергать себя опасности. „Да хоть бы въ Вормсѣ было столько дѣволость, сколько черемухъ на крышахъ, отѣчали Лютеръ, то и тогда непремѣнно явлюсь.“

Онъ вѣхалъ въ Вормсъ 16-го апрѣля 1521-го. Передъ партой его, ѣхалъ верхомъ императорскій герольдъ; множество всадниковъ и каретъ встрѣтившихъ его за городомъ, примкнуло къ шествію, и болѣе 2000 чепорѣвъ тѣснилось за нимъ до самой его квартиры. На слѣдующее утро, явился къ Лютеру маршалъ имперіи и позвалъ его явиться, носить объѣда; на судъ передъ сеймомъ. Въ назначенное время маршалъ самъ привѣхалъ за нимъ. Огромно было стеченіе народа. На улицѣ люди стояли сплошной стѣною, многие влѣзли на крыши, всѣ окна были занаты. Но на этотъ разъ, всѣ обманулись въ ожиданіяхъ; такъ какъ не возможно было продраться сквозь толпу, то Лютера вывели изъ его квартиры, за дами нѣко садовъ. У дверей большой сеймовой залы стояли многіе рыцари. Одинъ изъ нихъ, знаменитый *Георгъ Руддигеръ*, добродушно потрепалъ Лютера по плечу и молвилъ: „Монахъ, монахъ, ты дѣлаешь теперь такой шагъ, какого не дѣлалъ я, да едва ли дѣлали и кто-либо изъ храбрѣйшихъ вождей, даже въ самомъ опасномъ сраженіи. Но коли мнѣніе твое правильно и дѣло твое справедливо, ступай во имя Божіе и не робѣй, — Богъ не оставитъ тебя.“ Слова эти не мало ободрили Лютера; сердце котораго было несомнѣнно покоино, такъ какъ ему, монаху привыкшему къ уединенію, предстояло, для защиты своихъ мнѣній, явиться передъ императоромъ и князьями. Отворились двери залы, и Лютеръ вошелъ. На тронѣ сидѣлъ императоръ Карлъ V, полный величія и достоинства, не смотря на свою молодость (ему было только 21 годъ), окруженный истинно-императорскимъ великолѣніемъ; передъ трономъ, двумя длинными рядами, сидѣли князья, герцоги, графы Германской имперіи. Всѣ они пристально смотрѣли на Лютера, на него одного смотрѣли и болѣе 2000 человекъ, собравшихся въ залъ и подъ окнами

Лютеру подали сего книги; а маршалъ имперіи спросилъ, признастъ ли онъ ихъ за свои и хотеть ли отъ нихъ отстроится. На первый вопросъ Лютерь отпичалъ утвердительно; на второй же второго, прислать подумать до слѣдующаго дня, что и было дозволено императоромъ. Только вышедши изъ залы, вздохнулъ Лютерь свободнѣе. Онъ узналъ теперь по опыту, что не бездѣлица стоять и выражать свое мнѣніе передъ императоромъ и имперскими властями. На мысль о помощи отъ Бога, за слово Котораго стоялъ онъ, придала ему новыя силы, — и онъ обрадовался, когда, на слѣдующій вечеръ въ 4 часа пополудни, снова позвали его въ собраніе. Цѣлыхъ два часа, Лютерь престоалъ на улицѣ, окруженный безчисленною толпою любопытныхъ; наконецъ, двери отворились и онъ вошелъ. Въ залѣ уже горѣли факелы и свѣчи. „Всемилютейшій императоръ, и вы, милостивые курфирсты, князья и господа, началъ Лютерь: я послушно являюсь къ назначенному вчера вечеромъ сроку, и, во имя милосердія Божіа, умоляю ваше величество и ваши свѣтлости выслушать, — какъ и надѣюсь, — милостиво мое правдивое и справедливое дѣло; если же, по неждѣнью моему, не вользетъ кому-либо изъ насъ подобающаго ему титула, или поступлю въ чемъ-нибудь вопреку обычаю придворныхъ, то простите мнѣ, милосердно, такъ какъ никогда не бывалъ я при дворѣ, а всегда нахожусь въ монастырѣ. Обо мнѣ же можетъ свидѣльствовать только то, что во всемъ моемъ ученіи и писаніи я всегда, въ простотѣ сердца моего, искалъ славы Божіей, а также пользы и спасенія вѣрующихъ христіанъ.“ Потомъ повелъ онъ рѣчь о своихъ книгахъ, о содержащемся въ нихъ ученіи; и все это говорилъ по нѣмцки. Тутъ замѣтилъ ему, что императоръ мало понимаетъ нѣмецкій языкъ, что надобно все сказанное повторить по-латыни. Лютерь исполнилъ это, хотя и такъ уже чрезвычайино жарко было ему отъ тѣсноты. Длинную и весьма скромную рѣчь его прервалъ одинъ духовный сановникъ, потребовавъ короткаго и яснѣе сужденія, хотеть ли или не хотеть онъ отречься. „Если его императорскому величеству, и мнѣ свѣтлостямъ курфирстанъ и князьямъ угодно выслушать простой, короткий, прямой отвѣтъ, сказалъ Лютерь: то вотъ, онъ, — этотъ отвѣтъ, и нѣтъ въ немъ ни ирюжковъ, ни закорючекъ; когда напредставитъ мнѣ свѣдѣтельство не въ Св. Писаніи или другихъ ясныхъ, неопровержимыхъ доказательствахъ, то не могу и не хочу я отречься, ибо неумилостиво поступать

опасное положеніе. Поэтому курфюрстъ Фридрихъ Мудрый рѣшился удержать его отъ гонителей, по крайней мѣрѣ, на время. На возвратномъ пути изъ Вормса, Лютеръ проѣзжалъ мимо замка Альтенштайна, недалеко отъ Эйзенаха; тутъ ландмантъ Вартбурга, Гаксъ фонъ Беркенъ и другъ его Бурггардъ фонъ Гундъ, баронъ Альтенштаинскій, вместе съ двумя служителями, прискакали изъ лѣса и напали на карету Лютера. Увиданъ всадниковъ, братъ Лютера, Іановъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, перепугался, не проистившись даже съ Мартинономъ, выскочилъ изъ кареты и убѣжалъ въ Вальтерсгаузенъ. Между тѣмъ самого Лютера вытащили изъ кареты, отвезли въ лѣсъ, переодѣли, посадили на лошадей и въ полночь отвезли въ замокъ *Вартбургъ*. Тамъ держали его, какъ пленника, подъ именемъ юнкера Георга, но обращались съ нимъ такъ хорошо, что келлермейстеръ замка не могъ тому надивиться.

6. ЛЮТЕРЪ ВЪ ВАРТБУРГѢ.

Только самые довѣренныя друзья Лютера, Меланхтонъ, Спалатинъ и кое-кто другіе, знали гдѣ онъ находится. Въ народѣ, между тѣмъ, распространилась молва, будто діаволъ унесъ Лютера: но вскорѣ оказалось, что онъ живъ и по-прежнему вдохновленъ Духомъ Божіимъ. Въ уединеніи своемъ, онъ, прежде всего, сталъ писать противъ индульгенцій, которыя началъ было опять продавать епископъ Майнцскій; сочиненіе Лютера много содѣйствовало къ прекращенію этого безчестія. Въ Вартбургѣ же началъ онъ свою книгу проповѣдей и популярное толкованіе всесвѣтскихъ Евангелій. Съ появленіемъ каждаго сочиненія Лютера, друзья и враги его тотчасъ узнавали, что онъ еще живъ, только не могли спровергнуть его истиннаго пребыванія. Главнымъ же трудомъ реформатора въ Вартбургѣ былъ превосходный переводъ Библии, сдѣлавшійся лучшимъ оружіемъ для распространенія новаго ученія и оставшійся навсегда святыней для нѣмецкаго народа. Не трудясь столь много, Лютеръ впасть въ меланхолію: по временамъ представлялось ему, что діаволъ преслѣдуетъ его и хочетъ разрушить его дѣло. Разъ, говорятъ, ему померещалось, что діаволъ стоитъ у стѣны, и онъ бросилъ въ него черепицей.

Между тѣмъ, въ Виттенбергѣ, какъ и по всей Германіи, совершалось много замѣчательнаго. Въ томъ же году, (1521) одинъ священникъ отъ

ковъ. Мюнцеръ видѣлъ опасность, угрожавшую ему, и обратная кырен-
 сть имѣть съ дламенною рѣною, которую заключить утѣшаніемъ деобоч-
 ться непріятельскихъ пулъ, такъ какъ въ эти пули попадали они въ
 рунавъ, и дома кто изъ крестьянъ падеть въ переднихъ рядахъ, тотъ
 встанетъ; невредимъ, въ заднихъ. Ботати для того на небо въ повилиасы
 радуга: „Смотрите! воскикнулъ онъ: вотъ заветъ союза, заключеннаго
 съ нами Богомъ. Эта радуга, порука намъ въ побѣдѣ и пораженіи
 враговъ. Въ бой и къ побѣдѣ!“ Крестьяне готовили еще въ перчи-
 шимости, все поглядывая на Мюнцера и на рукавъ его. Тогда Мюн-
 церъ, чтобы отрѣзать путь къ мирнымъ переговорамъ, велѣлъ фа-
 стервать вѣстника. Крестьяне сиватили косы, пилы, мечи, ии кони
 дали непріятеля. Онъ не заставилъ себя ждать. Васьматомъ пуля, под-
 скавали вадники и, какъ мякина, подъ вихремъ, разсыпались крестьянамъ
 Ослѣпленные бѣдняки искали глазами Мюнцера, но, при первомъ выстрѣ-
 лѣ, онъ пустился бѣжать, и спрятался на обшомъ въ Франденгаузен-
 нѣ. Крестьяне пали на колѣна, умоляли о пощаду, но Жоаннъ гнуть тыся-
 сачъ изъ нихъ перебиты, многихъ передавали мшадымъ, а павшихъ,
 вѣстѣ съ зачинщикомъ бунта, обезглавили. Жоаннъ онъ гнуть онъ
 — Нѣкоторые изъ приверженцевъ Мюнцера спаслись въ Голландію и тамъ
 напли себѣ сообщниковъ. Люди эти придумали перекрещивать вѣдцы
 присоединившихся къ нимъ, на томъ основаніи, что крестьяне млада-
 цевъ не дѣйствительно, такъ какъ младенцы ничего не понимаютъ, а дѣла
 и въ св. Писаніи того не предписано. Такъ образовалась бѣда *амрбети-
 тистовъ* (перекрещенцевъ). Иныя изъ нихъ перебрались въ Вестфалію, и
 поселились въ городѣ Мюнстерѣ. Въ числѣ ихъ были два бѣльшіе него-
 дя— Иоаннъ Бонгольдъ, извѣстный подъ именемъ Лейденскаго, и Иоаннъ
 Маттисеуъ, хлѣбникъ изъ Гарлема. Отщепенцы эти соединились съ по-
 родскимъ проповѣдникомъ Реттманомъ, недостойнымъ ученикомъ Мюн-
 цера, который и склонилъ многихъ гражданъ къ нововведеніямъ. Напрасно
 епископъ, уговаривалъ и грозилъ—онъ принужденъ былъ оставить Мюни-
 стеръ, напрасно и магистратъ старался положить конецъ безчестію, въ
 членовъ его прогнали изъ города; гарлемскій монахъ Гейриховъ Рувалъ
 бѣгалъ, какъ бѣшеный, по городу и безпрестанно кричалъ: „покайтесь
 и креститесь, ибо приближился день Господень“. Въ послѣднюю ночь
 иа, жоторали тѣ же люди Иоаннъ Лейденскій и Беригардъ Квинтеродъ

люди монастырской, торговцев, суконных. После того как овладѣть Рюде арсеналомъ, Ротманъ и Книппердоллингъ стали угонять крестьянъ, любящихъ окупать своимъ талантъ работы, или въ городъ, гдѣ могутъ найти больше удобства для жизни. Подобно Мюнцеру, они проповѣдывали общен владѣніе имуществомъ. Богатые принуждены были все имѣніе и послѣднее удалиться изъ города, который завладѣли бѣднѣйшіе и перекрѣплены. Маттисенъ приказалъ снести въ назначенный имъ домъ все золото, серебро и прочіе пожитки. Потомъ сожгли все книги, Крестъ Библіи.

Между тѣмъ приближался епископъ съ войскомъ, для осады города. Тогда явился на площади кнѣзь Маттисенъ, выбралъ себѣ тридцать человекъ, и кричалъ: „Богъ открылъ мнѣ, что съ однимъ этимъ людемъ, обреченъ я въ бытіе все войско епископа.“ И точно: безумецъ вынесъ въ ладо съ сподвижниками своими: всѣ съ любовію съ него ждали, что будетъ съ нимъ. Но первый солдатъ закололъ его. Тутъ выступилъ портной Бонгольдъ и молвилъ, что онъ давно и напередъ зналъ, чему быть должно съ Маттисеномъ, а что ему, Бонгольду, предопредѣлено жениться на вдовѣ Маттисена и быть бургомистромъ вмѣсто него. И вотъ сталъ итъ портной бургомистромъ, но должность эта совсѣмъ помирала его. По приказанію его, одинъ изъ анабаптистовъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, объявилъ народу; „Богъ открылъ мнѣ, что Бонгольдъ — царь, которому предназначено покорить всю вселенную и избить всѣхъ государей.“ А Бонгольдъ палъ на колѣна и воскликнулъ: „Братья! уже давно Господь открылъ мнѣ все это, но я дожидался, пока другой вамъ объявитъ.“ И велѣлъ Бонгольдъ сдѣлать себѣ золотую корону, скипетръ, широкій мечъ: велѣлъ воздвигнуть тронъ на площади и тамъ давалъ аудіенціи. Ходилъ онъ по улицамъ въ пурпуровой мантии, плащъ который носили пажи. Онъ дозволялъ приверженцамъ своимъ брать столько жентъ, сколько кому вздумается, самъ же имѣлъ четырнадцать жентъ. Одну изъ нихъ онъ собственноручно обезглавилъ на площади, за то, что стала она говорить ему о безуміи его поступковъ; — и съ остальными девами плясалъ вокругъ ея окровавленнаго трупъ. Наконецъ, послалъ онъ 26 апостоловъ въ соседственные города, — для восстановления, какъ говорилъ онъ, царства Христова. Но должно же было кончиться все это безчестіемъ! Епископъ тѣшилъ городъ все больше и больше; начался

страшные голоды, многие умирали, другие бродили жуть тѣни. Между тѣмъ, никто не смѣлъ говорить о сдѣлѣ. Тогда двое гражданъ выбрали тайкомъ изъ города и указали епископу потайной ходъ. Въ темную ночь, 4000 невраждованныхъ солдатъ проникли черезъ ровъ на городской валъ. Проникнувъ страшной свѣча, продолжавшая до бѣлаго дня. Кто могъ бѣжать бѣжалъ, или скрылся въ погребахъ, опустѣвшихъ монастыряхъ и другихъ убоищахъ. Царь спрятался на верхнемъ чердакѣ Эгидиевой башни; но брѣвныя дѣла какой-то мальчикъ и тутъ же заковали его въ цѣпи. Такая же участь постигла двухъ его министровъ, Брехтинга и Книппердольфа. Но Ретманъ не хотѣлъ отдаться живьемъ въ руки приверженцевъ епископа съ мечемъ въ рукѣ, бросился онъ въ густую толпу враговъ и, сражаясь геройски, умеръ честнѣе, чѣмъ жила. Бокгольде, Брехтингъ и Книппердольфа посадили въ желѣзные кѣтки и развезли по всей Германіи, какъ рѣдкихъ звѣрей; потомъ жестоко казнили ихъ въ Минстерѣ; клятву же съ ихъ трунами повѣсили на башнѣ св. Ламберта (1562 г.).

8. Продолженіе реформации.

Всѣ, возникшія въ это время, распри, заблужденія и беспорядки, не могли отвлечь Лютера отъ великой его цѣли. Въ 1523 г., написалъ онъ новый уставъ богослуженія, а вмѣстѣ съ канцелярмейстеромъ Іоанномъ Ванцетеромъ составилъ первое собраніе евангелическихъ писанъ. Въ 1524 г., сложилъ онъ съ себя монашескую рясу; въ слѣдующемъ же году, женился на благородной дѣвицѣ, *Катеринѣ фонъ-Бора*, бѣдной дѣвчонкой, но богатой добродѣтелями, бывшей прежде монахиней въ Цистерціонскомъ монастырѣ. Затѣмъ, Лютеръ, съ другимъ святымъ Меланктономъ, объѣхалъ Голландію, для разузнанія, какъ занимаются священники и школьные учителя. Они нашли удивительное невѣжество, да и не могло быть иначе; ибо школы были еще великой рѣдкостью. Это побудило Лютера написать пространнѣй и краткій катихизисъ для руководства священникамъ и учителямъ, при обученіи народа и юношества. Лютеръ вынуждалъ всѣхъ членовъ магистратовъ Германіи озабочиться усовершенствованіемъ образованія юношества, убѣждалъ и государей упрочить для этой цѣли отомедшій отъ церкви и монастырей имущество.

Однако этого времени, реформация была введена, въ духѣ и по учению Лютера, не въ одномъ курфиршествѣ саксонскомъ, но и во многихъ другихъ государствахъ Германіи, а также въ Пруссіи, Швейцаріи и Даніи.

Безспорно, реформациі очень благопріятствовало то, что императоръ Карлъ V рѣдко посѣщалъ Германію, да притомъ въ головѣ у него было много разныхъ другихъ дѣлъ, которыя онъ считалъ гораздо важнѣе и ценнѣе перебранокъ. Съ той поры, какъ Карлъ V склонился на выборахъ въ императоры съ королемъ французскимъ Францискомъ I, молодымъ государемъ-рыцаремъ, — оба эти государя возненавидѣли другъ друга. Нѣсколько разъ вели они между собою ожесточенную войну. Эти войны удаляли Карла V отъ Германіи и никогда императоры не знали хорошо характера и характера народа. Только въ тѣхъ случаяхъ, какъ въ Германіи уже черезъ чуръ разшумятся, или же понадобится ему деньги — приказывалъ онъ созывать сеймъ. Такъ, въ 1529 г., созвалъ онъ сеймъ въ *Шпайерѣ*, гдѣ опять произошли распри между католиками и лютеранами. Послѣ долгихъ преній и толковъ, католики уступили; въ *первый разъ* лютеране получили дозволеніе свободно исповѣдывать свою религію, съ тѣмъ, однако, чтобъ удержана была католическая *месса* и чтобы не предпринималось уже дальнѣйшихъ нововведеній. Но лютеране протестовали и съ той поры получили названіе *протестантовъ*. Еще важнѣе было, въ 1530 году, сеймъ въ Аугсбургѣ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. По совѣту курфюрста саксонскаго, яростный и ученый Меланхтонъ издалъ сочиненіе, въ которомъ содержалось все ученіе новой церкви. Этотъ трудъ былъ истинно-образцовымъ произведеніемъ; каждое слово было тщательно взвѣщено — на столько ясно излагало ученіе протестантской вѣры, на столько же осторожно обходило заблужденія католиковъ. *Аугсбургское исповѣданіе*; такъ называли этотъ документъ, прочли сперва публично, а потомъ поднесли императору, который отвѣтилъ, что со всевозможнымъ вниманіемъ хочетъ выслушать этотъ трактатъ и потомъ объявить свое рѣшеніе. Онъ отдалъ сочиненіе Меланхтона на разсмотрѣніе обществу католическихъ духовныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился Эгъ съ товарищами. Католики написали возраженіе, но въ такихъ дерзкихъ, неприличныхъ выраженіяхъ, что самъ императоръ съ негодованіемъ возвратилъ его, назвавъ и приказавъ составить другое. Это послѣднее показавъ протестантамъ,

и Карлъ V погрѣшилъ нѣтъ немилости; даже они станутъ продолжать споръ. Но можно ли существовать согласіе между двумя партиями, даже иными другъ отъ друга; какъ земля и небо? Каждый упорно остался прѣтвовать мнѣніемъ. Близко продолжали распространять реформацію въ свѣтъ владѣніяхъ. Лютеръ не являлся въ Аугсбургъ; курфирстъ саксонскій считъ благоразумнѣе не подвергать опасностямъ опаснаго изгнанника; но въ всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла сначала спрашивали Лютера и со стороны протестантовъ ничего не дѣлалось безъ его одобренія.

9. БѢДНИЦА ЛЮТЕРА.

Протестантскіе князья, и во главе ихъ, *Юаннъ Ностоянний* (сынъ Фридриха, Мудраго) курфирстъ саксонскій, да ландграфъ *Филиппъ Гессенскій*, вмѣстѣ съ 11 городами, заключили въ *Шмалькальденъ* союзъ, по которому обязывались неизмѣнно поддерживать другъ друга въ случаѣ, если бы задумалось католикамъ прижудать ихъ силой оружія къ отреченію отъ своего исповѣданія. Это происходило въ 1531 г. Лютеръ находился въ собраніи. Какъ ни былъ онъ задоренъ въ спорахъ, — а не навидѣвъ войну и часто говорилъ, что скорѣе согласится десять разъ умереть, нежели вознестъ войну своимъ ученикамъ. Но мнѣнію его, всѣ религіозныя дѣла слѣдовало предоставить Богу, Который и устроитъ ихъ, скорѣе и лучше чѣмъ всякая вооруженная сила. И точно! пока онъ жилъ, войны не было. За то, въ послѣдніе дни своей жизни, онъ вынесъ множества непріятностей и заботъ. Часто схватывали его болѣзненные припадки головноруженія, шумъ въ ушахъ, припадки каменной болѣзни — послѣдствія усиленныхъ его трудовъ; но особенно мучили его надежды, то съ той, то съ другой стороны, на значеніе его въ виттенбергскомъ университетѣ. Раздраженный Лютеръ дѣлъ веселаго, общительнаго человека сдѣлался мрачнымъ и скрытнымъ. Травоядный отъсюду, въ янв. 1543 г., онъ оставилъ Виттенбергъ и поселился въ Цейльсдорфѣ, нѣмнѣ, подаренномъ ему курфирстомъ, наделеномъ онъ Бартъ. Но просьбы Виттенбергцевъ, ласкавое призываніе Юанна Ностояннаго побуждали его возвратиться. Онъ прибылъ въ Виттенбергъ, въ августъ того же года, — и молилъ Бога поспѣе отвратить его къ себѣ. Молитва его была

услышана. И что лучшего сподобой кончани мог бы дать Провидице, что и новѣму поколюму, отъ признаніи гдѣ стоиши? безсмертныхъ людеговъ. И вскорѣ затѣлъ графы Мансфельды: пробыли его прѣхати въ Эислебенъ, для прегражденія возникающаго между ними спора. Получивъ дозволеніе курфюрста, Лютеръ, въ сопровожденіи трехъ сыновей своихъ и старшаго служителя, Амброзия Рютфелда, отправился въ путь. Приблизъ въ Калле, онъ принужденъ былъ на три дня остановиться у друга своего, проповѣдника Юста Юаса, потому что разлилась тамъ не безъ крайней опасности переправился онъ, наконецъ, въ лодкѣ на другую сторону. 28 января 1546 г., онъ прѣхалъ въ Эислебенъ, откуда, навстрѣчу ему, выѣзжали торжественно графы съ многими рыцарями. При видѣ роднаго города, Лютеръ глубоко былъ тронутъ. Между тѣмъ простуда причинила ему сильное стѣсненіе въ груди и частые обмороки. Несмотря на то, Лютеръ былъ неутомимо дѣятеленъ: онъ занимался устройствомъ мира между графами, разсмотрѣлъ и одобрилъ представленное ему церковное уложеніе, посвятилъ двухъ проповѣдниковъ, самъ четыре раза говорилъ проповѣди, — въ послѣдній разъ 13 февраля. 17 февраля онъ почувствовалъ себя снова больнымъ и слабымъ, поэтому не могъ присутствовать на переговорахъ о мирѣ, а остался въ своей комнатѣ, и то ложился на софу, то прохаживался по комнатѣ, часто молился, потому разговаривалъ съ друзьями. Въ немъ рождалось много о смерти и онъ задумчиво произнесъ слова: «Здѣсь въ Эислебенѣ я родился, научили же меня и умру!» Но предчувствіе смерти не нарушало яснаго расположенія его духа. Вечеромъ, вышелъ онъ въ столовую, къ обыкновенному своему застольному обществу. За столомъ, онъ много говорилъ о краткости жизни, о надеждѣ на вѣчность, о свиданіи за гробомъ. Послѣ ужина, возвратился онъ въ свою комнату. Тамъ опять святило его сильнѣйшее стѣсненіе въ груди, но натирание теплыми полотенцами успокоило его, и онъ заснулъ. Около 10 часовъ, онъ проснулся и приказалъ отвести себя въ спальню. Лежа въ нагрѣтую постель, онъ протянулъ руки присутствующимъ сыновьямъ и друзьямъ и сказалъ имъ: «Молитесь Богу, чтобы Евангеліе Его процвѣтало, ибо Тридентскій соборъ и тогда наша сильно возстанутъ на него». Даже въ минуту кончины, занимающаго Лютера мысль о великомъ подвигѣ всей его жизни. Тяжело дыша, онъ заснулъ, но въ 11 часовъ проснулся опять, мучимый стѣсненіемъ въ груди. Онъ

прошамъ поощренія въ ономъ работѣ, за что и впередъ, потому, придетъ на соудъ, все старушески и естественно въ трудѣ. Тогда послалъ за докторами; приехалъ графъ Альбрехтъ Мансфельдъ съ его женою и присланными крѣпкими и нѣжными, которыхъ началъ растирать ему плечевыя жилища. Но напрасно была въ томъ помощь. Отъ нечего въ трудѣ становилось все ошмѣе. Другая утѣшала его, и тогда какъ поминалась псалтирь, то на дѣлалась что, съ помощью Божіею, ему будетъ лучше. Дѣлать, это молодой, предсмертный потъ, возразилъ докторъ: больше уливается, скоро испущу духъ! Затѣмъ они продолжали: Отецъ мой небесный, Боже! Отецъ! Исходъ нашего, Иисуса Христа, Господь Утѣшитель, благодарю Тебя за то, что отпусти Ты мнѣ возлюбленную Сына Твоего, Иисуса Христа, въ Батарею я вѣрую, Котораго всегда похвалялъ, любилъ и славилъ. Молю Тебя, Господи Иисусе Христе, прими душу мою. Отецъ мой Небесный, хотя расстаюсь съ дѣдами и оставлю земную жизнь, однако, твердо вѣрую, что пребуду съ Тобою во вѣки и никто не вырветъ меня изъ обѣтій Твоихъ! Лютеръ обдалъ жаростю; онъ три раза повторилъ молитву: О Боже, въ руки Твои предаю духъ мой! Ты купилъ меня, Господи надежда моя нерушимая! Тутъ онъ задохся, его терли и ворочали, но онъ не открывалъ глазъ. Докторъ Ионасъ крикнулъ, ему: „достойте! нѣтъ отца, желаете ли вы умереть въ ученіи Христа, какъ вы о немъ проповѣдовали?“ Лютеръ иновѣдно отвѣтилъ: „да“, повернувшись на правый бокъ и отошелъ такъ тихо, что предстоявшіе долго думали, что они заснули. Великій человекъ скончался 18 февраля 1546 г., между 11 и 3 часами утра. Великая была скорбь, когда узнали о смерти Лютера. Многія тысячи людей любилъ его, какъ отца, умишались, какъ надежнаго совѣтника, видѣли въ немъ свободно мыслящаго, непоколебимаго, богобоязненнаго наставника. Толпы становились; старые и молодые, въ тѣлу его; графы Мансфельды, князь Вольфъ ангалтскій, графъ Генрихъ Шварценбургскій и многіе другіе дворяне прибыли оказать усопшему послѣднюю дань любви и печали. 19 февраля, перенесли тѣло въ айслебенскую церковь св. Андрея, гдѣ, проливая слезы, произнесъ надгробную проповѣдь докторъ Ионасъ Преемникъ *Иоанна Постолика*; курюрствъ *Иоанна Фридриха* не хотѣлъ, чтобы Лютера похоронили въ айслебенѣ. Глубоко оторченный его смертію, онъ написалъ графамъ Мансфельдамъ, что онъ

желалъ, чтобы не тревожили они старика своими посрами; но такъ онъ уже спончался, то должно тѣло его похоронить въ дворцовой церкви въ Виттенбергѣ! 20 февраля, тѣло Лютера вывели изъ Эдслебена, въ сопровожденіи гріфовъ Мансфельдовъ, ихъ придворнаго свита, окрестнаго дворянства и безчисленной толпы горожанъ и крестьянъ. На всемъ пути отъ Эдслебена и до Виттенберга, ведѣзвонили колокола; отовсюду стояла народъ, часто дѣлалась такая давка, что даже приостанавливали на время погребальную процессію. 22 февраля, она вступила въ Виттенбергъ. Весь университетъ, магистратъ, всѣ граждане, многія почетныя женщины и дѣвицы вышли на встрѣчу. Вятѣ тѣло перенесли въ дворцовую церковь и когда стали опускать его въ могилу, передъ алтаремъ, никто изъ присутствующихъ на могъ удержаться отъ слезъ.

10. Домашняя жизнь Лютера.

Лютеръ былъ щедръ, какъ рѣдко бываетъ и богатый. Конечно, заботясь такъ много о помощи ближнему, онъ слышномъ мало думать объ огражденіи собственнаго семейства отъ нужды въ будущемъ. Когда одинъ изъ друзей сталъ представлять, что надо же ему копить иждивеніе для пользы семейства, Лютеръ отвѣтилъ: „Никогда такъ не сдѣлаю, иначе семейство мое будетъ надѣяться на Бога и на свой трудъ, сколько на золото.“

Нуждающимся Лютеръ давалъ все, что имѣлъ; а иногда давалъ и тогда, когда у него ничего не было. Разъ, человекъ, весьма нуждавшійся въ деньгахъ, пришелъ въ рабочій кабинетъ Лютера и попросилъ помочь ему. А на ту пору, какъ и часто случалось, Лютеръ былъ совсѣмъ безъ денегъ. Но желая помочь, онъ сталъ припоминать — и припомнилъ: вынуть деньги только что подаренныя изъ зубокъ новорожденному его ребенку и отдать ихъ просящему. Родильница, ничего о томъ не зная, вскорѣ замѣтивъ, что недостаетъ денегъ въ ея ларчикъ, очень разсердилась на безразвудную щедрость мужа. Но Лютеръ возразилъ ей: „полно, Богъ богатъ, и подарить насъ чѣмъ-нибудь другимъ.“ Въ другой разъ пришелъ бѣдный студентъ, окончивъ курсъ, онъ хотѣлъ поинуть Виттенбергъ и просилъ у Лютера денегъ на дорогу. Но самъ Лютеръ былъ безъ денегъ и понапрасну просилъ у своихъ жаны своей; просимый о по-

вать жить. „Я лучше желаю видеть сына моего мертвым, нежели живым.“

Въ 1542 г., замужемъ и имѣя любимаго сына, четырнадцатилѣтнюю дочь Магдалина, предстала дѣвушка превосходнаго характера и сѣятеля ума. Болѣзнь приняла дурной оборотъ; Лютеръ почти не отходилъ отъ постели дочери. „Милая моя, она“, говорилъ онъ, „вышла не Божьимъ милостивымъ, если Ты хочешь взять ее отъ меня, т. е. съ радостью отдамъ Тебѣ.“ Потомъ обратился онъ къ больной: „Магдалинка, милая дочка, ты бы навѣрно охотно осталась видѣть у отца, — онъ также охотно отходилъ къ другому Отцу.“ Дочь отвѣчала: „Да, дорогой батюшка, какъ Богу угодно.“ Милая дочка, духъ бодръ, плоть же немощна, — сказала ей Лютеръ, посмотрѣвъ вокругъ себя и прожевавъ: „Я охотѣю любить плоть, если плоть такъ сильна, что же будетъ съ духомъ?“

Жена Лютера очень печалилась, горько плакала и жаловалась; Лютеръ молвилъ ей: „Батя, подумай, что тамъ, куда идетъ она, ей будетъ очень хорошо.“ Въ ночь, передъ смертью дочери, Батерина видѣла сонъ: пришли къ ней двое прекрасныхъ, разражонныхъ юношей и котѣли везли дочь ея на свадьбу. Утромъ Филиппъ Меланхтонъ зашелъ къ монашескѣ, съѣдомитъ о: адоровѣ дочери Лютера, мать разсказала ему свой сонъ. Онъ испугался и сказалъ другимъ: „Эти юноши — ангелы, придутъ они и увлекутъ дѣвушку въ царство небесное, на вѣнчаніи брѣнь.“ Въ ночь же день она умерла. Когда Магдалина была уже при послѣднемъ издыханіи, отодъ стала у постели на колѣни, и молила Бога спасти ее. Она сползлась на рудакъ, мать находилась тоже въ комнатѣ, но, не выдержавъ горести, стояла въ сторонѣ, и, какъ въбѣда Агарь, не хотѣла видѣть смерти своего дѣтца. „Милая Дочка, говорилъ Лютеръ, когда дочь его уже лежала въ гробу, — какъ хороша дѣва! Ты опять восстанешь, и будешь свѣтити, какъ звезда, какъ самое солнце. Я вѣрюсь духомъ, но плоть моя очень немощна. Плоть не хочетъ востать, разставанье прѣвѣтну дагостно для мнѣ, да и для всѣхъ. Странно! мы знаемъ, что она пользуется миромъ, что ей хорошо, и все-таки печалимся.“ Весь народъ собрался на похороны. Когда же, по обычаю, стали говорить рѣчи похорону, стали жаловаться, какъ прилежно для себя его горе, онъ отвѣчалъ: „Напротивъ, — какъ должно бы быть прилично, — я доволенъ, да, вѣдь, свѣтити да жару

«...и, как бы, вы не хотели, чтобы я умер! Потому что я принял бы сейчас» оют (* аттестован на высшем уровне) и оют

Филиппъ Меланхтонъ (род. 1496 г., ум. 1560)...

Варварный другъ и пономиникъ. Дотера въ великомъ дѣлѣ реформации родился въ *Бреттель*, маленькомъ городѣ, Нидерлаго, Пфальца. Тамъ въ мѣсяцъ 15 годѣтія, шель постоицъ управитель *Рейтери*, дочь дотераго, Варвара, вышла за того же честнаго человека, оружейника и купечнаго мастера, *Георга Шварцберда*. Обѣ семьи жили въ тѣснотѣ, дружбѣ, особенно же между челоуками супругами царствовало то сердечное согласіе, которое дѣтей, рожденныхъ отъ подобнаго брака, можетъ сдѣлать достойными, счастливыми людьми. Мущъ и жена были нравомъ протестаго, были трудолюбивы и очень религіозны по духу времени. Благочестивый Шварцбердъ даже ночью вставалъ съ постели и на колѣнахъ молился.

Изъ пѣтерскихъ дѣтей, Филиппъ былъ старшимъ; съ раннихъ поръ, малыши, оказывають дѣтскій умъ и общаются со взрослыми, быть полезнымъ, дѣлать добро. Веселый нравъ, способная, обдуманность, сноровистость, соединенныя съ мягкой граціей въ походкѣ и въ голосѣ, дѣлали его любимымъ во всякомъ обществѣ. Ему не было еще и 11 лѣтъ, какъ онъ преемственно дѣлалъ отца. На смертномъ ложѣ, добрый отецъ увѣщавалъ его, цѣлалъ въ всю длину передъ глазами Бога, потому что, можно ожидать въ міру страшныхъ смутъ и такихъ временъ. Последнія слова его были: „не поражи много великихъ соборій, но предстоятъ еще другія, пораже болѣе важныя. Да направитъ тебя, (да руководитъ тобой Господь)“

По смерти отца, осиротѣвшихъ дѣтей принялъ въ себя дѣдушка Рейтеръ. Онъ далъ Филиппу воспитателемъ Іоанна Унгера, который отъ всей души занялся его образованіемъ. Но вскорѣ умеръ и дѣду, Унгеръ покинулъ семейство и молодого Филиппа отдали въ общественную школу въ Пфорцгеймъ. Ректоръ школы особенно любилъ греческій языкъ, а такъ какъ въ школѣ его не преподавали, то общался заниматься имъ отпущенно съ теми нѣзучениками, которые охоту особую прилежанію къ латинскому языку. Филиппъ принадлежалъ къ числу избранныхъ.

тера. Сама природа, казалось, создала ихъ другъ для друга; одинъ дополнилъ другаго. Какъ Меланхтонъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, при всемъ своемъ умѣ, едва ли бы могъ произвести реформацию, такъ и Лютеръ, раздражительный и рьяный, попалъ бы, безъ указаній своего кроткаго друга, въ тысячу затрудненій. Меланхтонъ самъ чувствовалъ, что ему не достаетъ мужества и увѣренности Лютера, а Лютеръ, съ своей стороны, уважалъ въ Меланхтонѣ основательность его знаній и спокойное расположеніе духа. „Я благодаренъ нашему доброму Филиппу, писалъ, однажды, Лютеръ, за то, что онъ учитъ насъ по-гречески. Я старше его, но это не мѣшаетъ мнѣ у него учиться. Откровенно говорю, онъ больше меня знаетъ, и я нисколько того не стыжусь.“ Такой справедливой оцѣнкѣ своихъ заслугъ Меланхтонъ отвѣчалъ Лютеру полнымъ, глубокимъ уваженіемъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ обыкновенно называетъ Лютера *докторомъ*. Онъ обходился съ нимъ всегда уступчиво и осторожно. Въ письмѣ, написанномъ скорѣ послѣ смерти Лютера, онъ такъ выразился о немъ: „Лютеръ, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, былъ отъ природы горячъ и гнѣвливъ. Часто долженъ былъ я оказывать ему рабскую покорность, такъ какъ онъ слѣдовалъ болѣе своимъ наклонностямъ, не принимая во вниманіе ни свое, ни общее благо. Онъ не терпѣлъ, чтобы кто-нибудь уклонялся отъ его мнѣнія.“ И въ самомъ дѣлѣ: то было счастливое стеченіе обстоятельствъ, что человекъ, далеко превосходившій Лютера ученостію, уступалъ ему на столько же въ отвагѣ и дѣятельности. Оттого, въ теченіи 28 лѣтъ, честолюбіе ихъ никогда не сталкивалось враждебно и не была нарушена между ними гармонія, столь необходимая для дѣла реформаци.

Впрочемъ, что за человекъ былъ Меланхтонъ уже изъ того видно, что даже свѣтозарный образъ Лютера не могъ затмить его. Знавшій ихъ обоихъ, не могъ опредѣлительно сказать кто изъ нихъ — болѣе великій человекъ; многіе изъ тѣхъ, кому не нравились рьяныя притязанія Лютера, приступали къ доброму дѣлу только изъ уваженія къ Меланхтону. Неумолимая дѣятельность, не смотря на довольно слабое тѣлосложеніе, основательность изслѣданій, ясность изложенія, спокойствіе при возраженіяхъ противника, — все это доставляло Меланхтону удивленіе слушателей. Одною изъ величайшихъ заслугъ его было приведеніе наукъ, какия преподавались въ то время, въ болѣе удобную форму, — для чего и на

писалъ онъ потребныя для школы учебники, — а особенно то, что онъ изобрѣлъ лучший методъ для изученія древнихъ языковъ. Меланхтону обязана Сѣверная Германія первымъ знакомствомъ съ греческимъ языкомъ. Онъ написалъ греческую грамматику, которая выдержала 32 изданія. Намъ остались послѣ него логика, эпика, риторика, пѣтика и физика—превосходныя для того времени. Меланхтонъ удивительно помогъ трудамъ Лютера, объяснивъ впервые по греческому тексту Новый Заветъ и раздавая студентамъ дешевые оттиски отдѣльных книгъ. За то Лютеръ считалъ его избраннымъ, посланнымъ отъ Бога, орудіемъ для помощи его дѣлу.

3.

Меланхтонъ простиралъ совѣстливость свою до того, что не рѣшался посѣтить любимой матери, боясь, чтобъ эта поѣздка не отвлекла его отъ работы. По той же самой причинѣ, не хотѣлъ онъ и жениться; Лютеръ принужденъ былъ долго уговаривать его къ тому и другому, „Ступай съ Богомъ, любезный братъ Филиппъ, говорилъ онъ ему. Вѣдь и самъ Господь Иисусъ Христосъ не всегда же училъ и проповѣдывалъ, но часто оставлялъ дѣло, посѣщалъ родныхъ и друзей. Одного только требую отъ тебя: возвращайся къ намъ поскорѣе. А затѣмъ отправляйся.“ Путешествіе совершилось благополучно. Когда Меланхтонъ завидѣлъ свой милый Бреттенъ,—слезы радости полились у него изъ глазъ: онъ сошелъ съ лошади и палъ на колѣна. „О родная почва! воскликнулъ онъ. Благодарю Тебя, Боже, что Ты далъ увидѣть мнѣ его опять!“

Свадьбу свою онъ отпраздновалъ 25 ноября 1520 г. Жена его, дочь виттенбергскаго бургомистра Геронима Краппа, походила на него кротостію и уступчивостію. Она сдѣлала его вполне счастливымъ и подарила двумя сыновьями и двумя дочерьми.

Жаль, что исключительно ученое образованіе сдѣлало этого превосходнаго человека неспособнымъ къ жизни общественной, дѣятельной. Ни какъ не могли уговорить его, чтобы онъ говорилъ проповѣди, и когда, по дѣланію реформации, принужденъ былъ онъ часто выступать публично, — каждый разъ въ этихъ случаяхъ онъ дѣлалъ съ опасеніемъ и тревогою. „Ахъ, еслибъ не отрывали меня изъ моей аудиторіи, тогда писалъ

онъ между прочимъ: да еслибъ оставили спокойно работать для блага юности! Тамъ только я веселъ и спокоенъ. Для всего же прочаго, я слишкомъ слабъ и неспособенъ.“ И точно: потерявъ Лютера, онъ сталъ подобенъ виноградной лозѣ, лишенной опоры. Все его мужество исчезло, а когда началась военная тревога, лучшимъ утѣшеніемъ его были слезы: „Печаль о смутахъ военныхъ свѣдаетъ меня, писалъ онъ. Часто, смотря на Эльбу, прихожу я въ сомнѣніе: могъ ли бы я выплакать все мое горе, еслибъ у меня было столько же слезъ, сколько волнъ натить Эльба.“ Лютеране упрекали его и за то, что, колибъ отъ него зависѣло, онъ, съ Божіей помощью, оставилъ бы все по-прежнему, лишь бы добиться мира. Впрочемъ, въ тихомъ кружкѣ своемъ, онъ до самой смерти трудился, поучая, дѣлая изслѣдованія и сочиненія; наканунѣ смерти, онъ самъ отнесъ въ типографію рукопись своего послѣдняго пасхальнаго обзрѣнія.

Ульрихъ Цвингли (род. 1481 г., ум. 1531 г.).

1.

Къ отважнымъ людямъ, служившимъ провозвѣстниками новаго ученія, бесспорно принадлежитъ *Цвингли*. Онъ былъ сынъ управляющаго въ Вильдгаузенѣ, въ графствѣ тогтенбургскомъ, и первое образованіе получилъ отъ дяди, деревенскаго священника. Потомъ, онъ отправился учиться въ Базель, а оттуда въ Бернъ. Въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, онъ съ большимъ прилежаніемъ занимался науками и музыкою. Уже собираясь онъ поступить въ монахи, когда какое-то обстоятельство воспрепятствовало ему это сдѣлать, — и Цвингли, вмѣсто того, поступилъ въ вѣнскій университетъ, гдѣ ревностно предался изученію философіи. По возвращеніи въ Швейцарію, онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ, и тутъ возникли въ немъ сомнѣнія о непогрѣшимости папы, которыя онъ отважился высказывать громко и ясно.

Базельскій теологъ, Томасъ Виттенбахъ, и университетскій товарищъ его, Леонъ Юдъ, поступившій въ 1506 г., въ священники въ Парижѣ, въ изслѣдованіяхъ своихъ сошлись съ Цвингли. Образовался кругъ единомышленниковъ, друзей, которые, будучи согласны въ томъ, что настоящее

положеніе церкви не соотвѣтствуетъ ученію Основателя ея, рѣшились, каждый въ своемъ кругу, распространять въ народѣ понятія несогласныя съ римско-католическими. Никому, однако, не удалось это такъ, какъ Цвингли, поставленному, въ 1506 г., проповѣдникомъ въ Гларисъ. Слова его выходили изъ сердца, находили доступъ къ сердцамъ: ласковость же въ обхожденіи; общительность, любовь къ музыкѣ доставили ему общее расположеніе. Сдѣлавшись, въ 1516 г.; проповѣдникомъ въ знаменитомъ монастырѣ, *Маріинской пустыни*, куда собирались толпы богомольцевъ, онъ и тамъ выступилъ безстрашнымъ поборникомъ новаго ученія.

2.

Два года спустя, по обнародованіи Лютеромъ 95 Положеній, призвали Цвингли въ Цюрихъ. Тамъ онъ нашелъ немногочисленный, но бодрый, преданный свободѣ народъ и магистратъ, уже вполнину готовый къ нововведеніямъ. Слушатели собирались толпами къ Цвингли. Онъ ввелъ между прочимъ новый способъ проповѣдывать, — ознакомливая прихожанъ своихъ съ Новымъ Завѣтомъ, объясняя его въ своихъ послѣдовательныхъ *омиліяхъ* или рѣчахъ. При всемъ этомъ, онъ раскрывалъ испорченность духовенства, злоупотребленія католической церкви. Когда по Швейцаріи началъ развѣзжать францисканскій монахъ *Бернардинъ Самсонъ* и, подобно Тецелю въ Сѣверной Германіи, проповѣдывалъ за индульгенціи, — Цвингли такъ сильно ратовалъ противъ этого, что Самсонъ не посмѣлъ даже показаться въ Цюрихъ. Въ то же время, во многихъ мѣстахъ, отмѣнили мессу, исповѣдь на ухо; кое-гдѣ монахи оставили монастыри и выходили замужъ. Папа, въ надеждѣ привести Цвингли къ молчанію, началъ предлагать ему почетныя мѣста. Но Цвингли отклонилъ отъ себя предложенія папы. Послѣ того, совѣтъ созвалъ въ Цюрихъ всѣхъ духовныхъ лицъ, желавшихъ возражать на ученіе Цвингли, и не смотря на то, что ихъ собралось болѣе 600 человекъ, реформаторъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія. Тогда онъ издалъ свое исповѣданіе и изъяснялся въ немъ точъ въ-точъ какъ Лютеръ. „Только Библія, говорилъ онъ, должна служить основаніемъ нашей вѣры и нашихъ дѣлъ; всѣ человѣческія прибавки должны быть отмѣнены, мы можемъ исправиться иначе какъ возвратившись къ простотѣ первобыт-

ной христіанской церкви. " Только въ немногихъ статьяхъ Цвингли разнствовалъ отъ Лютера, а именно въ ученіи о тайнствѣ св. Причащенія. Цвингли училъ, что за трапезой Господней хлѣбъ и вино принимаются въ *вспоминаніе* о жизни и смерти Спасителя и служатъ только знакомъ памяти о Немъ; Лютеръ же, напротивъ того, утверждалъ, что слѣдуетъ держаться словъ Священнаго писанія, ибо Спаситель именно сказалъ: „*Cic est тѣло мое.*“ Конечно, мы не можемъ объяснить какимъ образомъ хлѣбъ и вино *претворяются* въ тѣло и кровь Христову, и обязаны только съ смиреніемъ и искренней любовью принимать Святое Причащеніе, однако, лютеране на этомъ пунктѣ отдѣлились отъ послѣдователей Цвингли, назвавшихъ себя *реформатами*. Лютеръ не соглашался ни на какія уступки, и даже совѣщаніе между обоими реформаторами, устроенное, въ 1529 г., въ Марбургѣ, стараніями ландграфа Филиппа гессенскаго, не привело къ мирному окончанію.

3.

Давно уже существовала ожесточенная вражда между швейцарскими кантонами, оставшимися вѣрными католическому исповѣданію и обратившимися къ протестантизму: Цюрихомъ, Берномъ и заключившими съ ними оборонительный и наступательный союзъ городами; Біелемъ, Мюнхгаузенемъ, Базелемъ и Санктъ Галленомъ. И вотъ разгорѣлась война. Цвингли не могъ оставаться спокойно на мѣстѣ въ то время, какъ близились за: высочайшее благо христіанства: ибо онъ самъ подавалъ первый поводъ къ войнѣ. Онъ собрался въ походъ полковымъ священникомъ. Все войско выстроилось на монастырскомъ дворѣ, передъ его жилищемъ. Подвели лошадь, на которой Цвингли долженъ былъ ѣхать; застегивая на себѣ панцырь, онъ такъ утѣшалъ жену свою: „Всталъ часъ, къ который намъ должно разстаться. Да будетъ во всемъ воля Господня. Да будетъ она съ тобой, со мною, съ дѣтьми нашими.“ Съ трудомъ освободился Цвингли изъ объятій глубоко огорченной жены и плачущихъ дѣтей. „Если Богу угодно, опять увидимся,“ сказалъ онъ, — и то были послѣднія слова, услышанныя отъ него на землѣ любимой его семьею.

11 ноября 1531 г., произошло сраженіе при Каппелѣ, недалеко отъ горы Рам. Цюрихцы были побѣждены превосходствомъ: силы католи-

челюстей кантоновъ; Цвингли, сражавшійся въ первыхъ рядахъ, покрытъ былъ ранами, лошадь подъ нимъ была убита и наконецъ оагъ онъ пагъ. Ратники изъ кантона Ури, думая, что узналъ умирающаго, подошелъ къ нему. „Не ты ли Гильтерихъ (Гульдрейхъ — милостивецъ)?“ спросилъ онъ его. Цвингли не отвѣчалъ. Тогда человекъ этотъ сталъ на колѣна передъ Цвингли, обезсилившимъ отъ ранъ, и прикнулъ ему на ухо: „Если вступишь въ папу, то живи.“ Но Цвингли вдругъ приподнялся и, сколько позволили ему исчезающія силы, громко воскликнулъ: „Я вѣрую въ Бога!“ — „Тагъ умри!“ возразилъ католикъ и закололъ мечемъ протестанта. Въ тотъ же день, тѣло Цвингли сошли на мѣсто сраженія. Одинъ изъ товарищей по оружію, съ опасностію жизни, оагъ сердце любимаго друга и учителя, и принесъ его въ Базель другому другу Цвингли, тамошнему профессору Эколампادیю. Эколампадій сурово спросилъ его: „Точно ли ты увѣренъ?“ И когда воинъ съ клятвою сталъ утверждать, что это дѣйствительно сердце злополучнаго ихъ друга, — Эколампадій взялъ его и, молвивъ: „Намъ не нужно мошей“ — бросилъ въ Рейнъ.

Іоаннъ Кальвинъ (род. 1509, ум. 1564 г.).

1.

Жанъ Шовенъ (Jean Chovin по латынѣ Calvinus) былъ сынъ значительнаго купца въ Нойонѣ, во Франціи. Отецъ, весьма уважаемый за свѣтлый умъ и твердый характеръ, принялъ за правило вслѣдствіи срыпать отъ дѣтей нѣжную къ нимъ любовь, страхомъ воспитывать ихъ на добро. Онъ очень строго обращался съ сыномъ, и, однако строгость эта не помѣшала сыну всегда почитать и уважать отца. Когда же Жанъ выросъ, — отецъ сдѣлался для него лучшимъ другомъ и совѣтникомъ. Между тѣмъ, Жанъ заимствовалъ отъ отца суровый образъ мыслей. Съ другой стороны, благотворно подѣйствовалъ на мальчика характеръ матери, женщины религіозной. Ребенокъ видѣлъ какъ она ходитъ въ парювъ, читаетъ, поетъ, становится на колѣна, молится, плачетъ, — все это чрезвычайно трогало его впечатлительную душу и не выразимое благоговѣніе проникало весь составъ его при мысли о Богѣ свѣтломъ и невиди-

номъ. Жакъ Нюверъ, съ ранней молодости, привыкъ на голыхъ ногахъ ходить; даже открытыя сапоги, что онъ всегда дѣлалъ усердно и радостно, даже летѣ оставался одинокъ. Маленькій братъ, Антонъ, любимый товарищъ его дѣлалъ жизнь, утѣшалъ его, заботился о немъ.

Степенный мальчикъ нравился вообще всѣмъ, особенно понравился его воспитателю де Моинору, который и выпросилъ его у отца на воспитаніе съ дѣтьми своими. Видѣвъ же съ ними, Жакъ проваля нѣсколько лѣтъ въ общественной школѣ — коллегіумѣ *де Маринъ*; потомъ послали его въ Парижъ. Молодаго, прилежнаго, послушнаго и тихаго Кальвина немедленно отдали, въ ущербъ его товарищамъ, которые за это завидовали ему; Кальвинъ безпрестанно порицалъ ихъ то за одно, то за другое, и это сердило ихъ; впрочемъ, онъ самъ былъ своеправенъ и обидчивъ, — товарища моментально дразнили его, насмѣлялись надъ нимъ. Все это развило въ немъ болѣзненную раздражительность, упрямство и самолюбіе, неспособныя на то, что вся наклонности его были добрыя...

Диспуты на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ ученость и искусство Кальвина возбуждали вниманіе новыхъ слушателей, доставили ему, на 18-мъ году, мѣсто священника въ Панъ-д'Эвекъ; въ этой должности онъ заслужилъ вселобную похвалу. Впрочемъ, онъ уже на 12-мъ году, пользовался доходами съ прихода: такъ неосмотрительно расточалъ въ то время несметныя богатства церкви.

2.

Между тѣмъ, онъ не долго остался на поприщѣ занятъ свѣтскими почетомъ. Ученый его родственникъ, Робертъ Оливье, познакомилъ его впервые съ полной Библіею; въ тому же Кальвинъ кое-что уже зналъ о правилахъ новыхъ реформаторовъ въ Германіи и Швейцаріи; тогда въра его въ истину католицизма начала сильно колебаться, и это обстоятельствомъ такъ беспокоило его, что онъ не зналъ, что ему дѣлать: нѣсколько времени боролась еще въ немъ привязанность къ индигитамъ, внушеннымъ ему съ младенчества, и такое ему было отказываться отъ привычныхъ заблужденій. Но эта борьба длилась только до тѣхъ поръ, пока новый учрованіе не пролило въ него съ силой убѣжденіе. Какъ скоро товарищамъ это, — онъ почувствовалъ, что невозможно ему оставаться

домѣ католическаго священника. „Сердце не допускаетъ меня остаться,“ объяснялъ онъ впоследствии. Онъ добровольно сложилъ съ себя свое званіе и отправился въ *Орлеанъ* учиться праву, что съ радостію дозволилъ ему отецъ, надѣясь, что это послѣднее поприще принесетъ его сыну гораздо болѣе почета.

Съ обычными своими прилежаніемъ, Кальвинъ въ короткое время сдѣлалъ удивительные успѣхи въ наукѣ правовѣденія. Рвеніемъ къ ученію онъ даже отгонялъ отъ себя друзей, ибо всегда почти досаждалъ, когда чьи-бы то ни было посѣщенія мѣшали ему работать. Сами учителя удивлялись его быстрымъ успѣхамъ и, желая доставить ему почетное отличіе, предлагали ему прямо степень доктора. Но онъ скромно отказался, — онъ имѣлъ намѣреніе, для усовершенствованія себя въ законовѣденіи, послушать въ *Буржѣ* знаменитаго правовѣда, Андреаса Альдіатуса, призваннаго туда изъ Италіи.

Въ то время въ буржскомъ университетѣ профессоромъ греческаго языка былъ молодой нѣмецъ *Воламеръ*, родомъ изъ Ротвейла, въ Швабін. Кальвинъ познакомился съ нимъ, и вълѣдствіе этого знакомства, такъ пристрастился къ изученію древнихъ языковъ и Нового Завета, что поинуждъ навсегда право и воспламенился жаждою приобрести славу проповѣдника. И дѣйствительно: онъ началъ проповѣдывать въ духѣ новаго ученія въ селеніяхъ, прилежащихъ къ Буржѣ, рѣчичеро, пламенные и проникнутыя сердечнымъ убѣжденіемъ, были принимаемы вездѣ, съ величайшимъ одобреніемъ. Его всячески старались удержать въ Буржѣ, но смерть отца призвала его сначала въ Нойонъ, а тамъ — въ Парижъ, гдѣ онъ тотчасъ примкнулъ къ реформатамъ ученія Цвингліева. Рѣчами, произносимыми на тайныхъ сходкахъ, они умилляли сердца слушателей; а разными духовными сочиненіями сильно содѣйствовали распространенію новаго ученія. Уже на 24-мъ году, онъ считался у реформаторовъ главнымъ столбомъ ихъ церкви. Сестра Франциска 1-го, королева наваррская Іоанна, тайно покровительствовавшая ихъ партіи, часто приглашала къ себѣ Кальвина и бесѣдовала съ нимъ о религіозныхъ предметахъ. Но вскорѣ начались преслѣдованія противъ лютерановъ. Кальвинъ принужденъ былъ скрыться изъ Парижа и нѣсколько времени скрывался по своимъ друзьямъ. Потомъ онъ еще разъ отдался на съѣзды столпны, — но долженъ былъ тотчасъ же бѣжать, чтобы не попасть

себя живъ. Неохотно, но съ добровольно-и-спокойствіемъ, оставилъ онъ отечество: „потому что, писалъ онъ, и правдѣ не приходится жить во Франціи, тамъ менѣе мнѣ. Я же охотно подвергнуся судьбѣ, которая правду постигнетъ.“

Онъ поселился въ Базель, откуда учене Цвингли вполне нагнало католицизмъ. Тамъ онъ нашелъ множество друзей и доброжелателей, а также наставниковъ, у которыхъ многому могъ научиться. Тамъ онъ впервые пришелъ за еврейскій языкъ, и, какъ легко вообразить, принялся съ обычнымъ своимъ рвеніемъ. Желая отъ души доставить своимъ убѣжденіямъ болѣе доступна и высочайшее одобреніе въ отечествѣ, онъ написалъ „Наставленіе въ христіанской религіи“ и посвятилъ это сочиненіе французскому народу, но духовные совѣтники не допустили короля даже взглянуть на книгу.

Въ 1536 г. Кальвинъ прибылъ въ Женеву, городъ давнымъ-давно пріобрѣтшій себѣ независимость республики и пользовавшійся полнымъ благосостояніемъ; два реформателю, проповѣдника, *Вильгельмъ Фарель* и *Петръ Вире*, недавно посвятили ее въ новое учене. Лишь только услыхавъ оба эти духовныя лица о пріездѣ Кальвина, какъ неотступно стали просить его пожить у нихъ, и хотѣли даже сжечь проповѣдь.

Кальвинъ исполнилъ ихъ желаніе—и говорилъ съ такимъ успѣхомъ, что, послѣ проповѣди, народъ толпами ѣхалъ къ его жилищу, чтобъ благодарить его. Увидавъ это, Кальвинъ не могъ удержаться отъ слезъ и долженъ былъ дать обѣщаніе—сжечь проповѣдь и на слѣдующій день. Подкопемъ, Женевцы уже новее не хотѣли отпустить Кальвина и дали ему мѣсто священника. Въ этой должности дѣятельность его была самая тревожная. Онъ часто ѣзжалъ по соседственнымъ маленькимъ общинамъ, поддерживалъ въ нихъ первобытныя учрежденія, назначалъ наставниковъ, превращалъ раздоры, посредъ всѣхъ этихъ заботъ онъ все-что начиналъ и, массу прочимъ, по примѣру Лютера давалъ болѣе и малый патиналъ. Онъ также часто держалъ диспуты, — великій охотникъ до нихъ, онъ выигралъ всѣхъ, но раздѣлявшихъ его мнѣній, публично вступать съ ними въ спора. Быстрый и блестящій успѣхъ,

увѣнчавшій его старанія, развила въ немъ упорную страсть къ спорамъ, оттого онъ не терпѣлъ чуждаго мнѣнія, не сходнаго съ его собственнымъ. Такъ и съ женеvскимъ магистратомъ Кальвинъ ватѣлъ распрю на счетъ литургіи: онъ ни за что не хотѣлъ уступить, — и былъ изгнанъ изъ города. Лишь услышали о томъ Страсбургцы, — тотчасъ приваили къ себѣ Кальвина въ священники и профессора богословія въ ихъ университетъ. И здѣсь распространялъ онъ новое ученіе, установилъ болѣе строгіи церковный порядоки, и приобрѣлъ уваженіе, которое докончало почти до какого-то страха передъ нимъ.

Въ Страсбургѣ же онъ задумалъ жениться: выборъ его былъ счастливъ, хотя бракъ остался безплоднымъ. Три года только пребылъ онъ въ Страсбургѣ; приверженцы его въ Женевѣ одержали верхъ въ тамошнемъ магистратѣ и народъ нетерпѣливо желалъ возвращенія изгнаннаго проповѣдника. Нѣсколько разъ просили его возвратиться, но Страсбургцы не отпускали его отъ себя, пока наконецъ, послѣ многократныхъ просьбъ Женевскихъ магистрата и горожанъ, Кальвинъ рѣшился на новое переселеніе и, въ 1541 г., благополучно прибылъ опять въ Женеву. За нѣсколько миль, выходили встрѣчать его; всѣ порицали его изгнаніе, все желали сложить съ себя участіе въ этомъ дѣлѣ; такъ что Кальвинъ шутя написалъ пріятелю: „коли положиться на увѣренія Женевцевъ, то никто изъ нихъ и не вѣдалъ про мое изгнаніе, то должно быть не люди, а дома изгнали меня изъ города.“

4. 11. 1541. 1542. 1543. 1544. 1545. 1546. 1547. 1548. 1549. 1550. 1551. 1552. 1553. 1554. 1555. 1556. 1557. 1558. 1559. 1560. 1561. 1562. 1563. 1564. 1565. 1566. 1567. 1568. 1569. 1570. 1571. 1572. 1573. 1574. 1575. 1576. 1577. 1578. 1579. 1580. 1581. 1582. 1583. 1584. 1585. 1586. 1587. 1588. 1589. 1590. 1591. 1592. 1593. 1594. 1595. 1596. 1597. 1598. 1599. 1600.

Онъ сталъ опять проповѣдывать, учить, писать и ратовать. Его нравственное чувство возмущалось тѣмъ, что многи проценты бракъ, а иной продавалъ вещи дороже чѣмъ онъ были нужны, если притомъ не было сдѣлано въ нихъ никакихъ улучшеній. Для водворенія нравственности между Женевцами, онъ предложилъ строгіе церковные законы, по которымъ всякій дурной поступокъ, коли доносился о немъ нарочно-учрежденному суду благочинія, наказывался публичнымъ покаяніемъ. Можно вообразить, какъ возставала молодежь противъ такой строгости; старши же, напротивъ того, находили въ мысли Кальвина много назидательнаго, а Кальвинъ не таковъ былъ, чтобъ божать не конченнаго начатое дѣ-

ло; по этому сдѣлали угодное ему, — и новый церковный порядокъ под- держивался, но крайней мѣрѣ до самой смерти учредителя.

Для Кальвина значеніе въ обществѣ нѣкого бы то ни было лица ро- но ничего не значило. *Ами Перрэнъ*, сенаторъ и генералъ-напиканъ въ Женевѣ, былъ безнравственный человѣкъ и рьяный противникъ ре- форматора. Разъ, явился онъ воспріемникомъ къ новорожденному, кото- раго крестилъ Кальвинъ. Но Кальвинъ не захотѣлъ допустить Перра- на, — онъ громко говорилъ, что въ кумовья должно принимать только людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ, на которыхъ можно понаде- яться, что они станутъ по-христіански заботиться о благѣ своихъ прее- стниковъ. Въ другой разъ, секретарь суда, нѣкто Бертелъ, развратнымъ поведеніемъ навлекъ на себя отлученіе отъ церкви. Онъ апеллировалъ магистрату, и магистратъ разрѣшилъ ему, по прошествіи полугода, приоб- щаться Св. Таинъ. Напрасно представлялъ Кальвинъ, что въ этомъ че- ловѣкѣ нѣтъ еще слѣдовъ исправленія; — сенатъ хотѣлъ, на этотъ разъ, поставить на своемъ и утвердить вѣнотъ свою надъ духовною конекстѣ- ріей. Это значило садѣть Кальвина за живое. Въ испресеніе, когда Бер- телъ долженъ былъ причащаться, Кальвинъ произнесъ громкую рѣчь противъ испорченности правовъ и громовымъ же голосомъ закричалъ съ навадрю: „скорѣй ликуешь жизни, чѣмъ рука моя подастъ Св. Дары недостойному.“ Эти слова произвели впечатлѣніе; стали опасаться впаденія въ церкви и самые друзья Бертелю посоветовали ему удалиться. Но Кальвинъ не остановился на полудорожѣ. Опираясь на всю массу народа, онъ вынудилъ у сената общаніе, никогда не выѣздивать изъ дѣла, принадлежащаго духовному вѣдомству.

Впрочемъ, необыкновенная добросовѣстность, трудолюбіе, безкористіе, которыми удивлялись даже самые востные юристы Кальвина, все- на умѣряли ненависть, какою нацѣлялъ онъ на себя свѣдѣ буровостію. Изъ примѣра Листера мы уже видѣли, что гонимый, всеми силами души преслѣдующій возмущенную цѣль, имеетъ блаженство отъ пристрастія къ торгашескимъ барышнямъ, чѣмъ даме, что бѣится и тѣни основнорыстія. Таковъ былъ и Кальвинъ. Онъ былъ сѣдѣнь, и обидникомъ догѣтъ оста- ться. Онъ отказался отъ доблестнаго жалованья, предложеннаго ему ма- гистратомъ, — и молвилъ при этомъ: „я тружусь ради пользы; какую другіе должны получить отъ меня, а не для собственныхъ моихъ вынодѣ.“

Все содержаніе его состояло изъ 50 талеровъ, двѣнадцати мѣръ ржи, двухъ бочекъ вина и даровой квартиры. И не смотря на это, разъ, во время дороговизны, онъ отказался отъ 20 талеровъ изъ своего содержанія да еще тайно помогалъ кое-какимъ бѣднымъ.

5.

Но къ великимъ заблужденіямъ можетъ привести и ревность о вѣрѣ, когда не достаеъ ей христіанской терпимости, — это показываетъ намъ исторія несчастнаго *Серведа*. Михаэль Серведа, испанскій врачъ, былъ великій мыслитель и любилъ также заниматься богословскими изслѣдованіями. Онъ долго жилъ и разрабатывалъ свой предметъ во Франціи, находился въ перепискѣ со многими ученѣйшими людьми своего времени, и между прочими — съ Кальвиномъ. Но Кальвинъ, лишь замѣтилъ, что Михаэль Серведа имѣетъ различныя съ нимъ мнѣнія о тріединствѣ Божества и не согласенъ съ ученіемъ его о благодатномъ избраніи, тотчасъ прекратилъ съ нимъ переписку. Кальвинъ училъ, что Богъ отъ самой вѣчности предопредѣлялъ добрыхъ для блаженства, а злыхъ на осужденіе, а мы, люди, не вѣдаемъ почему. Онъ избралъ тѣхъ или другихъ. Но вылигнѣ своей: „о *возстановленіи христіанства*“ Серведа выразилъ божье свободное воззрѣніе, и Кальвинъ сталъ поносить его безбожнымъ еретикомъ, который, въ образѣ діавола, хочетъ соблазнить людей. Тогда, по настоянію французскаго духовенства, Серведа былъ взятъ подъ стражу въ Вѣннѣ, — Кальвинъ послалъ къ тамошнему начальству собственноручныя письма обвиненнаго, который и былъ за то осужденъ на смерть. Ему удалось, однако, бѣжать изъ тюрьмы. На пути, онъ захватилъ въ Женеву, и, думая, что найдетъ безопасность въ протестантскомъ городѣ, расположился отдохнуть тамъ нѣсколько дней. Но увы! лишь только узналъ Кальвинъ о приѣздѣ несчастнаго снитальца, — тотчасъ же, по его настоянію, Серведу бросили въ тюрьму. Изумился Серведа, увидавъ благочестиваго, честнаго Кальвина во главѣ своихъ обвинителей. Правда, Кальвинъ посѣтилъ его въ темницѣ, съ цѣлю — убѣдить его отречься отъ инимыхъ заблужденій. Но Серведа, какъ нѣкогда Лютеръ, рѣшился, до самой смерти, стоять за свои убѣжденія. Тогда Кальвинъ обвинилъ его безбожнымъ, несправедливымъ грѣшникомъ и при-

судилъ за это къ сожженію. Обвиненный чуть не лишился чувствъ отъ ужаса,—но скоро собрался съ духомъ и сослался на правоту своего дѣла; потомъ же сталъ опять умолять о пощадѣ. Наконецъ онъ умолялъ замѣнить варварскую казнь огнемъ другою менѣе жестокою—отсѣченіемъ головы; но все было напрасно. Его повлекли на костеръ, воздвигнутый передъ самой ратушей. Въ послѣднія минуты жизни, онъ посрамилъ фанатиковъ, прося у всѣхъ прощенія въ совершенныхъ имъ прегрѣшеніяхъ. „Я не боюсь смерти, молилъ онъ тѣмъ, кто оставался при немъ передъ казнью: но умереть, какъ преступникъ, вотъ что сокрушаетъ мнѣ сердце. Иисусе, Спаситель мой, утѣшь меня, какъ нѣкогда Ты Самъ былъ утѣшенъ! Змій, котораго я хотѣлъ побороть, одолѣлъ меня.“ Сидя на низкой плахѣ, привязанный къ колу, съ роковой книгою возлѣ себя, онъ видѣлъ какъ медленно разгорается костеръ, который сложили изъ свѣжихъ и сырыхъ дровъ. Почти изжаренный на чуть-горѣвшемъ огнѣ, несчастный мучился болѣе получасу и безпрестанно восклицалъ: „Иисусе, Сыне Вѣчнаго Бога, помилуй меня!“ Наконецъ народъ, окружавшій костеръ, сжалился надъ нимъ, набросалъ на него нѣсколько вязанокъ дровъ, и, послѣ неописанныхъ мученій, Михаэль Серведа наконецъ задохся (27 октября 1553).

III. ПРОТИВНИКЪ РЕФОРМАЦИИ.

Игнатій Лойола (1492—1556 г.)

1.

Игнатій Лойола былъ сынъ испанскаго дворянина, богато награжденнаго дѣтymi. На шестнадцатомъ году, онъ покинулъ родительскій домъ и сталъ искать счастья, сначала пажомъ при дворѣ Фердинанда и Изабеллы, а потомъ солдатомъ—у герцога Наварра. Онъ отличался красотой, тѣлесной силою и примичіемъ въ поступкахъ, такъ что считался однимъ изъ самыхъ ловкихъ навалеровъ. Лойола жаждалъ случая выказать геройскій духъ, и не предвидѣлъ какой дурной оборотъ приметъ первое его военное дѣло, а еще менѣе предвидѣлъ—какія необыч-

новенный и замѣчательный плодѣдствіи будутъ имѣть все это для его жизни.

Французы, воспользовавшись поѣздкой Карла V въ Германію, вторглись въ Испанію. Они не встрѣтили сопротивленія и быстро проникли до *Дамтелумы*. Въ небольшомъ отрядѣ, оставленномъ для защиты этого города, находился и *Лойола*. Напрасно поощрялъ онъ жителей къ сопротивленію; городъ сдался, не обнаживъ даже меча. Вѣбленный такой трусостию и вѣроломствомъ, Лойола рѣшился на все и съ немногими вѣрными засѣлъ въ цитадели. Непріятель потребовалъ сдачи, но онъ отвергъ недостойныя условія. Французы принуждены были сдѣлать приступъ. Артиллерія опрокинула часть стѣны; Лойола сталъ передъ проломомъ и отражалъ враговъ; вдругъ ядромъ разрушило возлѣ него стѣну, осколкомъ камня раздавило ему ступню и переломило ногу; товарищи разбѣжались; Французы взяли крѣпость.

Они дозволили храбрымъ Испанцамъ свободно выйти изъ города. Лойолу перевезли къ братьямъ, для излеченія отъ раны. Неопытный костоправъ такъ дурно выправилъ ему ногу, что другой, болѣе искусный, присудилъ, для полнаго излеченія, вторично ее переломить. Лойола, безъ малѣйшихъ жалобъ, вынесъ мучительную операцію и съ такимъ же мужествомъ позволилъ выпилить костяной наростъ, образовавшійся подъ коленнымъ. Не смотря и на это вторичное леченіе, нога оставалась короче, — и Лойола нѣсколько мѣсяцевъ выдерживалъ растягиванье ея гири и боль отъ компрессовъ. Достаточное доказательство силы честолюбія! для Лойолы невыносима была мысль въ бездѣйствіи ронять жизнь, начатую съ такой славой.

2.

Желая развлечься отъ томительной скуки, во время продолжительнаго лѣченія, пылкій молодой человекъ принялся за чтеніе. Но на бѣду, — въ книгѣ родныхъ его, не нашлось ничего, кромѣ собранія легендъ въ ниско-католическомъ духѣ. Книгу эту Лойола прочелъ съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ началъ размышлять о чудныхъ дѣйствіяхъ промысла надъ людьми, сравнивалъ судьбу свою съ судьбою святыхъ, и чѣмъ болѣе впадалъ въ страданія и величія, тѣмъ тверже становилось въ немъ убѣ-

женіе, что самое несчастіе его устроено промысломъ Божиимъ, ведущимъ его къ неизвѣданному еще призванію мученика.

Родные съ безпокойствомъ замѣтили перемѣну, произведенную въ Игнатіи чтеніемъ, и напрасно старались отвести мысли его въ другую сторону; Лойола твердо рѣшился сдѣлаться мученикомъ; лишь выздоровѣла нога его, простился онъ съ родными, и собрался въ Іерусалимъ. Деньги, данныя ему на дорогу старшими братьями, онъ роздалъ бѣднымъ, и съ посохомъ странника въ рукахъ, отправился въ Барселону. На пути, въ канеліи *Монасшеритской Боасіей Матери*, онъ далъ обѣтъ всецѣннаго цѣломудрія, поручилъ себя заступничеству Царицы Небесной; потомъ исповѣдался и въ послѣдній разъ употребилъ въ дѣло свой мечъ, столъ на часахъ юрель, изображеніемъ Божіей Матери. Затѣмъ, сложилъ онъ навсегда мечъ и канчалъ въ монастырѣ, замѣнивъ платье мѣшкомъ и веревкой, и шолъ: снѣгада босикомъ, кожа распухшая отъ боли нога не принудила его обернуть ее шальникомъ. Онъ шолъ, питаясь милостынями, изъ деревни до деревни, и наконецъ добрался до города *Манрезы*. Тамъ, въ пещерѣ, недалеко отъ города, провелъ онъ цѣлую недѣлю безъ пищи и питья, и навѣрно умеръ бы, еслибъ случайно кто-то не нашолъ отшельника и не возвратилъ его къ жизни. Въ неестественномъ напряженіи духа, ему мечтались странныя видѣнія, и онъ похвалялся ими, какъ божественнымъ откровеніемъ. Такъ открылась будтобы передъ нимъ непостижимая тайна Троицы.

Преувеличенная суровость къ самому себѣ поддерживала непрерывно эту религіозную мечтательность. Три раза въ день онъ бичевалъ себя, семь часовъ проводилъ на молитвѣ, питался хлѣбомъ и водою; спалъ на голой землѣ. Чѣмъ больше истощалъ его такой образъ жизни, тѣмъ больше онъ гордился своимъ изнуреніемъ, а чѣмъ болѣе походилъ отъ виду на помѣшаннаго, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли о своей святости. Онъ произвелъ великое впечатлѣніе въ Манрезу; старый и малый обрали за нимъ; даже дамы начали имъ интересоваться; а какъ сдѣлалась съ нимъ сильная горячка, — ухаживали за нимъ и уговорили хоть нѣсколько смягчить суровость къ самому себѣ. Игнатій Лойола пустился опять въ путь уже въ суконномъ плащѣ, въ шляпѣ и обуви.

Въ началѣ 1523 г., онъ отправился на корабль изъ *Барселлоны*. Капитанъ корабля принялъ его даромъ, но все-таки деньги на сухари Лойола долженъ былъ поспѣшно собрать себѣ милостынею. Прибывъ въ *Газту*, и странствуя по Италиі, онъ чуть-было не умеръ съ голоду, потому что въ Италиі свирѣствовала чума, и всѣ жители запирались въ домахъ. Достигнувъ Рима, онъ приложился къ туфлѣ папы Адриана VI, и, не страшась чумы, отправился пѣшкомъ въ Венецію. Впалые, огненные глаза и вся наружность Лойолы всѣхъ отгоняли отъ него, — его принимали за живое изображеніе чумы. Гонимый отовсюду, часто изнемогая отъ нечеловѣческихъ усилій, но всегда довольный собою, Лойола достигъ Венеціи и сѣлъ на корабль, стоявшій уже подъ парусами. Во время плаванія, онъ говорилъ матросамъ длинныя проповѣди. по поводу ихъ кувныхъ клятвъ и побранокъ, говорилъ съ такой ревностію, что ни насмѣшки, ни угрозы не могли остановить его. Онъ прибылъ на островъ *Кипръ*, а оттуда — въ *Палестину*. Какъ билось его сердце, когда ступилъ онъ на священную почву! Съ неудержимымъ восторгомъ, онъ тотчасъ же отправился на поклоненіе въ Іерусалимъ. Слезы радости лились у него изъ глазъ, когда онъ увидалъ этотъ городъ; нѣсколько дней не отходилъ онъ отъ мѣстъ, гдѣ Спаситель былъ распятъ и погребенъ, и, стоя на коѣнахъ, безпрестанно цѣловалъ святую землю.

Къ сожалѣнію, восторги его скоро были прерваны, ибо онъ сдѣлалъ извѣстнымъ намѣреніе свое обращать въ христіанство жившихъ въ Палестинѣ неувѣрныхъ: францисканскіе монахи стали завидовать ему, а настоятель, безъ дальнихъ церемоній, приказалъ схватить его, когда онъ молился на Масличной Горѣ, и силой отвести на корабль, возвращавшійся въ Венецію. Послѣ утомительнаго путешествія, пѣшкомъ, изъ Венеціи въ Геную, Лойола возвратился моремъ въ отечество свое, Испанію, и благополучно прибылъ въ Барселлонскую гавань.

Что было дѣлать Лойолѣ, послѣ того, какъ неудался планъ его обращать неувѣрныхъ? Онъ, по прежнему, старалъ желаніемъ составить себѣ

онъ началъ уже избирать новое общество. Первыми его приверженцами были пятеро испанцевъ и одинъ савойардъ; онъ заставилъ ихъ, 15 августа 1534 г., подняться на ослащенный агнецъ, что они отрекутся по отреченіи курса богословскихъ наукъ отъ всего земнаго и пойдутъ съ нимъ сначала въ Римъ, а потомъ въ Палестину. Ему хотѣлось, однако, увидать еще разъ родину, — осенью 1535 г., онъ оставилъ друзей, уговорившись съ ними, сойтись всѣмъ вмѣстѣ въ Венеціи.

5.

Поездка его въ Испанію походила на прежнія странствованія; она состояла попеременно изъ проповѣдей, обращенія невѣрныхъ, заботъ о больныхъ и испраиванія милостыни. Игнатіа Лойолу уже знали повсюду и дѣйствительно почитали святымъ. Напрасно старались родные уговорить его, чтобы онъ остался въ Гвианскоѣ: Лойола сѣлъ на корабль и прибылъ въ Геную; отсюда же отправился прыжкомъ въ Венецію, и въ этомъ городѣ проповѣдями и постнической жизнью приобрѣлъ уже себѣ имя, когда и друзья присоединились къ нему. Они оставались въ Венеціи до весны 1537 г., занимаясь обращеніемъ къ добру нечестивыхъ, утѣшеніемъ умирающихъ, проповѣдываніемъ народу, уходомъ за больными въ тамошнихъ госпиталяхъ, — причемъ оказывали такую безпримѣрную стойкость и самоотверженіе, что самый равнозачъ о ихъ дѣйствіяхъ возмутителенъ для нашей извѣстности. Такъ напримеръ, испанецъ, *Францискъ Косае*, не находилъ отвратительнымъ высасывать гной у несчастныхъ, тѣла которыхъ были покрыты злокачественными нарывами и чирьями.

Между тѣмъ, возгорѣлась война съ Турками, и нельзя было думать переправиться въ Іерусалимъ. Члены маленькой общины разсѣялись по Верхней Италіи, продолжали свои христіанскія занятія, вездѣ привлекали толпу почитателей. Старинный планъ основать орденъ созрѣлъ въ головѣ Лойолы. Но принужденный отказаться отъ обращенія невѣрныхъ на Востокъ, онъ хотѣлъ обращать ихъ на Западъ, — къ невѣрнымъ притискилъ онъ и протестантовъ. Онъ рѣшился поддержать непоколебавшееся значеніе папы и ратовать противъ распространявшагося все болѣе и болѣе протестантизма. Безпрестанное обдумываніе глубокомысленныхъ

плановъ сильно напрягло нервы воспримчиваго и впечатлительнаго Лойолы; ему представилось, что Самъ Христосъ будто бы явился ему, подъ видомъ вербующаго офицера, и сказалъ: „Въ Римѣ я укрѣплю тебя.“

Лойола съ двумя учениками отправился въ Римъ, и положилъ къ ногамъ папы небольшой подарокъ деньгами, скопленными общиной изъ щедро подаваемой ей милостыни. Папа очень порадовался такому доказательству преданности, и съ большимъ вниманіемъ выслушалъ предложенія Лойолы. При тогдашнемъ кризисѣ, приходилось какъ нельзя болѣе кстати это предложеніе учредить духовныхъ воителей, основать особую папскую армію, вѣтви которой будутъ простираться по всѣмъ странамъ міра, и которая всѣми силами станетъ бороться съ врагами папы. Папа торжественно утвердилъ, въ 1540 г., новое братство, генераломъ ордена назначилъ Лойолу, свѣтлый умъ котораго внушалъ къ нему удивленіе, и далъ ему дозволеніе устроить новое государство. Тотчасъ начался наборъ прозелитовъ всѣхъ возрастовъ и сословій, и, въ короткое время, число членовъ общества возрасло до нѣсколькихъ сотенъ.

6.

Учрежденіе ордена, получившаго, въ честь того, что Лойола называлъ своимъ видѣніемъ, названіе *Общества Іисуса*, было дѣломъ тончайшаго расчета. Уложеніе его было чисто монархическое. Генералу, жившему постоянно въ Римѣ, были подчинены второстепенные генералы, а за ними, подобно какъ въ военной службѣ, шли постепенно понижаясь до степени простаго брата, безчисленные разряды. Вообще господствовало между ними строжайшее повиновеніе. О самыхъ незначительныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ каждаго отдѣльнаго лица велись протоколы, которые отсылались къ генералу. Новопоступающіе члены подвергались строгому испытанію; начальники сверхъ тщательно наблюдали за ихъ склонностями и способностями, а тамъ опредѣляли каждому кругъ его дѣйствій. Самыхъ ловкихъ и хитрыхъ посылали ко дворамъ, предлагали въ духовники и воспитатели къ царственнымъ особамъ; ученыхъ опредѣляли наставниками въ школахъ или предоставляли ихъ врожденной склонности быть писателями; фанатиковъ посылали миссіонерами, самыхъ

же честныхъ и правдивыхъ членовъ ставили на видныя мѣста, такъ что добродѣтели ихъ сіяли для всѣхъ и доставляли довѣріе ордену. Членовъ общества разрѣшили отъ обѣта нестяжанія, для того, чтобы тѣмъ самымъ еще крѣпче связать ихъ другимъ обѣтомъ—послушанія. Членъ, преступавшій этотъ послѣдній обѣтъ, немедленно извергался изъ общины. А для того, чтобы никакой посторонній интересъ не отвлекалъ лезуитовъ отъ интересовъ ордена, узаконено было не замѣщать членами его никакихъ церковныхъ должностей. Впослѣдствіи времени сдѣлано было весьма немного исключеній изъ этого устава.

Не принуждая членовъ къ опредѣленнымъ занятіямъ, освободивъ ихъ отъ духовныхъ упражненій другихъ орденовъ, какъ, напримѣръ, отъ молитвы, службы за обѣдней и за часами,—доставили имъ, черезъ это, время и дали охоту заниматься полезными науками. Ни одинъ орденъ не произвелъ столько отличныхъ наставниковъ и писателей, какъ орденъ лезуитовъ. Между ними было множество тонкихъ теологовъ, ревностныхъ духовниковъ, страстныхъ ораторовъ, терпѣливыхъ миссіонеровъ, искусныхъ землѣровъ, астрономовъ, механиковъ и даже превосходныхъ законодателей.

Эта многосторонность необходимо должна была доставить имъ уваженіе народа. Въ 16 и 17 столѣтіяхъ, съ именемъ лезуита соединяли понятіе объ умномъ, дѣльномъ человѣкѣ, все равно какъ въ наше время со словомъ Гернгутеръ соединяется понятіе о жирномъ и трудолюбивомъ гражданѣ. Но особенно дѣлало популярными лезуитовъ безкорыстіе, съ каковымъ они посвящали себя обученію юношества. Въ тѣ времена, когда хорошіе учителя были еще такой рѣдкостью, принимали за особую благодать Господню предложеніе столькихъ ученыхъ и искусныхъ людей преподавать даромъ. Проповѣди ихъ тоже нравились больше проповѣдей другихъ духовныхъ лицъ; къ тому же, въ качествѣ духовниковъ, пріобрѣли они всеобщее расположеніе ласковостью и снисходительностью. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого было то, что, въ какіе-нибудь 50-тъ лѣтъ, орденъ распространился не только по Европѣ, но даже по всѣмъ прочимъ частямъ свѣта и получилъ несмѣтныя богатства, частію отъ добровольныхъ пожертвованій и завѣщаній, частію чрезъ торговлю индійскихъ и американскихъ миссіонеровъ. Болѣе 200 лѣтъ, лезуиты орудовали въѣми кабинетами и всюю политикой въ Европѣ, завѣдывали исклю-

чительно воспитаніемъ католическаго юношества, въ которое и вселяли ожесточенную ненависть къ протестантамъ; они распространили папскую власть въ самыхъ отдаленныхъ концахъ свѣта и даже основали въ Южной Америкѣ большое государство, *Парагвай*. Вышеупомянутый *Ксаве* въ качествѣ миссіонера, искалъ счастья въ Остѣ-Индіи, Цейлонѣ и Японіи, и окончилъ дѣятельную жизнь въ Китаѣ (1552 г.). За нимъ послѣдовали многіе другіе, и первыми обстоятельными свѣдѣніями о Китаѣ мы обязаны Іезуитамъ.

IV. ГОСУДАРИ.

ІОАННЪ ФРИДРИХЪ И МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

1.

Въ послѣдніе годы жизни Лютера, усилились раздоры между протестантами и католиками. Напрасно протестанты приступали многократно къ императору съ просьбами даровать имъ равныя права съ католиками и свободу исповѣданія ихъ вѣры. Вдругъ они услышали, что императоръ вооружается, что онъ даже вступилъ въ союзъ съ папою. Тогда спросили они Карла V: куда направлены его воинственные приготовленія? и получили отвѣтъ, что императоръ будетъ милостиво и отечески поступать со всѣми покорными ему подданными, а царскую власть употребитъ только противъ ослушниковъ и непокорныхъ. На слѣдующій день, онъ уже опредѣлительнѣе объявилъ, что вознамѣрился возвратить къ повиновенію нѣсколькихъ непокорныхъ нарушителей мира, которые подъ видомъ религій, замышляютъ возстать противъ императорской власти. Протестантскіе города и князья тотчасъ поняли, что онъ разумѣетъ ихъ именно и тоже стали поспѣшно вооружаться. Но на бѣду, между ними было мало единодушія. *Іоаннъ Фридрихъ* Саксонскій былъ человѣкъ добрый, и честный, но весьма ограниченный. Онъ ненавидѣлъ войну, а миролюбивый *Мекленбургъ* поддерживалъ его въ этихъ мысляхъ. Со всѣмъ другимъ мыслямъ былъ юрфистъ *Филиппъ Гессенскій*—то былъ умный, дѣятельный человѣкъ, хорошо понимавшій, что безъ вой-

ны нельзя обойтись и что гораздо выгоднѣе было бы самимъ напасть на императора, не давъ ему времени изготovitъся къ войнѣ. Но онъ не могъ уговорить къ этому Іоанна Фридриха, — и можно было заранѣе предвидѣть, что *смалькаденскіе союзники* будутъ побѣждены.

Нѣкоторые протестантскіе князья вовсе не пристали къ союзу; къ числу такихъ принадлежалъ молодой *герцогъ Саксонскій Морицъ*, двоюродный братъ курфюрста Іоанна Фридриха. Изъ двухъ линій Саксонскаго дома старшая, эрнестинская, получила курфюршество съ столицей Виттенбергомъ; младшая же, альбертинская — герцогство, съ столицей Дрезденомъ. Морицъ былъ ловкій и даровитый правитель, человекъ во цвѣтъ лѣтъ. Огненные глаза его блистали умомъ и геройствомъ; душа его стремилась къ высокимъ цѣлямъ. Онъ не желалъ вѣдаться съ неповоротливымъ своимъ родственникомъ; отъ тестя же, Филиппа Гессенскаго, удаляли его политическія причины. Его взманивало сосѣдственное курфюршество, и честолюбіе свое онъ ставилъ выше родства. Императоръ зналъ все это и старался склонить на свою сторону молодого герцога, столь же храбраго, какъ и любезнаго. Вскорѣ Морицъ сдѣлался любимцемъ Карла V.

2.

При началѣ войны, у императора было въ сборѣ не болѣе 8000 ч. войска. Войска оберландскихъ городовъ, подъ начальствомъ опытнаго полководца, *Себастіана Шертлинга фонъ Буртенбаха*, первыя явились на поле сраженія. Хорошо обдуманнй планъ Шертлинга состоялъ въ томъ, чтобы невзначай напасть на малочисленныя войска императора, прежде чѣмъ наберетъ онъ свѣжихъ вербовкою въ Германіи, прежде чѣмъ получитъ подкрѣпленія изъ Италіи. Поэтому, онъ быстро двинулся къ городку Фюссену, на границѣ Тироля, гдѣ было главное мѣсто для вербовки войскъ императора. Императорскія войска отступили къ Баваріи; но когда Шертлингъ хотѣлъ ихъ преслѣдовать, то получилъ приказаніе отъ ратуши города Аугсбурга, въ службѣ котораго онъ находился, не вступать на нейтральную территорію герцога Баварскаго. Не будъ этого неразумнаго приказа, — полководецъ пошелъ бы прямо на Регенсбургъ, гдѣ находился императоръ съ незначительными силами. Чтобы, покрай-

ней итѣ; запереть дорогу итальянскимъ подбръзавшимъ, она заняла важное въ военномъ отношеніи мѣсто. — *Эренбургскую пещеру*. Уже подступалъ онъ и къ Инсбруку; но воевода снова опять прислалъ ему повеленіе одностѣнно Тироля, такъ какъ владѣтель его, король Фердинандъ, братъ императора, не объявлялъ еще войны. Тѣмъ образомъ, императора сплели несогласія его враговъ, неумѣявшихъ даже составить плана, — чѣмъ и выигралъ онъ время для усиленія своего войска. Воеводѣ саксонское и герцогское войско двинулось въ Южную Германию. Два воеводы снова послали императору формальное объявленіе войны, въ которомъ говорили, между прочимъ, что не знаютъ за собою кривды, но что они сами имѣютъ намѣреніе насильственно подвинуть эту религію и свободу имперіи. Императоръ отвѣтилъ объявленіемъ ихъ, въ государственной опалѣ, называя ихъ возмутителями, клятвенными преступниками, измѣнниками, которые желаютъ отнять у него корону и державу, — и возложилъ на *герцога Морица Саксонскаго* приведеніе въ исполненіе приговора о государственной опалѣ.

Морицъ Саксонскій, сообщивъ съ королевемъ Фердинандомъ, немедленно вторгся во владѣнія своего двоюроднаго брата, и разомъ завоевалъ ихъ. Получивъ это ужасное извѣстіе, Іоаннъ Фридрихъ, не слушая никого, пошелъ съ своимъ войскомъ на спасеніе курфиршества. Остальные войска союзниковъ, будучи уже не въ силахъ противиться императору, униженно стали просить мира — и разошлись. Карлъ V триумфаторомъ проѣхалъ по всей Германіи; страхъ его присутствія возвратилъ всѣхъ къ повиновенію. Столь надменные въ былое время города смиренно отворили ворота и вносятъ большой суммы денегъ купили помилованія.

3.

Между тѣмъ, самъ Морицъ попалъ въ затруднительное положеніе; войско чужія владѣнія, онъ чуть-было не лишился своихъ. Но побѣдочносное войско императора усиленными маршами пошло къ нему на выручку и, 22 апрѣля 1547 г., стояло уже на Эльбѣ, недалеко отъ Мейсена, гдѣ, на ту пору, находился курфирстъ. Онъ думалъ, что неприятель находится еще далеко, и былъ изумленъ его приближеніемъ. Насильно отступилъ онъ, съ небольшою своею дружиною, за Эльбу, при-

казавъ сломать жость. Широкое русло рѣки отдѣляло его отъ могущаго стѣннаго противника, и онъ спокойно пошелъ, вникъ въ тѣнныя, къ *Мюльбергу*. Барль слѣдовалъ за нимъ по лѣвому берегу. Вечеромъ, нанавну сраженія, императоръ, съ братомъ своимъ Фердинандомъ и герцогомъ Морицомъ, прѣѣзжалъ вдоль по берегу и осматривалъ окрестность. Эльба сильно волновалась; по другую сторону стоялъ нещадный; всѣ лодки были забраны имъ на правый берегъ. Тутъ полководецъ императора, герцогъ Альба, привелъ жельника, который, въ отищеніе за то, что Саксонцы отняли у него двѣ лошади, указалъ императорскимъ войскамъ отшель на Эльбу; всупротивъ города Мюльберга; по этой-то отищели всадники безвременно могли перебраться на противуположный берегъ.

Утромъ слѣдующаго дня (24 апрѣля), должна была рѣшиться судьба курфирста. Густой туманъ облекалъ окрестность; нѣкоторые испанскіе воины сбросили съ себя доспѣхи, кинулись въ рѣку, съ мечами въ зубахъ, переплыли на правый берегъ, и, угнавъ у неприятели нѣсколько лодокъ, съ торжествомъ доставили ихъ своимъ. На лодки эти посадили застрѣльщики. Императоръ нарядился какъ бы для побѣды. Лѣвой рукою правилъ онъ конемъ боевымъ, правой взмахивалъ копьемъ; восходившее солнце играло на позолоченномъ племѣ его и на латахъ.

Было воскресенье; курфирстъ присутствовалъ на богослуженіи, когда внезапно доложилъ ему о прибытіи императора. Сначала курфирстъ не хотѣлъ вѣрить, но нельзя было долѣе сомнѣваться и онъ поспѣшно распорядился отступленіемъ къ Виттенбергу. Однако, было уже поздно: императоръ догнавъ его войско при Лохауэрской дубравѣ, — принудилъ къ сраженію. Съ дикими кликами: „Испанія, Испанія!“ бросилась испанская конница на саксонскую и обратила ее въ бѣгство. Вскорѣ ряды пѣхоты были тоже прорваны; все саксонское войско разсѣялось. Курфирстъ хотѣлъ ускользнуть, но его нагналъ отрядъ легкой конницы. Онъ оборонялся съ мужествомъ отчаянія, и получилъ сабельный ударъ въ лѣвую щѣку. Его отвели плѣнниковъ къ императору; лицо и панцирь его были залиты кровью. Курфирстъ началъ рѣчь словами: „Всемилютевѣйшій императоръ“, но Барль У прервалъ его, воскликнувъ: „А! теперь я вамъ всемилютевѣйшій императоръ! Но вы давно такъ меня не называли.“ — Я — плѣнникъ вашего императорскаго величества, возразилъ

курфирствъ, и прошу заточенія достойнаго моего сана.“ — „Хорошо, восланимъ императоръ: васъ будутъ содержать, какъ вы заслуживаете.“

Баръ подступилъ къ Виттенбергу, гдѣ находилась курфирстиня съ дѣтьми. Императоръ потребовалъ, чтобы немедленно отперли ему ворота, грозя въ противномъ случаѣ послать въ Виттенбергъ голову курфирста. Но мужественная курфирстиня, не считая, вѣроятно, эту угрозу за серьезную, не поддавалась страху. Между тѣмъ высочайшаго цѣнника дѣйствительно приговорили къ смерти, только дѣло не дошло до казни; курфирсту даровали жизнь подъ тяжкими, однако, условіями. Онъ вынужденъ былъ, за себя и за наследниковъ своихъ, отказаться отъ сана курфирста и отъ владѣній; на содержаніе же его дано было только нѣсколько округовъ въ Эйзенахѣ, Готѣ, Веймарѣ и пр.; изъ нихъ образовались впоследствии, маленькія герцогства, носящія ихъ названія. Владѣнія Іоанна Фридриха и санъ курфирста достались Морицу; позднѣе, происшедшая отъ него младшая (альбертинская) линія стала владѣть королевствомъ Саксонскимъ.

Іоаннъ Фридрихъ поборился детальною своею участію. Впрочемъ, императоръ старался всѣми средствами облегчить его положеніе; онъ обращался съ нимъ скорѣе, какъ съ гостемъ, чѣмъ какъ съ плѣнникомъ. Вообще императоръ выказалъ въ Саксоніи много благородства. Когда курфирстиня, съ дѣтьми своими, шла передъ нимъ на колѣна, онъ дружески поднималъ ее, утѣшалъ, и позволилъ ей мужу пребыть въ Виттенбергѣ, въ кругу родныхъ, цѣлую недѣлю. Онъ даже самъ отправился въ городъ и отплатилъ визитъ курфирстинѣ. Узнавъ, что, опасаясь его пріостановили протестантское богослуженіе, онъ изъяснилъ неудовольствіе и сказалъ: „Кто это распорядился? Намъ вовсе непріятно, что именемъ нашимъ прекращаютъ богослуженіе. Если мы и въ Оберландѣ (Швабіи) не вмѣшивались въ дѣла религіи, то затѣмъ станемъ здѣсь вмѣшиваться?“ Онъ посѣтилъ домовую церковь въ Виттенбергскомъ дворцѣ. Когда показали ему гробницу Лютера и нѣкоторые изъ окружающихъ, между прочимъ и герцогъ Альба, посвѣтовали отрыть тѣло Лютера и предать его сожженію, онъ отвѣчалъ: „Пускай себѣ покоится; онъ нашелъ уже судно. Я веду войну съ живыми, а не съ мертвыми.“

Оставалось наказать Филиппа Гессенскаго, но онъ не дождался нападенія императорскихъ войскъ, посредничествомъ зятя, своего Морица и

курфюрста бранденбургскаго онъ сталъ просить помилованія у императора; —лично отправился въ Гаагу и на колынахъ принесъ повинную. Эту повинную читалъ стоявшій на колынахъ же позади ландграфа канцлеръ; ландграфъ повторялъ за нимъ слова. Но при чтеніи самыхъ униженныхъ выраженій этой бумаги, губы курфюрста искривились ироническою усмѣшкой, — Карлъ V замѣтилъ это, и погрозявъ ему пальцемъ, продолжилъ на своемъ нидерландскомъ нарѣчій: „Дай срокъ, вотъ выгнать я тебя съѣдятся!“ Потомъ объявилъ ему наказаніе. Ландграфъ долженъ былъ выдать все тяжелое оружіе, внести большую денежную пеню, а, подобно курфюрсту, остаться въ плѣну. Такимъ образомъ, Карлъ одержалъ совершенную побѣду надъ смалькальденскимъ союзомъ.

Карлъ находился на вершинѣ могущества. Протестанты не доверяли ему, хотя и не терпѣли никакихъ притѣсненій по дѣламъ вѣры. Императоръ отправился въ Инсбрукъ, въ Тиролю, гдѣ, на слѣдующіе годы, велъ уединенную жизнь по причинѣ ревматическихъ страданій, который часто не позволяли ему выходить изъ комнаты. Между тѣмъ, Морицъ уже нѣсколько разъ и все по-напрасну ходатайствовалъ о тестѣ. Это сильно возмущало плѣнъ обоихъ князей у императора; можетъ быть, и совѣтъ говорила ему, что онъ долженъ поправить дѣла своихъ единовѣрцевъ, протестантовъ. Въ немъ созрѣло намѣреніе принудить императора исполнить освобожденію плѣнниковъ. А тутъ и самъ Карлъ помогъ исполненію его цѣли. На ту пору онъ объявилъ въ опалѣ городъ Магдебургъ и поручилъ Морицу войско для исполненія этого приговора. Но Морицъ цѣлый годъ тянулъ дѣло и когда наконецъ взялъ Магдебургъ, то не выпустилъ войско, а все удерживалъ его у себя подъ разными предлогами. Стали предупреждать императора, но онъ слишкомъ доверялъ своему любимцу, который такъ много былъ ему обязанъ. Морицъ обманулъ императора своимъ притворствомъ. Онъ писалъ ему, что скоро самъ придетъ въ Инсбрукъ, приказалъ нанять себѣ домъ въ этомъ городѣ, и даже поѣхалъ-было туда, но занемогъ на дорогѣ. Наконецъ, когда все уже было готово, онъ неожиданно собралъ войско и двинулся съ такой быстротою, что чуть не похитилъ императора. Карлъ V, больной, при-

нужденъ бѣжалъ бѣжать въ странную непогодъ—и съ великимъ трудомъ добрался до Виллаха, въ Каринтію.

Морицъ воспользовался удачей. Онъ не только исторгнулъ у императора обѣщаніе немедленно освободить плѣнныхъ князей и никогда не стараться мстить Морицу, но, по Пассаускому договору, въ 1552 г., принудилъ его даровать протестантамъ тѣ же права передъ имперскимъ судомъ, какими до сихъ поръ пользовались одни католики, а сверхъ того созвать сеймъ для прекращенія всѣхъ церковныхъ раздоровъ. Сеймъ созванъ былъ въ Аусбургѣ, въ 1555 г., и на немъ заключенъ такъ-называемый *церковный миръ*, обеспечившій за протестантами свободное отправленіе ихъ вѣроисповѣданія по всей имперіи. И протестанты, и католики обязаны были не совращать одни другихъ къ перемѣнѣ исповѣданія, имперскія войска не должны были принуждать къ тому же никого изъ подданныхъ, и каждому изъ нихъ дозволялось выселяться въ чужіе края. Но на бѣду, миръ этотъ былъ ненадолго.

ОТРЕЧЕНІЕ И СМЕРТЬ КАРЛА V.

Съ той поры, какъ потерпѣлъ императоръ отъ Морица такое униженіе,—не было уже для него ни одной радостной минуты. Все ему неудавалось. Онъ имѣлъ единственного сына, мрачнаго, гордаго, коварнаго Филиппа,—и ему очень желалось одѣлать его нѣмецкимъ императоромъ. Но лишь только увидѣли его нѣмцы, какъ остались недовольны уже однимъ мрачнымъ лицомъ его, на которомъ никогда не играла улыбка; съ своей стороны, *Фердинандъ* тоже не хотѣлъ отказаться отъ престола. А тутъ Карлъ V началъ новую войну противу Франціи, но войска его были разбиты. Ко всѣмъ этимъ огорченіямъ присоединились тѣлесныя недуги, отравлявшіе для него всѣ удовольствія. Тогда, усталый отъ жизни, императоръ рѣшилъ сложить съ себя правленіе, и остатокъ дней своихъ провести въ тиши монастырской. Осенью 1555 г., поѣхавъ онъ въ Брюссель, призвалъ туда же сына своего Филиппа, и, въ торжественномъ собраніи, уступилъ ему, управленіе Нидерландами. Еще прежде, передалъ онъ ему Неаполь. Третьею было видѣть какъ боль-

ной императоръ прощался съ жизнію. Опираясь на плечо принца Оранскаго, онъ съ трудомъ привсталъ съ престола и сказалъ потрясающую рѣчь. Онъ говорилъ, какъ съ 16-ти лѣтняго возраста неуспынно заботился объ управленіи обширною своею монархіею, какъ не имѣлъ почти минуты свободнаго времени. Повсюду старался онъ видѣть собственными глазами; жизнь свою провелъ въ безпрестанныхъ походахъ; девять разъ посѣщалъ Германію, шесть разъ Испанію, четыре раза Францію, семь разъ Италію и десять разъ Нидерланды; два раза былъ въ Англіи, два раза въ Африкѣ *), и совершилъ всего одиннадцать морскихъ путешествій. Въ настоящее время немощи напоминаютъ ему, что пора возложить бремя правленія на человѣка помоложе. Если же самъ онъ просмотрѣлъ что-либо важное въ многостороннихъ дѣлахъ правленія или сдѣлалъ что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, то, отъ всего сердца, проситъ прошенія у всѣхъ обиженныхъ имъ; о вѣрныхъ же своихъ Нидерландцахъ объявлялъ онъ всегда вспоминать съ любовію и молиться за нихъ.

Потомъ обратился онъ къ сыну, который сталъ передъ нимъ на одно колено и поцѣловалъ его руку. „Сынъ мой, сказалъ онъ ему, ты долженъ бы благодарить меня и тогда, еслибъ я, послѣ смерти, оставилъ тебѣ такіа цвѣтущія страны; но я представляю ихъ тебѣ еще при жизни своей. Управляй подданными справедливо и милостиво, какъ отецъ своими дѣтьми.“ Глаза всѣхъ предстоящихъ были наполнены слезами; Филиппъ казался тоже тронутымъ, — однако, не сдержалъ онъ своихъ объ-

*) Во время безпорядковъ, произведенныхъ анабаптистами, Карлъ V предпринималъ походъ въ Аерику. Отчаянный турецкій морской разбойникъ, Гайрадинъ Барбаросса, завладѣвъ Тунисомъ и оттуда, на разбойничьихъ судахъ своихъ, не давалъ покоя ни на морѣ, ни на соседнихъ берегахъ. Онъ увлекъ въ жестокую неволю, въ Тунисъ, многія тысячи христіанъ. Императоръ не могъ долго смотрѣть на такой позоръ, наносимый христіанскому міру. Въ качествѣ заступника христіанъ, онъ считалъ долгомъ совѣсти прекратить злодѣйство морскихъ разбойниковъ. Лѣтомъ 1535 г., онъ переправился въ Аерику съ большимъ флотомъ, которымъ предводительствовалъ генуэзскій морской герой Андреа Доріа, — обратилъ въ бѣгство войско Гайрадина, взялъ Тунисъ, и отдалъ его въ лѣны, зависящій отъ испанской короны, законному властителю Мулей-Гассану. Эта блистательная побѣда возвратила свободу 22,000 невольникамъ-христіанамъ, которые, богато одаренные императоромъ, достигли на родину. Карлъ считалъ день ихъ освобожденія прекраснѣйшимъ днемъ своей жизни, и говорилъ со слезами: «однако этотъ успѣхъ вознаграждаетъ уже за всѣ труды похода, еслибъ даже не принесли онъ другаго дѣйствія».

шаний. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Карлъ V передалъ ему правленіе и Испаніей; потомъ посѣщилъ скрѣпиться въ убожище, которое избралъ себѣ въ прекрасной и уединенной мѣстности провинціи Эстрамадуры. Онъ приказалъ построить простой домъ волеѣ монастыря с. Юста, жилъ тамъ въ совершенномъ уединеніи, и проводилъ время попеременно въ молитвѣ и въ работѣ: онъ точилъ на станкѣ, дѣлалъ часы, обрабатывалъ садъ. Помышляя безпрестанно о смерти, напалъ онъ на странную мысль заживо устроить для себя торжественный обрядъ погребенія. Онъ легъ въ открытый гробъ, который внесли монахи въ церковь, обитую чернымъ сукномъ, пѣли похоронные псалмы и служили обѣдню по усопшемъ. Вругомъ горѣли восковыя свѣчи; похоронная музыка печально раздавалась подъ сводами храма. Все это зрѣлище произвело такое впечатлѣніе на императора, что, чрезъ нѣсколько дней, онъ и на самомъ дѣлѣ скончался (въ 1558 г.).

ГЛАВА III.

Послѣдняя борьба дворянства и Ганзы.

ГЕЦЪ ФОНЪ БЕРЛИХИНГЕНЪ. ФРАНЦЪ ФОНЪ СИГВИНГЕНЪ. УЛЬ-
РИХЪ ФОНЪ ГУТТЕНЪ. ЮРГЕНЪ ВУЛЛЕНВЕБЕРЪ.

Гецъ Фонъ Берлихингенъ.

1.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія миновало уже то время, когда свободный германецъ не находилъ для себя кромѣ войны, достойнаго занятія; однако, духъ войны не вымеръ еще въ той, по крайней мѣрѣ, части народа, которая гордилась прямымъ происхожденіемъ отъ древнихъ свободныхъ Германцевъ, созданныхъ для войны и власти, — мы говоримъ о *дворянахъ*. Они составляли многочисленное сословіе, только отчасти

богатое землями и замками, и несмотря на это, съ презрѣніемъ отвергавшее всѣ мѣщанскія отрасли промышленности; поэтому дворянамъ приходилось худо, когда не было войны, и многіе благородные рыцари, по необходимости, должны были вести жизнь разбойничью. Но еще императоръ *Максимиліанъ I.* сильно ограничилъ кулачное право; онъ не только воспретилъ всякое самоуправство, но и учредилъ особое судилище, составленное изъ опытныхъ людей, *верховный имперскій судъ*, передъ который должны были являться даже имперскіе князья и въ которомъ могли отыскивать права свои всѣ нѣмецкіе граждане. Судилище это засѣдало сначала во Франкфуртѣ на Майнѣ, потомъ въ Шпейерѣ, а наконецъ въ Вецларѣ. Для большаго порядка, Максимиліанъ раздѣлилъ всю имперію на десять округовъ. Противившіеся рѣшеніямъ верховнаго имперскаго суда подвергались государственной опалѣ, которую приводило въ исполненіе имперское войско. Этими сносами *Максимиліанъ* думалъ установить *вѣчный земскій миръ*.

Но не сломлена была еще страсть къ войнѣ нѣмецкаго дворянства. Многіе благородные рыцари предпочитали рѣшать споры свои мечемъ, чѣмъ вести медлительныя тяжбы и являться къ имперскому суду. Оттого, и послѣ объявленія земскаго мира, часто случались происшествія создавшія поговорку: «нечего вѣрить земскому миру.» Впрочемъ, больше императорскихъ указовъ, сломили силу дворянства вполне развившаяся сила городовъ и возникающая сила князей, которые, за одно съ горожанами, старались подавить надменную дерзость рыцарей. Ко всему этому присоединилось изобрѣтеніе пороха и лите тяжелыхъ орудій, противъ которыхъ не могли стоять ни стѣны рыцарскихъ замковъ, ни панцири и доспѣхи самихъ рыцарей.

Много еще произошло ожесточенныхъ битвъ, прежде чѣмъ настали новыя времена. Въ числѣ смѣлыхъ рыцарей, нетерпѣливо сносившихъ новыя государственныя порядки, и съ ненавистью смотрѣвшихъ на возрастающую власть князей, былъ *Генз фонъ Берлтименъ Желѣзная Рука*, человѣкъ воинственный и гордый своимъ рожденіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненный нѣмецкой честности, человѣкъ, который желѣзною рукою своей хотѣлъ постоять за правое дѣло, помимо имперіи и императора.

2.

Въ правленіе императора Максимилиана, умеръ, въ 1503 г., герцогъ Георгъ Байернъ-Ландсгутскій; по семейнымъ договорамъ, наслѣдіе его переходило Альбрехту Байернъ-Мюнхенскому, но покойный герцогъ отдалъ по завѣщанію все наслѣдіе зятю своему, *Рупрехту*, сыну курфирста Пфальцскаго. Изъ-за этого, возгорѣлась ожесточенная война; Рупрехтъ и отецъ его, призвавшіе къ себѣ на помощь Французовъ, были объявлены въ государственной опалѣ, но они собрали войско изъ нѣмцевъ и чеховъ, и храбро оборонялись. Тогда Максимилианъ призвалъ всю имперію на бой съ непокорными герцогами, — и *Гецъ фонъ Берлихингенъ* сталъ во главѣ союзнаго войска, прикрытаго тяжелымъ оружіемъ Нюрнбергцевъ. Обложили Ландсгутъ. Ежедневно происходили стычки, кровавыя съ обѣихъ сторонъ, но нерѣшительныя. Гецъ фонъ Берлихингенъ посѣщалъ всюду; мужество его и искусство доставили ему всеобщее уваженіе. Гдѣ развѣвались перья на его шлемѣ, тамъ удары сыпались градомъ. Разъ, онъ слишкомъ увлекся въ горячей схваткѣ; кулеврины Нюрнбергцевъ опустошали ряды осажденныхъ, только-что сдѣлавшихъ вылазку; выстрѣлы ихъ, направленные въ густую толпу, гдѣ шелъ рукопашный бой, не щадили ни своихъ, ни чужихъ. Тутъ ядро разбило мечъ рыцаря Берлихингена, головка меча ушло влобовину въ наручни и раздробила руку рыцаря, такъ что кисть ея повисла на одной кожѣ. Тотъ же самый выстрѣлъ повергъ на землю противника рыцаря — Фабіана фонъ Валльсдорфа, который сражался съ нимъ въ эту минуту. Хладнокровно смотрѣлъ Гецъ фонъ Берлихингенъ на опустошеніе; тихо поѣхалъ онъ къ лагерю, куда и достигъ съ помощью стараго служителя. Только тогда призвали врача, но не помогли ни пластыря, ни перевязки — пришлось отнять руку храброму воину.

Не одни друзья и товарищи сострадали несчастьемъ Геча, даже враги жалѣли о немъ. Какъ ни былъ ожесточенъ герцогъ Рупрехтъ, онъ, однако, далъ раненому рыцарю надѣжныхъ провожатыхъ и дозволилъ ему остановиться въ Ландсгутѣ, гдѣ уходъ за нимъ былъ удобнѣе, чѣмъ въ лагерь. Здѣсь мысль остаться безпомощнымъ человекомъ много мучила Берлихингена; онъ напрягалъ всѣ силы ума, чтобъ найти средство облег-

чить свое горе. Постоянный миръ былъ не сроденъ его духу; задушевныя его помыслы влонились къ войнѣ; честь была кумиромъ героя; юношеская кровь струилась еще по жиламъ; сила и воля не покинули его — и нужда сдѣлала избобрѣтательнымъ. Часто, въ бессонныя ночи, на одрѣ бо-
лѣзани, онъ вспоминалъ рассказы объ одномъ гогенлогенскомъ всадникѣ, который, не смотря на потерю руки, до самой смерти, оставался въ военной службѣ; это воспоминаніе оживило надежды рыцаря. Онъ самъ придумалъ *железную руку* и нашелъ искуснаго оружейника, который привелъ мысль его въ исполненіе. Хитрымъ сплеленіемъ пружинъ железная рука получила способность даже править удилами, и когда оружейникъ вошелъ въ комнату съ мастерскимъ произведеніемъ, а рыцарь испыталъ силу этой руки. — все горе было забыто, всѣ мрачныя помыслы исчезли. Съ той поры, Берлихингенъ совсѣмъ выздоровѣлъ, покинулъ Ландсгутъ и отправился въ родовой свой замокъ, Лаксгаузенъ.

3.

Въ 1509 г., Гецъ вступилъ въ борьбу съ богатымъ и могущественнымъ въ ту пору имперскимъ городомъ Кельномъ. Рыцарь почиталъ старинной и священной обязанностію дворянства защищать слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ.

На стрѣльбѣ въ цѣль, въ городѣ Кельнѣ, Гансъ Зиндельфингеръ, портной изъ Штудгарда, выигралъ самый большой призъ, цѣною во 100 гульденовъ. Но хитрые происки лишили его награды, и онъ съ пустыми руками вернулся домой. Всѣ осуждали поступокъ гражданъ Кельна, а придворные герцога Ульриха виртембергскаго обѣщали портному заступиться за него. Знатнѣйшіе придворные и между прочими зять Гёца, Фонтъ-Саксенгеймъ, написали къ рыцарю, прося его содѣйствія. А онъ тотчасъ объявилъ войну Кельнцамъ и, съ наемнымъ войскомъ, выступилъ въ походъ, забирая ихъ купцовъ и товары. При Веттерау, онъ встрѣтился съ четырьмя, тяжело нагруженными фурами, везшими Кельнцамъ богатые товары. Гецъ задержалъ ихъ у себя; но такъ какъ отъ владѣній рыцаря и его пособниковъ было далеко, а къ тому жъ, онъ не хотѣлъ затруднять стараго, больного Фонтъ-Кроненберга, пустившаго его въ свою крѣпость, то и отпустилъ даромъ товары, — онъ выжидаетъ бо-

лве удобнаго случая въ исполненіи своей клятвы. Случай этотъ споры представлялся. Двое кельнскихъ купцовъ, отецъ и сынъ, отправившись въ ярмарку въ Лейпцигъ, Гецъ увелъ ихъ обоихъ въ лѣстнаго-зень. Они попросили отпустить, покрайней мѣрѣ, одного изъ нихъ для распродажи товаровъ на выкупъ. Гецъ согласился и отпустилъ отца, ибо, и безъ того, преклонныя лѣта и слабость дѣлали для него плѣвъ особенно жестокимъ, — отпустилъ подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ возвратиться по окончаніи ярмарки, и вѣстивъ выкупъ за себя и за сына. Рыцарь поручилъ одному изъ своихъ служителей дожидаться купца въ Бамбергѣ и безъошибно проводить его въ Ланггаузенъ.

Но старикъ не исполнилъ клятвы и предать служителя епископу бамбергскому, Георгу фонъ-Лимбургу, который приказалъ задержать его. Узнавъ про вѣроломство купца, Гецъ послалъ епископу письмо, въ которомъ весьма настойчиво совѣтовалъ ему отпустить служителя; надо сказать, что Гецъ всего менѣе могъ ожидать враждебнаго поступка отъ епископа, который, не задолго передъ тѣмъ, заискивалъ его дружбы. — Епископъ отпустилъ служителя безъ выкупа, но взялъ съ него клятву возвратиться опять въ Бамбергъ.

Война съ Кельнцами запутала рыцаря въ многія другія, а между прочимъ — съ графами фонъ-Ганау и съ фонъ-Гуттенями. Въ то же время напалъ на Берлихингена Филиппъ Штумпфъ, сжегъ у него хуторъ и мельницу. Нельзя же было Гецу сидѣть, сложа руки, — онъ долженъ былъ напрягать все свои силы, чтобы съ честью бороться съ пятью противниками. То являлся онъ въ гартгаузенскомъ лѣсу и побивалъ рейтеровъ Штумпфа, то налеталъ на Эрфуртъ и устрашалъ Фробина фонъ-Гуттена. Какъ ни мала была дружина рыцаря, однако, въ тѣ времена, когда сильные міра сего не всегда имѣли подъ рукою постоянное войско, — могъ быть грозенъ и незначительный по числу, но мужественный неприятель, особенно коли нападалъ внезапно.

Въ эти набѣги свои, Гецъ фонъ-Берлихингенъ цѣлые шестнадцать дней ни одного часу не спалъ спокойно, — и прибылъ онъ мимоѣздомъ въ замокъ друга своего, Евстафія фонъ-Тюнгена, неподалеку отъ Майна. Тамъ онъ надѣялся соснуть, отдохнуть порядкомъ. И онъ встать приказалъ вездѣ, гдѣ предпринимались рыцарскіе подвиги, — Гецъ Желѣзная Рука былъ желаннымъ гостемъ. Замокъ наполнили оруженосцы ры-

цари и солдаты. Гёц фонъ Бердихингенъ отказался отъ ночного упокоения, чтобы только нанести родственнику противъ епископа. Въ полночь выступила въ походъ многочисленная дружина конныхъ и пѣшихъ; Гёцъ, по обыкновенію, въ переднихъ рядахъ. Ночью же достигли они до Майна, благополучно переправились бродомъ, захватили два хорошо вооруженныхъ судна и увезли въ Рейсенбургъ шестнадцать повозокъ съ вѣщескими товарами.

Наконецъ, удалось доброму графу фонъ-Бенningштейну посредничествомъ своимъ прекратить войну съ Бѣльцами. Онъ созвалъ съѣздъ во Франкфуртъ и разсудить удовлетворительно для обѣихъ сторонъ обоюдныя ихъ жалобы.

4.

Герцогу Ульриху вюртембергскій, поссорившись съ союзомъ швабскихъ князей и городовъ, захватилъ союзный городъ Рейтлингенъ. Тогда двинулись на него швабскія войска.

Ульрихъ не въ силахъ былъ устоять; но прежде чѣмъ бѣжать изъ собственныхъ владѣній, онъ выбралъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ вѣрныхъ своихъ рыцарей и раздѣлил между ними охрану и защиту своихъ замковъ и крѣпостей. Гёцу фонъ-Бердихингену порученъ былъ замокъ Мёккюль, и тамъ запершись, вмѣстѣ съ рыцаремъ, многіе друзья его. Нападеніе со стороны союза было сдѣлано такъ быстро, что герцогъ не имѣлъ времени снабдить Гёца достаточнымъ количествомъ оружія и съѣстныхъ припасовъ. Въ Мёккюль рыцарь нашелъ всего этого тоже не много; къ тому же граждане городка и крестьяне отказались повиноваться герцогу и добровольно пристали къ союзу. Гёцъ принужденъ былъ воспользоваться немногимъ оставшимся временемъ, для заготовленія насильственными мѣрами вина, овощей, скота и огнестрѣльныхъ снарядовъ для замка, ибо нечего было надѣяться на доброе расположеніе жителей.

Отрядъ главнаго войска началъ осаду замка, который Бердихингенъ хотѣлъ защищать до послѣдняго человѣка. Онъ отвергъ всякія предложенія о сдачѣ, даже подъ условіемъ свободнаго пропуску, и отвѣчалъ осаждающимъ ядрами до тѣхъ поръ, пока весь запасъ истощился. Тогда

употреблять онъ въ дѣло свинецъ оконныхъ рамъ, всякое жѣлезное
старье; но не могъ онъ насытить голодныхъ, напоить жаждущихъ. Вско-
рѣ выннли всѣ припасы, а натискъ непріятеля становился грознѣй и
грознѣй. Тѣснимый нуждою, рыцарь принялъ новыя предложенія о сво-
бодномъ пропускѣ изъ замка его самого и его сподвижниковъ, — онъ не
подозрѣвалъ подлаго коварства враговъ. Думая, что имѣетъ дѣло съ
честными людьми, онъ спокойно ѣхалъ по дорогѣ, какъ внезапно напали
на него и на товарищей союзные солдаты. Началась битва, многихъ пе-
ребили, Гецъ храбро рубился; но наконецъ, былъ принужденъ уступить
превосходству силъ и сдался съ тѣмъ условіемъ, чтобы примѣнено было
къ нему рыцарское заточеніе; условіе это было охотно принято. Гецъ
отвели въ Гейльброннъ. Гейльброннскіе депутаты, воротившись съ
эслингенскаго сѣзда, привезли съ собою письмо отъ чиновъ, которымъ
приказывалось магистрату предложить Гецу фонъ-Берлихингену, чтобы
онъ поклялся не мстить за обиды; въ случай же, если онъ откажется, —
посадить его въ башню и держать до тѣхъ поръ, пока не дастъ клятву.
Гецъ не присягнулъ. „Мнѣ обѣщали рыцарское заточеніе, отвѣчалъ онъ
депутатамъ, и я не сомнѣваюсь, что сдержатъ это обѣщаніе. Въ тому
жѣ, я утѣшаю себя мыслию, что вѣтъ мой, Францъ фонъ-Сиккингенъ, да
другіе рыцари заступятся за меня, и надѣюсь, что дѣла мои пойдутъ
лучше.“ Магистратъ отослалъ депутатовъ и нашелъ дѣло столь затруд-
нительнымъ, что просилъ содержать Берлихингена въ другомъ городѣ.
Но вскорѣ явился синдикъ Эслингена, съ приказаніемъ вынудить клятву
у плѣнника, а въ случай отказа, — посадить его въ башню. Гецъ остал-
ся не поколебимъ. Тогда было приказано виннымъ погребщикамъ, лю-
дямъ привычнымъ въ оружію, вывести его изъ прежняго убищца. Но
Гецъ былъ опытиѣ ихъ въ военномъ искусствѣ: стремительно кинулся
онъ на одного изъ противниковъ, вырвалъ у него мечъ изъ ноженъ и
неожиданной обороной навелъ ужасъ на всѣхъ. Онъ могъ бы даже, вос-
пользовавшись минутой всеобщаго смятенія, самъ собою вырваться на
волю; „потому что, — какъ онъ самъ рассказывалъ объ этой сценѣ, — всѣ
они прятались другъ за друга; депутаты же отъ магистрата усердно про-
сили меня остаться въ заточеніи и не нарушать мира, обѣщая, съ своей
стороны, довести только меня до ратуши.“

Гецъ пошелъ за ними добровольно, однако, его засадили въ башню.

По пути, встрѣтилась съ нимъ жена его, — опасаясь за жизнь мужа, она раздѣляла съ нимъ плѣнъ. „Не пугайся, жена, сказалъ онъ ей: они хотѣтъ принудить меня къ клятвѣ, но я не дамъ ее; пускай сажаютъ въ башню. А сдѣлай вотъ что: поѣзжай къ Францу фонъ-Сиккингену и Георгу Фрундсбергу, да скажи имъ, что содержать меня не какъ рыцаря; какъ честные, благородные дворяне, они вѣдаютъ какъ бы слѣдовало меня содержать.“

Озабоченная жена не посмотрѣла ни на какія затрудненія, — ночью же, поѣхала верхомъ въ лагерь, а на слѣдующее утро привезла радостную вѣсть, что начальники приближаются къ городу: Сиккингенъ и Фрундсбергъ были на сторонѣ союза, стало-быть, другъ ихъ Берлихингенъ былъ врагомъ имъ, но это нисколько не нарушало дружбы. Какъ скоро приблизились къ городу начальники, Гёца освободили изъ башни, а Францъ фонъ-Сиккингенъ сдѣлалъ письменный строгій выговоръ магистрату, такъ что Гёцу возвратили прежнее убѣжище. Не смотря на это, онъ еще два года пробылъ въ плѣну; но скучая бездѣйствіемъ, далъ онъ наконецъ и требуемую присягу (1522 г.). Онъ долженъ былъ внести 2000 гульденовъ выкупъ; сверхъ того, заплатить за столъ, и клятвенно обѣщать до конца жизни быть въ миру съ союзниками, какъ съ большими, такъ и съ малыми.

5.

Въ первый день 1525 г., взбунтовались крестьяне аббата Камптенскаго и ограбили монастырь. Это побудило и прочихъ крестьянъ Южной Германіи сложить съ себя иго барщины и тягостныхъ повинностей. Вскорѣ все нѣмецкое крестьянство стало подъ оружіе, огонь и мечомъ опустошало страну, съ безчеловѣчной жестокостію свирѣпствовало противъ дворянъ.

Гёцъ фонъ-Берлихингенъ покуда оставался спокойнымъ въ замкѣ своемъ, Горнбергѣ; но когда опасность стала приближаться, — надо было и ему подумать какъ о своемъ спасеніи, такъ и о спасеніи людей ему близкихъ. Народъ любилъ Гёца, какъ поборника свободы и защитника правъ его, поэтому рыцарь надѣялся, что ходатайство его передъ крестьянами не останется втунѣ. По желанію брата, жившаго въ то время въ

Иакоттаузенъ, отправился онъ въ Шёнталь, и выпросилъ для него миръ у крестьянскихъ начальниковъ. Просилъ онъ, чтобы и его оставили въ покоѣ, но не долго пришлось ему пользоваться покоемъ.

Лишь только онъ воротился къ своимъ, явился къ нему сельскій его староста съ порученіемъ пригласить *юнкера* (дворянина) къ ихъ начальникамъ, въ Гундельсгеймъ. Гецъ, не знавшій ихъ намѣреній, поѣхалъ къ нимъ,—и, къ ужасу своему, узналъ, что они хотятъ сдѣлать его предводителемъ войска. Онъ старался отклонить ихъ отъ такого намѣренія; собравшіяся шайки послушали-было его, но Гогенлогенцы, схвативъ подъ уздцы его лошадей, принудили появиться въ томъ, что на слѣдующій же день онъ пріѣдетъ въ Бухау. Вѣрный клятвѣ, онъ явился на слѣдующій день. „Богъ одинъ знаетъ, какъ было мнѣ горько, говорилъ онъ про это, я лучше желалъ бы сидѣть въ самой страшной башнѣ, какая только можетъ быть въ Турціи.“ Крестьяне принудили его сойти съ лошади, столпились вокругъ него тѣсными рядами и съ угрозами повторили требованіе, чтобы онъ былъ ихъ военачальникомъ. Когда же онъ сталъ отказываться,—они грозили ему смертію. Но къ крестьянамъ присоединились многіе изъ дворянъ и тоже просили Гецъ принять на себя предлагаемую должность, ибо онъ одинъ можетъ многія несчастія и жестокости предупредить и быть опорой князя и всего дворянства. Эти доводы убѣдили рыцаря. Увѣрившись напередъ въ повиновеніи своихъ подчиненныхъ, онъ сталъ, на мѣсяць, во главѣ крестьянскаго войска.

Въ документахъ и охранныхъ грамотахъ, писанныхъ отъ его имени, онъ называется генералъ-полковникомъ (*Obrist-Feldhauptmann*). Но не долго войско оставалось довольно своимъ военачальникомъ: онъ требовалъ строгаго порядка и подчиненности, запрещалъ грабежъ и поджоги, налагалъ суровыя наказанія. Не смотря и на это, не возможно было ему удержать въ полномъ повиновеніи зачинщиковъ кровопролитія въ Вейнебергѣ, гдѣ крестьяне не пощадили даже беззащитныхъ женщинъ и дѣтей; въ томъ жъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сжигали замки или деревни, грабили монастыри. Шайки крестьянъ, только-что вышедшія изъ подъ гнета и упоенныя чувствомъ свободы, взбунтовались и противъ полководца. Но Гецъ, не вѣряя на представленія друзей, съ мужествомъ невиннаго явился посреди бунтовщиковъ, выговаривалъ

ить за вѣроломство и ослушаніе, и неустрашимостью своею обезоружить злые замыслы.

Крестьяне подступили къ Вюрцбургу и обложили замокъ. Здѣсь опять Гёцъ фонъ-Берлихингенъ навлекъ на себя злобу вождей крестьянскихъ, подозрѣвавшихъ его въ стачкѣ съ осажденными; въ тайномъ совѣщаніи, они положили казнить рыцаря. Между тѣмъ, швабскій союзъ отправилъ хорошо вооруженное войско для подавленія возстанія; крестьяне были разбиты въ сраженіи при Бобелингенѣ и предпріятіе ихъ разрушилось. По первому же извѣстію о приближеніи мстителей, они сняли осаду съ Вюрцбургскаго замка, съ великой поспѣшностью начали отступать черезъ Таубергрудъ, — всеобщее смятеніе дало рыцарю время, по окончаніи рочнаго мѣсяца, ночью удалиться въ Адельсфуртъ.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-СИККИНГЕНЪ.

1.

Около этого времени, имперскій городъ Вормсъ былъ жертвою внутреннихъ безпорядковъ; магистратъ заслужилъ ненависть гражданъ, тѣ смѣнили его; изгнали членовъ, лишили ихъ имущества. Изгнанными стали искать защиты у императора, и въ 1514 г. ландфохту города Гагенау дано было порученіе рѣшить это дѣло. Мятежъ былъ подавленъ, зачинщики подплатились жизнію и имуществомъ. Между тѣмъ, когда подозрѣнія въ участіи въ бунтѣ на Бальтазара Слѣра, придворнаго, нотаріуса епископа Рейнгарда Вормскаго. Въ отсутствіе его, безъ послѣдованія и безъ всякаго права, наложили запрещеніе на его городское имущество, — подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ скрылся изъ страха наказанія. Слѣръ сталъ просить у императора защиты и правосудія, вызываясь дать отвѣтъ на строжайшій допросъ. Императоръ передалъ пересмотръ дѣла ландфохту, но ландфохтъ со дня на день, откладывалъ рѣшеніе. Слѣръ представилъ Францу фонъ-Сиккингену свое горькое положеніе, а Сиккингенъ сдѣлалъ внушеніе жителямъ Вормса, — но напрасно. Тогда рыцарь просто-напросто посялъ на нихъ объявленіе войны.

Между тѣмъ, городской писарь Вориса, Янникъ Тламцъ отправился къ императорскому двору, описывать Слѣра обманщикомъ и изхочаиствова-валъ противъ него объявленіе въ опатѣ. Все имущество опальнаго сдѣ-лалось добычею его явныхъ и тайныхъ враговъ. Францъ фонъ-Синкин-генъ взялся за оружіе. Онъ собралъ значительное войско, вторгся въ область города Вориса, увелъ городскія суды, находившіяся на Рейнѣ, и этой добычею отчасти вознаградилъ себя за всенныя издержки, а покровительствуемому имъ Слѣра—за убытки. Многие воевавшие рыцари и дворяне стали подѣ уважаемое всѣми званіе Франца фонъ-Синкингена. По обычаю того времени, граби и опустошая, прошли они всю окрест-ную страну и подступили къ стѣнамъ Вориса. Онъ не могъ рассчитывать на внутренніе раздоры въ городѣ, даже на угнетенныхъ гражданъ, и на-дѣялся получить отъ того большую выгоду. Мѣлаи жителя все еще тѣ-лось подѣ пленомъ. Городъ терпѣлъ недостатокъ въ жизненныхъ припа-сахъ; граждане начинали роптать. Уже переговаривали о сдатѣ и объ ус-ловіяхъ ея. Къ тому жъ, епископъ ворисскій былъ расположенъ къ сво-ему ленинику, а духовенство поддерживало жалованіе гражданъ.

Но подоспѣлъ судья верховнаго суда графъ фонъ-Глагъ съ ассессора-ми того же суда, ободривъ упавшихъ духомъ гражданъ, и достигъ того, что благонамѣренные жители поспѣхали ему до послѣдней капли крови оборонять себя и своихъ женъ. Защита осажденныхъ стала отважнѣе, орудія ихъ стрѣляли вѣрнѣе, — храбрыя вылазки принудили рыцаря отступить.

Магистратъ Вориса, вмѣстѣ съ верховными имперскими судьями, на-чали громко жаловаться императору на нарушеніе законнаго мира; они желали, чтобы императоръ объявилъ войну рыцарямъ государственную опалу. Еще больше стали они кричать, когда Синкингенъ отобралъ у Ворисцевъ много кунтескисъ товары, назначеннаго въ Фриньфуртъ на ярмарку. Всѣ нѣмецкіе кушцы вопили противъ дерзкаго Синкингена, за-сыпали просьбами императора Максимилиана, который, въ глубинѣ души, очень любилъ рыцари. „Неужто ссзвать всю имперію въ ва-того, что кушцы потеряли нѣжко съ перцомъ?“ говорилъ императоръ. Онъ долго медлил и оставалъ безъ вниманія жалобнымъ просьбамъ, ибо уважалъ военныя доблести рыцари и рассчитывалъ на него для исполненія важ-ныхъ своихъ плановъ. Однако, уваженіе къ повелѣнному закономъ

миру и честь нового императора: судилище требовало законного наказания; которое, впрочем, было не слишком тяжело для Сиккингена.

— 180 —

Имя Франца-Фан-Сиккингена гремело даже и в чужих краях. Король французский Франциск I, думая найти в нем человека, который, со временем, может поддержать притязания его на императорский престол; онь сам твердо держался правил старинного рыцарства, которые льстили самолюбию его къ роскоши и удовольствиямъ. Францискъ пригласилъ благородного немецкаго рыцаря къ себѣ, въ Амбазъ, — такое приглашеніе было слишкомъ лестно, чтобы Сиккингенъ могъ отъ него отказаться. Добрый другъ его и товарищъ по оружію, Робертъ де-Седанъ, графъ де-ла Маршъ, и сынъ Роберта, внаслідствіи де-Флерансъ, проводило его во Францію; двѣнадцать рыцарей находились въ его свитѣ. Такой вѣздъ показался блистательнымъ даже французскому двору. Лестный приемъ, оказанный гостю, превзошедшій его ожиданія. Юному, пылкому королю оцѣнь понравилась прямота немецкаго рыцаря; онъ удивлялся быстротѣ его свѣтлости и образованному уму, проявившемуся во всѣхъ его рѣчахъ. Подарокъ золотой цепи, цѣною въ 3000 таллеровъ, служившій доказательствомъ благоволенія короля къ рыцарю и желанія приобрести его расположеніе. По тогдашнему обычаю, тотъ, на кого надѣвали такой знакъ отличія, оставался на всю жизнь привязаннымъ къ сдѣлавшему подарокъ. Бранш-д'Анн, Францискъ общалъ рыцарю ежегодную пенсію въ 3000 франковъ. Рыцари въ свитѣ Сиккингена получили даже въ подарокъ золотыя цепи, цѣною отъ 500 до 1000 франковъ. Такая щедрость могла бы на всегда приковать къ французскому престолу столь благороднаго, какъ Франц-Фанъ Сиккингенъ.

Вскорѣ послѣ того, многіе немецкіе герцоги и князья, ехавшіе въ Миланъ, не плативши имъ по долгамъ своимъ, обратились къ рыцарю на помощь, прося охотѣе ихъ основательными, сообразно съ ними въ условіяхъ, и захватили у Миланцевъ, товарищъ, обоего, шедшій черезъ Германию. Французскій король, которому, на ту пору, принадлежала Миланская область, оцѣнь разгнѣвался, когда Миланцы потребовали на

сдѣланное имъ притѣсненіе, онъ потребовалъ отъ рыцаря его добычу, но получилъ грубый нѣмецкій отвѣтъ; нѣкого диканта не ожидалъ: „въ дѣлахъ правосудія я не забочусь ни о комъ кромѣ нѣмцевъ.“ Францискъ отнялъ у него пенсію; за то рыцарь приобрѣлъ себѣ доброжелателя в новонабранномъ императорѣ Карлѣ V, который далъ ему равноцѣнную пенсію.

3.

Когда Лютеръ объявилъ войну папѣ, Гецъ фонъ Бердихингенъ и Францъ фонъ Сиккингенъ громко одобрили его предпріятіе. Другой рыцарь, благородный *Ульрихъ фонъ Гуттенъ*, еще прежде, въ 1515 г., сталъ ратовать противъ монашества, которое считалъ онъ опорой нечестивству. Въ своихъ *Epistolis obscurorum virorum* (Письмахъ темныхъ людей), онъ представилъ такую сатиру противъ монаховъ и выставлялъ всѣ ихъ недостатки и пороки: имѣвъ случай въ Италіи узнать всю испорченность духовенства, онъ горячо нападалъ на недостатки церкви. Онъ желалъ нѣмецкихъ епископовъ, а не римскаго папу. «Вы мужественно сопротивлялись древнимъ Римлянамъ, вызываетъ онъ къ нѣмецкому народу; а теперь постыдно склоняете голову передъ новыми Римлянами.» Онъ предсказывалъ іерархія, что топоръ лежитъ уже у гнилаго дерева. „*Iacta est allea*“ (жребій брошенъ) было любимымъ его наречіемъ. Онъ предложилъ къ услугамъ Лютера и мечъ и перо, — и точно по рыцарски сражался онъ обоими за великое дѣло реформации. Съ своей стороны, Сиккингенъ предложилъ смѣлому реформатору убійство въ своемъ замкѣ.

Гуттенъ участвовалъ въ войнѣ швабскаго союза противъ Ульриха виртембергскаго, и тамъ-то подружился съ Сиккингеномъ. Въ 1518 г., Гуттенъ издалъ разговоръ свой: *Aula*, на латини, въ Майнцѣ; Францъ фонъ Сиккингенъ пожелалъ просматривать его по нѣмецки, и въ томъ же году Гуттенъ прислалъ ему переводъ. Баварскому, ему, рыцарю Сиккингену сдѣлались записки нѣмцы и другими: на баварскъ и ученаго императора *Рейхсмаксъ*, — при взятіи Шпюггарта приговоромъ онъ искалъ сдѣлать новѣдѣсь не трогать живыхъ ученаго. Любовь Сиккингена къ наукамъ и просвѣщенію, привлекъ его и неограниченности срединами: его на

всегда съ Гуттенемъ; обыкновенно жили они подъ одной палатой, проводя дни, а отчасти и ночи, въ дружескихъ разговорахъ.

Вскорѣ Гуттенъ принужденъ былъ бѣжать изъ отцовскаго имѣнія. Преслѣдуемый повсюду, онъ обратился къ другу своему Сиккингену. Замки рыцаря сдѣлались убѣжищемъ для многихъ желавшихъ освободиться изъ оковъ религіознаго насилія. Мартинъ Буперъ, скрывшійся въ Шлеттштадтѣ изъ доминиканскаго монастыря, получилъ отъ Сиккингена мѣсто проповѣдника въ Ландштулѣ; Эколампадій проживалъ у него въ домѣ и помогалъ переводить на нѣмецкій языкъ латинскую литургію, за что благословляли его всѣ слушатели. Находясь въ Эбербургѣ, замѣкъ Сиккингена, Гуттенъ далеко носился мечтою, и вызывая къ нѣмецкимъ князьямъ, особенно же къ дворянству, идти на Римъ и положить конецъ тамошнему владычеству. „Я могу умереть, говорилъ онъ: но работъ никогда не буду: кто хочетъ вмѣстѣ съ Гуттенемъ умереть за свободу?“

Между тѣмъ, у Франца фонъ Сиккингенъ завязалась кровопролитная война съ архіепископомъ Трирскимъ и такъ какъ она несчастливо окончилась, Гуттенъ долженъ былъ оставить убѣжище. Преслѣдуемый папою, преданный князьями, изгнанный изъ отечества, страдая жестокою бѣдзнію, бѣдный скиталецъ, у котораго, кромѣ пера ничего больше не оставалось, онъ нашелъ наконецъ убѣжище въ домѣ занимавшагося врачебной наукой священника Шнелта, въ Уфенау, на Цюрихскомъ озерѣ. Священнику рекомендовалъ его Цвингли. Тамъ, на 36-мъ году жизни, въ 1532 г. неунынный боецъ „за свѣтъ и право,“ какъ самъ себя называлъ Гуттенъ, окончилъ „трагедію своей жизни.“

4.

Подобно Гуттену и другимъ патриотамъ, Францъ фонъ Сиккингенъ долго возлагалъ надежды на Карла V, ожидая, что онъ станетъ во главѣ религіознаго движенія и вполне отдѣлится отъ папы, — на славу и для созданія самостоятельности Германіи. Въ сущности, доверчивныя надежды Сиккингена не сбылись. Съ высочайшъ торжкь своимъ помысловъ, Карлъ V смотрѣлъ на интересы народовъ, какъ на биты тлани, которыя онъ дерзнуть въ руки своей, а на отдѣляющіе ихъ камъ на орудія, лишь на то годились, чтобы употребить ихъ въ дѣло, а послѣ того забросить. Ра-

вочарованнись въ императорѣ, Сиккингенъ въ сознаніи силы и воли своей, составилъ планъ обезоружить все *дворянство* нѣмецкаго народа и выйти съ дворянствомъ, равно какъ и посредствомъ его, не безъ содѣйствія поже и городовъ, способствовать къ введенію повсюду реформациі. Для этой цѣли служили пламенныя сочиненія *Гуттена*, который вслѣдствіе хотѣлъ искоренить недовѣріе гражданъ къ дворянству. Въ 1522 г., Сиккингенъ созвалъ дворянъ изъ рыцарскихъ кантоновъ Швабін, Франконіи и Рейна, около Ландау. Сѣхалось много доблестныхъ рыцарей, между прочими фонъ Дальбергъ, Флерстайнъ, Триргеймъ, Рюдесгеймъ, Лорхъ, Шварценбергъ, тоже другъ Сиккингена сѣдлый рыцарь Гортмутъ фонъ Кромсбергъ; страстный приверженецъ реформациі и смертельный врагъ всего римскаго. Всѣ они явились на Евангеліи составить на три года союзъ и единодушіе избрали вождемъ Франца фонъ Сиккингена. Укрѣпивъ немедленно лагерь (своемъ Раннштутъ (при Ландштутъ) и Эбербургъ, онъ набралъ прекрасное войско подъ предлогомъ похода во Францію. Но вскорѣ открылось, что дѣло идетъ о *испроверженіи духовной власти въ Германіи*, прежде же всего—о низложеніи курфюрста и архіепископа Трирскаго *Рихарда фонъ Грейфенклау*, который стоялъ во главѣ войскъ противниковъ реформациі. Побѣдой надъ архіепископомъ Францъ фонъ Сиккингенъ хотѣлъ, по собственному его выраженію: „пробить брешь для Евангелія.“

Для объявленія войны епископу, Сиккингенъ воспользовался ничтожнымъ случаемъ, сдѣлавъ при Страсбургѣ смотръ своему войску и быстро повелъ его въ дѣло. Вскорѣ Флискастель достался рыцарю: потомъ взялъ онъ приступомъ Санктъ-Ведель, гдѣ поманилъ многихъ дворянъ и сказалъ имъ слѣдующія многозначительныя слова: „пусть курфюрстъ вашъ, если останется курфюрстомъ, вознаградитъ васъ за потерю имѣній и доходовъ. Если же самъ я сдѣлаюсь курфюрстомъ, какъ этого хочу и надѣюсь, то вознагражу васъ за все.“ Извѣстія объ удачномъ походѣ Сиккингена сначала произвели ужасъ въ Трирѣ; но курфюрстъ Рихардъ дѣйствовалъ неустрашимо и какъ государь и какъ полководецъ. Онъ созвалъ въ Нюрнбергъ всѣ государственныя власти, воодушевить жителей Трира бодро постоять за вѣру отцовъ; столицу свою, какъ оплотъ католицизма, превосходно приготовилъ къ оборонѣ. Между тѣмъ, Сиккингенъ, не обращая вниманія на увѣщаніе государственныхъ властей, 8-го

сентября 1522 г.; вступилъ въ Трирскую область; сталъ передъ городомъ; потребовалъ сдачи, и, получивъ отъ курфюрста стретивный отвѣтъ, началъ стрѣлять по городу. Много было разрушено остатковъ превосходныхъ римскихъ зданій; жаркій бой шелъ у „черныхъ воротъ“, „плиты которыхъ до сихъ поръ не сокрушены временемъ. Напрасно Сиккингенъ поставилъ боевыя машины на горѣ передъ городомъ, гдѣ, по народному преданію, находится могила баснословнаго жгучаго короля Треботы, основателя города, и гдѣ донынѣ одинъ римскій жукъ носитъ названіе „царскаго щелчка.“ Уже потратили 20 бочекъ пороха; Сиккингенъ съ потеряннѣмъ ждалъ 1500 солдатъ изъ Брауншвейга, которыхъ велъ ему рыцарь Николай Минавитъ. Но они не пришли, потому что ландграфъ Гессенскій не пропустилъ ихъ черезъ свои владѣнія, да и самъ, вмѣстѣ съ курфюрстомъ Пфальцскимъ, вооружился противъ Сиккингена. Увидивъ геройство жителей Трира, получилъ вынесказанныя дурныя вѣсти, Сиккингенъ снялъ осаду; въ слѣдующемъ году онъ намѣревался снова начать войну.

Но звѣзда Сиккингена клонилась уже къ заходу: курфюрсты Трирскій и Пфальцскій ландграфъ Гессенскій заключили между собою союзъ противъ него. Онъ былъ объявленъ въ государственной ослѣпѣ; многие изъ друзей, присягнувшие ему въ Ландау, изъ страха, отпали отъ него; взявшіе за силье князя лишили вѣрнаго ему фонъ Броненборга и замка и всего имущества. Но Сиккингенъ не отчаявался еще въ успѣхъ великаго своего клана. Онъ надѣялся на поддержку франконскаго рыцарства, а также на помощь верхнерейнскаго и босемскаго дворянства и всей протестантской партіи. Онъ заперся въ Раннитухъ и рѣшился держаться въ немъ до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ подкрѣпленія. Весной 1523 г., курфюрсты Трирскій и Пфальцскій и ландграфъ Гессенскій осадили его въ замкѣ. Сиккингенъ геройски оборонялся и, не смотря на болѣзнь, оставался непоколебимъ духомъ. Страшно громки были выстрѣлы изъ стѣнъ; рухнула башня, имѣвшая стѣны въ 24 фута толщины. Рыцарь послѣднимъ на угрожаемый пунктъ; тутъ ядро кулеварныя ударилось вслѣдъ ного въ землю, — и осколки камня и дерева вонзились рыцарю въ животъ. Тяжело раненаго Сиккингена отнесли подъ своды, выдѣленные въ ослѣпѣ. Онъ все еще надѣялся освободиться отъ осады; но помощь не явилась, и онъ слѣлъ разомъ княземъ. Они нашли его уже умирающимъ.

Привѣтливо снѣлъ онъ свою шапку передъ курфирстомъ Пфальцскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ, съ достоинствомъ, хотя и съ трудомъ, отвѣчалъ на ихъ вопросы, одному только архіепископу Трирскому и не закрѣпѣлъ онъ поклониться. Сиккингенъ съ твердостью скончался 7-го мая 1529 г. Пораженные смертію его враги окружали тѣло героя, сложа руки на молитву и набожно молясь о душѣ его. Прочіе укрѣпленные его замки: Эбернбургъ, Дракенфельсъ и другіе, кнѣзѣ со всѣми владѣніями его, достались врагамъ, но, въ послѣдствіи, возвращены были его потомкамъ. Таковъ былъ конецъ рыцарственнаго „мстителя за нѣмецкую свободу.“

Узнавъ о смерти Сиккингена, Лютеръ воскликнулъ: „Богъ справедливъ! но странное дѣло! Не мечетъ онъ хотѣть пособлять своему Евангелію.“

ЮРГЕНЪ ВУЛЕНВЕБЕРЪ.

1.

Знаменитѣйшими изъ венедекскихъ городовъ были Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ и Грейфсвальдъ. Въ Любекѣ, самомъ богатомъ и вліятельномъ, долѣе всѣхъ сопротивлялись церковному исправленію: дворянство и духовенство: исправленіе это было здѣсь дѣломъ неусыпной ревности низшихъ сословій. Давно уже въ народѣ пробудилось благочестивое желаніе слушать „чистое Слово Божіе; въ городъ проникли евангелическіе проповѣдники,—но въ 1528 г., магистратъ изгналъ лютеранскихъ апостоловъ, книги Лютера были сожжены на площади рукой палача; людей же, пѣвшихъ псалмы по нѣмецки, засадили въ тюрьму. Цеховые стали просить, а потомъ роптать, на соборный капитулъ и дворяне, въ согласіи съ магистратомъ, не хотѣли и слышать объ обновленіи церкви. Случилось, что магистратъ наложилъ новыя подати, потому что частыя войны города Любека совсѣмъ истощили казну его. Граждане избрали изъ среды своей 36 членовъ для того, чтобы привести въ порядокъ городское хозяйство; а такъ какъ по истеченіи года, дѣло это все-еще не было приведено въ концы, то община и назначила новыхъ сорочѣвосемь членовъ (1529 г.), да наказала имъ тайно не соглашаться ни на какія де-

важныя назначенія, до тѣхъ поръ пока магистратъ не разрѣшитъ введеніе евангелическаго ученія. Магистратъ перемолочился, сильно ратовалъ противъ такихъ еретическихъ, несмысленныхъ требованій, но и настолько онъ былъ стѣсненъ, что согласился выдать комиссіи списокъ домовъ. Все еще обольщая себя мечтою, что дворцы и купечество составляютъ весь народъ Любека, магистратъ, по разнымъ своимъ соображеніямъ, сдерживалъ нетерпѣливую жарь, начинавшую уже прещтствовать католическому богослуженію. Но когда комиссія, съ большинствомъ еще упорствомъ, стала отказывать въ наложеніи новыхъ податей, когда толпы взволнованнаго народа наполнили церкви, площадь и залы ратуши, — оробѣвшіе господа уступили; они согласились также на возвращеніе въ городъ двухъ изгнанныхъ проповѣдниковъ. Напрасно извѣстный противникъ новаго ученія, Генрихъ младшій Брауншвейскій, грозилъ заступиться за монастырь, обогащенный вкладами его предковъ: едва терпимая до того времени церковная партія сама впала въ нетерпимость и неистово требовала отмиженія католической проповѣди, и во второй день Пасхи причащались Св. Таинъ уже подъ двумя видами. Между тѣмъ среди ремесленниковъ проявились ярые ораторы. 30 іюня 1530 г., магистратъ принужденъ былъ издать повелѣніе объ отмиженіи католическаго богослуженія во всѣхъ церквахъ города, кромѣ соборной. Вскорѣ затѣмъ, трусливые каноники сами собою прекратили мессу и въ соборѣ, — и магистратъ приказалъ тотчасъ же все церковное серебро и драгоценныя украшенія съ алтаря снести въ городское казначейство. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ народныхъ ораторовъ былъ *Юриенъ Вулленвеберъ*.

2.

Вулленвеберъ изъ низкаго званія возвысился до мѣста бургомистра города Любека. Онъ нашелъ себѣ друга, который, вѣстѣ съ нимъ, раздѣлялъ стремленіе къ народовластію и имѣлъ одинаковый съ нимъ, возвышенный образъ мыслей. То былъ гамбургскій уроченецъ, Магъ Мейеръ, бывший прежде кузнецомъ, но столь замѣчательный по прекрасной наружности, храбрости на войнѣ и ловкости въ дѣлахъ, что вскорѣ былъ избранъ главнокомандующимъ города Любека на морѣ. Вулленвеберъ и Мейеръ составили смѣлый планъ изгнать изъ Севернаго и Во-

сточнаго моря Голландцевъ, торговая дѣтельность которыхъ затѣвала Ганзу, завоевать Данию, раздѣржаму внутренними несогласіями, и сдѣлать городъ Любекъ столицею новаго сѣвернаго торговаго государства.

Король Шведскій, Густавъ Ваза, во время бѣгства своего отъ жестокаго короля Датскаго, Христіана II, нашелъ помощь у города Любека и былъ обязанъ ему благодарностію; дядя Христіана, король Датскій Фридрихъ, вступилъ на престолъ съ помощію Ганзы: любекскій флотъ защищалъ его отъ новыхъ опасностей. По договору съ жителями Любека, онъ заперъ Зундъ для Голландцевъ. Но такъ скоро Вулленвеберъ съ прочими депутатами оставилъ короля, онъ раскаялся въ этой уступкѣ, — ему жаль было какъ можно менѣе зависѣть отъ ганзейскихъ городовъ. Голландцы по-прежнему стали посѣщать Восточное море и Дадчане покровительствовали имъ. Вулленвеберъ рѣшился принять сильныя мѣры. Онъ созвалъ общину въ ратушу, и краснорѣчиво представилъ ей, что торговля Ганзы падетъ непремѣнно, если не остановить Голландцевъ. Община согласилась дать Вулленвеберу нѣсколько новыхъ кораблей; обратили въ монету серебро взятое изъ католическихъ церквей, даже изъ помалѣи большаго паннакида изъ церкви св. Мартина. Быстро построили два большіе корабля, которые вышли въ море для преслѣдованія голландскихъ купеческихъ судовъ; но суда эти, пользуясь благоприятнымъ вѣтромъ, успѣли скрыться отъ преслѣдованія.

3.

Между тѣмъ, въ Даниі произошло перемѣна, приведшая все государство въ броженіе. Король Фридрихъ I умеръ въ Готторпѣ, въ 1533 г., и оставилъ четырехъ сыновей. Старшій изъ нихъ, исполненный силы и мужества, придерживался лютеранской партіи, а поэтому былъ ненавистенъ католикамъ. Они не хотѣли слышать о Христіанѣ III, который, съ самаго начала, сдѣлался приверженцемъ новаго ученія. О немъ разсказывали, что, еще на сеймѣ въ Борнѣ, онъ враждебно дразнилъ поповъ и монаховъ, такъ однажды, въ присутствіи императора и князей, во время проповѣди, привязавъ къ наседкѣ веревкою говорившаго проповѣдъ лапуцыва, что и не позволено встать съ мѣста рыаному проповѣд-

нику; принцъ Христіернъ самъ признался разгнѣванному императору въ этой непростительной чалости. Дворянство и духовенство поддерживали младшаго брата его, герцога Юхана, которому минуло только двѣнадцать лѣтъ. Но такъ какъ не могли сойтись на избраніи короля, то установили государственную опеку надъ самымъ знатнымъ вельможѣю, вельможамъ же очень нравилось вовсе не имѣть короля. Опека была дурно расположена къ жителямъ Любека, равно какъ и король Густавъ Ваза, который прямо объявилъ посланникамъ города, что для его государства нѣтъ никакой выгоды въ изгнѣніи Голландцевъ. Онъ даже отнялъ у жителей Любека торгъовыя права, которыми въ прежнее время пользовались они въ Швеціи, и наложилъ запрещеніе на ганзейскія суда.

Вулленвеберъ, еще въ Копенгагенѣ, узналъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, и не побоялся вступить въ борьбу съ двумя королевствами. Онъ зналъ, что датскіе граждане боятся аристократіи и католическаго духовенства, что они желаютъ имѣть народнаго короля. Вулленвеберъ втихошолку заключилъ союзъ съ копенгагенскимъ бургомистромъ Амбросіемъ Бокбиндеромъ, имѣвшимъ уроженцевъ, и съ бургомистромъ города Мальмoe, Юргеномъ Кокемъ, родомъ тоже изъ Вестфалии. Три бургомистра хотѣли все употребить для спасенія свободы вѣроисповѣданій и германцевъ, и для того, чтобы посадить на престолъ герцога Христиана. Если же герцогъ не захотѣлъ бы принять короны отъ руки германцевъ, то Вулленвеберъ обѣщалъ всякое пособіе отъ своей республики, покореніе дворянства, принятіе Даніи въ Германскій союзъ и побѣду лютеранскаго исповѣданія. Съ цѣлымъ миромъ предначертаній въ головѣ, воротился Вулленвеберъ на родину.

Герцогу Христиерну отказывался принять корону от революционной партии; Швеция и Дания вооружались. Между тѣмъ, Максъ Мейеръ совершилъ удачную поѣздку въ Лондонъ и заключилъ союзъ съ королемъ Генрихомъ VIII, только-что отбѣжавшимъ отъ вѣны. Возвратившись въ Любекъ, смѣлѣйшій искатель приключеній, послѣ совѣщанія съ Вулленбергомъ, рѣшился вмѣстѣ съ нимъ предложить на престолъ заточеннаго короля Христиерна II, который не только былъ привержен-

цель ветеранского учения, но, къ тому же, немилымъ дворникъ. Некогда водкомъ избрали воеводою графа Христофа Ольденбургскаго, отличившагося въ крестьянской войнѣ, и, безъ вѣдома любекскихъ гражданъ, снабдили его деньгами для найма войска. По первому призыву, черезъ барабанный бой въ Нижней Саксоніи, къ знаменамъ графа Христофа стеклось до 4000 чел. пѣхоты и конницы. 14 мая 1531 году войско это явилось передъ Любекомъ. Тутъ Вулленверберъ созвалъ магистратъ, городскихъ сановниковъ и всю общину, представилъ имъ неимовѣ двухъ королевствъ къ городу Любеку и вызвалъ къ народу обоимъ отщипни. Народъ рукоплескалъ его предложеніямъ и рѣшилъ переправить войско въ Зеландію. Войско отплыло на 21 корабляхъ, хорошо снабженныхъ огнестрѣльными оружіемъ и съѣстными припасами; Вулленверберъ и Макез Мейеръ участвовали въ походѣ. Флотъ шелъ прямо на Зеландію. Тамъ бургомистръ Вонбиндеръ и Контъ (обыкновенно называемый *Майтер* омъ, потому что заведывалъ должностію монетчика), все уже подготовили заранее: въ короткое время любекское войско завоевало Зеландію. Попытка герцга едалей, и графъ Христофъ распоряжался въ немъ, какъ король. Но Герцогъ Христіанъ имѣлъ дѣтельнаго, вѣрнаго друга въ дѣлѣ Любекомъ. Іоаннъ фонъ Ранцау, который пробрался черезъ сожженный Травемюнде и осадилъ Любекъ. Вся страна была охвачена: суда вытѣ, народъ началъ рѣнать противъ Любека, вовлечшихъ его въ войну. Вместе съ тѣмъ, датское дворянство нашло, что пора избрать короля, а также какъ Христіанъ, будучи герцогомъ Голштинскимъ, могъ надѣяться Любеку въ суеверіи, пути, то и исполнили провозгласить его королемъ. Тогда подняла голову аристократическая партія въ Любеку, и Вулленверберъ послѣдилъ въ разященіи, чтобы не вѣе утратить значеніе Любека. Вакхилии мѣръ съ Голштинией, и чтобы уменьшить число своихъ нхъ непріятелей, жители Любека дозволили въ четыре года Тилландіи свободное судондство въ Восточному морю. Вакхилии мѣръ съ Голштинией, и чтобы уменьшить число своихъ нхъ непріятелей, жители Любека дозволили въ четыре года Тилландіи свободное судондство въ Восточному морю.

Оль помощію фонъ Ранцау и дворянской партіи, король Христіанъ все болѣе и болѣе утверждался на датскихъ островахъ, тѣмъ же Христіанъ былъ запертъ въ Бопенгагенѣ. Густавъ Вази, вѣдѣль канеронъ,

которые преслѣдовали любекскія торговля суда. Когда же большая часть этихъ вѣперовъ пожелалъ жителямъ Данцига, Шведе снарядили одиннадцать, бывшихъ военныхъ кораблей, которые жестоко тѣснили жителей Любека. Тогда городъ Гамбургъ предложилъ свое посредничество для заключенія мира и пригласилъ въ Люнебургъ (1536 г.) депутатовъ ганзейскихъ городовъ. Находясь все еще подъ вліяніемъ Вулленвебера, жители Любека послали депутатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пригласили и къ себѣ всѣхъ этихъ господъ, — вслѣдствіе чего, депутаты Кельна, Бремена, Гамбурга, Данцига, Риги, Оснабрюка, Каптена, Девентера, Цволля, Соэста, Гёттингена, Брауншвейга, Ганновера и Гильдесгейма собрались въ главный городъ своей Любекъ. На бѣду, города никакъ не хотѣли созвать, что, въ случаѣ паденія Любека въ настоящую войну, и всему ганзейскому союзу угрожаетъ опасность. Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ говорилъ Вулленвеберъ за продолженіе войны, необходимой для спасенія цѣлага союза. Все еще колебались, — какъ вдругъ, по просямъ изгнанныхъ Вулленвеберомъ и народной партіей аристократическихъ членовъ магистрата, верховный государственный судъ прислалъ изъ Шнейера строжайшій указъ, грозившій Любеку государственной опадой, если не будетъ восстановленъ въ немъ прежній порядокъ вещей и не будетъ возвращена честь изгнаннымъ бургомистрамъ. Духовенство тоже всѣми силами работало, чтобы отдалить народъ отъ Вулленвебера; а такъ какъ на ту пору шла война противъ анабаптистовъ, то съ злобыми догадками возложили на бургомистра подозрѣніе, будто онъ имѣетъ связь съ этой сектой. Конечно, онъ желалъ противопоставить власти днѣвой свободное крестьянство, какъ и свободное гражданство, но не принималъ никакого участія въ неистовствахъ анабаптистовъ. Вулленвебера лишили званія бургомистра; изгнанный бургомистръ Николай фонъ Бремсенъ, торжественно въѣхалъ въ городъ.

Но Вулленвеберъ не унывалъ; онъ подстрекнулъ герцога Альбрехта Мекленбургскаго вести войну за датскій престолъ, и брался привести ему на помощь войско. Старому совѣту онъ представилъ записку, въ которой увѣдомлялъ, что въ области Гадельнъ сбѣжалась толпа изъ 6000 способныхъ къ военной службѣ людей (кнехтовъ) — вызывался переговоры съ ихъ начальниками и войско это лично отвести въ Данію. Враги пустили его въ ложную, дурную, напротивъ, предостерегающую, — ибо Вул-

ленвеберъ подвергался опасности попасть въ полонъ къ архіепископу бременскому, черезъ владѣнія котораго надо было ему проходить. Архіепископъ Христофъ бременскій былъ друженъ съ датскимъ королемъ Христіаномъ III, враги Вулленвебера тотчасъ отправили къ нему гонцевъ, и точно: лишь только ступилъ Вулленвеберъ на территорию архіепископа, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ плѣнъ. Съ другой стороны, любекскія войска, не получая подкрѣпленій, должны были уступить врагамъ. Плѣннаго Вулленвебера отдали во власть датскаго короля, который, по прошеніямъ любекскихъ аристократовъ, повелъ процессъ противъ него. Неправедные судьи приговорили къ смерти человека, служившаго своему отечеству, желавшаго сдѣлать его великимъ и могущественнымъ. Вся сила, вся гордость восприняла въ душѣ несчастнаго, когда объявили ему смертный приговоръ; нѣмымъ стѣнамъ темницы повѣрилъ онъ свѣдѣтельство своей невинности; на нихъ вырѣзана слѣдующая надпись:

„Никогда не былъ я ни воромъ, ни измѣнникомъ, ни анабаптистомъ,
„Никогда и не мечалъ, чтобы считали меня таиникъ.
„Господи Іисусе Христе! Ты—путь, истина и жизнь!
„Умоляю тебѣ засвидѣтельствуй Твоимъ милосердіемъ о моей невинности,

Въ 1537 г., по одобреніи любекскимъ магистратомъ приговора, Юргенъ Вулленвеберъ былъ казненъ мечомъ отъ руки палача, а тѣло его было четвертовано.

ГЛАВА IV.

Преобразование государствъ реформациею.

ФИЛИППЪ ИСПАНСКІЙ И ВІЛЬГЕЛЬМЪ ОРАНСКІЙ.

1.

Ни одна страна нашего полушарія не подвергалась столькимъ переворотамъ, въ видоизмѣненіяхъ своей почвы, какъ дельта, образуемая Рей-

притъ, Маасомъ и Шельдою—тѣ именно мѣстности, которыя нынѣ называ-
емъ *Нидерландами*. По достовернымъ извѣстіямъ, потоки и рѣки,
орошающіе ихъ нынѣ, имѣли нѣкогда совсѣмъ иное теченіе и другія
устья. Теперь возвышаются многолюдные города и красивыя селенія
тамъ, гдѣ скользяли суда по ненадежной поверхности моря или гдѣ ки-
пили твари морскія; напротивъ того, морская пучина поглотила мѣста,
гдѣ нѣкогда твердая земля зеленѣла и питала многочисленныхъ жителей.
Съ незапамятныхъ временъ, страна эта была подвержена наводненіямъ,
что принуждало ея обитателей постоянно оборонять иллинами отъ ярост-
ныхъ воднъ селитбы свои. Съ неимовѣрнымъ трудомъ, обитатели эти
превратили сохшее дно моря въ плодородную почву. Постоянный трудъ
развилъ въ Нидерландахъ стойкость, изобрѣтательность, трудолюбіе и
умѣренность, добродѣтели, въ высшей степени ихъ отличавшія. Му-
жественная оборона земли, отнятой съ боку у коварной стихіи, вдохнов-
ляла гражданъ къ борьбѣ противъ тиранніи деспотовъ, хотѣвшихъ ли-
шить ихъ свободы. Такими явили себя уже знакомые намъ, жители Ни-
дерландовъ, *Батавы*, народъ германскаго происхожденія. (См. ч. II.
Гл. I.) Батавы непремѣнно свергнули бы иго могучей Римской имперіи,
еслибъ не были предоставлены они, чрезъ несогласія Германцевъ, однимъ
своимъ силамъ. Но буря народныхъ переселеній низвергла римскій ко-
лоссъ и наслала на Европу свѣжія, въ естественной простотѣ своей, гер-
манскія племена,—тогда Нидерланды подпали подъ владычество Фран-
ковъ, которые подѣлили ихъ на малыя государства и области. Каждая
изъ этихъ областей имѣла особое устройство и правленіе. Съ той поры,
водворились повсюду мелкіе графы и властелины, владѣвшіе болѣе или
менѣе значительными округами и часто подпадавшіе власти болѣе силь-
ныхъ государей. Когда же возникло сословіе гражданъ,—многіе города
приобрѣли себѣ свободу и независимость; а положеніе страны на Сѣвер-
номъ (Нѣмецкомъ) морѣ, между Германіей, Франціей и Англіей, обиліе
въ судоходныхъ рѣкахъ, трудолюбіе и способность къ промысламъ жи-
телей развили цвѣтущія мануфактуры, прибыльную торговлю. Во мно-
гихъ богатыхъ промышленныхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Антвер-
пенѣ, Гентѣ, Брюгге и другихъ, кипѣла такая необыкновенная дѣятель-
ность, что въ 6 часовъ вечера, когда возвращались рабочіе изъ домовъ,
родителямъ давали знать посредствомъ колокольнаго звона, чтобы они

убирали съ улицъ дѣтей своихъ, — иначе ихъ могли задавить въ нахлынувшей толпѣ. До самаго конца пятнадцатаго столѣтія, вся англійская шерсть обрабатывалась въ Нидерландахъ; голландскіе корабли скоро нашли себѣ дорогу въ Африку, Остъ-Индію и Америку. Цвѣтущая торговля Ганзы перешла отъ нѣмецкихъ городовъ къ голландскимъ.

Въ средніе вѣка однимъ изъ преобладающихъ княжескихъ домовъ сдѣлался домъ герцоговъ *Бургундскихъ*; при *Карлѣ Смѣломъ*, онъ достигъ такого блеска, что этотъ герцогъ домогался для себя у императора королевской короны. Но безумная воинская отвага погубила Карла Смѣлаго, онъ лишился жизни въ битвѣ при *Нанси*, во время хищническаго вторженія въ Швейцарію. Карлъ Смѣлый оставилъ единственную дочь, прекрасную *Марію*; она отдала руку австрійскому герцогу, впоследствии императору *Максимилиану I*; черезъ этотъ бракъ, бургундскія владѣнія достались Германіи, подъ названіемъ „Бургундскаго округа.“

Не смотря на частую перемену владѣтелей, отдѣльныя провинціи сохранили множество правъ и вольностей, которыя всегда уважались ихъ государями. Даже *Карлъ V* оказывалъ особое покровительство Нидерландамъ, — и между тѣмъ, какъ вслѣдствіе старался подавить реформацию въ Германіи, не препятствовалъ онъ ей въ Нидерландахъ, любимыхъ имъ за то, что они доставляли огромныя богатства въ австрійско-испанскую казну. Но скоро онъ измѣнилъ свое мнѣніе, когда протестантская вѣра стала пріобрѣтать въ Нидерландахъ все болѣе и болѣе приверженцевъ: особенно строго поступалъ онъ съ *радерикерами*, (реториками), представлявшими религіозныя драмы, въ которыхъ осмѣивалось католическое иеродство. Въ 1550 г., введена была инквизиція; многіе честные граждане поплатились жизнью за то, что не хотѣли отступить отъ своей вѣры.

2.

И вотъ вступилъ на престолъ мрачный ханжа *Филиппъ*. Правда, онъ появился Нидерландцамъ: „Я, Филиппъ, обещаю и клянусь быть для васъ добрымъ, справедливымъ государемъ, вѣрно и честно поддерживать дарованныя моими предшественниками вольности, а также обычаи и пра-

ва ваши, и заставлять другихъ уважать ихъ: ибо вознамѣрился я исполнять все, что подобаетъ доброму правителю и государю: Да помогутъ мнѣ Богъ и Его святые.“—Но въ глубинѣ души, Филиппъ рѣшился не обращать вниманія на данное слово, напротивъ того, онъ жаждалъ обратить Нидерландцевъ въ такихъ же рабски-настроенныхъ католиковъ, какими были его Испанцы. Первое что сдѣлалъ онъ для Нидерландовъ было усиленіе строгости грозной *инквизиціи*, дабы искоренить новое ученіе. Гордость его оскорблялась мыслию, что есть люди, которые хотѣтъ принадлежать къ иному, нежели онъ, исповѣданію: Филиппъ посадилъ всюду духовныхъ судей, которые должны были строго судить всѣхъ и каждого за малѣйшее отступленіе отъ католическаго вѣроученія. Одно-го подозрѣнія было достаточно, чтобы исторгнуть мирнаго гражданина изъ среды его семейства. Всякому донощику на еретика общалась половина имѣнія обвиненнаго; скоро донощиковъ расцвѣлолось тѣмъ. Если какой-нибудь мерзавецъ доносилъ на честнаго человѣка и обвиненный не сознавался,—бѣдняка подвергли пыткамъ, и часто отъ нестерпимой боли онъ признавался въ томъ, въ чемъ и не былъ виновенъ. При томъ, онъ никогда не могъ узнать, кто былъ его обвинителемъ. Никто не былъ увѣренъ, по утру, что, не попадетъ въ тюрьму, вечеромъ: ибо если хотѣлось какому нибудь негодяю, изъ мести или изъ корысти, повредить человѣку зажиточному,—онъ отправлялся къ судѣй трибунала инквизиціи и дѣлалъ показаніе. Пѣлъ ли кто евангелическій гимнь, присутствовалъ ли на собраніи протестантовъ, этого уже было достаточно для обвиненія и приговора.

Кто однажды попадалъ въ юсти инквизиціи, тому нечего было ждать пощады и избавленія отъ нихъ. Онъ долженъ былъ или провести остальные дни жизни заживопогребеннымъ въ скорбномъ отчужденіи отъ всѣхъ, или же, въ день великаго сожженія, идти съ прочими жертвами на костеръ. Печальное шествіе, торжественно, двигалось по улицамъ къ лобному мѣсту. Впереди развѣвалось красное знамя смерти; во всѣ колокола звонили, впереди шли священники въ полномъ облаченіи и пѣли священные гимны. За ними слѣдовали осужденные грѣшники, въ одѣянιάхъ желтаго цвѣта, на которыхъ были нарисованы черныя фигуры чертей. На головахъ несчастныхъ были бумажные колпаки, съ изображеніемъ, наверху, человѣка обжитаго пламенемъ. Передъ осужденнымъ на муку

вѣнныя носли распятіе, обращенное къ нему не лицевой стороной — для такихъ грѣшниковъ не существовало болѣе искупленія! нѣтъ смертнѣе тѣло его принадлежало земному огню, тѣмъ, и бессмертная душа принадлежала адскому пламени. Ротъ у него былъ завязанъ, для того, чтобъ не могъ онъ стономъ облегчать своихъ страданій, или же затѣмъ, чтобы не могъ онъ повѣдать другимъ тайнъ несправедливаго своего процесса. Ведѣть за нимъ шли: духовенство, въ праздничномъ облаченіи, начальство, дворяне. Отцы, осудившіе на казнь несчастнаго, замыкали шествіе. Можно было подумать, что всѣ эти люди провожаютъ покойника въ могилу; но нѣтъ! то былъ живой человѣкъ, — терзанія его назидали вѣрующихъ! Такія казни обыкновенно приберегались къ торжественнымъ праздникамъ и тогда уже разомъ казнили нѣсколько чело-
вѣкъ.

Какъ же глубоко могутъ цѣсть люди, называющіе себя христіанами и думающіе, что вѣрують въ Спасителя, который сказалъ: „Любите другъ друга, любите враговъ вашихъ!“ Но Филиппъ и его духовенство были увѣрены, что совершаютъ христіанское дѣло.

3.

По своемъ воцареніи, Филиппъ пробылъ три года въ Нидерландахъ, — для того, чтобы придать большую силу учрежденному имъ судилищу надъ еретиками. Отъѣзжая въ Испанію, онъ поставилъ правительницей сводную сестру свою, *Маргариту Пармскую*, женщину съ мужскимъ характеромъ и съ любовью къ строгой справедливости. Ей подчиненъ былъ государственный совѣтъ, составленный изъ знатѣйшихъ Нидерландцевъ, а также нѣсколькихъ Испанцевъ. Самымъ опаснымъ изъ послѣднихъ былъ кардиналъ *Гранвелла*, епископъ аррасскій, до послѣдней крайности ратовавшій за интересы своего исповѣданія и съ возмущительнымъ высокомеріемъ обращавшійся съ нидерландскими вельможами. Гранвелла еще болѣе усилилъ строгость инквизиціи, а черезъ это сдѣлалъ ненавистнымъ для народа правленіе Испанцевъ. Всеобщее не-удовольствіе выражалось громко; трое знатѣйшихъ членовъ дворянства, *принцъ Вильгельмъ Оранскій, графы Эмонтъ и Горнъ*, негодую на Гранвеллу, вовсе не являлись въ государственный совѣтъ. „Мы не

жедаемъ представлять тамъ пустыя тѣни, " дисади они правительница. Сама правительница тоже гнѣвалась на вѣстолюбиваго министра.

Вильгельмъ Оранскій былъ однимъ изъ людей наиболее пользо-
вавшихся расположеніемъ императора Карла V. Тринадцати лѣтъ отъ
роду, явился онъ ко двору—и высокими умственными дарованіями, рав-
но какъ и молчаливостью, сдѣлался любимцемъ Карла V. Часто импера-
торъ повѣрялъ ему самыя важныя дѣла и во всѣхъ важныхъ обсто-
ятельствахъ спрашивалъ его совѣта. Со смертію Карла V, значеніе
принца Оранскаго уменьшилось. Завистливые Испанцы искусно возбудили
въ недовѣрчивомъ Филиппѣ подозрѣніе противъ благороднаго принца.
Вильгельмъ получилъ только слѣдовавшія ему по праву наслѣдства на-
мѣстничества Зеландіи, Утрехта и Голландіи; верховное же управленіе
краемъ было отдано герцогинѣ Пармской. Когда Филиппъ оставилъ Ни-
дерланды, Вильгельму минуло только 26 лѣтъ, но, по уму и по опыт-
ности, онъ равнялся человѣку пятидесятилѣтнему. Его худощавое, смуг-
лое лицо никогда не измѣнилось; онъ постоянно былъ молчаливъ; когда
же рѣшался на что-либо, то съ непоколебимой твердостью исполнялъ
задуманное. Къ тому же, онъ былъ очень богатъ; столь его было от-
крыть для всѣхъ; Нидерландцы любили и почитали его по заслугамъ.

Еще большимъ любимцемъ народа былъ *Ламораль, графъ Эг-
монтъ*, красавецъ собою, вельможа съ характеромъ раціональнымъ,
человѣкъ разговорчивый, ласковый, общительный, но не одаренный
мудрой осмотрительностью Вильгельма. Когда Эгмонтъ проѣзжалъ по
улицамъ Брюсселя, сердца всѣхъ стремились къ нему, мужчины просла-
вляли его военные подвиги, матери указывали дѣтямъ на ловкость и
приличіе рыцарственнаго графа. Человѣкъ благодушный, онъ всѣмъ до-
вѣрялъ и ожидалъ всегда хорошаго въ будущемъ.

Оба эти вельможи, вмѣстѣ съ графомъ Горномъ, добились наконецъ
отъ Филиппа того, что кардиналъ Гранведа былъ отозванъ. Эгмонтъ
самъ ѣхалъ въ Мадридъ, чтобы лично сдѣлать представленія королю.
Но Филиппъ ни за что не хотѣлъ смягчить строгости противъ еретиковъ;
напротивъ, планъ костровъ стало свирѣпствовать пуще прежняго.

Видно, что и Эгмонтъ и Горно, въ Мадридѣ, были въ очень дурномъ
положеніи, такъ какъ Филиппъ не хотѣлъ выслушать ихъ просьбъ.

4.

Тогда триста дворянъ согласились между собою заступиться за права и вольности отечества: они подписали *компромиссъ*, такъ называлась грамота, по которой обѣщались они взаимно помогать другъ другу. Положили идти въ Брюссель, и подать прошеніе правительницѣ. 5 апрѣля 1566 г., заговорщики, числомъ болѣе 300 человекъ, вѣхали верхами въ Брюссель, и, въ торжественной процессіи, подъ предводительствомъ Генриха фонъ-Бредероде, потомка старыхъ графовъ голландскихъ, отправились, попарно, во дворецъ. Почтительно поднесли они правительницѣ свое прошеніе. Когда длинная процессія вступила въ залу, Маргарита, пораженная ужасомъ, поблѣднѣла; но одинъ изъ совѣтниковъ ея, де-Бардемонтъ, шепнулъ ей по-французски, что нечего бояться этого сброда нищихъ (*gueux*). Нѣкоторые изъ дворянъ слышали эти слова, и, чтобы облагородить оскорбительное выраженіе, всѣ союзники назвали себя *Гейзами*. Съ той поры, носили они на шеѣ медаль съ изображеніемъ короля и съ надписью: „вѣрные до нищенской сумы.“

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ Маргарита отписала въ Мадридъ. Она не осмѣлилась, безъ согласія Филиппа, отнѣнить инквизицію, однако, приказала судьямъ дѣйствовать умѣреннѣе до полученія отвѣта изъ Мадрида. Инквизиционные судьи, изъ которыхъ многіе неохотно исполняли свою обязанность, и совсѣмъ прекратили дѣла. Велика была радость протестантовъ! Всѣ, доселѣ скрывавшіе изъ страха, свое исповѣданіе, выступили смѣло впередъ; новое ученіе приобрѣло множество послѣдователей. Много содѣйствовали этому и проповѣдники, произносившіе рѣчи подъ открытымъ небомъ. Слушатели, вооруженные рапирами, бердышами и ружьями, разстановивали кругомъ караулы, а дорогу заваливали телѣгами и повозками. Всѣ, проходившіе мимо, должны были присоединяться къ нимъ и слушать. Часто до 15,000 человекъ слушали такіа проповѣди, и уѣмъ бранчивѣе были въ нихъ выходки противъ папы и власти его, тѣмъ усерднѣе рукоплескали оратору. Болѣе же всего шумѣли въ Антверпенѣ и его окрестностяхъ. Тамошній магистратъ не согласился отвести церковь для гражданъ евангелическаго исповѣданія, но они, съ женами и дѣтьми, уходили куда-нибудь въ поле и тамъ совер-

шали богослуженіе. Магистратъ умолялъ правительницу, ради Бога, пріѣхать въ Антверпенъ, или, по крайней мѣрѣ, прислать принца Оранскаго, пользовавшагося довѣріемъ гражданъ. Правительница согласилась на послѣднее. Что за шумъ былъ въ день пріѣзда Оранскаго! Кажется, Антверпенъ выслалъ къ нему на встрѣчу всѣхъ своихъ жителей. Большая дорога кипѣла народомъ; всѣ крыши были унизаны зрителями. Старый и малый привѣтствовали принца, криками: „Да здравствуютъ Гейзы!“ Другіе кричали: „смотрите! вотъ тотъ, кто несетъ намъ свободу!“ Принцъ Оранскій, съ кроткой важностію, подавъ знакъ, чтобы замолчали, но ни кто его не послушалъ и, полусердитый, полурастроганный, онъ воскликнулъ: „Клянусь Богомъ! Посмотрите, что вы надѣлали! Когда-нибудь вы раскаетесь въ этомъ!“ Съ самыхъ же первыхъ дней, принцъ Оранскій приложилъ стараніе къ восстановленію порядка; хоть и всею душою принадлежалъ онъ отечеству, однако, не терпѣлъ безпорядковъ, никогда не ведущихъ къ гражданскому благу.

5.

Между тѣмъ, испанскій дворъ совѣщался о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять въ этихъ обстоятельствахъ. Наконецъ, Филиппъ рѣшилъ сдѣлать уступки кой-въ-чемъ для виду, — и приказалъ поставить инквизицію въ то самое положеніе, въ какомъ находилась она при Карлѣ V. Видѣвъ съ тѣмъ, онъ приказалъ правительницѣ втихомолку набирать войско. Но уступчивость Филиппа пришла слишкомъ поздно. Раздраженіе народа, религія котораго столь явно была презрѣна, возросло до такой степени, что нѣкоторые бѣшеные фанатики начали вламываться, съ оружіемъ, въ католическія церкви. Людей этихъ оскорбило то, что не давали имъ храма для богослуженія, — между тѣмъ какъ католики владѣли безчисленнымъ множествомъ роскошно-украшенныхъ церквей. Они выбивали двери въ церквахъ и монастыряхъ; опрокидывали алтари, разбивали и топтали ногами иконы святыхъ. Въ нѣсколько дней духъ разрушенія охватилъ всю Фландрію. Повсюду, съ одинаковой простотю, опустошали церкви. Даже въ Антверпенѣ, послѣ отъѣзда принца Оранскаго въ Брюссель, изувѣры ворвались въ главную церковь, прокололи на сивозѣ чудотворный образъ Богородицы Маріи, разбили превосходный

органъ, разбросали по полу и толтали ногами обвѣщенные агнцы, потомъ спустились въ склепы и вынули оттуда полустлѣнные трупы. Само-собою разумѣется, что все эти подвиги совершала самая низкая чернь, которая вездѣ слѣнна ко всему дурному; но изъ этого же видно, какъ были взволнованы вообще умы народа.

Маргарита находилась въ величайшемъ затрудненіи. Инобоорны готовились уже къ походу въ Брюссель. Въ первую минуту, правительница хотѣла бѣжать, но совѣтники уговорили ее остаться, уступить обстоятельствамъ, и войти въ сдѣлку съ дворянствомъ. Она это сдѣлала и согласилась на все требованія Гейзовъ; они же, съ своей стороны, обязались прекратить иконоборство. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было приняться за это, но все-таки удалось; особенную дѣятельность показавъ: Оранскій, Эгмонтъ и Горъ, и уже этимъ однимъ заслуживали благодарность Филиппа. Но король не довѣрялъ имъ; онъ думалъ даже, что они тайно поддерживаютъ какъ Гейзовъ, такъ и иконоборцевъ, чего, конечно, не было. Онъ поклялся погубить ихъ; поэтому притворно ласкалъ ихъ всѣхъ, особенно же Оранскаго, и просилъ у него совѣта. Но чѣмъ милостивѣе былъ Филиппъ, тѣмъ больше надо было опасаться его коварства. Оранскій хорошо зналъ черезъ своихъ шпіоновъ, на какомъ счету стоитъ онъ при дворѣ. Маргарита тоже заѣвала недоброе; какъ скоро прибыли наемныя войска она заговорила со всѣми иными языкомъ. Она говорила, что хотя и дозволила произносить евангелическія проповѣди, но никогда не позволяла ни крещенія, ни брака, ни причащенія по евангелическимъ обрядамъ. Подъ разными предлогами, принавала она разгонять собранія протестантовъ; нѣкоторые проповѣдники были повѣшены. Не мудрено, послѣ этого, что Гейзы начали тоже набирать войска; что то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ дѣло доходило до открытаго неповиновенія. Оранскій тайно покровительствовалъ этому движенію, ибо видѣлъ, что Испанцы имѣютъ намѣреніе угнетать его отечество. Но добрая воля Гейзовъ ни къ чему не покумилась, — между ними не было единодушія. Маргарита вывела своихъ солдатъ, и, къ ужасу нальвинистовъ, Гейзы были разбиты на голову.

Наконецъ, Маргарита нашла на средство, которое давало ей возможность различить друзей отъ враговъ, а этихъ послѣднихъ вынуждало опредѣлительно высказаться. Она потребовала отъ главныхъ лицъ дво-

ранства, присяги въ томъ, что они будутъ оказывать всякое покровительство католицизму, преслѣдовать иконоборцевъ и всѣми силами стараться искоренить всякую ересь. Многие принесли присягу, между прочими, и Эгмонтъ, разчитывавшій такъ прочно на милость короля. Горнъ отказался отъ присяги, подъ предлогомъ, что живетъ въ своемъ имѣніи и потому не имѣетъ никакого дѣла съ правительствомъ. Бредероде считъ лучшимъ сложить съ себя все занимаемыя имъ должности, чѣмъ принести клятвоу, а Оранскій рѣшился покинуть отечество, до той поры пока не настанутъ болѣе благоприятныя обстоятельства. Онъ видѣлъ, что при неурядицѣ у Гейзаовъ, при осадѣ Эгмонта, ничего не возьмешь силою; онъ зналъ тоже, что герцога Альба идетъ съ сильнымъ войскомъ, дабы напратъ любовь къ свободѣ Нидерландцевъ. Царедъ отъѣздомъ, Оранскій хотѣлъ еще разъ предостеречь Эгмонта, вѣрными шагами шедшаго на гибель. Они съѣхались. Эгмонтъ упрямивалъ Оранскаго остаться. „Вѣдь ты лишишься всехъ своихъ имѣній, Оранскій, коли станешь упорствовать въ своемъ намѣреніи, говорилъ онъ.“ А ты: потеряешь жизнь, отвѣчалъ принцъ, если не измѣнишь своего намѣренія. Чтò бы ни случилось со мной, я буду утѣшать себя тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что дѣломъ и словомъ хотѣлъ служить друзьямъ и отечеству; ты же, выйдя съ собою, ввергнешь въ гибель и друзей и отечество.“ Еще разъ, съ нѣжною заботливостію, сталъ онъ умолять Эгмонта — удалиться отъ приближающейся грозы; но Эгмонтъ ожидалъ всегда хорошаго отъ будущаго; онъ не рѣшался разстаться съ природою и покоемъ, не хотѣлъ подвергать нѣжно-любимую жену и дѣтей лишеніямъ, неизбѣжнымъ въ изгнаніи. „Никогда не убѣдишь ты меня, Оранскій, молвилъ Эгмонтъ: не убѣдишь видѣть вещи въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Что можетъ имѣть король противъ меня? Онъ милостивъ и справедливъ; къ тому же, я приобрѣлъ права на его благодарность.“ — „Хорошо! полагайся на королевскую благодарность! съ негодованіемъ и горькимъ предчувствіемъ вослиланулъ Оранскій: дай Богъ, чтобы я ошибся, но мнѣ говоритъ печальное предчувствіе, что ты, Эгмонтъ, послужишь мостомъ, по которому Испанцы проникнутъ въ Нидерланды, а, проникнувши, разрушатъ мостъ.“ Онъ прижалъ Эгмонта къ груди; долго, долго смотрѣлъ на него, какъ бы на всю жизнь прощаясь; слезы текли у него изъ глазъ. И точно, друзья уже не свидѣлись больше. — На слѣдующій день, Оран-

сній написалъ прощальное письмо правительницѣ, и отправился въ изгнѣнія свои, лежавшія въ герцогствѣ Нассаускомъ. Многіе изъ его партіи послѣдовали за нимъ. Маргарита стала суровѣе прежняго преслѣдовать кальвинистовъ; многіе разбѣжались; другіе погибли отъ руки палача. Реформатскимъ проповѣдникамъ вѣчно было въ теченіе сутокъ очистить страну. На всѣхъ улицахъ толпились бѣглецы, во ния религіи покидавшіе все, что любили, искавшіе въ другой, болѣе счастливой, странѣ спокойствія. Тамъ прощались на вѣки мужья съ женами; отцы съ дѣтьми; здѣсь увозили они ихъ съ собою. Города походили на дома, гдѣ похороны. Изъ балокъ разрушенныхъ икоборцами церкви построили висѣлищныя и вѣшали на нихъ оскорбителей святыни. Всѣ лобныя мѣста были завалены трупами, тюрьмы наполнены были жертвами, обреченными на смерть, большія дороги—бѣглецами. Не было такого городка, въ которомъ, въ смертоносный 1567 годъ, не отвели бы на казнь отъ 50 до 300 челоѣкъ. Тогда и Бредероде почелъ необходимымъ—бѣжать; онъ скрылся въ Эмденъ, гдѣ и умеръ на слѣдующій годъ.

6.

Спокойствіе было восстановлено; кто не лишился еще жизни, тотъ изъ страха оставался въ бездѣйствіи. Маргарита уведомила короля, что все спокойно, и просила отвзвать герцога Альбу, находившагося еще въ пути съ своимъ войскомъ, такъ какъ прибытіе его можетъ опять нарушить спокойствіе. Но въ Мадридѣ рѣшили иначе. Филиппъ и Альба не хотѣли пропустить случая пролить потоки крови. Они говорили, что смуты, правда, успокоены, но единственно изъ страха, что слѣдуетъ искоренить совершенно мятежный духъ Нидерландцевъ. Герцогъ Альба явился въ Соединенныя Провинціи съ 10,000 кровожадныхъ, готовыхъ на всякія злодѣйства, солдатъ. Ужасъ и трепетъ, предшествовали ему. Герцогъ Альба былъ достойнымъ слугою своего короля. Никогда на лицѣ его не являлась улыбка, никогда челоѣческое чувство не проникло ему въ душу. Всѣ, кто могли, бѣжали. Одно только приближеніе департамента войска лишило Нидерланды 100,000 гражданъ; и это всеобщее бѣдство не останавливало

Альба явился передъ воротами Брюсселя 22 августа 1567 г. Тотчасъ послѣ церемоніальнаго въѣзда, онъ вступилъ въ управленіе стражною и Маргарита осталась правительницею только по имени. Лишь только солдаты Альбы показывались на улицахъ, всѣ жители спѣшили по домамъ, запирались крѣпко-на-крѣпко, и городъ казался мертвымъ. Если кто нибудь стучался у дверей, жители, въ испугѣ, уже думали, что идетъ полицейскій служитель. Прежде всего, Альба постарался заманить къ себѣ вождей дворянъ; онъ притворился такимъ пріятнымъ, что Эгмонтъ совсѣмъ ему повѣрилъ, и даже Горнъ возвратился въ Брюссель. Альба созвалъ государственный совѣтъ; Эгмонтъ тоже явился. Засѣданіе кончилось, всѣ разошлись; Эгмонтъ же хотѣлъ идти доиграть начатую игру съ сыномъ Альбы, какъ одинъ капитанъ заступилъ ему дорогу, потребовалъ у него шпагу—и толпа солдатъ окружила Эгмонта. „Оранскій! Оранскій!“ горько воскликнулъ онъ, отдалъ шпагу и продолжалъ: „Возьми ее; она чаще защищала честь короля, чѣмъ мою грудь.“—Горна схватили на пути домой. Прежде всего, онъ освѣдомился объ Эгмонтѣ. Когда ему сказали, что онъ тоже взятъ подъ арестъ, Горнъ сдался. „Я послушался его, говорилъ онъ; такъ и мнѣ надо раздѣлить его участь.“ Ужасъ объялъ жителей Брюсселя; узнавъ о задержаніи графовъ Эгмонта и Горна, 2000 Брюссельцевъ покинули Нидерланды. Страна эта навсѣгда лишилась большого числа способныхъ работниковъ, перенесшихъ въ Германію и Англію искусство ткать шерстяныя матеріи. Счастливы еще были тѣ, которые успѣли уйти,—вскорѣ Альба, подъ страхомъ смерти, запретилъ выселенія.

7.

Самъ собою разумѣется, что герцогъ Альба возобновилъ инквизицію во всей ея строгости. Онъ объявилъ виновными въ оскорбленіи величества всѣхъ состоявшихъ въ какихъ-бы то ни было сношеніяхъ съ Гейзами, или принимавшихъ участіе въ кальвинистскихъ проповѣдяхъ; вслѣдствіе чего, имѣніе и жизнь всѣхъ Нидерландцевъ были въ его рукахъ, такъ что подданный, сохранившій то или другое, какъ бы принималъ ихъ въ даръ отъ его великодушія. Затѣмъ Альба учредилъ судилище для разбора всѣхъ бывшихъ мятежей. Предсѣдателемъ онъ былъ самъ, а подъ ру-

ком мѣлъ нѣдраго мещана *Вараса*, челоуѣка, изверженнаго изъ общества, безстыднаго и законскаго злодѣя, равно кровожаднаго и корыстнаго. Въ судилищѣ этотъ съ возмущительнымъ легкомысліемъ играли жизнь несчастныхъ Нидерландцевъ; разсказываютъ, что одинъ изъ судей, обыкновенно дремавшій во время засѣданій, когда доходила до него очередь говорить мѣніе, всегда восклицалъ въ пресѣняхъ „На висѣлицу! на висѣлицу!“—тамъ уже привѣтъ онъ произносить эти слова. Часто изъ одного какого-нибудь города требовали разомъ отъ 20 до 50 подсудимыхъ. Гроза прежде всего разражалась надъ богатыми. Многихъ именитыхъ купцовъ, владѣвшихъ имѣніемъ въ 60 или во 100 тысячъ талеровъ, привязывали, со скрученными на спинѣ руками, къ лошадинымъ хвостамъ, и такъ везли на судилище. Въ Валанціенѣ въ одинъ день отрубили голову 55 челоуѣкамъ. Вскорѣ тюрьмы сдѣлались слишкомъ тѣсными для помѣщенія столичныхъ преступниковъ: ежедневно въ-шамъ, казнили, четвертовали, сжигали виновныхъ и безвинныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ; имѣніе же несчастныхъ отбирали въ казну. Справедливо народъ называлъ это судилище—судилищемъ крови.—Своеволие Альбы жестоко оскорбляло герцогиню Пармскую. Что ей было въ названіи правительницы, когда въ самомъ дѣлѣ она ничего не значила? Она стала просить отставки у Филиппа II, и получила ее въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Съ отъѣздомъ ея, исчезла послѣдняя надежда Нидерландцевъ; какъ ни были они недовольны ею въ прежнее время, но теперь она казалась имъ ангеломъ въ сравненіи съ Альбою.

Альба вызывалъ къ себѣ и принца Оранскаго, но принцъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы явиться. Тогда Альба осудилъ на смерть графовъ Эгмонта и Горна, за то, что они принадлежали къ партіи принца Оранскаго, помогали Гейзаартъ, не исполняли обязанностей своихъ въ отношеніи къ кальвинистамъ, и слѣдовательно, провинились въ оскорбленіи величества. Оба они мужественно выслушали смертный приговоръ. Всегда полный надеждъ, Эгмонтъ, даже на эшафотѣ, надѣялся еще на помилованіе. Когда же сказали ему, что надѣется онъ по напрасу,—онъ сталъ на колѣна, помолился, приложился къ серебряному кресту, данному ему епископомъ, и молвилъ: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!“ Сверкнулъ топоръ и положилъ конецъ жизни Эгмонта. Въ слѣдъ за нимъ, вступилъ на эшафотъ графъ Горнъ. Тѣла ихъ положили въ гроба, а головы, по

приказанію Альбы, на два часа были вогнаны на колья и выставлены на показъ народу. Все были глубоко опечалены, даже грубые испанскіе солдаты не могли удержаться отъ слезъ. Весь Брюссель, гдѣ происходило кровавое дѣло, оплакивалъ двухъ великихъ гражданъ; и если ненависть къ Альбѣ могла еще усилиться, то, конечно, казнь Эгмонта и Горна много способствовала къ тому.

Между тѣмъ, Голландцы, покинувшіе отечество, не оставались праздными. Самые предприимчивые изъ нихъ, переселившіеся въ Англію, достали корабли, перехватывали на морѣ испанскія суда, взяли гавань Бриль, находящуюся при устьѣ Мааса. Ихъ называли морскими Гейзами. Выступилъ и Вильгельмъ Оранскій: набравъ войско, онъ вторгнулся въ Нидерландцы. Началась долговременная война, событія которой мы не станемъ здѣсь описывать. По истеченіи шести лѣтъ, герцогъ Альба, обремененный проклятіями Нидерландцевъ, оставилъ Брюссель и возвратился въ Испанію. Считаютъ, что во время его правленія погибло на эшафотѣ, по крайней мѣрѣ, 18,000 Нидерландцевъ. Война продолжалась и при бывшихъ послѣ него намістникахъ. Дорбжившіе свободою жители полагали на нее все свои усилія. Все думали, однако, что они должны будутъ уступить привыкшимъ къ побѣдамъ легіонамъ Испанцевъ, но и тутъ оказалось — какую силу имѣетъ народъ, сражающійся за свободу свою. Вильгельмъ Оранскій былъ избранъ штатгальтеромъ (намістникомъ) сѣверныхъ провинцій, которыя, первая, сбросили съ себя иго Испанцевъ; можно было ожидать, что чепухѣ столь дѣятельный освободитъ отъ ига и все государство. Но онъ не дождалъ до этой счастливой минуты. Филиппъ отрубилъ голову принца Оранскаго въ 24,000 червонцевъ, и гнусный Балтазаръ Герардъ, урженецъ Французскаго Бонте, по наущенію Іезуитовъ, умертвилъ Оранскаго въ Делфтѣ, въ 1584 г. Онъ оставилъ сына, Морица Оранскаго, одареннаго еще большими умственными способностями. Морицу было не болѣе 17 лѣтъ, при смерти отца, но онъ принадлежалъ къ числу людей, умѣющихъ тотчасъ же стать въ назначенное имъ судьбою положеніе, какъ будто давно уже имѣютъ въ томъ всю нужную опытность. Война продолжалась нѣсколько времени и послѣ смерти Филиппа II; наконецъ обѣ стороны равно стали желать мира. И, однако, настоящаго мира не было заключено, и только постановлено (въ 1600 г.) перемиріе на двѣнадцать лѣтъ между Испан-

цами и Нидерландами. Впрочем, перемиріе это для Нидерландцев было равносильно миру, потому что Испанцы признали независимость семи северных провинцій. Вотъ названія ихъ: Голландія, Зеландія, Фрисландія, Гельдернъ, Обериссель, Гронингенъ и Фрисландія; до первой французской революціи онѣ составляли республику, подъ именемъ Седмисотлѣтнихъ Провинцій.

РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ И ШОТЛАНДІИ.

1 ГЕНРИХЪ VIII и ПАПА.

Въ то время какъ Карлъ V былъ императоромъ изъ Германіи, Англіею правилъ король Генрихъ VIII. Сначала онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ папы, даже писалъ противъ Лютера, и получалъ за это отъ святаго отца титулъ „защитника вѣры.“ Но дружба между королемъ и папою была непродолжительна. Генрихъ, по волѣ отца своего, женился 18 лѣтъ отъ роду, на 24-хъ-лѣтней Катеринѣ Аррагонской, дочери Фердинанда Кастильскаго и Изабеллы Кастильской. Онъ терпѣть не могъ жены, хотя держалъ ее при себѣ изъ чувства долга. Катерина родила ему дочь Марію, но не дала наследниковъ мужескаго пола, которыхъ такъ желалъ король. Неравенство въ лѣтахъ, принужденіе, налагаемое женою, — все это очень дурно располагало страстнаго короля. Семнадцать лѣтъ прожилъ онъ съ женою, когда познакомился съ одной изъ ея фрейлинъ, такъ очарованной его граціей и красотою, что онъ, во что бы то не стало, хотѣлъ отдѣлаться отъ жены и жениться на фрейлинѣ. Имя ея было — *Анна Болемъ*. Чтобы достигнуть расторженія брака, король предъявлялъ его незаконность, такъ Катерина еще прежде была обвиняна съ умершимъ ея братомъ. Иначе надо было просить развода у папы; папѣ стоило сказать одно слово, — оно его удерживало разными соображеніями. Катерина была теткой императору Карлу V, а Карлъ V угрожалъ папѣ — коли онъ дозволитъ разводъ. Папа не рѣшился: онъ казаль прямо и королю англійскому. Онъ послалъ въ Лондонъ легата, для разсмотрѣнія дѣла; но легатъ съ тѣмъ, легату было тайно наравано тѣмъ

сказать можно долѣе. Чего-то все это поощрялъ съединяющимъ искусствомъ; къ тому же тутъ много помогало ему и искусство королевы. Приванная съ мужемъ, она унала къ ногамъ его; и, проливая слезы, напоминала, что 20 лѣтъ была ему вѣрной женою. Эти напоминанія еще больше раздражили короля. Четыре года длились переговоры; наконецъ, всякое терпѣніе лопнуло у короля. Онъ прервалъ переговоры съ папою; тутъ одинъ изъ епископовъ придумалъ, чтобы король обратился за совѣтомъ ко всѣмъ университетамъ: законно или нѣтъ будетъ развестись ему съ Катериною и жениться на Аннѣ Боланъ. Король съ радостію воспользовался совѣтомъ. Дѣйствительно, университеты рѣшили по его желанію. Они объявили незаконнымъ бракъ короля съ Катериною, и дозволеннымъ бракъ со всякой другою женщиною.

Такимъ образомъ, Генрихъ отвергъ отъ себя злополучную Катерину и тотчасъ отпраздновалъ свадьбу съ Анной Боланъ. Онъ такъ омерзѣлъ бывшею противъ папы, что даже отрѣсся отъ католическаго исповѣданія. Конечно, онъ могъ бы принять лютеранское исповѣданіе, имѣвшее много приверженцевъ въ Англіи, но Лютеръ написалъ ему, въда-то довольно жесткое письмо и тисемавный Генрихъ не захотѣлъ его читать. Тогда, по собственному произволу, написалъ юнъ христіанство въ христіанской вѣрѣ; и потребовалъ, чтобы всѣ подданные приняли его ученіе, составлявшее нѣчто среднее между католическимъ и евангелическимъ учениемъ. Многие лютеране и католики отказывались перемѣнить, какъ дѣлать, драгоценное для нихъ исповѣданіе: такихъ людей Генрихъ безъ милосердія предавалъ сожженію. Упразднивъ сначала въ своемъ королевствѣ всѣ малые монастыри, числомъ до 375, онъ воспользовался ихъ богатыми доходами; этими онъ не удовольствовался, — очередь дошла и до большихъ монастырей и аббатствъ съ несмѣтными ихъ богатствами. Впрочемъ, Генрихъ самими бестолковыми образами расточалъ своимъ любимцамъ приобретенныя такимъ образомъ деньги. Въ прежнее время, духовенство несло большую часть государственныхъ повинностей; теперь же, когда лишилось оно и своихъ доходовъ съ него превратившихся, министръ Бардъ Мисправедливо сказалъ: „англійскій король собственноручно забираетъ шкуру, которая несла ему золотыя яйца.“ Бѣдственно, что была не жалость при такомъ нарушеніи церковныхъ правъ; Генрихъ надиралъ церковному прокладню и всѣ владѣнія его были преданы тому,

кто захочетъ, вѣнчать ихъ. Но власть святаго отца уже была не то, что прежде.

2. **Іоаннъ Грей и Марія, королева Англійская.**

Въ одномъ изъ капризовъ деспотизма, Генрихъ VIII казнилъ, по подозрѣнію въ невірности, невинную Анну Болейнъ, и послѣ нея имѣлъ еще четырехъ женъ, изъ которыхъ одна умерла, другую (Анну Клевскую) отослалъ онъ обратно въ Германію, третьей велѣлъ отсѣчь голову за дѣйствительную невірность, и только четвертая пережила его. Когда Генрихъ VIII умеръ, — единственному сыну его, Эдуарду VI, минуло только девять лѣтъ. Опекунъ надъ юнымъ королемъ и регентство принялъ дядя его, графъ Герфордъ, подъ именемъ „протектора (поправителя) Англіи.“ Въ правленіе его, архіепископъ кентерберійскій, Томасъ Кранмеръ, кротко и мудро распространялъ реформацію. Протестанты съ торжествомъ подняли голову; хотя и боялись, что торжество ихъ будетъ непродолжительно: король былъ очень слабъ здоровьемъ и надо было опасаться, что онъ умретъ преждевременно; сестра же его, *Марія*, слылъ ревностной католичкой, и, какъ дочь Генриха отъ перваго брака (съ Катериной Арагонской), должна была наследовать престолъ. Англичане желали бы лучше имѣть королевою дочь Генриха отъ втораго брака (съ Анной Болейнъ), протестантку *Елисавету*, но коли обходить въ наследствѣ Марію, то приходилось обойти тоже и Елисавету. Этими обстоятельствами воспользовался Нортмберлендъ, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и богатыхъ герцоговъ въ королевствѣ. Онъ женилъ своего сына *Гильфорта Доддли* на внукѣ меньшей сестры Генриха, *Іоаннѣ Грей*. Когда Эдуардъ лежалъ уже при смерти, Нортмберлендъ явился къ нему и разными представленіями такъ напугалъ совѣсть молодого короля, что тотъ отрѣшилъ отъ наследія сестру свою, Марію, и предоставилъ престолъ Іоаннѣ Грей. Тотчасъ послѣ кончины короля, Нортмберлендъ окружилъ дворецъ стражею для того, чтобы народъ не зналъ о событіи этомъ, пока герцогъ не окончитъ распоряженій. Онъ успѣлъ уже щедрыми общаніями склонить на свою сторону вельможъ — и Іоанну избрали королевою. Ей было только шестнадцать лѣтъ; она отличалась добродѣтелью, красотою и высокимъ образованіемъ. Ничего не знала она о намѣреніяхъ

и козняхъ Нортмберленда. Когда отецъ ея, герцогъ Суффолькъ, вѣстѣ съ Нортмберлендомъ, принесли ей важное извѣстіе, — отъ испуга она лишилась языка на нѣсколько мгновеній. Придя въ себя, она молвила присутствующимъ: „Не мнѣ, а сестрѣ Эдуарда, принадлежить престолъ. Хотя молода я, но довольно опытна — и предостерегаютъ меня примѣры Катерины Аррагонской и Анны Болѣнь. Къ тому же, чувствую, что не достанетъ мнѣ силъ для такой великой обязанности; кто, точно, любитъ меня, тотъ не станетъ меня подвергать неизбѣжнымъ тревогамъ.“ Но, наконецъ, она уступила просьбамъ родныхъ и друзей. „Да укрѣпитъ меня Господь Богъ, сказала она, и да даруетъ мнѣ силы держать скипетръ на честь и на благо народа.“

На слѣдующій день, юная королева отправилась въ Тоуеръ, обыкновенное мѣстопробываніе королей передъ коронаціей, — и съ великой пышностью имѣла въѣздъ въ Лондонъ. Народъ не принималъ никакого участія въ празднествѣ: онъ громко ропталъ и отказывался признать королевую невѣстку коварнаго Нортмберленда. Большая часть англійскаго народа объявила себя въ пользу дочери Генриха VIII, Маріи, число приверженцевъ которой быстро увеличивалось, такъ что, черезъ нѣсколько дней, и она торжественно въѣхала въ Лондонъ. Только девять дней процарствовала Іоанна, да и это короткое время провела въ страхѣ и печали. Нортмберленда взяли подъ стражу и осудили на смерть. Онъ выказалъ себя малодушнымъ трусомъ: на эшафотѣ, признался, что только изъ честолюбія отступилъ отъ католическаго исповѣданія и принялъ религію, которую въ глубинѣ души осуждаетъ. Никто не пожалѣлъ о его смерти. Суффолькъ, Доддл и Іоанну Грэй тоже посадили въ темницу и приговорили къ смерти, — но медлили еще исполненіемъ приговора, потому что первый казался не опаснымъ, за двухъ же послѣднихъ говорила ихъ молодость.

Марія наслѣдовала отъ матери, Катерины Аррагонской, пламенную приверженность къ католическому исповѣданію. Она твердо рѣшилась искоренить все, что отецъ ея и братъ сдѣлали въ пользу новаго ученія. Изгнаннымъ епископамъ она возвратила мѣста. Противавшихся отправленію католической обѣдни кидали въ темницы. Около 200 человекъ, отказавшихся возвратиться къ прежней церкви, подверглись жестокому казнямъ. Только одно обстоятельство могло приостановить на-время религиозную нетерпимость Маріи — то было избраніе ею супруга себѣ. Изб-

рала она Филиппа II, сына Карла V. Двадцатипятилѣтній Филиппъ, изъ политическихъ видовъ, рѣшился жениться на Маріи, имѣвшей уже 36 лѣтъ отъ роду и которую онъ вовсе не любилъ. Вся Англія не годовала на этотъ бракъ—всѣхъ страшила гордость и жестокость лукаваго Филиппа.

Этимъ-то настроеніемъ общества вздумалъ воспользоваться Суффолькъ—и возбудилъ возстаніе на пагубу себѣ и дѣтямъ своимъ. Марія быстро подавила возмущеніе и казнила герцога Суффолька. Пришелъ чередъ и для молодого Додди, и для злополучной жены его. Съ величайшимъ спокойствіемъ, выслушала Іоанна Грэй вѣсть объ осужденіи на смерть; она жалѣла только о молодомъ мужѣ. Марія надѣялась близостью смерти преклонить Іоанну къ католической религіи, она послала къ ней ловкаго священника. Іоанна приняла его съ кротостію и добросердечіемъ, тронувшими священника, но овѣроисповѣданіи своемъ говорила съ такой твердостію и убѣжденіемъ, что онъ не могъ поколебать ее.

Наступилъ день казни. Гильфордъ былъ первый обреченъ на смерть. Онъ желалъ еще разъ видѣться съ Іоанною, но, страшась потрясающей сцены послѣдняго прощанія, она велѣла сказать ему, чтобы онъ дождался ее за гробомъ. Когда повели его на казнь,—изъ окна темницы, послала она ему прощальный поклонъ. Вскорѣ затѣмъ, пронесли тѣло его, завернутое въ бѣлую простыню,—и она порадовалась, услышавъ, что онъ умеръ твердо, не измѣнивъ своему исповѣданію. Безстрашно шла она на эшафотъ; католическій священникъ провожалъ ее, помимо ея воли. Съ молитвенникомъ въ рукахъ, она не обращала вниманія на его увѣщанія, не прицѣтливо благодарила за доброе расположеніе и изъявила желаніе, чтобы Господь, просвѣтилъ его, далъ уразумѣть истину. Потомъ сказала она краткую рѣчь предстоящимъ, упрекала себя за слабость, что согласилась принять корону, когда въ душѣ своей не желала ея, и смирила себя передъ Богомъ, Который страданіями хотѣлъ отвлечь ее отъ пристрастія къ земному. „Я умираю евангелической христіанкой, заключила она, отрицаю всѣ заслуги передъ Богомъ дѣлами моими, ибо знаю сколь многого недостаетъ въ нихъ, и возлагаю надежду мою лишь на благодѣяніе Іисуса Христа.“ И затѣмъ помолилась, прочитавъ громко 51 псаломъ.

Положивъ голову на плаху, произнесла она: „Господи! въ руни Твои предаю духъ мой.“ Никто не могъ смотрѣть безъ слезъ на казнь эту, плакали даже приверженцы Маріи. Тѣло Іоанны похоронили въ Тоуерѣ, рядомъ съ тѣломъ ея мужа. — Повсюду разнеслась молва о рѣдкомъ разумѣ, о прекрасной душѣ ея; вездѣ, даже въ позднѣйшее время, участь Іоанны Грэй возбуждала состраданіе. Художники и поэты непрерывно прославляли ее. Главный судья, произнесшій ей смертный приговоръ, послѣ смерти ея, сошелъ съ ума и безпрестанно восклицалъ: „прочь, прочь отъ меня, Іоанна!“ — Такъ онъ и умеръ.

3. Елисавета и Марія Стюартъ (1558—1603).

Елисавета, страхась сводной сестры своей, королевы Маріи, жила въ самомъ строгомъ уединеніи, но часами досуга она воспользовалась, для образованія ума своего. Марія умерла, послѣ пятилѣтняго безрадостнаго царствованія. Получилъ извѣстіе о смерти сестры. Елисавета, пораженная родостной нечаянностію, поспѣшила въ Лондонъ и была принята народомъ съ громкимъ восторгомъ. Слѣвно предчувствовали Англичане, какая славная эпоха наступаетъ для нихъ.

Первымъ дѣломъ молодой королевы было возстановленіе евангелическаго ученія, въ томъ видѣ, въ какомъ находилось оно при Эдуардѣ VI. Но и тутъ поступила она, какъ умная женщина: она постепенно отменяла введенные при Маріи католическіе обряды. Потомъ самое себя объявила она главою церкви, и въ 39 статьяхъ установила религію въ томъ видѣ, въ какомъ доселѣ сохранилась она подъ именемъ *Англиканской верховной или епископальной церкви*. Католическая церковь была ненавистна ей уже потому одному, что не признавала законнымъ бракъ Генриха VIII съ Анной Болэнъ, матерью Елисаветы. Къ тому же, ясный, просвѣщенный умъ королевы не могъ примириться съ ученіемъ и правилами католицизма.

Характеръ Елисаветы представлялъ странное смѣшеніе добродѣтелей и пороковъ. Не будучи красавицей, — она имѣла слишкомъ широкія плечи и черезъ-чуръ длинный носъ, — она была очень привлекательна. Къ простому народу она была пріятлива и благосклонна и всячески старалась заслужить его расположеніе. Люди низкаго званія во всякое время,

имѣла доступъ къ ней, съ веселымъ лицомъ она принимала отъ нихъ просьбы, благодарила за ѳнаки ихъ приверженности, часто вступала въ разговоры. Напротивъ, въ отношеніи вельможъ она держала себя съ горделивымъ достоинствомъ, — чтобы помнили она существующее между ними и ея разстояніе! Одинъ современникъ такъ рассказываетъ о пышности, съ какою издвигалась она въ публичнѣ, когда, въ воскресные дни, проходила въ придворную церковь изъ своихъ комнатъ? „Впередъ шла толпа дворянъ, графовъ, бароновъ и рыцарей, потомъ шестъ камерлеръ, съ государственнымъ печатомъ, ишла по обѣ стороны двухъ бароновъ, которые несли мечъ и скипетръ. За камерлеромъ слѣдовала Елисавета, и, куда не обращала взоры, присутствующіе становились на колѣни. Вслѣдъ за Елисаветой, тянулась длинная вереница прекрасныхъ одитыхъ молодыхъ дамъ, а по обѣимъ сторонамъ, стоялъ рядъ дворянъ въ богатыхъ кундиркахъ, съ вызолоченными бердышами.“ Вообще Елисавета была очень тщеславна и властолюбива; даже въ предложенныхъ лѣтахъ, она охотно выслушивала, когда сравнивали ее, по красотѣ, съ Венерой, по мудрости, съ Минервой, по цѣлемудрію, съ Діаной. Хотя и любила она общество мужчинъ, однако, не хотѣла выйти замужъ, — чтобы быть свободна и независима. Филиппъ II сватался за нее, но получилъ отказъ.

МАРІЯ СТУАРТЪ, КОРОЛЕВА ШОТЛАНДИИ.

Черное пятно въ жизни Елисаветы, это — поступки ея съ злополучной Маріей Стюартъ, королевой шотландской. Генрихъ VIII имѣлъ двухъ сестеръ: меньшая была бабкой Іоанны Грэй, старшая была выдана за мужъ за Іакова IV, короля шотландскаго. Сынъ его, Іаковъ V, былъ отецъ Маріи Стюартъ. Несчастія преслѣдовало съ колыбели юную Марію; отецъ ея умеръ, когда минуло ей всего восемь дней. Смуты начались въ Шотландіи; королева-мать привезла пятилѣтнюю Марію во Францію, гдѣ и возросла она при дворѣ Екатерины Медичи. Не смотря на развращенныя нравы королевы французской и сыновей ея, Марія Стюартъ, попеченіями своей матери, получила превосходное воспитаніе. Красота ея и доброе сердце привлекли къ ней общію любовь и уваженіе. Едва минуло ей шестнадцать лѣтъ, какъ обвѣнчана съ дофиномъ, впоследствии, королемъ Францискомъ II. Марія находилась тогда на верху счастья. Все предло-

налось передъ ея достоинствомъ, передъ ея неотраваемой прелестью; молодой король любилъ ее всею душою. Но только полтора года процарствовалъ Францискъ II, его похитила преждевременная смерть; вскорѣ затѣмъ, умерла и мать Маріи, детодѣ правившая Шотландією.

Во время ея правленія, въ Шотландіи происходили непрерывныя смуты; новое протестантское вѣроученіе пустило глубокіе корни въ этой странѣ, — особенно стараніями *Джона Нокса*, ученика Кальвина. Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ и убѣжденіемъ, ратовалъ онъ противъ католичества. Рьяныя проповѣди его такъ воспламенили завѣрство народа, что онъ грабилъ католическія церкви, оскорблялъ священниковъ. Правительница хотѣла-было наказать дерзновенныхъ, но все возстало противъ нея, — и она рада была и тому, что успѣла помириться съ мятежниками. Съ удовольствіемъ видѣла Елисавета, что, по смерти правительницы, Шотландцы отбѣгли католическое исповѣданіе и ввели реформатское ученіе. Отъ зоркаго вниманія ея не ускользало ничто изъ происходившаго въ сосѣднемъ государствѣ. Она знала, что все желаніе и надежды католиковъ устремлены на Марію Стюартъ, что для многихъ она законная королева Англіи, какъ внука старшей сестры Генрика VIII. Ненависть и зависть Елисаветы къ наследницѣ англійскаго престола, католичкѣ и красавицѣ, росли съ каждымъ днемъ.

Марія страшилась мысли промѣнять прекрасную Францію, страну, гдѣ такъ счастливо протекли дни ея юности, на угрюмую туманную Шотландію, гдѣ свирѣствовалъ мятежъ; но не смотря на свое отвращеніе, она принуждена была принять тяжелое правленіе. Она просила дозволенія у Елисаветы, проѣхать черезъ Англію, но Елисавета не только отказала ей въ этомъ, но поспѣшно снарядила флотъ чтобы погонять Марію, при перѣздѣ ея моремъ изъ Франціи въ Шотландію.

15 апрѣля 1262 г., Марія отплыла въ Бале, на двухъ галерахъ и четырехъ транспортныхъ судахъ. Поколы видѣлись берега Франціи. Марія все не спускала глазъ съ этой страны, заключавшей въ себя все, что она любила. Прощай, Франція, прощай! говорила она съ глубокой горестію: я уже никогда не увижу тебя.

Подъ покровомъ густаго тумана, галеры Маріи благополучно ушли изъ виду сторожившаго ихъ англійскаго адмирала, но три транспортныхъ судна остались тамъ, ему въ руки. Съ возрастающей тревогою приближа-

Этии обстоятельством воспользовался графъ Ботвалль, потомокъ знатнаго рода въ Шотландіи, но человекъ дурной и развратный. Ему удалось такъ далеко върасть въ милость у Маріи, что она ничего не предпринимала безъ его совѣта. Онъ старался посредствомъ развода освободить королеву отъ Дарнлей, чтобы потомъ самому жениться на ней и сдѣлаться королемъ Шотландіи. Но Марія не хотѣла слышать о разводѣ; — онъ вознамѣрился насильственнымъ разлучить ее съ мужемъ. Случай къ тому скоро представился. Дарнлей занемогъ въ Глазго, лишь чунала объ этомъ Марія, въ ней пробудились прежняя любовь къ мужу, она побѣжала къ нему и заботливо ухаживала за болящимъ. Супруги помирились, вмѣстѣ отправились въ Единбургъ и поселились въ частномъ домишкѣ, построенномъ на здоровой мѣстности. Видя, что надежднаго разлечаются, Ботвалль задумалъ умертвить ненавистнаго ему Дарнлей. Развѣ, ночью, когда королева присутствовала на свадьбѣ одной изъ своихъ арейлинъ, домъ, въ которомъ похаживалъ король, съ страшнымъ громоу взлетѣлъ на воздухъ. Испуганный народъ собрался толпами Дарнлей и слугу его нашли мертвыми въ саду. Марія ужаснулась, узнавъ о случившемся. Всѣ называли Ботвалля убійцею короля; многие обвиняли и Марію. Но она была невинна.

Ботвалль не хотѣлъ оставить планъ свой въ долбину исполненнымъ: главной цѣлью его было жениться на королеви. Втихомолку онъ набралъ приверженныхъ къ себѣ заговорщиковъ. Развѣ, когда королева отправилась въ загородный домъ посѣтить больного сына своего Іакова, Ботвалль послѣдовать за нею съ 1,000 всадниками, и при возвратномъ пути королевы, напалъ на нее и, какъ пльнницу, увезъ съ собою. Онъ присталъ къ ней съ просьбами и угрозами; — наконецъ, Марія, обещала сдѣлаться его женою.

Этотъ въ высшей степени необдуманный бракъ съ убійцею мужа усилилъ подозрѣніи, подавшіи на королеву, и раздражилъ Шотландцевъ. Дворянство возмутилось и выставило войско; Ботвалль спасся только побѣднымъ бѣствомъ. Онъ скрився на Оркнейскихъ Островахъ, и несколько времени велъ жизнь корсара, а потомъ убѣжалъ въ Данію, гдѣ десять лѣтъ томился въ заключеніи и умеръ несчастнымъ. Между тѣмъ, и шотландцы съ торжествомъ отвели Марію въ Единбургъ, тамъ народъ осыпалъ ее ругательствами и несъ передъ нею знамя, на которомъ по-

ролева была представлена убийцею Дарнлеем Видуи королеву; засадили въ крепкій замокъ, поставили съ нею съ вѣнчающей суфорою и преемственъ, и вынудили канонцевъ подписать акты, которыми отказывалась она отъ правленія государствомъ и предоставили его сыну своему Иинову. На время несовершеннолѣтія короля, регентомъ назначился графъ Моррей. Съ горькими слезами, подписала Марія ненавистный актъ. Она надѣялась, что, по крайней мѣрѣ, возвратятъ ей свободу; но ее заточили еще тѣснѣе, ее оскорбляли всачески. Это недостойное обращеніе съ королевой вновь возбудило въ дворянахъ и въ народѣ участіе къ ней; одинъ молодой дворянинъ вывелъ ее изъ темницы; многие старые друзья собрались къ ней съ оружіемъ въ рукахъ. Но мадьярское войско было слишкомъ слабо, графъ Моррей разбилъ его на голову и злополучная Марія съ немногими спутниками, бѣжала изъ Шотландіи, не зная сама, гдѣ найти ей убѣжище.

МАРІА ВЪ АНГЛІИ.

Тогда вспомнила она о дружескомъ участіи, какое принимала въ ней королева Елисавета, во время плѣна, — и къ ней-то рѣшилась она бѣжать. Поспѣшно бросилась она въ рыбацью лодку и, въ тотъ же день, прибыла въ Карлэйль, на англійскомъ берегу. Марія такъ торопилась отъѣздомъ, что не успѣла захватить ни денегъ, ни необходимаго платья. Тотчасъ послали гонца въ Лондонъ просить помощи для баззащитной королевы (1568).

Елисавета торжествовала; жертва, которую стерегла она столько лѣтъ, сама отдалась въ ея руки. Она приказала сказать Маріи, что не можетъ въ настоящее время доволить ей пріѣхать въ Лондонъ, пока не очистится она отъ подозрѣнія въ умерщвленіи Дарнлея. Марія никакъ того не ожидала; послѣ первыхъ минутъ изумленія, она горько заплакала. „Чтожь сказала она; и ехонне подвернулось моему правосудію такъ-во доброму другу.“ Елисавета только того и желала. Она тотчасъ учредила форменный судъ для разбора дѣла между королевой и Морреемъ. Марія легко оправдалась отъ всѣхъ обвиненій. Тогда Моррей представлялъ письма, будто бы писанныя, въ прежнее время, Маріей къ Ботазину, и доказывавшія обоюдный уговоръ ихъ убить Дарнлея. Марія обвиняла,

что противно чести ея и королевскому сану возразить что-либо на такія обвиненія. Вѣрнѣе, письма были подложныя, потому что, какъ ни упрямилась Марія, представить ей подлинныя, Елисавета поспешно отказывала въ этомъ. Марію, заточили въ дѣрзкій замокъ, откуда уже не должна была она выйти на волю.

Злополучная королева нашла себѣ друзей въ Англіи, особенно же между единовѣрцами, католиками. Герцогъ Норфолькъ составилъ планъ освободить ее, а затѣмъ—жениться на ней и силой оружія возстановить ее въ Шотландіи. Измѣна выдала планъ этотъ—и Норфолькъ заплатилъ головою за смѣлую попытку. Потомъ два католика, французъ Жанъ Балларъ и англичанинъ Антонъ Бэбингтонъ задумали умертвить жестокую Елисавету и освободить Марію изъ темницы. Но и этотъ заговоръ не удался; Бэбингтонъ, Балларъ и двѣнадцать другихъ заговорщиковъ подверглись смертной казни.

Эти заговоры сдѣлали положеніе Маріи еще плачевнѣе. Елисавета, считавшая жизнь королевы шотландской несовмѣстною съ своей безопасностію, рѣшилась предать смерти соперницу. Она перевела ее въ замокъ Фотерингей, въ еще тѣснѣйшее заточеніе, и назначила судилище, для изслѣдованія участія Маріи въ оскорбленіи величества. Марія клятвенно увѣряла въ своей невинности, объявила всѣ обвиненія гнусной клеветою. Такъ какъ нельзя было найти письменныхъ доказательствъ ея преступленія, то свидѣтелями противъ ней выставили двухъ ея тайныхъ секретарей, заранѣе подкупленныхъ. Приговоръ былъ произнесенъ и Елисавета подписала его.

Марія спокойно, съ достоинствомъ, приняла печальную вѣсть, до глубины души моразившую всѣхъ при этомъ присутствовавшихъ. „Наконцѣ насталъ день, котораго давно съ нетерпѣніемъ, а ожидала, — говорила она; почти двадцать лѣтъ томилась я въ заключеніи, и не могла вообразить себя счастливою „почтенной“ кончины—какъ пролить кровь свою за вѣру.“ Потомъ она перечислила всѣ оскорбленія, какія претерпѣла, всѣ предложенія, какія ей дѣлали, коварство и обманъ своихъ враговъ. Положивъ руку на Библію, она заключила такими словами: „Богъ мнѣ свидѣтель, что никогда не воевала я на жаны королевы, давшей повелѣніи казнить“.

8-е февраля 1587-го назначено было днесь ей казнь. Вось почти ночь, передъ казнью, провела она на молитвѣ. Въ 6 часовъ утра, пришелъ къ ней слугинка доложить, что пробилъ урочный часъ. „Я готова“, отвѣчала королева: — глаза ея выражали спокойствіе. Она умоляла дать ей священника проводить ее изъ плахъ; но и въ этомъ утѣшеніи ей отказали. Величаво, спокойно прошла она черезъ галлерею, ведущую къ залѣ, гдѣ приготовленъ былъ эшафотъ. Идучи туда, она встрѣтилась съ старымъ дворецкимъ своимъ, Мельвиллемъ, котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ не допускали къ ней. Вѣрный слугинка палъ передъ ней на колѣна и зарыдалъ громко. „Не плачь, молвила она ему: напротивъ, радуйся, честный человѣкъ, — ты скоро увидишь конецъ страданьямъ Маріи. Добрый мой Мелвилль, міръ этотъ — только суета, моря слезъ неостало бы всѣ его скорби оплакать.“ Потомъ, сама заливаясь слезами: „прощай, прощай мой добрый Мелвилль,“ — сказала она.

Когда взойшла она на эшафотъ, приступилъ къ ней деканъ Петерборо, и, отъ имени королевы Елисаветы, сталъ убѣждать, чтобы отреклась отъ католическаго исповѣданія. Марія нѣсколько разъ просила его не утруждать ни себя, ни ее; но онъ не переставалъ говорить и угрожалъ вѣчнымъ адскимъ огнемъ. Рѣшившись жить и умереть въ религіи, въ которой родилась и была воспитана, Марія стала на колѣна и ревностно помолилась за гонимую церковь, за сына своего Іакова, за Елисавету. Ея завязали глаза, палачи подхватили ее подъ руки и подвели къ плахѣ. Она стала на колѣна и нѣсколько разъ повторила твердымъ голосомъ: „Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой.“ Самъ палачъ былъ тронутъ до глубины сердца, плачь и рыданія окружавшихъ ошеломили его; онъ весь дрожалъ и, занесши мечъ, промахнулся, — только послѣ третьяго удара отдѣлилъ онъ отъ туловища прекрасную голову Маріи. Когда палачъ поднялъ голову, деканъ воскликнулъ: „да погибнуть такимъ же образомъ всѣ враги Елисаветы!“ Но ни одинъ голосъ ему не откликнулся. Духъ партии былъ подавленъ изумленіемъ и состраданіемъ. Правда, злополучная Марія была легкомысленна, но не зла, и слишкомъ дорого заплатилась за прежнія свои ошибки. Она скончалась на тридцать пятомъ году отъ рожденія.

Елисавета насытила жажду мести — и постаралась всю гнусность преступленія свалить на своихъ министровъ. Когда ей донесли о казни Ма-

рія, она притворилась испуганной и торжественной; и тогда же отставила министровъ отъ должности. Они очень хорошо поняли, чего желаетъ Елисавета: съ нѣмыми своими обвиненіемъ ихъ, смѣренно сознались въ винѣ и, одинъ послѣ другого, были восстановлены въ должностяхъ, кромѣ одного только Девисона, постоянно отказывавшагося участвовать въ несправедливому гоненію Марин.

Начало морскаго могущества Англіи.

Утвердивъ престолъ свой ужаснымъ злодѣяніемъ, Елисавета обратила всѣ заботы на управленіе государствомъ, — и самый блистательный успѣхъ увѣнчалъ ея предпріятія. Она оживила торговлю и мореплаваніе; ее можно считать создательницей великой морской силы Англіи. Всѣ французскіе и нидерландскіе изгнанники за вѣру находили въ Англіи гостепріимный пріютъ; островъ этотъ сдѣлался средоточіемъ ремеслъ и промышленности. Въ 1553 г., англичанинъ Чанселлеръ открылъ чрезъ Ледовитое море провѣдъ въ Архангельскъ, и русскій царь даровалъ англійской компаніи, въ 1569 г., исключительное право торговли съ Россією. Великій морской герой, Дрэкъ, соперничалъ съ португальцемъ Магелланомъ; онъ, первый изъ Англичанъ, предпринялъ, въ 1580 г., кругосвѣтное путешествіе. Онъ же привезъ изъ Америки въ Европу картофель. Это полезное растеніе появилось въ Англіи въ 1586 г., а оттуда перешло во Францію, гдѣ, еще въ 1612 г., за большую рѣдкость подавали его къ королевскому столу.

Морскія путешествія Англичанъ въ Остѣ-Индію начались съ конца 16-го столѣтія; первая остѣ-индская компанія была основана въ 1600 г. Около этого времени, Англичане основали первыя колоніи въ Сѣверной Америкѣ; Вальтеръ Рэли назвалъ принятую имъ во владѣніе страну *Виргиніей*, т. е. землею дѣвы, въ честь безбрачной своей королевы. Величайшимъ же торжествомъ Елисаветы была побѣда надъ *непобѣдимымъ флотомъ* короля испанскаго, Филиппа II.

4. НЕПОВЪДИМАЯ АРМАДА.

Богда Елисавета вступила на престолъ Англійи, Филиппъ II. сталъ просить ея руки, въ надеждѣ, если домытъ удастся, сдѣлаться властителемъ Англійи. Но мудрая государница не подумала принять предложенія, столь несогласнаго съ ея собственными намереніями и съ желаніями народа. Филиппъ II. поразившійся монархъ своего времени, не могъ простить этого отказа, и тѣмъ самымъ возненавидѣлъ королеву англійскую, что она постоянно подавляла католическую религію въ своемъ государствѣ. Къ тому же, Елисавета поддерживала мятежъ въ Нидерландахъ, а Дрентъ наносилъ большой вредъ испанскимъ мореходцамъ. Король Испанскій задумалъ предпринять протестантской королевѣ истребительную войну, въ надеждѣ завоевать Англійи, удовольствоваться и небо въ свое владѣніе. Со всагоможною тайною, онъ приказалъ дѣлать громадные приготовленія. Не было лаванія въ Испаніи и Португаліи, гдѣ бы не трудился, по повелѣнію короля, надъ сооруженіемъ новыхъ судовъ. Съ большими издержками строили или поправляли галеры, фрегаты, огромные трехъ-мачтовые корабли. Флотъ этотъ назначенъ былъ для перевозки большой и хорошо-обученной арміи, подъ предводительствомъ героя Александра Пармезаго.

Грозныя приготовленія, дѣлаемыя въ Испаніи и Нидерландахъ, не могли долго укрыться; все европейскіе государи и народы считали ихъ подозрительными и для себя опасными. Правда, Филиппъ велѣлъ распустилъ молву, что дѣла его — покореніе Нидерландовъ. Но никто не вѣровалъ въ обманъ, а возмъ мнѣ Елисавета. Она дѣлательно приготовлялась къ оборонѣ, и тутъ оказалась совсѣмъ не той тучекавой, жесткой, лицеѣрной женщиной, какою была въ сношеніяхъ своихъ съ Маріей Стюартъ: она была полна дѣятельности, присутствіе духа и рѣшимости. Дрентъ, уже совершенно истощенъ круговѣтнее мученіемъ, она тотчасъ выслала въ море, — и препятствовать вооруженіямъ Испанцевъ. Дрентъ съ своимъ флотомъ отплылъ къ Бадиссу, гдѣ наготовлено было множество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. При появленіи его, испанскіе военные корабли, находившіеся въ Бадиссѣ, отази людей прикрятіе

крѣпостныхъ пушекъ, — тогда англійскій адмиралъ началъ свои истребительныя дѣйствія. Въ одинъ день и въ двѣ ночи, сто богато нагруженныхъ кораблей были частью потоплены, частью сожжены. Недовольствуясь этимъ, Дрэкъ отплылъ къ мысу С. Винцента, взялъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, опустошилъ нѣкоторые, сжегъ еще нѣсколько кораблей. Затѣмъ направилъ свой флотъ свой къ Азорскимъ островамъ, гдѣ захватилъ большое ластовое судно, возвращавшееся съ бритѣйшимъ грузомъ изъ Остѣ-Индіи. Другіе отважные англійскіе мореходцы, уже изъ собственнаго побужденія, дѣлались корсарами, и наносили большой вредъ Испаніи, такъ что черезъ все это не мало пострадали испанскія приготовления послѣднихъ.

Между тѣмъ, Елисавета все-таки, не оставалась праздною. Для возбужденія воинственнаго духа и жажды мщанія въ своихъ подданныхъ, она приказала распространить въ народѣ печатные памфлеты въ которыхъ описывались неистовства Испанцевъ въ Америкѣ, и въ Нидерландахъ, многочисленныя несчастія, причиненныя ими же въ Англіи, казни, какія придумывались ихъ судьями въ отношеніи еретиковъ, даже орудія пытки, какими были наполнены будто бы многія изъ испанскихъ судовъ. Раздражая такимъ образомъ протестантскихъ своихъ подданныхъ противъ Испанцевъ, королева, въ тоже время, умѣренно и кротко обращалась съ католиками. Этими она внушила довѣріе во всемъ жителямъ Англіи и побудила ихъ доставить ей необходимую помощь. Англійскій народъ разрѣшилъ королевѣ большіе займы; посюду начали дѣлать вооруженія; 20,000 человекъ были распределены по берегамъ, для воспрепятствованія высадкѣ непріятеля. Другое войско приготовлено было на защиту столицы; главная же армія состояла изъ 45,000 человекъ. Тѣмъ не менѣе, люди, опытные въ военномъ искусствѣ, были весьма озабочены: испанскіе солдаты считались тогда лучшими въ Европѣ, да притомъ ими предводительствовали искусный помповодецъ, герцогъ Пармскій. Одна Елисавета ничего не страшилась. Спокойно отдавала она приказанія, ободряла народъ, смотрѣла сама за всѣмъ, эти дѣла доизывая, что рождена для власти. Раствѣлилась она въ лагерѣ. Сидя на боевомъ конѣ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, въ шатахъ, поперхъ великолѣпнаго платья, и процѣвася, проѣхала она по всѣмъ рядамъ солдатъ. За нею ѣхали пажы, державшіе ее отъ развѣвающихся бѣлѣхъ

перьями. Солдаты приветствовали королеву громкими восклицаниями, она произнесла одушевленную рѣчь, и все войско изъявило готовность побѣдить или умереть за прославленную свою королеву.

2.

Филиппъ II вознамѣрился поработить громаднымъ ударомъ именно Англію. На пути къ острову, Армада должна была получить повелѣніе разсѣять всѣ сопротивляющіяся англійскія суда, вмѣстѣ съ нидерландскими транспортами, проникнуть въ Темзу, высадить всю испанскую армию вблизи Лондона и разомъ порѣшить судьбу Англіи. Армада, прозванная ласцатами короля *счастливой, непобѣдимой* и даже *католической*, состояла изъ 138 линейныхъ кораблей громадной величины; при нихъ находилось 60 огромныхъ галеръ, довольно похожихъ на плывучіе замки и крѣпости; галеры эти были такъ плотно сработаны, что ядра не могли пробивать ихъ стѣны. Адмиральскій корабль, на которомъ находился великій адмиралъ, герцогъ *Медина Сидонія*, представлялъ цѣлый городъ съ башней посерединѣ; на немъ кромѣ герцога и его свиты, было еще 1200 солдатъ. *Галеасы*—корабли, превосходившіе величиною самыя большія галеры, имѣли до 300 гребцовъ. Всѣ мачты и стеньги этихъ испанскихъ судовъ были оплетены канатами, — ничего не было забыто, чтобы сдѣлать ихъ невредимыми. Они имѣли на борту 15,000 чел. лучшаго сухопутнаго войска, да кромѣ того 6000 чел. морскихъ солдатъ и матросовъ; со включеніемъ же экипажа и прислуги, плывучій городъ содержалъ въ себѣ болѣе 30,000 человекъ. Мало было знатныхъ и богатыхъ семей, изъ которыхъ сынъ, отецъ или родственникъ не находился бы на этомъ флотѣ. Число лицъ духовнаго званія и монаховъ на немъ доходило почти до 700; во главѣ дѣлъ находился грозный великій инквизиторъ, собиравшійся произносить судъ свой надъ протестантскими жителями Англіи.

Флотъ имѣлъ 2630 огнестрѣльныхъ орудій. Непобѣдимая Армада была снабжена такою громадною массою военныхъ и стѣстныхъ припасовъ, что одинъ только обладатель несметныхъ богатствъ Америки могъ принять на себя столь великія издержки. Въ такомъ грозномъ вооруженіи выступилъ флотъ, 29-го мая 1588, изъ Лиссабонской гавани. Никогда

еще Океанъ не носилъ на волнахъ своихъ флота, подобнаго этому, по величинѣ и по множеству судовъ. Одинъ испанскій писатель говоритъ, съ свойственнымъ, впрочемъ, Испанцамъ преувеличеніемъ, что морское пространство не достаточно было для вмѣщенія могущественныхъ и многочисленныхъ судовъ.

Папа Сикстъ V отлучилъ отъ церкви королеву англійскую, объявилъ ее отрѣшенною отъ престола и предоставилъ королю испанскому исполненіе приговора. Стало быть, и теперь не оставилъ предпріятія Филиппа своимъ благословеніемъ.

Между тѣмъ, Елисавета склонилась къ поданію ей помощи Нидерландскіе Штаты, не давно избавившіеся отъ ига Испанцевъ. Они снарядили въ пользу союзницы значительный флотъ; разставили караулы по берегамъ Голландіи и Зеландіи; сѣяли бочки; колья и маяки, служившіе указаніемъ для безопаснаго плаванія. Для достиженія же заступничества небеснаго, въ Англіи и Голландіи назначили дни поста и молитвы; благочестивые богомольцы во множествѣ стекались въ храмы.

Но не одни благоразумныя дѣятельныя распоряженія Англичанъ и Голландцевъ затрудняли предпріятіе Филиппа; въ собственномъ флотѣ его находились задатки неуспѣха. Пловучія громады состояли подъ управленіемъ неопытныхъ штурмановъ и худо дисциплинированныхъ матросовъ. Не дошелъ еще флотъ до Брунсейской гавани, гдѣ ему надо было принять войска и припасы, какъ внезапная страшная буря: разгнала и повредила много изъ кораблей. Однако, мало по-малу корабли собрались въ Брунсейской гавани.

20-го іюля, Армада снова подняла паруса и направилась прямо къ Англіи. Медленно, въ видѣ полумѣсяца, занимая 7 англійскихъ миль пространства, плыла она по Ламаншскому проливу. Чуть-было не застала Армада врасплохъ англійскій флотъ, спойкой стоявшій на якорѣ въ Плимутѣ и не ожидавшій такъ скоро непріятеля, но англійскій адмиралъ все-таки впору, получилъ предостереженіе съ французскаго берега. У острова Уайта, адмиралъ, какъ было ему назначено, распечаталъ королевскія повелѣнія. На основаніи ихъ, онъ долженъ былъ направиться къ проливу Кале, плыть къ Дюнкеркxу, соединиться тамъ съ герцогомъ Паржаксъ, и общими силами ринуться на Англію. Многие испанскіе военачальники представляли герцогу Медина-Сидоню, что было бы благо-

зумыя прямо сдѣлать нападеніе на Англію; но адмиралъ не рѣшился отступить отъ повелѣній короля, и тѣсно-сомкнутыми рядами направилъ корабли къ Дюнкеркскому рейду.

3.

Англичане, наблюдавшіе за движеніями непріятеля изъ Плимутской гавани, немало удивились, когда увидали, что Испанцы удаляются въ глубину канала. Недолго раздумывая, англійскій адмиралъ погнался за ними на всѣхъ парусахъ, дабы безпокоить и, при случаѣ, истреблять испанскіе корабли. Суда его, гораздо меньшихъ размѣровъ, но легкія на ходу, окружали каждый непріятельскій корабль, который хоть нѣсколько отставалъ отъ прочихъ; съ быстротою, приводившей въ изумленіе даже опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ Испанцевъ, то подступали они близко къ Армадѣ, то опять удалялись отъ нея. Испанскій флотъ много потерялъ отъ этихъ преслѣдованій и съ трудомъ достигъ высоты Кала.

Изъ Кала, испанскій адмиралъ послалъ къ герцогу Пармскому гонца съ убѣдительною просьбою, какъ можно скорѣе выслать ему войска для высадки на англійскій берегъ. Но герцогъ самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Съ неимовѣрными усиліями ввезя суда свои въ нидерландскія гавани, онъ былъ окруженъ соединеннымъ голландскимъ и Zealandскимъ флотомъ и не могъ двинуться. Между тѣмъ, главному испанскому флоту, по причинѣ мелководья и песчаныхъ косъ, весьма опасныхъ для большихъ судовъ, невозможно было приблизиться ни къ англійскому, ни къ фламандскому берегу. Къ тому же, Испанцы должны были безпрестанно заботиться о собственной оборонѣ, — съ 30 іюля до 12 августа не проходило дня; чтобы не тревожили ихъ Англичане. Съ той поры, какъ удалились Испанцы отъ плимутскаго берега, происходила непрерывная пушечная пальба, — такъ что дрожали острова и берега до самой Франціи. Высокіе борты испанскихъ кораблей были причиною того, что пушечныя ядра ихъ пролетали почти всегда выше англійскихъ кораблей, тогда какъ каждый выстрѣлъ Англичанъ попадалъ въ цѣль.

Чтобы выйти изъ затрудненія, испанскій адмиралъ отправился къ Дюнкерку, и, какъ видно, рѣшился, — хоть бы даже пришлось дѣть

сраженіе, — прогнать непріятельскія суда, занимавшія гавань. Лишь только стала Армада въ виду непріятеля, какъ безвѣтріе остановило движеніе всѣхъ трехъ флотовъ. Оно продолжалось цѣлый день и дало время англійскому адмиралу обдумать готовящіяся событія. По краткомъ раздумьѣ, онъ прискалъ средство привести въ безпорядокъ непріятеля: приказалъ онъ наполнить горючими матеріалами восемь плохихъ и малыхъ судовъ, — и, какъ скоро подуетъ вѣтеръ, — ввести ихъ, съ помощію двухъ другихъ судовъ, въ самую средину испанскаго флота. Смѣлые мореходцы, управлявшіе этими судами, подожгли брандеры и послѣшно удалились подъ парусами. То было въ темную ночь; врагъ дѣлалъ еще страшнѣе видъ горящихъ судовъ. Испанцы думали, что они начинены порохомъ. Ужасъ объялъ ихъ. Каждая эскадра, каждый корабль думали только о своемъ спасеніи, и удалялись, не заботясь о прочихъ. Нѣкоторые суда успѣли поднять якорь, другіе по просту обрубили якорные конаты и уходили на всѣхъ парусахъ. Многимъ изъ нихъ темнота помѣшала разглядѣть надлежащее разстояніе, они сталивались и разбивались; другіе же корабли разсѣялись по морю, и тамъ ударились о подводныя скалы или же попадали въ средину непріятелей.

Роковая ночь миновала, и на послѣдовавшій за нею день, Испанцы увидали корабли свои разсѣянными во всѣ стороны, въ борьбѣ съ вѣтрами и волнами. Этой минутой смятенія воспользовался англійскій адмиралъ и, вѣстѣ съ Голландцами, напалъ на непріятеля. Началась битва, продолжавшаяся съ 6 часовъ утра и до 6 вечера. Нѣкоторые испанскіе корабли оправдали старинную воинскую славу свою, были съ великой храбростію, но всѣ выгоды рѣшительно остались на сторонѣ Англичанъ: суда ихъ были быстрѣе на ходу, моряки ихъ лучше знали море и берега. Испанцы теряли корабль за кораблемъ; сильный вѣтеръ не допускалъ вступать въ бой сомкнутыми рядами. Герцогъ Медина-Сидонія подалъ знакъ къ отступленію; но поднялся сильный южный вѣтеръ, сдѣлавшій невозможнымъ плаваніе по проливу Бале. Испанцы принуждены были, для возвращенія въ отечество, обогнуть Шотландію и лежащіе отъ нея на сѣверѣ острова.

Англичане преслѣдовали непріятеля сомкнутыми рядами, но когда буря сдѣлалась еще страшнѣе, англійскій адмиралъ, довольствуясь пожатыми лаврами, укрылъ суда свои въ безопасныхъ гаваняхъ. Между тѣмъ,

буря носила испанскіе корабли по открытому морю; многіе изъ нихъ, плывя слишкомъ близко другъ къ другу, сталкивались и тонули. Судамъ, прибывшымъ волною къ шотландскому берегу жители не позволили запастись свѣжей водою, поэтому, Испанцы принуждены были побросать за бортъ находившихся у нихъ муловъ. Нѣкоторые корабли, лишенные мачтъ, отнесло къ норвежскому берегу, гдѣ они потерпѣли крушеніе; многія тысячи людей погибли въ волнахъ. Наконецъ, другіе корабли отброшены были назадъ въ каналъ — и попали въ руки Англичанъ и Голландцевъ. Только жинкіе остатки *Непобѣдимой, Счастливой Армады* возвратились въ испанскія гавани. Но и тутъ враждебная судьба, распорившаяся Армадой съ самаго дня отплытія, не переставала ее преслѣдовать. Двѣ большія галеры, невредимо выдержавшія нападенія враговъ и ярость бурь, нечаянно загорѣлись въ самой гавани, гдѣ стали на якорь, и сдѣлались жертвою пламени.

Многія лица знатнѣйшаго дворянства и высокаго званія, участвовавшія въ этомъ походѣ, сдѣлались жертвами всеобщаго бѣдствія, частію на морѣ, частію по возвращеніи въ отечество: привыкшіе къ изобилію и удобствамъ, они не въ силахъ были вынести столько трудовъ и лишеній. Не было дома въ Испаніи, гдѣ не оплакивали бы брата, отца, сына, супруга или родственника. Число траурныхъ платьевъ при дворѣ сдѣлалось столь велико, что Филиппъ II, дабы избѣгнуть напоминанія о тяжкой потери, настрого приказалъ сократить время траура.

Воротясь изъ похода, Герцогъ Медина-Сидонія явился къ королю, и упалъ къ ногамъ его, — онъ, не безъ основанія, боялся за жизнь; но вопреки всѣхъ ожиданій, Филиппъ спокойно сказалъ ему: „Встаньте. Я посылаю васъ сражаться съ людьми, а не съ бурями и скалами.“

Кровопрлитіе въ Стокгольмѣ. Густавъ Ваза.

1.

Въ 1397 г., королева Маргарита договоромъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ Кальмарскаго, соединила три сѣверныя королевства: Датское, Шведское и Норвежское, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что:

каждое изъ нихъ удержать права свои и вольности. Но духъ великой государыни не осѣнялъ ея преемниковъ; напротивъ того, тиранническими своими поступками они воздвигли цѣлый рядъ кровавопрлитныхъ войнъ между Шведами и Датчанами, возбудили непримиримую ненависть между обоими народами. Въ началѣ же 16-го столѣтія, при королѣ Христіернѣ II, справедливо прозванномъ за жестокость свою, Сѣвернымъ Нерономъ, притѣсненія Шведомъ и ожесточеніе ихъ достигли крайнихъ предѣловъ. Силою оружія рѣшились Шведы освободиться отъ тирана. Избравъ предводителемъ самаго благороднаго изъ среды своей человѣка, Стена Стура, они начали войну противъ Дании. Начало войны было счастливо для Шведовъ, но несчастливъ былъ конецъ, и послѣ побѣды Стена Стура, исчезли надежды Шведовъ взять съ бою свою независимость. Они признали законнымъ королемъ Христіерна II; впрочемъ, онъ долженъ былъ, напередъ, клятвенно обѣщать имъ вычитать не нарушать правъ и вольностей, дарованныхъ Шведамъ великою Маргаритою по Кальмарскому договору.

Поздней осенью 1520 г., Христіернъ оставилъ столицу свою, Копенгагенъ, чтобы принять въ Стокгольмѣ корону Швеции. Супруга и большая часть двора сопровождали его; въ числѣ придворныхъ находились два самыхъ опасныхъ совѣтника короля, пользовавшиеся въѣздомъ его довѣріемъ. Первый изъ нихъ Дитрихъ Слаггевъ, въ то время духовникъ короля, впоследствии же архіепископъ Лундскій, достигъ изъ низшаго званія подмастерья цирюльника, верховнаго духовнаго сана въ Даниі; второй былъ Бальденаке, епископъ Оденсее. Оба они принимали большее участіе въ жестокостяхъ, запятнавшихъ царствование Христіерна II.

Жители Стокгольма ни сколько не подозрѣвали ожидавшаго ихъ бѣдствія; они думали о томъ, какъ бы почетнѣе принять новаго властителя, одареннаго дѣйствительно нѣкоторыми привлекательными качествами; имъ желалось устроить какъ можно торжественнѣе его коронацію. Первымъ дѣломъ короля, по пріѣздѣ въ Стокгольмъ, было — собрать знатнѣйшихъ шведскихъ государственныхъ совѣтниковъ и заставить ихъ подписать такъ-называемый избирательный актъ, по которому они признавали, что Христіернъ II призванъ на шведскій престолъ единодушнымъ избраніемъ всего народа. Два дня спустя, свалили войско гражданъ столицы; но король, не довѣря имъ, позаботился окружить, въ нѣко-

теромъ разстѣвши, мѣсто собранія своими солдатами. Епископъ Вальде-наке взошелъ на нарочно приготовленную каедру; въ длинной рѣчи, онъ старался доказать, что Христіанъ II, король датскій есть вѣстѣ съ тѣмъ и наследственный король шведскій; въ заключеніе же этой рѣчи, спросилъ собравшійся народъ: желаетъ ли онъ признать Христіана своимъ государемъ. Никто, конечно, не осмѣлился сказать слова въ возраженіе, — собѣство датскихъ солдатъ подавало всякую отвагу и сопротивленіе. Въѣзъ приняли присягу въ вѣрности; торжество кончилось тѣмъ, что датскій епископъ провозгласилъ Христіана королемъ шведскимъ.

2.

Наступилъ день коронаціи. Самое празднество это Христіанъ поначилъ преархіепископъ, явно оказаннымъ имъ новымъ своимъ подданнымъ. Въ процессіи коронаванія всѣ знаки владычества: наутъ Шведами: корону, скипертъ, державу и мечъ несли чуждые Шведамъ, враждебные Датчане; множество иностранцевъ произведено было въ рыцари, изъ Шведовъ же — ниско. Намѣренія Христіана явно клонились къ тому, чтобы новымъ своимъ королевствомъ, приобретеннымъ не столько силою оружія, сколько хитростію и кознями его государственныхъ людей, править такъ, какъ правятъ грозные, несправедливые тиранны. Первымъ шагомъ къ этой гнусной цѣли было истребленіе знатнѣйшихъ шведскихъ фамилій, значеніе и вліяніе которыхъ могли препятствовать намѣреніямъ короля. Въ кровавомъ совѣтѣ Сѣвернаго Перона рѣшена была гибель благороднѣйшихъ людей шведскаго королевства, — совѣщались только о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять для совершенія преступленія, о предлогѣ, которымъ надо прикрыть его въ глазахъ свѣта. Подлѣ долгихъ разсужденій, епископъ Слаггекъ, сдѣлавъ предложеніе, которое всѣ одобрили. Онъ посоветовалъ воспользоваться покровомъ религіи. „Бороль, говорилъ онъ, возвалъ съ еретеками, Шведами, сколько въ свою пользу, столько же и для пользы папы; какъ король, онъ можетъ сдержать слово и простить своимъ противникамъ, но, какъ исполнитель папской анаемы, онъ обязанъ потребовать ихъ къ отвѣту и покорать.“ Одинъ изъ вельможъ, наиболѣе одобравшихъ гнусное предложеніе, былъ датскій же

епископъ Тролле, непримиримый врагъ Шведовъ. Въ прежнее время, онъ домогался сдѣлаться правителемъ Швеціи, но Шведы рѣшительно отклонили его избраніе, а когда онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ, — не признали его въ этомъ санѣ. Съ той поры онъ поклялся жестоко отмстить Шведамъ, и теперь въ кровавомъ совѣтѣ, вызвался быть обвинителемъ.

Не кончились еще пиршества, данные въ честь коронаціи, какъ учреждено уже было судилище, кровавые приговоры котораго лишили Швецію благороднѣйшихъ ея сыновъ. На судилищѣ этомъ, вопреки законамъ страны, составленномъ изъ однихъ Датчанъ, презрѣнный Тролле, во всемъ блескѣ епископскаго своего сана, сопровождаемый знатнѣйшими священнослужителями, родными, друзьями и клевретами, явился съ гнуснымъ своимъ доносомъ. Самъ король находился въ засѣданіи и услаждался бѣдственнымъ положеніемъ прежнихъ враговъ своихъ. Со свойственнымъ ему лицемеріемъ, онъ отклонилъ отъ себя произнесеніе приговора, и передалъ рѣшеніе дѣла двумъ датскимъ прелатамъ, которые, по словамъ его, уполномочены на то папскою буллою. Тролле началъ обвиненіемъ противъ вдовы предводителя Шведовъ, Стѣна Стура; противъ государственнаго совѣта и всего стокигольмскаго магистрата: онъ жаловался на то, что они лишили его епископскаго сана и срыли замокъ Стѣне — достоиніе церкви. Вдова Стѣна Стура, благородная Христина, была первая вызвана къ суду для отвѣта за поступки покойнаго ея мужа, — это уже одно можетъ служить доказательствомъ, къ какимъ ничтожнымъ предлогамъ прибѣгалъ король и его клевреты для того, чтобы насытить свою жажду крови. При такомъ оборотѣ обстоятельствъ, заполучная Христина совершенно лишилась того мужества, какое столь блистательно доказала прежде, при оборонѣ Стокгольма противу Датчанъ. Она напомнила королю о договорѣ, о данной клятвѣ, наконецъ унизила въ изображеніи безпомощнаго своего положенія, до мольбы о пощадѣ. Но ничто не могло разбудить въ сердцѣ тиранта ни чувства чести, ни состраданія; онъ холодно отвѣтилъ, что не вмѣшивается въ дѣйствія суда и предоставляетъ все рѣшенію епископовъ. Вотъ приговоръ, произнесенный кровожаднымъ властолюбцемъ, несправедливостію и клятвеннопреступленіемъ: „Всѣ государственные чины, подвергнувшіе себя отлученію отъ церкви, за преступки свои противъ архіепископа Тролле,

подлежать смертной казни.“ По произнесении судебного решения, немедленно королевская гвардія вторгнулась въ залу и схватила несчастныхъ, назначенныхъ на жертву. Ихъ задержали плѣнниками во дворцѣ, а оттуда повлекли прямо на лобное мѣсто. Съ безпримѣрной быстротою были окончены приготовленія къ казни, для того, чтобы, кромѣ жителей столицы, никто не могъ во время узнать о страшной судьбѣ, постигшей благороднѣйшихъ гражданъ, и прибѣгнуть къ силѣ оружія для ихъ освобожденія. На всѣхъ площадяхъ столицы поставили висѣлицы; король-палачъ, съ кавалерами своими, такъ торопился исполненіемъ кроваваго приговора, что осужденныхъ отмазали даже въ послѣднемъ утѣшеніи — въ причастіи св. Таинъ.

3.

Наступило 8 ноября 1520 г., — роковой день, самый кровавый и ужасный въ лѣтописяхъ шведской исторіи. Лишь занялась заря, датскіе герольды объявили, при звукѣ трубъ, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не отлучался изъ города. Всѣ улицы и ворота были заняты отрядами датскихъ войскъ, на площадяхъ наведены пушки; гражданамъ, подъ страхомъ же смерти, приказано запереть дѣвери и не выходить изъ домовъ; но никто не послушался грознаго приказанія; народъ наполнялъ улицы, съ трепетомъ ожидая, что будетъ. Густыя народныя толпы окружали дворецъ, въ которомъ содержались жертвы самовластиа. Какъ описать общій ужасъ, когда растворились двери дворца, и изъ нихъ попарно вышли, оруженныя палачами и полицейскими солдатами, благороднѣйшіе представители страны, въ тѣхъ же самыхъ блестящихъ одеждахъ, въ которыхъ они, за два дня передъ тѣмъ, явились во дворецъ. Напрасно нѣсколько отважныхъ гражданъ сдѣлали-было попытку освободить ихъ, — попытка не удалась: датскія войска, наполнявшія густыми рядами всѣ улицы города, были бдительны — и дали рѣшительный отпоръ.

Ужасъ — наводнящее пѣствіе двигалось по направлению къ лобному мѣсту; тутъ было 95 человекъ, знаменитыхъ въ королевствѣ по рожденію, воспитанію, высокому званію, прозорливости, добродѣтели: высшіе государственные сановники, государственные совѣтники, два епископа, знатнѣйшіе изъ рыцарскаго сословія, бургомистры и весь столичный

снѣй магистратъ. Епископы шли въ скромномъ облаченіи, государственные же совѣтники и члены магистрата, въ одѣяніи, присвоенномъ ихъ должности, и съ прочими отличительными знаками ихъ сана. Съ спокойнымъ достоинствомъ шли они по ровному пути; но въ собравшемся народѣ раздавались вопли, громкія сожалѣнія, — и не могла ихъ сдержать ярость датскихъ солдатъ, безъ различія пола и возраста рубившихъ плачущихъ. Рядъ жертвъ открывалъ Матиасъ Лиліе, епископъ стрѣльбургскій, онъ шелъ на казнь, какъ-бы въ благодарность ему за то, что онъ первый покорился датскому тиранну. Нѣкоторые изъ осужденныхъ дѣлали усилія, чтобы говорить съ народомъ, чтобы побудить его къ отмщенію за проливаемую кровь, но громъ оружія Датчанъ, по повелѣнію короля, заглушилъ ихъ рѣчи. Въ числѣ совѣтниковъ свѣтскаго званія, головы которыхъ пали подъ сикирой палача, находился Эрихъ Іоаннсонъ, отецъ Густава Вааы. Послѣ государственныхъ совѣтниковъ и рыцарей обезглавили и 16 членовъ магистрата. Кровь съ страшнаго помоста лилась по площади и по сосѣдственнымъ улицамъ. Не умолкали вопли несчастнаго народа, не переставали рѣзать и датскіе солдаты, въ воздаяніе за со-страдательность. Другіе палачи, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вѣшали на воздвигнутыхъ кругомъ висѣлицахъ множество гражданъ, приверженцевъ осужденныхъ, и другихъ жителей Стокгольма, дурно расположенныхъ къ Датчанамъ. Доблестный защитникъ крѣпости Бальмара, рыцарь Мёнесъ Іёнсонъ былъ распятъ на крестѣ, а трупъ его размыванъ лошадьми. Пригвожденный къ кресту, рыцарь Іёнсонъ не переставалъ возбуждать Шведовъ къ отмщенію, и замолкъ тогда лишь, когда палачъ вырвалъ у него сердце изъ груди.

Тиранъ Христиернъ ходилъ по площади, наслаждаясь отвратительнымъ зрѣлищемъ, не обращая вниманія на то, что кровь омывала его ноги и пятнала платье—достойное украшеніе Сѣвернаго Народа! Подъ страхомъ смертной казни, онъ запретилъ дорожить или уносить тѣла умершвенныхъ; даже полусгнившій трупъ прежняго правителя Стура былъ вырытъ изъ могилы и выкинутъ на добное мѣсто. Двое сутокъ пролежали на площади трупы, на пицу собакамъ и птицамъ; но гнетворный запахъ отъ нихъ сталъ угрожать заразою столицѣ, — и, лишь тогда король издалъ повелѣніе вывезти ихъ изъ города и сжечь на крестѣ, на поленищѣ, смолою и дѣгтемъ.

Но многими знатными Шведами удалось и спрятаться от кровавых преслѣдованій. Для отысканія ихъ, Христіернъ приказалъ охлѣвать обыски по всѣмъ домамъ столицы. Вѣрные духу своего государя, палачи-солдаты производили страшныя жестокости и насилія; они грабили и расхищали имущества; многіе несчастные отцы семейства пали отъ ихъ ударовъ въ объятіяхъ женъ и дѣтей. И все-таки нѣкоторымъ изъ противниковъ тирана удалось спастись бѣгствомъ. Дабы побудить ихъ къ возвращенію, Христіернъ обнародовалъ прокламацію, что все прощено и забыто, что убійства прекращены. Нашлись безумцы, которые довѣрились государю, достаточно доказавшему какъ мало значать для него священнѣйшія обѣщанія, торжественнѣйшія клятвы. Люди только явились несчастливцы, — ихъ схватили и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, изрубили всѣхъ. Тѣхъ же, которые были пойманы на дорогахъ размышляли лошадьми, а потомъ вѣдывали на висѣлицы. Вдову Стура, обремененную оковами, родила, на рѣчномъ заточеніи, въ Данію; тѣло ея мужа изрубили на части, члены разослали по Швеціи, а остальныхъ сожгли. Но всѣ эти ужасы еще не утолили кровожадность тирана. Онъ самъ объѣхалъ страну, не съ тѣмъ, чтобы принимать присягу отъ подданныхъ, но для того, чтобы показывать себя страшилищемъ въ ихъ глазахъ. Во всѣхъ городахъ, куда ни прѣѣхалъ онъ, воздвигали висѣлицы и вѣшали людей нехотѣвшихъ слѣпо покориться волѣ тирана, или же свободой въ словахъ, либо въ поступкахъ, наводившихъ на себя его неудовольствіе. Съ смертельной ненавистію преслѣдовалъ Христіернъ семейство Риббингъ, принадлежавшее къ одному изъ благороднѣйшихъ графскихъ домовъ въ Швеціи и, чтобы стереть его съ лица земли, отыскивалъ всѣхъ мужескихъ потомковъ этого дома. Въ Ленкенингъ, онъ нашелъ двухъ мальчиковъ изъ этого рода и обрекъ ихъ мучительной смерти. Ихъ подымали на воздухъ за волосы на веревкахъ, и потомъ намазъ долженъ былъ отсѣчь имъ головы. Невинность мальчиковъ тронула даже палача, привычнаго къ убійствамъ, онъ отбросилъ мечъ и отказался отъ исполненія кровавой своей обязанности. Но тогдашъ другой, болѣе жестокій, злодѣй, занявъ его мѣсто, и вмѣстѣ съ головами дѣтей, по приказанію Христіерна, надалъ голову и соотрадательнаго палача.

Впрочемъ тиранъ не могъ долго ужиться въ Швеціи. Обремененный проклятіями народа, онъ вскорѣ возвратился въ Копенгагенъ, оставивъ

въ Швеціи намѣстниковъ, способныхъ въ его духъ терзеть несчастную страну и получившихъ даже на то приказанія.

4.

Между тѣмъ, Густавъ Ваза, избѣгая поисковъ убійцъ, скрывался въ Рафнесѣ.

Герой этотъ, потомокъ прежнихъ Шведскихъ королей, родился въ 1490 году. Отецъ его и славный Стуръ дали ему превосходное воспитаніе. Густавъ Ваза приобрѣлъ обширныя, по тогдашнему времени, познанія въ uppsalскомъ университетѣ; особенно же отличался онъ высокимъ краснорѣчіемъ, которое такъ пособляло ему въ послѣдующихъ его предпріятіяхъ. При началѣ войны съ Данією Густавъ Ваза сталъ въ ряды воиновъ, и блистательно проявилъ свою любовь къ родинѣ, свое мужество. Когда, на миролюбивомъ свиданіи съ прежнимъ правителемъ, Христіернъ II потребовалъ, въ обезпеченіе себя, заложниковъ, — Густавъ Ваза находился въ числѣ ихъ. Вѣроломный, какъ и всегда, радуясь, что изловилъ желанную добычу, клятвеннопреступный король ввергъ юношу въ тѣсное заключеніе въ датскомъ замкѣ Баллоэ. Но Густаву Вазѣ удалось обмануть бдительность стражи: нереодѣтый крестьяниномъ, онъ бѣжалъ изъ замка. Двое сутокъ пробирался онъ, съ великимъ трудомъ, по неизвѣстнымъ, непроходимымъ дорогамъ, и наконецъ увидалъ башни Фленсбурга. Тутъ повстрѣчалъ онъ нѣмецкихъ купцовъ, возвращавшихся на родину съ купленными въ Даніи быками. Послѣ многихъ просьбъ Густава Вазы, они дозволили ему принять погонщиковъ къ ихъ обозу; такъ прибылъ онъ въ Любекъ, въ сентябрѣ 1519 г. Городъ этотъ, принадлежавшій ганзейскому союзу, всегда возбуждалъ къ себѣ въ сосѣдяхъ своихъ, Датчанамъ, ненависть и зависть; поэтому Густавъ Ваза надѣялся найти въ немъ убѣжище отъ преслѣдованій смертельнаго своего врага. Онъ тотчасъ же явился въ собраніе магистрата и сталъ просить о помощи; но одновременно съ Густавомъ, прибылъ въ Любекъ поручившійся за него двоюродный братъ его, Баннеръ и потребовалъ выдачи Густава; немалымъ пособіемъ для Баннера служило и нисѣмо короля датскаго. Совѣтники не знали на что рѣшиться; мало-по-малу страхъ мести могущественнаго сосѣда начиналъ брать

верхъ и большинство собранія согласилось-было выдать юному его губителю; но тутъ бургомистръ Бремъ, человѣкъ рѣдкаго ума и характера, сталъ доказывать, что позорно будетъ для нѣмецкаго города отказать въ убѣжищѣ благородному, несправедливо-гонимому скитальцу, что напротивъ того, сенатъ города Любена долженъ позаботиться о безопасномъ возвращеніи Густава Ваза на родину и о пособіи ему, сверхъ того, деньгами и войсками. Не объявляя себя прямо-враждебными Даніи, жители Любена помогли Густаву тайно выбраться изъ ихъ города; онъ сѣлъ на купеческій корабль и, въ маѣ 1520 г., благополучно-прибылъ въ отечество. Кольмаръ второй городъ королевства, находился еще въ рукахъ Шведовъ. Густавъ пробрался въ Кольмаръ, назвалъ себя солдатомъ и сталъ ободрять ихъ къ твердой оборонѣ города. Но великодушная рѣчь его коснулася понапрасну слуха начальника города; онъ думалъ только о томъ, какъ бы по выгоднѣе для себя сдать городъ Датчанамъ; коснулася она по-напрасну же слуха и нѣмецкихъ наемныхъ солдатъ, составлявшихъ большую часть гарнизона: они видѣли въ Густавѣ безпомощнаго, бездомнаго скитальца. Когда же юноша продолжалъ убѣждать ихъ къ сопротивленію, солдаты враждебно опружили его и грозили умертвить или выдать датчанамъ, если онъ тотъ же часъ не оставитъ города и его окрестностей. Густавъ Ваза принужденъ былъ бѣжать вторично, и хорошо еще, что могъ ускользнуть отъ слѣдившихъ повсюду за нимъ враговъ. Наконецъ, добрался онъ до Рафнеса, въ Зюдерманландіи.

5.

Тамъ дошли до него слухи о злодѣйствахъ въ столицѣ, о злодѣйствахъ, такимъ страшнымъ образомъ лишившихъ его родителей, друзей и родныхъ. Виѣсть-съ тѣмъ, онъ узналъ, что Христіернъ уже извѣщенъ о пребываніи его въ Швеціи: вездѣ разъискивали его съ удвоеннымъ стараніемъ; голова его была оцѣнена въ большую сумму; людямъ, рѣшившимся укрыть бѣглеца, угрожала неминуемая смерть.

Густавъ Ваза принужденъ былъ еще разъ покинуть убѣжище и доверитъ жизнь свою всѣмъ случайностямъ скитальческаго странствія. Онъ вознамѣрился отыскать на сѣверѣ долины, обитаемыя честнымъ и храб-

рымъ племенемъ Далекарлійцевъ. Посреди этихъ отважныхъ людей, подвигами своими доказавшихъ, съ самыхъ древнихъ временъ, мужество и любовь къ родинѣ, Густавъ надѣялся найти не только защиту, но и вооруженную помощь. Въ сопровожденіи одного только слуги, онъ пустился въ это полное разнообразныхъ приключеній путешествіе, при самомъ началѣ котораго покинулъ его негодный служитель, коварно унесшій съ собою всю поклажу, доверенную ему господиномъ. Это вѣроломство лишило Густава Вазу всѣхъ денегъ, всѣхъ драгоценностей, что только могъ онъ спасти изъ имущества. И похалъ Густавъ уже одинъ въ дальнѣйшій путь; но лошадь его выбилась изъ силъ. Онъ вынулъ ее со всей на ней поклажею, для того, чтобы преслѣдователи могли подумать, будто онъ убитъ. Потомъ сбросилъ онъ съ себя платье, которое могло обличать настоящее его званіе, надѣлъ мушкетерскій кафтанъ, коротко остригъ волосы, надѣлъ на голову войлочную шапку, и сталъ бродить подъ видомъ поденщика, выпрашивая подъ разными земледѣльцевъ работы и дневнаго пропитанія. Нѣсколько дней скитался онъ по негостеприимнымъ горамъ и лѣсамъ, безъ денегъ безъ товарища, покинутый всеми, лишенный почти всякой надежды; наконецъ-таки достигъ онъ Фолуна, гдѣ и сталъ онъ добывать скудное пропитаніе работою въ мѣдныхъ рудникахъ. Но не привычный къ постоянному пребыванію подъ землею, онъ разстроилъ-было здоровье, и потому принужденъ былъ возвратиться на поверхность земли и тамъ поддерживать печальную жизнь трудами рукъ своихъ. Наконецъ, удалось ему наняться молотильщикомъ на одномъ господскомъ хуторѣ. Какъ ни старался онъ скрыть свое званіе отъ товарищей работниковъ, однако, они находили въ немъ многое, что не согласно было съ настоящимъ его положеніемъ — и не замедлили уведомить о томъ своего господина. Господинъ призвалъ къ себѣ Густава Вазу и тотчасъ узналъ его, потому что въ одно время жилъ съ нимъ въ Упсалѣ. Впрочемъ, Густавъ не могъ уговорить его вступить за угнетенную родину; трусъ этотъ не согласился даже пріютить у себя своего гостя — и Густавъ принужденъ былъ опять скрыться въ горы.

Послѣ многихъ трудовъ и опасностей, въ суровую зиму угрожавшихъ жизни его въ этихъ негостеприимныхъ странахъ, Густавъ достигъ другаго господскаго хутора, владѣлецъ котораго, Арендъ Петерсонъ, тотчасъ узналъ въ немъ прежняго товарища по оружію и пріималъ его съ

отверстыми объятиями. Но Петерсонъ былъ злодѣй; подъ личиною дружбы, онъ скрывалъ коварные замыслы, и, подстрекаемый корыстолюбиемъ, вознамѣрился выдать скитальца, чтобы получить обѣщанную за него награду. Онъ уѣхалъ изъ дому, подъ предлогомъ склонить сосѣдей къ предпріятію Густава, вмѣсто же того, — отправился къ ближайшему датскому начальнику и объявилъ ему обо всемъ. Тотчасъ отправили 20 датскихъ солдатъ, чтобы схватить бѣглеца, и Густавъ погибъ бы безвозвратно, еслибъ жена Петерсона, желавшая загладить преступленіе недостойнаго мужа, не поторопилась Густава къ скорому отъѣзду, да не дала ему саги и лошадей. Когда сыщики прибыли на хуторъ, Густавъ былъ уже далеко. И снова повелъ онъ скитальческую жизнь. Въ деревнѣ Скердсонъ нашелъ онъ другаго университетскаго знакомаго въ священникѣ, который цѣлую недѣлю скрывалъ его въ церкви отъ жаркихъ преслѣдователей, а потомъ отвелъ къ крестьянину; крестьянинъ же этотъ, рѣшимостью своею и умными распоряженіями, сдѣлался окончательно спасителемъ Густава.

6.

Звали этого крестьянина Бирсхольмъ Нильсономъ. Онъ владелъ небольшимъ имѣніемъ въ деревнѣ Изалѣ. Съ радостію предложилъ онъ употребить всѣ средства для спасенія Густава. Чтобы лучше обмануть преслѣдователей, онъ принималъ его къ себѣ въ работники и переодѣлъ въ простое крестьянское платье. Густавъ Ваза находился въ горницѣ добраго Нильсона, какъ однажды, вдругъ кто-то постучался въ ворота хутора и вѣсколко датскихъ всадниковъ отыскивавшихъ бѣглеца, потребовали, чтобы ихъ впустили. Они вошли въ самую горницу. Но жена Нильсона придумала средство отвлечь вниманіе Датчанъ отъ мнимаго работника; она добрымъ порядкомъ обругала Густава, сильно ударила его по опинѣ лопатою и выгнала изъ двери. Обманутые такимъ поступкомъ крестьянинъ, сыщики удалились. Обстоятельства это давало понять, какъ не безопасно для Густава дальнѣйшее пребываніе въ Изалѣ; Нильсонъ рѣшился вывести его въ деревню Стеттвицъ, гдѣ можно было надеяться, что мужественные и тестоприимные Далекерліицы укроютъ его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Путешествіе это было опасно не

менѣ прочихъ, отъ которыхъ такъ счастливо отдѣлился Густавъ Ваза. Датчане заняли сычниками всѣ ущелья и всѣ мосты, отряды ихъ разъѣзжали по дорогамъ, останавливали и осматривали путниковъ. Нильсонъ спряталъ Густава въ возу, навитомъ соломой. Но возъ остановили, когда Нильсонъ доѣхалъ до одного моста. Датскіе солдаты начали шупать возъ коцьями и глубоко поразили Густава въ ланку. Однако, сильная боль не вырвала у него ни одного стона; возъ, наконецъ, пропустили; Нильсонъ спѣшилъ достигнуть горнаго хребта. Тогда чуть-было не выдала Густава кровь изъ его раны, капавшая изъ воза на снѣгъ: непріятельскіе всадники пустились уже по кровавому слѣду въ погоню, — и только присутствіе духа добраго крестьянина довершило дѣло спасенія: Нильсонъ на-скоро разрѣзалъ ногу у своей лошади и увѣрилъ Датчанъ, что кровавый слѣдъ происходитъ отъ того, что лошадь его ногу засѣкла.

7.

Густаву Вазѣ удалось-таки добраться до Стеттвика. Тамъ перевязали ему рану, по счастью, не опасную, и онъ посѣтилъ въ церковь, гдѣ собрались всѣ жители. На сказанномъ потокомъ древнихъ шведскихъ королей, онъ, однако, представилъ крестьянамъ жестокости тирана, показалъ, что ихъ самихъ можетъ постигнуть та же участь, какая загубила благороднѣйшихъ людей страны, и убѣждалъ освободиться отъ ига притѣснителей. Герой не ошибся въ довѣріи своемъ къ честнымъ обитателямъ долинъ. Со всѣхъ сторонъ раздались одобрительныя клики; а въ Мора, самой большой и населенной долинѣ Далекарліи, Густавъ нашелъ еще болѣе дѣятельную помощь. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя во главѣ 3000 отважныхъ ратниковъ. Съ ними напалъ онъ на Датчанъ и нѣсколько разъ наносилъ имъ немалые ураны. Отовсюду стекались къ нему воины, для отищенія притѣснителямъ за новоръ отечества; ежедневно усиливалось это ополченіе, и, поразившись численности съ Датчанами, но въ предводительствѣ героическаго вождя, одержало нѣсколько разъ рѣшительныя побѣды надъ врагами. Христіанъ II отказался навсегда отъ надежды покорить Шведовъ. Густавъ Ваза, спаситель родины, во вождѣ всего шведскаго народа, вступилъ на престолъ.

Швеции. Вскорѣ потомъ онъ ввелъ въ свое королевство исправленное Лютеромъ христіанское ученіе и сдѣлался родоначальникомъ цѣлой династии даровитыхъ и счастливыхъ влѣстителей, возвысившихъ Швецію на степень могущества и славы, какой еще никогда не занимала она прежде въ средѣ европейскихъ державъ.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ. ГЕНРИХЪ IV.

1.

Между тѣмъ, какъ Испанія приходила въ упадокъ отъ деспотизма Филиппа II, Францію потрясали религіозныя войны. И въ этой странѣ реформанія пустила корни; Кальвинъ распространилъ въ ней преобразованное вѣроученіе. Сначала протестанты, изъ страха католиковъ, собирались по ночамъ; такъ бывало особенно въ *Турени*. И ходило въ народѣ повѣрье, будто король Гуго является по ночамъ въ тамошнихъ окрестностяхъ, отъ этого послѣдователей новаго вѣроученія прозвали, въ насмѣшку, Гугенотами, т. е. ночными привидѣніями.

Гугеноты, межъ тѣмъ, все размножались. Два потомка королевскаго дома Бурбоновъ, король Наварры (крошечнаго государства, лежавшаго близъ границъ Испаніи), *Антуанъ*, и братъ его, Герцогъ *Лудовикъ Конде*, явно присоединились къ реформатской церкви. Другая же герцогская фамилія, *Гизы*, изъ лотарингскаго дома, всѣми силами преслѣдовала Гугенотовъ. А на бѣду, въ то самое время, завладѣла правленіемъ женщина, которая, вмѣсто того, чтобы примирять партіи, разжигала вражду при дворѣ и въ государствахъ и этимъ самымъ возбудила страшную междоусобную войну. Эта женщина была итальянка, *Катерина Медичи*, вдова французскаго короля Генриха II, убитаго на турнирѣ. Трое сыновей Генриха, Францискъ II, Карлъ IX и Генрихъ III, одинъ за другимъ, вступали на престолъ;—ни одинъ изъ нихъ не былъ долговѣченъ. Эти государи всего больше занимались устройствомъ праздниковъ да роскошныхъ пиршествъ при дворѣ, къ дѣламъ же правленія были совсѣмъ равнодушны; оттого ихъ коварная мать имѣла удобный случай придать значеніе своей волѣ. Въ сообществѣ съ Гизами, Катерина Медичи, уже

при короткомъ правленіи Франциска II, (супруга Маріи Стюартъ), преслѣдовала Гугенотовъ: королевскимъ эдиктомъ было воспрещено имъ, подѣ страхомъ смерти, отправлять богослуженіе по ихъ вѣрѣ. Хотя не было уже во Франціи инквизиціи, но и безъ ней происходили многочисленные казни; простолюдины и знатные умирали на плахѣ или на кострѣ, — а межъ тѣмъ, при дворѣ, удовольствіе смѣнялось удовольствіемъ. На собраніяхъ государственныхъ чиновъ не принимали жалобъ отъ Гугенотовъ. По вступленіи на престолъ Карла IX, наслѣдовавшаго Франциску II, Гугеноты, подѣ предводительствомъ принца *Конде* и адмирала *Колigny*, взяли за оружіе. Нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала междоусобная война; вліятельные вожди обѣихъ партій пали въ битвахъ или подѣ ударами убійцъ. Но когда молодой король *Генрихъ наваррскій* и принцъ *Конде* стали во главѣ своихъ единовѣрцевъ — эти послѣдніе снова ободрились.

Генрихъ, съ юныхъ лѣтъ былъ воспитанъ въ реформатскомъ исповѣданіи; образованіемъ его занималась сама мать, женщина превосходная. Онъ былъ живаго и пылкаго нрава; ловокъ и привычивъ ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ; въ сердцѣ своемъ онъ всегда носилъ страхъ къ Богу и любовь къ человѣчеству. „Лучше умереть со славою, чѣмъ одержать неправильную побѣду; хотя государи и управляютъ, съ великою властью, народами и странами, однако же, Богъ имѣетъ верховную власть и надъ всѣми ими,“ — таковы были изреченія, удержанныя имъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, въ своей памяти.

2.

Убѣдившись, что силой ничего не сдѣлаешь съ Гугенотами, Катерина Медичи рѣшилась употребить хитрость. Чтобы предупредить намѣреніе Генриха наваррскаго — вступить въ брачный союзъ, претивный ея выгодамъ, она предложила ему руку своей дочери, Маргариты Валуа. Притворное расположеніе Катерины казалось столь искреннимъ, что даже проникательная Іоанна, мать Генриха, повѣрила ей и отправилась въ Парижъ, куда приглашали ее съ необыкновенной любезностью. Но во время же приготовленій къ свадьбѣ, Іоанна внезапно умерла, полагаютъ,

отъ напѣтенныхъ ядомъ перчатокъ; въ искусствѣ отравленія Катерина Медичи была весьма опытна.

Адмиралъ Колинъи; приглашенный ко двору, тоже былъ обворожень разными ласками и обѣщаніями, и не замѣтилъ сѣтей, въ которыхъ его опутали. Наемный убійца слѣдилъ за адмираломъ изъ дома, мимо котораго, ежедневно, проходилъ онъ, возвращаясь изъ Лувра (королевскаго дворца). Разъ, онъ вѣрно направилъ ударъ: пуля пронизала правую руку старика и оторвала ему указательный палецъ. Испуганный, но не потерявшійся, Колинъи оглянулся и указалъ сопровождавшимъ его на опущенную гардину, изъ-за которой послѣдовалъ выстрѣлъ. Но убійца былъ остороженъ: онъ заранѣе заперъ дверь дома и, такимъ образомъ, имѣлъ время скрыться чрезъ потаенную дверь.

Случай этотъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Принцъ Конде и Генрихъ наваррскій, встревоженные, поспѣшили къ королю. Король клялся, что онъ пораженъ происшествіемъ больше даже, чѣмъ они. Онъ клялся въ томъ же и адмиралу Колинъи, котораго тотчасъ посѣтилъ. Колинъи снова поддался обману и не слушалъ предостереженій друзей, совѣтовавшихъ ему бѣжать изъ Парижа. Королева-мать тѣмъ болѣе спѣшила теперь исполнить свой давно-задуманный планъ. Такъ какъ адмиралъ самъ просилъ дать ему тѣлохранителей,—то и приказала она гвардейскому полку занять квартиры вокругъ дома Колинъи. Приказано было тоже сосѣдственнымъ католикамъ принять къ себѣ въ дома Гугенотовъ.

На совѣтъ королевы съ приближенными всѣ приговорили въ одну ночь избить вождей протестантской партіи, а съ ними вмѣстѣ, сколь возможно болѣе простыхъ Гугенотовъ. Король пришелъ-было въ ужасъ, но его умѣли уговорить. На маршала *Таванна* было возложено порученіе извѣстить обо всемъ горожанъ-католиковъ и молодаго герцога *Гиза* да позаботиться объ умерщвленіи Колинъи. Герцогъ хотѣлъ-было внести въ списокъ жертвъ имена короля наваррскаго и принца Конде, но все-таки побоялись пролить королевскую кровь.

Таваннъ созвалъ представителей буржуазіи и приказалъ, отъ имени короля, собраться ихъ дружинамъ въ полночь, передъ ратушей. Когда объявили имъ о цѣли этого распоряженія,—страшно перепуганные, они сначала отговаривались, что сдѣлать это не дозволяетъ имъ совѣсть; но Таваннъ такъ прикрикнулъ на нихъ, такъ пригрозилъ, что, изъ стра-

ха, они обѣщали даже больше, чѣмъ отъ нихъ требовали. Кромѣ того, было наказано имъ, въ 9 часовъ вечера, по данному луврскимъ колоколомъ знаку, разставить по всѣмъ окнамъ факелы, размѣстить стражу на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ, протянуть черезъ улицы цѣпи. Для отличія отъ реформатовъ, католики, должны были имѣть на рукахъ бѣлые платки и бѣлые кресты на шляпахъ.

3.

Приготовленія къ ужасному нападенію врасплохъ было сдѣлано съ такой тайной, что реформаты ничего не знали о немъ. Одинъ изъ вождей Гугенотовъ, Ла-Рошфуко, былъ въ этотъ вечеръ у короля, который любилъ его, какъ веселаго собесѣдника. Король, очень желалъ спасти его, а все не рѣшился предупредить объ опасности: онъ только сталъ было удерживать его у себя; но Ла-Рошфуко отговаривался важными дѣлами и не хотѣлъ остаться—и король предоставилъ его судьбѣ.

Какъ скоро смерелось,—Карлъ IX, съ замираніемъ сердца, дожидался назначеннаго часа. Мать, не оставлявшая его ни на минуту, ободряла его рѣчами своими. Однако, стоило большаго труда исторгнуть у него приказаніе звонить въ колоколъ Лувра. Съ волненіемъ преступника, вышелъ онъ изъ своего кабинета въ переднюю Лувра и, трепеща, сталъ глядѣть въ окно. Съ нимъ были мать его и братъ, Генрихъ д'Анжу. Говорятъ, всѣ они, въ страхѣ, хотѣли-было воротить безбожное приказаніе, но уже было поздно. Рѣзня началась. Молодой герцогъ Гизъ и графъ д'Ангулемъ, съ 300 панцырниковъ, окружили домъ адмирала, приказали, отъ имени короля, отпереть ворота и послали наверхъ нѣсколькихъ отчаянныхъ злодѣевъ. Съ криками: „Убіиство и смерть!“ бросились они вверхъ по лѣстницѣ и, съ обнаженными шпагами, ворвались въ спальню больного Колинъи. Услыхавъ шумъ, Колинъи всталъ; онъ стоялъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, когда убійцы вломились къ нему. Одинъ изъ нихъ, лотарингецъ Бѣмъ, громко спросилъ его: „Ты-ли Колинъи?“—„Да, я Колинъи,“ спокойно отвѣчалъ онъ: „молодой человѣкъ, имѣй уваженіе къ моимъ сѣдинамъ.“ Но Бѣмъ поразилъ адмирала шпагою, вытащилъ его, еще дышащаго, вонъ изъ спальни, и до тѣхъ поръ рубилъ несчастному лицо, шею и грудь, пока не исчезъ въ немъ и малѣйшій признакъ жив-

ни. Тогда Бѣмъ закричалъ изъ окна: „Кончено!“ Но Гизъ, стоя внизу, отвѣчалъ ему: „Графъ д'Ангюлемъ не хочетъ вѣрить, пока не увидитъ тѣло Колинъ у ногъ своихъ!“ И убійцы выбросили изъ окна тѣло адмирала. Ангюлемъ, отеръ кровь съ лица Колинъ и, увѣрившись, что это, точно, онъ, ударилъ его ногою.

Страшные крики, поднявшіеся тотчасъ послѣ колокольнаго звона, разбудили реформатовъ. Полусонные, едва одѣтые, бросались они къ окнамъ и къ дверямъ. Тѣ, которые поспѣшили къ жилищу Колинъ, были заколоны панцырниками Гизовъ, солдатами королевской гвардіи. Подоспѣли, съ бѣлыми платками на рукахъ, патрули горожанъ: они нападали на бѣгущихъ, врывались въ дома, рубили всѣхъ, попадавшихся подъ руку. Хозяева закалывали своихъ жильцовъ, слуги—господъ своихъ, реформатовъ. Межъ тѣмъ, какъ одни изъ жителей Парижа, пылая мщеніемъ, рыскали по улицамъ, или же со стенами, гибли отъ ударовъ убійцъ, другіе—прятались въ потаенныя комнаты, на чердаки, въ погреба и, едва смѣя дышать, оставались тамъ, до тѣхъ поръ, пока необходимость или любопытство не вызывали ихъ наружу, гдѣ и умерщвляли ихъ наравнѣ съ другими. Барль, столь нерѣшительный передъ началомъ рѣзни, во время ея, пришелъ какъ бы въ бѣшенство. Онъ самъ нѣсколько разъ кричалъ въ окно: „tue! tue!“ (бей! бей) и даже стрѣлялъ изъ ружья по Гугенотамъ, пытавшимся переправиться черезъ рѣку. Гизъ громко кричалъ, по всѣмъ улицамъ, что на то воля короля,—чтобы избить порожденіе эхиднино. Таваннъ, которому кровожадность его придава остроуміа, поминутно восклицалъ: „Пускайте кровь! Пускайте кровь! Доктора говорить, что кровопусканіе также полезно въ августѣ, какъ и въ маѣ!“ Все это такъ подстрекало гражданъ-католиковъ, что они совершили чудеса безчеловѣчія. Золотыхъ дѣлъ мастеръ, Брюсе похвалялся, что онъ одинъ, собственноручно, истребилъ до 400 еретиковъ. Много тутъ дѣйствовали алчность и мщеніе: такъ должники умерщвляли своихъ кредиторовъ, уже не разбирая были ли они католики или протестанты. Точно также погибъ тогда извѣстный философъ Петръ Рамусъ за нападки свои на Аристотеля: его умертвили профессоры, приверженцы Аристотеля.

Заря занялась надъ этими ужасами и освѣтила слѣды страшной бойни. Улицы и дома были залиты кровью; вездѣ валялись обезображенные

трупы и люди при послѣднемъ издыханіи. Большую часть изъ послѣднихъ стащили желѣзными вѣшными въ Сену; убитыхъ было до 3,000.

То была та самая, достопамятная, *Вареоложеевская Ночь*, съ 23 на 24 августа 1572 года, которую, въ злую шутку, за то, что она послѣдовала вскорѣ за бракомъ Генриха наваррскаго, называли *парижскою кровавою свадьбой*.

Филиппъ II, король испанскій, возликовалъ и, на радостяхъ, задавалъ пиры за пирами; папа Григорій XIII, торжественно отслужилъ благодарственную обѣдню, приказалъ палить изъ пушекъ, устроить иллюминацію и, въ память „парижской кровавой свадьбы“, велѣлъ выбить особую монету. Только Англичане да Германцы живо выразили справедливое негодованіе на это кровавое дѣло. „Еслибъ было угодно Богу,“ писалъ блгородный императоръ Максимилианъ II, „чтобы зять мой попросилъ у меня совѣта, то конечно, какъ любящій отецъ, я посоветовалъ бы ему не дѣлать ничего подобнаго.“

4.

Столичные сцены повторились и въ провинціяхъ: въ Лионѣ погибло 1300 человекъ, а въ цѣлой Франціи—около 30000. Генрихъ и Конде были призваны къ королю и онъ крикнулъ на нихъ: „Обѣдня, смерть или бастилія!“ Генрихъ спасся только тѣмъ, что пошелъ къ обѣднѣ и, для виду, принялъ католическую вѣру. Вскорѣ, затѣмъ, Карлъ IX скончался, терзаемый угрызеніями совѣсти, и отъ страшной болѣзни, какъ говорятъ, отъ кроваваго пота. Ему наслѣдовалъ Генрихъ III, въ промежутокъ этого времени, бывшій, только четыре мѣсяца, королемъ польскимъ. Легкомысленный, гнусный сластолюбецъ, онъ окружалъ себя самыми развратными людьми, которыхъ называлъ *мицфонами* (mignons—любимчики) и, по цѣлымъ днямъ, забавлялся съ собаками и попугаями.

Межъ тѣмъ какъ Генрихъ III убивалъ легкомысленно время, герцогъ *Генрихъ Гизъ* учредилъ *Священную Лигу*, союзъ фанатическихъ католиковъ; поставившихъ себѣ цѣлью — истребить всѣхъ Гугенотовъ и возвести на престолъ Франціи лотарингскій домъ Гизовъ. Для цѣли этой, Генрихъ Гизъ вступилъ въ союзъ съ испанскимъ королемъ *Филиппомъ II*, лишивъ королеву-мать ея вліянія на правленіе, даже на-

чалъ возмущать Парижанъ противъ короля. Генрихъ III тоже старался возбудить ихъ противъ Гиза и, наконецъ, приказалъ умертвить его. Тогда произошло всеобщее возстаніе католиковъ и Генрихъ III принужденъ былъ прибѣгнуть за помощью къ королю наваррскому, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, взять столицу. Но вскорѣ онъ былъ умерщвленъ въ замкѣ Сен'-Клу доминиканскимъ монахомъ, и *Генрихъ IV, король Наварры, первый изъ Бурбоновъ, вступилъ на французскій престолъ.*

Генриху IV приходилось завоевывать себѣ престолъ, ибо вся Лига, подъ предводительствомъ герцога *Майенна*, брата умерщвленного Генриха Гиза, стояла враждебно противъ него. Майеннъ былъ умный и храбрый, но преданный роскоши человекъ. Папа справедливо замѣтилъ: „Беарнецъ одолѣетъ: едва ли онъ употребляетъ на сонъ столько часовъ, сколько Майеннъ—на ѣду.“ И точно, Генрихъ былъ весьма дѣятеленъ; онъ вставалъ въ 4 часа утра, во все самъ вникалъ, рѣшалъ дѣла быстро и вѣрно,—въ битвѣ же сами враги сравнивали его съ орломъ. Сопедашивъ на равнинѣ *Иеру* съ войскомъ Майенна, рано поутру, выстроивъ свои полки, онъ сталъ на колѣна и молилъ Бога даровать ему смерть вмѣсто побѣды, если Богъ видитъ, что онъ будетъ дурнымъ государемъ. Всѣ солдаты плакали и восклицали: „Да здравствуетъ король Генрихъ IV!“ Нѣсколько разъ проѣхалъ онъ по рядамъ и обратился къ солдатамъ съ съ превосходною рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: „Еслибы пришлось вамъ лишиться знаменъ,—взгляните на мой бѣлый плюмажъ; вы всегда найдете его на пути къ чести и побѣдѣ!“ Онъ одержалъ славную побѣду, 14 марта 1590 г., славную еще болѣе по той умѣренности, какую оказалъ онъ при этомъ. Солдатамъ, преслѣдовавшимъ бѣгущихъ, онъ кричалъ: „Щадите Французовъ, бейте только иностранцевъ!“ Поэтому, почти всѣ Испанцы остались на мѣстѣ сраженія. Искренней привѣтливостію онъ привязалъ къ себѣ пѣнныхъ; Майенну же предложилъ миръ. Но Парижъ заперъ передъ нимъ ворота. Онъ могъ бы голодомъ принудить городъ къ сдачѣ, но, надѣясь побѣдить его великодушіемъ, смотрѣлъ онъ сквозь пальцы на то, какъ его возководцы и солдаты подвозили жизненные припасы Парижанамъ, за которые, конечно, получали большую плату. Наконецъ, онъ снялъ осаду, потому что не хотѣлъ начинать приступа. Онъ видѣлъ все яснѣй и яснѣе, что не можетъ по желанію своему приобрести любовь подданныхъ: и даро-

вать миръ государству: внявъ просьбамъ, не только католиковъ, но и многихъ реформатовъ, онъ рѣшился; въ 1593 году, принять католическую вѣру и тогда выпустили его въ Парижъ. Ему попались въ руки многіе изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ его, но онъ всѣхъ простилъ великодушно. „Я хочу все забыть!“ говорилъ онъ. „Побѣда дарована мнѣ Богомъ; Онъ прощаетъ насъ даже и тогда, когда мы не заслуживаемъ прощенія,—какъ же мнѣ не простить своихъ подданныхъ?“

У одного изъ храбрѣйшихъ его генераловъ, надѣлавшаго много долговъ, заимодавцы, при вѣздѣ его въ Парижъ, отняли серебрянную посуду. Генералъ пожаловался королю и просилъ его приказать—возвратить вещи. „Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—долги надо платить, я плачу же свои.—Онъ отвелъ въ сторону и отдалъ ему нѣсколько драгоценныхъ камней своихъ, для помѣщенія ихъ подъ закладъ, до тѣхъ поръ пока можно будетъ ихъ выкупить; у самого короля не было денегъ.—Когда менанскій гарнизонъ, особенно сильно защищавшій Парижъ противъ Генриха, выступалъ воссояси, король сказалъ имъ: Господа! повлонитесь вашему королю; желаю вамъ счастливаго пути и прошу васъ никогда не возвращаться ко мнѣ.

5.

Удалось наконецъ Генриху успокоить католическую Францію; но онъ не забылъ и своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, которые, съ переходомъ его въ католическую вѣру, пришли-было въ немалое затрудненіе. Въ 1598 году, Генрихъ издалъ въ *Намтъ*, *эдиктъ*, по которому реформаты во Франціи приобрѣли право свободно отправлять богослуженіе, могли заводить школы, занимать государственныя должности, а для большаго обезпеченія своей безопасности, получили нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ. Событіями, католики, долго противились изданію этого эдикта; но добродѣшніе Генриха заставило ихъ согласиться.

Генрихъ всячески старался развить благосостояніе въ своемъ государствѣ. Онъ: распустилъ лишніе солдаты и понуждалъ отставныхъ обр-ботывать невоздѣланные поля; очистилъ большія дороги отъ разбойниковъ, которые, во время междоусобій, чрезвычайно размножились; простылъ большія недолжны земледѣльцамъ, обѣдѣвающимъ во время вой-

ны. До сихъ поръ еще французскіе крестьяне любятъ вспоминать слова Генриха IV: „Я желалъ бы, чтобы каждый изъ моихъ крестьянъ, по воскресеньямъ, могъ сварить себѣ курицу.“

Генрихъ одѣвался просто; онъ, обыкновенно, носилъ сѣрый сюртукъ, безъ всякихъ знаковъ отличій, и насмѣхался надъ людьми, носившими на плечахъ своихъ мельницы и нося. Онъ даже запретилъ украшать одежду серебромъ и золотомъ и, чтобы удержать въ государствѣ деньги, уходившія въ чужіе края на покупку шелковыхъ матерій, приказалъ разводить шелковичныя деревья, выкармливать шелковичныхъ червей и самъ пустилъ въ ходъ нѣсколько шелковыхъ фабрикъ. Всячески старался онъ оживить торговлю: сдѣлалъ судоходными рѣки, выравнилъ дороги, понизилъ пошлыны. Въ вѣрномъ товарищѣ своемъ по оружію, Максимилианѣ Бетюжѣ; (въ послѣдствіи Генрихъ наименовалъ его герцогомъ *Сюлли*), онъ нашелъ для себя и превосходнаго министра и неизмѣннаго друга. Генрихъ былъ достоинъ имѣть такого друга. Каждый словомъ и взглядомъ Сюлли доказывалъ королю, что преданъ ему всей душою, но никогда не унижалъ онъ себя до ласкательствъ, — напротивъ, говорилъ и дѣйствовалъ съ откровенностью благороднаго человека. Иногда Генрихъ обижался, даже сердился, когда Сюлли не одобрялъ его поступковъ: но тѣмъ въ этотъ постоянно кончался тѣмъ, что довѣріе и дружба короля возрастали къ нему. Когда король, исполняя желаніе прекрасной, но властолюбивой Генриетты д'Антрагъ, хотѣлъ дать ей письменное обѣщаніе жениться и показавъ это обѣщаніе Сюлли, — послѣдній разорвалъ его: „Съ ума, чтоли, ты сошелъ?“ крикнулъ на него король. „Дай Богъ, чтобы я одинъ былъ сумасшедшимъ во Франціи!“ отвѣчалъ Сюлли. Однажды, Сюлли съ такой настойчиностью представлялъ ему о несправедливости какого то его поступка, что разсерженный Генрихъ всталъ и сказалъ, уходя: „Какой неспроный человекъ! для него нѣтъ ничего пріятнаго; какъ противорѣчить мнѣ и возставать противъ всѣхъ моихъ желаній. Ялянусь, я заставлю его слушаться меня и двѣ недѣли не буду съ нимъ видѣться!“ На другой день, въ 7 часовъ утра, Сюлли, уже работавшій съ 3 часовъ для короля, услышалъ стукъ у своей двери. „Бто тамъ?“ спросилъ онъ. — Король!“ и Генрихъ вошелъ къ нему, обнявъ его въ молвицѣ: „Если вы не станете болѣе противорѣчить мнѣ, — я подумаю, что вы уже разлюбили меня.“

Разъ, Генрихъ пригласилъ къ себѣ испанскаго посла. Въ то время, какъ вошелъ онъ къ нему, король былъ очень занятъ: посадивъ на себя верхомъ маленькаго сына, онъ бѣгалъ съ нимъ, на четверенькахъ, по комнатахъ. Увидавъ посла, король остановился на минуту и спросилъ его „Есть ли у васъ дѣти? „Есть, ваше величество!“—отвѣчалъ испанецъ. „Итакъ, позвольте мнѣ оканчить мой галопъ!“—Такъ сохраняя въ себѣ король Генрихъ чисто-человѣческое свойство, не забывая, притомъ, царственныхъ своихъ обязанностей.

6.

Многіе изъ подданныхъ не отвѣчали на любовь къ нимъ короля; они не переставали подозрѣвать, что онъ—не истинный католикъ: покровительство, дарованное еретикамъ нантенимъ эдиктомъ, сильно смущало ихъ. Духовенство, особенно Іезуиты, разжигали злобу противъ добраго короля. Въ 1594 г., одинъ соблазненный католикъ покушался убить короля, въ его дворцѣ, но ударъ проскользнулъ мимо, поранивъ только губу. Было открыто еще нѣсколько заговоровъ на его жизнь. Прежде веселый король сдѣлался, оттого, печаленъ и часто тревожили его мрачныя предчувствія. Королева, *Марія Медичи*, сестра великаго герцога тосканскаго принадлежавшая къ испанской партіи, ненавидѣла своего мужа. Во время приготовленій Генриха къ войнѣ съ австрійско-испанскимъ домомъ, королева упростила его торжественно короновать ее, для того, чтобы, въ его отсутствіе, могла она, съ большою силою, править государствомъ.—„Какъ не нравится мнѣ это коронованіе, говорилъ, разъ Генрихъ вѣрному Сюлли,—сердце предвѣщаетъ мнѣ несчастье; я умру въ Парижѣ.“

13 мая произошла коронація, въ Сен-Дени; 14-го мая, послѣ обѣда, Генрихъ, съ семьєю придворными, отправился въ арсеналъ навѣстить больнаго Сюлли. Барета, отертая съ обѣихъ сторонъ, вышла въ одну изъ узкихъ улицъ, гдѣ встрѣтилось ей нѣсколько воровъ, — пройти нельзя было, пришлось остановиться. Слуги смали съ запятокъ, чтобы очистить улицу или найти другую дорогу, поближе. Придворные, сидѣвшіе на переднемъ мѣстѣ въ каретѣ, обернулись и глядѣли на лошадей; между тѣмъ, король разговаривалъ съ своими сосѣдомъ и что-то ему

сказалъ на ухо. Этой минутой воспользовался иъито *Равальякъ*, уже давно слѣдившій за королевской каретой; онъ всталъ на заднее колесо, нагнулся внутрь кареты и нанесъ королю два удара кинжаломъ, одинъ за другимъ, съ такою быстротою, что ни одинъ изъ сидѣвшихъ въ каретѣ придворныхъ и не замѣтилъ, что преступленіе уже совершено. На крикъ короля: „Боже мой! я раненъ!“ всѣ оглянулись, но король былъ уже мертвъ: кинжалъ угодилъ ему въ самое сердце. (1610, 14 мая).

Убийца спокойно стоялъ возлѣ кареты. Показались нѣсколько вооруженныхъ людей, которые кричали, чтобы умертвили убійцу, но они тотчасъ же исчезли, какъ скоро схватили его. Города и селенія, вся Франція, были глубоко опечалены смертію Генриха, — къ немалому удивленію Равальяка, воображавшаго, что онъ убилъ тирана, лицемеръ и врага папы. Сообщниковъ, Равальякъ не выдалъ, но сказалъ, что всѣ были бы поражены какъ громомъ, если бы онъ назвалъ ихъ. Іезуитъ-Боттэнъ, духовникъ Генриха, навѣщалъ Равальяка въ тюрьмѣ и убѣждалъ его не выдавать честныхъ людей. Базнь Равальяку была ужасна: его рвали раскладеными щипцами, а въ раны вливали кипящее масло; четыре мало-сильныхъ лошади, цѣлый часъ, не могли растащить его на части. Королева не очень была поражена смертію мужа, — она заботилась только объ упроченіи за собою регентства. При дворѣ такъ скоро забыли Генриха, какъ бы никогда и не существовало его; но въ милліонахъ подданныхъ сохранилась теплая память о добромъ королѣ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. Начало войны.

Не смотря на сожженіе Гуса, въ Богеміи осталось много приверженцевъ его ученія; у этихъ-то послѣдователей Гуса церковное исправленіе, предпринятое Лютеромъ и Цвингли, нашло скорый доступъ, — они хоть и не называли себя ни лютеранами, ни реформатами, но въ сущности все-таки были протестанты. Обыкновенно называли ихъ *Богемскими Братьями*. Нѣкоторые изъ герцоговъ австрійскихъ, бывшіе и

королями богемскими, терпѣли ихъ; но Рудольфъ II (съ 1576—1612 г.), государь, которымъ вполнѣ управляли иезуиты; запретилъ Богемскимъ Братьямъ свободное отправленіе ихъ религіозныхъ обрядовъ. Они воспротивились—было; но напрасно. И не смотря на помощь, поданную ими Рудольфу противъ брата его Маттіаса, хотѣвшаго свергнуть его съ престола, онъ не внялъ справедливымъ ихъ требованіямъ. Тогда Богемскіе Братья распорядились самовластно: они повсемѣстно установили по-своему богослуженіе, и на защиту, въ случаѣ нужды, правъ своихъ, собрали военную силу, подъ предводительствомъ графа фонъ-Турна; императоръ, тѣснимый братомъ Маттіасомъ, принужденъ былъ уступить, и въ 1608 г. издалъ такъ-называемый *высочайшій указъ* (*Majestätsbrief*), нарушеніе котораго, нѣсколько лѣтъ спустя, послужило поводомъ къ губительной войнѣ. По указу этому, богемскіе протестанты получали равныя права съ католиками; духовенство ихъ сдѣлалось независимымъ отъ епископовъ; протестантскія церкви въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, должны были оставаться неприкосновенными; но строить новыя церкви, дозволялось исключительно городамъ и рыцарскому сословію. Это дозволеніе не распространялось, однако, на подданныхъ частныхъ владѣльцевъ или на магистраты; по крайней мѣрѣ, такъ понимали этотъ указъ императорскіе совѣтники.

И случилось, что протестантскіе подданные архіепископа пражскаго и аббата браунаусскаго, построили себѣ церкви, противъ воли своихъ землевладѣльцевъ, между тѣмъ, какъ тѣ основывали право свое на изданномъ высочайшемъ указѣ. По повелѣнію императора Маттіаса, скрыта была церковь въ Клостерграбѣ, а другую церковь въ Браунау насильственно закрыли, причѣмъ самые безпокойные изъ гражданъ были брошены въ тюрьму. Вслѣдствіе этого насилія, началось всеобщее движеніе между протестантами; стали кричать о нарушеніи высочайшаго указа, обратились съ прошеніемъ къ императору. Тѣхъ, кто подавалъ это прошеніе, прогнали съ суровыми угрозами; но прошла молва, что такой отвѣтъ данъ не самимъ императоромъ, а составленъ въ Прагѣ. Молвъ этой легко вѣрили, ибо между императорскими совѣтниками въ Прагѣ, находилось двое, Мартиницъ и Славата, навлекшіе на себя общую ненависть; ихъ обвиняли въ томъ, что они подгоняютъ протестантовъ, на шиссу собаками, отказываютъ протестантамъ въ крещеніи, въ совершеніи бра-

ковъ и въ христіанскомъ погребеніи, лишь бы принудить ихъ къ тому, чтобы они возвратились къ прежнему исповѣданію.

23 мая 1618 г., толпа вооруженныхъ протестантовъ, съ криками и ругательствами, ворвалась въ пражскій замокъ и втѣснилась въ залу, гдѣ на ту пору заѣзжали императорскіе намѣстники: Адамъ фонъ Штернбергъ, Дипольдъ фонъ-Лобковичъ, Мартиницъ и Славата. Протестанты съ угрозами стали кричать на нихъ, и каждого отдѣльно спрашивали: не участвовалъ ли онъ въ указѣ императора. Мартиницъ и Славата отвѣтили дерзко. Тогда Богемцы притащили ихъ къ окну и выбросили въ ровъ замка, имѣвшій 18 футовъ глубины; въ слѣдъ за ними бросили туда же секретаря. Такъ поступить—значило чисто по богемски; одному только дивились, что сброшенные въ ровъ, при паденіи, не сломали себѣ шеи.

Мятежники овладѣли замкомъ, избрали новыхъ начальниковъ, изгнали изъ своей страны Іезуитовъ и сдѣлали воззваніе ко всѣмъ Богемцамъ о защитѣ правъ своихъ. Между тѣмъ писали они и императору, что остаются вѣрными его подданными, и желаютъ единственно поддержанія силы законовъ и собственнаго своего неотъемлемаго права. Въ сущности, немногіе города въ Богеміи остались вѣрными императору; почти все населеніе взялось за оружіе. Вскорѣ протестанты въ Лузаци, Силезіи, Моравіи, Австріи и Венгріи стали за одно съ Богемцами. Въ Германіи же, подъ именемъ „унія“, образовался союзъ протестантскихъ князей и городовъ для поддержанія протестантскаго исповѣданія; они выслали Богемцамъ вспомогательное войско въ 4,000 человекъ, подъ предводительствомъ графа *Эрнеста фонъ-Мансфельда*. Приготовившись такимъ образомъ, Богемцы спокойно стали ожидать, кація мѣры приметъ въ отношеніи къ нимъ императоръ.

Возстаніе это поставило въ немалое затрудненіе Маттіаса. Онъ былъ уже старъ, болѣзненъ и желалъ покоя; поэтому хотѣлось ему уладить дѣло мирными переговорами. Но двоюродный братъ его и наслѣдникъ престола, *Фердинандъ* эрцгерцогъ Штирійскій, не хотѣлъ и слышать о переговорахъ. Правда, въ прежнее время онъ торжественно общалъ Богемцамъ подтвердить имъ всѣ ихъ вольности, когда будетъ королемъ; но онъ весь отдался Іезуитамъ, а Іезуиты не только внушили ему слѣдную приверженность къ католической церкви, но и убѣжденіе, что одни только католики—христіане, что одни католики могутъ достигнуть вѣчнаго

блаженства. Изъ превратно-понимаемой любви къ подданнымъ, Фердинандъ не хотѣлъ вовсе терпѣть новаго ученія въ своихъ владѣнiяхъ, приказалъ воздвигнуть висѣлицы и колеса, угрожалъ смертною казнью всѣмъ тѣмъ, кто не захочетъ возсоединиться съ католической церковью. „Лучше пустыня, чѣмъ страна полная еретиковъ,“ было любимымъ его изреченiемъ. Такимъ образомъ, многіе вѣрные и трудолюбивые подданные его выселились изъ государства, они ждали лучше жить въ бѣдности и въ горѣ на чужбинѣ, чѣмъ измѣнить своимъ убѣжденiямъ. Богемцы со страхомъ предвидѣли то время, когда король Фердинандъ сдѣлается ихъ государемъ. И наступило это время: императоръ Маттiасъ умеръ 20 марта 1619 г.,—вскорѣ послѣ того какъ послалъ онъ нѣсколько отрядовъ войска въ Богемію; ибо протестанты не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры.

2. Фердинандъ II и Фридрихъ V Пфальцскій.

Сначала счастье благоприятствовало Богемцамъ. Графъ Тунъ отбилъ два императорскихъ войска, шедшія въ Богемію, и вторгся въ Моравію и въ Австрію. Народъ повсюду принималъ его съ радостію, и возставалъ противъ императора. Въ началѣ іюня 1619 г., Тунъ подступилъ уже къ стѣнамъ Вѣны. Столица казалась уже потерянною; она же ожидала врага и не была готова къ осадѣ. Правда, заперли городскіа ворота, но многочисленные протестанты, жившіе въ Вѣнѣ, рѣшились отворить ихъ своимъ единовѣрцамъ. Въ такой крайней опасности, одинъ только король остался непоколебимымъ.

5 іюня 1619 г., шестнадцать протестантскихъ дружинъ ворвались, въ опустѣвшій и насквозь пронизанный ядрами замокъ, съ намѣреніемъ вынудить у короля согласіе на союзъ съ Богемцами. Одинъ изъ нихъ— Андрей Танрадель такъ забылся, что схватилъ короля за пуговицу его фуфайки и иронически закричалъ ему: „Ну скоро ли подпишешь, Фердинандушко?“ Но внезапно загремѣли трубы на дворѣ замка—явилось 500 кирасировъ: они были посланы въ Вѣну, наскоро изъ-за Дуная, императорскимъ полководцемъ Бюкуа. Богемцы бросились въ разсыпную; многіе изъ нихъ поспраивались въ погребѣхъ или бѣжали въ лагерь графа Турна.

Но и самъ Турнъ, угрожаемый графомъ Бюкуа, долженъ былъ посѣбно возвратиться въ Богемію.

Король Фердинандъ отправился во Франкфуртъ и короновался императоромъ. Но Богемцы не захотѣли признавать его своимъ королемъ и торжественно лишили престола; къ нимъ присоединились народы Силезіи, Моравіи и Лузаціи, а также жители самой Австріи реформатскаго исповѣданія. Они избрали себѣ королемъ вождя союза, молодого *курфюрста пфальцскаго Фридриха V*. Дядей его былъ знаменитый герой *Морицъ Оранскій*, а тестемъ — *король англійскій Іаковъ I*. Въ прежнее время Фридриху V сильно желалось надѣть на свою голову королевскую корону, но теперь онъ непризадумался было принимать ли ее или нѣтъ. Предстоящая опасность неслась передъ глазами курфюрста и многіе друзья предостерегали его. Но гордая, тщеславная жена Фридриха, Елисавета, всячески подстрекала его. „Дерзнуть же ты говорила она просить руки королевской дочери, а теперь боишься принять вѣнецъ, который добровольно тебѣ предлагают? Мнѣ пріятнѣе будетъ питаться хлѣбомъ за столомъ короля, чѣмъ роскошничать за столомъ курфюрста.“ И Фридрихъ принялъ даръ; онъ отправился въ Прагу и короновался тамъ съ безпримѣрной пышностію.

Но собиралась гроза надъ новымъ королемъ и надъ его Богемцами. Фердинандъ склонилъ на свою сторону друга своей юности, могущественнаго герцога Максимилиана Баварскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лига, католическій союзъ, образовавшійся для противодѣйствія протестантской уніи, обѣщала помочь ему. Король испанскій Филиппъ III, не смотря на то, что самъ нуждался въ деньгахъ, выслалъ Фердинанду значительную сумму; курфюрстъ Іоаннъ Георгъ I, Саксонскій, разобиженный тѣмъ, что Богемцы избрали королемъ не протестанта, а реформатора, присталъ тоже къ императору. И вотъ двинулось императорское войско; сначала подавило оно возстаніе въ Австріи, а потомъ, подъ предводительствомъ Максимилиана, вступило въ Богемію. Протестантскія войска отступили къ Прагѣ. Будь Фридрихъ предприимчивѣе, имѣй болѣе характера; навѣрно устоялъ бы, потому что народъ готовъ былъ возстать цѣлою массою. Но курфюрстъ былъ столь же лѣнивъ и слабъ, сколько легкомысленъ; вмѣсто того, чтобы заботиться о снаряженіи войска, онъ задавалъ блестящіе пиры, тратилъ время и доходы своихъ владѣній на пустыя заба-

вы, не думалъ объ опасности, которая готова была его постигнуть. Императорское войско стояло уже на *Бѣлой горѣ*, близъ самой Праги, а Фридрихъ и не думалъ еще объ оборонѣ, притомъ Богемцы не имѣли надежныхъ полководцевъ. Герцогъ Максимилианъ сдѣлалъ быстрое нападеніе. Дѣло рѣшилось скоро — битва продолжалась не болѣе часу. Около 5000 Богемцевъ, убитыхъ или раненыхъ легло на мѣстѣ, около 1000 утонуло въ Молдавѣ, остальные же, въ стремительномъ бѣгствѣ, бросились къ воротамъ Праги (3 ноября 1620 г.). Фридрихъ сидѣлъ за столомъ, когда началась пальба; вытѣхавъ на валъ, онъ съ ужасомъ, увидалъ разстройство своихъ войскъ. Трусливый король тотчасъ приготовился бѣжать. Жители Праги умоляли его не оставлять ихъ; они представляли ему, что еще довольно солдатъ осталось для защиты города. Но слабый Фридрихъ не слушалъ ихъ. Словно оглушенный ударомъ, сѣлъ онъ, на слѣдующее утро въ карету съ женой и дѣтьми, взявъ съ собою графа Турна и отправился въ Бреславль. Садясь въ карету, онъ промолвилъ: „теперь знаю, кто я.“ — Одну только зиму продолжалось его правленіе, поэтому и прозвали его въ насмѣшку „зимнимъ королемъ.“

Пораженная ужасомъ Прага тотчасъ же отворила ворота побѣдителю. Вся Богемія покорилась императору и трепетно ожидала своей участи. Сначала казалось, что императоръ хочетъ великодушно забыть все прошлое; цѣлыхъ три мѣсяца онъ не предпринималъ ничего для наказанія мятежниковъ; но вскорѣ же разразился бурный гнѣвъ его. Разомъ взяты были подъ стражу 43 самыхъ знатнѣйшихъ вожда, и 27 изъ нихъ приговорены къ смерти. Передъ ратушей стараго города, воздвигли эшафотъ; нѣкоторые изъ осужденныхъ были обезглавлены, другіе четвертованы, многимъ передъ казнію вырвали языкъ, другимъ отсѣкли руки. Оставленные въ живыхъ, а равно и бѣжавшіе лишились имѣній. Болѣе 700 человекъ понесли потери въ имущество, около 30,000 семействъ выселились изъ Богеміи, — глубокая рана, нанесенная тѣмъ промышленности этой страны, зажила едва черезъ нѣсколько столѣтій. Фердинандъ собственноручно изрѣзалъ *высочайшій указъ* и сжегъ печать. Онъ призывалъ снова Іезуитовъ, изгналъ всѣхъ протестантскихъ духовныхъ и ученыхъ; курфирста же пфальцскаго объявилъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и лишеннымъ всѣхъ владѣній и даже курфиршескаго сана.

Казалось война окончена однимъ сраженіемъ на Бѣлой горѣ. Богемцы были покорены, обезоружены, и упали духомъ; уніа расторглась; уstraшенные жители Моравіи, Силезіи и Лузаціи тоже склонили голову передъ побѣдителемъ. Лига же, подѣ предводительствомъ генерала Тилли, осталась подѣ оружіемъ, для подавленія въ зародышѣ всякаго волненія умовъ. При такихъ обстоятельствахъ, кто могъ бы предвидѣть, что война продолжится еще 27 лѣтъ!

3. Эрнестъ фонъ Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейтскій.

Опальный курфирстъ, напрасно умолявшій тестя своего о помощи, нашелъ мужественнаго защитника въ храбромъ графѣ Мансфельдѣ, который, одинъ, къ стыду цѣлой уніи, не побоялся могущества императора. Молва о его храбрости собрала вокругъ него двадцати тысячное войско, съ которымъ онъ не давалъ ни на минуту покоя генералу Тилли. Дикія дружины Мансфельда вездѣ оставляли послѣ себя слѣды опустошенія, — онъ жилъ исключительно грабежемъ. Ободренный примѣромъ смѣлаго искателя приключеній, вступился тоже за пфальцскій домъ маркграфъ Георгъ Фридрихъ баденскій, и соединилъ свои войска съ войсками Мансфельда. Но вскорѣ возникли несогласія между двумя вождями и они разстались. Это погубило ихъ. Тилли напалъ сначала на маркграфа и одержалъ надъ нимъ полную побѣду при Вимпфенѣ (1622 г.), а черезъ нѣсколько дней разбилъ при Гехстѣ и Мансфельда.

Ударъ этотъ лишилъ всякой бодрости маркграфа, и онъ удалился съ театра войны. Но Мансфельдъ не падалъ духомъ. Вскорѣ присоединился къ нему *Христіанъ Брауншвейтскій*, братъ владѣтельнаго герцога. Оба они, то здѣсь, то тамъ, съ отчаянной храбростію дѣлали смѣлые набѣги; даже Парижъ затрепеталъ передъ ними, когда они обшарили всю юность своей Гугенотамъ. Страшно свирѣпствовали хищныя ихъ дружины, особенно въ Вестфаліи, гдѣ онѣ грабили церкви, монастыри и злодействовали надъ католическими священниками. Прибывъ въ Падерборнъ, Фридрихъ снялъ съ алтаря соборной церкви серебряныя статуи апостоловъ и мобилы при этомъ: „Вамъ надо весь свѣтъ обходить и никакъ не годится праздно стоять на мѣстѣ.“ Серебряныя статуи побралъ онъ на монетный дворъ, а на вычеканенныя изъ нихъ талерахъ было подписано:

но: „ноборникъ Бога и врагъ поновъ.“ Но Тилли настигъ его при Гехстѣ, въ то время, какъ онъ готовился переправиться черезъ Рейнъ, и разбилъ такъ, что Христіанъ едва могъ убраться съ половиной своего войска. Съ этой половиной бѣглець присоединился къ Мансфельду и оба они сдѣлали опустошительный набѣгъ на Эльзасъ.

Наконецъ, Фридрихъ созналъ, что нечего ему надѣяться на эту ватагу хищниковъ. Онъ обратился къ милосердію императора и объявилъ, что готовъ на колѣнахъ просить прощенія, лишь бы только оставилъ ему императоръ пфальцскія владѣнія и курфиршескій санъ. Вѣсть съ тѣмъ, надѣясь на примиреніе съ императоромъ, онъ публично отставилъ отъ службы Мансфельда и герцога Христіана, хищническіе набѣги которыхъ навлекли на нихъ всеобщую ненависть. Не сбывшись надежды курфирста, императоръ подарилъ пфальцскія курфиршескія владѣнія Максимилиану баварскому.

Отставные полководцы, Мансфельдъ и Брауншвейгъ, предлагали услуги свои императору. Но императоръ съ справедливыми соображеніями отказавшись отъ ихъ ландскнехтовъ, Мансфельдъ и Брауншвейгъ, съ хищной своей сволочью, перебрались черезъ Лотарингію въ Нидерланды, куда призывали ихъ для участванія въ войнѣ противъ короля испанскаго. Но вскорѣ они сдѣлались въ тягость и Голландіи — и ихъ отпустили. Тогда они опять направились на Вестфалію и на Нижнюю Саксонію, и страшно тамъ свирѣдствовали. Наконецъ, Тилли настигъ и уничтожилъ большую часть ихъ дружинъ въ битвѣ при Штадтлонѣ (6 августа 1623 г.). Оба вождя укрѣпились въ Голландіи.

Императоръ счастливо отдѣлался отъ враговъ, и цѣмцы князья ожидали, что онъ распуститъ войско. Но вопреку тому, вооруженія со стороны императора продолжались, и князья начали подозрѣвать, что главной цѣлью Фердинанда было искорененіе протестантизма. Князья стали опасаться, что ихъ принудятъ низойти на ступень простыхъ ленныхъ владѣльцевъ, зависимыхъ отъ независимаго государя. Поэтому вооружились нижнесаксонскіе князья, и вождемъ союза избрали Христіана III, короля датскаго, но голштинскимъ своимъ владѣніямъ, принадлежавшаго къ числу германскихъ князей. Король англійскій, напрасно надѣявшійся на восстановленіе правъ своего зятя, тоже принялъ участіе въ войнѣ и помогалъ союзу. Тотчасъ прилетѣли изъ Голландіи два грозные

удалены, Мансфельдъ и Брауншвейгъ, и приняли начальство надъ отдѣльными отрядами нѣмецкаго войска. Такимъ образомъ, въ концѣ 1623 г., дѣла очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были и въ 1618 г.; только театромъ войны, не имѣвшей себѣ подобной въ лѣтописяхъ Европы, сдѣлалась уже Сѣверная Германія.

АЛЬБРЕХТЪ ФОНЪ-ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Счастье, повидимому, сдружилось съ престоломъ императора; при всякой новой опасности являлась и новая помощь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, одинъ изъ его офицеровъ сдѣлалъ изумительное для всѣхъ предложеніе—доставить императору, безъ всякихъ издержекъ съ его стороны, цѣлое войско. Офицеръ этотъ былъ *Альбрехтъ фонъ-Вальдштейнъ*, или какъ обыкновенно называли его, — *Валленштейнъ*. Онъ происходилъ изъ древняго знатнаго богемскаго рода, родители его жили въ Прагѣ и принадлежали протестанскому исповѣданію; онъ самъ былъ воспитанъ въ лютеранской вѣрѣ. Сначала обучался онъ въ голдбергской школѣ, въ Силезіи, потомъ сталъ посѣщать алтдорфскій университетъ, близъ Нюрнберга. Но избалованный, упрямый юноша не имѣлъ ни охоты, ни склонности къ наукамъ! Поэтому отецъ опредѣлилъ его накомъ, въ Инспрукъ, къ маркграфу бургаускому. Разъ, въ замкѣ Амбрасъ (близъ Инспрука), случилось ему унать невредимо черезъ перила двухъ-этажной аркады. Этотъ удивительный случай совершенно измѣнилъ настроеніе его духа. Онъ началъ почитать себя особенно-покровительствуемымъ судьбою, обреченнымъ на великіе подвиги. Присоединившись къ католической церкви, онъ сталъ образовывать свои природныя дарованія. Въ 1606 году, предпринялъ онъ путешествіе по Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи. Всего болѣе понравилось ему пребываніе въ Падуѣ; тамъ увлекло его преподаваніе астрологіи или звѣздочетства; въ то время господствовало еще суевѣрное понятіе, что, по теченію звѣздъ, можно предугадывать будущую человѣческую судьбу. Астрологъ, по имени *Сени*, увѣрилъ смѣлаго, пылкаго молодого человека, что прочелъ въ звѣздахъ предназначеніе его къ великимъ почестямъ. Съ той поры, Сени сдѣлался довѣреннымъ другомъ Валленштейна, а честолюбіе—самой сильной, почти единственной его страстью:

тайное предчувствіе Валленштейна, что онъ предназначенъ къ чему-то необычайному, нашло, — такъ вѣрилъ онъ, — полное подтвержденіе въ звѣздахъ.

Съ великими планами въ умѣ, воротился Валленштейнъ въ отечество и вступилъ въ службу при императорскомъ дворѣ. Онъ женился на богатой вдовѣ, ранняя смерть которой сдѣлала его наследникомъ княжескаго имѣнія. Съ той поры, онъ сталъ жить пышно и блистательно, не по любви къ роскоши, но съ намѣреніемъ обратить на себя всеобщее вниманіе. Онъ часто приглашалъ офицеровъ къ своему столу, помогалъ имъ деньгами, щедро награждалъ солдатъ, находившихся у него подъ начальствомъ. Онъ выкавалъ много ума, мужества и храбрости во всѣхъ сраженіяхъ и приобрѣлъ расположеніе, какъ простыхъ солдатъ, такъ и офицеровъ. При дворѣ поминали о немъ тоже съ почетомъ. При воцареніи своемъ, Фердинандъ II далъ ему чинъ полковника. Въ этомъ чинѣ Валленштейнъ участвовалъ въ битвѣ на Бѣлой Горѣ, во главѣ полка, набраннаго на собственный его счетъ, и немало способствовалъ одержанію побѣды. Въ вознагражденіе за убытки, понесенные Валленштейномъ въ имѣніяхъ, которыя почти до-тла были разворены при началѣ безпорядковъ въ Богеміи, императоръ подарилъ ему, въ Богеміи же, имѣніе *Фридландъ*, съ титуломъ графа; въ 1623 г., онъ былъ пожалованъ княземъ Фридланда, а черезъ нѣсколько лѣтъ — герцогомъ. Съ нетерпѣливымъ честолюбіемъ видѣлъ онъ жезлъ фельдмаршала въ рукахъ Тили; поэтому онъ обрадовался чрезвычайно, когда безденежье императора дало ему случай принять на себя блистательную роль.

Онъ предложилъ безвозмездно набрать для императора пятидесяти-тысячное войско, съ тѣмъ только, чтобы предоставлено было ему главное начальство надъ нимъ. Такое предложеніе показалось сначала императору опрометчивымъ, даже забавнымъ: однако, онъ скорѣ убѣдился, какія великія выгоды можно получить отъ войска, которое будетъ сражаться для личныхъ его видовъ, между тѣмъ какъ, прежде, онъ находился въ совершенной зависимости отъ князей лиги, въ особенности же отъ вождя ихъ, Максимилиана баварскаго. Поэтому императоръ съ радостію принялъ предложеніе Валленштейна.

Тогда *Фридландеръ*, — такъ называли то же Валленштейна — приказалъ бить въ барабаны и на этотъ призывъ со всѣхъ сторонъ началъ

стекаться народъ подъ его знамена. Отъ продолжительной войны одичали люди въ Германіи. Простолудинъ предпочиталъ войну и добычу сопряженнымъ съ трудомъ заработкамъ. Въ общему удивленію, въ самое короткое время, собралось у Валленштейна двадцати-пятитысячное войско. Съ этимъ войскомъ, осенью 1623 г., онъ проникъ въ Швабію и въ Франконію; не успѣвъ онъ дойти до Эльбы, какъ войско возросло до 30,000 человекъ. Мансфельдъ хотѣлъ воспрепятствовать переходу Валленштейна черезъ мостъ при Дессау, но былъ отбитъ и поспѣшно бѣжалъ въ Венгрію. Тамъ намѣревался онъ вступить въ союзъ съ безпояснымъ княземъ Семиградскимъ Бетленъ-Габоромъ, но Бетленъ-Габору надобны были деньги, а не голодные солдаты, и выгодно показалось ему вступить въ переговоры съ императоромъ. Мансфельду не оставалось ничего другого, какъ распустить войска свои, продать военную аммуницію и, съ немногими вѣрными, бѣжать въ Венецію. Оттуда онъ хотѣлъ переправиться въ Англію. Но не доѣхавъ до Венеціи, заболѣлъ онъ въ Босніи. Врачъ объявилъ, что остается ему жить только нѣсколько часовъ; Мансфельдъ приказалъ одѣть себя въ платье воина и опоясать саблею; стоя, опершись на плеча двухъ друзей, онъ ожидалъ смерти. На 46-мъ году отъ роду, кончилъ онъ жизнь, исполненную тревогъ и волненій. Не долго передъ тѣмъ, умеръ на 26-мъ году, товарищъ его по оружію, Христіанъ брауншвейгскій.

Пока Валленштейнъ преслѣдовалъ Мансфельда, Тилии, съ обыкновеннымъ своимъ счастьемъ, гналъ передъ собою датскаго короля, и наконецъ достигъ его при гановерскомъ городѣ *Луттеръ*, у *Бамберга*. 27 августа 1626 г., произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ короля. Христіернъ потерялъ 60 знаменъ и всѣ свои орудія. Вслѣдъ за тѣмъ, Тилии двинулся къ границѣ Даніи. Бѣжавшаго короля онъ предоставилъ Валленштейну, который поспѣшалъ съ границъ Венгріи. Валленштейнъ наводилъ своими дружинами Голштинію, Шлезвигъ и Ютландію; Христіернъ принужденъ былъ укрыться на острова, и туда доходили вопли его подданныхъ. Еще плачевнѣе была участь изгнанныхъ за союзъ съ Христіерномъ, обоихъ герцоговъ мекленбургскихъ, — владѣнія ихъ были страшно опустошены. Въ 1629 г., императоръ наградилъ Валленштейна герцогствомъ Мекленбургскимъ, сверхъ того, подарилъ ему княжество Саганъ и сдѣлалъ имперскимъ

княземъ. Съ этими наградами, Фердинандъ соединялъ планъ основать морскую силу на Нѣмецкомъ морѣ; поэтому онъ назначилъ Валленштейна главнокомандующимъ на водѣ и на сушѣ.

Валленштейнъ, войска котораго возросли до 100,000 человѣкъ, старался завладѣть берегами Нѣмецкаго моря, и осадилъ Штральзундъ, упорно отказывавшійся принять императорскій гарнизонъ. Здѣсь, въ первый разъ, измѣнило Валленштейну счастье передъ храброй защитой гарнизона и передъ помощью, поданной ганзейскими кораблями со стороны моря. Валленштейнъ, съ значительнымъ урономъ, принужденъ былъ снять осаду; хотя не задолго и похвалялся, что возьмётъ Штральзундъ, „еслибъ даже крѣпость эта прирѣплена была цѣпами къ небу.“ Упрямый Валленштейнъ дохоронилъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ во рвахъ Штральзунда.

Между тѣмъ, Валленштейнъ внезапно заключилъ миръ съ Даніей въ *Любекъ* (1629) г.), миръ столь выгодный для Христіерна, что послѣдній не потерялъ ни одной деревушки. Хитрый герцогъ имѣлъ въ виду спокойное обладаніе завоеваннымъ герцогствомъ Мекленбургскимъ, а для этой цѣли надо было ему поладить съ сосѣдомъ. Король датскій призналъ его герцогомъ мекленбургскимъ, — онъ былъ настолько неблагороденъ, что пожертвовалъ прежними союзниками своими, изгнанными герцогами, которые, въ угоду ему же, взялись за оружіе.

Императоръ, на ту пору, вездѣ торжествовалъ и властвовалъ неограниченно. Слѣдовало предполагать, что онъ распуститъ войска, потому что враговъ у него уже не было. Но полководцы оставались подъ оружіемъ; замѣсто мира, Фердинандъ обнародовалъ указъ о „возстановленіи“ (*Restitutions-edict*). Вслѣдствіе этого указа, лютеране должны были возвратитъ католикамъ всѣ духовныя имѣнія, отнятыя ими послѣ насаусскаго договора (всего два архіепископства, двѣнадцать епископствъ и множество аббатствъ и монастырей); реформаты вовсе не терпѣлись въ странѣ, а лютеранъ обязаны были обращаться въ католическое исповѣданіе ихъ католическіе владѣльцы и князья. Этотъ указъ былъ громовымъ ударомъ для протестантовъ. Напрасно князья дѣлали представленія императору; все, чего могли они добиться, была годовая отсрочка. Но въ этотъ промежутокъ времени положеніе дѣлъ существенно измѣнилось.

5. ОТСТАВКА ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Не одинъ указъ о „возстановленіи“ приводилъ всѣхъ въ удивленіе; необузданность солдатъ Валленштейна, отъ которой страдали равно протестанты и католики, возбуждала всеобщее недовольство; всѣ князья желали мира. Дѣцнацать лѣтъ уже продолжалась война, и навлекла неисчислимыя бѣдствія на всю Германію. Тронутый жалобами князей и народовъ, императоръ созвалъ, въ 1630 году, сеймъ курфирстовъ въ *Регенсбургъ*. Тамъ единогласно обвинили всѣ Валленштейна въ потачкѣ насиліямъ его солдатъ. „Повсемѣстно господствуютъ грабежъ и убійства; насиліе женщинъ и дѣтей; офицеры обогащаются потомя и кровью бѣдняковъ и многіе, что были нищими въ прежнее время, имѣютъ теперь отъ 3 до 4 сотъ тысячъ гульденовъ наличными деньгами.“ Императоръ былъ глубоко потрясенъ изображеніемъ всѣхъ этихъ бѣдствій, и рѣшился тотчасъ же распустить 18,000 всадниковъ изъ своего войска. Но курфирсты тѣмъ не удовлетворились. Всѣ они неотступно требовали отставки Валленштейна и распушенія его отчаянныхъ хищниковъ. Больше всѣхъ настаивалъ на этой отставкѣ Максимиліанъ баварскій, который, со времени начальства Валленштейна надъ войсками, отошелъ на второй планъ. Наконецъ императоръ согласился, хотя и весьма не охотно, — онъ боялся Валленштейна.

На ту пору, Валленштейнъ стоялъ съ войскомъ въ Швабіи, наблюдая за князьями, собравшимися въ Регенсбургъ, и готовый въ случаѣ нужды, поспѣшить на помощь къ императору. Тутъ пріѣхали къ нему посланцы и привезли рѣшеніе сейма. Вопреки всѣхъ ожиданій, Валленштейнъ остался спокоенъ и обѣщалъ повиноваться. Онъ зналъ уже обо всемъ, и, по словамъ его, прочиталъ въ звѣздахъ исходъ сейма курфирстовъ въ Регенсбургъ. По случаю отставки, онъ, казалось, больше жалѣлъ объ императорѣ, чѣмъ былъ недоволенъ имъ. Онъ самъ написалъ Фердинанду: благодарилъ его за оказанное довѣріе и просилъ не лишать совершенно своихъ милостей. Посланцевъ онъ одарилъ по-княжески. Распушеннымъ войскамъ своимъ онъ сдѣлалъ тоже богатые подарки и далъ имъ задатки впередъ, на случай, если они ему опять понадобятся. Утѣшонный звѣздами, предсказывавшими ему самую блистательную судьбу, удалился

онъ, съ несмѣтными богатствами, въ свое моравское имѣніе, и съ затаенной местию сталъ выжидать времени, когда призовутъ его къ большимъ еще почестямъ. Наемники Валленштейна отчасти разошлись по домамъ, разбойничая и грабя по дорогамъ, отчасти же примкнули къ войскамъ императора и лиги, единственнымъ вождемъ которыхъ сдѣлался опять Тилли.

6. Густавъ Адольфъ, король шведскій въ Германіи.
(1630—1632).

При безусловномъ повиновеніи князей императору, дѣло протестантовъ назалось проиграннымъ, и католическое исповѣданіе было бы, вѣроятно, восстановлено во всей Германіи, еслибъ не явился человекъ, давшій совсѣмъ иной оборотъ прежнему положенію вещей: То былъ *Густавъ Адольфъ*, король шведскій. Опасность, угрожаемая его единоверцамъ въ Германіи, была для него какъ бы собственная его опасность; съ давнихъ поръ, питалъ онъ жестокую ненависть къ императору и Валленштейну, которые нѣсколько разъ наносили ему тяжкія оскорбленія. Какъ ближайшій родственникъ мекленбургскаго дома, онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что сыновьямъ сестры его не были возвращены, по его ходатайству, владѣнія; да къ тому же, Валленштейнъ съ поворотомъ прогналъ отъ себя его посланниковъ. Когда Штральзундъ находился въ осадѣ и шведскія войска пришли къ нему на помощь, Валленштейнъ будто бы молвилъ иронически: „еслибъ даже пришелъ самъ король шведскій, я и его прогону розгами.“

Густавъ Адольфъ образовалъ храбрыхъ воиновъ и полководцевъ въ войнѣ противъ Польши. Тилли справедливѣе императора и его совѣтниковъ цѣнилъ своего врага. Когда императоръ получилъ въ Регенсбургѣ извѣстіе о походѣ короля шведскаго, онъ сказалъ Тилли: „вотъ какъ! у насъ еще вражечкомъ болѣе!“ Но Тилли серьезно отфѣтилъ ему: „король шведскій—врагъ стольже мудрый, какъ и храбрый, онъ—во двѣтъ лѣтъ, могучъ и закаленъ во всякихъ трудахъ. Онъ одерживалъ уже побѣды на войнѣ, а побѣда научила его военному искусству. Войско его—нѣчто цѣлое, и онъ управляетъ имъ, все равно какъ управляетъ удилами своего коня. Это—игрокъ, противъ котораго и не проиграть уже значить остаться въ большомъ выигрышѣ.“

Изготовившись для переправы въ Германію, Густавъ созвалъ всѣ четыре сословія своего королевства. 21 мая 1630, онъ явился посреди ихъ, чтобы торжественно съ ними проститься. Онъ взялъ на руки единственную дочь свою, четырехлѣтнюю Христину, показалъ ее сословіямъ, и предложилъ присягнуть ей, какъ будущей королевѣ. Трогательно изложилъ онъ вѣрнымъ подданнымъ причины, побуждавшія его къ войнѣ, и заключилъ рѣчь такими словами: „Нѣжно прощаюсь съ вами, и можетъ быть, навсегда.“

Сѣвъ на кораблѣ съ небольшимъ (15,000 чел.), но избраннымъ войскомъ, готовымъ изъ всякаго жертвы изъ преданности къ своему полководцу, Густавъ-Адольфъ высадился на берегу Помераніи, предъ устьемъ Пены. Король первый ступилъ на берегъ. Въ виду войска, онъ преклонилъ колѣна на нѣмецкой землѣ, громко возблагодарилъ Бога за благополучную переправу, и молилъ Его о благословеніи въ будущемъ. Расстроганные офицеры плакали. Король увидалъ это. „Не плачьте, друзья, сказалъ онъ, не плачьте, помолитесь. Чѣмъ больше будете молиться, тѣмъ вѣрнѣе побѣда. Частая молитва—половины побѣды. Лучшій христіанинъ есть тоже и лучшій воинъ.“ Межъ тѣмъ какъ въ лагерѣ Валленштейна разыгрывались всяческія дурныя страсти и никто не помышлялъ о Богѣ, Густавъ Адольфъ наказалъ каждому полку собираться вокругъ походнаго проповѣдника на утреннюю и вечернюю молитву и отправлять богослуженіе подъ открытымъ небомъ. Хульныя проклятія, игра, грабежъ, поединки были строго запрещены. Густавъ Адольфъ служилъ для войска примѣромъ всѣхъ добродѣтелей. Его чистая, живая богобоязненность внушала ему мужество и спокойствіе духа въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ; солдаты твердо вѣрили, что при такомъ благочестивомъ и добромъ королѣ побѣда неминуемо останется за ними.

Можно бы думать, что всѣ протестантскіе князья примутъ его, какъ своего набавителя; но ни чуть не бывало: высадка короля шведскаго устранила многихъ; боязнь ли императора и малодушіе, или ревнивое чувство къ иностранному вождю,—только князья не хотѣли вступать въ союзъ съ чужеземцемъ. Между тѣмъ, Густавъ гналъ передъ собою императорскія войска въ Померанію. Онъ обратился къ герцогу Богиславу, человѣку чрезвычайно мелочному и мнительному, прося его очистить Штетинъ, необходимый для безопасности войска. Но герцогъ и слышать

не хотѣлъ объ этомъ. Онъ прибылъ въ лагерь къ Густаву и былъ внѣ себя отъ тревоги. Съ одной стороны, стоялъ Густавъ съ войскомъ, готовымъ вступить въ бой, съ другой—страшная онь гнѣва императора. „Неужели, воскликнулъ онъ, видя нетерпѣніе Густава, неужели мнѣ, въ мои лѣта, дожить до опалы, до того, что мои владѣнія будутъ погромлены или отданы другому, а резиденція моя будетъ разрушена до основанія?“ Густавъ старался успокоить его, и молвилъ наконецъ, „спѣшите, спѣшите любезный братъ! Здѣсь нужна быстрота; повѣрьте мнѣ, не всякій Фабиі—нто медлить.“ — „Ну такъ, съ Богомъ!“ почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Богиславъ и Шведы вступили въ Нитетинъ.

Не лучше шли дѣла короля шведскаго съ курфюрстомъ бранденбургскимъ, *Георгомъ-Вильгельмомъ*, человѣкомъ въ высшей степени нерѣшительнымъ. Георгъ-Вильгельмъ всѣми силами отговаривался передать крѣпости свои, Кюстринъ и Шпандау, иностранному государю, который требовалъ ихъ для прикрытія своего войска на случай отступленія. А между тѣмъ Густаву надо было спѣшить: Тили жестоко тѣснилъ городъ Магдебургъ, граждане котораго умоляли, черезъ гонцовъ, шведскаго короля подать имъ поскорѣе помощь. „Продержитесь еще три недѣли, отвѣчалъ Густавъ горожанамъ: я надѣюсь имѣть возможность помочь вамъ.“ И покаместъ послалъ онъ имъ въ коменданты опытнаго и храбраго генерала Фалькенберга. Курфирстъ бранденбургскій все еще медлилъ, это сильно гнѣвило Густава Адольфа. „Вы, протестанты, говорилъ онъ: отвѣтите передъ Богомъ за то, что ничего не хотѣли сдѣлать для Его Евангелія. Если падетъ Магдебургъ, а я возвращусь въ Швецію, посмотримъ, что-то вы сдѣлаете.“ Наконецъ курфирстъ очистилъ ему Шпандау; Густавъ готовился переправиться черезъ Эльбу, подъ Виттенбергомъ, чтобы затѣмъ идти на спасеніе Магдебурга. Но Виттенбергъ принадлежалъ малодушному, преданному пьянству, курфирсту саксонскому Іоанну-Георгу, который рѣшительно отказался пропустить шведскія войска черезъ свои владѣнія; объ этомъ курфирстъ говорили, что бочки съ пивомъ для него дороже блага его единовѣрцевъ. Въ то время какъ Густавъ Адольфъ все еще занятъ былъ переговорами, пришла страшная вѣсть о взятіи Магдебурга императорскими войсками.

7. РАЗРУШЕНІЕ МАГДЕБУРГА. (1631 г.).

Давно уже Магдебургъ былъ у императора бѣльмою на глазу. Городъ этотъ съ непоколебимой твердостью держался протестантскаго исповѣданія и былъ самымъ вѣрнымъ оплотомъ для враговъ императора. Въ томъ-жъ, Магдебургцы отказались принять въ себѣ на постой императорскія войска. За это городъ ихъ былъ объявленъ въ осадѣ, а Тилли поручено было привести въ исполненіе кару. Съ декабря 1630 г., императорскія войска держали городъ въ осадѣ и сильно бомбардировали его. Нѣсколько разъ требовалъ Тилли сдачи города; но жители отвергли всѣ требованія и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Густавъ Адольфъ выступилъ уже въ походъ. Еще разъ, — то было въ май 1631 г., — Тилли посылалъ въ городъ трубача; но Фалькенбергъ, желая выиграть время, продержалъ его три дни. Дабы предупредить Густава, Тилли рѣшился ваять приступомъ стѣны. 9 мая, передъ обѣдомъ, онъ направилъ на городъ страшный огонь; бомбы, гранаты, зажигательныя ядра градомъ сыпались на городскіе дома. Но послѣ обѣда, огонь внезапно прекратился, даже пушки сняли съ батарей, — это утвердило Магдебургцевъ въ надеждѣ, что Шведы уже недалеко. Ночь прошла спокойно; въ 5 часовъ утра, утомленные гражданами и солдатами, почти не спавшіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, разошлись по домамъ, чтобы отдохнуть хоть нѣсколько часовъ.

Вдругъ, въ 7 часовъ, раздалась опять пушечная пальба, и, со всѣхъ сторонъ, императорскія войска бросились съ лѣстницами на валы. Большая часть гражданъ и солдатъ Магдебурга были погружены въ глубокій сонъ, немногіе часовые, взятые въ распухъ, были изрублены; Панингеймъ, съ своимъ отрядомъ, находился уже въ городѣ и отперъ ворота, когда несчастные жители и не знали про то, что происходило. Заслышавъ пальбу, Фалькенбергъ наскоро собралъ нѣсколько солдатъ и, вмѣстѣ съ ними, бросился противъ ворвавшихся непріятелей; но ядро повергло его на землю. Со всѣхъ сторонъ, раздавался звонъ набата; трубы гремѣли; стрѣляли и бились на улицахъ; но вскорѣ граждане принуждены были уступить превосходству силъ враговъ и заперлись въ своихъ домахъ. Мгновенно дикія толпы Валлонцевъ разбили двери; все,

что сопротивлялось, было изрублено. Отцев умерщвляли въ глазахъ дѣтей, женъ въ объятіяхъ мужей ихъ, дѣтей разбивали о стѣны въ глазахъ родителей. Никого не щадили. Многія изъ дѣвушекъ, спасаясь отъ насилія солдатъ, въ смертельномъ ужасѣ бросались изъ верхнихъ оконъ на мостовую, другія искали спасенія въ волнахъ Эльбы. Жители должны были выдать алчнымъ солдатамъ все свое серебро и золото, а въ награду за это, ихъ умерщвляли тутъ же на мѣстѣ. Въ городѣ вторглись самые дикіе и хищные изъ всѣхъ солдатъ — Кроаты, и страшно добивали остальныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во многихъ концахъ города показались огонь; бурный вѣтеръ разносилъ пламя по всѣмъ направленіямъ; вскорѣ все улицы вспыхнули. Часовъ чрезъ десять, отъ богатаго, прекраснаго города не осталось ничего, кромѣ собора, одного монастыря и нѣсколькихъ жалкихъ рыбацкихъ хижинъ: все остальное превратилось въ груды пепла. Такъ какъ цѣлыя улицы были объаты пламенемъ и самый воздухъ раскалился, убійцы принуждены были поспѣшно покинуть городъ и, по горящимъ обломкамъ, по человѣческимъ трупамъ, по дымящейся крови, отступить къ лагерю. Нѣкоторые сколько-нибудь челоуѣколюбивые офицеры поспѣшили, во время страшнаго грабежа, къ городскимъ воротамъ, гдѣ стоялъ Тилли и смотрѣлъ на пожаръ. Они стали просить его, чтобы велѣлъ онъ прекратить грабежъ и убійства, но Тилли отвѣчалъ: „приходите черезъ часъ; я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать.“ Нужно же наградить солдатъ за труды ихъ“.

Болѣе 20,000 труповъ были частью зарыты въ землю, частью брошены въ Эльбу. Только на третій день, когда улицы нѣсколько очистили отъ обломковъ и труповъ, Тилли въѣхалъ въ дымящуюся, обрызганную кровью развалины, и, не безъ ужаса, увидалъ слѣды опустошенія. Современники, протестанты, равно какъ и католики, единогласно рассказываютъ, что при такомъ видѣ заплакалъ старый вожь. Впрочемъ, гибель Магдебурга была великой потерей для самихъ побѣдителей, ибо городъ этотъ представлялъ превосходное мѣсто для складки оружія, а притомъ, онъ могъ служить точкой опоры на Эльбѣ. Сказали Тилли, что въ соборной церкви находится еще 1,000 жителей, которые не ѣли трое сутокъ. Онъ даровалъ имъ жизнь и приказалъ одѣлать хлѣбомъ, а потомъ отправился въ церковь, поблагодарить Бога за побѣду. Пылкій

Наппенгеймъ, видѣвшій въ гибели еретическаго города правдивый гнѣвъ небесный, съ чувствомъ самодовольствія, писалъ курфирсту баварскому: „со времени разрушенія Трои и Іерусалима, не было еще одержано подобной побѣды“. Въ томъ же году побѣдители жестоко поплатились за участь города.

8. БИТВА ПРИ БРЕЙТЕНФЕЛЬДѢ (17 СЕНТЯБРЯ 1631 Г.).

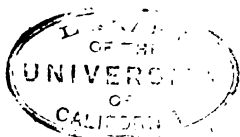
Отъ Магдебурга Тилли обратился къ Саксоніи, чтобы покарать курфирста за союзъ его съ другими протестантскими городами и князями, заключенный съ цѣлью упрочить свою независимость какъ въ отношеніи Шведовъ, такъ и въ отношеніи Австрійцевъ; союзъ этотъ былъ названъ Лейпцигской конвенціей. Быстро овладѣвъ городами Гаале, Эйслебеномъ, Мерзбургомъ, Наумбургомъ, Цейцомъ и Вейсенфельсомъ, Тилли наложилъ на нихъ непомерныя контрибуціи. Тутъ курфирстъ раскаялся въ томъ, что не рѣшился раньше на союзъ съ Шведами. Онъ поспѣшно послалъ гонцевъ къ королю и убѣдительно просилъ его помощи и дружбы. Густавъ принялъ гонцовъ съ притворной холодностію, и напоследокъ уступилъ просьбамъ курфирста, подѣливъ лишь условіемъ, чтобы Іоаннъ-Георгъ очистилъ ему Виттенбергъ, выдалъ войскамъ его трехмѣсячное жалованье, прислалъ заложникомъ старшаго своего сына, и выдалъ, для наказанія дурныхъ своихъ совѣтниковъ. Устрашенный курфирстъ былъ готовъ на все. „Пусть король шведскій беретъ въ залогъ не только Виттенбергъ, но и всю Саксонію; восклинулъ онъ, не только одного принца, но и все мое семейство; да и себя самого, я отдамъ ему, а сверхъ того, наказу мажорнатовъ, на которыхъ онъ указываетъ“. Король былъ тронутъ страхомъ и защитительствомъ слабаго курфирста, и великодушно отказался отъ своихъ требованій; онъ взялъ только жалованье на одинъ мѣсяцъ своимъ дружинамъ, съ которыми немедленно соединились саксонскія войска.

Тилли овладѣлъ уже Лейпцигомъ, когда выступило противъ него союзное войско. Они сошлись при деревнѣ Брейтенфельдѣ, неподалеку отъ Лейпцига. Густавъ нарочно поставилъ Саксонцевъ на лѣвый флангъ; потому что не слишкомъ надѣялся на ихъ храбрость. Началась страшная кононада; Тилли стремительно бросился на Саксонцевъ. Они не выдер-

жали, колонны ихъ были разстроены и вскорѣ все войско саксонское предалось бѣгству. Самъ курфирстъ ускоралъ такъ скоро, что шляпа съ него свалилась, — только черезъ нѣсколько часовъ остановился онъ въ Эйленбургѣ, чтобъ поддѣлаться глоткомъ пива. Шведы, напротивъ того, молодецки держались. Семь разъ Паппенгеймъ пускалъ свою конницу на правый флангъ, и семь разъ былъ отбитъ. Точно также напрасны были усилія Тилли, воротившагося въ битву послѣ погони за Саксонцами, — прорвать боевой порядокъ Шведовъ. Тогда и Густавъ приказалъ войску своему идти впередъ. Шведскій генералъ Горнъ побѣдоносно прорвался черезъ непріятельскіе ряды, между тѣмъ какъ король взялъ приступомъ ходы, на которыхъ находилась большая часть непріятельскихъ орудій, и тотчасъ же направилъ огонь ихъ противъ враговъ. Войско императорское было совершенно разстроено; смятеніе и бѣгство сдѣлались всеобщими. Въ первый еще разъ, Тилли былъ разбитъ на голову. Самъ онъ чуть-было не попался въ плѣнъ и едва избѣжалъ смерти. Одинъ шведскій ротмистръ, прозванный за ростъ свой длиннымъ Фрицомъ, хотѣлъ взять стараго генерала живымъ или мертвымъ, и бѣшено бросился на него. Уже нѣсколько пуль слегка заѣхали Тилли, уже, съ пистолетомъ въ рукахъ, длинный Фрицъ схватилъ его за воротникъ и требовалъ сдачи, когда императорскіе офицеры подошли въ-время на подмогу Тилли и раздробилъ голову ротмистру. Пораженіе Тилли было такъ велико, что онъ въ два дни едва могъ собрать 600 человекъ. Онъ бѣжалъ къ Гальберштату, куда послѣдовалъ за нимъ и Паппенгеймъ, съ 1400 всадниками.

Тотчасъ послѣ одержанной побѣды, Густавъ Адольфъ прилонилъ плѣнна на лейпцигскомъ полѣ сраженія, покрытомъ тѣлами убитыхъ. Поднявъ къ нему сложенные руки, онъ говорилъ: „благодарю Тебя, Боже, благодарю за Твою побѣду!“, — Рѣшительное сраженіе измѣнило всѣ обстоятельства. Единичъ этимъ ударомъ императоръ лишился всѣхъ выгодъ, приобретенныхъ имъ двѣнадцатилѣтней войною. Угнетенные снова подняли бодро свои головы и примкнули къ подателю, котораго только-что не боготворили.

Въ самый день сраженія, курфирстъ саксонскій явился снова; благородный король-шведскій дружески принималъ его и поблагодарилъ за содѣйствіе дать сраженіе. Густавъ Адольфъ поручилъ курфирсту вторгнуться въ Богемію.

В. Последствия победы.

Никто, со времени Лютера, не пользовался такимъ вліяніемъ надъ умами, какъ Густавъ Адольфъ. Походъ его черезъ Турингію въ Южную Германію походилъ на непрерывное триумфальное шествіе. Во Франкфуртѣ применилъ къ нему и „зимній король“, во весь этотъ промежутокъ времени скитавшійся по Голландіи. Тилли набралъ, сколько могъ, военныхъ силъ, и когда Густавъ Адольфъ хотѣлъ переправляться, при Райнѣ, черезъ Лакъ, старый полководецъ загородилъ ему дорогу. Но храбрые Шведы взяли съ бою переправу. Тилли, раненаго въ колѣно, отнесли въ Ингольштадтъ, гдѣ онъ черезъ двѣ недѣли умеръ. Императоръ лишился въ немъ великаго полководца и храбраго воина, человека хотя суроваго, но честнаго и правдиваго, неумолимо строгаго къ самому себѣ, заботливаго и въ высшей степени щедраго къ солдатамъ. Когда императоръ хотѣлъ возвысить его въ достоинство имперскаго князя, онъ отказался отъ этой чести, и подарилъ 500 талеровъ канцелярскому писарю, для того, чтобы онъ не изготавлялъ патента. Тилли былъ малъ ростомъ, но крѣпокъ тѣлосложеніемъ. Ввалившіеся щеки, длинный и острый носъ, морщинистый лобъ, большіе мрачные глаза, — такова была фizioномія стараго вождя. Сѣдые, щетинистые волосы спускались съ головы, покрытой остроконечной, высокой шляпой съ красными страусовыми перьями. Тилли носилъ зеленое атласное платье испанскаго покроя, съ развѣнными рукавами, широкіе штаны изъ той же матеріи и большіе сапоги съ раструбами. Во время сраженія, ѣзжалъ онъ на малоросломъ сѣромъ конѣ. До самой битвы при Брейтенфельдѣ, Тилли могъ похвалиться, что никогда не проигралъ сраженія. Никогда не бывалъ пьянъ, никогда не посѣщалъ прелестницъ. Онъ умеръ на 73 году жизни.

Послѣ многоразныхъ и все-таки неудачныхъ попытокъ взять приступомъ крѣпкій Ингольштадтъ, гдѣ укрывался курфирстъ баварскій, Густавъ Адольфъ пошелъ на Мюнхенъ. Столица трепетала: одна только добровольная сдача ея могла обезоружить гнѣвъ побѣдителя. Великолѣпіе дворца курфирста привело въ изумленіе короля; онъ спросилъ има архитектора. Архитекторъ былъ никто другой, какъ самъ курфирстъ,

отвѣчали ему. „Я бы желалъ имѣть этого архитектора, чтобы послать его въ Стокгольмъ“, молвилъ король. При осмотрѣ арсенала нашли одни лафеты. Пушки были искусно спрятаны подъ поломъ, и никогда не отыскали бы ихъ, колибъ не измѣнилъ одинъ изъ рабочихъ. Поднявъ половыя доски, нашли подъ ними 140 большихъ орудій. „Возстаньте изъ мертвыхъ“, сказалъ король, и взялъ съ собой эту желанную добычу. На всю Баварію наложена была тяжелая контрибуція; вся нѣмецкая имперія поступила во власть шведскаго короля.

10. ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ ВЫСТУПАЕТЪ СНОВА.

Во время этихъ происшествій, Валленштейнъ жилъ вдали отъ всеобщей тревоги, наблюдая за всѣмъ, какъ левъ изъ засады. Съ тайнымъ злорадствомъ, видѣлъ онъ перемѣну обстоятельствъ, но притворялся, будто не заботится вовсе о судьбахъ войны и весьма доволенъ тихимъ своимъ уединеніемъ. При дворѣ Валленштейна господствовала царственная пышность. Ему ежедневно прислуживали 60 пажей, одѣтыхъ въ бархатныя голубыя, обложенныя золотомъ, платья; и 20 камергеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые оставили службу при императорѣ. Стража, состоявшая изъ 50 человекъ, вооруженныхъ бердынями, охраняла дворъ замка. 300 отборныхъ коней стояли на конюшняхъ, и были моржъ изъ мраморныхъ яслей. Валленштейнъ задавалъ блестящіе пиры; онъ охотно смотрѣлъ, какъ гости его ѣли и веселились, между тѣмъ какъ самъ онъ оставался постоянно серьезнымъ и мрачнымъ. Онъ говорилъ мало, и подозрительно наблюдалъ за присутствующими. Высокъ былъ онъ ростомъ и крѣпко сложенъ; маленькіе, огневые глаза гордо смотрѣли изъ-подъ высокаго лба. Онъ носилъ, обыкновенно, лосиный колетъ, красную перевязь и пурпуроваго цвѣта плащъ; голову покрывалъ высокою шляпою съ развѣвающимися красными страусовыми перьями; ноги обувалъ въ сапоги съ отворотами. Съ тайнымъ страхомъ смотрѣли караульные солдаты, когда мрачный Валленштейнъ, посреди тишины ночной, прохаживался одинъ по двору замка, наблюдая за звѣздами.

Въ отъѣденныхъ своихъ обстоятельствахъ, императоръ Фердинандъ вспоминалъ, съ горькимъ раскаяніемъ, объ отеческомъ злоупотребленіи. Давнъ сгнѣтить оскорбленную его гордость и смѣнить въ набору новаго вой-

ска, императоръ отправилъ гонцовъ къ Валленштейну. Валленштейнъ скрылъ торжество свое и принялъ гонцовъ съ притворной холодностію. „Я не намѣренъ принять на себя неблагодарный трудъ, отвѣчалъ онъ: мнѣ хорошо жить частнымъ человѣкомъ; я желаю окончить дни мои въ покоѣ“. Но посланные пристали къ нему съ неотступными просьбами и представленіями, — и наконецъ онъ общалъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ набрать войско. Лишь только прошла молва, что Валленштейнъ собирается въ походъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться воины толпами къ знакомому знамени. Земледѣльцы оставляли плугъ, ремесленники покидали мастерскія, — чтобы весело пожить на широкомъ поприщѣ. У Валленштейна каждый солдатъ тяжелой конницы получалъ девять гульденовъ ежемѣсячнаго жалованья, легкой кавалеристъ получалъ шесть, пѣхотинецъ — четыре, — кромѣ ежедневнаго продовольствія мясомъ, хлѣбомъ, пивомъ и виномъ. Въ тѣ тяжкія времена, немногіе могли заработать столько самымъ усиленнымъ трудомъ. Валленштейнъ сдержалъ слово: въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, онъ набралъ войско въ 30,000 человѣкъ. „Вотъ вамъ войско—пришлите теперь полководца“, писалъ онъ въ Вѣну. Императоръ, видѣвшій ясно, что одинъ только тотъ, кто создалъ войско, и можетъ быть его вождемъ, еще разъ, принужденъ былъ умолять Валленштейна принять на себя начальство. Валленштейнъ соглашался, но подъ такими условіями, какія ни одинъ еще подданный, не предлагалъ своему государю. Письменно передалъ онъ императорскому послу такое свое „последнее слово“.

„Герцогъ Фридландскій назначается генералиссимусомъ императора, всего высочайшаго дома и короны испанской. Верховное начальство предоставляется ему безъ всякихъ ограниченій. Императоръ ни въ какомъ случаѣ не будетъ находиться при арміи. Въ обезпеченіе слѣдующаго вознагражденія, герцогъ Фридландскій получить въ залогъ одно изъ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній, которое и будетъ записано за нимъ по наилучшей формѣ. Въ видъ же экстра-ординарной награды, предоставляются ему въ верховное ленное владѣніе всѣ земли, какія онъ завоюетъ. Конфискаціи, а равно и пожалованія въ имперіи зависятъ отъ него одного. При будущемъ мирѣ за нимъ будетъ упрочено владѣніе Меллембургомъ. Необходимыя для веденія войны деньги будутъ выданы

впередъ, а въ случаѣ нужды—открыты для него всѣ императорскія наслѣдственные владѣнія“.

Налагать такія условія, значило свергать съ престола императора. Однако, тѣснимый до крайности, императоръ принялъ ихъ. Увеличивъ еще свое войско до 40,000 человекъ, Валленштейнъ, въ апрѣлѣ 1632 г., выступилъ изъ Цнайма, въ Моравіи, къ Прагѣ, взявъ приступомъ этотъ городъ и выгналъ изъ Богеміи курфирста съ его Садсонцами.

11. Густавъ и Валленштейнъ при Нюренбергѣ. (1632 съ іюля по сентябрь).

Очистивъ Богемію, Валленштейнъ могъ легко обратить войско свое въ Баварію на помощь Максимилиану. Императоръ ожидалъ этого, а курфирстръ приглашалъ Валленштейна самыми убѣдительными просьбами. Но мстительный полководецъ радовался бѣдственному положенію врага своего на регенсбургскомъ сеймѣ, и приказалъ сказать ему, что не можетъ оставить безъ войска Богемію, что, сверхъ того, онъ будетъ вести войну по своему, а не какъ желаютъ другіе. Максимилианъ, положеніе котораго становилось съ каждымъ днемъ невыносимѣе, посылалъ гонца за гонцомъ изъ Регенсбурга въ Богемію, и вызвался наконецъ безпрекословно повиноваться всѣмъ приказаніямъ Валленштейна, если онъ только немедленно соединится съ нимъ. Такое предложеніе было принято; однако, къ новому неудовольствію курфирста, сборнымъ мѣстомъ Валленштейнъ назначилъ не Регенсбургъ, но Эгтеръ, потому что, прежде всего, считалъ нужнымъ отнять у непріятеля Нюренбергъ. Впрочемъ, мнимое упрямство полководца оказалось мудрымъ расчетомъ: узнавъ о приближеніи Валленштейна, Густавъ Адольфъ поспѣшно оставилъ Баварію и прибылъ въ Нюренбергъ прежде своего противника.

Густавъ представилъ сенаторамъ предстоящую опасность и спросилъ, станутъ ли они помогать ему. Сенаторы согласились на всѣ его требованія: нѣсколько тысячъ молодыхъ гражданъ усилили войско короля, и болѣе 7,000 крестьянъ и солдатъ въ нѣсколько дней обнесли городъ окопами и рвами, такъ что поставленный въ немъ лагерь Шведовъ находился въ совершенной безопасности. Вскорѣ показалось соединенное войско Валленштейна и курфирста баварскаго; оно заняло окрестныя

возвышенности и, подобно Шведамъ, защитилось отовсюду окопами. Въ то время король былъ еще слабъ, и Максимилианъ очень желалъ напасть на него, но Валленштейнъ благоразумно удержалъ курфюрста. Онъ надѣялся донять голодомъ Шведовъ вмѣстѣ съ жителями Нюрнберга,—но городъ былъ обильно снабженъ припасами.

Одиннадцать недѣль стояли другъ противъ друга войска, только небольшія стычки бывали между ними. Солдаты Валленштейна такъ страшно опустошили страну, что вскорѣ должно было ѣздить за семь миль для продовольствія лошадей. Мало-по-малу къ Шведамъ стали подходить значительныя подкрѣпленія, и войско Густава усилилось до 70,000 человекъ. Густаву показалось жестокимъ обременять долге жителей Нюрнберга огромнымъ множествомъ людей, непріятель же не располагалъ оставить горы, — и выведенный изъ терпѣнія король рѣшился вести войска свои на приступъ къ укрѣпленнымъ возвышенностямъ. То было отчаянное предпріятіе. Валленштейнъ направилъ внизъ огонь всѣхъ своихъ орудій, ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ; Шведы подвигались впередъ подъ самымъ смертоноснымъ огнемъ. Отрядъ за отрядомъ гибли подъ выстрѣлами; храбрый герцогъ Бернгардъ веймарскій, подъ которымъ было убито уже нѣсколько лошадей, сталъ представлять королю невозможность побѣды; но всѣ слова его ни къ чему не послужили, и самъ онъ стремглавъ бросился въ огонь. Почти безумная отвага донесла его благополучно съ частью полка на самую вершину горы; но нельзя же было притащить за собою пушекъ, а къ тому же сумерки наступили,—и послѣ страшной рѣзни, герцогъ принужденъ былъ отступить. Наконецъ, послѣ десятичасовыхъ, почти не человѣческихъ усилій, пожертвовавъ нѣсколькими тысячами храбрыхъ воиновъ, король приказалъ трубить отбой. Густавъ созналъ самъ свое безразсудство, и, за ужиномъ, сказалъ ффальцграфу Фридриху: „мы сдѣлали ребяческую шалость, любезный братъ“.

Двѣ недѣли еще дожидался онъ въ лагерѣ, не сойдетъ ли внизъ Валленштейнъ, понуждаемый къ тому голодомъ, но не смотря на самый тяжкій недостатокъ, Валленштейнъ не тронулся съ горы. Тогда Густавъ самъ покинулъ свой лагерь и, въ совершенномъ порядкѣ, при громкомъ барабанномъ боѣ, при звѣздахъ трубъ, двинулся къ непріятелю, который

все-таки оставался спокойно на мѣстѣ и пропустилъ его. Прошли Шведы, и Валленштейнъ снялся тоже съ позиціи.

12. Битва при Люценѣ (16 ноября 1632 г.).

Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Шведовъ, Валленштейнъ поспѣшилъ въ Саксонію: онъ хотѣлъ принудить курфюрста къ отдѣльному миру съ императоромъ, а потомъ напасть съ тылу на ослабленное войско короля. Курфюрстъ посылалъ гонца за гонцомъ къ королю, прося у него самой скорой помощи. Покинувъ всѣ выгоды, прибрѣтенныя въ Баваріи, Густавъ мгновенно кинулся въ Саксонію, на помощь союзнику.

При походѣ черезъ Саксонію, народъ встрѣчалъ Густава съ неописанной радостью. Толпами стекался онъ къ своему спасителю, бросался передъ нимъ на колѣна, цаловалъ края его одежды, — такъ что король, досадуя на такія чрезмѣрныя почести, молвилъ однажды: „ужь не считаетъ ли меня богомъ народъ этотъ? Дѣла наши идутъ хорошо; но я боюсь, что правосудіе небесное накажетъ меня за такое заблужденіе, и явить этимъ безумнымъ людямъ, что я тоже смертный человѣкъ“.

Густавъ Адольфъ засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, при Наумбургѣ, на Саалѣ. Валленштейнъ думалъ, что король не предприметъ нападенія, по причинѣ поздняго времени года, ибо наступилъ уже ноябрь мѣсяцъ, и послалъ графа Паппенгейма съ значительнымъ отрядомъ взять Морицбургъ при Галле; оттуда Паппенгеймъ долженъ былъ идти къ Рейну. Но лишь только провѣдалъ объ этомъ Густавъ, какъ стануль свои войска, и, черезъ Вейсенфельсъ, бросился къ *Люцену*, небольшому городку неподалеку отъ Лейпцига.

Въ тотъ день, который долженъ былъ принести кровавое рѣшеніе, съ разсвѣта, густой туманъ облакалъ всю окрестность. Въ полумракѣ устроили полководцы свои дружины. Король съ молитвой сталъ на колѣна передъ цѣлымъ войскомъ; подъ звуки полковой музыки, солдаты запѣли хвалу Богу. Затѣмъ, Густавъ сѣлъ на коня, проѣхалъ по всѣмъ рядамъ, и, въ сильныхъ выраженіяхъ, старался воспламенить мужество воиновъ. Съ своей стороны, Валленштейнъ тоже объѣхалъ свои колонны, обѣщая награду храбрымъ и гибель трусамъ. Около 11 часовъ, солнце прорѣзало облака тумана, и оба войска въ боевомъ порядкѣ, со-

шлись лицомъ къ лицу. Король подалъ знакъ къ нападенію. Съ громкимъ воинскимъ крикомъ: „Съ нами Богъ!“ бросились Шведы черезъ большую дорогу на рвы, обстановленные императорскими войсками. Но смертоносный огонь рядами валить нападающихъ Шведовъ. Съ отчаянной храбростью бьются войска, побѣда колеблется. Дважды побѣдоносно врываются Шведы въ окопы, захватываютъ пушки, обращаютъ ихъ на непріятеля; и дважды непріятель отбрасываетъ ихъ съ значительнымъ урономъ. Наконецъ, правое крыло Шведовъ, подъ предводительствомъ самого короля, побѣдоносно прорвалось черезъ ряды непріятелей и погнало бѣгущія толпы ихъ передъ собою. Тутъ извѣстили Густава, что лѣвое крыло его дрогнуло и пришло въ безпорядокъ. Съ быстротой молніи, устремился король къ угрожаемому пункту; немногіе могли за нимъ слѣдовать. Близорукость короля привела его слишкомъ близко къ непріятелю; императорскій стрѣлокъ выстрѣлилъ по немъ и раздробилъ ему лѣвую руку. Перемогаемый болью, чувствуя себя готовымъ упасть въ обморокъ, король попросилъ герцога лауенбургскаго, ѣхавшаго позади, вывести его изъ давки. Въ ту же самую минуту, получилъ онъ второй выстрѣлъ въ спину и упалъ съ лошади, вздохнувъ и промолвивъ: „Боже мой, Боже мой!“ Около тѣла убитаго короля бросились въ рукопашную враги и друзья. Заржалъ королевскій конь, лишенный всадника; облитый кровью, помчался онъ по рядамъ Шведовъ и первый принесъ имъ страшную вѣсть о смерти обожаемаго ихъ полководца. Гнѣвъ еще болѣе придалъ силы Шведамъ. Какъ разъяренные львы подъ предводительствомъ храбраго герцога веймарскаго, нападаютъ они на врага, опрокидываютъ передъ собою все, отнимаютъ тяжелыя орудія и направляютъ ихъ противъ императорскаго войска. Уже побѣда рѣшительно остается за Шведами,—какъ вдругъ, со стороны Галле, Паппенгеймъ съ осмью свѣжими полками конницы является на мѣсто сраженія и битва возгорается снова. Исполненный кроваваго желанія сразиться лично съ ненавистнымъ королемъ шведскимъ, Паппенгеймъ кидается въ самую свалку. Уже обратилъ онъ въ бѣгство одинъ отрядъ непріятелей и готовится напасть на другой, какъ двѣ пули, одна за другой, пронизываютъ грудь храбраго генерала, и насилу могутъ его вытащить сподвижники изъ рукопашнаго боя. Только тогда узналъ онъ, что король убитъ и глаза его оживились радостію. „Скажите герцогу Фридландскому, молвилъ онъ;

что я лежу безъ надежды на жизнь, но умираю съ радостію, зная, что непримиримѣйшій врагъ моей вѣры палъ въ *одинъ день* со мною". Со смертію Паппенгейма пропало мужество его всадниковъ; ошеломленные ударомъ, они отступили, и только густой, вечерній туманъ спасъ ихъ отъ конечной гибели. Между тѣмъ, пѣхота Паппенгейма подошла изъ Галле на мѣсто сраженія, и долго еще упорно сопротивлялась. Наступившая ночь прекратила кровавую борьбу.

Битву при Люценѣ считали потерей для побѣдителей и выигрышемъ для побѣжденныхъ, ибо смерть короля была невознаградивою утратой для Шведовъ. На другой только день, недалеко отъ большого камня, отыскали трупъ короля, едва узнаваемый подъ кровью и ранами, раздавленный копытами лошадей, лишенный всякой одежды. Съ той поры этотъ камень прозывается шведскимъ камнемъ; нынѣ возлѣ него поставленъ новый памятникъ съ надписью и обсаженъ кругомъ тополями. Тѣло Густава Адольфа перенесли сначала въ Вейсенфельсъ, а потомъ, въ сопровожденіи неутѣшной его супруги, переправили въ Стокгольмъ и похоронили въ склепѣ предковъ. Золотую цѣпь и окровавленный колетъ короля, снятые съ него Крoатами, Валленштейнъ отправилъ къ императору. Что было послѣднимъ планомъ короля,—привело ли его въ Германію благочестивое усердіе къ угнетеннымъ единовѣрцамъ, или же привлекла его туда тщеславная жажда завоеваній—тайна эта похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Какъ блестящій метеоръ, явился онъ и исчезъ на небѣ Германіи.

Хотя Валленштейнъ и не признавалъ себя побѣжденнымъ, однако, отказался отъ Саксоніи и отступилъ въ Богемію. Въ Прагѣ держалъ онъ строгій судъ. По приговору военного судилища, одиннадцать высшихъ офицеровъ за побѣгъ были публично обезглавлены передъ ратушей, а другіе семь отведены на висѣлицу; имена пятидесяти офицеровъ, не оказавшихъ достаточной храбрости, были прибиты къ висѣлицѣ и знамя полка, прежде всѣхъ обратившагося въ бѣгство, всенародно сожжено рукою палача.

13. УМЕРЩВЛЕНІЕ ВАЛЛЕНШТЕЙНА, 25 ФЕВРАЛЯ 1634 г.

По смерти Густава Адольфа, завѣдываніе шведскими дѣлами въ Германіи принялъ на себя шведскій канцлеръ Оксенштіерна, человекъ, ода-

ренный великой прозорливостію и хорошо знакомый съ планами своего государя; а такъ какъ наслѣдницѣ престола было всего семь лѣтъ, то Оксенштиерна, съ соизволенія государственныхъ чиновъ, распоряжался съ неограниченнымъ полномочіемъ. Главное начальство надъ войсками передалъ онъ герцогу Беригарду веймарскому и старался устроить въ Гейльбронѣ болѣе тѣсное соглашеніе между протестантами. Но отлетѣлъ духъ Густава, который только и могъ придавать всему и всѣмъ силу и единство. Съ той поры, мелочное соперничество ставило преграды всѣмъ великимъ предпріятіямъ. Курфирстъ саксонскій считалъ недостойнымъ себя повиноваться приказаніямъ иностраннаго канцлера. Шведскіе полководцы Баннеръ, Торстенсонъ, Горнъ и Турнъ не хотѣли состоять подъ начальствомъ герцога веймарскаго. Баждый дѣйствовалъ особнякомъ, не поддерживая, другаго, не принимая отъ него приказаній. При такомъ разладѣ, могло статься, легко было бы Валленштейну напасть на нихъ по одиночкѣ и всѣхъ уничтожить; но онъ довольно долго продержался безъ дѣла въ Богеміи и, повидимому, даже радовался успѣхамъ Шведовъ. Его глубоко оскорбляло то, что враги его, съ недовѣріемъ слѣдившіе за каждымъ его шагомъ и все отыскивавшіе въ немъ предательскія намѣренія, безпрестанно чернили его передъ императоромъ, указывая какъ на подозрительнаго въ высшей степени человѣка и домогаясь его отставки: по отзывамъ этихъ враговъ, имѣлъ онъ еще съ Густавомъ Адольфомъ чрезвычайно подозрительную переписку, а теперь будто бы старался дѣйствовать за одно съ протестантами, чтобы, съ помощію ихъ, объявить себя королемъ богемскимъ. Немудрено, что императоръ сталъ подозрѣвать человѣка, неприступная гордость котораго уже давно была ему известна; немудрено, что и Валленштейнъ болѣе прежняго заботился теперь о собственной своей безопасности. Невозможно доказать, что у Валленштейна были предательскіе планы; но несомнѣнно, что самъ онъ далъ много поводовъ къ подозрѣнію. Такъ не отослалъ онъ въ Вѣну для наказанія графа фонъ-Турна, начавшаго безпорядки въ Богеміи и взятаго имъ въ плѣнъ въ Олмювъ, а отпустилъ его на свободу, безъ всякаго выкупа. Такъ, когда Беригардъ веймарскій ворвался во владѣнія курфирста баварскаго, и велѣно было спѣшить къ курфирету на помощь, Валленштейнъ, только послѣ седьмаго гонца отъ императора, двинулся въ походъ, да и то, достигнувъ Верхняго Пфальца, внезапно воротился

въ Богемію. Вообще, въ послѣдніе два года начальства надъ войскомъ, онъ постоянно щадилъ непріятеля, съ громадными средствами дѣлалъ немного, владѣнія императора угнеталъ и разорялъ императорскими же войсками. Не рѣшено до сихъ поръ, что было причиной тому; но враги и соперники Валленштейна нашли въ этихъ поступкахъ желанный поводъ очернить его при дворѣ измѣнникомъ. Наконецъ, императоръ, отрѣшивъ Валленштейна отъ главнаго начальства надъ войскомъ, объявилъ его въ опалѣ. Надо было Валленштейну подумать о своей безопасности. Онъ рассчитывалъ на вѣрность войска; но войско уже было отвращено отъ него тайными приверженцами императора. Даже Октавіо Пикколomini, о преданности котораго Валленштейнъ и неразлучный другъ его Сени,—казалось имъ,—прочитали въ звѣздахъ, обманулъ довѣріе, возложенное на него Валленштейномъ. Пикколomini подглядывалъ, слѣдилъ за дѣйствіями и планами друга своего и благодѣтеля и тайно старался навлечь на него подозрѣніе императора. Валленштейнъ, съ тремя полками, поспѣшилъ въ Эггеръ,—онъ думалъ найти убѣжище за стѣнами этой крѣпости. Но здѣсь-то и сдѣлался онъ жертвой гнуснѣйшаго предательства. Три полковника гарнизона, выведенные имъ изъ ничтожества, ирландецъ Лесли и два шотландца Бутлеръ и Гордонъ составили тайный заговоръ противъ его жизни. И еще до исполненія кроваваго замысла, эти проходивцы яростно перессорились изъ-за дѣлежа домовъ, драгоценностей и лошадей Валленштейна.

Сначала надо было сбыть съ рукъ друзей Валленштейна. 24 февраля, Гордонъ пригласилъ на ужинъ въ цитадель вѣрныхъ приверженцевъ Валленштейна Илло, Терцкаго, Кинскаго и Неймана. Передъ тѣмъ, заговорщики посвятили въ свою тайну Жеральдина, Деверу, Макдональда, Бирша и Песталоцци, по большій части ирландцевъ и шотландцевъ, уговоривъ ихъ на предполагаемое убійство.

Насталъ роковой вечеръ. Явились приглашенные гости. Они весело сѣли за столъ съ Гордономъ, Бутлеромъ и Лесли—и началось пированье. Вдругъ растворились двери столовой, вошелъ Жеральдинъ, во главѣ шести драгунъ, вооруженныхъ бердышами, и крикнулъ: „Эй вы! кто изъ васъ желаетъ добра императору?“—„Да здравствуетъ Фердинандъ!“ воскликнули Гордонъ, Бутлеръ и Лесли и отошли въ сторону: Убійцы

напали на гостей и всѣхъ ихъ изрубили. За дверьми, на переднемъ дворѣ, двадцать четыре драгуна убили между тѣмъ слугъ.

Затѣмъ, спустили подъемный мостъ и предатели поспѣшили въ городъ. Тамъ все было спокойно. Никто не зналъ и не предчувствовалъ, что рѣзня уже совершилась. Надо было нанести главный ударъ. Дабы предупредить всякое смятеніе, Лесли взялъ на себя занять улицу, ведущую къ жилищу герцога на площади, а Бутлеръ, Жеральдинъ и Деверу, съ отрядомъ драгунъ, втихомолку отправились къ этому жилищу. Было 11 часовъ вечера. Бутлеръ остался у дверей дома, Жеральдинъ занялъ сѣни. Шотландецъ же Деверу съ драгунами бросился вверхъ по лѣстницѣ. Камердинеръ, хотѣвшій удержать ихъ, былъ изрубленъ въ передней; другой убѣжалъ съ крикомъ: „мятежники, мятежники!“ На шумъ проснулся Валленштейнъ и вскочилъ съ постели. Въ тоже мгновеніе вышли дверь его спальни, и ворвался Деверу. Герцогъ стоялъ у окна, безъ оружія, безъ платья, какъ всталъ съ постели. „Не ты ли, мерзавецъ, заревѣлъ Деверу, не ты ли хочешь предать врагамъ народъ императора и сорвать корону съ головы его величества? Умри! Валленштейнъ не сказалъ ни слова, а только важно и холодно посмотрѣлъ на злодѣя. „Умри!“ повторилъ Деверу. Валленштейнъ пошевелилъ губами, поднялъ руки къ небу, и въ ту же минуту Деверу нанесъ ему въ грудь смертельный ударъ бердышемъ. Трупъ герцога завернули въ коверъ и отвезли въ цитадель, гдѣ положили съ тѣлами остальныхъ умершвѣвшихъ.

Такъ кончилъ этотъ человѣкъ, который, не смотря на свои недостатки, былъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей своего времени. — Заговорщики и ихъ пособники подѣлили значительную движимость герцога. Они захватили и бумаги его; но въ нихъ не нашлось ничего, что хоть сколько-нибудь указывало бы на измѣну императору.

До другаго дня площадь была занята солдатами и уставлена заряженными пушками, — этимъ хотѣли напугать приверженцевъ герцога и отворотить ихъ отъ всякой попытки къ отищенію. Но никто не ворвался за Валленштейна, — только плата да добыча приковывала большую часть солдатъ къ его знамени.

14. Битва при Нордлингенѣ (7 сентября 1634).

По смерти Валленштейна, главнымъ начальникомъ надъ войсками былъ назначенъ сынъ императора, король Фердинандъ венгерскій, а въ товарищи ему придали опытнаго въ военномъ дѣлѣ графа Галласа. Фердинандъ пользовался любовью войска и вскорѣ оправдалъ возложенное на него довѣріе. Съ войскомъ, усиленнымъ поддержками изъ Испаніи, онъ обратился къ Баваріи, дабы изгнать изъ нея Шведовъ. Первымъ военнымъ его подвигомъ было взятіе Регенсбурга. Потомъ занялъ онъ Верхній Пфальцъ и направился къ Нордлингену. пылая желаніемъ сразиться, юный герцогъ веймарскій, вопреки совѣтамъ Горна, настоялъ на томъ, чтобы дать сраженіе. Битва дана была 7 сентября 1634 г. и окончилась полнымъ пораженіемъ Шведовъ. Двѣнадцать тысячъ Шведовъ осталось на мѣстѣ, четыре тысячи, и между ними Горнъ съ тремя другими шведскими генералами, попали въ плѣнъ; при томъ всѣ орудія и весь обозъ достались побѣдителямъ.

Эта побѣда была тѣмъ же для католиковъ, чѣмъ, за три года и въ тотъ же самый день, была для протестантовъ побѣда при Брейтенфельдѣ. Положеніе Шведовъ сдѣлалось еще неутѣшительнѣе, когда отналъ отъ нихъ давно уже колебавшійся курфюрстъ саксонскій и заключилъ въ Прагѣ миръ съ императоромъ. Остальные нѣмецкіе князья, за исключеніемъ гессенскаго, тоже покинули Шведовъ, одинъ послѣ другого примирившись съ императоромъ. Теперь, когда сила Шведовъ была сокрушена почти совершенно, когда враждующія партіи дошли до изнеможенія, — всѣ стали цѣлко желать окончанія войны, которая чуть не всю Германію превратила въ пустыню. Въ такихъ обстоятельствахъ, могъ ли кто думать, что война просуществоуетъ еще 14 лѣтъ. Франція возгла снова пламя войны въ Германіи.

Давно уже французскій министръ, кардиналъ Ришелье, съ коварной радостію взиралъ на крайность Австріи и всей Германіи. Онъ домогался ослабить ея преобладаніе и усилить Францію на счетъ нѣмецкихъ провинцій. Онъ старался деньгами и обѣщаніями поддерживать раздоры между нѣмцами, чтобы ослабляли они другъ друга и сами способствовали завоевательнымъ его планамъ. Прежде всего, онъ бросилъ взоры

на прекрасный Альзасъ и на крѣпость Филиппсбургъ. Дотогѣ Ришелье только слабо поддерживалъ Шведовъ, но тутъ онъ возобновилъ союзъ съ ними, обѣщалъ щедрое вспомошествованіе людьми и деньгами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, — дабы всю силу Шведовъ обратить противъ императора, — убѣдилъ короля польскаго еще на 26 лѣтъ возобновить съ Шведами истекшее уже перемиріе. Франція и сама нашла случай выступить явно противъ императора и имперіи. Курфирстъ трирскій заключилъ съ Шведами договоръ, которымъ обязывался устраниваться отъ всякаго участія въ войнѣ, и затѣмъ, для охраны своего города, принять французскій гарнизонъ. Оскорбленный такимъ поступкомъ, король испанскій Филиппъ III выслалъ войска свои изъ Люксембурга противу Трира. Городъ былъ взятъ, французскій гарнизонъ изрубленъ, курфирстъ отведенъ въ плѣнъ. Ришелье объявилъ Испаніи войну, которая открылась въ Нидерландахъ и въ Италіи. Между тѣмъ, и противъ Австріи, союзницы Испаніи, выступило, безъ предварительнаго объявленія войны, французское войско.

Въ то время какъ Бернгардъ веймарскій, съ помощію Франціи, сражаясь на Рейнѣ, Шведы двинулись изъ Помераніи — вотъ какъ далеко они уже отступили — и 24 сентября 1636 г., подъ предводительствомъ Баннера и Врангеля, одержали при Виттстофѣ блистательную побѣду надъ соединенными австрійскими и саксонскими войсками. Вслѣдствіе этой побѣды, вся Турингія, весь Гессенъ освободились отъ императорскихъ войскъ и довѣріе протестантовъ къ шведскому оружію ожило снова. Несчастной Саксоніи пришлось испытать жестокую месть побѣдителя за союзъ свой съ императоромъ. Императоръ не дожидая до окончанія войны. Онъ умеръ въ Вѣнѣ 15 февраля 1637 г.; сынъ его, Фердинандъ, наследовалъ послѣ него и престолъ и войну.

15. Фердинандъ III (1637—1657).

Всю первую половину своего царствованія Фердинандъ III долженъ былъ провести въ ужасахъ этой войны изъ войнъ. Какъ въ прежнее время война богемо-пфальцская послужила поводомъ къ войнѣ датской, а эта послѣдняя повела за собою войну шведскую, такъ теперь смерть Густава Адольфа и побѣда при Нордлингенѣ произвели французскую

войну. Война началась изъ-за религіозной свободы; но внослѣдствіи религія мало по-малу отступила на задній планъ и мѣсто ея заняли своекорыстные виды разныхъ государей. По этому, съ теченіемъ времени, война эта все больше и больше утрачивала прежній свой интересъ. Французы помогали нѣмецкихъ владѣній на Рейнѣ, Швеція хотѣла расширить державу свою при Нѣмецкомъ морѣ. Въ нѣмецкихъ князьяхъ явно преобладало желаніе сдѣлаться независимыми; оттого и помогали они иноземцамъ. Несчастная Германія походила на великую добычу, которую туземные князья старались подѣлить съ иностранными.

Герцогъ веймарскій сражался противъ императорскихъ войскъ въ Альзасѣ,—онъ надѣялся для себя самого завладѣть этою страной. Ему посчастливилось въ этомъ предпріятіи: онъ разбилъ императорскія войска при Рейнфельдѣ и Брейзахѣ, и осадилъ эту крѣпость. Австрійское войско, высланное для освобожденія Брейзаха отъ осады, было тоже разбито и самый городъ взятъ 3-го декабря 1638 г. Но съ покоренія его, исчезло согласіе между Ришлье и Бернгардомъ. Ришлье надѣялся, что герцогъ ему передастъ важную крѣпость Брейзахъ, этотъ ключъ Германіи со стороны Франціи; а герцогъ отвергъ всякія чужія предложенія и общанія. Онъ вознамѣрился присоединить Брейзахъ къ завоеванному имъ Альзасу. Но смерть уничтожила всѣ планы его честолюбія. Онъ умеръ скоропостижно, 18 іюля 1639 г., въ Нейбургѣ на Рейнѣ, 34 лѣтъ отъ роду, вѣроятно отравленный Французами. Французы приняли къ себѣ въ наемники войска умершаго герцога и заняли въ свою пользу Альзасъ,—тогда уяснилась цѣль Франціи, какую имѣла она при подаваніи помощи герцогу Бернгарду.

Послѣ столькихъ бѣдствій безконечной войны, все громче и громче стало выражаться въ Германіи желаніе мира. Въ 1640 году, императоръ созвалъ сеймъ въ Регенсбургѣ: главная цѣль императора въ томъ состояла, чтобы побудить нѣмецкихъ князей отречься отъ иностранцевъ и соединенными силами изгнать изъ имперіи Французовъ и Шведовъ. Провѣдавъ о намѣреніяхъ императора, Баннеръ съ войскомъ своимъ, усиленнымъ французскими полками, поспѣшилъ къ Регенсбургу, съ цѣлью напасть врасплохъ на императора и на собравшихся тамъ князей. Эта смѣлая попытка не удалась однако; по причинѣ наступившей

оттепели, Банный принужденъ былъ удовольствоваться одной коннадой. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (10 мая 1641 г.).

По смерти Банныя, прибылъ изъ Швеціи Торстенсонъ съ деньгами и войсками. Съ нѣжнаго возраста, онъ былъ пажемъ при Густавѣ Адольфѣ, и, подѣ руководствомъ его, научился грозному военному ремеслу. Не смотря на то, что съиздавна страдалъ ревматизмами, онъ съ неизмѣрною быстротою дѣлалъ трудные зимніе походы, съ походныхъ креселъ или съ носилокъ отдавая свои приказанія. Изъ Люнебурга, онъ двинулся, черезъ Бранденбургъ, въ Силезію, завоевалъ Гроссглогау. и, 31 мая 1642, разбилъ при Швейдницѣ императорскія войска. Затѣмъ Шведы проникли въ Моравію, взяли Ольмюцъ, и, оставивъ въ сторонѣ крѣпкій Брюнъ, производили по всей странѣ смѣлые набѣги, заходя и внутрь Австріи; такъ шестеро всадниковъ отважились проникнуть даже до вѣскихъ мостовъ на Дунай, но были взяты въ плѣнъ и отведены въ городъ, гдѣ страннымъ одѣяніемъ, посадкой и языкомъ представили толпамъ народа необыкновенное зрѣлище. При такой явной опасности императорской столицы, поспѣшило къ ней войско, подѣ предводительствомъ Николомини и эрцгерцога Леопольда, и отгѣснило Шведовъ къ Саксоніи. Но 2 ноября 1642 г., Торстенсонъ одержалъ надъ императорскими войсками блистательную побѣду при Брейтенфельдѣ — мѣстѣ побѣды Густава Адольфа надъ Тилли; вслѣдствіе чего, онъ снова двинулся въ Моравію и сталъ вызывать семиградскаго князя къ тому, чтобы соединился съ нимъ и побудилъ Порту къ разрыву съ императоромъ. Торстенсонъ задумалъ исполнинскій планъ: идти прямо въ Вѣну и предписать миръ императору въ собственной его столицѣ. Но планъ этотъ былъ скорѣ разстроенъ.

Шведы приобрѣли себѣ новаго врага въ Датчанахъ, давно уже съ завистью смотрѣвшихъ на успѣхи оружія сосѣдей своихъ, — Датчане вступили въ союзъ съ императоромъ. Походъ изъ Моравіи въ Голштинію и Ютландію, до береговъ Нѣмецкаго моря, Торстенсонъ совершилъ какъ прогулку и наводнилъ всю страну своими полчищами. Потомъ обратился онъ назадъ, противъ императорскаго полководца Галласа, и отогналъ его отъ Нѣмецкаго моря, черезъ Эльбу, въ богемскія горы. Но при Янковикѣ встрѣтили его новыя императорскія войска, подѣ предводительствомъ Гацфельда и Геца. Здѣсь, 6 марта 1645 г., произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся совершенно во вредъ Австрійцевъ. Гейцъ и многіе

другіе генералы были разбиты, Гацфельдъ же, съ значительной колонной войска, со всѣми орудіями и обозомъ, попался въ плѣнъ. Остатки войска, въ крайнемъ безпорядкѣ, бѣжали къ Прагѣ, которую императоръ немедленно покинулъ, поспѣшно уйдя въ Вѣну. Въ первую минуту, ужась, произведенный этими успѣхами Шведовъ, былъ даже слыньѣ, тѣмъ послѣ пораженія Тилли при Лейпцигѣ. Прага тѣмъ только и спаслась, что гордая мысль Торстенсона вся была направлена на Вѣну. Недѣлю спустя, онъ стоялъ уже на Дунаѣ и угрожалъ столицѣ. Императорское семейство, казну, архивъ перевезли въ Грецъ. Но императоръ рѣшился защищать Вѣну до послѣдней крайности и началъ готовиться къ оборонѣ. Торстенсонъ рассчитывалъ—было, что присоединится къ нему князь семиградскій, но князь хотѣлъ, чтобы Торстенсонъ прежде всего завоевалъ ему Венгрію. Шведскій генералъ потерялъ наконецъ терпѣніе, отступилъ отъ Вѣны и рѣшился сначала взять остававшееся у него въ тылу сборное мѣсто, Брюннъ, а потомъ возвратиться къ Дунаю. Но крѣпость оборонялась упорно, и послѣ многихъ приступовъ, Торстенсонъ принужденъ былъ, съ громаднымъ урономъ, снять осаду. Недовольный всѣмъ, этимъ, отступилъ онъ въ Богемію и слезилъ съ себя главное начальство, которое, послѣ него, принялъ Врангель.

Между тѣмъ, уже двое изъ сподвижниковъ императора сошли съ поля сраженія. Въ 1645 г., жестоко тѣснимый, король датскій заключилъ миръ съ Шведами; черезъ двѣ недѣли, курфирстъ саксонскій, владѣнія котораго были раззорены въ конецъ, тоже заключилъ перемиріе. Курфирстъ баварскій послѣдовалъ этому примѣру, и императоръ остался совершенно одинъ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля. Полководецъ его, Галласъ, умеръ въ это время,—онъ самъ сталъ во главѣ войска и удерживалъ дальнѣйшіе успѣхи Шведовъ. Вскорѣ курфирстъ баварскій приказалъ своимъ войскамъ примкнуть къ войску императора, и Врангель принужденъ былъ отступить изъ Богеміи въ рейнскія области. Тамъ соединился онъ съ знаменитымъ французскимъ генераломъ Тюренномъ, и оба вмѣстѣ, съ страшными опустошеніями, прошли черезъ всю несчастную Баварію, между тѣмъ какъ шведскій генералъ Кёнигсмаркъ, 25 іюля 1648 г., занялъ предмѣстья Праги. Уже предстоялъ приступъ къ столицѣ; когда, наконецъ, послѣ столькихъ неизреченныхъ бѣдъ и страданій, раздалась, какъ голосъ съ неба, радостная вѣсть о мирѣ!

Въ Прагѣ началась роковая война, въ Прагѣ и погасло губительное пламя.

15. Вестфальскій миръ (1648).

Еще въ 1641 г., два вестфальскіе города, Мюнстеръ и Оснабрюкъ были назначены для переговоровъ посланниковъ воюющихъ державъ о давножеланномъ мирѣ, но только въ 1648 г. начались переговоры съ католиками — въ Мюнстерѣ, съ протестантами — въ Оснабрюкѣ. Папскій нунцій и венеціанскій посолъ, какъ посредники между обѣими сторонами, засѣдали тоже въ Мюнстерѣ. Дѣла же направлялъ преимущественно императорскій посланникъ, графъ фонъ-Траутмансдорфъ. Чрезвычайныя затрудненія возникли при отдѣльныхъ переговорахъ; каждая сторона хотѣла только выиграть, никто не желалъ хоть что-нибудь проиграть; нѣсколько разъ казалось, что переговоры не состоятся. Особенно непожѣрныя требованія дѣлали Французы въ Мюнстерѣ, Шведы въ Оснабрюкѣ. Между тѣмъ, какъ посланники вели переговоры, обоюдными хитростями и обманами до крайности запутывая всѣ отношенія, войска продолжали сражаться, а побѣды и пораженія то задерживали, то ускоряли ходъ переговоровъ посланниковъ. Конецъ переговоровъ даже преднамѣренно оттягивали, ибо воюющія державы со дня на день надѣялись, что успѣхъ оружія склонеть счастье на ихъ сторону, и посланники ихъ получаютъ возможность явиться съ большими еще требованіями. Только въ 1648 г., дѣятельность честнаго графа фонъ-Траутмансдорфа, крѣпко и искренно принявшагося за дѣла, привела миръ къ благополучному окончанію. Главные пункты мира были слѣдующіе:

Свобода и независимость Швейцаріи, отъ нѣмецкой имперіи, и Нидерландовъ, отъ Испаніи, формально признаны.

Франція удержала за собою Альзасъ, насколько простирался въ немъ австрійскія владѣнія, получала Зюндгау, крѣпости Брейзахъ и Филиппсбургъ: многія же крѣпости на Рейнѣ должно было срыть, такъ что Франція приобрѣла отырытый путь къ Германіи. Сверхъ того, признана была окончательно власть ея надъ лотарингскими епископствами: Мецомъ, Тулемъ и Вердѣномъ.

Швеція получила Верхнюю Померанію, островъ Рюгенъ, крѣпость Штетинъ, мекленбургскій городъ Висмаръ и секуляризованныя, т. е. обращенныя въ свѣтскія владѣнія, епископства Бременское и Верденское; притомъ—право засѣданія и голоса на нѣмецкомъ сеймѣ. Кромѣ того, обязывались выплатить Швеціи пять милліоновъ талеровъ за военныя издержки, покуда же соберетъ эти деньги истощенная Германія,—предоставлялось Шведамъ удержать за собою завоеванныя крѣпости.

За всѣми нѣмецкими князьями утверждена по закону давно уже отправляемая ими верховная мѣстная власть и, какъ принадлежность ея, право заключать между собою и съ иностранными державами союзы, съ тѣмъ только, чтобы союзы эти не служили во вредъ имперіи.

Въ отношеніи религіозномъ лютеранамъ и реформатамъ дарованы права наравнѣ съ католиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы оставались за ними всѣ церкви и церковныя имущества, которыми владѣли они съ 1624 г. Стало-быть, годъ этотъ былъ признанъ нормальнымъ. Этимъ самымъ втихомолку былъ отмѣненъ самъ собою прежній эдиктъ о возвратѣ церковныхъ имуществъ.

Миръ съ Швеціей былъ заключенъ въ Оснабрюкѣ 8 августа, съ Франціей—въ Мюнстерѣ 17 сентября; но оба мирные договора обнародованы только 24 октября. Всего унижительное для нѣмцевъ было то, что иностранцы, Шведы и Французы, взяли на себя ручательство въ неприкосновенности германскаго государственнаго устройства и всѣхъ условій мира, и что нѣмцы же должны были кормить и содержать чужеземцевъ до тѣхъ поръ, пока всѣ эти условія были исполнены въ точности.

Такъ окончилась тридцатилѣтняя война, самая бѣдственная, самая позорная, какую когда-либо вела Германія. Нѣкогда столь цвѣтушая, она представляла послѣ войны ужасающее зрѣлище. Тысячи мѣстечекъ, селеній и городовъ лежали въ развалинахъ; бездомно скитались кое-гдѣ несчастные жители. Только въ Богеміи да Моравіи, кромѣ многихъ городовъ и мѣстечекъ, исчезло болѣе 1,000 селеній, исчезло такъ, что и мѣстъ, гдѣ они существовали, опредѣлить невозможно. Цѣлыя страны, гдѣ когда-то цвѣла веселая и дѣятельная жизнь, превратились въ безплодные, страшныя пустыни. Поля лежали невоздѣланными; торговля и промышленность остановились; учебныя заведенія пришли въ запустѣніе или и совсѣмъ уничтожились,—они лишены были всякой поддержки, ибо

всѣ заботы были обращены исключительно на снаряженіе войска. Въ замѣнъ того, въ опустѣвшихъ странахъ расплодился дикіе звѣри и проникали даже въ города. Погибла почти половина населенія Германіи; заразительныя болѣзни, голодъ и отчаянныя свирѣпствовали между тѣми, которые ушли отъ меча враговъ. А къ тому, страшная бѣдность, безпрестанный видъ всеобщей скорби ожесточили сердца. Нигдѣ не было безопасности; вся страна кишѣла разбойниками и убійцами. И чего можно было ожидать отъ юношества, возросшаго во время войны, въ угнетеніи и нищетѣ, въ непрестанномъ ужасѣ и крайности, отъ юношества, не знавшаго отрадныхъ благословеній мира!—Послѣ столькихъ ужасовъ, Германія только мало-по-малу могла отдохнуть.

ГЛАВА V.

Неограниченные монархи.

ЛУДОВИКЪ XIV (1643—1715).

1. Франція и Германія.

Печальныя послѣдствія тридцатилѣтней войны отразились особенно тяжело, когда на французскій престолъ вступилъ самодержецъ, властолюбивый и гордый, поставившій себѣ цѣлю унижить всѣ сосѣдственныя державы и сдѣлать ихъ зависимыми отъ Франціи. Лудовикъ, еще шестилѣтнимъ ребенкомъ, былъ коронованъ королемъ Франціи, но до совершеннолѣтія, — правительницею была мать его, Анна австрійская. На 14-мъ году, онъ объявилъ себя въ парламентѣ совершеннолѣтнимъ и началъ царствованіе, безспорно, самое блестящее въ цѣлой французской исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конецъ разорившее бѣдный народъ.

Министры Ришлье и Мазарини сломили, самостоятельность дворянъ; парламенты же, разрѣшавшіе вниманіе податей, принуждены были безпрекословно исполнять во всеѣ волю короля. Разъ, члены парламента

рѣшились—было не уступать больше чрезвычайнымъ требованіямъ правительства, но молодой Лудовикъ, собиравшійся на охоту въ Сен-Жерменъ, весь опортъ прискакалъ въ Парижъ, вошелъ, въ охотничьемъ платьѣ и съ хлыстомъ въ рукѣ, въ собраніе и такъ прикрикнулъ на этихъ членовъ, что они смиренно согласились на всѣ требованія. Воля одного была закономъ для всѣхъ. Однажды, говорили, при Лудовикѣ, о государствѣ: „государство—это я!“ (*L'état, c'est moi!*) возразилъ онъ быстро. Немудрено, что Лудовикъ приобрѣлъ такую сильную власть, что императоръ и короли преклонялись передъ нимъ: стояло ему сказать одно слово и цѣлыя войска готовы были исполнять его повелѣнія.

Иное дѣло было въ Германіи, въ этомъ тудовицѣ съ сотнею головъ, гдѣ каждый князёкъ и герцогъ хотѣлъ играть роль короля, гдѣ никто не слушался императора и никто не заботился о благѣ имперіи. Въ Германіи, даже иныя богатые, мануфактурныя и торговые, города пытались достигнуть независимости старыхъ имперскихъ городовъ. Такъ Мюнстеръ, Эрфуртъ, Брауншвейгъ и Магдебургъ противились князьямъ во владѣніяхъ которыхъ они лежали, отказывались платить имъ налоги, не пускали къ себѣ ихъ гарнизоны. Пришлось унимать ихъ вооруженною рукою. Близжайшій совѣтникъ императора, князь Лобковицъ, состоялъ на жалованьи у Франціи,—духовные курфисты кельнскій, майнцскій и трирскій хотѣли, даже подать свой голосъ въ пользу избранія императоромъ германскимъ короля Лудовика XIV. Но протестанты сильно воспротивились этому и остались вѣрными австрійскому дому.

3. Курфирстъ бранденбургскій, противъ Лудовика.

Въ 1672 году, Лудовикъ XIV, самымъ несправедливымъ образомъ, нѣпалъ на Соединенные Нидерланды—и германскіе, пррейскіе князья были до того ослаблены, что пособляли ему. Нидерландцамъ грозила великая опасность, — напрасно взывали они къ сосѣдямъ о помощи. Одинъ только курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ бранденбургскій, опасаясь за свои вестфальскія владѣнія, да разчитывая на хорошее вознагражденіе за помощь, обѣщанное ему Голландцами, отважился выступить противъ Лудовика, и мало того: убѣждалъ также и императора приступить къ союзу. Но борьба долженъ былъ онъ раскаты въ этомъ! Онъ не зналъ,

что императорскій министръ, князь Лебковичъ, состоитъ на жалованьи у Французовъ, что министръ этотъ далъ тайное приказаніе генералу Монтекукули, который дѣйствительно выступилъ въ походъ съ 17,000 императорскимъ войскомъ, ни подъ какимъ видомъ, не вступать въ сраженіе съ Французами. Въ полной надеждѣ положить конецъ французскому хищничеству въ Голландіи, курфюрстъ соединился съ австрійскимъ полководцемъ въ Гальберштатѣ и оттуда прямо двинулся въ Вестфалію, чтобы прекратить грабительства въ ней *Тюренна*. Но Монтекукули различными доводами доказалъ ему, что гораздо выгоднѣе идти на Мозель, отрезать тамъ всякій подвозъ Французамъ, и въ Литтихской области соединиться съ Голландцами, — чрезъ то Французы принуждены будутъ сами оставить Вестфалію и Нидерланды. Фридрихъ Вильгельмъ уступилъ авторитету великаго полководца и, безъ ропота, не смотря на большой крикъ, последовалъ за нимъ, чрезъ гессенскія владѣнія, на Кобленцъ; — а такъ какъ Триръ, Майнцъ и Пфальцъ не позволили имъ, изъ страха Французовъ, пройти чрезъ свои владѣнія, — они должны были сдѣлать крюку еще больше. Когда уже можно было переправиться черезъ Рейнъ, Монтекукули охотнѣе не соглашался на это, подъ тѣмъ предлогомъ, что войска ихъ не въ состояніи сразиться съ генералами Тюренномъ и Конде. Нѣмецкое войско, измученное столькими бесполезными маршами, отступило опять, черезъ Гессенъ и Вестервальдъ, въ Вестфалію, на зимнія квартиры, откуда, однако, по причинѣ голода и непріязненныхъ дѣйствій мюнстерскаго епископа, державшаго сторону Французовъ, принуждено было удалиться за Везеръ. Такимъ образомъ превосходное войско, цѣлое лѣто и осень водимое по-напрасну, взадъ и впередъ, погибло отъ вѣроломства предателя!

Обманутый курфюрстъ лишился не только войска, но и обѣщанныхъ Голландцами за помощь денегъ; сверхъ того, онъ принужденъ былъ допустить Французовъ не только разорять вестфальскія его владѣнія, но и отнять у него крѣпости Везель и Реесъ. Тяжелыми жертвами онъ купилъ себѣ миръ у Французовъ.

3. ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ПРОТИВЪ ГЕРМАНИИ.

Лудовикъ XIV смѣялся надъ этими несогласіями германскихъ князей и даже позволялъ себѣ дерзкія выходки противъ нихъ. Такъ было от-

нято, безъ даѣнныхъ околичностей, имущество у германскихъ купцовъ, проживавшихъ на Рейнѣ; такъ былъ сожженъ рейнскій мостъ при Страсбургѣ; Трирская и Бельнская области, по которымъ столько разъ, взадъ и впередъ, проходили войска, — страшно опустошены; десять же имперскихъ городовъ въ Альзасѣ, по вестфальскому миру оставленные за имперіей, — присоединены къ Франціи. И все это дѣлалось во время мира. Лудовикъ съ намѣреніемъ дразнилъ императора Леопольда, — ему хотѣлось отнять у него всю Лотарингію и снова заключить миръ, подобный Вестфальскому.

И удалось все, чего добивался, различными поисками, Лудовикъ XIV. Императоръ, дорожа своею честью, не могъ дольше молчать: послѣ нѣсколькихъ тиетныхъ представленій, онъ объявилъ, въ 1673 году, войну Лудовику. Въ августѣ, 33-тысячный корпусъ, подъ предводительствомъ Монтекукули, двинулся изъ Верхняго Пфальца къ Майну. Тюреннъ шелъ уже ему на встрѣчу; ибо подразумевалось, что бѣдная Германія всегда должна быть театромъ военныхъ дѣйствій. При Оксенбургѣ, во Франконіи, сошлись оба войска. Австрійскому полководцу удалось стѣснить Французовъ до такой степени, что ничего не стоило бы ему уничтожить непріятельское войско, еслибы не получилъ онъ отъ измѣнника Лобковица тайнаго приказанія, ни подъ какимъ видомъ, не давать сраженія. Тюреннъ благополучно отступилъ къ Филиппсбургу, оставивъ, на пути черезъ Пфальцъ, отвратительнѣйшіе слѣды французскаго способа веденія войны. Тюреннъ былъ превосходный полководецъ, — онъ легко понималъ выгоды своего положенія и разбилъ нѣмцевъ при Гольцгеймѣ. Прекрасныя прирейнскія мѣста должны были жестоко поплатиться за недостатокъ единодушія въ имперіи. По приказанію военного министра Лудовика XIV, Лувау, въ Пфальцѣ были выжжены до-тла города и селенія, были прогнаны люди съ пепелищъ своихъ, и вся пограничная полоса земли между Германією и Францією превращена въ пустыню.

Фридрихъ Вильгельмъ съ 20,000 войскомъ хотѣлъ было подать помощь Австрійцамъ, — но послѣдніе отнюдь не желали раздѣлить съ нѣмцами славу побѣды и слишкомъ поторопились начать военные дѣйствія.

4. Великій курфирстъ при Фервеллинѣ (1675).

И на этотъ разъ пришлось великому курфирсту тяжело заплатить за свой патріотизмъ. Лудовикъ XIV заключилъ союзъ съ Шведами, — по указаніямъ его, они должны были вторгнуться во владѣнія курфирста. Въ декабрѣ 1674 г., межъ тѣмъ какъ курфирстъ съ своимъ войскомъ стоялъ во Франконіи, Шведы, подъ предводительствомъ фельд-маршала *Врангеля*, вторглись въ Померанію и Марграфство Бранденбургское, налагая на жителей обѣихъ провинцій громадные военные контрибуціи. Лудовикъ торжествовалъ; онъ думалъ, что нашелъ великолѣпное средство разъединить имперскую армію. Между тѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ пытался побудить къ войнѣ противъ Шведовъ дворы вѣнскій и копенгагенскій; но тотъ и другой отказались пособить ему. Напрасно тоже старался онъ приобрести себѣ союзниковъ на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. Ему надо было уже надѣяться только на собственные свои силы. Въ началѣ іюня 1675 г., двинулся онъ внезапно, достигъ форсированнымъ маршемъ Магдебурга, ночью переправился черезъ Эльбу и стоялъ подъ *Ратеновомъ*, когда всѣ думали, что онъ еще далеко во Франконіи. Велико было смущеніе Шведовъ, находившихся въ Ратеновѣ, когда они увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ. Большая часть изъ нихъ была изрублена, а остальные, равно какъ и Шведы стоявшіе въ Бранденбургѣ и окрестностяхъ, хотѣли-было бѣжать въ Гавельбергъ, гдѣ была главная квартира Врангеля; но курфирстъ послалъ на перерѣзъ имъ конницу и приказалъ сломать всѣ мосты. Принцу Гессенъ-Гомбургскому, съ 1600 конницы, поручено было задержать непріятеля, имѣвшаго до 7800 человекъ войска; но не начинать сраженія до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ самъ курфирстъ. При *Фервеллинѣ* Шведы сдѣлали привалъ и заняли выгодную позицію. Принцъ Гомбургскій, увлеченный мужествомъ своимъ, сдѣлалъ-таки нападеніе, но вскорѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Курфирстъ находился еще на цѣлую милю отъ мѣста битвы. Почти цѣлую милю бѣжали туда полнымъ бѣгомъ войска курфирста. Быстро обозрѣвъ онъ позицію, расположилъ свои орудія на незанятомъ еще холму и началъ громить непріятеля. Шведы съ яростію бросались къ холму и на бранденбургскія

орудія; уже поколебались нѣкоторые отряды, но явился курфирстъ и сталъ во главѣ нѣсколькихъ эскадроновъ, имѣвшихъ уже офицеровъ. „Не робѣйте“ воскликнулъ онъ, „я, вашъ государь, теперь вашъ предводитель, хочу или побѣдить или по-рыцарски умереть съ вами!“ Бранденбургцы опротивили вездѣ непріятеля, и Врангель началъ отступление къ Фербелличу. Вся артиллерія и обозъ его достались побѣдителямъ.

То была достопамятная битва, первая, какую выиграли одни Бранденбургцы и у непріятеля, котораго считали еще въ то время непобѣдимымъ. Самъ Монтекукули приказалъ три раза выстрѣлить въ честь побѣды. 2000 телѣгъ и безчисленное множество скота, изъ добычи, курфирстъ отдалъ тяжело пострадавшимъ крестьянамъ.

5. РЕЮНЬОННЫЯ КАМЕРЫ ЛУДОВИКА.

Храбрость, однако, немного помогла курфирсту, потому что когда дѣло дошло до Нимвегенскаго мира, императоръ долженъ былъ все уступить Шведамъ; Франшъ-Конте (вольное графство бургундское); — принадлежавшее прежде, какъ имперское лѣнное владѣніе, къ Германіи, было присоединено къ Франціи, крѣпость Фрейбургъ тоже ей уступлена. Мнѣнія германскихъ князей на счетъ этихъ уступокъ вовсе и не спрашивали, — а Фридрихъ Вильгельмъ одинъ не могъ прекословить; онъ принужденъ былъ даже возвратить только-что завоеванную Шведскую Померанію.

Завоеванныя нѣмецкія земли, казалось, только разлаголили Французовъ; имъ захотѣлось еще большаго. Лудовикъ попытался продолжать свои завоеванія и во время мира: парламентскій совѣтникъ въ Мецѣ, Роланъ де-Раво изобрѣлъ средство для того, чтобы „великій король“ могъ завладѣть не только лѣвымъ берегомъ Рейна, но, пожалуй, и всѣми берегами въ мірѣ. Онъ представилъ военному министру, *Лувеа*, что можно сдѣлать отличное употребленіе изъ выраженія въ послѣднихъ мирныхъ договорахъ: „такіе и такіе-то города уступаются Франціи *so es ist*, что принадлежитъ къ нимъ“, — слѣдуетъ только заглянуть въ исторію какія земли, города и селенія принадлежали когда-то къ той или другой области и, навѣрное, можно будетъ найти постоянную связь

между ними. Лувуа, на первых порахъ, — съездъ этого человека безумнымъ; однако, чѣмъ больше сталъ вдумываться въ это предложеніе, тѣмъ основательнѣе казалось оно ему, особенно же когда онъ сообразилъ, что растерзанной Германіи безнаказанно можно наносить всяческія оскорбленія. Онъ рѣшился представить мысль Ролана де-Раво королю, которому, какъ нельзя лучше, пришлась по душѣ возможность завладѣть, не обнажая меча, всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна. Дѣло началось въ законной юридической формѣ. Въ Мецѣ и Безансонѣ, потомъ въ Дорникѣ и Брейзахѣ были учреждены четыре „достопочтенныя“ судилища, называвшіяся „Бессоединительными Камерами“. Камеры эти обязаны были изслѣдовать обо всемъ, что принадлежало *когда-то* къ землямъ, уступленнымъ Французамъ по Вестфальскому и Нимвегенскому миру, — а за разслѣдованіемъ должно было идти и воссоединеніе съ Франціей. Можно себѣ представить какія открытія въ исторіи сдѣлали эти господа. Они присудили своему королю до 600 городовъ, селеній и замковъ. Король тотчасъ же пригласилъ владѣльцевъ этихъ городовъ, селеній и замковъ присягнуть новому верховному своему государю, а какъ они не являлись для такой присяги, то объявилъ ихъ лишенными владѣній. Напрасны были воины и жалобы противъ Лудовика. Онъ, въ одномъ лицѣ своемъ, былъ обвинителемъ, свидѣтелемъ, судьей и исполнителемъ приговора; наглый Лувуа доказывалъ справедливость грабежа тѣмъ, что по этому поводу нарочно учреждены были судныя комиссіи. Обиженные принесли жалобу нѣмецкому имперскому сейму: но въ сеймѣ шли споры о правахъ на красныя и зеленыя кресла при засѣданіяхъ и о правописаніи слова *Kurfürst*. Наконецъ-таки всѣ согласились на съѣздъ во Франкфуртѣ, куда и Лудовикъ обѣщалъ прислать пословъ. Но между тѣмъ какъ нѣмецкіе депутаты спорили на съѣздѣ о рангахъ и достоинствахъ, по которымъ подобаетъ имъ размѣститься въ собраніи, — Лудовикъ занялъ *Страсбургъ* и *Казале*, ключи Германіи и Италіи, да приказалъ обезоружить гражданъ страсбургскихъ, соборъ передать католикамъ, городъ же сильно укрѣпить. Епископъ Фюрстенбергъ встрѣтилъ короля въ соборѣ словами: „Нынѣ отпускаши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое!“ Такимъ позорнымъ образомъ отнять былъ у имперіи городъ, о которомъ Карлъ V такъ говаривалъ: „Еслибы Турокъ стоялъ

подъ Вѣной, а Французъ подъ Страсбургомъ, я бы посѣщилъ, скорѣе, къ угрожаемому Страсбургу!“

6. Осада Вѣны Турками. Янъ Собіескій (1683).

Скоро должна была пасть, — такъ думалъ Лудовикъ XIV, — и императорская резиденція, *Вѣна*, этотъ второй ключъ къ Германской имперіи, оплотъ ея съ востока. Въ неутомимомъ стараніи о погибелѣ Германіи, Лудовикъ подбилъ *Турокъ* къ нападенію на императора. Король Франціи, словно въ насмѣшку носившій титулъ христіаннѣйшаго короля, во все свое царствованіе, добивался разомъ сокрушить Германію, съ одной стороны силою собственнаго своего оружія, съ другой — оружіемъ исконнаго врага христіанства. Впрочемъ, и самъ императоръ былъ виномъ вторженій Турокъ. Онъ далъ полную волю Іезуитской партіи искоренить евангелическое исповѣданіе въ гордившейся своею свободою Венгріи; всѣ, кто держался тамъ этого исповѣданія, подвергались всякимъ угнетеніямъ и насильственно были обращаемы въ католицизмъ. Для предупрежденія возстанія, введены были въ Венгрію нѣмецкія войска, но Венгерцы поднялись за правое свое дѣло. Во главѣ ихъ сталъ отважный *Эммерихъ Текели*. Вскорѣ возстаніе охватило всю Венгрію, а Лудовикъ злорадно разжигалъ мятежъ чрезъ посредство своихъ агентовъ. Текели передался Туркамъ: онъ имѣлъ цѣлю возложить на себя, сдѣлавшись турецкимъ вассаломъ, венгерскую королевскую корону.

Старанія Лудовика XIV подбить Турокъ ко вторженію въ Германію совпадали съ планами великаго визиря *Кара-Мустафы*, человека уже пожилаго, но пылкаго, надменнаго и честолюбиваго, человека, который считалъ себя призваннымъ докончить дѣло борьбы исламизма съ христіанствомъ. Самъ лѣтъ онъ готовился къ своему предпріятію — завоевать Западъ. Подъ его знаменами были собраны цѣлыя арабскія племена, Бурды, Мамелюки, Албанцы, Татары, даже Греки. Всю зиму 1683 г., шли турецкія войска отъ Адріанополя на Бѣлградъ и Буду.

Положеніе Германіи, въ виду вторженія въ нее Турокъ, сильно озабочивало короля польскаго, Яна Собіесскаго. Онъ руководствовался тутъ не одними рыцарскими чувствами, ему свойственными, но и расчетами разумной политики. Удалить опасность отъ Германіи, значило обезопа-

ситъ Польшу отъ того врага, съ которымъ Собіескій боролся уже цѣ-
лыхъ 30 лѣтъ; ослабить турецкую силу, значило спасти европейское
христианство отъ постоянной опасности, значило дать возможность всѣмъ
славянскимъ народамъ собираться все болѣе и болѣе съ силами для бу-
дущаго ихъ развитія. Провидѣніе явно руководило мыслию послѣдняго
великаго короля Польши.

Императоръ предложилъ Собіескому, за его помощь, скупить поли-
тической союзъ союзомъ семейнымъ, лишь только сынъ Собіесскаго дос-
тигнетъ возраста необходимаго для брака; онъ обѣщалъ тоже даровать
титულъ принцевъ имперіи отцу и брату польской королевы; наконецъ, —
обеспечить за королеми и его семействомъ верховную власть надъ Мол-
давіей и Валахіей. Но король Янъ не увлекался личными выгодами, — онъ
хотѣлъ дѣйствовать только въ интересахъ своего народа и требовалъ,
чтобы оба государства взаимно обязались поддерживать другъ друга, по-
куда продолжится война; чтобы Австрія отназалась отъ притязаній на
соляныя копи Величии, чтобы, наконецъ, императоръ далъ денежное
вспомоществованіе на первыя издержки похода. И на этомъ не останав-
ливались планы Собіесскаго; онъ предлагалъ тоже возстановить респуб-
лику Пелопонезскую и Аѣинскую. Когда мусульмане были еще особенно
страшны, онъ уже думалъ отнять у нихъ прекраснѣйшую добычу ихъ,
Грецію, и прогнать ихъ навсегда въ Азію. Съ этою же цѣлію, онъ ста-
рался отдѣлить Венгровъ отъ Турціи, помирить Лудовика съ императо-
ромъ и втянуть въ союзъ противъ Турокъ венеціанскую республику, ца-
ря московскаго, даже Персію. Текели, по требованію Собіесскаго, не
смѣлъ отказать въ перемиріи съ императоромъ, — оттого, Леопольдъ могъ
употребить зиму на пополненіе своихъ магазиновъ, на укрѣпленіе раз-
ныхъ мѣстъ; на усиленіе арміи. Между тѣмъ, Лудовикъ XIV хлопоталъ,
чтобы императоръ не нашелъ себѣ внѣшней помощи противъ Турокъ:
для этой цѣли, онъ поручилъ своему посланнику въ Польшѣ, маркизу
де-Витри, подготовить паденіе Яна Собіесскаго.

Между знатыми, вліятельными Поляками, было много людей, по рав-
нымъ причинамъ, благопріятствовавшихъ видамъ Франціи. Всѣ недоволь-
ные, всѣ тѣ, кому наскучилъ покой Польши; кому надоѣла слава ихъ
вѣнчаннаго согражданина, Яна Собіесскаго, стали помогать ему въ его на-
мѣреніи ходатайствовать императору.

27-го января 1683 года, открылся сеймъ въ Польшѣ. Когда были допущены на сеймъ папскій нунцій и посланникъ императора, раздались такія рѣчи на сеймѣ: „Турки хотятъ подчинить своей власти все теченіе Дуная? А намъ что за дѣло! Два года тому назадъ, они угрожали Польшѣ, — помогъ ли намъ тогда императоръ? Теперь султанъ предлагаетъ намъ вѣчный миръ, — зачѣмъ же мы вооружимся противъ него? Турки намъ не враги; наши вѣчные враги — Бранденбургъ и Австрія, уже осмѣливавшіяся составлять договоры о раздѣлѣ Польской Республики. Къ тому же, наши предки всегда заботились о сохраненіи дружбы Франціи, которая угнетать насъ не можетъ, а можетъ только защищать насъ, — и мы ли отвергнемъ полезный союзъ французскій для того, чтобы помочь враждебному намъ государю, желающему посягнуть на наши земли и на наши учрежденія?“

Нѣкоторые изъ великихъ сановниковъ польскихъ, подкупленные Франціею, затѣвали даже низвергнуть Собіесскаго съ престола. Но Собіесскому удалось перехватить корреспонденцію французскаго посланника, въ которой онъ хвастался передъ своимъ государемъ, что онъ подкупилъ многихъ вельможъ, что даже легко было ему сдѣлать это, такъ какъ Поляки легкомысленны и продажны. Король отправился въ сенатъ; тамъ онъ велѣлъ прочесть перехваченные документы, столь обвинявшіе заговорщиковъ, которые, по большей части, были тутъ же на лицѣ. Разумный и великодушный, онъ выразилъ гнѣвъ и презрѣніе только одному вельможѣ, котораго письмо было тоже перехвачено, а затѣмъ объявилъ, что маркизъ де-Витри оклеветалъ прочихъ вельможъ, и, наконецъ, просилъ сеймъ объявить войну поддерживаемымъ Франціею Туркамъ, которые, угрожая Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаютъ и Польшѣ. Сеймъ единодушно согласился съ мыслию короля; даже заговорщики спѣшили одобрить её, чтобы избавиться отъ обвиненія въ измѣнѣ и въ продажности. Между тѣмъ, и общественное мнѣніе гнѣвно выразилось противъ посланника Лудовика XIV-го; онъ подвергся оскорбленіямъ на улицахъ; и одинъ вельможа говорилъ на сеймѣ, что надо отколотить его палками. Витри долженъ былъ оставить Польшу. Желая все-таки выслужиться, онъ представилъ своему государю, что Польша слишкомъ слаба для войны съ Турками; что если и втянется она въ войну, то Янъ Собіесскій, черезъ-чуръ тучный и подверженный подагрѣ, самъ лично не явится въ поле.

31-го марта, союзъ съ императоромъ, былъ заключенъ. Императоръ обязался имѣть 60 тысячъ войска, а Польская Республика—40 тысячъ на все время надвигающейся войны. Между тѣмъ, отрядъ казаковъ, грабившій около Адрианополя, перехватилъ письмо, въ которомъ говорилось, что Кара-Мустафа готовится напасть именно на Вѣну. Кароль Янъ предупредилъ объ этомъ императора; но императоръ не повѣрилъ извѣстію, какъ не вѣрилъ вообще въ польскую помощь—и не принялъ особенныхъ мѣръ для укрѣпленія Вѣны.

Между Бѣлградомъ и Будю, лѣнивый и роскошный султанъ Магометъ IV торжественно вручилъ Кара-Мустафѣ золотую одежду, лунъ осыпанный брилліантами, большое знамя пророка Магомета—и громадная турецкая армія тронулась въ походъ. Съ своей стороны, Лудовикъ XIV направился на Рейнъ, чтобы поразить окончательно австрійскій домъ. Въ виду двойной опасности, императоръ принужденъ былъ раздѣлить войска, и на Дунаѣ онъ могъ выставить не болѣе 30 тысячъ. Ожидали-было, что Турки осадятъ сильную крѣпость, Раабъ, и туда послѣдшилъ вождь императорскаго войска, Карлъ Лотарингскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ воиновъ своего времени. Но Турки обонили Раабъ. Карлъ Лотарингскій долженъ былъ отступить. Не далеко отъ Вѣны; онъ сразился съ Турками, и хотя не былъ разбитъ, однако, опять-таки принужденъ былъ къ отступленію. При извѣстіи о кровавой битвѣ, объ отступленіи Лотарингскаго (5 іюля), Вѣна была охвачена ужасомъ. А Леопольдъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, *говорить о настоящихъ обстоятельствахъ!* О нихъ, точно, перестали говорить; протекли сутки,—и вотъ, со стороны Венгріи, появились Татары, предавая все огню и мечу. И поплатились тутъ жестоко поселяне, которые мирно убрали свои поля. 7 іюля дворъ, преслѣдуемый проклятіями подданныхъ, справедливо приписывавшихъ все бѣдствіе дурному правленію и слабости императора, сломя голову бѣжалъ въ Линцъ. Гарнизонъ Вѣны, подъ начальствомъ доблестнаго графа Штаремберга, граждане вѣнскіе работали и день и ночь, чтобы затруднить непріятелю подступъ къ городу: они разрушали или жгли дома свои въ предмѣстьяхъ; но Турки дѣйствовали чуть ли не скорѣе чѣмъ пожаръ,—быстро поставили они батареи и открыли траншеи въ 200 только шагахъ отъ линіи укрѣпленій. Съ ужасомъ видѣли Вѣнцы какъ въ четыре дня выросъ во-

кругъ ихъ города другой городъ, гораздо обширнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ Вѣна, полный корованами купцовъ Европы и Азіи, блестящій всею роскошью Востока, городъ предназначенный потрошить Вѣну. Среди этого города-лагеря, возвышались, господствуя надъ Вѣною, Дунаемъ и лагеремъ, палатки Кара-Мустафы. У Кара-Мустафы тутъ былъ весь его сераль, весь его домъ. Мебель въ его палаткахъ была обтянута кашемиромъ, парчею, бархатомъ; его оружіе, его одежды, самъ онъ, сіяли золотомъ и дорогими каменьями. Не считая евнуховъ, невольниковъ, музыкантовъ, купцовъ, рабочихъ, женщинъ, у великаго визиря было подъ начальствомъ, по крайней мѣрѣ, 300 тысячъ воиновъ. На первыхъ порахъ, грозный вождь распоряжался съ удивительной, ужасающе быстротою: уже 15 іюня, Вѣна была обложена со всѣхъ сторонъ; 16-го началось бомбардированіе по всей линіи, — въ этотъ день театръ, одинъ изъ монастырей, одна богатая церковь, арсеналъ были обращены въ пепелъ; дворецъ императора разрушенъ; траншеи доведены на 30 шаговъ отъ крайней точки оборонительной линіи; воздвигнуты и новыя батареи; графъ Штарембергъ былъ раненъ; и великій визирь уже требовалъ, чтобы Вѣна сдалась на капитуляцію.

При вѣсти объ осадѣ и о началѣ ея, вся Европа пришла въ ужасъ. Самъ Лудовикъ XIV объявилъ, что во все продолженіе войны съ Турками воздержится отъ непріятельскихъ дѣйствій противъ австрійскаго дома, если только императоръ признаетъ, въ теченіи мѣсяца, *справедливость* его притязаній. „Великій“ король, въ этомъ случаѣ, невольно подчинялся общественному мнѣнію Европы, которая упрекала его за воздвигнутую имъ опасность для всего христіанства.

Между тѣмъ, король польскій спѣшно собирался въ походъ. Но императоръ, папа, Лудовикъ XIV, Кара-Мустафа были убѣждены, что Янъ Собіескій, этотъ великій воинъ, самъ по себѣ уже казавшійся великою помощію, не будетъ находиться при вспомогательномъ польскомъ войскѣ. Это мнѣніе съ разныхъ сторонъ послужило въ пользу имперіи. Лудовикъ XIV приостановилъ непріязненные дѣйствія противъ императора: доведя все-таки до крайности имперію, онъ надѣялся сдѣлаться единственнымъ спасителемъ Европы и для того уже заранѣе собирался съ силами. Кара-Мустафа замедлилъ первоначальную свою стремительность въ осадѣ Вѣны. Впрочемъ, тутъ орудовалъ и расчетъ его жадности: онъ

сообразилъ, что если продолжать осаду съ особенной энергіей, то всѣ богатства двора, духовенства, дворянства, купечества въ Вѣнѣ могутъ погибнуть отъ грабежа во время приступа, — ему все хотѣлось малопе-малу довести городъ до сдачи. Къ тому-жъ, живя въ лагерь со всѣми роскошными удобствами своего обыкновеннаго дома, онъ проводилъ время черезъ-чуръ уже по домашнему, — оттого, только изрѣдка, и то мелькомъ, посѣщалъ онъ осадныя работы.

Время текло; насталъ августъ. Тревога въ Европѣ удвоивалась; но увеличивались и силы императора. Бурфирсты Баварскій и Саксонскій выступили въ походъ съ своими войсками на соединеніе съ Карломъ Лотарингскимъ; изъ Рима, отъ папы и кардиналовъ, изъ Испаніи и Португаліи, присылались денежные пособія; волонтеры со всей Европы, даже Французы, стекались подъ императорскія знамена. Но самая большая помощь ожидалась все-таки отъ короля польскаго. Однажды посланникъ императора и нунцій панскій бросились къ его ногамъ, обнимали его колѣна. Императоръ предложилъ, наконецъ, Собиесскому навсегда цѣловенгерское королевство, если только король Янъ возьмется завоевать его у Турокъ, да если сохранить австрійскому дому древнюю столицу его предковъ. Но король отвѣчалъ, что онъ будетъ дѣйствовать не изъ личныхъ расчетовъ, а во славу Божию и на пользу христіанскаго міра.

Не выждавъ даже сбора всѣхъ войскъ своихъ, 15 августа, онъ выступилъ въ походъ къ Германіи. Ему было тогда 59 лѣтъ; духъ его былъ бодръ, но тѣло изнемогло отъ трудовъ: безъ посторонней помощи, онъ уже не могъ садиться на коня. При вѣстѣ о его походѣ, возродились надежды на спасеніе въ цѣлой Европѣ; вся Германія ликовала, какъ отъ побѣды; отовсюду стремился народъ на встрѣчу героическому королю. Зато, Лудовикъ XIV весьма раздвѣвался и арміи своей велѣлъ вторгнуться въ Нидерланды. Одинъ только Кара-Мустафа остался спокойнымъ, онъ вовсе не вѣрилъ въ походъ Собиесскаго; онъ продолжалъ вѣло вести осаду, довольствуясь лишь разширеніемъ брени въ вѣнскихъ укрѣпленіяхъ, да изрѣдка частными приступами, или же мелкими стычками съ войсками Карла Лотарингскаго.

Между тѣмъ, Вѣна была въ весьма опасномъ положеніи: новальныя бомбы, бомбардированіе, приступы, котомили гарнизоны до крайности;

уже почти два мѣсяца продолжалась осада, — въ эти два мѣсяца истощились военные и продовольственные припасы, а притомъ подкопы неприятеля подъ укрѣпленія безпрерывно грозили смертною опасностію. Графъ Штарембергъ далъ знать Карлу Лотарингскому, что осажденные не могутъ болѣе держаться. Императоръ и Европа не сомнѣвались, что по мощи Вѣнѣ придетъ слишкомъ поздно. Съ началомъ сентября, опасность еще возросла: бомбардированіе усилилось; передовыя укрѣпленія были разрушены; Штарембергъ наскоро укрѣпилъ входы въ улицы, — то было послѣднее средство его мужества и отчаянія. Каждую ночь, онъ пускалъ съ колокольни Св. Стефана ракеты въ знамя крайняго своего положенія. — Но вдругъ, на вершинѣ Бабенберга блеснуло яркое пламя, — тамъ стояли уже войска польскаго короля, тамъ была цѣлая армія. Несказанно оживило это защитниковъ Вѣны.

Еще 5 сентября, встрѣтился на Дунаѣ Карлъ Лотарингскій съ Яномъ Собіескимъ. Плача отъ радости, приняли знаменитаго вождя имперцы, — солдаты, дворяне, принцы. Передъ тѣмъ, раздоръ царствовалъ между союзными принцами, но тутъ разомъ раздоръ прекратился: безпрекословно поступили всѣ подъ начальство героя. Не задалго до прибытія короля, Карлъ Лотарингскій, стоявшій на лѣвѣмъ берегу Дуная, устроилъ черезъ рѣку эту тройную мостъ; Кара-Мустафа допустилъ это сдѣлать безприпятственно. Однако, курфирсты колебались переправиться за рѣку. Погода стояла крайне-ненастная; отъ долгихъ, проливныхъ дождей дороги сдѣлались почти непроходимыми; все это усиливало опасенія нѣмецкихъ вождей. Но король Янъ не колебался. — „Нечего тутъ страшиться, — сказалъ онъ: военачальникъ, который, имѣя трехсотъ-тысячную армію, допустилъ построить мостъ у себя подъ-носомъ, не минуетъ пораженія“. 6 сентября, союзное войско перешло Дунай. Поляки шли впереди, изумляя Нѣмцевъ великолѣпиемъ своего оружія, роскошью одежды, красотою коней. Союзная армія состояла изъ 70 т., въ томъ числѣ было 18 т. Поляковъ.

Но и послѣ переправы черезъ Дунай, предстояло одолѣть еще много затрудненій и опасностей. Чтобы достигнуть турецкаго войска и вступить съ нимъ въ битву, приходилось спуститься съ крутыхъ вершинъ, идти сквозъ узкія ущелья, черезъ глубокія расщелины, черезъ лѣса и скалы; а надо замѣтить, что значительнѣйшая часть союзнаго войска

состояла изъ кавалеріи, для которой такія мѣста почти недоступны. Мысль провести тутъ армию могла оправдываться только побѣдою, и успѣхъ союзниковъ изъясняется единственно крайней распущенностью оттоманской арміи, ея изумленіемъ, и магическимъ вліяніемъ имени короля польскаго. Съ глубокимъ безножойствомъ, шли имперцы; оттого, Поляки всегда были впереди. Многія тысячи крестьянъ пролагали дорогу черезъ лѣсъ. Пѣхота тащила на рукахъ артиллерію да и то малаго калибра. Офицеры и солдаты несли на себѣ провизію; въ кормъ лошадей шли дубовыя листья. Нѣкоторые изъ передовыхъ солдатъ, достигнувъ вершинны горы, прежде арміи, и увидавъ лагерь турецкій, пришли въ ужасъ, который и сообщили-было нѣкоторымъ частямъ союзнаго войска. Но сдержанностію своею, веселостію своихъ рѣчей, король Янъ успокоилъ всѣхъ и каждаго. — Этотъ многотрудный походъ продолжался ровно трое сутокъ.

Въ лагерь турецкомъ сначала не хотѣли вѣрить прибытію польскаго короля, но когда увидали его армию, уже спускавшуюся съ горъ, ужасъ распространился между Турками, и безъ того приведенными въ разстройство долгой осадою, болѣзнями и развратомъ лагернымъ; тотчасъ же начались побѣги изъ мусульманскаго войска. Собравъ военный совѣтъ, Кара-Мустафа увидалъ, что уныніе овладѣло и его генералами. Нѣкоторые паши совѣтовали отступить. Но великій визирь и слышать не хотѣлъ объ этомъ: онъ задумалъ, въ одно и тоже время, сдѣлать приступъ къ Вѣнѣ и запереть проходы съ Баленберга. Средства у него были на это: кромѣ отрядовъ, оставленныхъ подъ Раабомъ, подъ Пресбургомъ, передъ Коморномъ, онъ имѣлъ еще до 170 т. войска.

Мы опишемъ знаменитый день 12 сентября 1683 года, день спасенія Вѣны, Германіи, а, можетъ быть, и всей Европы, со словъ письма короля Яна къ супругѣ его Маріи Каролинѣ.

„Да будетъ благословенно имя Господне на вѣки! онъ далъ побѣду нашему народу; онъ далъ ему торжество, подобнаго которому не видали прошедшія времена. Вся артиллерія, весь лагерь мусульманъ, несчетныя богатства; достались намъ въ руки. Подступы къ городу, окрестныя поля покрыты трупами невѣрныхъ, а остатокъ ихъ бѣжить въ великомъ ужасѣ. Люди наши поминутно приводятъ верблюдовъ, муловъ, быковъ, овецъ, которыхъ непріятель имѣлъ съ собою, а свѣрхъ того, без-

численное множество пленниковъ. Къ намъ является тоже множество перебѣжчиковъ, большую частію ренегатовъ, хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ. Побѣда была такъ внезапна, такъ чрезвычайна, что въ городѣ, равно какъ и въ лагерѣ нашемъ, всё еще были въ тревогѣ, — думали какъ бы врагъ не воротился. Онъ оставилъ намъ пороку и снарядовъ на миллионъ флориновъ“.

„Въ эту ночь, я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, котораго давно желалъ видѣть. Наши люди изъ обоихъ подпалили пороки во многихъ мѣстахъ: взрывъ былъ, какъ на страшномъ судѣ, однако, никто не раненъ. Тутъ я увидалъ какъ образуются облака въ атмосферѣ. Но все-таки жаль: отъ этого взрыва, потери, по крайней мѣрѣ, на полмилліона“.

„Убѣгая, визирь все покинулъ; я сдѣлался его наслѣдникомъ; большая часть его сокровищъ досталась мнѣ въ руки.“

„Наступая съ первой линіей и гоня визиря передъ собою, встрѣтилъ я одного изъ его служителей, который и привелъ меня въ его палатки. Однѣ эти палатки равняются пространствомъ Варнавъ или Львову. Такимъ образомъ, достались мнѣ всѣ украшенія и знамена, которыя обыкновенно носятъ передъ визиремъ. Большое количество знамя я отослалъ къ св. отцу. Сверхъ того, мы имѣемъ богатые палатки, великолѣпные экипажи, тысячи другихъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ вещей. Тебѣ не придется сказать мнѣ, какъ говорятъ татарскія женщины своимъ мужьямъ, возвращающимся безъ добычи: „Ты не воинъ, потому что ничего мнѣ не принесть, — только воинъ въ переднихъ рядахъ можетъ захватить что-нибудь!“

„Я имѣю тоже лошадь визиря со всѣмъ убранствомъ. За нимъ самимъ очень близко гнались, да онъ успѣлъ-таки ускользнуть. Его каіаія, или первый помощникъ, убитъ также какъ и множество другихъ главныхъ офицеровъ; наши солдаты добыли множество саблей оправленныхъ въ золото. Ночь помѣшала преслѣдованію, да и Турки на бѣгу, защищаются съ остревененіемъ; однако, янычары были рабы въ траншеяхъ и ночью ихъ всѣхъ истребили. Таковы были гордость и надменность Турокъ, что можъ тѣмъ какъ одна часть ихъ арміи дралась съ нами, другая дѣлала приступъ къ городу. Да и было имъ тѣмъ вѣяться: не считая Татаръ, я полагаю, что у нихъ было до 300,000 подъ ружьемъ; другіе же считаютъ 300,000 палатокъ, что составило бы число людей еще го-

раздо большее. Впрочемъ, я полагаю, что палатокъ было тысячъ сто; занимали онѣ три громадные лагери. Вотъ уже двѣ ночи и цѣлый день распоряжается въ нихъ кто хочетъ; горожане изъ Вѣны тоже принимаютъ участіе въ добычѣ; я увѣренъ, что ее хватитъ на 8 дней. Разбѣгавъ, Турки оставили много плѣнныхъ изъ мѣстныхъ жителей, особенно женщинъ; впрочемъ, они и побили изъ нихъ сколько могли. Много женщинъ убитыхъ, но многія только ранены и, можетъ, еще выздоравлиють. Вчера я видѣлъ 3-хъ лѣтняго ребенка, прелестнаго мальчика, которому одинъ изъ этихъ подленовъ раздробилъ голову зубами. Въ одномъ изъ замковъ императора визирь добылъ себѣ прекраснѣйшаго живаго страуса; но и ему отрубили голову, чтобъ не доставался христіанамъ. Невозможно описать всѣхъ утонченностей роскоши, какія визирь соединилъ въ своихъ палаткахъ. Тутъ были бани, садики съ фонтанами; садики съ кроликами, даже поугай, за которыми наши солдаты гонялись, но не могли поймать“.

„Нынче я ѣздивъ взглянуть на городъ; онъ не могъ продержаться долѣе 5 дней. Дворецъ императорскій обезображенъ ядрами; его огромные бастионы всѣ въ трещинахъ и на-половину разрушены. Всѣ войска хорошо исполнили свою обязанность; они приписываютъ побѣду Богу и намъ. Въ ту минуту, какъ непріятель началъ отступать (самый страшный ударъ былъ тамъ, гдѣ я находился, насупротивъ визиря), всѣ кавалерія остальной арміи понеслась ко мнѣ, на правое крыло, такъ какъ въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ уже почти нечего было дѣлать; тутъ прискакали курфирстъ Баварскій, принцъ Вальденскій и другіе; они обнимали, цѣловали меня; генералы же цѣловали у меня руки и ноги; солдаты, офицеры пѣшіе и конные, кричали: *Ah! unser braver König!* *) Всѣ повиновались мнѣ, даже лучше чѣмъ мнѣ“.

„Сегодня, я видѣлъ герцога Лотарингскаго и курфирста Саксонскаго; вчера мы не могли встрѣтиться, потому что они были на концѣ лѣваго крыла; я имъ давалъ нѣсколько эскадроновъ нашихъ гусаровъ. Бомендантъ города, Штарембергъ, тоже явился ко мнѣ; всѣ называютъ меня спасителемъ. Я былъ въ двухъ церквахъ, гдѣ народъ цѣловалъ мнѣ одежду, руки и ноги; другіе, не могшіе ко мнѣ протѣсниться, кричали:

*) Ахъ! нашъ доблестный король.

„Ахъ дайте намъ цѣловать ваши побѣдоносныя ружья!“ Казалось, они хотѣли кричать вивать! но ихъ удерживалъ страхъ предъ офицерами и другими начальниками; впрочемъ, среди народа слышалось нѣчто въ родѣ „вивать.“ Я замѣтилъ, что начальники смотрятъ на все это дурно; оттого, пообѣдавши у коменданта, я поспѣшилъ оставить городъ и возвратиться въ лагерь. Толпа проводила меня до воротъ...”

„Какъ только визирь увидѣлъ, что не можетъ больше держаться, онъ призвалъ своихъ сыновей и расплакался, какъ ребенокъ. Потѣмъ, онъ сказалъ татарскому хану: „Спаси меня, если можешь.“ Ханъ отвѣчалъ: „мы хорошо знаемъ города польскаго; противиться ему не возможно; подумишь лучше какъ бы спастись отсюда...“ Императоръ далъ мнѣ знать, что онъ въ одной милѣ отсюда. Но, кажется, у него нѣтъ большой охоты меня видѣть, — можетъ быть, по причинѣ этикета. Онъ спѣшитъ въѣхать въ Вѣну, чтобы отслужить благодарственные молебны, а я уступаю ему мѣсто. Я очень радъ, что могу избѣжать этихъ церемоній; и такъ кормили ими насъ довольно.“

Прибавимъ еще нѣсколько подробностей къ правдивому разсказу короля о томъ, что было тотчасъ послѣ его знаменитой побѣды.

На другой день, онъ въѣхалъ въ Вѣну въ ту самую брешь, въ которую, безъ него, вошли бы варвары. Народъ вѣнскій, видя его руки и одежду, кричалъ: „Ахъ зачѣмъ не онъ нашъ государь!“ — И сердитые взоры сановниковъ императорскихъ не могли остановить народнаго восторга. Когда король присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи въ соборномъ храмѣ св. Стефана, одинъ изъ священниковъ произнесъ въ восторгѣ: „Бысть человекъ, посланъ отъ Бога, имя же ему Іоаннъ!“

Воротившись въ лагерь, въ палатки визиря, король всю ночь писалъ письма къ супругѣ своей и къ Людовику XIV, этому старшему сыну церкви, христіаннѣйшему королю, — онъ считалъ долгомъ извѣстить его о своей побѣдѣ. Людовикъ не отвѣчалъ на это письмо. — Кстати скажемъ, что французскій журналъ, *Mercure Galant* , вслѣдствіи стараясь умалить заслугу и славу короля польскаго, онъ говорилъ, что и всякой государь тоже бы сдѣлалъ; что Людовикъ предлагалъ помощь, но сдѣлавъ ненависть Леопольда отвергла её; что, тѣмъ не менѣе, король Франціи бомбардированіемъ Алжира сдѣлалъ полезную диверсію; что Вѣна своимъ спасеніемъ одолжена, прежде всего, благоразумному поведенію графа

Штаремберга, потомъ жидовъ, наны и всей церкви да деньгамъ при-
сланнымъ отъ наны, безъ которыхъ нельзя было бы и войско набрать,
и уже наконецъ, — королю польскому, сила котораго такъ сильна, что
Турки, *свероятъ безъ всякаго боя*, сняли осаду...

Конечно, даже естественно, что Лудовикъ XIV не отдавалъ должной
справедливости Яну Собіескому: зато у него были свои причины. Но
не естественными, возмутительными является поведеніе императора Лео-
польда въ отношеніи великаго человѣка, спасшаго его столицу и всю
имперію.

При первомъ слухѣ о побѣдѣ, Леопольдъ посѣщившій въ Вѣну, но уз-
навъ о встрѣчѣ со стороны народа королю польскому, — замедлялъ свой
путь, чтобъ не быть свидѣтелемъ этого торжества. Наконецъ, онъ уз-
налъ, что король Янъ, проницательный въ расчеты его гордости, бѣжалъ
въ свою очередь передъ нимъ, направивъ походы свой въ Венгрію, — и
появился среди своего народа, „мужеству котораго, — такъ выражается
журналъ Лудовика XIV, — одолженъ онъ сохраненіемъ своей столицы,
если только государи могутъ быть одолжены чѣмъ-нибудь своимъ под-
даннымъ.“ — Курфирсты, принцы, сановники настойчиво говорили импе-
ратору, что ему слѣдуетъ имѣть свиданіе съ избавителемъ Вѣны. Вздо-
нованный Леопольдъ держалъ большой совѣтъ для обсужденія *важ-
наго* вопроса: какъ быть при свиданіи, — кому имѣть правую руку: ему,
императору, или его знаменитому гостю, какъ вообще обратиться къ из-
бирательному королю? — Съ отверстыми объятіями, если онъ спасъ им-
перію, — отвѣчалъ на послѣдній вопросъ Карлъ Лотарингскій.

Вотъ какъ описываетъ самъ король Янъ свиданіе свое съ императо-
ромъ.

„Третьяго дня, я имѣлъ свиданіе съ императоромъ.... свиту его со-
ставляли 50 придворныхъ лавальеровъ, разные сановники и министры;
сопровождалъ его и курфирстъ Баварскій.... Мы поклонились другъ дру-
гу довольно въжливой: я ему сказалъ привѣтствіе по-латыни, въ немно-
гихъ словахъ; онъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, въ немыслимыхъ вы-
раженіяхъ. Затѣмъ, я представилъ ему моего сына, императоръ даже и
къ сыну не пригнулся. Также поступалъ онъ съ сенаторами и гет-
манами... Чтобы избежать скандала, я еще сказалъ нѣсколько словъ, а
затѣмъ мы раскланялись и я возвратился въ мой лагерь....“ Императоръ

пожелалъ видѣть нашу армию; но люди наши очень раздосадованы и громко жалуются на то, что императоръ, за всѣ труды и лишения ихъ, не удостоилъ изъяснить имъ своей благодарности даже прикосновеніемъ къ шляпѣ. Разставшись, мы какъ будто и не знали другъ друга. Намъ не даютъ болѣе никакихъ припасовъ....“—Разсказываютъ, что король Янъ на холодное и неловкое выраженіе благодарности императора такъ отвѣчалъ: „я очень радъ, государь, что могъ оказать вамъ эту маленькую услугу.“

Но „маленькая услуга“ имѣла громадныя, и ближайшія и отдаленныя, послѣдствія. Для того времени, она спасла Германію отъ дикаго нашествія Турокъ и отъ безмѣрнаго честолюбія Лудовика XIV; на всѣ послѣдующія времена она подорвала турецкую силу и дала возможность развиться въ будущемъ молодой силѣ другого славянскаго народа, Провидѣніемъ избраннаго къ великой роли.

7. Принцъ Евгенийъ, храбрый рыцарь.

Лудовикъ XIV началъ снова хищническія свои войны. Снова отторгаются земли отъ Нидерландовъ и Германской имперіи, снова опустошаются страшно рейнскія провинціи. Французская алчность не щадитъ даже мертвыхъ: изъ соборовъ Шпейера похищено Французами нѣсколько серебряныхъ гробовъ. Побѣду за побѣдой одерживали полководцы Лудовика надъ соединенными войсками Голландій, Англіи, Испаніи и Австріи. Но въ то время, какъ величіе и гордость Лудовика достигли своего апогея, близко уже было и его паденіе. Французу, по рожденію, суждено было отмстить за все зло, нанесенное имперіи французскимъ тиранномъ.

Принцъ Евгенийъ былъ младшій изъ пятирехъ сыновей Евгения-Морица, графа Суассонскаго, происходившаго отъ боковой линіи герцоговъ савойскихъ. Евгенийъ родился, въ 1663 г., въ Парижѣ. Ребенкомъ онъ былъ слабаго здоровья, поэтому и предназначили его къ духовному званію. Рано началъ онъ ревностно изучать греческій и латинскій языки; Лудовикъ XIV, иногда видая Евгения, въ шутку называлъ его „аббатомъ.“ Но юнѣна чувствовалъ отвращеніе отъ теологіи — и всю охотнѣе читалъ древнихъ историковъ, въ особенности же тѣхъ, которые описывали военные подвиги великихъ героев. Отца Евгения умеръ ра-

но, а мать его была принуждена оставить дворъ и переселиться въ Нидерланды. Старшіе сыновья ея давно уже получили полки; и Евгений сталъ просить себя полкъ, но король, презиравшій его за малый ростъ, нашелъ такую просьбу странною выходкою, и приказалъ сказать ему, что лучше ему быть духовнымъ.

Евгению было 20 лѣтъ, когда разнеслась вѣсть о войнѣ съ Турками. Многіе недовольные французскіе офицеры вступили въ австрійскую службу, чтобы сразиться съ невѣрными; императоръ Леопольдъ принялъ ихъ съ радостью. Молодой Евгений такъ храбро сражался при спасеніи Вѣны, что императоръ наградилъ его драгунскимъ полкомъ. Но слабая фигура и сѣрый плащъ, въ которомъ Евгений имѣлъ обыкновеніе ѣздить верхомъ, долго еще вызывали въ императорскихъ солдатахъ шутивыя слова: „что маленькій капуцинъ вырветъ немного турецкихъ бородъ.“

Скоро, однако, онъ сумѣлъ приобрести себѣ болѣе уваженія. Во время турецкихъ войнъ онъ не отходилъ отъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ принца Лудовика Баденскаго и отъ знаменитаго Карла Лотарингскаго, наблюдалъ за всѣми ихъ планами, выполнялъ самыя трудныя ихъ порученія. Герцогъ Карлъ, возвратившись въ Вѣну, представилъ его императору въ такихъ выраженіяхъ: „въ этомъ молодомъ героѣ разцвѣтаетъ первый полководецъ его вѣка.“ Слова эти исполнились на дѣлѣ. Въ нѣсколько лѣтъ Евгений достигъ званія генералъ-фельдмаршала и разбивалъ лучшихъ полководцевъ Лудовика XIV. Гордый король всячески добивался примириться съ опаснымъ врагомъ: онъ предлагалъ ему намѣстничество въ Шампань, званіе маршала Франціи и 2,000 ливровъ ежегодной пенсіи; но принцъ отвѣчалъ французскимъ посланникамъ: „передайте вашему королю, что я—императорскій фельдмаршалъ, и что санъ этотъ стоитъ жезла французскаго маршала. Денегъ мнѣ не надо; пока я честно служу моему государю,—у меня будетъ ихъ достаточно.“ До самой смерти своей, онъ остался вѣрнымъ австрійскому дому.

Наружность Евгения была невзрачная; но его маленькое, легкое и весьма подвижное, тѣло нѣсколько окрѣпло въ военныхъ трудахъ, и блѣдный цвѣтъ продолговатаго его лица превратился въ мужественную смуглоту. Онъ держалъ себя всегда прямо и всякому, съ кѣмъ говорилъ, глядѣлъ быстро въ глаза. Голосъ его при командѣ былъ силенъ и ясенъ; въ прочихъ случаяхъ, даромъ-что Французъ, онъ говорилъ обдуманно и

медленно. Онъ имѣлъ длинный носъ и черныя, огненные глаза. Носъ онъ постоянно набивалъ испанскую табаконь, а шлыкъ и Фридрихъ Великій, отчего и держалъ ротъ всегда открытымъ. Его черные волосы рано посѣдѣли; по тогдашней модѣ, онъ покрывалъ голову огромнымъ парикомъ.

Евгеній былъ окруженъ и снисходительнѣе, охотно принимая заслуги другихъ. Его внимательность простиралась даже на меночи, и офицеры столько же боялись его проницательнаго взгляда, сколько и громадной его памяти. Въ сумятицѣ боя, онъ всегда былъ хладнокровенъ, спокоенъ; страхъ былъ чуждъ ему. Дѣятельность была его стихіей; въ лѣта полной силы, онъ доводило воеваніе только тремя часами сна.

Отдохновеніе онъ находилъ въ занятіяхъ математикой, исторіей и философіей. Даже въ старости, онъ помнилъ невѣроятныя страницы изъ древнихъ исторіографовъ. Всѣ диспозиціи для атакъ и осадъ онъ набрасывалъ самъ. Солдаты любили его и удивлялись ему. За то и онъ берегъ своихъ людей, не жертвовалъ ими безъ нужды; чрезвычайно заботило его содержаніе войска, въ особенности же на зимнихъ квартирахъ, и когда оказывался въ чемъ-нибудь недостатокъ, онъ рѣшался скорѣе дать впередъ своихъ денегъ, нежели допустить недостатка въ нихъ, въ день платежа. За то онъ требовалъ точности, исправности въ службѣ и строгого повиновенія. Деэртировъ онъ часто застрѣливалъ, во время побѣга, собственноручно.

Высшій военный совѣтъ въ Вѣнѣ, предписывавшій каждый шагъ полководцу, да еще послѣ скучнѣйшаго разсматриванья и изображенія, часто поражалъ безсиліемъ лучшія военныя операціи Евгенія. Такъ, когда Турки начали отступать черезъ Тиссу, въ *Данубію*, совѣтъ не разрѣшилъ Евгенію наступательныхъ дѣйствій. Но Евгеній, не обращая вниманія на вѣнскій военный совѣтъ, напалъ на турецкую армію, когда она переходила черезъ рѣку (1697 г. 11 сент.), и одержалъ рѣшительную побѣду, — Турки потеряли 30.000 убитыми и 6.000 плѣнными. Битва кончилась при закатѣ солнца, „какъ будто“ — такъ писалъ Евгеній въ своемъ донесеніи въ Вѣну, „солнца медлило закатомъ“ для того, чтобы и послѣдними лучами озарить блистательную побѣду императорскаго оружія. При началѣ битвы явился курьеръ отъ военнаго совѣта съ приказаніемъ не вступать въ сраженіе; Евгеній, не прочитавъ депешы, при-

казалъ курьеру явиться — и храбро бился до тѣхъ поръ, пока не одержалъ побѣды. Въ Вѣнѣ хотѣли за это казнить его смертію, но императоръ спазналъ: „сохрани меня Богъ, чтобы я наказалъ человека, чрезъ посредство котораго Господь ниспослалъ мнѣ столько добра.“

8. ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

1 ноября 1700 г. умеръ испанскій король Карлъ II, послѣдній изъ мужскаго колѣна габсбургскаго дома испанской линіи; ближайшія права на испанскій престолъ доставались теперь габсбургско-австрійской линіи. Но Лудовикъ XIV объявилъ о своемъ притязаніи на великую монархію, къ которой еще принадлежали Неаполь и Миланъ, Сицилія и Нидерланды. Лудовикъ XIV основывался на томъ, что былъ женатъ на старшей дочери Карла II, которая, впрочемъ, торжественно отреклась отъ всѣхъ своихъ правъ на испанскую корону. Предъявляя свои права и Максимилианъ-Эммануилъ, курфюрстъ баварскій, который тоже находился въ родствѣ съ испанскимъ королевскимъ домомъ. Лишь умеръ Карлъ II, Лудовикъ XIV воскликнулъ: „теперь для Франціи нѣтъ болѣе Пиренеевъ“, и тотчасъ же послалъ войско въ Испанію, съ цѣлью заставить признать королемъ внука своего Филиппа Анжуйскаго, который торжественно въѣхалъ въ Мадридъ и вступилъ на испанскій престолъ подъ именемъ Филиппа V.

Императоръ Леопольдъ объявилъ войну Франціи. Онъ нашелъ союзника въ новомъ королѣ Фридрихѣ I, прусскомъ, который послалъ ему въ помощь 10,000 Бранденбургцевъ; вступили въ союзъ съ императоромъ и могущественныя морскія державы, Англія и Голландія, которыя, ради собственной безопасности, не могли допустить такого увеличенія могущества Французовъ. Позднѣе пристали къ союзу Португалія и Савойя. Союзными войсками предводительствовали два великіе полководца, *принцъ Евгений*, и британскій герой, герцогъ *Мальборо*. Лудовикъ XIV тоже нашелъ себѣ союзниковъ: Два нѣмецкіе курфюрста Максимилианъ баварскій, которому Франція обещала Нидерланды, и братъ его, курфюрстъ кельнскій, приняли сторону Лудовика, за что и были объявлены императоромъ въ государственной опалѣ. Бровопролитная война продолжалась на моряхъ и на сушѣ до 1714 года.

Евгеній отырылъ компанію въ 1701 году, двинувшись съ тридцатитысячнымъ войскомъ въ Италію, гдѣ утвердился храбрый французскій полководецъ *Катина*. У Альпъ представились ему первыя препоны. Всѣ проходы были заняты Французами, и Катина считалъ совершенно невозможнымъ, чтобы Евгеній перебрался чрезъ горы. Но для этого втораго Аннибала не существовало непроходимыхъ горъ. Крутая гора заграждала одинъ проходъ, о которомъ Французы поэтому и не заботились. Евгеній снабдилъ нѣсколько полковъ крючьями, буравами, порохомъ; солдаты и офицеры начали работать—и въ нѣсколько дней была проложена чрезъ скалу дорога въ 6 миль длины и 9 футовъ ширины. По этой дорогѣ втаскивали одна за другой пушки и разобранныя телѣги; потомъ, посредствомъ канатовъ, вѣровъ и подъемныхъ машинъ, спускали подъ гору на другую сторону. Прежде, чѣмъ могъ воспрепятствовать Катина такой переправѣ, Австрійцы заняли равнину отъ Вероны до Эча. Евгеній то обманывалъ Катина маневрами, то оборонялся окопами, не допуская до нападенія на себя, а наконецъ, самъ напалъ на него, при *Карми*, и разбилъ на голову.

Доблестно сражался Евгеній и въ сообществѣ съ Мальборо, который, завладѣвъ укрѣпленными мѣстами въ Нидерландахъ, обратился въ Германію и соединился съ Евгеніемъ. Они встрѣтили соединенныя силы Французовъ и Баварцевъ при *Гохштедтѣ* (или при сосѣдней деревнѣ *Блиндгеймѣ*), гдѣ и произошло генеральное сраженіе (1704). Мальборо, во главѣ Англичанъ и Гессенцевъ, стремительно бросился на Французовъ, прорвалъ ряды ихъ, и обратилъ въ бѣгство. Гораздо труднѣе было положеніе Евгенія, сражавшагося на лѣвомъ крылѣ противъ Баварцевъ. Три нападенія были отбиты Баварцами, и только при четвертомъ натискѣ, когда курфирстъ увидѣлъ Французовъ уже въ полномъ бѣгствѣ, далъ онъ приказаніе отступать. 20,000 Французовъ и Баварцевъ остались на полѣ битвы; 15,000 были взяты въ плѣнъ; вся военная касса, 5,800 повозокъ, 117 пушекъ и 300 знаменъ достались въ руны побѣдителямъ. Французы бѣжали за Рейнъ и курфирстъ послѣдовалъ за ними.

Вскорѣ затѣмъ, умеръ императоръ Леопольдъ. Ему наследовалъ сынъ его, Иосифъ I, и продолжалъ вести войну, съ одинаковою настойчивостью, въ пользу своего брата, эрцгерцога Карла. Франція выслала лучшихъ

свои войска, лучших своих полководцевъ, но они претерпѣвали поражение за поражениемъ. Въ Нидерландахъ Евгений и Мальборо выиграли большое сраженіе при *Уденардѣ* (1708), а послѣ того Евгений взялъ французскую крѣпость *Лилль*, считавшуюся неприступной. Въ то же время Франція испытывала великій голодъ, — слѣдствіе жестокой зимы. Народъ былъ въ отчаяніи; государственная казна истощена; долги возросли непомерно. Тогда упалъ духомъ, смирился гордый король, такъ долго и безнаказанно попиравшій права государей и народовъ. „Я охотно откажусь отъ Испаніи, Вестъ-Индіи, Милана и Нидерландовъ, говоритъ онъ, если только оставятъ внуку моему, Филиппу, Неаполь и Сицилію“. — „Ни одной деревни изъ всей испанской монархіи не будетъ уступлено габсбургскимъ домоу“ — таковъ былъ отвѣтъ австрійскаго и англійскаго полководцевъ. И на это согласился Лудовикъ, онъ готовъ былъ даже уступить Альбасъ и многія другія укрѣпленія на границахъ Савойи и Нидерландовъ, но и эти уступки удрученнаго судьбою и старостью короля были отвергнуты побѣдителями. Противники его настаивали, чтобы онъ самъ выгналъ внука изъ Испаніи. Лудовику ничего больше не оставалось, какъ отважиться на крайнее средство. Еще разъ французскій народъ принужденъ былъ выставить войско, начальство надъ которымъ было ввѣрено опытному *маршалу Виллару*. Въ Бельгіи, недалеко отъ *Мальмлаката*, произошло генеральное сраженіе, самое кровопролитное изъ всей войны. Французы сражались въ высшей степени мужественно, тѣмъ не менѣе побѣда осталась на сторонѣ союзниковъ.

Положеніе Лудовика было отчаянное; еще разъ сдѣлалъ онъ предложеніе о мирѣ, согласился на всѣ требованія, даже вызывался помочь деньгами для изгнанія внука своего изъ Испаніи. Но кичливые побѣдители упрямые стояли на томъ, чтобы самъ дѣдъ началъ войну противъ внука. Уже эрц-герцогъ Карлъ вступилъ въ Мадридъ; подъ именемъ короля Карла III, и побѣдилъ французскую партію (1710), какъ два неожиданныя событія совершенно измѣнили весь ходъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ (1711) году, умеръ отъ оспы Іосифъ I, и Карлъ III испанскій сдѣлался германскимъ императоромъ и наслѣдникомъ австрійскихъ владѣній; при соединеніи къ этимъ владѣніямъ всей испанской монархіи должно было составить такую державу, которая угрожала бы опасностью всѣмъ государствамъ Европы. А притомъ Мальборо впалъ въ немилость у королевы

своей, Анны, и долженъ былъ сложить съ себя званіе монарха. Вслѣдствіе этого, *Утрехтскій миръ* (1713 г.) былъ выгоденъ для Людовика, чѣмъ могъ онъ ожидать: внукъ его, Филиппъ V, удержалъ Испанію только подъ условіемъ, чтобы никогда она не соединялась съ Франціею. Испанскіе Нидерланды, Миланъ и Сардинія получили Карлъ. Вступивъ на императорскій престолъ, подъ именемъ Карла VI, и будучи оставленъ своими союзниками, онъ согласился на все это, при Раштадтскомъ мирѣ (1714).

9. Уничтоженіе Нантскаго эдикта.

Послѣ юности, исполненной всяческихъ увлеченій и грѣховъ, Людовикъ впалъ въ ханжество; госпожа де-Ментенонъ, на которой онъ тайно позыбался, съумѣла, при помощи іезуитовъ, дѣйствовавшихъ на короля посредствомъ духовника его, *Ла-Шаа*, — отлично воспользоваться этою наклонностію. Генрихъ IV утвердилъ нантскій эдиктъ въ протестантами (гугенотами) полную свободу вѣроисповѣданія. Умевъ давнихъ моръ это было бѣзъмомъ на глазу для руководимой іезуитами, строго-католической партіи. И вотъ, представили «великому» Людовику, какою бы милость Божью онъ заслужилъ, если-бы пожелалъ обратить совращенныхъ грѣшниковъ къ истинной вѣрѣ. Ему доказывали, что долготѣ не будетъ онъ настоящимъ самодержцемъ (неограниченнымъ властителемъ), пока два милліона его подданныхъ исповѣдываютъ другую, нежели онъ самъ, вѣру; его увѣрили, что мудрый Генрихъ IV не удалъ бы нантскаго эдикта, еслибы имѣлъ власть Людовика.

Обманутый король повелѣлъ тотчасъ же приступить къ дѣлу обращенія. Во все провинціи были посланы драгуны и священники. Кто добровольно не откажется отъ своего исповѣданія, того предписывалось принуждать силою. Несчастные клялись, что готовы живыми жертвовать за короля, но что не могутъ мѣнять вѣру, словно платье. Тогда явились драгуны. Безчеловѣчные солдаты ставились на квартиры къ гражданамъ реформатамъ и распоряжались ихъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ. Все, что было нажито честнымъ трудомъ, что обернулось многіе годы, все уничтожили солдаты въ нѣсколько недѣль; варварски истреблялись еще при этомъ. Твердыхъ въ вѣрѣ бросали въ тюрьмы, казнили,

духовныхъ лицъ даже колесовали. У женщинъ, пѣвчихъ реформатскіе гимны, отрывали косы; у родителей отнимали дѣтей и отдавали ихъ въ католическіе сиротскіе дома; съ проклятіями и угрозами, влекли насильно стариковъ къ алтарямъ и тамъ заставляли ихъ принимать св. причастіе по католическому обряду. Дабы никто не могъ ускользнуть изъ Франціи, — на границахъ стояли войска и со всякимъ, кто не имѣлъ свидѣтельства отъ епископа, поступали, какъ съ государственными преступниками. Реформатовъ травили словно дикихъ звѣрей.

Неистовства эти начались въ *Беарнѣ*, потомъ очередь дошла до *Верхней и Нижней Гізэнны, Сентонжа, Нугу, Ламедока и Дофине*. Вслѣдъ затѣмъ, демонъ фанатизма обратился на *Нормандію, Шикардію, Бретань, Шампань* и другія внутреннія провинціи. До Лудовика доходили только ничтожныя подробности изъ этихъ сценъ ужаса; напротивъ, его часто радовали извѣстіями, что расколъ въ государствѣ становится все меньше; такъ довели его до убѣжденія, что нантскій эдиктъ сдѣлался излишнимъ, что его должно отменить. 18-го октября 1685 года, обнаруженъ былъ новый, утвержденный согласіемъ всѣхъ парламентовъ, эдиктъ, въ которомъ говорилось, что нантскій эдиктъ данъ только въ видахъ содѣйствія къ соглашенію обѣихъ религіозныхъ партій, а такъ какъ цѣль эта уже достигнута, то и нѣтъ болѣе надобности въ немъ; что остальныхъ *немногочисленныхъ* реформатовъ слѣдуетъ признавать людьми безпokoйными, которыхъ должно строгостію привести къ повиновенію. Подъ страхомъ тюремнаго заключенія и потери всего имущества, воспрещалось реформатамъ всякое сходбище по дѣламъ вѣры. Всякій реформатъ, покушавшійся выселиться, и всякій пасторъ, въ теченіи двухъ недѣль не оставившій страны, присуждался къ галерамъ.

По изданіи эдикта 18-го октября, началась настоящія драгомады. Подземныя темницы наполнялись несчастными, все преступленіе которыхъ состояло лишь въ томъ, что они не хотѣли ходить въ католическія церкви. Отчаяніе гонимыхъ достигло крайнихъ предѣловъ. Но насилие съ одной стороны, вызвало хитрость съ другой: какъ ни заботливо охранялись войсками границы, все-таки болѣе 50,000 семействъ нашли средство ускользнуть изъ Франціи, перенести свои имущества и способность къ труду въ сосѣднія государства. Большая часть этихъ семействъ

грантовъ были искусные и трудолюбивые ремесленники, оттого протестантскіе государи принимали ихъ съ радостью. Въ Англіи и Германіи, стали изготовляться французскія тани, кружева, шпалы и чулки, — что до тѣхъ поръ привозилось изъ Франціи. Цѣлое предѣстье Лондона населилось французскими рабочими шелковыхъ нздѣлій. Принцъ Вильгельмъ Оранскій и герцогъ Савойскій составляли цѣлые полки изъ французскихъ эмигрантовъ: Курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ бранденбургскій, принявшій ихъ въ числѣ 20,000 человекъ, далъ черезъ это многихъ наставниковъ своимъ подданнымъ въ совершенно-неизвѣстныхъ имъ дотогѣ искусствахъ и ремеслахъ.

10. Блескъ и тщеславіе Лудовика.

Лудовикъ былъ не злой и не дюжинный человекъ. Тотъ кто совершилъ столь много великихъ предпріятій, кто произвелъ потрясеніе во всей Европѣ, кто смогъ заставить цѣлую націю рабски боготворить себя, кто смогъ представлять всю эту націю въ одномъ лицѣ своемъ, того Провидѣніе, конечно, одарило необыкновенными силами. Онъ былъ одаренъ пламеннымъ желаніемъ славы и величайшіи заблужденія не могли усыпить его духа до того, чтобы, хоть на мгновеніе, позабылъ онъ величіе и достоинство своего народа. Всѣ рѣши и поступки Лудовика клонились къ тому, чтобы показать себя величайшимъ изъ монарховъ; всякого, кто хотѣлъ содѣйствовать ему въ этомъ, онъ милостиво ободрялъ и награждалъ щедро; не удивительно, что эта жажда къ славѣ распространилась и на всѣ болѣе или менѣе здоровыя головы. Никогда еще французская нація не имѣла разомъ столько гениальныхъ людей, какъ во время Лудовика XIV.

Лудовикъ былъ хорошъ собою и обладалъ крѣпкимъ организмомъ. Онъ умѣлъ быть въ высшей степени любезнымъ и очаровательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ поступки его выражали такую величавость и достоинство, что даже храбрѣйшіе воины трепетали, когда бывали у него на аудіенціи. Главнымъ средствомъ окружить свою личность блестящимъ ореоломъ былъ этикетъ, — строгій порядокъ обрядовъ и церемоній, доходившій даже до мелочей. Каждая прогулка имѣла свои законы. Въ Версали были одни обычаи, въ Марли — другіе, въ Трианонѣ — третьи. Въ

Марли всякій могъ ходить съ покрытой головою, въ Версали же носилъ шляпу одинъ только король. Всякій вельможа, по чину, долженъ былъ состоять при дворѣ и постоянно прислуживать королю. Когда, при вставаньи съ постели или ложась спать, Лудовигъ видѣлъ не всѣхъ придворныхъ сановниковъ, въ почтительномъ передъ собою положеніи, то вскорѣ давалъ отсутствующимъ почувствовать свое неудовольствіе. Желалось ли имъ дозволенія на что-нибудь или должности, — они всегда получали отвѣтъ: „я ихъ не знаю; это — люди, которыхъ я не вижу.“

Вотъ въ какомъ порядкѣ проходилъ его день: въ восемь часовъ, будилъ его первый камердинеръ, затѣмъ входила въ спальню оберъ-гофмейстерина и, по древнему суетврному обычаю, цѣловала его, за ней входили два лейбъ-медика, чтобы растирать короля и перешить на немъ сорочку; потомъ призывали нѣсколькихъ камергеровъ, изъ которыхъ одинъ подавалъ святую воду, другой — молитвенникъ; тутъ на нѣсколько минутъ король оставался одинъ, пока снова позываетъ всѣхъ. И вотъ онъ всталъ. Ему подають жалать; вся комната наполняется принцами, сановниками, „господами второго доступа.“ Въ присутствіи ихъ, король съ граціознымъ приличіемъ надѣваетъ чулки и башманы, брѣтсѣя и надѣваетъ парикъ, при чемъ ведется разговоръ объ обыкновенныхъ предметахъ — болѣею частію объ охотѣ.

Затѣмъ, начиналось одѣванье; знатные вельможи подавали королю его одежду, каждый отдѣльную часть. Какъ скоро король одѣтъ, всѣ молились, духовенство на колѣнахъ. Потомъ король отправлялся въ кабинетъ, куда слѣдовали за нимъ и всѣ. Тамъ онъ отдавалъ свои повелѣнія и распускалъ всѣхъ придворныхъ, исключая побочныхъ дѣтей своихъ, ихъ наставниковъ и комнатной прислуги. Тутъ можно было кое-что отъ себя сказать, обыкновенно же говорилось о провѣтахъ поотроскѣ, о новыхъ предпріятіяхъ и т. п. Затѣмъ отправлялись къ обѣднѣ, при чемъ долженъ былъ присутствовать весь дворъ. Придворные, чтобы быть замѣченными, ставили передъ собой зажженные свѣчи. Однажды, Бриссакъ, изъ шутки, увѣрилъ, что король не явится сегодня въ церковь; тотчасъ же всѣ потушили свѣчи и поспѣшно разошлись. Когда прибылъ король, къ удивленію своему, онъ нашелъ церковь пустою и темною. — Послѣ обѣда, являлись министры и начинался тайный совѣтъ (conseil). Окончивъ по полудни, король обѣдалъ; обыкновенно

но четырехугольный столъ накрывался на одинъ приборъ, т. е. король обѣдалъ одинъ, въ присутствіи своего брата, сыновей и внуковъ, которые *стоили и смотрѣли*, какъ король, говоря весьма мало, изволилъ аппетитно кушать. Прислуживали камергеры. Монсieur (братъ короля) подавалъ ему, время отъ времени, салфетку, за что и получалъ иногда позволеніе сѣсть.

Послѣ обѣда, король отправлялся въ кабинетъ, кормилъ собакъ, игралъ съ ними, или разговаривалъ съ женищинами. Потомъ онъ перемѣнялся и выѣзжалъ. По возвращеніи, платье снова мѣнялось — каждое время дня требовало особаго костюма, — любимцы и комнатная прислуга получали снова доступъ. Когда король женился на г-жѣ Ментенонъ, онъ рѣшительно, каждый день, отправлялся въ ея спальню, гдѣ у камина поставлено было два кресла, на одномъ сѣдѣла г-жа Ментенонъ, другое же занималъ король, имѣя около себя на нѣсколькихъ столахъ свои бумаги. Сюда являлись министры, которые должны были присутствовать стоя. Г-жа Ментенонъ читала или занималась рукодѣльемъ и, по видимому, мало интересовалась политическими дѣлами; тѣмъ не менѣе она внимательно слѣдила за ними и, обыкновенно, заранее обсуживала ихъ съ министрами. Если король въ чемъ-нибудь не соглашался, то дѣло затягивали и откладывали на непредѣленное время.

Въ 10 часовъ, король садился за ужинъ; при чемъ снова весь дворъ долженъ былъ присутствовать въ полномъ блескѣ. Послѣ ужина, король оставался нѣсколько минутъ въ столовой, припоминавши къ балюстрадамъ, окруженный дворомъ. Затѣмъ, онъ раскланивался съ дамами и отправлялся въ кабинетъ, гдѣ продолжался тотъ же пустой разговоръ (часть городскихъ сплетней). Тутъ снова кормилъ онъ собакъ и, кивнувъ головой, уходилъ въ спальню, въ которую могли слѣдовать за нимъ только лица 1-го и 2-го доступа, въ присутствіи которыхъ онъ точно также, какъ и поутру, совершалъ молитву и рѣдѣвался. Это называлось *le petit coucher*. *Le grand coucher* было блистательнѣе; тогда одинъ изъ принцевъ крови подавалъ королю ночную рубашку.

Этотъ дневной порядокъ нарушался только тогда, когда допускались въ торжественную аудіенцію посланники иностранныхъ державъ, или же когда случались какія-нибудь придворныя празднества. При такихъ случаяхъ, все происходило еще въ большихъ размѣрахъ, и дворъ въ

полнымъ составѣ и блескѣ, долженъ былъ дѣйствительно представлять величавое зрѣлище. Тутъ давались карусели, балеты, балы, концерты, спектакли, фейерверки и тому подобныя увеселенія.

11. Дворъ Лудовика XIV.

Лудовикъ жилъ болѣею частію въ Версалѣ, гдѣ находился самый великолѣпный увеселительный его дворецъ. Онъ переселился въ него еще въ первыхъ годахъ самостоятельнаго своего царствованія, потому что Паризъ опротивилъ ему вслѣдствіе мятежей. Окружилъ онъ себя такимъ блескомъ и великолѣпіемъ, какія изображаются въ арабскихъ волшебныхъ сказкахъ, и дворъ его, съ постоянными при немъ торжествами, сдѣлался, къ несчастію, образцомъ для многихъ странъ; по которому устраивали свои дворы и великіе и малые государи. Хотя многое, что устроилъ Лудовикъ, отличалось безвкусіемъ и вычурностью, какъ напр. королевскія сады, гдѣ, посредствомъ стрижки, придавались деревьямъ совсѣмъ иныя формы, тѣмъ какія дала имъ природа, гдѣ прямолинейныя аллеи раздѣляли все пространство на геометрически-правильныя куртины, однако великолѣпіе, которымъ окружалъ себя Лудовикъ, невольно возбуждало удивленіе, увеличивало понятіе о его могуществѣ. Его часто сравнивали съ императоромъ Августомъ, — и не безъ основанія; посреди разряженныхъ и прасивыхъ личностей, Лудовикъ оставался все-таки самымъ великолѣпнымъ явленіемъ. Онъ вполнѣ сознавалъ свое вліяніе надъ окружающими его лицами. Весь штатъ его долженъ былъ слѣдовать извѣстнымъ предписаннымъ правиламъ, какъ въ одеждѣ, такъ и во всѣхъ пріемахъ: за обѣдомъ, на молитвѣ, въ церкви, въ оперѣ, на парадѣ, за карточнымъ столомъ. Все это, вышѣ взятое, и составляло тѣмъ-называемый этикетъ. Испанско-итальянскій костюмъ былъ преобразованъ совершенно; короткую мантию замѣнилъ фракъ, камзолъ — длинный жилетъ; короткіе штаны доходили только до коленъ, шелковые чулки покрывали верхнюю и нижнюю часть ногъ; но что было особенно пышно, такъ это парикъ, громадное волосное сооруженіе, изъ безчисленныхъ локоновъ, — онъ надѣвался на гладко-выстриженную голову. Столь же не естественно радилась и дама; онъ добивался того, чтобы казаться болѣе чопорнымъ и важнымъ, чѣмъ на-

ловидными. Природный цвѣтъ волосъ нельзя было видѣть подѣ пудрой и помадой, а естественный цвѣтъ лица, — подѣ бѣлками, румянами, мушками и т. п. Притомъ, весь этотъ костюмъ подвергался постояннымъ измѣненіямъ: платье кроилось и ялалось на фижмы, парикъ завивался и надѣвался на голову, — безпрестанно на новую 'стать и все по прихоти короля, либо какого-нибудь придворнаго кавалера, какой-нибудь придворной дамы, даже ихъ прислужницъ и камердинеровъ. Эта мода распространилась вскорѣ изъ Парижа и Версаля по всему свѣту.

Соотвѣтственно костюму, подверглись особымъ правиламъ походка, манера входить и выходить изъ комнаты и всѣ тѣлодвиженія: придуманы были различные комплименты, присѣданья, поклоны. Мужчины перестали ходить въ сапогахъ, а подобно женщинамъ манерно выстунали въ тонкихъ башмакахъ; определено было сколько шаговъ отъ двери надо сдѣлать при входѣ, для того, чтобы потомъ приличнымъ образомъ поклониться и т. д. Для Людовика XIV былъ выдуманъ танецъ, ибо всѣ танцы казались великому королю не въ достаточной мѣрѣ приличными. Эта смѣшная напыщенность и важность, отчасти занесенныя во Францію испанками-королевами Анною и Марією Терезіей, занимали Людовика больше чѣмъ войны и государственныя дѣла; о которыхъ должны были заботиться министры, но притомъ такъ, какъ будто самъ король все въ руководилъ. Да! онъ безстыдно принималъ прославленія голодныхъ поетовъ и присвоивалъ себѣ триумфальныя ворота и торжественныя звѣзды за побѣды, одержанныя его полководцами. Не менѣе интересно распределеніе часовъ дня, по которому жилъ Людовикъ XIV, — въ этомъ отношеніи онъ велъ себя совершенно по-восточному: Такое распределеніе часовъ дня, въ которомъ измѣненъ былъ естественный порядокъ жизни, сдѣлалось обычаемъ во всей Европѣ и до сихъ поръ еще отчасти существуетъ въ высшемъ классѣ общества.

Вообще цѣль Людовика въ томъ состояла, чтобы всѣхъ вельможъ своего государства приковать ко двору и приучить къ мысли, что нѣтъ для нихъ иной обязанности, какъ забавлять его, да вымощию своею и расточительностію увеличивать блескъ его празднествъ. Оттого легко забывали они прежнія права свои и вольности, и расточивъ по бѣльней части доходы, стали въ полной зависимости отъ доброй воли короля, который и надѣлялъ какою-нибудь выгодною должностію того, кто не-

усыпнымъ вниманіемъ къ малѣйшему замовенію, его величества дѣлаемъ достойнымъ его милостей. Часто придворные кавалеры и дамы исполняли сами маскарады, балеты, оперы и являлись при этомъ въ самыхъ дорогихъ костюмахъ. Можно представить, что придворные льстили королю самымъ безсмысленнымъ образомъ. Однажды, Лудовикъ, потуя въ замкѣ герцога д'Антена, сказалъ вечеромъ, что ему не нравится большая аллея изъ деревь, потому что заслоняетъ видъ на рѣку. Въ продолженіи ночи, герцогъ собралъ рабочихъ и приказалъ вырубить аллею. По утру, Лудовикъ удивился, замѣтивъ, что опороченныя имъ деревья не существуютъ. „Ваше величество осудили ихъ на истребленіе, стало-быть имъ и не должно существовать“, сказалъ придворный. Въ другой разъ, не понравилась королю довольно большая роща въ Фонтенебло. Герцогъ тайно приказалъ рабочимъ подпилить всѣ деревья и во время прогулки направилъ вниманіе государя опять на эту рощу. Король снова выразилъ свое неудовольствіе, тогда герцогъ подалъ знакъ и въ одно мгновеніе всѣ деревья свалились.

Король испытывалъ свои силы и въ стихахъ, которые, впрочемъ, плохо удавались ему. Однажды, спросилъ онъ мнѣнія о своихъ стихахъ у остроумнаго Буало, — тотъ отвѣчалъ ему очень ловко: „для вашего величества нѣтъ ничего невозможнаго, вы хотѣли написать плохіе стихи и какъ нельзя лучше успѣли въ томъ.“

За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти Лудовика, вздумали польстить его тщеславію особеннымъ блестящимъ празднествомъ. Ему сказали, будто персидскій шахъ, наслышавшись о знаменитомъ имени его величества, желаетъ удостоиться чести заключить съ нимъ торжественный союзъ. Вся Франція пришла въ движеніе отъ вѣсти объ этомъ. Лудовикъ приказалъ барону Бретейлю встрѣтить за двѣ мили отъ Париза послѣ персидскаго шаха и принять его со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Тотчасъ послѣ въѣзда посла, самъ Лудовикъ далъ ему блестящую аудіенцію, — тутъ надѣты были на немъ всѣ драгоцѣнные камни и брилліанты короны, на сумму въ 12 милліоновъ франковъ. Онъ приказалъ выдавать посланнику ежедневно 100 ливровъ и выстроить для него баню въ 2,500 экю. На путевыя издержки посланника отъ Марсели было выдано 6,000 экю. Между тѣмъ, мнимый персіанинъ, употребленный для разыгранія этой комедіи передъ слабымъ и тщеславнымъ королемъ, былъ

никто другой; какъ португальскій іезуитъ, котораго собраты его по ордену освободили, незадолго предъ тѣмъ, изъ константинопольской тюрьмы. Замѣтивъ обманъ, Лудовикъ приказалъ посланнику удалиться безъ прощальной аудіенціи.

Когда тяжкая болѣзнь повергла на смертный одръ „великаго короля“, почти всѣ придворные и любимцы удалились отъ него и лишь немногіе служители остались. Народъ, не только разоренный но и нравственно развращенный Лудовикомъ, громко порадовался извѣстію о его смерти, а чернь преслѣдовала похоронное шествіе въ С. Дени съ такимъ озлобленіемъ, съ такими ругательствами, что принуждены были везти тѣло короля по проселочной дорогѣ.

КАРЛЪ XII, КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ *).

1.

Карлу XII, правнуку сестры Густава Адольфа, еще не было 15 лѣтъ, когда умеръ отецъ его. Государствомъ сначала управляла умная бабка его. Но Шведамъ не хотѣлось быть подъ властію женщины, — вскорѣ передали они правленіе молодому Карлу. Мальчикомъ, онъ ни чѣмъ особенно не отличался, и вообще считали его за ограниченнаго человека. Въ то время Швеція имѣла большій объемъ, чѣмъ теперь: Финляндія, Ингермаландія (гдѣ нынѣ Петербургъ), Эстляндія и Лифляндія принадлежали Швеціи. Сосѣди уже давно ждали только случая напасть на Швецію и поживиться отъ нея чѣмъ нибудь. Теперь они подумали, что случай насталъ. Петръ царь Русскій, Августъ II Польскій и Фридрихъ IV Датскій тайно заключили союзъ межъ собою. Вдругъ Датчане вторглись въ Голштинію, а Августъ бросился на Лифляндію. Когда Карлъ узналъ про это, онъ молвилъ: „Удивительно, что имъ захотѣлось войны. Но пусть будетъ такъ. Дѣло наше правое: Богъ поможетъ намъ. Сначала

*) Биографическій очеркъ Петра Великаго мы опускаемъ здѣсь, какъ по неумѣстности его у Грубе, такъ и потому, что жизнь Преобразователя Россіи будетъ болѣе у мѣста въ приготовляемыхъ нами въ изданіи „Очеркахъ изъ исторіи и народныхъ сказаній Славянскаго Мира“.

покончу съ однимъ, а тамъ успѣю и съ другимъ поговорить.“ Съ той поры, не возлюбилъ онъ придворныя пириества. Его постоянно видѣли живо разговаривающимъ съ старыми генералами его отца и дѣда, и вообще развился въ немъ совсѣмъ новый духъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали всѣ, что сдѣлаетъ Карлъ. Его огневой характеръ требовалъ быстраго окончанія дѣла, — онъ рѣшился высадиться въ Зеландію и такъ пугнуть короля Даніи, чтобы тотъ принужденъ былъ заключить миръ. Съ отборнымъ войскомъ, Карлъ переправился черезъ Зундъ. Датчане стояли на берегу. Но не смотря на градъ пуль, Карлъ, со шпатою въ рукѣ, прыгнулъ съ корабля прямо въ воду, доходившую ему до локтя, и, впереди своихъ солдатъ, державшихъ высоко надъ водою оружіе, бросился на Датчанъ. Когда вокругъ него стали летать пули, онъ спросилъ, что за свистъ онъ слышитъ. — „Государь! Это ружейныя пули“. — „Отцынѣ сказалъ Карлъ — свистъ этотъ будетъ моею любимой музыкой!“ — Враги обратились въ бѣгство. Быстро двинулись Шведы на Копенгагенъ. Карлъ держалъ свое войско въ строгой дисциплинѣ; грабежъ былъ запрещенъ подѣ страхомъ смертной казни. За то добрые зеландскіе земледѣльцы привѣтливо встрѣчали его. „Да благословить насъ Богъ, ваше величество“, говорили они: „мы знаемъ, что вы не сдѣлаете намъ вреда; вѣдь, вы сынъ благочестивой Ульрики“. Король Фридрихъ былъ такъ смущенъ появленіемъ Шведовъ, что тотчасъ же униженно сталъ просить мира. Карлъ охотно согласился; у него много еще дѣла оставалось впереди. Это происходило въ 1700 году.

Шведы быстро съѣли опять на корабли. Карлъ переправился въ Лифляндію, высадился на берегъ и поспѣшилъ на помощь къ городу Нарвѣ. Здѣсь произошла битва 8,000 Шведовъ съ 80,000 Русскихъ; недавно обученныхъ новыхъ для нихъ нѣмецкихъ приѣмахъ въ военномъ дѣлѣ да притомъ еще имѣвшихъ начальниками болѣею частію нѣмцевъ. Распоряженія этихъ начальниковъ были нехѣны: русскія войска были оставлены въ окопахъ, гдѣ не могли свободно развернуть всѣ свои силы. Къ тому же сильный вѣтеръ гналъ имъ въ лицо снѣжные хлопья, — и Шведы почти незамѣтно приблизились къ русскому лагерю. Русская армія была скоро разстроена; отрядъ за отрядомъ кинулись въ бѣгство; а тутъ еще мостъ подѣ бѣгущими обрушился. — По-

раженіе русскаго войска было полное, и, казалось, послѣ того, Шведы надолго обезпечены отъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи.

Теперь Шведы обратились противъ третьяго врага, — Августа II. Карлъ объявилъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не свергнетъ его съ польскаго престола. Августъ не ожидалъ, что Карлъ такъ быстро нападетъ на него, ибо прежде, обыкновенно, вели войну только лѣтомъ, а зимой отдыхали. Но Карлу нипочемъ была всякая погода; зимою онъ даже не носилъ шубы. Затруднительныя обстоятельства заставили Августа послать къ Карлу графиню Кенигсмаркъ, женщину замѣчательной красоты. Она должна была испросить у Карла аудіенцію, подъ предлогомъ ходатайства за одного изъ своихъ родственниковъ, и потомъ склонить его къ миру съ Августомъ. Но Августъ ошибся въ расчетѣ. Карлъ не терпѣлъ женщинъ и потому никогда не женился. При извѣстіи о пріѣздѣ графини, для переговоровъ съ нею, онъ сердито отвернулся и не хотѣлъ ее видѣть. Женщина, выѣшавшаяся въ мужскія дѣла, была для него чѣмъ-то чудовищнымъ. Точно также безплодны остались и другія посольства Августа. Карлъ хотѣлъ окончательно погубить этого врага, котораго онъ болѣе другихъ ненавидѣлъ. — Онъ быстро отнялъ у Августа почти всю Польшу и принудилъ жителей ея избрать другаго короля. То былъ Станиславъ Лещинскій, человекъ скромный и тихій. Августъ убѣжалъ въ Саксонію, (страна эта ему также принадлежала). Карлъ и тутъ преслѣдовалъ его. Онъ шелъ черезъ Силезію. При Штейнау, не дожидаясь наведенія моста, перѣхалъ онъ верхомъ черезъ Одеръ, не смотря на быстроту этой рѣки; — на другомъ берегу окружилъ Карла простой народъ и умолялъ его о защитѣ противъ сопряданъ — католиковъ. Въ то время, Силезцы, евангелическаго вѣроисповѣданія, были всячески угнетаемы католиками, не смотря на обѣщанія императора, данныя при заключеніи Вестфальскаго мира. Одинъ старый, сѣдовласый башмачникъ схватилъ за поводья лошадь Карла и такъ говорилъ: „всемилоствѣйшій государь! Да хранитъ васъ Богъ во вѣки вѣковъ. Сжальтесь надъ нашими слезами, не думайте только объ одномъ себѣ, подумайте тоже о насъ несчастныхъ и о нашей угнетенной въ этой странѣ религіи“. Король до десяти разъ молвилъ: „хорошо, хорошо“. Но башмачникъ до тѣхъ поръ не пускалъ его, пока онъ не далъ ему руки въ томъ, что исполнить свое обѣщаніе. Карлъ сдержалъ свое

слово. Онъ настоялъ, чтобы императоръ далъ указъ силезскому магистрату о возвращеніи протестантамъ церквей, отнятыхъ у нихъ со времени Вестфальскаго мира, о воспрещеніи похищать дѣтей ихъ, для воспитанія ихъ въ католической религіи, и о дозволеніи общинамъ въ Швейдницѣ, Яуерѣ и Глогау имѣть многихъ духовныхъ при протестантскихъ церквахъ.

2.

Въ 1706 году, Карлъ вторгся въ Саксонію и объявилъ, что всякъ можетъ спокойно оставаться у себя на родинѣ, что никому вреда нанесено не будетъ. Такъ онъ достигнулъ Альтранштедта, неподалеку отъ Люцена. На слѣдующій же день, онъ отправился для обозрѣнія поля сраженія, гдѣ такъ славно палъ великій его предокъ. Глубоко разстроганный, смотрѣлъ онъ на мѣсто, на которомъ смерть настигла Густава Адольфа. „Мы всегда старались жить, какъ жилъ Густавъ Адольфъ, — молвилъ онъ: можетъ быть, сподобить насъ Господь и умереть, какъ онъ умеръ“.

Строго наказалъ онъ шведскимъ солдатамъ, какъ должны они поступать съ жителями. За все необходимое для нихъ они обязаны были платить чистыми деньгами, воздерживаясь, подъ страхомъ смертной казни, отъ всякаго насилія. Эти повелѣнія Карла соблюдались строго. Въ одной деревнѣ два гвардейскихъ солдата отняли у крестьянина крынку простокваши и прибили мальчика, который хотѣлъ имъ воспрепятствовать въ этомъ. На ту пору Карлъ проѣзжалъ мимо, — онъ тутъ же приказалъ этимъ солдатамъ кинуть жребій, кому изъ нихъ умереть. Приговоръ былъ исполненъ на мѣстѣ. — Нѣсколько дней потомъ драгунъ зарѣзалъ цыпленка противъ воли своего хозяина. По жалобѣ крестьянина, тотъ же часъ повѣсили виновнаго. Такая суровая справедливость держала солдатъ въ порядкѣ, и Саксонцы, слышавшіе отъ своихъ дѣдовъ о злодѣйствахъ, какія производили нѣкогда солдаты Валленштейна, не могли надивиться какъ же сами они живутъ спокойнѣе, имѣя въ странѣ своей враговъ, чѣмъ жили прежде, въ мирное время. — Между тѣмъ, Августъ упалъ духомъ и спѣшилъ заключить миръ. Король шведскій потребовалъ, чтобы онъ отрекся отъ польской короны; — Августъ согласился и на это хотя весьма неохотно.

Только до истеченіи года, Карлъ оставилъ Саксонію. Когда онъ проходилъ назадъ черезъ Силезію, со всѣхъ сторонъ стекались къ нему Силесцы евангелическаго исповѣданія. Поселяне становились на колѣни и со слезами благодарили Карла за доставленную имъ свободу вѣроисповѣданія. Часы молитвъ, которыя Карлъ приказалъ производить по 2 и по 3 раза въ день, такъ подѣйствовали на умы жителей, даже дѣтей, что долго послѣ того въ Верхней Силезіи дѣти отъ 5 до 15 лѣтъ, вечеромъ и утромъ, собирались на полѣ и пѣли всѣ выѣстъ духовные стихи.

3.

Одинъ врагъ оставался у Карла — царь Петръ, завладѣвшій мѣстностями около Финскаго Залива, въ то самое время какъ король воевалъ въ Польшѣ и Саксоніи. Карлъ выступилъ и на него, съ намѣреніемъ посѣтить его въ Москвѣ.

Середь зимы, съ несказанными трудностями, прошелъ онъ Польшей и Литвой, странами, черезъ которыя и лѣтомъ ѣздить было неудобно. Русскіе не противились Карлу, но отступая, жгли до-тла деревни и всю страну превращали въ пустыню. Не смотря на это, Карлъ подвигался впередъ и всѣ думали, что онъ идетъ на Москву. Но внезапно онъ повернулъ на югъ и спустился въ широкія степи Украйны. Поводомъ къ этому было то, что казацкій гетманъ Мазепа увѣрилъ Карла будто въ Украйнѣ, странѣ обильной жизненными припасами, въ которыхъ такъ нуждались Шведы, казаки готовы стать за одно съ Шведами. Но то была неправда: Мазепа былъ честолюбивъ, — онъ надѣялся, съ помощью Шведовъ, сдѣлаться независимымъ государемъ.

Въ Украйнѣ Карлъ нашелъ все не такъ, какъ ожидалъ. Повсюду былъ крайній недостатокъ въ продовольствіи. Казаки остались вѣрными Русскимъ; только немногіе послѣдователи за Мазепой въ станъ шведскій. Карлъ приказалъ одному изъ храбрѣйшихъ своихъ генераловъ, Левенгаупту, доставить жизненныхъ припасовъ и пороху изъ Курляндіи; но на дорогѣ, царь и Меншиковъ отняли у Левенгаупта припасы, побили и переранили многія тысячи солдатъ въ кровавой битвѣ, — небольшой отрядъ, приведенный Левенгауптомъ, только увеличилъ число голодныхъ солдатъ. Наступила зима, суровая, какой никто не запомнилъ. Тысячи

Шведовъ заневоляя и умерли. Генералы совѣтовали королю воротиться. Но невозможно было склонить упрямца Карла; онъ думалъ, что такое возвращеніе будетъ похоже на бѣгство, онъ говорилъ, что умретъ только впередъ идти. Такъ подступили Шведы къ городу Полтавѣ и осадили его. Уже русскій гарнизонъ доведенъ былъ до крайности, но подоспѣлъ Петръ, рѣшить дѣло сраженіемъ. Все предвѣщало, что Шведы проиграютъ: Русскихъ было около 100,000, Шведовъ съ небольшимъ 30,000. Въ томъ же, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Карлъ пораненъ былъ въ ногу пулею, которая раздробила ему нѣсколько пальцевъ, отъ чего нельзя было ему ни ѣздить верхомъ, ни командовать.

8 іюля 1709 г. (н. с.), произошла роковая битва. Карлъ сидѣлъ въ носилкахъ, запряженныхъ двумя лошадьми; орлиный взоръ его обнималъ все поле сраженія. И въѣхалъ онъ подъ самый частый градъ пулъ. Вдругъ одна изъ лошадей, пораженная пулею, упала на землю, сопровождавшіе Карла гвардейцы понесли его на себѣ. Но и то было недолго. Другая пуля разбила одинъ изъ шестовъ его походной постели; Карлъ съ перевязанной ногою принужденъ былъ сѣсть на лошадь. Царь Петръ тоже не берегъ себя. Одна пуля пробила ему шляпу, другая раздробила головку сѣдла. Блестательна была побѣда одержанная царемъ. Одинъ шведскій полкъ сдавался послѣ другаго, и наконецъ, все войско Шведовъ обратилось въ бѣгство. Самъ Карлъ съ Мазепою бросился въ карету и ускакалъ.

На слѣдующій день, Карлъ, съ остатками своего войска, достигъ рѣки. Насилу могъ уговорить его Левенгаунтъ послѣшно переправиться за рѣку эту, и только-что переправился Карлъ, съ 169 чел., какъ явились Русскіе и, въ глазахъ его, взяли въ плѣнъ Левенгаунта, со всѣмъ почти шведскимъ войскомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, Карлу пришла въ голову странная мысль. — Онъ рѣшился отправиться въ Турцію. Посреди разныхъ опасностей, переправился онъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ необъятную пустыню; поросшую травой и мелкимъ кустарникомъ, въ которой нигдѣ не было слѣда человѣческаго, ниже малѣйшей тропинки. Въ глубокой тишинѣ Шведы продолжали путь свой. Каждый занятъ былъ и настоящимъ и будущимъ. Казаки охотились за рябчиками и дикими козами, Шведы ѣли горькій миндаль и дикія вишни да пили воду изъ гнилаго болота. Черезъ два дня бѣглецы достигли Буга. По ту сторону этой

рѣки начинались турецкія владѣнія. Карлъ выслалъ впередъ генерала, чтобы предупредить очаковскаго пашу о своемъ прибытіи. Но паша хотѣлъ напередъ испросить разрѣшенія въ Константинополѣ; а до той поры Шведы могли умереть съ голоду или быть взяты въ плѣнъ преслѣдовавшими ихъ Русскими. Бъ счастью для Шведовъ, многіе вѣшцы доставляли въ ихъ лагерь съѣстныхъ припасовъ. Вскорѣ значительное число Шведовъ силою переправилось черезъ рѣку. Остальные всѣ были взяты въ плѣнъ Русскими.

Между тѣмъ, бендерскій паша, очарованный подвигами короля, выслалъ пословъ на встрѣчу ему и приготовилъ блестящій пріемъ. Но и тогдашній султанъ Ахмедъ III отличался великодушіемъ: онъ приказалъ выстроить около Бендеръ лагерь для Шведовъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство.

Здѣсь поразила Карла смерть многолюбимой имъ сестры. Щадя его, долгое время скрывали извѣстіе объ этой потерѣ, пока не узналъ онъ о ней случайно. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ очевидецъ: „Нельзя описать до какой степени онъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Всѣ думали, что жизнь, полная военныхъ тревогъ, притупила въ немъ чувства, да и вообще не имѣлъ онъ обыкновенія обнаруживать ни гнѣва, ни страсти, ни горя, ни радости, — такъ не показавъ онъ ни малѣйшаго разстройства духа, получивъ рану и претерпѣвъ пораженіе при Полтавѣ. Потеря же сестры столь сильно тронула его сердце, что глаза, руки, языкъ выражали глубокую печаль и долгое время онъ оставался въ такомъ состояніи.“ Въ письмѣ къ своей младшей сестрѣ, Карлъ говорилъ: „единственная моя надежда на то, что ты, милая сестра, находишься въ добромъ здоровьѣ. Да сохрани тебя Господь и на будущее время, да наградитъ онъ меня счастьемъ еще разъ: увидать тебя. Надежда эта привязываетъ меня къ жизни съ тѣхъ поръ, какъ пораженъ я горемъ, котораго не думалъ было пережить. Съ мужествомъ перенесъ бы я все, еслибы суждено было мнѣ первому изъ насъ троихъ достигнуть предпосланной судьбою дѣли. Теперь, по крайней мѣрѣ, надѣюсь не дожить до несчастья — оставая послѣднимъ изъ насъ троихъ.“

4.

Прокрасться, безъ арміи, черезъ Польшу или Германію, въ Швецію было ужасною мыслию для горделиваго Карла. „А если бы,“ подумалъ онъ, подговорить султана къ войнѣ съ Россіей?— „Сначала Ахмедъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; но Карлъ достигъ того, что два визиря, отсовѣтовавшіе вступать въ войну, были смѣнены да притомъ подкуплена была и мать султана“. Когда же, спрашивала она сына, „поможешь ты моему льву проглотить царя?“— Ахмедъ назначилъ новаго великаго визиря Балкаджи-Мехмета и приказалъ ему вести войско противъ Русскихъ.

Царь Петръ выступилъ на встрѣчу Туркамъ въ Молдавію. На рѣкѣ Прутѣ внезапно окружили его огромныя полчища Турокъ и Татаръ. Трехдневная битва кончилась въ невыгоду Русскихъ. Ни взадъ ни впередъ нельзя было двинуться имъ; всѣ жизненные припасы у нихъ истощились. Петръ уже предвидѣлъ то мгновеніе, когда придется ему, или умереть съ голоду, или сдать ся непріятелю. Но супруга Петра, Екатерина, бывшая съ нимъ въ лагерь, подкупила визиря брилліантами своими да значительной суммой денегъ, и визирь скорѣхонько заключилъ миръ съ царемъ. Узнавъ о мирѣ, Карлъ проскакалъ, не слѣзая съ лошади, 15 миль до турецкаго лагеря, — и заклиналъ и небомъ и адомъ расторгнуть этотъ миръ. „Дай мнѣ,“ говорилъ онъ, 20,000 твоихъ солдатъ и я доставлю царя въ твои руки. Но Мехметъ стоялъ на своемъ: „миръ заключенъ, — нарушить его невозможно“. Разбѣшенный Карлъ оставилъ палатку визиря и обвинилъ его передъ султаномъ. Султанъ смѣнилъ визиря и сослалъ его. Но миръ съ Россіей не былъ нарушенъ.

При первомъ извѣстіи о пораженіи Карла подъ Полтавою, Августъ II объявилъ Альтранштедтскій миръ вынужденнымъ, возвратился въ Польшу, снова соединился съ царемъ и свернулъ съ польскаго престола противника своего, Лещинскаго. Фридрихъ IV, Датскій, тоже объявилъ Шведамъ войну. Всѣ трое напали на шведскія провинціи, и еслибы не стоишь храбры были Шведы—Карлъ потерялъ бы всѣ свои владѣнія. А между тѣмъ, онъ сидѣлъ въ своемъ лагерѣ, при Бендерахъ, задумывая исподинскіе планы, изъ которыхъ ни одинъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Его положеніе дѣлалось со дня на день все затруднительнѣе.

къ прежнимъ его непріятелямъ присоединились еще Пруссія, Англія и Голландія. Всѣ его старанія подбить султана къ новой войнѣ противъ Россіи остались напрасными. Наконецъ, Ахмедъ далъ замѣтить Карлу, что долгое его пребываніе въ Турціи становится ему, султану, въ тягость, что не мѣшало бы Карлу подумать и объ отъѣздѣ. Но Карлъ, забывая оказанное ему гостепріимство, хотѣлъ остаться въ Турціи на зло султану. Ему погрозили, что употребятъ противъ него силу, а онъ по-прежнему упорствовалъ; даже принялъ оборонительное положеніе съ горстью своихъ Шведовъ — ихъ было 196 человекъ: — тогда султанъ приказалъ бендерскому пашѣ взять Карла живымъ или мертвымъ. Со слезами на глазахъ, созвалъ паша, для этого своихъ янычаръ. Загребли пушки; окопы Карла были взяты. Но онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности въ своемъ деревянномъ домѣ. Онъ прорубился сквозъ 40 янычаръ, къ воротамъ этого дома. Тутъ, съ нѣсколькими солдатами и офицерами, выгналъ онъ изъ дому янычаръ, начавшихъ уже грабить его, — и заперся въ немъ. Онъ защищался въ продолженіи семи часовъ; множество убитыхъ Турокъ легло вокругъ его дома. Наконецъ, удалось янычарамъ поджечь крышу и тогда лишь какъ начали валиться на короля пылающія стропилы, рѣшился онъ покинуть домъ. Съ пистолетомъ въ одной рукѣ, со шпагою въ другой, онъ хотѣлъ перебѣжать въ домъ, находившійся по сосѣдству, но тутъ задѣлъ за что-то шпорами и упалъ. Быстро подскочили Турки и схватили его. Его отправили въ другой турецкій городъ и начали строго слѣдить за нимъ. — Онъ прожилъ въ Турціи еще болѣе полутора года; но наконецъ, послѣ болѣе пятилѣтняго пребыванія въ Турціи, объявилъ, что желаетъ уѣхать. Султанъ не попомнилъ при этомъ всѣ тревоги, причиненныя ему Карломъ: на прощанье, онъ сдѣлалъ ему большіе подарки и приказалъ довести его на свой счетъ со всѣми его людьми, до границы. Карлъ велъ себя такъ, какъ будто султанъ обязанъ былъ все это сдѣлать. Предположено было ѣхать черезъ Семиградію и Венгрію, но Карлу скорѣе надоело долгое путешествіе: онъ рѣшился сократить путь объѣздомъ черезъ Германію. Подъ чужимъ именемъ, съ двумя только приближенными людьми, онъ отправился въ Штральзундъ. Въ 14 дней, онъ проѣхалъ 286 миль. Въ часъ ночи Карлъ прибылъ въ Штральзундъ. Стража и офицеръ, находившійся на караулѣ, не хотѣли было пропустить его, потому что былъ ночь; но

Карлъ, увѣрилъ, что онъ — курьеръ, привезшій важныя дѣлеша, и напередъ приказалъ пустить его. Ноги короля такъ распухли отъ долговременной верховой ѣзды, что пришлось разрѣзать сапоги, чтобы снять ихъ.

Карлъ прожилъ еще четыре года и все это время бился съ врагами, — съ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ не имѣлъ отдыха. Въ 1718 году, онъ осадилъ небольшую крѣпость Фридриксгамъ, на границѣ между Швеціей и Норвегіей. Былъ конецъ ноября; солдаты сильно страдали отъ холода; король, терпясь осадой, самъ ежедневно наблюдалъ за осадными работами. 11 декабря, онъ, по обыкновенію, присутствовалъ при утреннемъ и вечернемъ богослуженіи. Вечеромъ, съ французами, инженеромъ Мегре и адъютантомъ Сиккертонъ, отправился онъ въ траншею, облокотился обѣими руками на брустверъ и спокойно смотрѣлъ на стрѣльбу изъ крѣпости. Офицеры, стоявшіе невдалекѣ отъ него, замѣтили, что король слишкомъ долго остается на одномъ мѣстѣ и думали-было, что онъ заснулъ. Они подошли къ нему — и нашли его уже мертвымъ. Пуля пробилъ ему голову. Многіе утверждали, что убили его эти два француза, и точно: четыре года спустя, Сиккертъ, въ сумасшествіи, назвалъ себя убійцей короля. Но въ другихъ случаяхъ не вѣрять же словамъ сумасшедшихъ, и подозрѣніе это ни въ какомъ случаѣ не доказано. Нечего и говорить, что солдаты отъ всей души сожалѣли о Карлѣ; но подданные выиграли отъ его смерти: вскорѣ былъ заключенъ миръ, по которому, однако, пришлось Шведамъ уступить нѣсколько прекрасныхъ провинцій.

Карлъ обладалъ великимъ умомъ, мужествомъ, граничившимъ съ дерзкою отвагою, твердою, желѣзною волею, предъ которою исчезали всѣ препятствія. Лучшими его качествами были добродушіе и честность. Строгой къ самому себѣ, онъ и въ отношеніи къ другимъ былъ требователенъ. Затрудненія и препятствія только удваивали его силы. Упрямство его воли было великимъ для него несчастіемъ. Онъ выказывалъ его уже съ самаго дѣтства; однажды ввѣдывалось ему утверждать, что придворный живописецъ — мартишка и никто не могъ разувѣрить его въ этомъ мнѣніи. Впрочемъ, онъ вполне заслуживалъ уваженія; онъ былъ богобоязненъ, исполненъ благочестивой преданности волѣ Божіей, бодръ и непоколебимаго мужества, строгой справедливости, и велъ жизнь

неизрочную передъ Богомъ и передъ людьми. Онъ имѣлъ прѣтную наружность, былъ высокъ ростомъ и строенъ, держался прямо; голубые глаза его горѣли огнемъ и жизнью. Его легко можно было отличить отъ всякаго по одеждѣ. Онъ носилъ синій, суконный кафтанъ съ вызолоченными медными пуговицами, соломянаго цвѣта нижнее платье, стригъ себя коротко волосы и зачесывалъ ихъ вверху; раструбы его перчатокъ доходили до локтя, а сапоги, снабженные желѣзными шпорами — до коленъ. Онъ опоясывался простой, застегнутой пряжками португесей, шпагу носилъ весьма длинную, съ вызолоченной рукоятю. Маленькую, треугольную шляпу держалъ онъ обыкновенно въ рукѣ, какъ скоро сходилъ съ лошади. Онъ говорилъ мало, но разумно и весьма опредѣлительно; на слово его всегда можно было положиться.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

1.

Первому королю прусскому, Фридриху I, сыну и преемнику великаго курфирста, наследовалъ, въ 1713 г., Фридрихъ Вильгельмъ I. То былъ строгій правитель и суровый человекъ, хотя отъ природы имѣлъ доброе сердце. Онъ мало заботился о процвѣтаніи наукъ и художествъ, но много объ улучшеніи земледѣлія; любимымъ же его занятіемъ были войска, а особенно гвардейскій полкъ, для котораго вербовались вездѣ въ Германіи самые рослые и красивые люди. Онъ охотно платилъ большія деньги за шести-футоваго флигельмана, хотя вообще былъ весьма бережливъ и оставилъ сыну полную казну.

Старшій сынъ Фридриха Вильгельма, Фридрихъ II, родился въ Берлинѣ 24 января 1712 года. Съ ранней молодости, замѣтны были въ немъ наклонности совершенно противныя видамъ его отца. Онъ ненавидѣлъ неволю, съ которою принуждали его, съ осмыслѣннаго возраста, въ военнымъ упражненіямъ. На десятомъ году онъ уже былъ обязанъ, наравнѣ съ простыми солдатами, на:смотря на вѣтеръ и стужу, ходить съ ружьемъ и ранцемъ на караулъ передъ дворцомъ и стоять на часахъ.

Но живой духъ его требовалъ для себя болѣе благородныхъ занятій; особенное влеченіе чувствовалъ онъ къ поэзіи и музыкѣ. А отецъ его презиралъ все такое, — онъ не терпѣлъ другихъ книгъ, промѣ Библіи и собранія духовныхъ стиховъ. Съ помощью матери, Фридрихъ могъ украдкою слѣдовать своимъ наклонностямъ. Радостно набрасывалъ онъ на себя, по окончаніи военнаго ученія, шитый золотомъ халатъ, приказывалъ завивать себѣ волосы, читалъ книги, игралъ на флейтѣ. Разъ, сидѣлъ у Фридриха учитель его на флейтѣ, какъ вдругъ сказали имъ, что король идетъ. Оба сильно перепугались. Учитель спрятался въ каминъ; принцъ припряталъ флейту и ноты, сбросилъ халатъ и надѣлъ мундиръ. Вошелъ король. Зоркій глазъ его тотчасъ же открылъ книги, головную прическу, даже халатъ. Халатъ былъ брошенъ въ огонь, книги отосланы къ книгопродавцу, а волосы, такъ красиво подвитые, въ плотную-острижены. Со дня на день отношенія между отцомъ и сыномъ дѣлались все болѣе натянутыми. Суровый король задумалъ жить сына противъ воли его, но принцъ рѣшился бѣжать въ Англію и жениться тамъ на дочери Георга II, брата своей матери. Все уже было готово къ побѣгу. Съ помощью друзей своихъ, *фонъ-Катте* и *фонъ-Кейта*, принцъ хотѣлъ бѣжать изъ Вевеля. Королю донесли объ этомъ и онъ втихомолку принялъ свои мѣры. Въ самую минуту отъѣзда, принцъ былъ арестованъ. Король при этомъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что бросился съ обнаженной шпагой на сына и хотѣлъ его заколотъ. Генералъ фонъ-деръ-Мозель не допустилъ его, однако, до этого.

Фридрихъ былъ посаженъ въ тѣсное заточеніе въ Бюстринѣ. Креслами ему служила деревянная скамья, кроватью — голый полъ, пищу давали самую скудную. Кейтъ во-время получилъ отъ принца записку съ словами: „спасайтесь, все открыто!“ и благополучно переправился въ Англію. Но бѣднаго Катте осудили на смерть, какъ дезертира, и обезглавили въ Бюстринѣ, передъ глазами принца. „Прости меня, дорогой Катте“, кричалъ изъ окна пѣвнику несчастливцу. „Сладко умереть за такого принца“, отвѣчалъ Катте.

Король неистово гнѣвался противъ всѣхъ близкихъ къ принцу, и самого его приговорилъ къ смерти военнымъ судомъ. „Если вашему величеству нужна кровь, воскликнулъ тогда старый генералъ Будденброкъ, то возьмите мою; но пока могу говорить, — не допущу васъ пролить

кровь принца“. Въ такомъ же смыслѣ говорилъ князь Дессаусскій, а императоръ приказалъ сказать королю, черезъ своего посла, что кровь принца можно судить только на сеймѣ. На это король отвѣчалъ, что будетъ судить сына своего въ Кюстринѣ, гдѣ нѣтъ надъ королемъ прусскимъ никакой власти. „А власть Божія? возразилъ пробстъ Рейнбекъ: ваше величество должны будете дать отчетъ Богу въ пролитіи крови вашего сына“. Король призадумался и пересталъ говорить о смертной казни. Фридрихъ долго выдержался въ Кюстринѣ и сначала такъ строго, что не имѣлъ даже дозволенія зажигать свѣчу въ своей темницѣ. Наконецъ, онъ написалъ отцу, что сознаетъ себя виноватымъ, униженно проситъ прощенія. Король обѣщалъ помилованіе, съ тѣмъ, однако, чтобы принцъ торжественно поклонился не мстить ни кому за прошлое, и впередъ во всемъ повиноваться отцу. Въ присутствіи министровъ и генераловъ, Фридрихъ принесъ клятву, ему возвратили шпагу и ордена, но онъ долженъ былъ еще нѣсколько лѣтъ трудиться въ Кюстринѣ, въ качествѣ члена военнаго совѣта. Эту обязанность Фридрихъ исполнялъ съ великимъ стараніемъ, и основательно ознакомился съ дѣлами правленія. Въ день свадьбы принцессы Вильгельмины, отецъ тайно призывалъ его къ себѣ, внезапно вошелъ съ нимъ въ столовую и подвелъ его къ обрадованной матери. „Вотъ тебѣ Фрицъ“—сказалъ онъ ей. Вскорѣ затѣмъ, король ввѣрилъ принцу начальство надъ гвардейскимъ полкомъ и купилъ ему замокъ Рейнсбергъ.

Въ этомъ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ началась для Фридриха новая, прекрасная жизнь. Онъ уже могъ свободно предаваться наукамъ, читать любимыя свои книги. Онъ собиралъ вокругъ себя даровитыхъ и умныхъ людей, предпочитая всѣмъ прочимъ Французовъ. Особенно же расположенъ былъ онъ остроумному Вольтеру, ибо въ это время нѣмецкій языкъ не пользовался большимъ уваженіемъ даже у самихъ нѣмцевъ, а Фридрихъ получилъ совершенно французское воспитаніе.

Фридрихъ угодилъ королю тѣмъ, что постоянно держалъ полкъ свой въ наилучшемъ порядкѣ; къ тому же онъ всегда оказывалъ отцу сыновнюю преданность и не пропускалъ случая доставить ему удовольствіе. Это трогало до слезъ суроваго короля. „Боже, говорилъ онъ съ униженіемъ, теперь я могу умереть спокойно, имѣя наследникомъ тако-го достойнаго сына“.

2.

31 мая 1740 г., скончался Фридрихъ Вильгельмъ I, а на престолъ вступилъ Фридрихъ II. Ему было тогда 23 года. Онъ началъ правленіе съ осмотрительностію и дѣятельностію, которыя всѣхъ изумляли.

Въ октябрѣ, умеръ императоръ Карлъ VI. Не имѣя дѣтей мужескаго пола, онъ назначилъ дочь свою *Марію Терезію* наслѣдницею всѣхъ своихъ владѣній, посредствомъ домашняго закона (прагматической санкціи), признаннаго тогда же всѣми европейскими державами. Но тотчасъ по его смерти, заявили притязанія на австрійское наслѣдіе король испанскій, курфирстъ баварскій и курфирстъ саксонскій, а Фридрихъ II требовалъ уступки герцогства силезаго. Всѣ вышеупомянутыя державы объявили войну Австріи. Фридрихъ приказалъ послать своимъ въ Вѣнѣ спросить — уступать ли ему Силезію, и въ такомъ случаѣ изъяснилъ готовность доставить императрицѣ сильную помощь. Но получивъ отказъ, онъ приказалъ своимъ войскамъ двинуться въ Силезію и въ нѣсколько недѣль всю ее занялъ. Походъ 1741 года, которымъ открылась первая силезская война, начался взятіемъ крѣпости Глогау и кровопролитной битвой, при деревни Молльвицѣ, недалеко отъ Брига. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожесточеннаго боя, король, въ первый еще разъ поставившій на карту честь свою и счастье, растерялся и передалъ команду опытному фельдмаршалу Шверину. По совѣту Шверина, онъ даже упалился съ поля сраженія, такъ какъ непріятельская артиллерія выхватывала цѣлые ряды изъ пѣхоты. Въ Лѣвенѣ, онъ получилъ радостное извѣстіе, что сраженіе выиграно, и тотчасъ за тѣмъ занялъ Бригъ и Бреславль.

Между тѣмъ, курфирстъ баварскій вторгся въ Австрію, въ Ланцѣ принялъ присягу австрійскихъ, а въ Прагѣ богемскихъ государственныхъ чиновъ; императрица же, Марія Терезія бѣжала въ Пресбургъ. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ, мужественная королева не потеряла присутствія духа. Съ короной св. Стефана на головѣ, съ мадоннѣмъ символомъ, — въ послѣдствіи императоромъ Іосифомъ, — на рукахъ, явилась она въ собраніи венгерскихъ государственныхъ чиновъ, и изложила на латинскомъ языкѣ печальное свое положеніе, заключивъ рѣчь словами:

„вашей геройской защитѣ, вашей вѣрности вручаю я себя и своего младенца; вы — послѣдній якорь моей надежды“. Молодость, красота, несчастье королевы произвели сильное впечатлѣніе на собраніе. Съ радостнымъ воодушевленіемъ Венгерцы обнажили мечи и воскликнули: „умремъ за короля нашего Марію Терезію“.

Венгерцы бодро принялись за оружіе. Въ нѣсколько недѣль 15,000 дворянъ, отлично вооруженныхъ, на превосходныхъ лошадяхъ, собрались въ Пресбургъ; вскорѣ за тѣмъ освобождена была Австрія, и въ тотъ же день, въ который курфирстъ баварскій, избранный нѣмецкимъ императоромъ, подъ именемъ Карла VII, короновался въ Франкфуртъ, Австрійцы вступили въ резиденцію его, Мюнхенъ.

Фридрихъ счастливо продолжалъ вести войну. Проникши изъ Силезіи въ Моравію, онъ разбилъ, при Хотузицѣ, принца Карла лотарингскаго. Марія Терезія принуждена была уступить ему всю Силезію съ графствомъ Глагомъ. Миръ былъ заключенъ въ Бреславлѣ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ самаго опаснаго своего врага, Марія Терезія получила полную свободу дѣйствія противъ императора Карла VII, который напрасну призывалъ въ страну Французовъ. И Баварцы и Французы были повсюду разбиты.

3.

Фридрихъ съ основаніемъ опасался, что Марія Терезія, возвративъ себѣ власть, не захочетъ соблюсти условія Бреславльскаго мира. Не по его характеру было долго медлить и задумываться. Въ августъ 1744 года, восемь тысячъ Пруссаконъ вступили въ Богемію „для поддержанія императора“, — и началась вторая силезская война, въ которой курфирстъ саксонскій соединился съ Австріей противъ Пруссіи. Фридрихъ занялъ было очень скоро Богемію, но былъ оттѣсненъ оттуда въ Силезію принцемъ Лотарингскимъ. Между тѣмъ Баварцы побѣдоносно шли впередъ, такъ что анти-императоръ могъ возвратиться въ Мюнхенъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Сынъ его получилъ обратно свое курфиршество по Фюссенскому миру, по которому отказался отъ австрійскаго наслѣдія. Тогда Марія Терезія могла уже нѣстойчиво вести войну съ Пруссіей.

Въ началѣ 1745 г., Фридрихъ находился въ дурномъ положеніи. При отступленіи изъ Богеміи, онъ потерялъ большую часть артиллеріи; казна его была такъ истощена, что онъ былъ принужденъ всю серебряную свою посуду перебить въ звонкую монету; Верхняя Силезія съ важнѣйшими ея простыми находилась въ рукахъ непріятеля. Скоро, однако, дѣла Фридриха поправились. 4 іюня, онъ одержалъ, при *Гогенфридбергѣ*, блистательную побѣду надъ принцемъ Лотарингскимъ, который потерялъ 56 пушекъ, 7 знаменъ и 7000 плѣнныхъ. Фридрихъ преслѣдовалъ непріятеля даже до Богеміи. Тамъ, при *Соорѣ*, напали на него Австрійцы; но успѣвъ и подъ непріятельскимъ огнемъ построить свое войско, онъ ринулся впередъ съ такою стремительностію, что взялъ непріятельскія батареи. Двадцать двѣ пушки и около тысячи плѣнныхъ были плодомъ этой побѣды. Самую же блистательную побѣду въ этомъ походѣ одержалъ, 15 декабря, при *Кессельдорфѣ* (близъ Дрездена) надъ Саксонцами и Австрійцами принцъ *Леопольдъ Дессаусскій*, прозванный солдатами „старымъ дессаусцемъ.“ Тамъ Пруссаки взобрались на крутое, покрытое льдомъ и снѣгомъ, возвышеніе, и взявъ въ штыки непріятеля, согнали его съ позиціи; битва эта была столь же кровопролитна для побѣдителей, какъ и для побѣжденныхъ, но Пруссаки взяли 5,000 плѣнныхъ и 48 пушекъ; Австрійцы же принуждены были поспѣшно отступить въ Богемію. Десять дней спустя, былъ заключенъ въ Дрезденѣ миръ, по которому Марія Терезія вторично уступила Силезію Фридриху.

4.

По заключеніи этого мира, Фридрихъ посвятилъ себя дѣламъ правленія. Онъ все устроивалъ самъ, предоставляя министрамъ только исполненіе своихъ повелѣній; несмотря на то, у него оставалось еще достаточно времени для занятія науками и искусствами. Каждый часъ у него имѣлъ определенное назначеніе. Онъ вставалъ около 4 часовъ утра; въ нѣскольکو минутъ одѣваясь, безъ посторонней помощи, и отправлялся къ письменному столу, на которомъ уже лежали пришедшія въ ночь письма. Важнѣйшія изъ нихъ, прочитывалъ онъ самъ, изъ прочихъ статьи секретари дѣлали короткія извлеченія. Во время же чтенія выслушивалъ

онъ и донесенія своихъ адъютантовъ. Потомъ пилъ онъ кофе, и, играя на флейтѣ, прохаживался часа два по комнатѣ. Какъ скоро кчалъ онъ въ сторону флейту, статсъ-секретари входили къ нему съ своими извлеченіями, и Фридрихъ назначалъ что отвѣтить на каждую просьбу, а иногда собственноручно писалъ на поляхъ страницы рѣшеніе въ короткихъ и опредѣлительныхъ словахъ. По окончаніи этого занятія, онъ читалъ или писалъ письма. Ровно въ двѣнадцать часовъ, садился онъ за столъ, за которымъ всегда подавали лакомыя кушанья, — каждое утро Фридрихъ внимательно просматривалъ поварскую записку или даже самъ писалъ ее. Но важнѣе были для него умственные наслажденія, столь прославившія застольную его бесѣду. Фридрихъ избиралъ для своего общества самыхъ остроумныхъ и образованныхъ офицеровъ, и также знаменитыхъ ученыхъ. Прекрасная плавная рѣчь, начитанность, остроуміе короля дѣлали его постоянно средоточіемъ этихъ бесѣдъ. Послѣ обѣда, онъ еще съ полчаса игралъ на флейтѣ, потомъ подписывалъ письма, изготовленные между тѣмъ въ его кабинетѣ, пилъ кофе и осматривалъ свои заведенія или отправлялся гулять. Часы отъ 4 до 6 назначались для литературныхъ занятій; съ 6 до 7 часовъ знаменитѣйшіе виртуозы исполняли концертъ, въ которомъ часто участвовалъ и король, а затѣмъ слѣдовалъ ужинъ, продолжавшійся часто до полуночи, и во время котораго шли оживленные разговоры. Этотъ правильный образъ жизни прерывался только походами, а въ мирное время — путешествіями и смотрами. При путешествіяхъ своихъ, король тщательно освѣдомлялся о положеніи cadaго округа, каждой мѣстности, а для того, чтобы не терять даромъ времени въ дорогѣ, приказывалъ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ вѣхать возлѣ кареты его верхомъ и рассказывать ему про свои дѣла.

Съ особеннымъ рвеніемъ Фридрихъ заботился о наукахъ и искусствахъ. При самомъ началѣ своего правленія, онъ заложилъ постройку прекраснаго опернаго театра въ Берлинѣ, и въ 1742 г. на театрѣ этомъ давались лучшими пѣвцами и танцовщиками Италіи и Франціи представленія по три раза въ недѣлю. Фридрихъ увеличилъ тоже бібліотеку и положилъ основаніе собранію монетъ; въ Италіи покупали для него картины и старинныя скульптурныя произведенія; Берлинъ и Потсдамъ украсились новыми зданіями: домоу инвалидовъ, католической церковью, соборомъ и лѣтней резиденціей Сан-Суси.

5.

Но вскорѣ мирныя занятія короля были прерваны. Въ началѣ 1756 г., королю сообщили тайно тревожное извѣстiе. Первоклассныя державы Европы составили союзъ съ цѣлью—возвратить Пруссiю къ прежнимъ ея границамъ, а самого Фридриха низвести, если можно, изъ королей въ маркграфы бранденбургскiе. Душой союза была Марiя Терезiя, которая не могла забыть прекрасной Силезiи. Тяжело становилось у ней на сердцѣ всякiй разъ, когда случалось ей видѣть силезца. На ту пору царствовалъ во Францiи изнѣженный король Людовикъ XV; имъ, какъ ребенкомъ, управляла пресловутая маркиза де-Помпадуръ. Эта женщина очень гнѣвалась на короля прусскаго за то, что онъ насмѣхался надъ нею. Про все это знала Марiя Терезiя и написала маркизѣ льстивое письмо, а чрезъ то двое исконныхъ враговъ сдѣлались друзьями, т. е. Францiя заключила съ Австрiей союзъ противъ Пруссiи. Въ союзъ этотъ вступила и русская императрица Елисавета, жизнь которой служила тоже предметомъ насмѣшекъ Фридриха. Къ этимъ тремъ державамъ присоединились: Саксонiя, всемогущiй министръ которой графъ Брюль лично ненавидѣлъ короля прусскаго, и Швецiя, желавшая воспользоваться случаемъ возвратитъ себѣ Померанiю, отнятую еще великимъ курфирстомъ прусскимъ.

Фридрихъ рѣшился предупредить враговъ: въ августѣ 1756, онъ вторгся въ Саксонiю, занялъ Дрезденъ и важнѣйшiе города Саксонiи, и вызывалъ короля Августа III къ союзѣ съ Пруссiею. Саксонское войско, въ числѣ 17,000, укрѣпилось окопами въ узкой долинѣ Эльбы, между Бѣнигштейномъ и Пирной. Августъ отвергъ предложенiе Фридриха, потому что надѣялся на поддержку со стороны Австрiи. Австрiйцы дѣйствительно подошли, но Фридрихъ разбилъ ихъ при Ловосицѣ и вслѣдъ затѣмъ взялъ въ плѣнъ саксонское войско при Пирнѣ. Такъ началась замѣчательная семилѣтняя война. Германская имперiя объявила вторженiе Фридриха въ Саксонiю нарушенiемъ земснаго мира, и стала на сторону Австрiи, — такимъ образомъ почти вся Европа вооружилась и выставила противъ него 500 тысячное войско. Всѣ считали Фридриха погибшимъ, враги его уже заранѣе уговаривались между собою о раздѣлѣ его владѣнiй. Никто не рассчиталъ, что можетъ сдѣлать небольшой на-

родецъ, одушевленный любовію къ своему государю, никто не предвидѣлъ какую геройскую силу явить самъ Фридрихъ II. Фридрихъ не струсилъ; напротивъ, онъ еще шутилъ надъ тѣмъ, что довелось ему воевать противъ трехъ женщинъ.

Сначала Фридрихъ обратился противъ самага могущественнаго врага своего и, въ 1757 г., вторгся въ Богемію. Онъ настигъ Австрійцевъ, подъ начальствомъ Броуна, при Прагѣ, гдѣ они заняли выгодную позицію на крутомъ возвышеніи, обставленномъ пушками. Офицеры Фридриха отсовѣтывали ему дѣлать нападеніе, потому что солдаты были утомлены, но король рѣшился тотчасъ же вступить въ дѣло. Пруссакъ ринулись на приступъ. Страшный картечный огонь уничтожалъ ихъ цѣлыми рядами; они уже вездѣ начали отступать, какъ фельдмаршалъ Шверинъ схватилъ знамя и за нимъ бросились на возвышеніе его удалцы. Старикъ былъ пораженъ четырьмя картечными пулями, но смерть его воспламенила ярость солдатъ; неудержимо устремились они къ батарее, взяли ее, и обратили орудія противъ непріятеля, — а самъ Фридрихъ прорвалъ центръ непріятельскаго боеваго порядка. Но дорого досталась эта побѣда: болѣе 16,000 Пруссакъ легли на мѣстѣ сраженія.

При Боллинѣ, подъ предводительствомъ *Дауна*, стояло другое большое войско Австрійцевъ и Саксонцевъ. Непріятель вдвое превосходилъ Пруссакъ, но Фридрихъ напалъ на него. Уже побѣда склонялась на его сторону; Даунъ написалъ уже карандашомъ приказъ къ отступленію, какъ вдругъ Фридрихъ, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ, измѣнилъ свой боевой порядокъ. Одинъ саксонскій полковникъ замѣтилъ происшедшій отъ того безпорядокъ, не послалъ приказа Дауна, бросился съ своими всадниками на прусскую пѣхоту, и принудилъ ее къ отступленію. Пруссакъ потерпѣли рѣшительное пораженіе, и съ потерей 13,000 убитыхъ и раненыхъ и 45 пушекъ, принуждены были отступить въ Саксонію. Австрійцы наводнили большую часть Силезіи, а генералъ ихъ Гаддикъ, съ 4,000 Кроатовъ, отважился подступить подъ самый Берлинъ и поджегъ столицу.

Между тѣмъ, Русскіе, грабя и опустошая, вторглись въ Восточную Пруссію, и разбили при Гроссъ-Эгерндорфѣ прусскаго фельдмаршала Левальда; Шведы заняли Померанію; два французскихъ войска вторглись въ Ганноверъ и въ Гессенъ. Положеніе Фридриха было отчаянное. Онъ

раздѣлилъ войско свое на нѣсколько отрядовъ и съ однимъ изъ нихъ обратился противъ Французовъ. Въ первый разъ встрѣтились съ ними Пруссакъ при Готѣ, Фридрихъ получилъ тайное извѣщеніе отъ герцогини готской, что французскій генераль Субизъ, вмѣстѣ съ другими генералами, занялъ для квартиры дворецъ герцога. Тотчасъ смѣлый прусскій генераль Зейдлицъ послалъ съ 1,500 чел. въ Готу. Былъ ровно полдень; Французы пировали за роскошнымъ столомъ, когда Зейдлицъ явился у воротъ города. 6,000 Французовъ, бывшихъ въ городѣ, и не думали сопротивляться, но, испуганные, бросили обѣдъ и бѣжали такъ поспѣшно, что вторгнувшіеся въ городъ Пруссакъ нашли весьма мало солдатъ, за то взяли въ плѣнъ множество парикмахеровъ, поваровъ, комедіантовъ, камердинеровъ, и захватили цѣлые ящики духовъ да помады, множество париковъ, пудрантовъ да зонтиковъ—доказательство какая роскошь господствовала тогда во французскомъ лагерѣ.

Субизъ, соединившись при Эрфуртѣ съ имперскимъ войскомъ, пошелъ далѣе. Король смѣло двинулся съ 22,000 человекъ противъ непріятеля, имѣвшаго 60,000. 5 ноября, онъ сошелся съ нимъ при деревнѣ Росбахѣ. Непріятель громко радовался и говорили, что Фридрихъ, съ своимъ погdamскимъ вахтпарадомъ, такъ называли они небольшое прусское войско, не уйдетъ отъ смерти или отъ плѣна. При звукахъ трубъ, съ распущенными знаменами, обошли они холмъ, на которомъ расположенъ Фридрихъ, и хотѣли окружить его. Фридрихъ спокойно наблюдалъ за ихъ движеніями, не дѣлая ни одного выстрѣла; онъ даже приказалъ закрыть всѣ пушки, чтобы дать болѣе увѣренности врагамъ. Палатки оставались разбитыми; солдатамъ приказано было обѣдать; самъ Фридрихъ спокойно пообедалъ съ своими полководцами. Французы сочли это беззаботное спокойствіе за чистое отчаяніе. Вдругъ, въ 2 часа полудни, Фридрихъ отдалъ приказаніе снимать палатки; въ одинъ мигъ полки построились въ боевой порядокъ и грянули пушки. Изъ-за холма, примчался вдругъ съ своими всадниками, Зейдлицъ, обошедшій непріятеля, и бросился на изумленныхъ враговъ. Въ то же время подошла скорымъ шагомъ прусская пѣхота. Ужасъ объялъ враговъ, и не прошло получаса какъ все войско ихъ обратилось въ бѣгство.

То была веселая побѣда! Но надо было отстоять отъ Австрійцевъ Силезію, и Фридрихъ поспѣшилъ къ Бреславу. Тамъ стояли Даунъ и

принцъ Лотарингскій съ большимъ войскомъ, которому Фридрихъ могъ противопоставить только весьма малое. Обѣ арміи сошлись при Лейтенѣ. Австрійская боевая линія имѣла на два часа пути претяженія, поэтому Фридрихъ, чтобъ не быть овруженнымъ, набралъ *косой боевой порядокъ*, въ которомъ войско походить на клинъ. Такимъ боевымъ порядкомъ Эпаминондъ побѣдилъ нѣкогда спартанское войско. Фридрихъ одержалъ блистательную побѣду. Около 20,000 плѣнныхъ, 100 орудій, 3,000 повозокъ достались въ руки побѣдителей. Затѣмъ, Пруссакъ взяли Бреславль.

Два похода окончились счастливо для Пруссіи. Фридрихъ овладѣлъ снова Силезіей и открылъ третій походъ (1758) взятіемъ крѣпкого Швейдница. Потомъ проникъ онъ въ Моравію и осадилъ Ольмюцъ, но осада не удалась. Король принужденъ былъ неспѣшно воротиться въ Пруссію, потому что вторглись въ нее Русскіе, подъ предводительствомъ Фермора. Они грабили, жгли, опустошали. Крѣпость Кюстрингъ была разгромлена ими, вездѣ развалины обозначали путь ихъ. Фридрихъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и 25 августа произошло сраженіе при *Цорндорфѣ*, близъ Кюстрина. То была не битва, а бойня. Фридрихъ хотѣлъ искоренить яростнаго врага, и страшныя слова: „Пруссакъ не даютъ пощады“ встрѣтили Русскихъ на полѣ битвы. „И мы тоже“, отвѣчали Русскіе. Бились съ утра до вечера, бились со всею яростію отчаянія и мести. Прусская артиллерія поражала неприятелей рядами, Зейдлицъ съ своими всадниками дѣлалъ чудеса храбрости; и не смотря на это, Русскіе не отступили. Пруссакъ яростно бросались въ штыки, но Русскіе стояли непоколебимо. Даже раненные, простертые на землѣ, свирѣпо боролись между собою. Только темная ночь да изнеможеніе обѣихъ сторонъ положили конецъ этой бойнѣ. Русскіе первые начали отступать. Озлобленіе за произведенныя ими опустошенія такъ подавило чувство человѣколюбія, что крестьяне и солдаты прусскіе, погребая убитыхъ, часто зарывали въ землю живьемъ тяжелораненныхъ Русскихъ.

Послѣ этой кровавой битвы, Фридрихъ поспѣшилъ въ Саксонію, куда обратились имперскія войска. При приближеніи короля, Даунъ заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ; а король сталъ лагеремъ, напротивъ него, при деревнѣ *Гохкирхъ*. Позиція его была въ высшей степени ненадежна и многіе генералы указывали ему на всю опасность. Генералъ Кейтъ

сказалъ королю: „если на этомъ мѣстѣ Австрійцы оставятъ насъ въ покоѣ, то стоятъ быть повѣнчанными“. Фридрихъ улыбулся и возразилъ: „они боятся насъ больше вѣнчанья“. Увѣренность короля возросла, когда въ теченіи трехъ дней не произошло сраженія. Но на этотъ разъ, онъ ошибся въ своемъ противникѣ. Дуанъ втихомолку готовился къ нападенію. Въ ночь, съ 13 на 14 октября, Австрійцы начали окружать Пруссаконъ. Передовые прусскіе посты побили они врасплохъ, разбили нѣсколько батарей и тотчасъ обратили ихъ противъ непріятеля.

Ночь была темная; на гоцлирхенской башнѣ пробило 6 часовъ, когда Пруссаконъ разбудили ядра собственныхъ ихъ орудій. Словно изъ земли выросъ непріятель — и вдругъ появился посреди лагеря. Изумленные Пруссаки схватили оружіе и построились, какъ только дозволила темнота. Пылающая деревня одна освѣщала эту сцену. Напрасно прусскіе полководцы употребляли всѣ старанія привести въ порядокъ свои войска и выбить непріятеля изъ лагеря. Съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта тѣснѣнныя Пруссаки; но утренній заря непомогла имъ нисколько: густой туманъ мѣшалъ королю обозрѣвать свое и австрійское войско. Наконецъ туманъ разсѣлся, и скоро король возстановилъ порядокъ въ своемъ войскѣ, но одна сторона арміи была уже обойдена Австрійцами. Король принужденъ былъ отступить, и отступление это совершилъ въ такомъ порядкѣ, что Дуанъ не отважился ему воспрепятствовать. Осторожный генералъ возвратился въ свой лагерь; король какъ будто одержалъ побѣду.

Но Пруссаки много потеряли; они потеряли 9,000 чел., почти всю артиллерію и весь обозъ. Несмотря на это, Фридрихъ не унылъ духомъ, и стараясь ободрить солдатъ. Когда артиллеристы проходили мимо его, безъ орудій, онъ шутя закричалъ имъ: „куда вы дѣвали ваши пушки?“ — „Чортъ ихъ взялъ ночью“, отвѣчали артиллеристы. — „Такъ мы возьмемъ ихъ днемъ. Не правда ли, гренадеры?“ — „Да, сказали они, такъ и надобно, они еще дадутъ намъ проценты“. Искусными маршами королю удалось уйти въ Силезію и освободить отъ осады крѣпость Нейсе.

Четвертый походъ былъ еще несчастливѣе для Фридриха, — онъ проигралъ генеральное сраженіе при *Куннерсдорфѣ*. Русскіе, подъ предводительствомъ Салтыкова, и Австрійцы, подъ предводительствомъ Лаудона, соединились. 12 августа, Фридрихъ напалъ на нихъ при *Куннерс-*

одеръ, близъ Франкфурта на Одеръ. Прежде всего, онъ бросился на лѣвое крыло Русскихъ. Они стояли на защищенныхъ окопами возвышеніи и многочисленная ихъ артиллерія изрыгала смерть и гибель на наступающихъ. Цѣлыя роты Пруссаковъ были разгромлены, несмотря на это, храбрость ихъ превозмогла, — все лѣвое крыло Русскихъ было опрокинуто и артиллерія взята. Король уже готовился отойти въ Берлинъ гонимъ съ вѣстью о побѣдѣ. Но правое русское крыло стояло непоколебимо, Австрійцы же и вовсе не вступали еще въ дѣло. Для довершенія побѣды, король, вопреки представленіямъ своихъ генераловъ, двинулся сами съ истощенными солдатами противъ Австрійцевъ. Тутъ побѣда перешла въ полное пораженіе. Цѣлыя полки прусскіе погибли отъ страшнаго картежнаго огня непріятелей; многочисленная непріятельская конница начала наступать на всѣхъ пунтахъ; пораженіе и бѣгство Пруссаковъ были ужасны. Посреди сумятицы, король останавливался въ полѣмъ отчаяніи; однако, онъ все еще не хотѣлъ уступать; насильно должны были увлечь его съ поля сраженія: „Все погибло, — спасайте королевское семейство“, писалъ онъ, вслѣдъ за этой битвой, своему министру Финкенштейну, а нѣсколько часовъ спустя, говорилъ въ письмѣ къ нему же: „я не переживу гибели моего отечества. Прощайте навсегда“. И точно: никогда еще не былъ онъ въ столь отчаянномъ положеніи. На слѣдующее утро, только 5,000 чел. собрались къ его знамени. Артиллерія вся была потеряна.

Походъ 1760 г. начался также несчастливо, какъ окончился предъидущій. Прусскій отрядъ въ 8,000 чел. былъ окруженъ сильнымъ вѣтромъ непріятелемъ, подъ предводительствомъ Лаудона; и частью изрубленъ, частью взятъ въ плѣнъ. Зато Фридрихъ разбилъ Лаудона при Лигницѣ; но тотчасъ же принужденъ былъ идти противъ соединенныхъ Австрійцевъ и Русскихъ, которые, подъ предводительствомъ генерала Тетлебена, взяли даже Берлинъ. Король преслѣдовалъ непріятеля изъ Берлина и могъ уже обратиться противъ Саксоніи, гдѣ, на превосходной позиціи, Даунъ засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ; — при Торгау.

3-го ноября, явился Фридрихъ и отважился на битву, отъ которой зависѣла вся судьба его. Будъ онъ еще разбитъ, погибъ бы онъ окончательно, — Русскіе стояли уже при Ландсбергѣ на Вартѣ и выжидали благоприятнаго случая ворваться вторично въ Берлинъ. Фридрихъ рѣ-

пѣлся напасть на грозныя укрѣпленія. Онъ хотѣлъ самъ вести часть своего войска противъ торгоускихъ горъ, покрытыхъ виноградниками; а Цитену поручилъ обойти непріятеля и напасть на него съ тылу. Но обонхъ ихъ задержали болота, рвы и лѣса. Около 2 часовъ по полудни; король вышелъ изъ лѣсовъ и сталъ насупротивъ непріятельскихъ окоповъ. Артиллерія и конница оставались еще позади. Несмотря на это, Фридрихъ немедленно приступилъ къ нападенію, ибо ему слышалась сильная пальба со стороны Цитена и онъ думалъ, что бой съ непріателемъ тамъ уже завязался. Но то была стычка передовыхъ востовъ, а Цитенъ до сихъ поръ еще не могъ достигнуть назначеннаго мѣста. Когда grenадеры короля сдѣлали приступъ къ окопамъ, — непріятель обратилъ противъ нихъ все свои силы. Четыреста орудій изрыгали смертоносный огонь; ряды падали наступающіе. Король сознавался послѣ, что никогда еще не слыхалъ такого ужаснаго грома. Не взирая на гибель уже падшихъ братьевъ, новые отряды мужественно идутъ на приступъ, — но ихъ опрокидываетъ австрійская конница. Между тѣмъ, прискакала прусская конница и потѣсила было непріятеля, только вскорѣ же она сама была оттѣснена имъ. Наконецъ подходит и артиллерія, но тоже немного можетъ сдѣлать, ибо въ одномъ мѣстѣ побиты лошади, въ другомъ раздробленъ колесо лафетовъ. Король останавливается посреди сумятицы и града пуль и ядеръ. Ядро пробило возлѣ него барабанъ, лошадь трубача испугалась и понесла сѣдока. „Слажи Австрійцамъ, закричалъ ему вслѣдъ Фридрихъ, тѣмъ если они не прекратятъ тотчасъ же огонь, и возьму ихъ пушки“. Короткій ноябрьскій день уже склонился къ вечеру. Наступаетъ и непроглядная темная ночь, а битва все не кончена. Вотъ заблудился отрядъ Австрійцевъ и натывается на Пруссаковъ, которые берутъ его въ плѣнъ. Въ другомъ мѣстѣ Пруссакамъ не повезло: одинъ отрядъ ихъ стрѣляетъ въ своихъ, пока не отпрыскается ошибка.

Зажигаются многочисленные огни въ торгоускомъ лѣсу. Друзья и враги спѣшатъ къ отрадному свѣту, отогрѣться отъ пронзительнаго холода. Общая бѣда приводитъ всѣхъ къ согласію. Такъ какъ никто не знаетъ, кѣмъ выиграно сраженіе, — съ обѣихъ сторонъ условливаются на слѣдующее утро сдаться побѣдителю.

Ужасно было положеніе раненыхъ. Кто не смогъ доташиться до сараи или до конюшни соседней деревни, тотъ бился въ страданіяхъ на взмокнувшей землѣ. А король, межъ тѣмъ, сидѣлъ на ступенцѣ алтара деревенской церкви въ Эслингенѣ. Сердце его раздирала печаль; голова поникла. Лучшіе его воины лежатъ на полѣ битвы, лучшіе офицеры пали, онъ самъ раненъ и ничто еще не рѣшено. Онъ жаждетъ смерти себѣ, но до послѣдней минуты не хочетъ допустить до унынія свою армію. Рѣшившись на слѣдующее утро продолжать сраженіе и идти на приступъ въ ниттинъ, онъ пишетъ приказъ при тускломъ свѣтѣ лампы. Съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ разсвѣта, и спрашиваетъ жандарма получить извѣстіе отъ Цитена. Цитенъ же еще не отдыхалъ; онъ въ темнотѣ добрался до *Sonnenberg's Höhe*, взялъ ихъ приступомъ и прорвалъ боевой порядокъ Австрійцевъ. Австрійцы уже не могутъ отвязаться отъ битвы, и въихомолву отступаютъ.

Король шлетъ гонца за гонцомъ къ Цитену; занимается утренняя заря, Фридрихъ садится на лошадь и выезжаетъ изъ деревни. И вотъ, изъ-за сѣдаго тумана, показались бѣлые плащи отряда всадниковъ, выезжающаго на встрѣчу короля. Это Цитенъ съ гусарами. Онъ подскакиваетъ къ королю и говоритъ: „ваше величество, неприятель разбитъ и отступаетъ“. Въ ту же минуту оба прыгиваютъ съ коней, король бросается въ объятія Цитену. Старый полководецъ громко плачетъ, какъ ребенокъ, и не можетъ произнести слова. Потомъ садятся онъ къ своимъ всадникамъ и кричитъ имъ: „солдаты! король одержалъ побѣду, неприятель разбитъ. Да здравствуетъ нашъ великій король!“ Всѣ радостно подхватываютъ его слова: „да здравствуетъ нашъ великій король! Да здравствуетъ и отецъ нашъ, Цитенъ, нашъ король гусаровъ!“

Много вытерпѣлъ Фридрихъ II въ семилѣтнюю войну. Онъ на-волось былъ отъ погибели. Отчаяніе охватывало неразъ его смѣлую душу. Но судьба помогла ему вывернуться изъ бѣды. Смерть императрицы Елизаветы избавила его отъ-самого страшнаго врага, который уже побывалъ въ его столицѣ, Берлинѣ, который уже принималъ присягу, на вѣрность русской государынѣ, въ нѣсколькихъ прусскихъ областяхъ. Преемникъ Елизаветы, Петръ III, благоговѣвшій передъ славой Фридриха, обѣщалъ ему даже свою помощь — и русскія войска, еслибы Петръ продолжалъ царствовать, по всей вѣроятности, снова должны были бы бороться за

чужое дѣло, но уже не противъ Фридриха, а противъ Маріи Терезіи. 17-го февраля 1763 года былъ заключенъ въ Губертсбургѣ миръ, положившій конецъ семилѣтней войнѣ; поэтому миру Фридрихъ ничего не потерялъ изъ своихъ владѣній.

Главной заботой Фридриха, по заключеніи мира, было залечить раны, нанесенныя Пруссіи войною. Хлѣбъ, закупленный для будущаго похода, онъ раздѣлилъ между обѣднѣвшими поселенцами; лошадѣй назначенныхъ для артиллеріи и для обозовъ рождать по деревнямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ войны. Деньги дурнаго качества, вычеканенныя имъ по нуждѣ онъ мало-по-малу вынималъ изъ обращенія. Для занятія лишенныхъ пропитанія работниковъ столицы начата была постройка новаго дворца. Вѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ осушить топи около Одера, превратить въ поля и луга бесплодное побережье Гавеля, воздѣлать низины Варты, соединить каналами Гавель съ Эльбою.

6.

Фридрихъ былъ снисходителенъ и ласковъ съ простолюдинами. Разъ, старушка протѣснилась къ его паретѣ. „Что вамъ надобно?“ спросилъ король. „Только видѣть ваше лицо, а больше ничего,“ отвѣчала старуха. Король далъ ей нѣсколько фридрихсдоровъ и молвилъ: „вотъ на этихъ вещичкахъ вы можете смотрѣть на мое лицо сколько вамъ будетъ угодно.“

Фридрихъ любилъ, чтобы ему отвѣчали откровенно, а когда отвѣтъ бывалъ мѣтокъ, онъ не сердился даже за смѣлое слово. Однажды, на смотру, онъ спросилъ солдата, лицо котораго было покрыто глубокими рубцами, полученными имъ при Коллинѣ, въ какомъ кабакѣ его тагъ поколотили за пиво. „Въ коллинскомъ,“ отвѣчалъ солдатъ, гдѣ ваше величество расплатились за попойку.“ Стыдость, однако, не должна была переходить въ наглость, особенно когда рѣчь шла о предметахъ серьезныхъ. Молодой ландратъ донесъ, что въ округѣ его показались стаи саранчи. Король не повѣрилъ и тогда, въ доказательство, ландратъ прислалъ ящичъ съ живой саранчею, которая, при вскрытіи ящича, разлетѣлась по комнатѣ короля. Фридрихъ не подвергъ вымоганію ландрата, но приказалъ, чтобы впредь не назначали на подобныя мѣста молодыхо-

совѣ, а опредѣляли людей степенныхъ, преимущественно же опытныхъ офицеровъ. Впрочемъ, старинныя, заслуженныя генераламъ онъ многое прощалъ. Разъ, на смотрѣ, онъ сказалъ Зейдлицу: „мнѣ кажется, любезный мой Зейдлицъ, что полкъ вашъ идетъ медленнѣе прочихъ.“ — Ваше величество, возразилъ Зейдлицъ, мой полкъ идетъ нынче тѣмъ же шагомъ, какими шелъ при Росбахѣ.“ Съ той поры король ужъ не дѣлалъ доблестному генералу обидныхъ замѣчаній.

Присутствіемъ духа и мужествомъ Фридрихъ обладалъ какъ немногіе. Въ битвѣ при Коллинѣ онъ самъ велъ эскадронъ въ атаку на непріятельскую батарею. Люди его побѣжали, когда очутились подъ непріятельскими ядрами; но Фридрихъ, не заирая на это, ѣхалъ все дальше, пока одинъ изъ адъютантовъ не закричалъ ему: „государь, неужели вы одни хотите взять батарею?“ Только тутъ замѣтилъ Фридрихъ свое опасное положеніе, сдержалъ лошадь, обозрѣлъ батарею въ подзорную трубу и медленно возвратился къ своимъ.

Послѣ битвы при Лейтене, король, въ сопровожденіи немногихъ, отправился верхомъ въ Лиссу и вошелъ въ тамошній замокъ, еще наполненный австрійскими офицерами. Когда входилъ онъ по лѣстницѣ, офицеры вышли на встрѣчу съ зажженными свѣчами, и могли бы взять его въ плѣнъ, непосредственно послѣ самой блистательной его побѣды. „Добрый вечеръ, господа,“ сказалъ Фридрихъ, не смутившись нисколько: вы, навѣрно, меня не ожидали.“ И онъ прошелъ мимо непріятельскихъ офицеровъ, которые отвѣчали ему только почтительнымъ восклицаніемъ удивленія. Вскорѣ подоспѣлъ эскадронъ прусскихъ гусаровъ и взялъ въ плѣнъ всѣхъ Австрійцевъ.

Разъ, на рекогносцировкѣ, Фридрихъ слишкомъ приблизился къ непріятельскому передовому посту; пикетуръ прицѣлился въ него; но король поднялъ къверху палку, грозно крикнулъ: „ты! ты!“ и привелъ въ такое смущеніе венгерца, что тотъ опустилъ ружье къ ногъ и король спокойно проѣхалъ мимо.

Фридрихъ требовалъ неустранимости и отъ своихъ офицеровъ. Подъ однимъ изъ его пашей, при осадѣ Швейдница, убита была ядромъ лошадь, паша упалъ и ушибся. Поднявшись, онъ побѣжалъ назадъ, но движеніямъ его было замѣтно, что онъ чувствуетъ сильную боль, но король остановилъ его. „Куда бѣжишь?“ сказалъ онъ ему: возьми же съ

собой сѣдло.“ Пажъ принужденъ былъ воротиться, отстегнуть сѣдло, и не смѣлъ уже обращать вниманія на ядра, свиставшія вокругъ его и вокругъ короля.

Лучшими чертами въ характерѣ Фридриха были любовь къ строгой справедливости, неуспынное наблюденіе за безпристрастнымъ отправленіемъ правосудія. Извѣстна исторія о вѣтренной мельницѣ при Сан-Суси, которую король хотѣлъ купить у мельника, за тѣмъ что она мѣшала при разбивкѣ парка Сан-Суси. Но мельникъ напрямикъ отказалъ. „Мой дѣдъ построилъ мельницу, говорилъ упрямый старикъ, я получилъ ее по наслѣдству отъ отца и хочу оставить послѣ себя дѣтямъ.“ „А знаешь ли ты, молвилъ король, что я могу, если захочу, взять даромъ твою мельницу?“ — „Да, возразилъ мельникъ, колибъ у насъ не было верховнаго суда въ Берлинѣ.“ Король отпустилъ старика и остался очень доволенъ, что такое довѣріе имѣютъ къ прусскимъ судебнымъ мѣстамъ.

Фридрихъ терпѣливо сносилъ немощи старости, ничего не измѣнялъ въ порядкѣ своей жизни, и не ослаблялъ своей дѣятельности. Онъ былъ такъ трудолюбивъ, что хотѣлъ было совсѣмъ отвыкнуть отъ сна, чтобъ имѣть болѣе времени для дѣла. За годъ до смерти, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ въ Бреславлѣ подъ сильными дождями; до конца жизни онъ самъ завѣдывалъ правительственными дѣлами. Онъ скончался 17 августа 1786 года.

ИМПЕРАТОРЪ ІОСИФЪ II.

1.

Іосифъ II не прославился геройствомъ на полѣ битвы, какъ Фридрихъ, не имѣлъ и счастья видѣть исполненными благія свои намѣренія, за то великая слава его заключается въ томъ, что онъ былъ человекомъ между людьми. Предварительно изложенія дѣлъ его на пользу народу, приведемъ нѣсколько чертъ, обрисовывающихъ собственно его характеръ.

Разъ, Іосифъ прогуливался по городскому предместью. Съ нимъ повстрѣчался мальчикъ, который, протягивая руку, все кричалъ: „дайте мнѣ

гульдентъ, одинъ только гульдентъ!“ Императоръ приказалъ остановить карету и спросилъ плачущаго мальчика: на что ему столько денегъ? Мальчикъ отвѣчалъ: „мнѣ непременно нуженъ гульдентъ. Моя мать больна и послала за докторомъ; я ходилъ уже къ двоимъ, но ни одинъ не идетъ меньше чѣмъ за гульдентъ. Ахъ, дайте одинъ только гульдентъ, и я ужъ никогда не стану просить милостыни.“

Императоръ спросилъ мальчика, гдѣ живетъ его мать и далъ ему гульдентъ. Мальчикъ тотчасъ же убѣжалъ. А Іосифъ приказалъ ѣхать къ дому, гдѣ жила бѣдная женщина. Чтобы не быть узнаваемымъ, онъ закутался въ плащъ, и, вошелъ въ комнату больной. „Ты ли это, дитя, мое!“ спросила она слабымъ голосомъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ Іосифъ, я врачъ, котораго пригласилъ вашъ сынъ.“ Императоръ подошелъ къ постели, состраданно посмотрѣлъ на бѣдную женщину, какъ будто обдумывая средство для ея излеченія, и молвилъ: дайте перо, чернилъ и бумаги, я пропишу вамъ рецептъ. „Женщина попросила, чтобы онъ взялъ съ полки письменныя принадлежности ея сына. Іосифъ написалъ что-то, и приказалъ отнести рецептъ въ такую-то аптеку. Пожелавъ женщинѣ скорого выздоровленія, онъ удалился. Скоро явился мальчикъ съ настоящимъ врачомъ. Мать немало удивилась, увидавъ этого втораго врача и спросила сына, что это значитъ. Мальчикъ разсказалъ о всемъ случившемся и мать разсказала. Но когда дошла рѣчь до рецепта и врачъ рассмотрѣлъ его, — онъ радостно воскликнулъ: „этотъ человѣкъ можетъ прописывать лучшіе рецепты, чѣмъ я, вашъ докторъ самъ императоръ. Рецептъ его — билетъ на полученіе отъ придворнаго казначея пятидесяти червонцевъ.“ Слишкомъ потрясенная радостной неожиданностію больная еще болѣе разнемоглась, но, имѣя возможность пользоваться лучшими лекарствами и здоровой пищей, она скоро оправилась.

Въ Богеміи была страшная дороговизна, многіе жители подверглись жестокой нуждѣ. Іосифъ приказалъ доставить туда много ржи и другихъ жизненныхъ припасовъ и самъ отправился посмотрѣть такъ ли дѣлается раздача, какъ онъ повелѣлъ. Онъ прибылъ, внезапно, въ небольшой городокъ. Тамъ, передъ дверьми уѣзднаго начальника, стояло множество телѣгъ и фуръ, нагруженныхъ хлѣбомъ; подводчики столпились кучной и живо говорили промежъ себя. Іосифъ спросилъ ихъ о чемъ говорятъ, и они отвѣчали: „мы уже давно ожидаемъ, а намъ надо ѣхать

восемь часовъ, чтобъ поспѣть дождю.“— „Это правда, промолвилъ писарь уѣзднаго начальника, да и кромѣ ихъ многіе жители дожидаются уже нѣсколько часовъ, чтобъ одѣлили ихъ хлѣбомъ.“ Императоръ, одѣтый въ простой скюртукъ, вошелъ въ домъ и попросилъ писаря доложить о немъ уѣздному начальнику, у котораго на ту пору собралось большое общество.

Кто вы такой? спросилъ уѣздный начальникъ.

—Офицеръ императорской службы, отвѣчалъ императоръ.

—Чѣмъ могу вамъ служить?

—Отпустите бѣдныхъ людей, которые дожидаются васъ внизу.

—Мужики могутъ подождать и еще; я не допущу ихъ мѣшать моимъ удовольствіямъ.

—Но этимъ людямъ далеко ѣхать и они уже довольно васъ ждали.

—А вамъ что за дѣло до мужиковъ?

—Надо же имѣть нѣсколько человѣколюбія.

—Ваше правоученіе не кстати, я знаю что мнѣ дѣлать.

„Ну, такъ я открою вамъ, господинъ уѣздный начальникъ, сказалъ императоръ, что хлѣбъ и раздача его васъ не касаются. Отпустите этихъ людей, продолжалъ онъ обратившись къ писарю: съ нынѣшняго дня, вы—уѣздный начальникъ, а вы (молвилъ онъ опять прежнему начальнику), узнайте во мнѣ вашего императора, который отставляетъ васъ отъ службы.“

Іосифъ любилъ народъ и желалъ быть имъ любимымъ. Для увеселенія его, онъ велѣлъ отирить орошаемый рѣкою садъ, доступный дотолѣ одному только дворянству, а у входа выставить надпись: *„всѣмъ людямъ отъ цѣлителя насъ.“* Дворянство не одобряло этого поступка. Разъ, нѣкоторые вельможи жадовались императору, что нѣтъ для нихъ мѣста, гдѣ бы никто ихъ не беспокоилъ.

„Еслибъ я хотѣлъ жить исключительно съ равными себѣ, то долженъ бы сойти въ сѣлепъ церкви капуцановъ, гдѣ покоятся мои предки,“— отвѣчалъ императоръ.

Этотъ отзывъ усноковилъ вельможъ, и Пратеръ, открытый для всей публики, до сихъ поръ остался увеселительнымъ мѣстомъ для жителей Вѣны *всѣхъ сословій*.

2.

15 октября 1781 г., Иосифъ издалъ указъ о вѣротерпимости, по которому дозволялось свободное отправленіе богослуженія лютеранамъ, реформатамъ и грекокаатоликамъ неуніатамъ, причемъ сравнивались они въ гражданскихъ правахъ съ католиками. Католическая церковь осталась *государственною*, но все чуждое ей устранялось и она должна была сдѣлаться независимою отъ римской іерархіи. *Никакой буллы не могъ обнародовать папа безъ предварительнаго соизволенія императора.* Изъ 1443 мужскихъ монастырей и 623 женскихъ, находившихся въ австрійской имперіи, Иосифъ упразднилъ 700, оставивъ только тѣ, которые занимались преподаваніемъ наукъ или уходомъ за больными. Такимъ образомъ возвращались государству многія тысячи людей, жившихъ въ праздности, которая дотошъ считалась чѣмъ-то святымъ. Имѣнія упраздненныхъ монастырей Иосифъ отобралъ въ казну и обратилъ на общепользныя заведенія, на основаніе новыхъ учебныхъ школъ, на устройство больницъ, сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Мисса должна была отправляться на нѣмецкомъ языкѣ; Св. Писаніе переведено было на отечественный языкъ; богомолья, подававшія часто поводъ къ безнравственности, были вовсе отиѣнены. Такія рѣшительныя мѣры возбудили большія опасенія въ духовенствѣ, особенно же при римскомъ дворѣ. Въ 1782 г., папа Пій VI отправился въ Вѣну, чтобы значеніемъ своимъ, а также убѣжденіями воздержать императора отъ нововведеній. Иосифъ II принялъ папу торжественно и съ большимъ почетомъ, но не согласился ни на какія его увѣщанія, и, не сдѣлавъ ничего, папа принужденъ былъ возвратиться домой.

Въ отношеніи управленія государствомъ Иосифъ не терпѣлъ посредниковъ между собой и народомъ. Передъ дверьми кабинета, въ которомъ онъ работалъ съ ранняго утра до поздней ночи, стояло всегда множество людей всякаго званія, ибо всякій могъ свободно входить къ императору и говорить съ нимъ. Отъ времени до времени, Иосифъ выходилъ изъ кабинета, принималъ просьбы, а иногда вводилъ просителей въ свою комнату, чтобы они могли высказать ему все, что у нихъ на душѣ лежало. Уже мать Иосифа сдѣлала многія улучшенія, отиѣнила дѣтки, уничтожила

процессы о колдовствѣ и инквизицію. Іосифъ же приобрѣлъ себѣ вѣчную славу стараніями даровать образованіе и права столь долго угнетеннымъ *Иудеямъ*, чтобы черезъ это поставить ихъ наравнѣ съ прочими подданными, всего же болѣе—*еѣжѣю*, въ 1781 году, крѣпостной зависимости крестьянъ. При этомъ онъ вымолвлялъ чисто-царскія слова: „безсмысленно думать, что правительство обладало странною прежде тѣмъ были въ ней подданные.“

3.

Какъ ни желалъ добра императоръ своимъ подданнымъ, однако, болѣшая часть ихъ толковали въ худую сторону его намѣренія; многіе даже преднамѣренно старались разстроить его планы. Въмѣсто любви, нажили онъ только ненависть и неблагодарность. Такъ было въ нѣмецкихъ его владѣніяхъ, а еще болѣе выказывалось это въ Венгріи и въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Венгрія, какъ особое королевство, сохранила свои законы и вольности, судебныя дѣла производились въ ней на латинскомъ языкѣ, который зналъ почти каждый венгерецъ; а Іосифъ, желая составить изъ всѣхъ своихъ владѣній *одно* равноправное цѣлое, повелѣлъ, чтобы на будущее время нѣмецкій языкъ и въ Венгріи былъ дѣловымъ языкомъ. Поэтому чиновникъ, не успѣвшій выучиться въ теченіи трехъ лѣтъ нѣмецкому языку, терялъ свою должность. Такое требованіе было несправедливо и жестоко,—оно привело умы въ броженіе, которое усилилось еще болѣе, когда было измѣнено прежнее устройство управленія страню.

Еще хуже было въ Нидерландахъ, въ нынѣшней Бельгіи. Іосифъ ввелъ тамъ многія полезныя учрежденія, имѣвшія послѣдствіемъ, между прочимъ, лучшее образованіе духовенства. Но мѣры эти раздражили епископовъ, а епископы возбуждали еще злобу народа, недовольнаго нововведеніями. Въ 1788 г., произошелъ бунтъ; Іосифъ уступилъ, но было уже поздно. Онъ ничего не могъ сдѣлать силою,—войска его на ту пору сражались противъ Турокъ,—и нидерландскія провинціи объявили себя независимыми. Походъ противъ Турокъ окончился тоже несчастливо. Разстроенное, и безъ того, здоровье императора было вполне потрясено печалью, томившею его сердце. Въ Венгріи возсталъ дворянство и взбун-

только народъ. Немогины и истощенныя болѣзнями, Иосифъ принужденъ былъ отложить свои постановленія.

Въ сомнѣніи, что желать добра, онъ говорилъ: „Я бы хотѣлъ, чтобы надписали надъ моею гробницею: „Здѣсь похороненъ государь, намѣреній котораго были чисты, но который имѣлъ несчастіе видѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ.“ Онъ умеръ въ 1790 г.

ГЛАВА VI.

Поборники свободы.

ВАШИНГТОНЪ.

1.

Въ 1497 г., отважный венеціанецъ, Іоаннъ Каботъ, присталъ къ берегамъ Ньюфаундленда и Виргиніи и такимъ образомъ открылъ Сѣверную Америку. Это неизмѣримое пространство земли, равное по объему Европѣ, было тогда, и еще долгое время спустя, сплошною, громадною, дикою, лѣсною пустынею, которая не представляла ничего, что могло бы привлечь жадныхъ до золота Европейцевъ. Ихъ корабли лишь тогда проявлялись у безконечно-длинныхъ береговъ Сѣверной Америки, когда прибывало ихъ туда во время морскихъ плаваній, предпринимаемыхъ для ловли трески. Но въ 1606 году, прибыли сюда выходцы изъ Англіи съ намѣреніемъ поселиться. Они положили основаніе многимъ, теперь цвѣтущимъ, городамъ, (какъ напр. Плимутъ, Чарльстонъ и пр.), число которыхъ значительно увеличилось въ послѣдующіе годы, когда огромное число англійскихъ католиковъ было вытѣснено изъ отечества религіозными послѣдованіями. Быстро, одна за другою, возникали провинціи и города:—Коннектикутъ, Родъ-Исландъ, Южная Каролина и Пенсильванія. Последняя получила свое названіе отъ квакера Пенна,—назаніе, въ послѣднихъ слогахъ своихъ, заключающее понятіе объ огромной лѣсистой мѣ-

стности, какою была эта страна при поселении в ней странных колонистов. Поселенцы должны были преодолеть множество препятствий и затруднений прежде, чѣмъ успѣли воздѣлать почву, покрывшую лесами и болотами; выгоды же, извлеченныя ими отсюда, далеко не сравнялись выгодами отъ золотыхъ рудниковъ, красующейся роскошью и простотельностью Южной Америки. Однако, права и льготы, какия давала переселенцамъ Англія, и въ особенности же право устроиться по своей волѣ, и мѣстное управленіе, наконецъ безусловная свобода въ распоряженіи привлекали въ Северную Америку немало честныхъ и дѣятельныхъ людей изъ Европы; бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, оспено кровавыхъ, бесмысленныхъ преслѣдованій за мнѣнія и религіозныя вѣрованія. Оттого жители этой части новаго свѣта были самыми свободными людьми и свобододолюбивыми людьми на всемъ земномъ шарѣ. Трудолюбіе же при обрабатываніи полей, богатство рыбныхъ запасовъ поставили ихъ скоро на нѣкоторую степень благосостоянія. Однакожь торговля, главнѣйшій источникъ обогащенія всехъ прибрежныхъ странъ, находилась у Американцевъ долгое время не въ завидномъ положеніи, ибо Англичане совершенно завладѣли ею; вывозя на корабляхъ своихъ все произведенія колонистовъ и привозя все для нихъ необходимое. Это дало поводъ къ запрещенной контрабандѣ, которая привела особенно бедныя разбры, когда Французы заняли Канаду и старались оттуда по возможности вредить Англичанамъ въ ихъ колоніяхъ. Проклятая война между Англіей и Франціей, и во время этой-то войны явился человекъ, доставившій независимость своему отечеству, помोजившій основаніе и до сихъ поръ еще возрастающему величію сѣверо-американскихъ свободныхъ штатовъ, и занявшій мѣсто между величайшими людьми всехъ временъ и народовъ.

Георгъ Вашингтонъ — такъ звали великаго человека, — сынъ богатаго землевладѣльца, родился 22 февраля, 1732 года, въ Виргиніи. Дѣдъ его, еще въ 1657 году, переселился изъ Англіи въ Америку. Десятилѣтнимъ ребенкомъ, Георгъ лишился отца. Опекунъ его, честный и образованный человекъ, постарался дать ему наилучшее воспитаніе. Особенную

склонность Георгъ показывала къ математикѣ и военнымъ наукамъ, и приобрѣлъ въ нихъ такіа познанія, что на 20 году былъ уже произведенъ въ майоры-индiи. Когда Французъ начали укрѣдяться на рѣкѣ Огіо, Англичане попытались сначала отклонить ихъ отъ этого посредствомъ переговоровъ; и на Вашингтона возложено было это порученіе. Ему предстояло преодолѣть не мало трудностей; потому что надо было вести дѣло съ умными, хитрыми Французами и съ упрямой неподатливостью некоторыхъ индiйскихъ племенъ. Съ однимъ только проводникомъ юноша отправился въ путь за 400 миль, и счастливо прибылъ въ мѣсто своего назначенія. Но французскій начальникъ на-отрѣзъ объявилъ ему, что полоса земли по рѣкѣ Огіо принадлежитъ единственно его королю; и что всякого, кто появится на этой рѣкѣ безъ его позволенія, онъ будетъ забирать въ плѣнъ. Вашингтонъ возвратился изъ своего посольства, не достигнувъ успѣха; тѣмъ не менѣе путешествіе это было важно для него и для его отечества, — молодой человѣкъ, съ свойственной ему проникающею и даромъ наблюдательности, приобрѣлъ много свѣдѣній о направленіяхъ путей, о скрѣпѣ и о людяхъ.

Англіискій губернаторъ Виргиніи рѣшился посредствомъ оружія воспрепятствовать планамъ Французовъ. Вашингтону былъ вѣренъ отрядъ въ 300 человекъ, съ которымъ онъ быстро двинулся къ рѣкѣ Огіо и, въ битвѣ съ превосходившими его числомъ Французами, разбилъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но подосѣли къ Французамъ подкрѣпленія, между прочимъ, многія сотни дикахъ и Вашингтонъ долженъ былъ уступить силѣ. Впрочемъ, онъ такъ мужественно защищалъ свои окопы, что Французы отцали справедливость храброму противнику, и отпустили его, съ честью и съ оружіемъ въ рукахъ. Неудача этого похода побудила Англичанъ къ болѣе сильнымъ мѣрамъ: генераль Бреддокъ выступилъ въ поле, съ 2000 чел. Въ надменной надеждѣ на свое войско, которое, въ то время и въ тѣхъ странахъ, могло считаться достаточно сильнымъ, Бреддокъ, при наступательномъ движеніи своемъ, пренебрегъ, вопреки убѣжденіямъ Вашингтона, всѣми мѣрами предосторожности. Въ лѣсистыхъ горахъ одѣлано было на Англичанъ съ двухъ сторонъ внезапное нападеніе; пули Французовъ и стрѣлы Индiйцевъ производили страшныя опустошенія. Самъ Бреддокъ, палъ смертельно раненый и, едва ли бы спасся кто-нибудь изъ войска, еслибы Вашингтонъ, во главѣ своихъ

храбрыхъ виргинскихъ стрѣлковъ, не бросился на непріятеля и жѣткой, непрестанной стрѣлбою не произвелъ безпорядка въ его рядахъ; такимъ образомъ онъ сдѣлалъ возможное отступленіе для разбитыхъ своихъ земляковъ. Всѣ удивлялись храбрости и предусмотрительности Вашингтона и общій толсъ избралъ его главнокомандующимъ войска, которое должно было продолжать войну съ Французами. Но подрѣпленія изъ Англіи были столь незначительны, что нельзя было ничего сдѣлать противъ превосходныхъ силъ непріятеля—и лишь въ 1757 году явились изъ Европы войска съ новыми полководцами. Французы не могли устоять; ихъ вытѣснили отсюду; они уступали крѣпость за крѣпостью и, чрезъ годъ, уже вся Канада находилась въ рукахъ Британцевъ. Но не смотря на важныя услуги, оказанныя въ этой войнѣ Вашингтономъ, часто приходилось ему, какъ урожденному американцу, сносить оскорбленія отъ Англичанъ, видѣть обидное пренебреженіе къ мудрымъ своимъ совѣтамъ. Это побудило его, въ 1762 году, когда заключенъ былъ миръ между воюющими державами, сложить съ себя званіе полковника виргинскаго полка.

3.

Вашингтонъ отправился въ родовое свое имѣніе, скорѣ женился и нѣсколько лѣтъ сряду велъ простой, счастливый образъ жизни. Онъ занимался усердно воздѣлываніемъ обширныхъ своихъ земель и науками, въ кругу же семейства находилъ лучшій свой отдыхъ.

Тѣмъ временемъ, въ отечествѣ его готовились важныя событія. Между правами, на которыя изъявила притязанія Англія въ отношеніи своихъ сѣверо-американскихъ колоній, однимъ изъ важнѣйшихъ было право облагать колонистовъ податями и налогами. Хотя налоги эти были и не столь тягостны, какъ въ метрополіи, тѣмъ неменѣе свободному духу Американцевъ не выносили эти тяготы отъ далекой Англіи, и именно потому, что Американцы неучаствовали въ ея привилегіяхъ. Гербовый актъ — это учрежденіе англійскаго правительства, по которому предписывалось Американцамъ при извѣстныхъ сдѣлкахъ употреблять дорогую англійскую гербовую бумагу, былъ, правда, отмѣненъ въ 1769 году; зато обложены были новою пощиною нѣкоторые привозные въ

Америку товары, даже до стекла, бумага, краевы и чай. Всеобщее не-удовольствіе возникло въ провинціяхъ, когда распространилось извѣ-стіе объ этомъ произвольномъ распоряженіи англійскаго правительства; въезде въ многочисленныхъ сборищахъ, стали совѣщаться о мѣрахъ, на-кія слѣдуетъ принять противъ злоупотребленій власти со стороны метро-поліи. Рѣшили не дозволить выгружать ни одного изъ обложенныхъ по-вою пошлиною товаровъ. Это повело къ столкновеніямъ между англій-скими солдатами и гражданами Бостона, одного изъ важнѣйшихъ при-мерскихъ городовъ Америки. Англійское правительство приняло энерги-чески мѣры, — приказано было разстрѣлять, въ 1770 году, трехъ зна-чительныхъ гражданъ Бостона за участіе въ этихъ столкновеніяхъ; тогда озлобленіе Американцевъ противъ метрополіи еще усилилось, и не исче-зло даже тогда, когда пришло извѣстіе, что пошлина, со всѣхъ товаровъ уничтожается и удерживается лишь незначительная — на чай. Американцы не хотѣли даже инакъ, даже малѣйшаго отягощенія, и, при возобновив-шемся въ 1773 году возстаніи въ Бостонѣ, 17 переодѣтыхъ Индіанцами гражданъ отправились на три стоявшіе въ гавани англійскіе корабли и побросали за бортъ весь чай, находившійся на нихъ. Насильственные мѣры, принятыя правительствомъ для подавленія возстанія, подали по-водъ къ союзу всѣхъ 13 провинцій Америки, причемъ провинція эти обязались другъ передъ другомъ отражать силу, силою и отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Совѣтъ, составленный изъ депутатовъ отдѣльныхъ провинцій, наименовалъ себя конгрессомъ, и Вашингтонъ, принимавшій съ самаго начала живѣйшее участіе во всѣхъ предшество-вавшихъ событіяхъ и объявившій себя положительно противъ притѣ-сненій со стороны Англичанъ, былъ единодушно принятъ въ члены этого конгресса. Объ этомъ конгрессѣ см. примечаніе къ 1-му изданію.

Не негодованіе, а оскорбленіе, понесенныя въ англійской службѣ, за-ставили Вашингтона выступить противъ метрополіи, — какъ утверждали противники и завистники его славы, — но единственною убѣжденіе, что американскія колоніи никогда не достигнутъ, подлитою Англичанъ, того благосостоянія, на которое они имѣли всѣ права и всѣ зачатки. Съ этихъ поръ Американцы рѣшились отназываться отъ всѣхъ пошлинъ и другихъ податей, налагаемыхъ правительствомъ безъ согласія народныхъ представителей. Этого союза провинцій повелъ къ еще болѣе насиль-

стеннымъ мірамъ со стороны правительства. Оно отправлено къ Бостону генерала Га съ 2-мя полками. Соединившись съ другими, разбѣянными по всей странѣ войсками, Га овладѣлъ, быстро и неожиданно, всеми пороховыми и другими военными запасами, находившимися въ городахъ и крѣпостяхъ. При одномъ изъ такихъ нападений на городокъ Контердун произошло первое сраженіе между Англичанами и Американцами. Неподалеку отъ Лексингтона, они яростно напали другъ на друга; какъ ни твердо держались Англичане, но должны были уступить упорному натиску Американцевъ, возбужденныхъ энтузіазмомъ свободы и любви къ отечеству. Эта побѣда возвысила мужество ладонистовъ. Вскорѣ они завладѣли нѣсколькими фортами, что и продолжило имъ путь въ Канаду; кромѣ того, попала имъ въ руки военная шлюпка. Англичанъ. Намрасно высаживались въ Америку свѣжія войска изъ Англіи: армія стремившаяся къ освобожденію тоже значительно усиливалась, а въ Вашингтонѣ имѣла она главнокомандующаго, таланты и прозорливость котораго брали перевѣсъ надъ численнымъ превосходствомъ и военнымъ искусствомъ противниковъ.

4.

Безкорыстное поведеніе Вашингтона было столь же извѣстно какъ и военныя его способности; никто не вступалъ съ подобною смирностію въ столь важную должность. Онъ рѣшительно отказался отъ жалованья и отъ всякаго вознагражденія за значительныя суммы, еще прежде того издержанныя имъ изъ своего имущества на различныя военныя потребности и на обмундировку войска. Энергически приступилъ онъ къ тому, чтобы оправдать довѣріе, которымъ почтили его сограждане.

Велики, безчисленны были трудности и препятствія на пути къ этому подвигу. Народонаселеніе американскихъ провинцій было еще незнакомо войску, противопоставленное Англичанамъ, далеко уступало имъ даже числомъ. Духъ жителей, силы и труды, которыхъ почти исключительно были посвящены мирнымъ занятіямъ земледѣлія и промышленности, менѣе всего были вооружены; далекія разстоянія между отдаленными провинціями немало препятствовали развитію общественнаго духа. Къ тому же, территорія, которую предстояло защищать Американ-

намъ, была необъятна, а Англичане имѣли на ней такое множество укрѣпленій, что они, всюду и во всякое время, безпрепятственно могли приставать съ своимъ флотомъ и подвозить подрѣзленія и припасы для своей арміи. Но ни эти обстоятельства, ни недостатокъ въ палаткахъ, порохѣ, одеждѣ, въ снарядахъ и запасахъ, ничто не могло поколебать твердость Вашингтона; въ рѣдкихъ дарованіяхъ своихъ, въ стойкости и мужествѣ своихъ воиновъ онъ нашелъ средства побѣдить всѣ препятствія и затрудненія.

Первымъ его предпріятіемъ была осада Бостона. Англичане, нисколько не ожидавшіе найти непріятелей своихъ такъ хорошо вооруженными, изумились, когда Американцы начали бомбардировать городъ. Не считая особенно нужнымъ отстаивать этотъ городъ, Англичане пожертвовали имъ, и Вашингтонъ, послѣ десятидневной осады, вступилъ въ Бостонъ, въ общей радости всѣхъ патріотически-настроенныхъ жителей. Предпріятіе генерала Арнольда, посланнаго конгрессомъ для завоеванія Канады, было менѣе удачно. Хотя онъ и вступилъ побѣдителемъ въ Квебекъ, — столицу этой провинціи, но по малочисленности арміи, не могъ удержать городъ за собою, и принужденъ былъ отступить.

Англія скорѣ узнала съ какимъ храбрымъ и рѣшительнымъ противникомъ имѣетъ дѣло и выдвинула болѣе значительныя силы для усмиренія мятежниковъ. У сѣверо-американскихъ береговъ появился сильный англійскій флотъ для воспрепятствованія выходу американскихъ судовъ изъ гаваней, и для подрѣзленія, въ случаѣ нужды, англійской сухопутной арміи. Но послѣ того, какъ Англичане рѣшились силою оружія покорить колоніи и этимъ самымъ довели ожесточеніе Американцевъ до высшей степени, послѣ того, какъ Американцевъ уже ободрила удача нѣсколькихъ предпріятій, — Американскіе Штаты рѣшили объявить себя свободными и независимыми. Въ 1776 году конгрессъ провозгласилъ это рѣшеніе. Британскій главнокомандующій предлагалъ Вашингтону различныя условія для примиренія и обѣщалъ прощеніе колоніямъ; но Вашингтонъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „Кто не провинился, тому не нужно прощеніе, — Американцы защищаютъ только естественныя права свои.“ Война снова возгорѣлась, и при весьма невыгодныхъ обстоятельствахъ для Американцевъ. При Броклинѣ Англичане одержали блистательную побѣду и доставили своей арміи на долгое время рѣшительный

перевѣсъ. Но тогда-то и выказался весь величавый геній Вашингтона: предусмотрительнымъ выборомъ позицій и искусными движеніями, —что ставить его на ряду съ величайшими полководцами, онъ постоянно занималъ и тревожилъ непріятеля, увѣренностью же въ себя и спокойствіемъ, онъ поддерживалъ храбрость и стойкость своихъ солдатъ и согражданъ. Изумительно отступленіе Вашингтона въ зиму 1777 года, съ четырехъ-тысячнымъ плохо вооруженнымъ войскомъ, и когда преслѣдовала его цѣлая британская армія. Самые враги не могли отказать ему въ удивленіи. Вскорѣ онъ снова явился на полѣ битвы, во главѣ болѣе сильной арміи, и хотя не могъ выполнить свои смѣлые замыслы, тѣмъ неменѣе возстановилъ этия мужество своихъ войскъ и уменьшилъ увѣренность Англичанъ, считавшихъ положеніе его отчаяннымъ. Время отдыха, доставленное Вашингтономъ войскамъ своимъ, употреблено было на прививіе солдатамъ оспы; этою мѣрой онъ сохранилъ многихъ храбрыхъ воиновъ, между тѣмъ, какъ оспа поражала сотни людей въ войскѣ Англичанъ.

5.

Тѣмъ временемъ какъ Вашингтонъ, съ переменнымъ счастіемъ, боролся въ южныхъ провинціяхъ съ превышающимъ его силами непріателемъ, сѣверныя войска, подъ предводительствомъ генерала Гетса, дѣйствовали неуспѣшно. Всѣ, даже военачальники, кромѣ Вашингтона, упали духомъ. „Мы не должны отчаяваться, писалъ Вашингтонъ одному изъ своихъ товарищей: наше положеніе было то худо, то хорошо, и я думаю, оно опять улучшится“. Онъ не удовольствовался одними утѣшеніями, но выслалъ людей, съѣстныхъ и военныхъ припасовъ. Подкрѣпленные и возставшіе духомъ, Американцы снова двинулись впередъ, и, послѣ блистательнаго дѣла при Саратогѣ, принудили англійскаго военачальника сдаться съ пятью тысячами чел. войска и со всѣми военными запасами. Въ это же самое время Вашингтонъ подружился съ знаменитымъ Лафайетомъ. Изъ всѣхъ чужеземцевъ, сражавшихся за свободу Американцевъ, никто болѣе Лафайета не помогъ имъ словомъ, дѣломъ и совѣтомъ. Связи Лафайета и старанія американца Франклина въ Парижѣ много содѣйствовали къ склоненію французскаго двора въ пользу Американцевъ; и хотя французскій флотъ, появившійся у береговъ Аме-

Вашингтонъ, не сдѣлавъ ничего особеннаго, однако, онъ раздалъ силы Англичанъ. — Очень вредны были для американскаго дѣла послѣдствія отпаденія генерала Арнольда, перешедшаго къ врагамъ. При этомъ случаѣ Вашингтонъ вынужденъ все благородство, всю невинность, всю любовь къ справедливости, составившія основу его характера. Арнольдъ измѣнилъ черезъ посредство англійскаго майора Андра; этотъ Андра попалъ въ руки Американцамъ, и по военнымъ законамъ, былъ осужденъ на висѣлицу, какъ шпионъ. Вашингтонъ не могъ согласиться на просьбу его, о перемѣнѣ рода смерти, но пролилъ слезы о казни человѣка храбраго и несчастнаго. Между тѣмъ, Арнольдъ являлся въ Виргинію, производя страшныя опустошенія; онъ потребовалъ также жизненныхъ припасовъ и отъ Моунтъ-Вернонскаго имѣнія, принадлежавшаго Вашингтону. Управитель послалъ что требовалось и просилъ пощадить имѣніе — просьба эта была, исполнена въ уваженіе къ прославленному имени Вашингтона, читаемаго даже врагами. Но Вашингтонъ, написалъ слѣдующее письмо своему управителю: „Болѣе всего мнѣ досадно, что вы были у непріятеля и снабдили его жизненными припасами. Мнѣ было бы не такъ прискорбно узнать, что онъ, въ возмездіе за отказъ вашъ исполнить его требованіе, сжегъ мой домъ, разорилъ мои плантаціи. Вамъ должно бы было счесть на себя, какъ на моего представителя, и подумать какой дурной примѣры вы подаете, вступая въ сношенія съ врагами и покупая у нихъ лошадей моею собственностію“. Съ подобнымъ же фаворизмомъ отказался онъ послѣпить на помощь провинціи Виргиніи, гдѣ имѣнія его подвергались опустошеніямъ непріятелей; — онъ остался непоколебимо вѣренъ своему обдуманному плану направлять все свои дѣйствія изъ срединнаго пункта. И дѣйствительно, только такимъ особеннымъ дѣйствіемъ достигъ онъ освобожденія родины. Послѣ многихъ превратностей весенней счастія, удалось Вашингтону наконецъ, въ 1781 г., съ помощью французскаго флота, запереть въ Нью-Йоркѣ главную англійскую армію; подъ предводительствомъ лорда Корнуоллиса, и послѣ короткой, но славной, осады, принудить ее къ сдачѣ. Это событіе повело къ окончанію войны; неудовольствіе англійскаго народа, подавленнаго тяжкими бременами военныхъ издержекъ, принудило министровъ Англии къ уступкамъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, состоявшихся въ 1782 г., выгодный и славный для Американцевъ миръ.

Чрезвычайною радостью восприняла вся освобожденная страна, съ удивленіемъ, гордостью, любовью и энтузіазмомъ въиради на человека, которому болѣе всѣхъ обязаны были совершеніемъ великихъ подвиговъ. А онъ, между тѣмъ, наслаждался полнымъ блаженствомъ, какое способенъ ощущать человекъ, когда въ сознаніи правоты своей видитъ онъ, что всѣ старанія его для блага общественнаго увѣнчаны успѣхомъ. Великое дѣло Вашингтона было совершено — и, принявъ участіе въ всеобщей радости, онъ удалился въ уединеніе сельской жизни. Торжественно сложилъ онъ съ себя свое званіе и трогательно простился съ товарищами по оружію, которые со слезами проводили его. Предъ отъѣздомъ же, Вашингтонъ явился на конгрессъ и произнесъ, при безчисленной толпѣ слушателей, трогательную, прощальную рѣчь. На нее отвѣчалъ президентъ конгресса и заключилъ отвѣтъ свой слѣдующими словами: „Защитивъ свободу въ нашей новой части свѣта, подавъ спасительный урокъ и угнетеннымъ и притѣснителямъ, провожаемый благословеніями согражданъ, вы удалятесь съ великой аренны. Но слава вашихъ подвиговъ не прекратится съ вашей должностію: она будетъ жить постоянно, воодушевляя отдаленнѣйшія помощныя нашия колонны. Да будутъ ваши послѣдніе дни также счастливы, какъ были славны первые.“

Вашингтонъ возвратился на родину. Моунтъ-Вермилъ сдѣлался поприщемъ мирныхъ гражданскихъ его добродѣтелей. Такъ, сдвнго подвижавшійся мечомъ, полководецъ снова ревностно предавался простымъ и мирнымъ трудамъ земледѣлія.

Между тѣмъ, въ отдѣльныхъ провинціяхъ происходили волненія и безпорядки — послѣдствія войны. Для устраненія ихъ, рѣшились учредить общее для всѣхъ провинцій правительство и во главѣ его поставить опять Вашингтона. Ни на минуту не задумавъ онъ и принять предложенный ему санъ, принялъ для того, чтобы положить послѣдній камень къ воздвигнутому имъ зданію. И точно: онъ привелъ въ исполненіе самое мудрое государственное устройство, — а въ качествѣ президента, управлялъ отечествомъ, въ теченіи восьми лѣтъ, съ мудростію и силою. Когда же вторично возвратился онъ въ уединеніе, — со всей

справедливостію могли говорить о немъ, что онъ уноситъ съ собою: сознаніе честно-исполненной обязанности, благодарность всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ и одобреніе всего міра.

Посреди мирныхъ занятій сельской жизни, смерть постигла Вашингтона 14 декабря 1799 г. Невольники, послѣдней волею его возвращенные къ свободѣ, школы, имъ заведенныя и одаренныя богато для большаго преуспѣванія, самымъ достойнымъ образомъ, свидѣтельствовали о благодатной его дѣятельности.

ВЕНІАМИНЪ ФРАНКЛИНЪ.

1.

Мало найдется великихъ и знаменитыхъ людей, имя которыхъ произносилось бы съ большимъ уваженіемъ, какъ имя американца — *Веніамина Франклина*. Человѣкъ этотъ былъ именно человѣкъ, поступавшій по духу Божію. Онъ не ограничивался однимъ желаніемъ добра человѣчеству, онъ дѣлалъ столько добра, сколько дѣлали немногіе изъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ временъ. Прямо и честно шель онъ своей дорогой, содѣйствовалъ свободѣ согражданъ, и, при всемъ своемъ величій, оставался всегда простъ и безкорыстенъ.

Веніаминъ Франклинъ родился 17-го января 1706 г., въ Бостонѣ. Отецъ его, Іосія Франклинъ, честный и прозорливый человѣкъ, не могъ дать Веніамину такого воспитанія, какъ бы желалъ, потому что былъ небогатъ; онъ варилъ мыло и лилъ сальныя свѣчи, и только съ нуждою могъ прокормить своимъ промысломъ многочисленное семейство. Веніаминъ, младшій изъ 16-ти чел. дѣтей, выучился съ прочими кое-какъ читать и писать и получилъ также нѣкоторыя свѣдѣнія въ ариметикѣ; впрочемъ, онъ долженъ былъ самъ пролагать себѣ пути и находить средства къ дальнѣйшему образованію. Съ раннихъ лѣтъ, мальчикъ почувствовалъ живую склонность къ наукамъ; однако до 12-лѣтняго возраста, онъ оставался у отца подъ рукою, раздѣляя его занятія. Чтобы узнать нѣтъ ли у мальчика охоты къ другому какому-ни-

будь ремеслу, отецъ водилъ его по разнымъ мастерскимъ, — къ каменщикамъ, обручникамъ, мѣдникамъ, столярамъ. Это принесло пользу Веніамину, ибо изощрило его наблюдательность, придало ловкость его рукамъ, — что впоследствии пришлось для него очень кстати, ибо часто онъ самъ долженъ былъ готовить машины для физическихъ своихъ опытовъ.

Мальчикъ употреблялъ каждый свободный часъ на чтеніе. Всего охотнѣе читалъ онъ описанія путешествій; большое тоже впечатлѣніе произвела на него книга, воодушевлявшая уже многихъ героевъ, — Жизнеописанія Плутарха. Эту книгу прочиталъ онъ нѣсколько разъ, она много содѣйствовала развитію духовныхъ его способностей. Замѣтивъ въ Веніаминѣ непреборимую склонность къ книгамъ, старый Франклинъ отдалъ его въ ученіе старшему сыну своему Джемсу, типографщику.

Некрасна была жизнь Веніамина у старшаго брата: Джемсъ былъ суровый, жестокосердый, грубый человѣкъ, онъ не пропускалъ безъ наказанія ни одной оплошности ученика и употреблялъ его на самую черную работу. Но *Веніаминъ* довольно терпѣливо сносилъ суровое обращеніе брата, и только изрѣдка жаловался отцу.

Всякая такая жалоба навлекала Джемсу выговоръ отъ отца, но это нисколько не поправляло обстоятельствъ Веніамина. Наконецъ, мальчикъ совсѣмъ пересталъ жаловаться и съ полнымъ терпѣніемъ сносилъ свои напасти. Онъ постоянно былъ усерденъ къ работѣ, а вскорѣ сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ дѣлѣ, что даже хозяинъ изумился. Въ свободные часы Веніаминъ занимался чтеніемъ хорошихъ книгъ, — онъ пользовался ночнымъ временемъ для образованія своего ума.

Случалось ли Франклину прочесть хорошо-написанную статью, онъ радовался ей всею душою, и хотѣлось ему также написать, также ясно и вѣрно изложить свои мысли. Прочитавъ одну или двѣ страницы, онъ закрывалъ книгу и пытался передать отъ себя прочитанное, потомъ сравнивалъ написанное съ печатнымъ, и исправлялъ ошибки. Мало-помалу ошибки дѣлались все рѣже и рѣже, а иногда онъ съ радостью замѣчалъ, что выраженія его иѣтъ выраженій оригинала. Это возбудило его къ новымъ попыткамъ и скоро сталъ онъ владѣть языкомъ къ совершенствѣннѣйшему.

Братъ Веніамина издавалъ газету, для которой присылали статьи самыя значительныя и ученые люди въ Бостонѣ. Иногда они собирались въ типографіи, чтобъ обсудить будущую статью или высказать мнѣніе о томъ, что напечатано. Можно представить себѣ, съ какимъ вниманіемъ прислушиваясь маменькинъ ученикъ, въ такимъ разговорамъ. Однажды, зашла рѣчь о статьѣ, которую хотѣли помѣстить въ газету, для того, чтобы провести какую-то очень важную мысль между гражданами Бостона. Каждый изъ присутствующихъ предлагалъ свое мнѣніе, но ни одинъ не попалъ на сущность дѣла. Веніаминъ подумалъ: Если-бъ мнѣ довелось написать эту статью, я бы какъ разъ нашелъ, что сказать. Онъ не посмѣлъ высказаться, но голова его сильно работала, мысли не давали спать; онъ дождался, пока всѣ разошлись, — всталъ съ постели и разомъ написалъ, что на душѣ лежало. Затѣмъ положилъ онъ статью свою на дорогу типографіи, такъ чтобы утромъ непременно могли найти ее. Имени своего онъ не подписалъ подъ статью; онъ былъ увѣренъ тоже, что не узнаютъ кто написалъ ее, ибо брату его былъ не знакомъ его почеркъ.

Статьи нашли и прочтали въ собраніи сотрудниковъ газеты. Радостно билось сердце Веніамина, когда всѣ единодушно хвалили его статью! Тотъ хвалилъ въ ней ясность и простоту, другой основательность доказательствъ, третій яркость суждений. Одинъ изъ сотрудниковъ издвигалъ желаніе, чтобъ незнакомый сочинитель поощренъ присылалъ свои статьи. Такъ и вышло: новыя статьи Веніамина опять заслужили похвалу, хотя нѣкоторыя частности въ нихъ и подвергали иногда тайнаго писателя порицанію. Впрочемъ, ни одна статья не была отвергнута.

Между тѣмъ, Веніаминъ сдѣланъ искуснымъ типографическимъ мастеромъ: нечому было учиться у брата, которому столько услугъ онъ оказалъ, но который былъ грубъ съ нимъ попрежнему, и часто даже билъ его палками. Пребываніе въ домѣ брата сдѣлалось невыносимымъ для юноши, столь благороднаго и развитаго; онъ рѣшился тайно оставить Бостонъ и искать счастья гдѣ-нибудь подалеже. Но денегъ у него не было и, для

неполненія нелегкаго своего плана, онъ принужденъ былъ продать на аукционъ свою библиотеку. Онъ отправился въ Нью-Йоркъ, съ надеждою найти кусокъ хлѣба у какого-нибудь типографика. Но все мѣста были уже заняты, — Франклинь не унывалъ и рѣшился ѣхать на далекую Филадельфію. Сундулъ съ платьемъ онъ отправилъ на кораблѣ, а самъ сѣлъ на ботъ, чтобы кратчайшимъ путемъ достигнуть Амбоя; въ одну бурную ночь ботъ этотъ чуть не подвергся крушенію.

„Я пріѣхалъ въ Филадельфію, такъ рассказываетъ самъ Франклинь, въ рабочемъ платьѣ, — лучшія мои платья должны были придти послѣ съ кораблемъ. Я былъ весь покрытъ грязью; а карманы мои набиты были рубашками и чулками. Къ тому же, ни души не зналъ я въ городѣ, не зналъ даже гдѣ найти жилище. Ходьба, трескъ на суднѣ, безсонная ночь сильно утомили меня, и холодно мнѣ было чрезвычайно. Весь денежный запасъ мой состоялъ изъ одного голландскаго талера, да нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ, которыми я отдавалъ судовщикамъ. Такъ какъ я помогая имъ грести, то они и не хотѣли было брать съ меня денегъ, но я настоялъ, чтобы взяли. Случается иногда бывать щедрѣе именно тогда, когда имѣешь мало, чѣмъ тогда, когда кошелекъ туго набитъ.“

3.

Бродя по улицамъ Филадельфіи, повстрѣчалъ Франклинь ребенка съ кускомъ хлѣба, и зашелъ въ булочную для себя хлѣба купить. Булочникъ, за поданную монету, далъ ему три хлѣба; Веніаминъ подивился этому избытку, и сначала не зналъ что дѣлать съ двумя хлѣбами, да встати вспомнилъ о бѣдной вдовѣ, которая ѣхала съ нимъ на кораблѣ и была голышомъ не менѣе его. Съ этими двумя хлѣбами отправился онъ къ пристани, гдѣ и обрадовалъ ими свою спутницу. Не прихотливъ былъ юноша — ему довольно было одного хлѣба да глотка свѣжей воды.

На слѣдующій день, Веніаминъ сталъ искать работы, а напередъ нанялъ себѣ комнату въ домѣ нѣкоего Рида. Типографика Кейтонъ, дѣла котораго были не въ цвѣтущемъ положеніи, принялъ его къ себѣ въ работу. Вечоръ Франклинь такъ поправилъ Кейтоново заведеніе, что другіе типографики очень расивались зачѣмъ не приняли его къ себѣ, а Кейтонъ немало радовался своему счастью. Притомъ молодой че-

ловѣкъ жидъ просто и умѣренно, такъ что и его обстоятельства со дня на день улучшались. Сундуки его тоже прибавлялись и онъ могъ уже являться въ приличномъ платьѣ. Какъ скоро накопились онъ нѣсколько денегъ, — опять завелъ маленькую библіотеку полезныхъ книгъ. Искусный, знающій, скромный молодой человѣкъ заслужилъ вниманіе и уваженіе жителей Филадельфіи. Особенно интересовался имъ губернаторъ города Уильямъ Кейтъ; онъ часто приглашалъ его къ себѣ въ домъ, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и одобрительно слушалъ его сужденія. Онъ даже сталъ поощрять Франклина къ тому, чтобы онъ открылъ свою типографію, — и обѣщалъ доставлять въ нее всѣ типографскія работы, потребныя для правительства. Франклинъ возражалъ, что заведеніе типографіи будетъ для него слишкомъ дорого, но губернаторъ обѣщался честнымъ словомъ ссудить его 100 фунтами стерлинговъ (около 650 руб. сер.), если согласится онъ ѣхать въ Англію для закупки литеръ и машинъ, (въ то время нельзя было найти ихъ въ Америкѣ).

Франклинъ чувствовалъ въ себѣ уже достаточно силы, чтобы самостоятельно заняться типографіей, поэтому онъ принялъ предложеніе Кейта. Но напередъ онъ хотѣлъ попросить согласія у отца, — и отправился домой.

4.

Родители и родственники Франклина были очень встревожены его побѣгомъ, такъ какъ о судьбѣ его ничего не могли провѣдать. Тѣмъ сильнѣе была ихъ радость, когда, Веніаминъ неожиданно явился, здоровый и веселый. Когда сообщилъ онъ отцу о намѣреніи основать типографію, отецъ выразилъ основательныя опасенія на счетъ риска такого предпріятія; но Веніаминъ показалъ ему письмо губернатора и рассказалъ о его благородномъ обѣщаніи: тогда отецъ согласился и Веніаминъ, получивъ отъ него благословеніе, отправился опять въ Филадельфію.

Губернаторъ былъ добродушный, но ненадежный человѣкъ: когда Веніаминъ сталъ просить его, чтобы далъ онъ ему взаимны обѣщанную сумму, — губернаторъ, со дня на день, началъ водить его и, наконецъ, вмѣсто денегъ далъ ему какіе-то письменные документы, которые Фран-

елинъ долженъ былъ предъявить въ Лондонѣ. Франклинъ думалъ навѣрное получить деньги по этимъ бумагамъ, и приготовился въ путь; а передъ тѣмъ обручился онъ съ миссъ Ри дъ, дочерью своего домохозяина, съ которою встрѣтился впервые въ Филадельфiи, когда шелъ по улицѣ съ тремя хлѣбами.

24 декабря 1724 г., 18-ти лѣтній Франклинъ прибылъ въ Лондонъ. Его юношески-свѣжая, довѣрчивая душа исполнена была лучшими надеждами, но всѣ онѣ не исполнились. Документы Кейта ни гроша не стоили, и Франклинъ очутился безъ всякой помощи, на чужбинѣ. Человѣкъ менѣе его мужественный, менѣе исполненный упованiя на Бога, можетъ быть, погибъ бы въ такомъ печальномъ положенiи; но не таковъ былъ Франклинъ. Глубоко опечалилъ его легкомысленный обманъ губернатора, однако скоро онъ собрался съ духомъ, вышелъ изъ подавлявшей его тоски и искалъ утѣшенiя въ молитвѣ къ Богу, на Котораго уповалъ твердо. Онъ не хотѣлъ терять даромъ времени въ праздныхъ мечтахъ, но сталъ ходить изъ одной типографiи въ другую, чтобы гдѣ-нибудь найти работу.

5.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ мѣсто, которымъ могъ поддержать свое существованiе. Но тутъ предстояли ему новыя испытанiя. Въ лондонскихъ типографiяхъ былъ тогда обычай, по которому каждый вновь поступающiй работникъ долженъ былъ давать старымъ рабочимъ небольшую сумму, которую они пропивали. Франклинъ считалъ обычай этотъ не честнымъ, и рѣшительно отказалъ во взносѣ требуемой суммы. Естественно, что отказъ его былъ принятъ съ большимъ неудовольствiемъ, но Франклинъ не обращалъ вниманiя на глѣзбы своихъ товарищей: онъ зналъ, что поступилъ справедливо и надеялся, что со временемъ дѣло уладится и неудовольствiе противъ него исчезнетъ.

Однако, онъ ошибся. Товарищи оставались къ нему враждебными, несмотря на то, что Франклинъ былъ постоянно къ нимъ внимателенъ, ласковъ и уступчивъ; они все подшучивали надъ нимъ по-своему. Въ отсутствiе его, поремѣшивали литеры въ его наборныхъ ящикахъ, раз-

сыпали уже набраннымъ имъ колонны, словомъ — вредили ему всячески. Франклинъ переносилъ все это съ невозмутимымъ терпѣніемъ, никому не дѣлалъ упрековъ, не жаловался хозяину, и спокойно исправлялъ умышленно-сдѣланный безпорядокъ. Но непріязненные отношенія къ нему не прекращались, и онъ рѣшился взнести падавшій на него налогъ. Впрочемъ, онъ замѣтилъ товарищамъ, что такой налогъ совершенно несправедливъ, что подчиняется онъ ему только по принужденію. Наборщики не разсердились за откровенное объясненіе, — высокая нравственная сила Франклина приобрѣла-таки значительное вліяніе и надъ его товарищами.

Его печалило, что люди эти слишкомъ много пьютъ пива, — онъ употребилъ всѣ старанія отклонить ихъ отъ этого порока. Самъ онъ, съ ранней молодости, привыкъ къ строгой умѣренности, ничего не пилъ, кромѣ воды, а ѣлъ только хлѣбъ, зелень да немного мяса. Строгой образъ жизни поддерживалъ въ немъ здоровье и веселость; притомъ, этимъ Франклинъ сберегалъ деньги, которыя могъ обратить на болѣе полезныя цѣли, а между прочимъ на приобрѣтеніе книгъ. Все это онъ ставилъ на видъ товарищамъ, доказывая имъ, что чрезмѣрнымъ употребленіемъ пива, они ослабляютъ, а не подкрѣпляютъ свои силы; наконецъ онъ достигъ того, что нѣкоторые изъ нихъ послушались юнаго проповѣдника умѣренности. И много пользы принесъ имъ совѣтъ Франклина: они съ удивленіемъ замѣтили, что силы ихъ оскѣпели и увеличились, что мощельни ихъ дѣлаются долнѣе.

6.

Постоянное прилежаніе, правильный, нравственный, благотворительный образъ жизни доставили Франклину друга, по имени Денгамъ, который и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ въ Америку и основать тамъ торговое предпріятіе. Денгамъ, человѣкъ очень зажиточный, хотѣлъ дать денежныя средства, а Франклину поручить все дѣло и за это давать ему довольно значительное содержаніе. Франклинъ согласился на это предложеніе. 11 октября 1726 года, онъ счастливо прибылъ въ Филадельфію. Но едва ступилъ онъ на родную почву, — судьба снова стала его преслѣдовать.

Прежде всего, сильно его опечалило извѣстіе, что миссъ Ридъ вышла за-мужъ за другаго: она думала, что Франклинъ, среди шума лондонской жизни, забудетъ о ней. Непріятно было ему и то, что Уильямъ Кейтъ, сложившій съ себя должность губернатора, частью отъ стыда, частью отъ гордости, избѣгалъ его. А Веніаминъ давно простилъ ему обманъ и охотно сталъ бы видаться съ нимъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ торговое предпріятіе, Денгама было пущено въ ходъ, — новое, страшное несчастіе поразило Франклина. Оба они, и Франклинъ и Денгамъ, опасно занемогли: Денгамъ умеръ. Франклинъ же, благодаря тѣлосложенію своему, усиленному умѣреннымъ образомъ жизни, скоро оправился; но, со смертію Денгама, торговое предпріятіе рушилось и Франклинъ снова пришелъ въ крайне-стѣсненное положеніе.

Чтобы достать себѣ хотя скудное пропитаніе, Франклинъ опять пошелъ въ работу къ типографщику Кейтону, дѣла котораго въ послѣдніе годы, были очень разстроены. Съ поступленіемъ къ нему Франклина новымъ духомъ повѣяло на предпріятіе, и честный молодой человѣкъ всѣ выгоды предоставлялъ хозяину. Пока Кейтонъ видѣлъ, что есть еще чему поучиться у Франклина, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ нему, но лишь замѣтилъ, что и безъ его помощи можетъ вести дѣло, — сталъ холоденъ, даже грубъ. Франклинъ увидать, что человѣкъ этотъ желаетъ отъ него отдѣлаться, — поэтому онъ очень обрадовался приглашенію, одного изъ своихъ товарищей, Мередита, устроить типографію въ Филладельфіи.

7.

Мередитъ былъ безпорядоченъ и преданъ пьянству. Однако, чтобъ развязаться съ Кейтономъ, Франклинъ заключилъ съ Мередитомъ условіе, по которому Мередитъ обязывался пріобрѣсти необходимые инструменты, а Франклинъ принималъ на себя управленіе предпріятіемъ. Франклинъ энергически взялся за него и скорѣ досталъ много работы. А Мередитъ таскался по трактирамъ и кабакамъ и часто приводилъ его домой пьянымъ до безчувствія. Всѣ убѣжденія дѣятельнаго его товарища не вели ни къ чему; развратъ же Мередита вредилъ даже доброй славѣ Франклина. Франклинъ основалъ общество, которое собиралось одинъ

разъ въ недѣлю и состояло изъ людей извѣстныхъ умомъ и высокой нравственностью. Изъ нихъ многіе подружались съ Франклиномъ; они хорошо видѣли тяжелыя отношенія, давившія Веніамина, и, разъ, предложили ему ссудить его нужною суммой денегъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отсталъ отъ Мередита. Это глубоко тронуло Франклина; онъ, со слезами на глазахъ, благодарилъ своихъ товарищей, — однако, отказался отъ ихъ предложенія.

„Любезные друзья“ сказалъ онъ, „я хорошо знаю, что поведеніе Мередита препятствуетъ успѣшному ходу моего предпріятія, но не могу же оставить его, — я обязанъ ему настоящимъ независимымъ положеніемъ. Только довѣряя моимъ способностямъ и моей честности, далъ онъ денегъ на устройство типографіи, такъ какъ у меня, кромѣ познаній, ничего не было. Могу ли же теперь покинуть Мередита, оказавшаго мнѣ довѣріе? Скорѣе я удвою свою дѣятельность, чѣмъ покажусь неблагодарнымъ къ человѣку, довѣрившему мнѣ, какъ другу“.

Друзья хвалили благородныя чувства Франклина, но вмѣстѣ съ тѣмъ представили ему, что онъ доведетъ себя до гибели, такъ какъ отецъ Мередита можетъ не выполнить заключеннаго условія — не заплатить по даннымъ векселямъ: все предпріятіе было основано на кредитѣ отца и уже по этому должно было пасть. Все это хорошо видѣлъ и самъ Франклинъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ объявилъ своимъ друзьямъ, что готовъ взять деньги отъ нихъ, если Мередитъ самъ скажетъ ему, что отецъ его можетъ и не заплатить. Въ тотъ же вечеръ онъ спросилъ объ этомъ своего компаньона — и тотъ честно подтвердилъ, что предложенія друзей Франклина не безъ основанія. Онъ добровольно предложилъ ему принять на свой счетъ типографію, и Франклинъ съ радостію согласился разстаться съ нимъ. Друзья дали ему обѣщанную сумму и онъ сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ.

Быстро поднялась типографія Франклина. Газета, которую онъ началъ еще прежде того издавать, расходилась все больше и больше и постоянно увеличивалась въ объемъ; рядомъ съ типографіею Франклинъ завелъ то же небольшую книжную лавку. Честностью своей, прилежаніемъ, неутомимой дѣятельностью онъ приобрѣлъ любовь и довѣріе своихъ согражданъ. Въ 1730 году, женился онъ на прежней своей невѣстѣ, мужъ которой, тайно покинувъ ее, умеръ въ Вестъ-Индіи. Фран-

Клинтъ былъ весьма счастливъ въ супружествѣ. Все было радостно и свѣтило солнцемъ вокругъ него. И никогда, можетъ быть, не наслаждался онъ такимъ полнымъ счастьемъ, какъ въ это время скромнаго благоденствія, хотя, впоследствии, онъ и сдѣлался болѣе знаменитымъ человекомъ.

8.

Франклину минуло только 23 года, а онъ былъ уже богатъ опытностію! И онъ прилежно заботился не объ одномъ своемъ предпріятіи, а еще старался облагородить внутреннюю свою природу. Только добродѣтельный человекъ—такова была любимая его поговорка—можетъ быть истинно счастливъ. Чтобы не охладѣть въ постоянномъ страшеніи къ самоусовершенствованію, онъ составилъ себѣ табличку, гдѣ были вписаны главные добродѣтели, въ которыхъ онъ желалъ упражнять себя. То были: умѣренность, молчаливость, порядокъ и чистота, рѣшительность, бережливость, прилежаніе, прямота, смиреніе и человеколюбіе. Для полного достиженія этихъ добродѣтелей, Франклинъ избиралъ сперва одну и упражнялся въ ней; онъ дѣлалъ отмѣтки, когда согрѣшалъ противъ нее и старался всѣми силами имѣть какъ можно менѣе такихъ отмѣтокъ. Какъ онъ радовался, если, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, не находилъ въ своей табличкѣ ни одной отмѣтки!

Въ 1732 году, для нравственнаго усовершенствованія своихъ согражданъ, Франклинъ издалъ календарь, подъ именемъ „Алманахъ бѣдника Ричарда“. Книга эта была благосклонно принята, потому что полезныя совѣты высказывались въ ней языкомъ простымъ и удобопонятнымъ. Неожиданный успѣхъ календаря и газеты доставилъ Франклину значительныя денежныя средства, такъ что онъ уже могъ завести торговлю и бумагою. Свободныя часы Франклинъ посвящалъ изученію иностранныхъ языковъ. Одинъ послѣ другаго, онъ изучилъ самоучкой языки: французскій, итальянскій, испанскій и латинскій.

Такъ прожилъ Франклинъ десять лѣтъ и тогда явилось у него чрезвычайное желаніе повидаться съ родными. Онъ отправился въ Бостонъ, по пути посѣтилъ своего брата и прежняго мастера,* который переѣхалъ на житье въ Нью-Портъ — и заплатилъ добромъ за зло, сдѣланное ему

прежде: когда, вскоре послѣ того, братъ умеръ, Веніаминъ взялъ къ себѣ старшаго его сына, далъ ему превосходное воспитаніе и сдѣлалъ его искуснымъ типографщикомъ, который умно и удачно могъ продолжать отцовскія дѣла.

Въ 1736 г., граждане Филадельфіи почтили Франклина, назначеніемъ въ секретари генеральнаго собранія, а годъ спустя, доходнымъ мѣстомъ почтмейстера Филадельфіи. Франклинъ воспользовался своимъ положеніемъ, для посильнаго искорененія злоупотребленій, для лучшаго устройства этого учрежденія. Ничто ему не было чуждо: его великій геній обхватывалъ и великое и малое. Франклинъ обогатилъ и науку. Долго размышляя о явленіяхъ грозы, Франклинъ, въ 1749 году, пришелъ къ убѣжденію, что молнія есть ничто иное, какъ электрическая искра. Онъ сдѣлалъ опыты: приготовилъ летучій змѣй изъ шелковой матеріи, который и предположилъ спустить во время грозы. На длинной палкѣ змѣя, было прикрѣплено желѣзное остріе, а къ острію этому привязана монопланная бичева, тянувшаяся до руки Франклина. Но чтобы не коснулась руки электрическая искра, онъ привязалъ шелковый шнурокъ къ бичевѣ, а наконецъ бичевки привѣсилъ ключъ. Въ этомъ-то ключѣ и должны были скопляться электрическія искры, попадающія на остріе змѣя, потому что шелкъ, когда онъ сухъ, не служитъ проводникомъ для электрической матеріи. Лишь наступила гроза, Франклинъ вмѣстѣ съ сыномъ поспѣшилъ въ поле; змѣй поднялся и грозовая туча накрыла его. Вскорѣ нити бичевки начали сами собою развиваться; Франклинъ притронулся пальцемъ къ ключу и вдругъ брызнула искра. Пошелъ сильный дождь и искры, уже лучше проводимыя намокрымъ шнуркомъ, стали сыпаться чаще. Нѣсколько разъ Франклинъ повторилъ опытъ и собиралъ матерію молній въ банки, — впоследствии оказалось, что и въ этихъ банкахъ она точно также дѣйствуетъ какъ и электрическая. Въ достовѣрности опыта нельзя уже было сомнѣваться.

Все это привело Франклина къ открытію громоотвода. Уже въ 1761 году онъ былъ обрадованъ тѣмъ, что одинъ домъ въ Филадельфіи, снабженный громоотводомъ, остался невредимымъ, хотъ и ударила въ него молнія. Постоянно думая объ успѣхахъ умственнаго развитія, онъ много заботился объ основаніи университета въ Филадельфіи. По его предложенію, открыта была всеобщая подписка, которою было собрано 50,000

фунтовъ стерлинговъ, на эту сумму основанъ университетъ, процвѣтающій и до сихъ поръ, какъ благодатный памятникъ стараній Франклина. По избраніи его городскимъ совѣтникомъ и депутатомъ въ народное собраніе, онъ основалъ пріютъ для безпомощныхъ стариковъ и немощныхъ больныхъ. Его же стараніями, улицы въ Филадельфіи были вымощены. Такимъ образомъ, каждый годъ былъ ознаменованъ какимъ-нибудь общепользнымъ дѣломъ Франклина.

Слава великаго человѣка проникла изъ Америки и въ Европу, а когда вспыхнула сѣверо-американская революція, Франклинъ былъ уже дѣйствительно знаменитъ. Счастливому исходу борьбы между Америкой и Англіей больше всего способствовали Вашингтонъ и Франклинъ, первый — какъ воинъ, второй — какъ государственный человѣкъ.

Еще передъ началомъ борьбы, Франклинъ отправлялся посланникомъ въ Лондонъ и старался склонить правительство къ умѣренности. Но англійскіе министры не хотѣли и слушать никакого разумнаго совѣта. Возгорѣлась война; Франклинъ былъ отправленъ конгрессомъ во Францію для заключенія съ этой страной союза противъ Англіи. Сначала Франція не показывала себя расположенною къ союзу, но мудрость Франклина довела это дѣло къ желанному концу, и въ 1779 году, отъ имени своего отечества, онъ подписалъ союзный трактатъ съ Франціею. А въ 1783 году, онъ же заключилъ миръ, по которому Сѣверная Америка признана независимею. — Поэтому о Франклинѣ сказали: *Eripuit cælo fulmen, sceptraque tyrannis!* „Онъ похитилъ молнію съ неба и скипетръ у тиранновъ“.

Неутомимо-дѣятельный на пользу отечества, Франклинъ не удовольствовался этимъ великимъ успѣхомъ; но для приведенія въ цвѣтущее положеніе торговли Сѣверной-Америки, онъ заключилъ еще съ Швеціей и Пруссіей торговый трактатъ, по которому юная республика приобрѣла значительныя выгоды.

Въ 1789 году, послѣ девятилѣтняго отсутствія, Франклинъ возвратился въ отечество. Его прибытіе было встрѣчено громкою радостью собравшагося народа, это ликование и радостныя крики провожали его до дому. Въ семействѣ своемъ Франклинъ нашелъ все благополучнымъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія, онъ былъ избранъ членомъ въ высшій правительственный совѣтъ, а потомъ президентомъ Пенсильваніи.

Франклинъ быть постоянно поборникомъ свободы и врагомъ всякаго рабства. Борьбу за свободу и противъ рабства продолжалъ онъ безъ отдыха даже и въ то время, когда ревматизмъ сложилъ его въ постель. Во время болѣзни, онъ постоянно посылалъ въ палату депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ статьи, въ которыхъ убѣждалъ ихъ всѣми силами стараться объ уничтоженіи постыднаго рабства.

Статьи эти были лебединой его пѣснью; болѣзнь усиливалась, Франклинъ страдалъ мучительно. Но духъ его оставался ясенъ, вѣра непоколебима. На смертномъ одрѣ, онъ благодарилъ Бога за всѣ Его милости, даже за свои страданія, на которыя смотрѣлъ онъ, какъ на средство для приготовленія духа къ высшей жизни.

„Я прожилъ долго, говорилъ онъ своему другу, епископу Шингею — и въ продолженіи жизни своей видѣлъ большую часть свѣта. Теперь чувствую возрастающее желаніе познать иной міръ и душа моя радостно, съ сыновнимъ довѣріемъ, передаетъ себя въ руки Отца всѣхъ людей, Который создалъ меня и отъ самаго рожденія, такъ милосердно хранилъ и осыпалъ благословеніями“

Такъ ожидалъ Франклинъ кончины; она постигла его 17 апрѣля 1790 года. Весь народъ оплакивалъ смерть его и слѣдовалъ за его гробомъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Простой намятникъ, гладкая мраморная плита, обозначаетъ могилу человека, который жилъ просто, безъ претвзій; и, одѣвко, сдѣлалъ больше многихъ прославленныхъ королей и князей. *Франклинъ былъ идеальнымъ человекомъ.*

ТУССЭНЪ ЛУВЕРТЮРЪ

1.

Туссэнь Лувертюръ, негръ, родился, въ 1745 г., рабомъ на плантаціи графа Нойе, не далеко отъ Капъ-Франсе, въ сѣверной части острова Сан-Доминго. Онъ выросъ, какъ и всѣ дѣти негровъ, совершенно безъ всякаго образованія, а воспитывался исключительно въ страхѣ передъ плантаторомъ, котораго судьба сдѣлала властелиномъ надъ его жизнью

и смертью. Въ первой молодости, онъ былъ приставленъ къ стадамъ своего господина и тогда уже внимательное наблюдение его надъ вещами, которыя далеко превосходятъ силу пониманія большей части его соплеменниковъ, показывало, что онъ одаренъ необыкновенными способностями. Безъ руководства, безъ помощи ученыхъ бѣлыхъ, одинъ, съ томительной жаждой знанія, онъ превозмогъ безконечныя затрудненія, чтобы усвоить себѣ первоначальныя основанія всякаго знанія—чтеніе и письмо. Когда удалось ему это,—онъ не удовольствовался этимъ и продолжалъ дальнѣйшее образованіе своего ума.

Изъ бібліотеки управителя плантаціи, Либертаса, онъ досталъ нѣсколько книгъ, которыя значительно увеличили его познанія и расширили его кругозоръ. Знаніе, пріобрѣтенное такимъ способомъ, не только доставило ему удивленіе и робкое уваженіе его товарищей рабовъ, но обратило на него вниманіе и управителя, который, къ счастью, былъ чловѣкъ кроткій и чловѣколюбивый. Онъ поддерживалъ Туссэна въ стремленіи къ образованію, освободилъ его отъ тяжелыхъ земледѣльческихъ работъ и значительно улучшилъ его внѣшнее положеніе, сдѣлавъ его своимъ кучеромъ. То было уже огромное преимущество передъ прочими невольниками, потому что кучерское мѣсто доставило Туссэну и хорошее содержаніе и болѣе возможности предаваться занятію науками.

Какъ глубоко чувствовалъ Туссэнтъ благоволеніе своего господина, доказали послѣдствія, когда черные начали борьбу противъ тираніи бѣлыхъ. Не убилъ онъ своего господина, какъ это сдѣлали многіе негры, и не только спасъ жизнь Либертаса, съ опасностію собственной жизни, но когда достигъ почти царскаго сана,—великодушною щедростію обезпечилъ послѣдніе его дни.

Между многими свѣдѣніями о раннемъ періодѣ жизни Туссэна на о. Сан-Доминго замѣчательны его любовь къ животнымъ и вообще неистощимое терпѣніе. Туссэнтъ такъ умѣлъ пользоваться донятливостію лошади, что дѣлалъ чудеса съ нею, и никогда не прибѣгалъ къ жестокимъ мѣрамъ, съ помощью которыхъ въ Европѣ достигаютъ обученія лошадей. Часто видали его, погруженнаго въ задумчивость посреди своего стада, которое какъ будто и само остерегалось нарушать его размышленія. Часто, жестами и взорами, онъ велъ съ животными этого стада нѣчто въ родѣ нѣмой бесѣды, и они, повидимому, вполне понимали его:

всѣ они знали его, и когда появлялся онъ между ними, выказывали ему понятнымъ образомъ свою любовь; съ своей стороны, и онъ чрезвычайно заботился о нихъ. Когда съ какимъ нибудь изъ животныхъ случалась бѣда, онъ тотчасъ же поспѣшалъ на помощь. Только безжалостное обращение съ ввѣренными ему животными могло возмутить его безконечное терпѣніе и приводило его въ гнѣвъ. Если онъ видалъ, что рабы вымѣщали наказаніе, полученное отъ господина, на незлобивыхъ, безвинныхъ животныхъ,—что, въ несчастію, часто случалось—сердце его наполнялось яростью, и онъ самъ бывалъ иногда жестокосердыхъ. Во всемъ остальномъ терпѣніе его было такъ велико, что вошло даже въ пословицу,—молодые, шаловливые рабы плантаціи часто, ради забавы, дразнили, старались разсердить Туссэна, но это очень рѣдко имъ удавалось: обыкновенно Туссэнь на всѣ эти глупыя поддразниванія отвѣчалъ только спокойной улыбкой. Когда Либертасъ собирался наказывать провинившихся невольниковъ, Туссэнь, не памятуя обидъ, становился посредникомъ и выпрашивалъ прощеніе бѣднякамъ.

2.

25-ти лѣтъ отъ роду, Туссэнь женился на дѣвушкѣ, характеръ которой гармонировалъ съ его собственнымъ. Онъ жилъ съ нею счастливо: многихъ дѣтей она подарила ему и не было случая, чтобы когда-либо союзъ ихъ возмущенъ былъ ссорою или неудовольствіемъ. Либертасъ умножилъ благодареній, которыя и прежде расточалъ своему любимцу,—Туссэнь былъ поставленъ въ такое спокойное положеніе, что имѣлъ уже много досугу для увеличенія своихъ познаній. Знакомство съ священниками и другими учеными людьми открыло ему новыя источники образованія; онъ, съ жаромъ и постоянствомъ, предавался занятіямъ, которыя предполагаютъ уже довольно-развитой умъ. Философія и историческія сочиненія аббата Рейналя Туссэнь изучалъ съ особеннымъ пристрастіемъ. Въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, размышлялъ онъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги. Французскій переводъ *Эпиктета*, въ судьбѣ котораго Туссэнь находилъ много сходнаго съ своей судьбою, сдѣлалъ его на нѣкоторое время послѣдователемъ ученія этого философа,—и любилъ онъ повторять извѣстный анекдотъ о бывшемъ рабѣ римлянина Эпиродита:

этотъ римлянинъ, отпущенникъ императора Нерона, былъ человѣкъ вспыльчивый и часто обращался съ Эпиктетомъ очень жестоко. Вѣрный ученію стоиковъ, старавшихся соблюдать всегда хладнокровіе, Эпиктетъ терпѣливо сносилъ жестокости своего господина. Разъ, онъ сильно билъ его по берцу ноги. „Ты переломишь мнѣ ногу,—сказалъ Эпиктетъ спокойно. Господинъ удвоилъ удары и дѣйствительно переломилъ ногу. Эпиктетъ и тутъ остался спокоенъ,—молвивъ только: „не говорилъ ли я тебѣ напередъ? Теперь ты самъ себѣ нанесъ убытокъ.“

Туссенъ старался подражать Эпиккету, что, при его великомъ самообладаніи, удавалось ему легко. Но пытливый умъ его искалъ себѣ иной пищи и онъ нашелъ богатую, добычу въ произведеніяхъ древнихъ историковъ. Въ особенности онъ ревностно занимался военными и государственными науками, можетъ быть, смутно предчувствуя, что эти знанія пригодятся для несчастнаго угнетеннаго его народа. Въ маленькой библіотекѣ его были, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: Коментаріи Цезаря, во французскомъ переводѣ, исторія Александра Македонскаго и Цезаря, Геродотова исторія войнъ Грековъ съ Персами, сочиненія Плутарха и Борнелія Непота. Изученіе этихъ твореній не только образовало его умъ, но превосходно дѣйствовало и на его внѣшнее обращеніе: Туссенъ съ нравственной чистотою соединялъ и привлекательныя манеры.

Такимъ образомъ Туссенъ вышелъ изъ ничтожества, разорвалъ тяжелый покровъ невѣжества, который наброшенъ былъ, повидимому, обстоятельствами на духъ его, при самомъ рожденіи. Такъ жолудь, занесенный куда-то вѣтромъ, медленно вырастаетъ, превращается въ могучее дерево, широкими зелеными вѣтвями своими защищаетъ низменный кустарникъ, и никакая буря не можетъ сокрушить его.

3.

Волненіе умовъ угнетенной цвѣтной расы, постоянно увеличиваясь, предвѣщало кровавую, полную ужасовъ борьбу; Туссенъ, внимательно слѣдившій за ходомъ событій, сдѣлался совѣтникомъ и вождемъ своихъ товарищей-невольниковъ, которые благоговѣнно преклонялись предъ его нравственной силой. Однако, сначала онъ не хотѣлъ стать во главѣ движенія и тайнымъ вліяніемъ своимъ воспользовался только для спасенія

Либертаса. Вѣроятно, сердце его было глубоко возмущено тѣмъ безобразіемъ, съ какимъ рабы, разорвавъ оковы, въ упоеніи свободы, ринулись на своихъ прежнихъ притѣснителей, — Туссенъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ грабежамъ, убійствамъ, поджогами и всяческимъ насильствомъ. Яснымъ умомъ своимъ онъ хорошо видѣлъ, что отъ революціи можно ожидать добра скорѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ, поэтому, въ продолженіи нѣкотораго времени, онъ оставался спокойнымъ, выжидая благопріятнаго случая выступить изъ неизвѣстности и принять въ свои мощныя руки бразды правленія.

Первымъ предводителемъ черныхъ, прославившійся страшными своими злодѣяніями, былъ негръ, Букманъ. Во главѣ шайки разбойниковъ, пріютившійся въ недоступныхъ горахъ, онъ неожиданно нападалъ на плантации, грабилъ и убивалъ не только бѣлыхъ, но и черныхъ. Когда возстаніе черныхъ приняло болѣе серьезный характеръ и распространилось по всему острову, Туссенъ присоединился къ толпамъ мужественнаго предводителя негровъ Біассу, который далъ ему главное, послѣ себя, начальственное мѣсто. Туссенъ уговорилъ Біассу прекратить злодѣйства безпощаднаго Букмана. Біассу проникъ въ его притонъ и, руководимый советомъ Туссена, такъ хорошо распорядился, что злодѣй едва успѣлъ бѣжать, а шайка его была болѣею частію истреблена или взята въ плѣнъ. Вскорѣ за тѣмъ Букманъ, съ остаткомъ своихъ товарищей, былъ раббитъ и убитъ близъ Канъ-Франсе.

Біассу былъ единогласно избранъ предводителемъ войскъ черныхъ, которые, въ числѣ 60,000 чел., сосредоточились въ сѣверной равнинѣ Гаити. Впрочемъ, онъ не долго предводительствовалъ. Это былъ, безспорно, талантливый человѣкъ, но по характеру совершенно не годился для высокаго поста. Вскорѣ онъ сдѣлался жестокъ и кровожаденъ, какъ Букманъ, — за что и былъ лишенъ власти, которою злоупотреблялъ постыднѣйшимъ образомъ. Никто изъ негровъ не былъ способенъ Туссена занять упрямое мѣсто, — умѣренностію, какъ и силою генія, Туссенъ превесходилъ всѣхъ. Однако, онъ добровольно отказался отъ власти и предоставилъ ее молодому, гордому негру, Жану Франсуа, который прославился блестящими военными подвигами и, по своему происхожденію отъ африканскаго царскаго рода, имѣлъ много приверженцевъ между неграми. Такимъ образомъ Туссенъ избѣжалъ внутренняго раздора, кото-

рый въ высшей степени могъ бы повредить дѣлу освобожденія негровъ. При ограниченности своихъ умственныхъ способностей, Жанъ Франсуа не умѣлъ достойно оцѣнить мудрости Туссена, однако, передалъ ему начальство надъ отрядомъ войска, на который возложены были самыя важныя предпріятія.

4.

Слово свободы, такъ мощно провозглашенное на берегахъ Сены, проникло на острова Вестъ-Индіи и въ особенности громко раздалось на о. С. Доминго (Ганти, какъ его называютъ теперь). Испанцы хотѣли возстановить этотъ островъ противъ Французовъ и призывали негровъ подъ своимъ знаменемъ. Туссенъ отговаривалъ, но тщетно; обѣщанія Испанцевъ были слишкомъ заманчивы для негровъ. Жанъ Франсуа, возведенный въ рыцарское достоинство, былъ сдѣланъ испанскимъ генералъ-лейтенантомъ, а Туссенъ произведенъ въ полковники. Война противъ французскихъ плантаторовъ продолжалась съ новою жестокостію. Туссенъ, безъ сомнѣнія, былъ лучший и способнѣйшій человекъ между неграми. Испанскій маркизъ Германа высоко цѣнилъ его и такъ о немъ говорилъ: „Если-бы самъ Всемогушій сошелъ съ неба на землю. Онъ не носилъ бы въ груди своей лучшаго сердца, чѣмъ Туссенъ.“ Туссенъ убѣдился, что отъ союза съ Испаніею нельзя ожидать особеннаго блага для его народа. Французская республика тоже обѣщала чернымъ полную свободу и равенство. Въ 1794 г., Туссенъ, съ частью своихъ войскъ отправился въ Поръ-де-Пэ, гдѣ находился губернаторъ Ганти, генералъ Лаво, и принесть ему присягу въ вѣрности. Онъ свято сдержалъ свое слово. Французскій Конвентъ назначилъ Туссена дивизионнымъ генераломъ.

Въ 1796 г. генералъ Лаво былъ въ затруднительномъ положеніи: городъ Капъ возмутился и бунтовщики взяли въ плѣнъ генерала. Туссенъ, — послѣ своего союза съ Франціей, названный *Лувертюромъ*, — поспѣшилъ въ Капъ во главѣ 10-ти тысячнаго войска черныхъ, освободилъ губернатора и возстановилъ его въ должности. За это Туссенъ Лувертюръ былъ назначенъ наместникомъ Сан-Доминго. Онъ счастливо выполнялъ многія предпріятія противъ Англичанъ и, въ 1797 г., былъ назначенъ французскою Директоріею главнокомандующимъ всѣми войсками острова Сан-Доминго. То было большимъ счастьемъ для острова,

потому что подчиненные ему генералы Дессалинъ и Кристофъ были люди жестокіе, которыхъ главнокомандующій едва могъ сдерживать. Чтобъ положить конецъ смутамъ на островѣ и свободнѣе управлять имъ, Туссэнтъ отослалъ обратно во Францію депутатовъ, которые безъ толку вѣтшивались во все, но въ доказательство того, что нисколько неввраждебно расположенъ онъ самъ къ правительству, Туссэнтъ послалъ въ Парижъ для воспитанія двухъ сыновей своихъ. Конечно, сыновья Туссэна были лучшимъ залогомъ искренности его чувствъ, и еслибъ Франція отнеслась къ нему съ такимъ же довѣріемъ, онъ никогда бы не возсталъ противъ ея верховной власти. Но Директорія отправила генерала Гедувиль комиссаромъ на Сан-Доминго. Онъ прибылъ туда, въ то самое время, какъ Туссэнтъ велъ переговоры съ англійскимъ генераломъ Майтландомъ объ очищеніи острова. Гедувиль протестовалъ и хотѣлъ принять на себя веденіе переговоровъ, но Туссэнтъ не поддался ему и заключилъ договоръ, по условіямъ котораго Англичане должны были очистить всѣ укрѣпленныя мѣста на островѣ. Гедувиль подбилъ вождя мулатовъ, генерала Ричарда, не повиноваться Туссэну. Врожденная ненависть между мулатами и неграми возжгла новую кровавую войну, которая окончилась, въ 1800 г., побѣдой Туссэна. Туссэнтъ поступилъ человѣколюбиво съ своими врагами: онъ казнилъ только немногихъ изъ нихъ, самыхъ кровожадныхъ, — прочимъ же даровалъ амнистію (всепрощеніе) и жители острова, испытаннаго войной и страшными грабежами, вѣдохнули свободно подъ кроткимъ правленіемъ главнокомандующаго. Туссэнтъ хорошо понималъ и мирныя занятія: стараніями его земледѣліе вскорѣ пришло въ цвѣтущее состояніе; кофейныя и сахарныя плантаціи обогащались; народонаселеніе быстро возрастало.

Тогда-то, написалъ онъ три письма первому консулу, Бонапарту, въ оправданіе своихъ поступковъ относительно французскаго правительства. Однако, отвѣтъ Наполеона не доставилъ ему должнаго удовлетворенія: первый консулъ, хотя и хвалилъ прежнія его дѣянія, но въ то же время приказывалъ подчиниться во всемъ генералу Леклерку, котораго назначенъ былъ отправить въ Сан-Доминго. Съ обыкновенною своею проникательностію, Туссэнтъ предвидѣлъ, что возникнуть снова безпорядки, если онъ оставитъ званіе свое — и съ рѣшимостію приготовился къ сопротивленію.

1-го февраля 1802 года, французскій флотъ появился передъ Капомъ. Туссенъ уведомиль генерала, Леклерка, что всѣми способами будетъ противиться высадкѣ французскихъ войскъ. Леклеркъ отвѣчалъ посланному, что если до 8 часовъ вечера не будутъ доставлены ему ключи отъ города, онъ принудитъ Туссена къ повиновенію. Въ слѣдующій день началось нападеніе на городъ; негры подожгли его, и отступили въ совершенномъ порядкѣ. Чтобы смягчить Туссена, Леклеркъ отправилъ къ нему двухъ его сыновей, которыхъ привезъ съ собою изъ Франціи, и обѣщалъ имъ полную свободу, если Туссенъ покорится его приказаніямъ. Но Туссенъ, всегда великій въ своихъ рѣшеніяхъ, ставилъ свободу своего народа выше свободы сыновей—и отослалъ ихъ назадъ къ Леклерку.

5.

Началась война,—и на этотъ разъ, не съ тѣмъ счастіемъ, какое обыкновенно благопріятствовало Туссену. 17-го февраля, Леклеркъ объявилъ его измѣнникомъ и, спустя нѣсколько дней, Туссенъ былъ разбитъ. Онъ удалился въ лѣсъ съ 500 неграми, собравъ разсѣянные остатки своего войска, соединился съ генераломъ Кристофомъ и составилъ планъ возмутить весь сѣверъ острова. Но ни одна попытка не удалась ему. Его генералы противъ него возмутились. Онъ началъ переговоры съ Леклеркомъ, который и согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Туссенъ возвратился въ свои помѣстья. Туссенъ исполнилъ это и жилъ спокойно, въ кругу своего семейства, до начала іюля 1802 года, когда былъ внезапно арестованъ и отправленъ во Францію. Говорятъ, что вѣроломные Дессалинъ и Кристофъ, предвидя близкую перемѣну обстоятельствъ и страшась мщенія Туссена, рѣшились погубить своего главнокомандующаго. Они поджили Леклерку письмо; въ которомъ, обвиняли Туссена въ измѣнническихъ планахъ. Туссенъ, тотчасъ по прибытіи во Францію, былъ посаженъ въ фортъ Жу (fort Joux), гдѣ и умеръ, 5 апрѣля 1803 г., не видавъ уже ни своего отечества, ни своего семейства.

Вскорѣ обнаружались послѣдствія этого низкаго поступка: все, что предвидѣлъ Туссенъ,—сбылось. Раздраженные невѣной, негры взялись за оружіе и островъ опять задымился кровью. Французы, лишенные руководства презорливаго Туссена, не могли болѣе держаться и навсегда потеряли и островъ, и 20-ти тысячное войско, которое погибъ

ло частию отъ меча, частию отъ желтой лихорадки. Слабый остатокъ этой арміи принужденъ былъ сдаться Англичанамъ, и Дессалинь, овладѣвшій правленіемъ, ознаменовалъ свое возвышеніе всеобщимъ избиеніемъ бѣлыхъ.

Дорого полатылись Французы за вѣроломный поступокъ съ благороднѣйшимъ изъ черныхъ, который одинъ былъ въ силахъ утвердить господство метрополіи надъ островомъ.

Внѣшній видъ Туссэна являлъ силу и мужества. Онъ былъ немного выше средняго роста, черты лица его, хотя и безобразныя, носили на себѣ отпечатокъ смѣлости и величія души, которое страшило его враговъ и внушало довѣріе друзьямъ. Его обращеніе было свободно и не принуждено. Когда онъ говорилъ съ низшими, то, не рана я достоинства своего сана, выслушивалъ съ внимательностью, привлекавшею сердца, и показывалъ большое довѣріе. Его форменный костюмъ состоялъ изъ голубой куртки, съ большимъ краснымъ воротникомъ, спадавшимъ съ плечъ и съ красными отворотами, съ восьмью рядами пуговицъ на каждой сторонѣ и двумя большими золотыми аксельбантами, откинутыми назадъ. Кроме того, онъ носилъ жилетъ, длинныя красныя штаны, полу-сапожки и круглую шляпу съ краснымъ перомъ; шляпу онъ часто замѣнялъ чалмой. Онъ былъ весьма искусенъ во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, а особенно въ наѣздничествѣ. Съ ловкостію и вѣрностію, изумлявшими отважнѣйшихъ всадниковъ, онъ укрощалъ самыхъ дикихъ лошадей. — Для установленія повсюду порядка на островѣ, онъ часто являлся нежданно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. При своей способности легко переносить всякіе труды, онъ бѣдѣлъ съ величайшею быстротою, день и ночь, такъ что, по видимому, появлялся въ одно и то же время въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Цѣль его поѣздокъ всегда содержалась въ тайнѣ. Онъ желалъ собственными глазами видѣть, повсюду ли приводятся его повелѣнія въ надлежащее исполненіе.

Такимъ образомъ, постоянно дѣятельно и неутомимо, правилъ страной этотъ человѣкъ, окончившій благодатную жизнь свою въ мрачной тюрьмѣ, далеко отъ родины. Говорятъ, что онъ умеръ отъ отравы. Но всего вѣроятнѣе, что печаль о разлукѣ съ семействомъ и со всѣмъ, что было ему такъ дорого, а равно непривычная для него суровость европейскаго климата, безвременно прекратили ея жизнь.

ГЛАВА VII.

Революція.

КАРЛЪ I. БРОМВЕЛЛЪ.

1.

По смерти Елисаветы, не оставившей потомства, на престолъ соединенныхъ Англіи и Шотландіи вступилъ Іаковъ I, сынъ Маріи Стюартъ. Протестантъ по вѣроисповѣданію, но въ дѣлѣ преданный католицизму, не поладилъ онъ ни съ той, ни съ другой партіей—и умеръ, унеся съ собою въ могилу ненависть и презрѣніе всего народа.

Сынъ его, Карлъ I, вступилъ на престолъ (1625) при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Уже трайняя его молодость (ему только минуло 15 лѣтъ) послужила поводомъ къ неудовольствію народа; когда же предался онъ совѣтамъ и наставленіямъ любимица своего отца, ненавистнаго герцога Бокингема, ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Бромѣ того, онъ избралъ себѣ въ супруги принцессу-католичку, Генріету Марію (дочь французскаго короля Генриха IV); англійскимъ реформаторомъ она казалась воплощеннымъ антихристомъ.

Король скоро увидалъ, какъ несчастенъ глава народа, не пользующійся его уваженіемъ и довѣріемъ. Отъ безразсуднаго отца своего онъ наслѣдовалъ войну съ Испаніей, да при томъ сестра его, супруга, изгнаннаго германскаго пфальцграфа, требовала его помощи. Онъ вздумалъ—было обложить народъ новыми податями и созвалъ парламентъ для этого, но парламентъ отказалъ его просьбѣ. Король занялъ деньги, а Бокингеми снабдилъ флотъ, съ которымъ отправился въ Кадиксъ. Во время экспедиціи, онъ потерялъ бо́льшую часть экипажа, и, не смотря на это, по возвращеніи въ Англію, велъ себя въ отношеніи парламента чрезвычайно надменно. За то обвинили его въ государственной измѣнѣ. Вмѣсто того, чтобъ удалить неспособнаго министра, Карлъ велѣлъ арестовать двухъ членовъ нижней палаты парламента, которые подписали обвинительный

актъ, однако, вскорѣ же освободилъ ихъ, когда всѣ члены парламента возстали противъ такой насильственной мѣры.

Король не переставалъ внимать вреднымъ совѣтамъ Бокингэма—и распустилъ парламентъ; сверхъ того, на «зло протестантскимъ подданнымъ», даровалъ католикамъ полную свободу вѣроисповѣданія, и сталъ налагать подати, не спрашивая согласія парламента. Бокингэмъ снарядилъ флотъ на полученные такимъ образомъ деньги и поплылъ во Францію, для поданія помощи протестантамъ, осажденнымъ кардиналомъ Ришелье въ ла-Рошели. Но опять-таки возвратился онъ въ Лондонъ, безъ всякаго успѣха по пусту истративъ деньги.

Для наложенія новыхъ податей, король принужденъ былъ вторично созвать парламентъ (1628). Но парламентъ твердо рѣшился защищать народныя права противъ захватавъ королевской власти. Депутаты заговорили неустранимо и свободно о посягательствахъ на гражданскую свободу, о преступныхъ дѣйствіяхъ министра. Чтобы только достигнуть своей главной цѣли, король согласился съ желніемъ депутатовъ и дѣйствительно—получилъ значительныя подати. Онъ имѣлъ слабость пролить слезы при этомъ снисхожденіи парламента и, конечно, обѣщалъ не требовать впередъ ничего неслѣдующаго. Но депутаты не довѣряли перемѣнчивому королю, и изложили свои требованія письменно въ такъ-называемомъ *petition of right* (прошеніи о правахъ): они выговаривали себѣ права на утвержденіе налоговъ, на освобожденіе гражданъ отъ произвольныхъ постоевъ, и проч. Король очень оскорбился этой петиціей и далъ неопредѣленный отвѣтъ. Въ то же время была напечатана (по королевскому повелѣнію, какъ оказалось впоследствии) проповѣдь одного важнаго лондонскаго духовнаго лица, которая излагала такое ученіе, что, въ случаѣ нужды, собственность каждаго подданнаго принадлежитъ королю, и что онъ (король) отъ самого Бога получилъ власть налагать на народъ подати, какія ему угодно, не спрашивая согласія парламента. За такія „противныя конституціи“ правила, парламентъ призвалъ подкупленнаго оратора къ суду, лишилъ его должности, посадилъ въ тюрьму и приговорилъ къ уплатѣ 1,000 фунтовъ стерлинговъ штрафа. За то, король, изъ ребяческаго желанія досадить парламенту, далъ ему гораздо доходнѣйшее мѣсто. Парламентъ, востановленный силой же прежняго, потребовалъ вновь признанія *petition of right* и сдѣлалъ распоряженіе

къ вторичному обвиненію министра передъ судомъ. Чтобы не приносить любимца своего въ жертву, Карлъ рѣшился, хоть и весьма неохотно, — уступить, отправился въ верхнюю палату и призналъ петицію *государственнымъ постановленіемъ* съ обычными словами: „помолимся, и да будетъ петиція ваша закономъ.“

2.

Но тѣмъ неудовольствовался парламентъ. Уже больше ста лѣтъ, англійскіе короли, безъ участія парламента, взымали съ купцовъ и кораблей подать, слышную подъ названіемъ „вѣсоваго и грузоваго сбора“. Парламентъ считалъ за нужное отнять ее у короля, а король показавъ видъ, что хочетъ выписать нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ рейтаровъ для взысканія подати силою. Но поднялось такое волненіе, что опять долженъ былъ онъ прибѣгнуть къ обычному своему средству — распущенію парламента. Вскорѣ послѣ этого, Бокингемъ, готовившійся предпринять еще походъ противъ Ришляе, былъ умерщвленъ изувѣромъ Фельтономъ.

Въ началѣ 1629 г., парламентъ опять открылъ свои засѣданія; но не только не думалъ соглашаться на королевскія требованія, а напротивъ, прежде всего, сталъ оспаривать право на вѣсовой и грузовой сборъ. Нижній парламентъ даже велѣлъ арестовать купцовъ, которые добровольно платили эту подать королевскимъ чиновникамъ. Говорились тоже сильныя рѣчи о снисхожденіи короля къ католикамъ, въ этихъ рѣчахъ особенно отличался членъ парламента, *Оливеръ Кромвелль*. Съ каждымъ новымъ засѣданіемъ, ораторы дѣлались смѣлѣе и до того раздражило это короля, что онъ не только распустилъ парламентъ, но и приговорилъ нѣкоторыхъ его членовъ къ тюремному заключенію и къ 1,000 фунтовъ стерлинговъ штрафу. Это подлило масло въ огонь. Оштрафованные ораторы гордились своими узами, хвалились тѣмъ, что сдѣлались мучениками свободы; они не хотѣли даже оправданія, чтобы не быть обязанными королю своей свободой.

Король, вышедшій изъ-подъ опеки Бокингема, заключилъ миръ съ Испаніей и съ Франціей, миръ, впрочемъ довольно постыдный, потому что черезъ него Карлъ выдавалъ на произволъ католиковъ зятя своего,

Фридриха пфальцскаго, и французскихъ гугенотовъ. Но гдѣжь было ему защищать другихъ, когда не умѣлъ онъ защитить и самого себя!

Мѣсто убитаго министра занялъ (1630) графъ Страффордъ, человѣкъ умный и рѣшительный, который твердо вознамѣрился не уступать парламенту ни-на-волосъ. Можетъ быть, дѣйствія его въ этомъ смыслѣ и увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ, въ то-же время, король не выбралъ себѣ другаго совѣтника, по церковнымъ дѣламъ, лондонскаго епископа Лауда. То былъ грозный врагъ пуританъ и пресвитеріанъ; реформатское богослуженіе казалось ему слишкомъ бѣдно и онъ вздумалъ оживить его введеніемъ новой литургіи. Это понравилось королю, который видѣлъ въ предполагаемой перемѣнѣ сближеніе католиковъ съ протестантами. Но пуритане хотѣли исключить изъ богослуженія все, что хотя мало-мальски напоминало католицизмъ—и опять возстановили они народъ противъ новыхъ министровъ. Въ Шотландіи взяла большое засилье секта пресвитеріанъ, а имъ казалось мерзостнымъ всякое сближеніе съ католическимъ богослуженіемъ. Не смотря на то, Карлъ хотѣлъ поневолю ввести новое богослуженіе и всѣхъ непокорныхъ заключалъ въ темницы. Тогда яркимъ пламенемъ разгорѣлся гнѣвъ народа; шотландскіе пресвитеріане заключили союзъ,—подъ именемъ *ковенанта*,—которымъ обязывались противиться всякому нововведенію въ дѣлѣ вѣроисповѣданія и защищать другъ друга отъ всѣхъ враждебныхъ нападеній.

Такого посягательства на свои королевскія права король не могъ вынести,—онъ собралъ войско и пошелъ на Шотландцевъ;—англійскій народъ не оказалъ ему содѣйствія, и онъ вынужденъ былъ заключить постыдное перемиріе. Денежныя средства короля опять истощились,—онъ созвалъ въ четвертый разъ парламентъ; но парламентъ, прежде чѣмъ согласиться на взиманіе налоговъ, возобновилъ старыя свои жалобы.

Шотландцы, между тѣмъ, увѣрившись въ безсиліи короля, ворвались въ Англію, вслѣдъ за закрытіемъ парламента, и принудили безпомощнаго Карла созвать пятый парламентъ, который продолжался отъ 1640 до 1648 и извѣстенъ въ англійской исторіи подъ названіемъ „долгаго парламента.“

Уваженіе къ королевскому сану совершенно исчезло. Первымъ дѣломъ депутатовъ, становившихся часъ-отъ-часу смѣлѣе, было осужденіе графа Страффорда и епископа Лауда. Благородный графъ, желавшій добра народу и вѣрно служившій королю, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Напрасно объявлялъ король, что считаетъ своего министра невиннымъ, что готовъ уволить его отъ должности, но по совѣсти не находить его достойнымъ казни. Бѣшенство возмущенной черни, которая, съ крикомъ и шумомъ, окружала парламентъ, принудило его подписать смертный приговоръ—и Страффордъ былъ казненъ. Лауда тоже заключили въ тюрьму; прочіе министры спаслись бѣгствомъ. Между тѣмъ парламентъ объявилъ себя избираемымъ отъ народа, и потому неподлежащимъ распусченію. Такимъ образомъ, король впалъ совершенно во власть своихъ враговъ, которые возстановили противъ него разомъ Англію, Шотландію и Ирландію.

Ирландскіе католики терпѣли жестокія притѣсненія отъ англійскихъ протестантовъ; они подняли оружіе противъ присланныхъ къ нимъ насильно Англіею колонистовъ,—какъ противъ разбойниковъ, и убили изъ нихъ 6,000 человекъ. Этотъ мятежъ парламентъ поставилъ королю въ вину, хотя въ этомъ дѣлѣ онъ нисколько не участвовалъ. Епископы, заставлявшіе и имѣвшіе голосъ въ парламентѣ, сдѣлали попытку защитить прежнюю конституцію. Они объявили, что по причинѣ невниманія къ нимъ прочіихъ членовъ парламента, признаютъ они не дѣйствительными всѣ законы, изданные безъ ихъ согласія. Большая часть членовъ нижняго парламента, будучи пресвитеріанами, съ жадностью ухватила за это обстоятельство, чтобы обвинить всѣхъ епископовъ въ государственной измѣнѣ и исключить ихъ изъ всѣхъ собраній. Дерзость этихъ членовъ дошла до того, что они оскорбили даже королеву, угрожая ей обвиненіемъ; у короля же отнимали они одно право за другимъ, старались даже лишить его начальства надъ войскомъ. Тогда Карлъ послалъ въ парламентъ депутата съ приказаніемъ обвинить пятерыхъ изъ самыхъ рьяныхъ крикуновъ, которые болѣе всѣхъ оскорбили короля. Но они тайно ушли, и когда на другой день самъ король, въ сопровожденіи своей

гвардіи и офицеровъ, вошелъ въ нижнюю палату парламента, то нашелъ мѣста тѣхъ, кого искалъ, пустыми. Онъ сказалъ рѣчь, въ которой изобразилъ яркими красками тираннію парламента и свою умѣренность, — но все было напрасно. Когда онъ выходилъ изъ залы, поднялись всеобщее шиканье и ропотъ; дерзкіе голоса кричали безпрестанно: „привилегіи! привилегіи!“

Вечеромъ, всѣ граждане сити вооружились, какъ для защиты членовъ парламента, такъ потому, что враги короля распустили слухъ, будто онъ хочетъ поджечь ночью городъ со всѣхъ концовъ. На слѣдующій день, Темза покрылась безчисленнымъ множествомъ судовъ и лодокъ, вооруженныхъ маленькими мортирами, и пять гонимыхъ членовъ парламента съ торжествомъ возвратились въ городъ, въ сопровожденіи городской милиціи и при несмѣтномъ стеченіи народа. Ихъ проводили въ залу Вестминстера, гдѣ они заняли свои мѣста въ парламентѣ, при радостныхъ вликахъ присутствующихъ.

4.

Тогда король съ принцами оставилъ Лондонъ и отправился въ Іоркъ, гдѣ имѣлъ много приверженцевъ (1642); парламентъ не обратилъ на него никакого вниманія, на вербовалъ солдатъ для парламентскаго войска и учредилъ арсеналъ въ Гуллѣ. Надѣясь склонить на свою сторону смотрителя арсенала, лорда Готгэма, король поѣхалъ туда изъ Іорка съ 30 чел., но Готгэмъ заперъ передъ нимъ ворота и король со стыдомъ принужденъ былъ воротиться. И это еще не все: король пожаловался парламенту на поступокъ Готгэма, но парламентъ оправдалъ и похвалилъ лорда за его распоряженіе.

Впрочемъ, Барлу не слѣдовало еще терять всякую надежду. Отдаленнѣйшія провинціи и все дворянство оставались ему вѣрными, такъ что человѣкъ съ головою могъ бы изъ всего этого составить для себя сильную опору; но самъ король ничего не разумѣлъ въ воинскомъ дѣлѣ, да и во всемъ полагался на своихъ племянниковъ: Рупрехта и Морица пфальцскихъ, которые, со времени изгнанія ихъ отца, пріютились въ Англіи. Жители Іорка даже добровольно предлагали помощь Барлу и многія провинціи послѣдовали ихъ примѣру.

Но изъ парламента вышло немедленное объявленіе, что вѣдній, кто окажется вѣрнымъ королю, будетъ сочтенъ врагомъ отечества. Карлъ тоже издалъ прокламацію, въ которой парламентъ и его приверженцы объявлялись истинными измѣнниками законнаго правительства. Междуособная война сдѣлалась неизбежною. Обѣ стороны вооружались. Но у короля не было другихъ денегъ кромѣ тѣхъ, которыя онъ занималъ или получалъ въ подарокъ; напротивъ того, парламентъ владѣлъ флотомъ, столицей, всѣми приморскими городами и, сверхъ того, присвоилъ себѣ всѣ королевскіе доходы. Лондонцы пожертвовали столько серебряной посуды для переливки въ монету, что недоставало людей принимать приношенія, между которыми были даже серебряные наперстки и булавы, употребляемыя женщинами для украшенія. Вся лондонская молодежь записалась въ службу, въ одинъ день вызвалось болѣе 4000 человекъ. Съ Шотландцами, которые еще были вооружены, заключили союзъ. Конечно, противъ такой силы королевскія средства были ничтожны. Королева заложила въ Голландіи свои драгоценныя вещи и получила за нихъ деньги и корабли. Въ несчастіе, часть кораблей была взята англійскими каперами, и такимъ образомъ средства короля еще уменьшились. Иностранныя державы не вмѣшивались въ смуты Англіи: большая часть ихъ были запутаны въ 30-лѣтнюю войну; во Франціи же, въ этомъ году, умеръ Ричильтъ, да и кромѣ того, Англія занимала тогда въ мѣстѣ иностранныхъ державъ маловажное мѣсто.

Карлъ хотѣлъ еще попробовать нѣкакъ бы кончить дѣло добротой и протянулъ мятежному парламенту руку на примиреніе; но ему предложили такія тяжелыя условія, что онъ не могъ на нихъ согласиться. Итакъ оставалось ему одно—изъ Шрюсбѣри вторгнуться, съ 10-тысячнымъ войскомъ своимъ, въ Лондонъ. Парламентское войско, подъ предводительствомъ графа Эссекса, заняло позицію при Ворчестерѣ и Эдгемортѣ; произошло сраженіе; но принцъ Рупрехтъ разсѣялъ непріятелей. Ободренный успѣхомъ, Карлъ двинулся къ Лондону, и теперь уже парламентъ предложилъ миръ. Король принялъ депутатовъ изъ Оксфордъ. Онъ потребовалъ *полнаго возстановленія королевской власти* въ прежнемъ видѣ, — и переговоры остались безплодными. Въ слѣдующемъ году (1644), королевскія войска одержали рѣшительныя успѣхи; принцъ Рупрехтъ взялъ Бристоль; королевскія войска два раза разбили наголову

парламентскую армию. Но король былъ обидчивъ: чѣмъ когда-нибудь, солдаты его роптали, не получая жалованья. Онъ созвалъ въ Оксфордъ второй парламентъ, который все-таки не доставилъ ему денегъ. Лондонскій же парламентъ вышелъ изъ затрудненія, наложивъ акцизъ на пиво, вино и хлѣбъ, и хотя подобной подати прежде никогда не бывало, однако, народъ платилъ ее охотно.

До сихъ поръ Шотландцы не принимали въ войнѣ никакого участія; но такъ какъ вся Англія уже была занята войсками, двинулись и они (1644). Король же, съ помощью разныхъ обещаній, набралъ войско въ Ирландіи, и, зимою, оно переправилось моремъ въ Англію.

Томасъ Ферфаксъ, превосходный генералъ парламентской арміи, напалъ на него, при Нантвигѣ, и совершенно его уничтожилъ. Въ томъ же году королевскія войска проиграли генеральное сраженіе противъ Ферфакса же и подчиненнаго ему искуснаго генерала *Кромвелля*. Послѣ втораго, послѣдовавшаго за тѣмъ сраженія, Карлъ принужденъ былъ отступить къ Оксфорду.

И наступило время, когда Кромвелль занялъ первую роль въ этой трагедіи. *Оливеръ Кромвелль* происходилъ изъ хорошей, хотя и небогатой фамиліи, въ мѣстечкѣ *Гонтингтонъ*. Съ младенческаго возраста, судьба его была замѣчательна: разъ, большая обезьяна выпула его изъ колыбели и, къ ужасу всего семейства, влѣзла съ нимъ на кровлю. Повиднѣе, маленькаго повѣсу вытащилъ изъ воды священникъ. Рѣзвый, беспокойный мальчикъ, Оливеръ, вмѣстѣ ученія, предпочиталъ шататься гдѣ вздумается, да драться съ товарищами. Когда же проигралъ онъ отцовское наслѣдіе, внезапно произошла съ нимъ чудная перемѣна. Онъ принялся за богословскія и военныя сочиненія, свелъ знакомство съ самыми жаркими пуританскими ревнителями, сталъ основывать религиозные клубы, говорилъ домашнимъ своимъ длинныя проповѣди и предложилъ возвратитъ деньги всѣмъ тѣмъ, у кого прежде ихъ выигралъ. Получивъ отъ дяди нѣкоторую сумму денегъ въ наслѣдство, онъ принялъ его аренду, но спокойная домашняя жизнь была не по немъ, и онъ весь предался глубокой мечтательности. Изъ ненависти къ цер-

воинскому управленію, рѣшилъ онъ переселиться въ Америку, но король этого не дозволялъ. При открытіи „долгаго парламента“, онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Кембриджа. Усердно посѣщая онъ засѣданія, но ни отъ кого не пользовался особеннымъ вниманіемъ; потому что появленіе его скорѣе бывало противно, чѣмъ пріятно. Онъ былъ дурень собою, неопрятенъ въ одеждѣ, грубъ въ пріемахъ. Онъ имѣлъ глухой, неясный голосъ и говорилъ нескладно. Самъ онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ съ такими блестящими ораторами, какіе были тогда въ нижнемъ парламентѣ, — и выбралъ другую дорогу. Онъ набралъ войско изъ молодыхъ, зажиточныхъ арендаторскихъ сыновей, ввелъ между ними какой-то особенный духъ общенія, и заразилъ ихъ своимъ религиознымъ энтузіазмомъ. Потомъ присоединился онъ къ Ферфаксу, честному, пожилому человѣку, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ и одаренному замѣчательными воинскими дарованіями. Кромвелль оказывалъ ему вездѣ величайшую почитательность и тѣмъ приобрѣлъ полную его довѣренность; солдаты же давно уже довѣряли ему. Его быстрые, невидѣнные приемы и неумолимая строгость также сильно дѣйствовали на трусовъ, какъ и его одобреніе лестно было храбрымъ. Несмотря на то, что онъ уже на 43 году вступилъ въ военную службу, — силой своего гекія онъ не отставалъ отъ опытныхъ генераловъ въ предводительствѣ войска.

Изъ воѣхъ его душевныхъ качествъ всего скорѣе сообщался войскамъ религиозный его энтузіазмъ. Кромвелль былъ въ одно и тоже время и военачальникомъ и полковымъ проповѣдникомъ; подобно ему, поступали и многіе въ войскѣ. Они пѣли псалмы, въ разговорѣ употребляли библейскія изреченія. Но проповѣдываемыя приверженцами Кромвелля правила были много суровѣе правилъ пуританъ. Вотъ ихъ ученіе: начальство и чины не допускаются ни въ духовныхъ, ни въ свѣтскихъ отношеніяхъ; всякой рожденъ съ тѣмъ, чтобы свободно думать и дѣйствовать; ни епископы, ни короли не имѣютъ права ограничивать эту свободу. Секта эта, называвшая себя *индепендентами* (*независимыми*), стремилась къ уничтоженію королевской власти и очень хитро дѣйствовала. Сперва, провела она въ нижней палатѣ законъ, въ силу котораго ни одинъ членъ парламента не могъ предводительствовать войскомъ. Этому предложенію обрадовались многіе члены нижняго парла-

мента, потому что они уже давно завидовали вельможамъ верхняго парламента, стоявшимъ во главѣ арміи. Такимъ образомъ главное начальство надъ войскомъ досталось сэру Томасу Ферфаксу, который не былъ членомъ парламента. По-настоящему, и Кромвелль долженъ бы былъ отказаться отъ своего мѣста, но Ферфаксъ представилъ парламенту, что этотъ помощникъ ему необходимъ, и законъ былъ забытъ въ пользу *Кромвелля*.

Король, продержавшійся цѣлую зиму въ Оксфордѣ, попытался завести новые переговоры. Въ началѣ 1645 г., собрались депутаты той и другой стороны, но въ сущности парламентъ давно уже не желалъ принимать короля. Чтобы еще болѣе огорчить его, возобновили процессъ заключеннаго въ Туэръ епископа Лауда и приговорили его къ смертной казни. Онъ пошелъ на смерть, съ достоинствомъ и твердостью, какъ подобаетъ человеку съ характеромъ. „Ничто“ — сказалъ онъ на эшафотѣ: — „не можетъ желать сильнѣе меня оставить этотъ свѣтъ“. Съ молитвой, преклонилъ онъ колѣна и положилъ голову на плаху, и съ одного удара она повалилась.

Король терпѣлъ постоянныя неудачи на войнѣ съ тѣхъ поръ, какъ Ферфаксъ и Кромвелль приняли начальство надъ парламентскимъ войскомъ; королевскія войска теряли и крѣпости, одну за другою. 14 іюня 1645 года, королевская армія, подъ начальствомъ принца Рупрехта, была совершенно разбита Ферфаксомъ и Кромвеллемъ при Нэсби. Король бѣжалъ въ Валлисъ, а старшаго сына своего послалъ во Францію, куда королева еще прежде отправилась. Всѣ его войска были разсѣяны и уничтожены.

6.

Въ такой крайности, злополучный король рѣшился искать помощи у Шотландцевъ. Онъ зналъ, что шотландскіе пуритане недовольны англійскими *индепендентами* и надѣялся, обратившись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, привлечь ихъ на свою сторону и направить противъ мятежныхъ Англичанъ. Переодѣтый, въ сопровожденіи только двоихъ слугъ, выѣхалъ онъ ночью изъ Оксфорда, и, 5 мая 1646 г., прибылъ въ шотландскій лагерь. Пріѣздъ короля доставилъ въ затруднительное

положеніе шотландскихъ генераловъ, такъ какъ парламентъ уже издалъ эдиктъ, въ которомъ грозилъ смертію всякому, кто войдетъ въ сношеніе съ королемъ, — и они имѣли подлостью извѣстить парламентъ о приѣздѣ къ нимъ короля. Между тѣмъ, они дали ему почетную, по-наружности, стражу; на самомъ же дѣлѣ, стража эта должна была слѣдить, чтобы онъ не ушелъ. Король увидѣлъ, что худо устроилъ свои дѣла. Онъ не нашелъ у Шотландцевъ и тѣни участія, онъ не получалъ извѣстій отъ друзей, отъ своего семейства, не имѣлъ никакихъ религіозныхъ утѣшеній, къ которымъ такъ привыкъ; онъ не слышалъ ничего кромѣ брани и хуленій необузданныхъ пуританъ. Когда онъ присутствовалъ при богослуженіи, проповѣди говорились на тексты, которые наиболѣе могли огорчать его. Одинъ изъ фанатическихъ проповѣдниковъ, разгромивъ въ своей рѣчи безбожныхъ правителей народа, предложилъ общинѣ пѣть псаломъ, который начинается стихомъ: „Что хвалилися о злобѣ, сильно?“ Король же, вставъ съ своего мѣста, громко возгласилъ другой псаломъ: „Помилуй мя, Боже, яко попра мя человекъ“. Однако, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что тронутая община предпочла псаломъ, имъ предложенный.

Жаль только, что это участіе не сообщилось вождямъ шотландской арміи. Они находили въ томъ свою выгоду. Парламентъ задолжалъ имъ около 400,000 фунтовъ стерлинговъ вспомогательныхъ денегъ и обѣщалъ аккуратно выплатить эту сумму, въ два срока, если они согласятся выдать короля. Нѣкоторые стыдились такого недостойнаго переговоровъ, но большинство одержало верхъ. Короля выдали англійскому отряду солдатъ, который и отправилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ въ Голмби, въ графствѣ Нортгемптонскомъ (1647).

7.

Въ тоже время положенъ былъ конецъ преобладанію парламента: Кромвелль, опираясь на своихъ солдатъ, началъ обходиться съ нимъ съ такой же тиранніей, съ какою парламентъ обходился съ королемъ.

Армія требовала значительныхъ суммъ, невыплаченныхъ ей правительствомъ, а оно, не смотря на огромныя подати, наложенныя имъ на народъ, не могло выдать ихъ немедленно. Чтобы занять войско въ

многъ мѣстъ, хотѣли-было послать его въ Ирландію; но это распоряженіе возбудило всеобщее неудовольствіе. Наиболѣе-рѣзительные офицеры представили парламенту адресъ, подписанный всѣми солдатами, въ которомъ войско единогласно требовало вознагражденія за свою службу, отказываясь, въ противномъ случаѣ, идти въ Ирландію. Зачинщики получили желанный отвѣтъ: требованіе ихъ было сочтено возмущеніемъ. Тогда со стороны *независимыхъ* явился протестъ, еще серьезнѣе прежняго, подписанный слишкомъ 200 офицерами. Кромвелль былъ втайнѣ душою возстанія, но, какъ лицемеръ, скрывалъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ съ такою хитростію, что парламентъ поручилъ именно ему прекратить смуту.

Въ это критическое время Кромвелль поручилъ тайно одному изъ своихъ офицеровъ увести короля изъ Голмби и доставить его въ лагерь. Предпріятіе это приведено было въ исполненіе съ помощію 500 чловѣкъ конницы. Жребій былъ брошенъ. Парламентъ безъ войска былъ также безсиленъ, какъ и король безъ парламента. Угодливый Ферфаксъ предоставилъ Кромвеллю начальство надъ войскомъ, а Кромвелль повелъ армію прямо на столицу. Лондонскіихъ жителей это больше обрадовало, чѣмъ испугало, ибо, въ теченіи пяти лѣтъ, они имѣли довольно времени слышать, каково имѣть вмѣсто одного сто повелителей, — и отъ всей души ненавидѣли парламентъ. Чтобы не уронить себя окончательно, нижняя палата поспѣшила согласиться на всѣ требованія арміи. Но армія не остановилась на нихъ: она потребовала наказанія всѣхъ враговъ своихъ въ парламентѣ, а врагами объявила одиннадцать изъ могущественнѣйшихъ предводителей пресвитеріанской партіи. Эти одиннадцать членовъ добровольно сложили съ себя свое званіе, но у войска поспѣло уже другое требованіе. Оно хотѣло, чтобы городская милиція была упразднена и замѣнена отрядомъ *независимыхъ*. И на это парламентъ долженъ былъ согласиться; но тутъ граждане возмутились. Только того и желалъ Кромвелль; у него нашелся теперь предлогъ подступитъ къ городу. 6 августа 1647 г., вошли въ него полки, при чемъ городская милиція не оказала никакого сопротивленія. Часть войска окружила парламентъ, въ которомъ немедленно были обвинены семь пэровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, во всѣхъ церквахъ было благодарственное молебствіе за восстановленіе свободы.

Съ клятвеннымъ королевемъ Кромвелль обходился чрезвычайно притѣтливо и бѣдняга уже сталъ-было надѣяться, что Кромвелль опять возведетъ его на престолъ; но мечтѣ этой суждено было скоро разсѣяться. Въ замкѣ Гемптонгурѣ, куда привезли его, увидѣлъ онъ свои окруженныя самыми горячими приверженцами партіи *независимыхъ*; ихъ фizioноміи и рѣчи возбудили въ немъ подозрѣніе, что дѣло дойдетъ, пожалуй, и до предательскаго убійства, лишь бы отъ него отдѣлаться. Кромвелль лицемерно посовѣтовалъ ему бѣжать; король дѣйствительно нашелъ средство уйти и достигъ морскаго берега, но тамъ не было ни одного корабля, на которомъ могъ бы онъ переправиться черезъ море. Не зная, что предпринять, онъ вздумалъ просить защиты у губернатора близъ лежащаго острова Уайта, а этотъ человекъ былъ вѣрнѣйшій клевреть Кромвелля. Онъ прислалъ королю нарочнаго съ дружескимъ приглашеніемъ; король явился — и былъ немедленно арестованъ и преданъ въ руки Кромвелля. Послѣ этого, его стали держать подъ строжайшимъ присмотромъ и обходиться съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ. *Независимые* и Кромвеллевы приверженцы говорили во всеуслышаніе, что король, нарушивъ свои обязанности, долженъ быть преданъ суду по законамъ, что парламенту слѣдуетъ произнести надъ нимъ приговоръ.

Тутъ, въ первый разъ, заговорила у народа совѣсть особенно въ Шотландіи; какъ ни сильно ненавидѣли прежде короля, но мысль о его казни показалась всѣмъ ужасною. Послѣ неудачной жалобы Шотландцевъ лондонскому парламенту, лордъ Гамильтонъ, шотландской поръ, двинулся въ Англію съ 40,000 войскомъ, къ которому присоединились и вѣрные Валлисцы. Но Кромвелль воодушевилъ свою армію новой ревностію, разбилъ королевскихъ защитниковъ во многихъ сраженіяхъ и взялъ въ плѣнъ доблестнаго Гамильтона. За тѣмъ пошелъ онъ къ Лондону, окружилъ парламентъ и 200 человекъ изъ депутатовъ частью взялъ подъ стражу, частью прогналъ. Остальные, въ числѣ 60, были всѣ *независимые* и орудія похитителя власти. Немедленно начать былъ процессъ противъ короля. Его обвиняли въ томъ, что, обязавшись клятвенно, при вступленіи на престолъ, сохранять вольности подданныхъ, нарушилъ онъ клятву, что рѣшеніе своего дѣла поручилъ Богу браней, а Богъ рѣшилъ не въ его пользу; что поэтому онъ долженъ отвѣчать за

пролитую кровь;—судить же должны его упомощенные отъ народа, которые для огражденія себя впредь отъ подобныхъ бѣдствій, рѣшаются основать республику. Положено было нарядить немедленно судъ для про-
изнесенія приговора надъ Карломъ Стюартомъ (теперь иначе короля не называли). Верхній парламентъ отвергъ единогласно такое ненавистное рѣшеніе; но злоба *независимыхъ* побѣдила—и нижній парламентъ объявилъ, что и одного его достаточно для того, чтобы представлять собою волю народа. Кромвелль хорошо разыгралъ свою роль лицеѣра. Онъ изъяснилъ притворное изумленіе предъ судьбами Божиими, увѣрялъ, что, за нѣсколько недѣль тому назадъ, отвернулся бы онъ съ превръ-
неніемъ отъ того, кто предсказалъ бы ему казнь короля, говорилъ, что въ такомъ единогласномъ рѣшеніи любимцевъ Божиихъ ясно видно внуше-
ніе свынне, что недавно еще хотѣлъ было онъ заговорить о восстановленіи короля на престолъ, но языкъ прилипъ у него къ гортани, и что этотъ случай—несомнѣнный знакъ воли Божіей.

8.

Пока все это занимало умы, какая-то „вдохновенная“ женщина изъ Герфортшейра явилась передъ военный совѣтъ, наговорила много о полученныхъ ею свыше откровеніяхъ, и увѣряла судей, что избранный ими путь есть истинный, по свидѣтельству Самаго Господа. Это утѣшило и успокоило многихъ, кто дотолѣ все еще сомнѣвался,—и благочестивые люди эти принялись за свое дѣло во имя Божіе. Короля привезли въ Лондонъ, гдѣ стража его поступала съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Депутаты отъ общины нарядили въ Вестминстерѣ судъ, который долженъ былъ состоять изъ 133 членовъ, но въ который едва набралось 70 человекъ, болѣею частью офицеровъ и все *независимыхъ*, а во главѣ ихъ стоялъ Кромвелль съ своимъ зятемъ, фанатикомъ Иретономъ. Старый Ферфаксъ не явился, не смотря на приглашеніе. Короля ввели въ собраніе. Зала полна была зрителями. Когда герольдъ провозгласилъ имена судей, упомянувъ между ними генерала Ферфакса, послышался голосъ изъ толпы зрителей: „Этотъ слишкомъ уменъ, чтобы быть здѣсь!“ А когда прочли первые слова обвинительнаго акта: „Именемъ всего англійскаго народа“—тотъ же голосъ закричалъ: Ни даже именемъ деся-

той его части!“. Караульный офицеръ велѣлъ выстрѣлить въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и тогда оказалось, что оубѣленный ораторъ была—леди Ферфаксъ.

Обвиненіе сдѣлано было съ величайшею торжественностью. Отвѣты короля были исполнены достоинства и спокойствія. Какъ ни безразсудна была прежняя его жизнь, но долговременное заключеніе въ темницѣ очистило, укрѣпило его душу—и можно сказать, что въ послѣдніе дни свои онъ походилъ на Сократа твердостью и благороднымъ присутствіемъ духа. Солдатамъ, которые вели его на судъ, приказано было отъ офицеровъ кричать громко: „Правосудіе, правосудіе!“—„Жалкіе люди!“ молилъ Карлъ, за небольшія деньги они такъ же точно поступили бы и съ теперешними своими начальниками!“ Между чернью нѣкоторые дошли до такой дерзости, что плевали ему въ лицо. Онъ вспомнилъ о великомъ Мученикѣ Іисусѣ Христѣ и перенесъ это молча. Какой-то солдатъ, тронутый участіемъ короля, началъ при немъ молиться о его спасеніи. Но одинъ злой офицеръ, замѣтивъ эту молитву, ударилъ его въ голову такъ сильно, что солдатъ упалъ. Король сказалъ кроткимъ голосомъ: „Мнѣ кажется, наказаніе слишкомъ жестоко въ сравненіи съ преступкомъ!“.

Всего три раза король былъ представленъ въ судъ и всякой разъ протестовалъ онъ противъ присвоеннаго парламентомъ права судить его, неоднократно ссылаясь на изданныя имъ самимъ болѣе кроткія постановленія и напоминая о дерзости и упорствѣ парламента. Затѣмъ, совершенно бесполезно допросили нѣсколькихъ свидѣтелей, которые должны были показать съ клятвою, что король дѣйствительно велъ войну съ парламентомъ.—и, наконецъ, послѣдовалъ приговоръ (27 января 1649). Народъ безмолствовалъ. Чудовищность событія и суровый видъ вооруженныхъ судей, оубѣдили зрителей, склони всѣ языки. Но часто, при подобныхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, великія несчастія вызываютъ благороднѣйшія черты въ человѣческой природѣ,—такъ и описываемое нами печальное время было свидѣтелемъ не одного трогательнаго явленія. Четыре графа, прежніе друзья короля, люди достойные всякаго уваженія, явились лично въ судъ, объявили себя бывшими совѣтниками безвинно-осужденнаго короля, и принимали на себя всѣ промахи, какіе ставились ему въ вину, Они требовали, чтобы короля от-

пустили, а наказали ихъ, такъ какъ характеръ его заслуживаетъ всякаго уваженія. Но ихъ отказали.

Послѣ произнесенія приговора, оставалось только три дня до его исполненія. Въ эти дни приводили къ королю дѣтей его, остававшихся еще въ Англіи: 14-лѣтнюю принцессу Елизавету и меньшаго ея брата, герцога Глостерскаго. Самъ суровый Кромвелль, бывшій свидѣтелемъ перваго свиданія Карла съ дѣтьми своими, признавался, что въ жизнь свою не видалъ онъ зрѣлища трогательнѣе. Эта благосклонность была для несчастнаго короля величайшимъ благодѣяніемъ, какое только можно было оказать ему. Она совершенно успокоила его духъ, и какъ ни близко стоялъ онъ къ дверямъ гроба, но всякую ночь пользовался самымъ сладкимъ сномъ, несмотря на шумъ, производимый плотниками передъ его окнами. Они готовили эшафотъ на улицѣ Лондона, гдѣ находится замокъ Уайтголлъ, готовили публично,—и въ такомъ приготовленіи была та цѣль, чтобы отнять у казни короля всякій видъ тайнаго убійства.

Въ день казни (30 января 1649), король всталъ рано, надѣлъ самое дорогое платье и просилъ своего вѣрнаго друга, епископа *Юксона* проводить его на эшафотъ. Вся улица была усыяна народомъ; изъ окна, прямо противъ замка, опершись на шелковую подушку, Кромвелль спокойно глядѣлъ на это зрѣлище. Карлъ хотѣлъ говорить народу, но стоявшіе у эшафота солдаты застучали такъ громко оружіемъ, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Король ограничился разговоромъ съ своей свитой, призналъ эту казнь праведнымъ возмездіемъ за согласіе свое на смерть честнаго Страффорда, увѣщавалъ остающихся хранить миръ и простилъ всѣмъ своимъ врагамъ. Юксонъ утѣшалъ его надеждою на лучшую, блаженнѣйшую жизнь. „Я это знаю,“ отвѣчалъ король. — „я перехожу отъ тѣннаго вѣнца къ нетѣнному, туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей“. Съ этими словами, онъ сталъ на колѣна и положилъ голову на плаху. Замаскированный палачъ сразу отрубилъ голову,—а другой, также въ маскѣ, поднялъ ее за волосы, показалъ народу и прокричалъ: „Вотъ голова измѣнника!“ Всѣ присутствующіе отвернулись съ горестью и негодованіемъ; а Кромвелль молвилъ спокойно окружающимъ: „теперь вѣра спасена и основана свобода многихъ тысячъ людей. Утверждены столбы англійской республики. По-

Должны были свое за благодеяние государства «спустить» и за образже-
ние его народом извинить.

Боролевская власть объявлена была на-вѣки упраздненной; верхній парламентъ уничтоженъ, кнѣзь собраніе бесполезное и постыдное; вѣдѣлана новая государственная печать съ надписью: «Въ первый годъ, бла-гословеніемъ Божиимъ, возстановленной свободы, 1649.» Многіе изъ знатнѣйшаго дворянства были казнены; королевская статуя низвергнута, а на pedestаль ея изображены слова: exit tyrannus, regnum ultimum *) *Независимые* хотѣли-было даже отдать дѣтей королю или обученіе въ мастерскимъ, но принцесса Елизавета вскорѣ умерла съ горя, прежде чѣмъ успѣла выдать ее замужъ за пуговичаго мастера, а маленькаго принца самъ Кромвель отослалъ, изъ предосторожности, за море.

Итакъ, Англія сдѣлалась республикой. Новый парламентъ получилъ названіе Rumpf Parliament (*безглавый парламентъ*); потому что, послѣ уничтоженія верхней палаты, осталась нижняя палата худочъ видѣмъ безъ головы. Вдовствующая королева жила съ своими дѣтьми въ Парижѣ, и не смотря на то, что была дочь Генриха IV, терпѣла всяческое пренебреженіе отъ двора; такъ, за недостаткомъ денегъ, принуждена была она въ ходовные дни гнѣться съ дочерью и вѣселою поностѣль. Старшій сынъ ея, Карлъ II, проживалъ то въ Голландіи, то во Франціи, то на островѣ Джерзеѣ; бѣдный и покинутый всеми, онъ все не терялъ надежды рано или поздно вступить на оброчавшійся престолъ своего отца. Ирландцы и Шотландцы были недовольны новыми правительствомъ. Вѣрный шотландецъ, маркизъ *Монтрозъ*, первый поднятъ знамя возстанія въ пользу Карла II, не за смѣлое свое предпріятіе, онъ погинутилъ жизнью. Принцъ Карлъ и самъ прибылъ въ шотландскіе берега съ семью королями; онъ обрѣлся на новъ тревсанія Шотландцевъ, если только стануть они помогать ему, — а въ народѣ объявилъ себя противъ Кромвелля и собрать значительное войско.

Н. П. Тихонович, 1900-1901

сно. Но Кромвель прежде пошелъ на Ирландію; тамъ онъ насилью побѣдилъ приверженцевъ претендента и обратилъ несчастную Ирландію почти въ пустыню. Потомъ онъ перенесъ губительное свое оружіе въ Шотландію, — и новый король потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе, что съ трудомъ спасся во Францію. Шотландія вынуждена была покориться могущественному побѣдителю и была присоединена къ Англіи.

А Кромвель уже не хотѣлъ возвращаться въ состояніе частнаго человека; ему хотѣлось видѣть вышша, — сдѣлать Англію страной великою и сильною; а самому! стать неограниченнымъ ея повелителемъ. Сначала онъ предполагалъ затѣять войну съ иностраннымъ государствомъ, для чего надо было собрать войско, а тутъ и Кромвель становился человекомъ необходимымъ. Въ 1650 г., „безглавый парламентъ“ предложилъ соединеннымъ Нидерландамъ дружественный союзъ, но Голландцы приняли холодно англійскихъ пословъ и отклонили предложеніе. Этими обстоятельствомъ воспользовался Кромвель и настроилъ парламентъ объявить войну Голландіи. Первымъ шагомъ къ войнѣ былъ *навигаціонный актъ*, изданный въ началѣ 1651 года, — актъ, въ силу котораго воспрещалось всѣмъ морскимъ державамъ привозить въ англійскія гавани другія товары, кромѣ тѣхъ, которые составляли естественныя или мануфактурныя мѣстныя произведенія. Этотъ актъ столько же приносилъ пользы англійской торговлѣ, сколько вреда нидерландской. Съ той поры англійскіе наперы начали топить за голландскими кораблями, поступающими вопреки акту, и нѣтъ короткое время захватили у Голландцевъ около 80 кораблей. Еще прежде формальнаго объявленія войны, англійскій и голландскій флоты столкнулись въ каналѣ, — непріязненные дѣйствія начались какъ бы случайно, и кончились кровопролитнымъ морскимъ сраженіемъ, въ которомъ обѣ стороны потерпѣли сильный уронъ. Кромвель очень обрадовался этому обстоятельству; англійскій адмиралъ Блэкъ немедленно былъ отправленъ на сѣверъ, перехватить голландскій флотъ съ солдатами, и морскія битвы начались во всѣхъ мѣстахъ. Возникшее соперничество Англичанъ нанесло много вреда Голландіи.

Кромвель, вѣрнее, утратилъ свое приложеніе, — онъ былъ увѣренъ въ преданности солдатъ; но парламентъ хотѣлъ возстановить противъ него нѣкоторые полки, что бы забавляясь „отъ власти военной партіи.“ Тогда

Кромвелль созвалъ своихъ офицеровъ и на скоро перѣиши дѣло. Съ 300 солдатъ, поспѣшили онъ въ Вестминстеръ, гдѣ заседали депутаты. Занявъ дворъ, лѣстницы и переднюю солдатами, онъ вошелъ съ нѣсколькими офицерами въ залу собранія, сѣлъ и, съ четверть часа, прислушивался къ трепанію, потомъ шепнулъ одному офицеру: „Теперь пора и распустить парламентъ“. — Сэръ, отвѣчалъ офицеръ тоже тихо, „прошу васъ хорошенько обдумать, прежде чѣмъ начнете дѣйствовать.“ — „Вы правы мой милъ генералъ, и просидѣлъ еще съ четверть часа. Но когда собраніе хотѣло составить рѣшеніе противъ Кромвелля, онъ повторилъ офицеру: „Теперь пора; я долженъ это сдѣлать!“ — и вдругъ вскочилъ съ мѣста, вступилъ на средину залы и, по своему обыкновенію, несвязно и безтолково, началъ осыпать депутатовъ жесточайшими укорами за ихъ тиранство, высокомеріе, притѣсненія. Всѣ встали съ удивленіемъ, но прежде чѣмъ хоть одинъ изъ нихъ нашелъ слово для возраженія на ругательства Кромвелля, онъ страшно затопалъ ногами и на этотъ условленный знакъ вся зала наполнилась солдатами. При видѣ ихъ, дерзость Кромвелля усилилась. „Стыдитесь, кричалъ онъ на членовъ парламента, и убирайтесь вонъ! Очистите мѣсто честнымъ людямъ, которые достойны васъ стануть отправлять вашу обязанность. Говорю вамъ, вы болѣе не составляете парламента! Вы не надобны Господу Богу! Онъ избралъ Себѣ другія орудія для совершенія Его дѣла!“ Здѣсь прервалъ—было его сэръ Гарри Вэнъ, но Кромвелль перекричалъ его, неистово взывая: О, сэръ Гарри Вэнъ, сэръ Гарри Вэнъ!“ Затѣмъ онъ схватилъ кого-то за платье и сказалъ ему: „Ты прелюбодѣй!“ другому: „Ты пьяница!“ третьему: „Ты ростовщикъ! На что намъ такая ошолохъ? вонъ отсюда!“ А между тѣмъ солдаты уже выпроваживали членовъ за дверь, одного за другимъ. Кромвелль остался до конца, а когда зала опустѣла, велѣлъ запереть дверь и пошелъ преспокойно домой, въ Уайтгольскій дворецъ.

10.

Такимъ-то страшнымъ образомъ, въ нѣсколько минутъ, была уничтожена въ Англіи вся законодательная власть. Всѣ стали ожидать молча и боязливо, въ какомъ видѣ явится новое правительство; а оно все-таки помышляло учредить парламентъ, но не иначе, какъ изъ людей „вдох-

новенныхъ и святыхъ, — почти всѣхъ ихъ выбралъ самъ Кромвелль. То были 128 человекъ изъ разныхъ англійскихъ городовъ, и изъ нихъ лишь пятеро шотландцевъ, да шестеро ирландцевъ. Они обязаны были засѣдать въ продолженіи только 15 мѣсцевъ, а потомъ сами избирали себѣ преемниковъ, 14-го іюля, собрался этотъ сумасбродный правительствующій конвентъ, большая часть членовъ котораго состояла изъ простыхъ ремесленниковъ. Самый восторженный между ними крикнулъ передать свое имя и парламенту, — то былъ фанатикъ, кожевникъ, *Хваллиболъ Бэрбонъ*. Засѣданія ихъ походили болѣе на сходбища святошей, чѣмъ на засѣданія членовъ государственнаго учрежденія, — онѣ начинались и оканчивались продолжительной молитвой. Тутъ не слышно было другихъ разговоровъ, кромѣ изреченій изъ Вѣтхаго Завета и примѣненій къ библейскимъ событіямъ. Депутаты эти называли духовныхъ лицъ жрецами Ваала, Голландцевъ — грѣшными служителями мамона, а себя самихъ величали возрожденными. Одинъ изъ нихъ подписывался такъ: *Утвердимиръ Гитонъ*; другой: *Умертвирьихъ Пимпель*; третій: *Стой-твердо-на-высотѣ Стрингеръ*; четвертый: *Неплачь Буллинеъ*; пятый: *Бейся-добрымъ-боемъ-впры Витъ* и проч.

Кромвелль самъ чувствовалъ, что все это сумасбродство устоитъ недолго; но онъ и затѣялъ весь фарсъ только для того, чтобы подойти ближе къ великой цѣли, которую давно имѣлъ передъ глазами, но къ которой не могли легко привыкнуть и самые жаркіе изъ его приверженцевъ. Между этими изувѣрами многіе только потому служили ему вѣрно, чтобы приготовить на землѣ царство Христово, котораго ожидали; они были совсѣмъ напроцъ бросить своего вождя, какъ гнуснѣйшаго лицебѣра, еслибъ напоследокъ оказалось, что онъ, низпровергъ господство Стюартовъ, затѣмъ лишь, чтобы самому занять ихъ мѣсто. Кромвеллю нѣредко приходилось выдерживать сильные споры въ военномъ совѣтѣ и часто онъ недоумѣвалъ, на что ему рѣшиться. Наконецъ, смѣлое его властолюбіе взяло верхъ. Онъ подговорилъ тайно нѣкоторыхъ изъ значительнѣйшихъ и особенно ему преданныхъ членовъ Бэрбонова парламента на слѣдующую предѣлку: въ одинъ день пришли эти люди въ залу засѣданій часомъ ранѣе положеннаго времени и наскоро отобрали голоса въ пользу нѣбѣи; что парламентъ не нуженъ болѣе и что поэтому власть должна перейти въ руки того, отъ кого

парламентъ се получилъ. Депутаты посѣщали торжественно сообщить это рѣшеніе Кромвеллю. Между тѣмъ, собрались остальные члены парламента и немало удивились происшедшему. Но совѣщанія ихъ были прерваны скоро и точно такъ же какъ и совѣщанія „безглаваго парламента“. Полковникъ Витъ явился съ отрядомъ солдатъ и спросилъ ихъ, что они тутъ дѣлаютъ, „Мы ищемъ Господа!“ отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. „Такъ ступайте въ другое мѣсто“, возразилъ полковникъ; „потому что, какъ мнѣ извѣстно навѣрное, Его уже нѣсколько лѣтъ здѣсь не было“. Съ этими словами, онъ выгналъ ихъ изъ залы засѣданій (12-го декабря 1653 года).

Такимъ образомъ, власть перешла опять въ руки военныхъ. Генераль *Ламбертъ*, вѣрный Кромвеллевъ воспитанникъ, овладѣлъ умами всѣхъ офицеровъ, начерталъ новый планъ правленія и придумалъ для Кромвелля новое достоинство, которое, съ именемъ *протектора* (попечителя), передавало ему всю силу королевской власти. Этими онъ надбился удовлетворить всѣ партіи. Совѣтъ офицеровъ утвердилъ это предложеніе—и Кромвелль былъ объявленъ протекторомъ пожизненно. Ему придали государственный совѣтъ и каждые три года обязали онъ былъ созывать парламентъ, а послѣ смерти его государственный совѣтъ долженъ былъ назначать ему преемника. Армія, 20,000 пѣхоты и 10,000 конницы, опредѣлена для защиты новаго правительства, а жалованье войску назначалось изъ государственной казны.

11.

На-смерть учрежденное правительство имѣло много недостатковъ, но все выкудилось необыкновенными административными способностями Кромвелля. Въ пятилѣтнее свое управленіе онъ дослужилъ Англіи много славы и уваженія соседственнымъ державамъ. Иностранные государи заискивали его дружбы и приносили ему поздравленія; даже гордый Людовикъ XVI назвалъ его братомъ. Чтобы разстроить всѣ покушенія королевскихъ приверженцевъ, Кромвелль содержалъ сотни шпионовъ, которые уведомляли его о всякомъ замыслившемся возстаніи, и они съ-часъ же могли принять дѣйствительныя строгія мѣры. Морская война съ Франціей была окончена со славой; притомъ она доставила 85,000

фунтовъ вознагражденія за военные подвѣды. Но Кромвелль хотѣлъ, чтобы Англичане забыли объ утраченной свободѣ и начали новую войну съ Испаніей.

Знаменитый морской герой Блэкъ, создавъ морскую силу Англіи и подвигами своими до того приобщивъ Англичанъ къ морской службѣ, что его можно считать основателемъ преобладанія Англіи на морѣ. Онъ ввелъ свою эскадру въ Средиземное море, гдѣ, со времени крестовыхъ походовъ, не бывало англійскихъ кораблей; началъ на морскихъ разбойниковъ въ нѣхъ лиодѣ — Тунисѣ и Алжирѣ, и, послѣ сильной бомбардировки, заставилъ ихъ сдаться. По объявленіи войны Испаніи, онъ велъ нѣбольшой испанскій флотъ съ серебромъ и потопилъ многіе корабли, между тѣмъ, какъ два другіе англійскіе адмирала начали на О. Доминго и завоевали Ямайку. Чтобы придать этой войнѣ еще болѣе вѣсу, Кромвелль заключилъ дружественный союзъ со Шведами, врагами Испаніи — со времени 30-лѣтней войны. Восторженный духъ его всегда стремился къ высокому, поэтому онъ и своей нации хотѣлъ внушить геройское стремленіе къ великимъ интересамъ; часто говаривалъ онъ, что желаетъ сдѣлать имя Англичанъ столько же грознымъ и уважасымъ, каково нѣкогда было имя Римлянъ. И управленіе Кромвелля государствомъ свидѣлствуетъ о такомъ же энергическомъ стремленіи къ порядку и единству: судьями выбирались люди самые честные; войска, размѣщенные по разнымъ городамъ государства, содержались въ строгой дисциплинѣ и исправно получали жалованье; для болѣе правильнаго собиранія налоговъ употребляема была вооруженная сила и на этотъ конецъ 10 генералъ-майоровъ были снабжены почти неограниченными полномочіями. Съ вождями роялистовъ, которые все еще не покидали своихъ плановъ, Кромвелль раздѣлался довольно легко: нѣтъ посадили на нѣсколько кораблей и отправили въ Барбадосъ на горные промыслы; за то съ своими приверженцами ему было не мало хлопотъ. Такъ-называемые *святые* не давали ему покоя — они хотѣли попрежнему съ нимъ молиться и пѣть, водить и плавать, возводить къ небу глаза и толковать о пророчествахъ Вѣткаго Захѣта; но Протекторъ не нуждался уже въ такихъ проводникахъ, и, очень естественно, что онъ, самъ многогласный приверженцами, былъ уже не въ ладахъ. Въ арміи также было много недовольныхъ; поэтому, когда нижній парламентъ поднесъ Кромвеллю коро-

левскую корону, и въ благодарности отвѣсавъ отъ ней, исполнивъ по суду бѣ Юлія Цезаря. Вообще приходилось ему быть жестоко настороженъ, потому, что наконецъ ему жизнь опротивѣла. Въ недозрительности своей, онъ всегда думалъ видѣть одинъ шагъ, и мимолетный, его смерти, всякое новое лицо тревожило его; въ большомъ обществѣ пугался онъ шуму, въ уединенной комнатѣ — тишины. Онъ постоянно носилъ при себѣ пистолетъ, и шпагу, и мало того — подыбдаты. Надвывая еще панцырь и шагу не дѣлалъ иначе, какъ въ сопровожденіи своихъ гвардейцевъ. Вѣднать онъ съ быстротою выхри, всегда развѣивался по другой дорогѣ и никогда не говоря впередъ, куда и куда отправлялся. Въ комнатахъ его всегда были запертыя двери, и только въ свои кабинетъ онъ каждые три дня, и входилъ въ нее заставлялъ стражей которой охранялъ съ шефрестью короля. Однимъ словомъ, советъ не давала ему покой — онъ былъ въ разладѣ и съ Богомъ и съ людьми. Значеніе отъ

При такомъ состояніи духа не могло не страдать и тѣло: много близкий припадокъ лихорадки показавъ ему предвѣстникомъ смерти, онъ немедленно собралъ къ своей постели нѣсколько духовныхъ лицъ и спросилъ ихъ: неосомнѣнная ли истина, что человекъ, избранный Богомъ, не можетъ быть отвергнутъ Имъ въ послѣдствіи? Они отвѣтили утвердительно. — „Если такъ, то благо мнѣ! воскликнулъ онъ, я знаю теперь, что никогда пользовался благодатью!“ — Съ этого времени надежда его оживилась, но силы уже были истощены. Врачи объявили государственному совету, что Бромвель приближается къ концу. Его спросили, не хочетъ-ли онъ назначить преемникомъ себѣ старшаго своего сына; онъ кивнулъ головой и вскоре затѣлъ умеръ, на 59 году жизни, 24 октября, 1658 г.

ЛУДОВИКЪ XVI. НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.

Лудовикъ XVI.

Лудовикъ XVI оставилъ послѣ себя (4515) тѣхосинный долгъ въ 900 милліоновъ франковъ. Государственные доходы за послѣдній годъ были 700

впередъ израсходованы. Преемникъ его, Людовикъ XV, который, на-бѣду государства, носилъ королевскій титулъ почти 60 лѣтъ (отъ 1715 — 1774) не умѣлъ ни царствовать, ни беречь денегъ. Но не могуща-го войною, то расточали и раздирали министры и фаворитки. Одна изъ этихъ дамъ, которая особенно умѣла владѣть любовью короля, потратила въ теченіе пяти лѣтъ, 40 милліоновъ латъ государственной казны. Дошло дѣло до того, что и не знали наконецъ, гдѣ взять денегъ. Тогда король, во свѣту недостойныхъ своихъ министровъ, затѣялъ божествомъ, но выгодную спекуляцію: онъ приказалъ выдустить ассигнаціи и велѣлъ принимать ихъ за истинныя деньги; потомъ, случившись всѣмъ извѣстную необходимость денегъ, рабочаго, и под-нявъ на него цѣну, отъ чего самъ получилъ большіе барышни, а все госу-дарство страшно обнищало. Трудомышныя земледѣльцы и ремесленники трудно боролись съ нуждою, которая тяготѣла надъ всѣми. Дворянство и духовенство пользовалось доходными мѣстами и должностями и мно-гими привилегіями, тогда какъ *третье сословіе*, буржуазія, ничего не знала. Оттого вымывшіеся классы: такія, какъ истребленіе противъ вышнихъ сословій и самой королевской власти. При томъ, война съ евро-американцами за свободу, въ которой, многіе Французы принимали участіе, была у всѣхъ на памяти и разжигала желаніе сво-боды. Даровитѣйшіе писатели, какъ Монтаньеръ, Руссо и Вольтеръ, на-падали съ ядливостію на привилегіи дворянства и духовен-ства и первые изъговаривали о естественныхъ правахъ человѣка. Все фран-цузское общество находилось въ напряженномъ состояніи, въ, съ нетер-пѣливымъ ожиданіемъ лучшаго будущаго, наиради на вступленіе на пре-столю молодого короля Людовика XVI, и день этотъ былъ праздникомъ для всей Франціи.

Людовикъ былъ государь благонамѣренный. Онъ началъ царствованіе съ искреннимъ желаніемъ вывести свое государство изъ тяжелаго поло-женія; но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы уничтожить зло, которое уже пустило глубокіе корни. Супруга его, Марія Антуанета, дочь импе-ратрицы Маріи Терезіи, и нѣкоторые принцы его дома увеличивали дол-ги съ каждымъ годомъ; кредитъ болѣе и болѣе падалъ. Доброушныи король велъ самый простой образъ жизни, чтобы угодить народу; уг-ружаемыя подданныя, и необразованная, расточительная, дѣла

вазаль таке. — На совѣту министра финансовъ, Неккера, — король рѣшился созвать государственные чины, которые не собирались съ 1614 г. Итъя въ виду пополнить дефицитъ въ финансахъ на счетъ дворянства и духовенства и дать перевѣсъ среднему сословію, Неккеръ созвалъ 600 депутатовъ отъ буржуазіи, отъ дворянства же и духовенства только по 300, и сеймъ былъ открытъ въ королевской резиденціи, Версали, 5-го мая 1788 г. Король и въ голову не приходило, что такимъ образомъ закладываетъ онъ пороховую мину, которая потрясетъ всю Францію, даже всю Европу, а его самого уничтожить.

2.

Дворянство и духовенство были очень недовольны, что ихъ ставить на ряду съ среднимъ сословіемъ, а при томъ они вовсе не чувствовали охоты приносить отечеству большія жертвы. Съ своей стороны, среднее сословіе требовало поголовной, а не посословной подачи голосовъ, иначе два сословія стали бы противъ одного. Дошло до ожесточенныхъ преній и Людовикъ XVI распустилъ собраніе; но среднее сословіе, по совѣту аббата Сійеса, осталось, объявивъ себя *національнымъ собраниемъ*. Эта смѣлая инициативность внезапно воодушевила весь народъ и многие депутаты отъ дворянства и духовенства пристали къ среднему сословію, для совѣщаній о народныхъ, каинъ надлежъ будетъ учинить въ прежнихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Сильно испуганный такимъ самовольнымъ поступкомъ, король самъ отправился въ собраніе, изъяснивъ свое неудовольствіе на раздоры сословій и повелѣлъ всѣмъ разойтись, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день каждое сословіе, отдѣльно одно отъ другаго, снова приступило къ совѣщаніямъ. Дворянство и духовенство повиновались королю, но депутаты средняго сословія продолжали свои совѣщанія. Министръ посланный отъ короля, оберъ-церемоніймейстеръ его, съ жеманствомъ разошлись немедленно. Но собраніе опять не послушалось. Графъ *Мирабо*, человекъ съ рѣдкими талантами, но и весьма безнравственный, всталъ съ своего мѣста и сказалъ королевскому сановнику: „подите и скажите г-ну, кто прислалъ васъ, что мы собирались видѣть всю волю народа и исполнить только лишь хотѣнья“. На добродушный король возопятился

ценного народа. Даже национальное собрание не могло восстановить порядка и спокойствия. Вскорѣ стремление черни увлекло и его во всеобщій коговоротъ.

4.

Чтобы окончательно овладѣть королями, парижские добровольцы составили планъ навсегда перевести его въ Парижъ. Герцогъ Орлеанскій и его сообщники пристали къ этой партіи, и искусственными средствами подняли цѣны на хлѣбъ, перехвативъ обозы, идшіе съ нимъ въ Парижъ. Была распухшая слухъ, что король и аристократы (такъ называли придворную партію) хотятъ морить Парижанъ голодомъ. 5 октября, передъ ратушей, столпилось множество женщинъ, вооруженныхъ топорами, пиками и саблями: рыбкия торговки, прозванныя „les dames de la halle“ (дамами рынка) играли главную роль; но между ними попадались и мужчины въ женскомъ платьѣ. Герцогъ Орлеанскій снабдилъ ихъ деньгами и водкою. Ратушу взяли приступомъ. На шумъ вышли и въпрямь женщины, спомандовали: „въ Версаль! въ Версаль!“ Негодяй, по имени Мальваръ, принялъ начальство надъ женщинами и вторгся съ ними въ Версаль. Лафайетъ, герой, прославившійся въ сѣверо-американской войнѣ за свободу, созвалъ национальную гвардію, чтобы остановить чернь; но эта гвардія принудила его вести и ее въ Версаль: „Мы не ставимъ битвы противъ голодныхъ женщинъ“, — кричали грозно гвардейцы. Наступилъ вечеръ, пошелъ проливной дождь, но ничто не могло удержать толпу, которая направилась къ Версали съ двадцатью пушками.

Женщины, еще съ полудня, были уже въ Версали, и вступили въ въ народное собраніе съ пѣнями и барабаннымъ боемъ. Мальваръ, малый обремененный пшатою, идетъ съ женщиной, которая на длинномъ шестѣ несетъ барабанъ, сказавъ рѣчь отъ имени народа: „У насъ нѣтъ хлѣба“, восклицала еще: мы знаемъ, что король и его министры — дворянники; но народъ поднялъ оруду, и разгромитъ ихъ“. Окружающіе Мальвара сопровождали эти слова странными угрозами противъ короля и королевы. Затѣмъ, толпа женщинъ, съ крикомъ и шумомъ ворвалась въ залу и схватилась съ депутатами. Одна женщина звала даже

кресло президента и подражала его дѣйствіямъ съ королевичемъ въ руцѣ. Добыли они себѣ съѣстныхъ припасовъ и вина, принявъ пить и пѣть, поистово клялись и ругались шкитомъ, и чуть не задушили нѣкоторыхъ депутатовъ въ объятіяхъ. Собраніе старалось усмирить ихъ; самъ президентъ отвалъ нѣкоторыхъ во дворецъ къ королю; который далъ имъ милостивыя обѣщанія, при чемъ долженъ былъ обнять одну изъ этихъ *дамъ*, потому что только на такомъ условіи соглашались онъ ему вѣрить. Послѣ того, разныя торгѣвки расположились по-содатски на большой парадной площади, разложили огни, пьянствовали и пѣли въ-запуски.

Около полуночи, пришла парижская національная гвардія. Шафайръ употребилъ всѣ старанія остановить дальнѣйшія проявленія грубыхъ страстей. Онъ напередъ взялъ съ отряда своего клятву — сохранить вѣрность королю и уваженіе къ его жилищу; потомъ отправился во дворецъ къ королевской фамилии, ручаясь, что беспорядковъ болѣе не будетъ.

Едва начало свѣтать, 6-го октября, какъ шайка бунтовщиковъ нашла средство пробраться во внутренность дворца: Мятежники убили королевскую стражу, стоявшую у спальни королевы, и черезъ оправленные трупы вломились въ комнату; но жертва ихъ, обреченная на большія страданія, пропала въ полуодѣтая потаеннымъ ходомъ въ комнату короля и взбѣшенные убійцы искололи пиками и мечами оставленную ею постель. Подоспѣла вся лейб-гвардія и выгнала убійцъ изъ дворца, — это обратило ярость народной толпы противъ гвардіи, которой невозможно было устоять въ неравной борьбѣ. Всѣ ожидали смерти. Тогда король показался на балконѣ и вскричалъ, простирая руки къ толпѣ: „умилосердитесь надъ моею гвардіей!“ — Да здравствуетъ король! — отвѣчала восторженная толпа и убійство мгновенно прекратилось. Мятежники привели даже пѣнныхъ гвардейцевъ и обняли ихъ передъ глазами короля. „Королеву, королеву!“ завопила народъ. Съ вѣдущимъ трепетомъ, вышла на балконъ несчастная королева ведя за руки дѣтей своихъ; „Прійди дѣтей!“ закричалъ кто-то снизу. Она уведла дѣтей и возвратилась на балконъ, величавая, съ заплаканными глазами, со сложенными руками. Внизу бушевала жестокая толпа, съ дикими бѣшенствомъ потрясая пиками и оружіемъ. Однѣхъ изъ буш-

товщиною прицѣлился въ нее изъ ружья; но кто-то изъ окружающихъ вырвалъ ружье изъ руки. Кроткое величіе силовой стоявшей передъ ними беззащитной женщины дадо, внезапно народному порыву другое направление. Вся толпа закричала въ восторгѣ: „Да здравствуетъ королева!“ Король былъ вызванъ еще разъ: наконецъ появился, на встрѣчу ему загремѣла тысяча голосовъ — „въ Парижъ, въ Парижъ!“ Да, дѣти мои, — отвѣчалъ король, — согласенъ ѣхать въ Парижъ; но не иначе, какъ съ женой и дѣтьми. — „Да здравствуетъ король!“ вторично закричала толпа. Королева вышла опять на балконъ и пробовала говорить; но голоса ея не слышно было за шумомъ. Лафайетъ поцѣловалъ ея руку и сказалъ народу: „королева изумлена тѣмъ, что видитъ; ее обманули; она общается, что не вѣдая болѣе въ обманъ и будетъ любить народъ!“ Въ знакъ согласія, королева два раза подняла руки къ небу; по щекамъ ея струились слѣзы.

5.

Около часу по полудни, началось шествіе; но какое шествіе! — Впереди несли головы убитыхъ гвардейцевъ, воткнутые на длинныя шесты; остальныхъ гвардейцевъ чернѣ тащили какъ плѣнниковъ; затѣмъ слѣдовала карета, въ которой сидѣли король, королева, двое дѣтей ихъ и принцесса Елизавета, сестра короля. По обѣимъ сторонамъ кареты, волновались шумныя толпы народа: Одни, глядя на карету, сирожетали, произносили проклятія и угрозы противъ королевской фамиліи, другіе пѣли побѣдныя пѣсни, третьи кричали: „вотъ мы возедемъ вамъ хлѣбныя съ женой и подмастерьями!“ — Позади кареты везли пушки; индѣя женщины сидѣли верхомъ на лафетахъ, держа воткнутые на штыкахъ хлѣбъ и мясо. Пьяные мужчины и женщины ѣхали безъ всякаго порядка веревками; вся дорога была запружена жителями сосѣднихъ деревень. Послѣ 6-ти часовъ томительнаго страха, доѣхалъ бѣдный Людовикъ до парижской заставы, гдѣ былъ принятъ изречъ, который называлъ счастливымъ день, возвратившій короля въ его столицу. Король отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ съ удовольствіемъ, а королева — что она съ довѣріемъ возвращается въ добрый свой городъ. Послѣ этихъ обоюдныхъ формальностей, униженный государь получилъ позволеніе отправиться въ тюрьму.

рійскій дворецъ, гдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ приѣзду королевскаго семейства, такъ, что оно принуждено было спать на чужихъ постеляхъ.

Съ той поры, король ничѣмъ не могъ распоряжаться свободно и сдѣлался плѣнникомъ парижскихъ вождей и народа. Не лучше шли дѣла и въ національномъ собраніи. Болѣе трехсотъ депутатовъ вышло изъ него, не желая имѣть ничего общаго съ октябрьскими убійцами. Остальные депутаты отправились въ Парижъ, ободренные защитой черни, отмѣняли одно учрежденіе за другимъ, не принимая въ соображеніе, что легче разрушать, нежели созидать. Засѣданія происходили въ карусели, находившейся въ тюильрійскомъ саду и превращенной наскоро въ амфитеатръ. Въ срединѣ засѣдалъ президентъ; съ правой стороны, помѣщалась партія умѣренныхъ, съ лѣвой, особенно на верхнихъ скамьяхъ (на горѣ), неистовые революціонеры. Въ Парижѣ образовались клубы или сборища единомысленныхъ депутатовъ, въ которыхъ напередъ уговаривались, что будутъ предлагать въ національномъ собраніи. Въ якобинскомъ монастырѣ собирався клубъ Якобинцевъ, состоявшій изъ опаснѣйшихъ агитаторовъ. Наружнымъ знакомъ Якобинцевъ былъ красный колпакъ. Скоро и вся Франція наполнилась клубами, средоточіемъ которыхъ былъ Парижъ. Зрители, на галлерейхъ національнаго собранія, болѣею частью приверженцы Якобинцевъ, шумно одобряли и рукоплескали самымъ неистовымъ ораторамъ своей партіи; напротивъ того, ораторовъ умѣренной партіи они освистывали, какъ будто все собраніе, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы совѣщаться о благѣ народа, было не больше какъ комедія. Страсть къ разрушенію не знала предѣловъ. Имѣнія духовенства были конфискованы; для облегченія продажи и купли, ввели бумажныя деньги, которыя называли ассигнаціями, потому что они указывали, „ассигновали“ на конфискованныя имѣнія. Изъ-за этихъ-то ассигнацій, для обезпеченія всей новой собственности, присоединились къ революціи и тѣ лица, которыя покупали конфискованныя имѣнія. Впослѣдствіи же, стали выпускать все болѣе и болѣе ассигнацій, (для этого нужна была только бумага), и цѣнность ихъ упала такъ, что пара сапоговъ, наприимѣръ, стоила около 20,000 франковъ. Прѣжнее раздѣленіе Франціи на провинціи было уничтожено: вмѣсто него, Францію раздѣлили на 83 департамента, по расположенію ея

горь и рѣтъ. Королю назначили годовое содержаніе. Наслѣдственное дворянство было отнято, а вмѣстѣ съ нимъ, исчезли и всякія различія между сословіями, — все, что напоминало привилегію или рабство. Даже пустой титулъ *monseigneur* былъ запрещенъ, а приказано было всякаго называть „*гражданиномъ*“.

6.

При такихъ переворотахъ, наступило 14 іюля 1790, день годовщины разрушенія Бастиліи. Въ воспоминаніе объ этомъ, столь богатомъ послѣдствіями, происшествіи, былъ данъ *большой союзный праздникъ*, на Марсовомъ полѣ; — пространной равнинѣ на западномъ концѣ Парижа. Еще съ предшествовавшей ночи, равнина была усыяна народомъ. Національная гвардія заняла свои мѣста и, съ первымъ лучомъ утренняго солнца, громъ пушекъ и звонъ колоколовъ возвѣстили торжественный день. Въ 10 часовъ утра, среди многихъ сотенъ тысячъ зрителей, явились члены національнаго собранія, депутаты отъ департаментовъ, потомъ и король съ своимъ семействомъ. Процессія прошла черезъ разукрашенную триумфальную арку на Марсово поле. Посрединѣ стоялъ высокой „алтарь отечества“, противъ него, въ галлерей, заняли мѣста національное собраніе и король. Талейранъ, епископъ Отѣнской, отслужилъ обѣдню и благословилъ департаментскія знамена. При торжественной стрѣльбѣ и праздничномъ звонѣ, передъ лицомъ Неба, національная гвардія, національное собраніе, король и депутаты отъ всего народа клялись повиноваться законамъ и, въ упоеніи радости, всѣ обнимались какъ братья. То была великая, востыпающая душу, минута! Казалось, узъ всеобщаго братства соединяютъ короля и народъ въ одну великую семью, что многострадальное государство можетъ надѣяться на самую лучшую будущность.

Но скоро отырылось, какъ не прочесть союзу, заключенный въ минуту увлеченій. Якобинцы все дальше, заходили въ насильственные погупухахъ и даже стали дозволять себѣ грубыя ругательства противъ короля и его фамиліи. 18 апрѣля 1791 г., король хотѣлъ ѣхать съ своимъ семействомъ въ близлежащій замокъ Сен-Клу, чтобы, по обыкновенію, отпраздновать тамъ пасху. Онъ уже сѣлъ въ карету, когда

чернь, съ громкимъ крикомъ, которому вторила и стоявшая на караулѣ національная гвардія, бросалась впередъ и потребовала, чтобы король не выходилъ изъ Тюдъери. Явился Лафайетъ и приказалъ національной гвардіи разогнать чернь, очистить мѣсто для королевской кареты, — но напрасно. Маръ постигши на шумъ и уговаривалъ волнующуюся толпу; король утѣщалъ и молилъ; королева плакала. Все напрасно! Королевская фамилія принуждена была выйти изъ кареты и съ позоромъ воротилась во дворецъ, обращенный для нея въ тюрьму. Лафайетъ до того негодовалъ на неповинованіе національной гвардіи, что сложилъ съ себя должность ея начальника.

Тогда король рѣшился бѣгствомъ спастись отъ печальнаго заточенія. Предположено было исполнить это ночью съ 20 на 21 іюня. Сначала предпріятіе шло удачно. Вечеромъ король пріѣхалъ въ С. Менегулдъ (Меню). Тамошній почтмейстеръ, Друэ, ярый революціонеръ, изумился, увидя королеву, которую уже разъ случилось ему видѣть прежде, а скоро узналъ онъ и короля. Лошади были смѣнены и дорожныя кареты отѣхали, почтмейстеръ же сѣлъ на лошадь, окольными дорогами обогналъ путешественниковъ и прискакалъ въ *Вареннъ*. Немедленно ударили въ набатъ, народъ вооружился, а когда пріѣхали королевскія кареты, ихъ тотчасъ остановили. Семейство Лудовика принуждено было выйти изъ экипажей. Сначала Лудовикъ не сознавался, что онъ — король; но, наконецъ, онъ возликинулъ жалобно: „да, я вашъ король! Окруженный въ столицѣ нинжалами и штыками, я рѣшился въ провинціи, между своими вѣрными подданными, искать свободы, которою вы всѣ пользуетесь; я не могу долѣе оставаться въ Парижѣ, — я погибну тамъ со всѣмъ моимъ семействомъ“. Слова его ничего не разжалобили. Его повезли военнопленнымъ въ Парижъ, среди раздраженной черни и національной гвардіи, и парижская чернь чуть-было не кинулась на него.

Эта неудавшаяся попытка еще ухудшила положеніе несчастнаго королевскаго семейства. Его стали караулить строже прежняго; королевѣ не позволялось даже заперать двери своей спальни, и когда, однажды, король заперъ ее самъ, караульный офицеръ отперъ ее опять и промовилъ: „вы только дѣлаете себѣ напрасный трудъ, когда запираете двери.“

7. 1791 г. 1791 г. 1791 г. 1791 г. 1791 г.

Въ сентябрѣ 1791 г., новое государственное устройство (конституція) было окончено. Король, предвидя, что всякое возраженіе будетъ напрасно, принять его въ той формѣ, какъ оно было написано и принесть по немъ присягу. Въ немъ было много хорошаго, но королевскія права были обрѣзаны выше всякой мѣры. Когда собраніе (названное *учредительнымъ*) разошлось, мѣсто его заняло другое, которое приняло на себя опредѣлить права короля и законы страны. Оно называлось *законодательнымъ*. Члены его были, по большей части, люди молодые, талантливые, но неопытные и исполненные революціоннаго духа. Между ними видное мѣсто занимали депутаты отъ Жирондскаго департамента (*Жирондисты*). Они имѣли цѣлію ниспровергнуть постепенно королевскій престолъ и, на развалинахъ его, основать республику. Тутъ же присутствовали и необузданнѣйшіе Якобинцы, злые намѣренія которыхъ клонились къ тому, чтобъ ниспровергнуть престолъ не постепенно, но вдругъ и насильственными мѣрами. Какъ ни сильна была вражда между различными партіями, но всѣ онѣ сходились въ общей ненависти къ королевскому дому. Почти всѣ должности, даже министерскія, были заняты Якобинцами и всѣ, кто былъ поумѣреннѣе, удалились мало-по-малу отъ этого поприща неистовыхъ страстей. Террористы, подобные *Робеспьерру, Марату, Дантону, Манюелю, Петіону*, имена которыхъ въ исторіи Франціи покрыты вѣчнымъ поворомъ, дѣлали, въ это смутное время, такія злодѣйства, что всякій отвернется отъ нихъ съ содроганіемъ. Изверги эти составили одну шайку съ легковозмущаемой чернью, чтобы, подъ прикрытіемъ ея, ниспровергнуть существующій порядокъ, а самимъ достигнуть богатства и власти. При такомъ преобладаніи черни, неистовство стало называться патриотизмомъ, умѣренность—измѣной. Какъ во время чумы,—всякій боялся другаго. Всякъ одѣвался въ бѣднѣйшую одежду для избѣжанія ярости черни: стоило только ходить оборванцемъ, чтобы прослыть истиннымъ сыномъ свободы. Названіе: *санкюлотъ*, безпшанный, считалось почетнымъ титуломъ.

Законодательное собраніе постановило рѣшеніе, что всѣ эмигранты, которые не возвратятся въ положенный срокъ, присуждаются къ казни

и имѣнія ихъ будутъ конфискованы. Духовныя лица, не присягнувшія новому правительству, тоже осуждались на казнь, какъ мятежники и измѣнники народу. Король отказался—было дать свое согласіе на столь жестокія постановленія, относившіяся и къ его братьямъ, тогда Якобинцы рѣшились вынудить у него это согласіе посредствомъ народнаго возстанія.

Черни прославившіяся своей дерзостію предмѣстій роздали они пикетъ, и, 20 іюня 1792 г., толпа въ 40,000 человекъ, подъ предводительствомъ пивовара *Сантерра*, ворвалась въ Тюльери и устремилась по лѣстницѣ прямо къ комнатѣ короля. Дверь взломали, чернь ринулась въ комнату. Король, имѣвшій при себѣ не болѣе шести гренадеровъ, неустрашимо пошелъ навстрѣчу злодѣямъ, которые, какъ бы пораженные величіемъ его сана, остановились въ нерѣшимости. Но нахлынули другія толпы, осыпали короля и королеву жесточайшими ругательствами и потребовали немедленнаго утвержденія постановленій законодательнаго собранія. Въ эту минуту тяжелаго испытанія, король остался непоколебимъ и спокойно выслушалъ ругательства. Какой-то сорванецъ бросилъ ему свою красную якобинскую шапку,—король спокойно взялъ ее и надѣлъ себѣ на голову; другой поставилъ ему бутылку и приказалъ пить за благоденствіе націи; король послушался и такъ какъ подъ рукой не случилось стакана, онъ отпилъ прямо изъ бутылки.

Съ негодованіемъ смотрѣли гренадеры на такое униженіе королевскаго сана и рѣшились защитить короля своей кровію. «Не бойтесь ничего, государь!» сказалъ ему одинъ изъ гренадеровъ. Король спокойно взялъ его руку, положилъ ее къ себѣ на грудь и отвѣчалъ: „суди, отъ страха ли бьется мое сердце.“

Наконецъ, законодательное собраніе рѣшило отправить во дворецъ депутацию изъ 25 членовъ. Ихъ прибытіе положило конецъ безпорядку. „Бѣдный и добродѣтельный народъ“, какъ называлъ его лицейскій Робеспьерръ, разошелся на этотъ разъ не съ окровавленными пиками, самъ дивясь тому, что его вооружали для такой бездѣлицы: а мэръ *Петіонъ* еще похвалилъ его за *мудрость* и *достоинство*, съ которымъ онъ передалъ королю свои желанія.

Это неудачное покушение еще болѣе разожгло ярость Якобинцевъ, они вознамѣрились устроить новое возстаніе съ цѣлю убить короля или, по крайней мѣрѣ, лишить его престола. Они выписали изъ Марсели и изъ его окрестностей шайку негоднѣйшей сволочи, которая подъ именемъ *федератовъ*, вошла въ Парижъ 30 Іюля 1792. 10 августа, утромъ, ударили въ набатъ; по этому знаку, поднялась вся сволочь изъ предмѣстій и, соединясь съ федератами, съ шумомъ и гамомъ, направилась въ Тюльери. Швейцарцы и оставшіеся вѣрными королю гвардейцы стали во фронтъ, заняли всѣ посты во дворцѣ и передъ дворцомъ и рѣшили на все для спасенія короля; но король, по чрезмѣрной добротѣ своей, запретилъ имъ стрѣлять. Редереръ, одинъ изъ членовъ городского управления, посовѣтовалъ королю немедленно искать убѣжища въ національномъ собраніи, потому что невозможно предвидѣть размѣровъ, какіе приметъ наступающая гроза. Королева поняла, какъ постыдно будетъ для королевскаго семейства просить защиты у людей, которые не оказывали ему прежде и тѣни участія — и рѣзко отвергла предложеніе Редерера. „Государыня, сказала Редереръ, время дорого, еще минута, еще секунда,—и я не ручаюсь за вашу жизнь.“ Королева поблѣднѣла и отвѣчала съ волненіемъ: „Такъ и быть; принесемъ и эту послѣднюю жертву!“ Подъ ужаснѣйшими проклятіями и угрозами черни, не перестававшей кричать: „долой, долой тирана; ежегодно пожирающаго у насъ 25 милліоновъ!“ блѣдные и разстроенные, достигли царственные бѣглецы національнаго собранія; вступивъ въ него, король сказалъ съ достоинствомъ: „я пришелъ сюда, чтобы избавить Францію отъ великаго преступленія и думаю, что нигдѣ не буду въ такой безопасности, какъ среди васъ, господа!“ Его приняли холодно и отослали со всѣмъ семействомъ на верхъ, въ ложу журналистовъ. Оттуда пришлось ему слушать, какъ совѣщалось собраніе о сверженіи его съ престола.

Между тѣмъ, грохъ пушекъ и ружейные выстрѣлы возвѣстили, что кровопролитіе, котораго столько опасался король, не было остановлено его удаленіемъ. Швейцарская гвардія, послѣ геройскаго сопротивленія, большею частію была умерщвлена; дворецъ взятъ приступомъ. Послѣ

того, вся чернь, съ закопѣлыми отъ пороховаго дыма лицами, съ обогрѣнными кровью руками, вошла въ національное собраніе и потребовала сверженія короля. Депутаты рѣшили созвать *національный конвентъ*, потому что королевская власть не нужна болѣе Франціи. Короля и семейство его заключили въ Тамплъ, старую башню, служившую тюрьмой. 21 сентября 1792 г., былъ учрежденъ національный конвентъ изъ яростнѣйшихъ Якобинцевъ. Немедленно отмѣнены прежняя конституція и королевское достоинство; Франція превратилась въ республику. Лѣтосчисленіе начали вести отъ начала республики и первый годъ начинался съ 21 сентября 1791. Переименовали даже названія мѣсяцевъ, вмѣсто недѣль ввели „декады“, изъ которыхъ въ каждой было 10 дней. 36 языческихъ праздниковъ заступили мѣсто 52 христіанскихъ воскресныхъ дней. Съ упраздненіемъ королевскаго достоинства, были уничтожены всѣ гербы и статуи короля; самъ конвентъ натравлялъ на это дѣло шайки народа. Даже королевскія гробницы въ Сень-Дени были взломаны, трупы изъ гробовъ вынуты, — кости мертвыхъ разбросаны. Ничто не должно было впрередъ напоминать о королевской власти.

9.

Положеніе злополучнаго короля возбуждало участіе и заботило прочихъ государей Европы, особенно же императора Леопольда II, связаннаго съ нимъ тѣсными узами родства. Просьбы выѣхавшихъ за границу и поселившихся въ Кобленцѣ французскихъ принцевъ возбуждали еще болѣе жаркое сочувствіе къ дѣлу короля. Подъ знаменами этихъ принцевъ соединились эмигранты. Съ своей стороны, національное собраніе дѣлало все, чтобы вызвать войну. Чѣмъ болѣе вооружались защитники короля, для освобожденія его изъ рукъ злодѣевъ, тѣмъ дерзновеннѣе наносили они ему обиды. Якобинцы даже заставили его объявлять войну Леопольду II, который вооружался для его защиты. Это объявленіе войны пришло въ Вѣну; когда императоръ уже умеръ. Ему наследовалъ сынъ его, Францъ II, который, въ союзѣ съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, прусскимъ, открылъ военныя дѣйствія. Ни одинъ изъ нихъ и не подозрѣвалъ тогда, что война, въ быстромъ и благопріятномъ окончаніи которой они не сомнѣвались, протянется, съ неболь-

шими промежутками, до 1815 года и разрушить благосостояніе безчисленнаго множества семействъ.

Прусское войско, къ которому примкнули 20, 000 эмигрантовъ и 6000 Гессенцевъ, двинулось, подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго, въ Лотарингію, а между тѣмъ, непріятельскія дѣйствія уже были открыты между Французами и Австрійцами, на границахъ австрійскихъ Нидерландовъ. Союзники, взявъ крѣпости Лонгви и Вердюнъ, побѣдоносно вступили въ Шампань. Парижъ волновался и на долго сдѣлался театромъ ужасающихъ сценъ убійства. 25-го іюля, герцогъ Брауншвейгскій издалъ прокламацію къ французской націи — несчастное произведеніе надменности и ослѣпленія: „Вся Франція, и особенно Парижъ, говорилось въ ней, подвергнуться тягчайшей карѣ, если не признаютъ немедленно священныя права своего короля. *Городъ маетежей* будетъ разрушенъ, какъ нѣкогда Іерусалимъ; въ немъ не останется камня на камнѣ; гордыня его будетъ стерта съ лица земли!“ Такая рѣчь и нужна была, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ раздраженіе всѣхъ Французовъ, даже тѣхъ, которые держались партіи короля; старый и малый стремились къ знаменамъ оскорбленнаго отечества. При С. Менегульдѣ, *Дюмурье* остановилъ побѣдоносные успѣхи Пруссаконъ и принудилъ ихъ къ бѣдственному отступленію. Нужда, заразительныя болѣзни, дурная погода (непрерывные проливные дожди сдѣлали дороги почти непроходимыми), лишали нѣмецкія войска всякой бодрости; они принуждены были очистить всю завоеванную территорію и всѣ крѣпости. Не далѣе какъ 23-го октября, громъ пушекъ по всей французской границѣ возвѣщалъ уже, что „страна свободы (такъ гласило французское объявленіе) очищена отъ рабовъ деспотизма.“ Французскій генералъ Кюстинъ проникъ до Средне-Рейнскихъ провинцій и быстро подступилъ къ Майнцу: простая угроза генерала заставила сдаться эту важную нѣмецкую крѣпость, господствующую надъ двумя судоходными рѣками. Затѣмъ, Кюстинъ обратился на богатый Франкфуртъ и наложилъ на него большую контрибуцію; но тутъ напали на него Гессенцы и Пруссакки и прогнали за Рейнъ. 6-го ноября Дюмурье разбилъ Австрійцевъ въ генеральномъ сраженіи при Жемаппѣ и австрійскіе Нидерланды, еще прежде отказавшіеся повиноваться императору Іосифу II, съ радостію

приняли Французевъ. Другое французское войско отняло у сардинскаго короля Ниццу и Савойю за то, что онъ присоединился къ союзникамъ.

Всѣ думали, что французскіе солдаты, болѣею частью незнакомые съ военнымъ искусствомъ молодые люди, не устоятъ противъ опытныхъ австрійскихъ и прусскихъ солдатъ; однако, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что Французы вездѣ побѣждаютъ. Они шли съ пѣснями подъ страшнѣйшій грядъ пулъ и, съ хладнокровнымъ презрѣніемъ къ смерти, нападали на непріятеля въ такихъ позиціяхъ, которыя онъ считалъ неприступными. Случалось, что какой-нибудь полкъ этихъ фанатиковъ свободы былъ уничтожаемъ совершенно, но его сейчасъ же замѣнялъ новый,—вся Франція рвалась „защитать свободу противъ тирановъ.“

10.

Эти побѣды еще болѣе увеличили отчаянную дерзость Конвента, и какъ бы на зло приведенной нами выше грозной прокламаціи, онъ положилъ казнить Лудовика. По рѣчамъ *Робеспьерра*, одинъ уже тотъ фактъ, что Лудовикъ былъ королемъ, составлялъ преступленіе, достойное смерти. Но противъ него возстали Жирондисты, которые хоть и желали учредить республику, но не хотѣли казнить короля, они настояли на томъ, чтобы сперва было произведено надъ Лудовикомъ судебное изслѣдованіе. Противная партія уступила, конечно, только для виду, и, 11-го декабря, парижскій мэръ былъ отправленъ въ тюрьму за королемъ. Когда онъ прочелъ ему рѣшеніе Конвента: „Лудовикъ Капетъ долженъ предстать, въ 5 часовъ, передъ Конвентомъ,“ Лудовикъ возразилъ: „Капетъ! — Это не мое имя; его носилъ одинъ изъ моихъ предковъ. Впрочемъ, и такое названіе очень подѣлать ко всему, что я терплю здѣсь уже столько мѣсяцевъ.“ Онъ сѣлъ съ мѣромъ въ карету и, посреди угрозъ и проклятій черни, повезли его въ Тюльери, куда Конвентъ перенесъ свои засѣданія. Король вступилъ въ залу съ спокойствіемъ и преданностію волю Божіей, съ полнымъ сознаніемъ своей невинности; при входѣ его, настало глубокое молчаніе; глаза всѣхъ обратились на него. „Лудовикъ, — сказалъ ему президентъ Барреръ, — французская нація обвиняетъ васъ; Конвентъ положилъ васъ судить; вамъ прочтутъ списокъ вашихъ преступленій. Теперь вы можете сѣсть.“ Король сѣлъ,

выслушать, безъ смущенія, длинный обвинительный актъ, въ которомъ возводили на него будто бытъ онъ тайныя сношенія съ врагами Франціи и приписывали ему всѣ бѣдствія, произведенныя революціей. Спокойствіе и ясность, съ которыми король отвѣчалъ на каждый обвинительный пунктъ, изумили даже враговъ его. Затѣмъ, его отвели назадъ въ темницу, подъ угрозами и оскорбленіями той же оволочи, чрезъ ряды которой онъ уже проходилъ. Съ той поры, его разлучили съ дорогими товарищами несчастія, съ женой, сестрой и съ сыномъ.

Послѣ удаленія короля, въ Конвентѣ начался страшный шумъ. Якобинцы требовали, чтобы „тирантъ“ былъ немедленно же приговоренъ къ смерти, чтобы приговоръ этотъ исполненъ былъ въ ту же ночь; но Жирондисты настояли на соблюденіи, по крайней мѣрѣ, обычныхъ, въ отношеніи каждаго преступника, формальностей. Такимъ образомъ, король получилъ дозволеніе избрать себѣ совѣтника для защиты. Выборъ Людовика палъ на знаменитаго юриста Тронше, который ни минуты не колебался взять на себя веденіе опаснаго процесса. Равно-знаменитый своимъ талантомъ и честностью старецъ, нѣкогда королевскій министръ, *Мальзербъ*, добровольно предложилъ королю свои услуги и оба эти адвоката выбрали себѣ въ помощники молодаго талантливаго Десеэа. Но такая благосклонность судей доставила королю только утѣшеніе пользоваться обществомъ благородныхъ людей въ такую минуту, когда никто изъ друзей его, кромѣ вѣрнаго камердинера Клері, не могъ къ нему приближаться.

26-го декабря, король былъ приглашенъ въ судъ, вмѣстѣ съ своими адвокатами. Ихъ не тотчасъ же допустили въ залу засѣданій и они прохаживались по передней. Одинъ депутатъ, проходя мимо, услышалъ, что Мальзербъ обращается къ своему кліенту со словами: „Государь, ваше величество!“ „Что даетъ вамъ смѣлость—спросилъ депутатъ,—произносить слова, запрещенныя Конвентомъ!“ — „Презрѣніе къ жизни!“ отвѣчалъ почтенный старикъ. Наконецъ ихъ впустили въ залу. Мальзербъ былъ такъ растроганъ, что не могъ говорить; тогда выступилъ пылкій Десеэ и защищалъ короля съ такой удивительной энергіей и искусствомъ, что Людовикъ былъ бы спасенъ, еслибы яростные Якобинцы давно не рѣшили его смерти.

Лудовика увели, и опять разделись крики: «Королю! королю!» Якобинцы, въ залѣ, въ дверяхъ, въ окнахъ, съ галлерей кричали: „Смерть! смерть!“ Одинъ якобинецъ, прежде бывшій мясникъ, потребовалъ даже изрубить короля на куски, и отправить по куску въ каждый департаментъ. Споры партій о томъ, какъ произнести приговоръ, продолжались нѣсколько сутокъ. Отъѣзденъ былъ законъ, по которому обвиненный могъ быть приговоренъ къ смерти, не иначе, какъ двумя третими голосовъ, и определено простое большинство голосовъ. Наконецъ, 17 января 1793 года, король былъ приговоренъ къ смерти большинствомъ 5-ти голосовъ (366 противъ 361). Мальзербъ первый принесъ эту горестную вѣсть королю. Но Лудовикъ не смутился и отвѣчалъ спокойно: „Хорошо, по крайней мѣрѣ, я выведенъ теперь изъ недоумѣнн.“ Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: „Бойте двухъ часовъ я обдумываю—могу ли въ чемъ нибудь упрекнуть себя въ отношеніи моихъ подданныхъ, но клянусь вамъ, съ чувствомъ человѣка, готового предстать передъ лицомъ Божіе, я всегда желалъ только блага моему народу.“

Несчастному государю дано было позволеніе избрать священника для утѣшенія и укрѣпленія себя на послѣдній шагъ въ жизни; дозволили ему тоже проститься съ семействомъ. Трогательна была сцена, когда король, послѣ долгой ужасной разлуки, въ послѣдній разъ свидѣлся съ милыми родными. Долго и молча обнимались они,—пока потоки слезъ не облетѣли стѣсненнаго сердца. Тогда безутѣшная горестъ сказалась такими громкими воплями и рыданіями, что ихъ слышали даже внѣ башни. Наконецъ изсякли слезы и начался спокойный разговоръ, продолжавшійся около часу,—послѣ чего король почти насильно вырвался изъ объятій своего семейства.

11.

12 января 1793 г., съ разсвѣтомъ Лудовикъ всталъ съ постели и потребовалъ духовника своего, Еджеворта. Съ искреннимъ благоговѣніемъ, отслушалъ онъ обѣдню и принялъ изъ рукъ священника Святое Причастіе. Между тѣмъ, парижскія улицы стали оживляться. Забили генеральный маршъ, подвезли пушки; говоръ людей и теплотъ конскій слышались даже въ башнѣ. Король прислушался и молвилъ спокойно: „кажется, они приближаются.“ Ему хотѣлось еще разъ проститься съ родными, по

священникъ не дожидаясь этого, чтобъ набавить короля отъ лишняго страданія. Въ девять часовъ, вошелъ Сантерръ, со стражей, взять короля. „Еще минуточку!“ сказалъ король, отомаясь въ сторону, преклонилъ колѣна на молитву и принялъ отъ духовника благословеніе. Потомъ онъ всталъ и подалъ муниципальному чиновнику свое завѣщаніе; но тотъ дерзко оттолкнулъ бумагу: „я здѣсь не за тѣмъ, промолвить онъ грубо, чтобы принимать отъ васъ завѣщаніе, а затѣмъ, чтобъ вести васъ на эшафотъ.“ Но другой чиновникъ взялъ завѣщаніе молча. „Пойдемте,“ сказалъ Лудовикъ, и вся толпа двинулась. Король съ духовникомъ и двумя жандармами сѣлъ въ карету, которая его ожидала. 400 или 500 благомыслящихъ друзей короля соединились-было для освобожденія его силою; но Якобинцы такъ ловко приняли свои мѣры, что о спасеніи нечего было думать. Подъ страхомъ смерти, было запрещено, на протяженіи всей дороги, растворить дверь или открыть окно; всѣ улицы, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были заняты двойнымъ рядомъ національной гвардіи; на всѣхъ углахъ стояли пушки; карету оруджалъ сильный отрядъ конницы, подъ предводительствомъ Сантерра.

Ровно въ 10 часовъ, карета остановилась на площади Лудовика XV, въ срединѣ которой воздвигнутъ былъ эшафотъ. Это мѣсто избрали нарочно, потому что къ нему примыкаетъ тюльерійскій садъ, и король чрезъ него могъ видѣть дворецъ тюльерійскій. Вся площадь, даже кровли домовъ были покрыты народомъ. Крутомъ эшафота стояло 15,000 солдатъ. Какъ скоро король, который все время молился про себя, замѣтилъ, что карета остановилась, онъ сказалъ тихо Эджварту: Мы пріѣхали, если я не ошибаюсь!“ Немедленно одинъ изъ палачей открылъ дверцу, король вышелъ и твердой поступью поднялся на эшафотъ, на которомъ была поставлена машина, называемая гильотиною. Палачи хотѣли раздѣть короля, но онъ величаво отстранилъ ихъ, снялъ самъ свое платье и обнажилъ шею. Тогда палачи окружили его снова, чтобъ связать руки. „Что вы ватѣваете!“ возманинулъ онъ съ негодованіемъ. „Мы хотимъ связать васъ!“ отвѣчалъ одинъ изъ палачей. „Меня вязать?“ возразилъ Лудовикъ, „я никогда не позволю“. Но подошелъ духовникъ и вѣнчалъ королю примѣръ Иисуса Христа. „Такъ, я выпью чашу до дна!“ отвѣчалъ Лудовикъ. Онъ подошелъ къ краю эшафота, сдѣлавъ знакъ барабанщикамъ умолкнуть и внятно сказалъ:

„Французы, я умираю невиннымъ во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ меня обвиняють! я прощаю виновникамъ моей смерти и молю Бога, чтобъ кровь, которую вы проливаете, не возстала нѣкогда противъ Франціи! А ты, несчастный народъ“... Но Сантерръ бросился со шпагой на барабанщиковъ и барабанный бой заглушилъ остальные слова короля. Палачи повлекли свою жертву подъ гильотину. Духовникъ сталъ возлѣ короля на колѣна, воскликнувъ: „Иди на небо, сынъ святаго Людовика!“ Опустилась гильотина и голова безвиннаго короля упала съ эшафота. Одинъ изъ помощниковъ сначала поднялъ ее торжественно, показалъ народу, — и отсюда раздались крики: „Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ народъ!“ Шляпы полетѣли на воздухъ; чернь принялась пѣть и плясать вокругъ эшафота.

Такъ совершилось во Франціи, тоже суднымъ порядкомъ, какъ и за 144 года передъ тѣмъ въ Англіи, ужасное преступленіе, — цареубійство. Во всей древней исторіи мы не находимъ слѣда подобнаго преступленія. Но Французы не остановились на этомъ: 16 октября 1793 г., пролила кровь свою подъ гильотиной Марія-Антуанета, дочь Марии-Терезии, королева Франціи; на слѣдующій годъ дошла очередь до кроткой и добродѣтельной сестры Людовика, Елизаветы, а тамъ, — стали душить и рѣзать людей безъ счету. Но самымъ постыднымъ дѣломъ было убійство дофина, наслѣднаго принца. Онъ былъ отданъ на руки башмачнику Симону, развратному извергу, который до тѣхъ поръ мучилъ его побоями, голодомъ, холодомъ и бессонницей, пока бѣдный ребенокъ не отдалъ Богу душу (10 іюля 1795 г.).

12.

Извѣстіе о казни короля наполнило ужасомъ и негодованіемъ всю Европу, но революціонеры, казалось, смѣялись надъ всей Европой и удачно усмирили возстанія внутри государства. Въ Вандеѣ, мѣстности лежащей между Гаронной и Луарой, вдоль по берегу Атлантическаго океана, все народонаселеніе возстало для отмщенія за позорную смерть любимаго короля; большая часть геродовъ южной Франціи: Бордо, Тулонъ, Марсель и Ліонъ тоже подняли оружіе противъ цареубійцъ; но Конвентъ вооружилъ всю націю, и пока три арміи спѣшили къ грани-

намъ, внутри государства принимались кровавыя мѣры для подавленія возстаній. Но и парижскія власти были въ раздорѣ между собою; въ Конвентѣ поднялась *сора*, во главѣ которой стояли Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ, противъ *долины*, образованной Жирондистами, занимавшими нижнія скамейки. Съ помощію черни, партія *соры* одержала побѣду, Жирондисты, неуспѣвшіе спастись бѣгствомъ, погибли на эшафотѣ. За то и недостойный герцогъ Орлеанскій, который, чтобъ польстить Якобинцамъ, называлъ себя, *citoyen Egalite* (гражданинъ Равенства), палъ подъ гильотиной, потому что приверженцы хотѣли сдѣлать его королемъ. Для упроченія безопасности республики, Маратъ требовалъ 60,000 головъ на гильотину. Но онъ недолго злодѣйствовалъ: Шарлотта Кордэ, испросивъ у этого изверга аудіенцію, заколола его кинжаломъ въ ваннѣ. Затѣмъ, Робеспьеръ сталъ неистовствовать, съ неограниченнымъ могуществомъ, пережитивъ и погубивъ на гильотинѣ страшнаго Дантона. То было *правленіе ужаса* — терроръ. Ежедневно влѣзавъ на эшафотъ сотни людей. Всѣмъ показывался на улицѣ не иначе, какъ одѣтый *санкюлотомъ*, въ полотнояную блузу, съ краснымъ якобинскимъ молпаномъ на головѣ. Боляска и кареты исчезли; торговля и промышленность прекратилась. 7 ноября 1793 г., и *христіанская религія была отмѣнена*; церкви были разграблены, расіятія и образа разбиты, священные сосуды превращены въ монету, колокола пералжты въ пушки. Велѣно было почитать одинъ *разумъ* и, въ качествѣ богини разума, торжественно возли по улицамъ оперную танцовщицу. Наконецъ, когда Робеспьеръ захотѣлъ положить руку еще на нѣкоторыхъ членовъ Конвента, они его предупредили, и, съ помощью народнаго возстанія, арестовали кровожаднаго тигра. Когда его вели на казнь, одинъ старикъ подошелъ къ нему и молвилъ: „Стало, есть еще Богъ!“

Послѣ этого, умѣреннѣйшіе члены Конвента взяли перевѣсъ; переполненные тюрьмы были открыты; якобинскіе клубы заперты. Въ 1795 года, Національный Конвентъ учредилъ новое правленіе, съ болѣе-умѣренной народной властью, въ которомъ было два народныхъ собранія: *советъ пятисотъ*, предлагавшій и составлявшій законы, и *советъ старшинъ* (изъ 250 членовъ), который утверждалъ законы. Исполнительная власть поручена была пятерымъ директорамъ.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.

1.

Наполеонъ Бонапартъ родился, 15 мая 1769 г., въ *Аяччю*, главномъ городѣ итальянскаго острова *Корсики*, незадолго передъ тѣмъ присоединеннаго къ Франціи. Отецъ его, корсиканскій дворянинъ, былъ небогатый адвокатъ; его мать, съ величайшей заботливостію, воспитывала вообшѣрьхъ дѣтей своихъ (пять сыновей и три дочери). По ходатайству намістника Корсики, Наполеонъ помѣщенъ былъ королевскимъ стипендіатомъ въ Бриеннскую военную школу, откуда и вышелъ офицеромъ. Еще мальчикомъ, менѣе 14-ти лѣтъ отъ роду, Наполеонъ уже былъ удивительно серьезенъ, презиралъ игры товарищей и искалъ уединенія. Въ немъ проявлялась рѣшительная склонность къ военнымъ наукамъ; онъ любилъ заниматься математикою, примѣняя ее къ военному дѣлу. Военныя науки, неминуемо, имѣли могущественное вліяніе на его характеръ: онъ заставилъ его смотрѣть на людей, какъ на машины или какъ на враговъ, которыхъ надо перехитрить, одолѣть, или, по правиламъ мудрости, — уничтожить и истреблять. Побѣждать и властвовать съ раннихъ поръ сдѣлалось страстью Наполеона. Онъ для того лишь и сблизился съ своими товарищами, чтобы вмѣстѣ съ ними и посредствомъ ихъ, вести войну въ маломъ видѣ, — а въ тоже время безпрестанно мечталъ онъ и о настоящей войнѣ: извѣстно, какъ онъ соорилъ товарищей, какъ затѣвалъ маленькіе заговоры противъ учителей, какъ приобрѣталъ отъ всего этого вліяніе надъ сверстниками. Замѣчательно и то, что онъ особенно сдружился съ двумя, отличавшимися тугоуміемъ, товарищами и такъ привязалъ ихъ къ себѣ; что они, въ благоговѣйномъ сознаніи его превосходства, служили слѣпыми орудіями для исполненія его плановъ.

Послѣ математики, больше всего занимала Наполеона исторія древняго міра. Смѣлыя, великія предпріятія древности возбуждали въ немъ сознаніе собственной нравственной силы, а каждый удавшійся подвигъ, каждая побѣда приводили его въ восторгъ, — насколько онъ былъ способенъ восторгаться. Особенно по душе были ему герои Плутарха, за то Тацита

онъ не терпѣлъ и называлъ клеветникомъ Нерона. Впослѣдствіи, нравились ему мрачныя картины сдѣла, въ мѣсяцѣхъ Оссана. Примѣромъ для себя онъ избралъ Спартанцевъ, какъ въ перенесеніи всяческихъ трудовъ и невзгодъ, такъ и въ воинственности и сжатости рѣчи, сжатости, дѣлавшей иногда сомнительнымъ истинный смыслъ словъ. Подражая спартанскимъ оборотамъ рѣчи, онъ, точно, приобрѣлъ большой навыкъ выражать многое въ немногихъ словахъ и такъ еще, чтобы смыслъ этихъ словъ всегда заключалъ въ себѣ больше, чѣмъ могли понять слушатели.—Уже на 14-мъ году отъ роду, во всемъ существѣ его рѣзко отпечатался твердо-очертанный, самостоятельный (*être saisi*—какъ онъ самъ о себѣ говорилъ), замкнутый и могучій характеръ. Одинъ изъ учителей его высказалъ о немъ такое мнѣніе: „Корсиканецъ по рожденію и по характеру, онъ пойдетъ далеко, если обстоятельства будутъ благопріятны“.

Онъ, прежде другихъ, прошелъ курсъ въ Бриеннской школѣ и былъ отправленъ въ Парижъ для окончанія образованія. Спустя восемь мѣсяцевъ, онъ поступилъ артиллерійскимъ офицеромъ въ королевскую армію. При исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ отличался точностью и вообще ревностью къ службѣ. Когда вспыхнула революція, онъ принялъ сторону народа, а въ 1793 г., въ первый разъ отличился, направляя дѣйствія осадной артиллеріи противъ Тулона, занятаго въ то время Англичанами. Въ 1794 г., онъ былъ уже генераломъ; но, по низверженіи Робеспьера, былъ арестованъ, какъ сторонникъ его принциповъ. Впрочемъ, онъ скоро получилъ свободу, но оставался безъ дѣла до 1795 г., когда Конвентъ поручилъ ему усмирить мятежныхъ гражданъ и онъ исполнилъ это, приказавъ стрѣлять въ нихъ картечью. Дѣло это показало, чего можно было ожидать и чего опасаться отъ молодого генерала, ибо и тогда уже замѣчали въ немъ что-то грозное, что-то весьма пригодное для военныхъ цѣлей, и, въ обыкновенное время, заставлявшее сторониться отъ него. Впрочемъ, такимъ знали его только тѣ, кто былъ къ нему близокъ.

Директорія, ставшая во главѣ правленія, задумала уничтожить Австрію, могущественнѣйшаго врага своего на материкѣ. По плану Директоріи, въ сердце Австріи должны были проникнуть: генералъ *Журданъ* черезъ Франконію, *Моро* черезъ Швабію, а *Бонапартъ* черезъ Италію,—чтобы потомъ, подъ стѣнами столицы, предписать императору

условія мира. Такимъ образомъ, Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянскою арміею.

2.

Главнокомандующему итальянскою арміею приходилось бороться съ величайшими затрудненіями: войско его было въ бѣдственномъ положеніи, — безъ денегъ, безъ одежды, безъ дисциплины и порядка; то было истинное скопище оборванцевъ. Но лишь явился Бонапартъ, все перемѣнилось; духъ полководца, съ непреодолимой силой, овладѣлъ сердцами его солдатъ; бодрость и порядокъ водворились въ войскѣ; одушевленное новымъ мужествомъ, последовало оно за своимъ вождемъ. Австрійскій генералъ Боде, посѣдѣвшій въ войнахъ, былъ разбитъ; испуганный король Сардинскій первый отсталъ отъ союза съ Австріей и попросилъ перемирія, — онъ получилъ его, но цѣною огромныхъ пожертвованій. Неудержимо стремился Наполеонъ все впередъ и впередъ. При *Лоди*, Австрійцы поставили, при входѣ на мостъ черезъ рѣку Адду, страшную батарею. Но Наполеонъ рѣшился на приступъ. По приказанію его, 3,000 гренадеръ, съ криками: „да здравствуетъ республика!“ бросились въ штыки къ мосту. Смертоносный картечный огонь вырвалъ цѣлые ряды нападающихъ, оробѣвшіе гренадеры начали было отступать, но вдругъ генералы *Бертъе*, *Массена* и *Ланнз* стали во главѣ колонны, перевели ее бѣгомъ черезъ мостъ, захватили пушки батареи, разбили и обратили въ бѣгство австрійское войско. Эта побѣда, одержанная 10 мая 1796 г., привела въ изумленіе и ужасъ всю Италію. Прежде всѣхъ поспѣшили просить мира герцоги Парискій и Моденскій. Но миръ дорого достался имъ: они принуждены были заплатить громадную военную контрибуцію да выдать Бонапарту драгоцѣнныя картины и другіе памятники искусства, которые онъ отослалъ въ Парижъ, чтобы пріобрѣсть трофеями этими расположеніе тщеславныхъ и пристрастныхъ ко всякимъ ардіямъ гражданъ столицы Франціи. Папа и король Неаполитанскій тоже просили мира и заплатили за него огромныя суммы денегъ. Императоръ Францъ отправилъ въ Италію генерала *Вурмзера* со свѣжими войсками; но не смотря на храбрость свою, и Вурмзеръ не смогъ остановить усѣхъвъ республиканскаго генерала и солдатъ его, вдохновен-

ныхъ. ~~эпизодами~~. Разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Вурмбергъ принужденъ былъ запереться въ Мантуѣ. Здѣсь осаждался онъ, какъ левъ, и не терялъ мужества, не смотря на страшный недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. На выручку осажденныхъ, императоръ послалъ въ Италію новое войско, подъ предводительствомъ генерала *Альвинци*. Тогда, послѣ многихъ незначительныхъ стычекъ, произошло, 18 ноября 1796 г., генеральное сраженіе при дер. *Арколи*.

Деревня эта лежитъ на рѣкѣ Альпонѣ, которая, протекая чрезъ пересѣченную болотами равнину, впадаетъ въ Эть (Адигъ). Мостъ на Альпонѣ находился подъ прикрытіемъ австрійской артиллеріи, стоявшей на другомъ берегу. За обладаніе мостомъ и деревней три дни сряду бились почти съ нечеловѣческими усиліями. Цѣлыя колонны наступавшихъ республиканцевъ были уничтожены смертоноснымъ огнемъ Австрійцевъ. Нѣсколько разъ французскіе генералы бросались на мостъ съ своимъ войскомъ въ штыки и нѣсколько разъ были отброшены съ большимъ урономъ. Тогда Бонапарте, схвативъ знамя, съ крикомъ: „за мной!“ бросился самъ, подъ градомъ ядеръ, на мостъ. Уже достигъ онъ середины моста и водрузилъ знамя въ знакъ побѣды, какъ явился новый отрядъ Австрійцевъ—и страшная свалка произошла на мосту. Передовые ряды Французовъ начали отступать, увлекая за собою отважнаго своего генерала. Въ суматохѣ, столкнули его съ моста и онъ увязъ по поясъ въ болотѣ. Австрійцы уже окружили—было его, когда гренадеры замѣтили опасность. Раздался общій крикъ: „впередъ! спасайте генерала!“—солдаты яростно ринулись на непріятеля, оттѣснили его за мостъ и спасли Наполеона. Въ то же время французская колонна показала въ тылу Австрійцевъ; пораженное ужасомъ, австрійское войско отступило.

• Эта кровопролитная битва рѣшила участь Мантуи. Истощивъ всѣ средства сопротивленія, Вурмбергъ сдался военно-плѣннымъ со всѣмъ своимъ 20-ти-тысячнымъ гарнизономъ. Австрія принуждена была заключить Кампо-формійскій миръ, по которому уступила Франціи Бельгію и итальянскія свои владѣнія, а взамѣнъ того получила большую часть Венеціанской Республики, которую Бонапарте отдалъ Австріи, еще прежде чѣмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ, т. е. онъ напередъ обманилъ ее Австрію, а потомъ уже завоевалъ. Изъ австрійскихъ владѣній въ Италію

Бонапарте образовалъ Цизальпинскую-Республику съ главнымъ городомъ Миланомъ, а изъ Генуэсской территоріи—Республику Лигурійскую.

3.

Увѣнчанный славой, покинулъ Наполеонъ мѣсто своихъ первыхъ блестящихъ побѣдъ и возвратился во Францію. Въ это время у Французской Республики оставался одинъ только врагъ, еще непобѣжденный,—могущественная владычица морей, Англія. Всѣ усилія Директоріи были направлены противъ этой державы, и 28 октября 1797 г. Бонапарте былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, собранной для борьбы съ Англіею. Во всѣхъ гаваняхъ сѣверныхъ береговъ Франціи начались грозныя приготовленія къ войнѣ. Множество войскъ было собрано воокъ Канала. Всѣ французскія газеты возвѣщали высадку въ Англію, что немало озаботило лондонскихъ жителей и заставило ихъ принять сильныя мѣры къ оборонѣ. Пока готовились вооруженія на Каналѣ,—въ Тулонѣ и на итальянскомъ берегу тоже собирались корабли и войска. Съ апрѣля 1798 г. начали громко поговаривать, что эти приготовленія предназначаются противъ Египта, дабы двинуть армію въ Остъ-Индію и положить конецъ британскому владычеству въ Азіи.

Предпріятіе это казалось всѣмъ до того рискованнымъ и даже страннымъ, что никто не хотѣлъ и вѣрить ему. Однако, Директорія охотно поддерживала смѣлый планъ уже изъ-за того одного, чтобы удалить изъ Франціи страшнаго корсиканца съ храброй его арміею. 19 мая 1798 г. Бонапарте съ сорокатысячнымъ сухопутнымъ войскомъ отплылъ изъ Тулона на флотѣ, состоявшемъ болѣе чѣмъ изъ 400 кораблей. Попутный вѣтеръ быстро гналъ по великому водному пространству плывучій городъ. Всѣ солдаты были одушевлены мужествомъ и бодрой увѣренностью. Знаменитые генералы: Десе, Клеберъ, Мюратъ участвовали въ экспедиціи; тутъ были то же ученые и художники—они надѣялись сдѣлать драгоцѣнныя открытія на древней почвѣ прославленнаго чудесами Египта.

10 іюня флотъ показался передъ Мальтою. Почти неприступная, расположенная на скалѣ, крѣпость была взята безъ боя, черезъ измѣну французскихъ рыцарей, находившихся въ Мальтѣ. Оставивъ на островѣ

гѣрizei въ 4.000 чѣл., Бонапарте поплылъ дальнѣе. Между тѣмъ, англійскій адмиралъ Нельсонъ съ большимъ флотомъ крейсировалъ по Средиземному морю, гоняясь за Французами,—и только благодаря необыкновенно-счастливой случайности, проплыли они незамѣченными мимо англійскаго флота. 1 іюля Французы пристали къ берегу, близъ Александріи, въ Египтъ. Въ ту минуту, какъ подплывали они къ твердой землѣ, показался вдали корабль, который приняли-было за непріятельскій. „О счастье!—воскликнулъ Наполеонъ: неужель ты покинешь меня? Еще пять дней—и все спасено.“ Счастье не измѣнило ему. Замѣченный вдали корабль былъ французскій. Бонапарте безпрепятственно высадилъ на берегъ войска, вслѣдъ затѣмъ взявъ приступомъ Александрію и быстро двинулся къ *Каиру*, столицѣ Египта. Для успокоенія туземнаго народа, онъ возвѣстилъ прокламаціей, что является въ Египетъ, какъ другъ султана, что идетъ войною на враговъ его, *Мамелюковъ*, что только и желаетъ освободить отъ нихъ страну. Но Порта не поддалась этимъ увѣреніямъ и объявила войну Наполеону. Французамъ пришлось бороться съ чрезвычайными трудностями: дорога въ Каиръ шла черезъ обширную, песчаную пустыню, гдѣ они подвергались безпрестанно нападеніямъ наѣздниковъ Мамелюковъ,—кто хоть нѣсколько отдѣлялся отъ войска, тотъ погибалъ непременно; на быстрыхъ коняхъ своихъ Мамелюки налетали неожиданно и мгновенно исчезали. Но не смотря на всѣ труды и опасности, Французы шли бодро впередъ, даже шутили иногда и смѣялись; такъ, во время похода они тѣшились тѣмъ, что ословъ, навьюченныхъ поклажею ученыхъ, называли полуучеными. Всякій разъ, какъ при атакѣ Мамелюковъ, генералъ командовалъ: „стройся въ карѣ! ословъ и ученыхъ въ середину!“—громкій смѣхъ раздавался въ рядахъ солдатъ.

21 іюля 1798 при восхожденіи солнца Французы увидали пирамиды. Изумленное войско само собою остановилось и привѣтствовало криками эти исполинскіе памятники глубокой древности. Замѣтивъ это, Бонапарте воскликнулъ съ энтузіазмомъ: „Французы! вы дадите сегодня битву повелителямъ Египта. Не забывайте, что съ высоты этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ взираютъ на васъ!“ Съ невиданнымъ дотогѣ мужествомъ, напали Французы на стоявшія у пирамидъ войска Мамелюковъ и одержали блистательную побѣду. Со времени этой побѣды Египтяне

немнѣе называли Наполеона, какъ султаномъ Бабиромъ, т.е. „отцомъ огня.“ Спустя нѣсколько дней, Каиръ отворилъ ему ворота.

4.

Межъ тѣмъ какъ Наполеонъ вступалъ въ столицу Египта, Нельсонъ настигъ-таки (1-го августа) французскій флотъ въ Абукирской гавани и тутъ произошла страшная морская битва. Бились ровно полтора сутокъ, — и наконецъ весь французскій флотъ былъ уничтоженъ. Англичане властвовали теперь надъ Средиземнымъ моремъ отъ Гибралтара до Александріи, Бонапарте былъ отрѣзанъ отъ Франціи; Турки и Англичане готовились напасть на него на Суэзскомъ-Перешейкѣ. Но онъ предупредилъ ихъ, прошелъ черезъ Суэзскій-Перешеекъ въ Сирію и Палестину и сталъ передъ крѣпостью Акрой. Тамъ, въ первый разъ, упорство его было сломлено. Болѣе двухъ мѣсяцевъ стоялъ онъ подъ крѣпостью; три дня сряду пытался взять ее приступомъ—и все было тщетно. Онъ принужденъ былъ отступить—и всѣхъ своихъ больныхъ и раненныхъ покинулъ на жертву озлобленному непріятелю.

Онъ хорошо понималъ, что роль его въ Египтѣ — кончена. А между тѣмъ изъ писемъ, получаемыхъ имъ изъ Европы, онъ видѣлъ, что тамъ открывается поприще выгодное для его честолюбія. Съ тѣмъ же счастьемъ, какое сопровождало его въ Египетъ, онъ воротился во Францію. Не соблюдая строгихъ карантинныхъ правилъ, прямо съ берега отправился онъ въ Парижъ. Вся Франція, запутанная въ несчастную войну противъ Россіи и Австріи, отъ него одного ожидала спасенія и побѣды—и Директорія, слишкомъ слабая для великой своей задачи, вынуждена была уступить силѣ. Скоро Бонапарте склонилъ на свою сторону многихъ вліятельныхъ людей и, между прочими, хитраго Сійеса. Перепуганные Директоры подали въ отставку — и онъ получилъ отъ Сената (Совѣта Старшинъ) верховное начальство надъ всѣми военными силами Франціи. Уже и въ началѣ, многіе предчувствовали, къ чему поведетъ такая военная диктатура. Республиканская партія въ Сенатѣ и въ Пятисотенномъ Совѣтѣ рѣшилась дѣйствовать. Въ засѣданіи Пятисотеннаго Совѣта, въ Сенъ-Клу, раздавались голоса республиканцевъ: „Долой диктатора! поставить его внѣ закона!“ Бонапарте вошелъ въ залу засѣданія съ нѣсколькими гре-

надерами. Страшные крики встрѣтили его; кто-то схватилъ его за воротникъ; рассказываютъ даже, что нѣкоторые члены Совѣта бросились на него съ кинжалами. Только съ помощью гренадеровъ, избавился онъ отъ ярости враговъ. На дворѣ онъ собралъ солдатъ, и сказалъ имъ: „у меня есть враги; могли на васъ положиться?“ „Да здравствуетъ Бонапарте!“ отвѣчали солдаты. Тотчасъ же приказалъ онъ генералу Моро двинуться сомкнутой колонной въ залу и разогнать собраніе. Забили тревогу, разомали двери залы и по командѣ: „впередъ!“ гренадеры съ применутыми штыками заняли все протяженіе залы. Въ одну минуту всѣ члены собранія повискакали изъ оконъ и дверей.

15-го декабря 1799 г. введена была въ дѣйствіе новая государственная конституція — четвертая въ теченіи десяти лѣтъ. Трое консуловъ были избраны на десять лѣтъ; первымъ консуломъ и собственно правителемъ сдѣлался Бонапарте. Отъ него зависѣли всѣ назначенія на военныя и гражданскія должности; онъ одинъ былъ главнокомандующимъ войска. Впрочемъ, пора уже было установить болѣе прочный порядокъ, а порядокъ этотъ могла поддержать только желѣзная рука властителя.

Франція возродилась, военное поприще открылось побѣдами. *Моро* перешелъ Рейнъ, самъ Бонапарте, какъ нѣкогда Аннибалъ, перешелъ въ Италію черезъ Большой Сен-Бернардъ; 5-го мая 1800 г. онъ выигралъ у Австрійцевъ большое сраженіе при *Маренно*. Послѣдствіемъ этой побѣды было завоеваніе всей Италіи. Когда же Моро одержалъ блистательную побѣду (3-го декабря) при *Гоенлинденъ*, въ Германіи, и дошелъ до Линца, когда, съ другой стороны, русскій императоръ Павелъ отсталъ отъ союза противъ Франціи — императоръ Францъ, средства котораго были истощены десятилѣтней войною, былъ вынужденъ заключить въ 1801 г. миръ въ *Люневиллѣ* (въ Лотарингіи). По миру этому, Германія лишилась всего лѣваго берега Рейна; а всѣ нѣмецкіе князья въ вознагражденіе за то, что не помогали императору въ послѣдней войнѣ, получили отобранныя у духовенства (секуляризованныя) владѣнія.

Послѣ мира Бонапарте началъ неусыпно заботиться о внутреннемъ благосостояніи Франціи, объ уврачеваніи ранъ, нанесенныхъ ей революціею. Сообща съ папою Піемъ VI, онъ устроилъ церковныя дѣла и возстановилъ торжество общественнаго богослуженія. Онъ возстановилъ

также школы для воспитанія юношества, возраставшаго въ невѣжествѣ; для поощренія же торговли проводилъ искусственные пути сообщенія и ввелъ вообще болѣе порядка въ общественное управленіе. Казалось, что онъ желаетъ пріобрѣсть такую же славу правителя, какую пріобрѣлъ какъ полководецъ. Панегиристы говорили о немъ, что съ величіемъ Александра онъ соединяетъ мудрость Солона. За великія заслуги отечеству, сенатъ назначилъ его (3-го августа 1802) консуломъ *на всю жизнь*. Въ то же время основанъ былъ орденъ Почетнаго Легіона для награды людямъ, чѣмъ бы то ни было оказавшимъ заслуги отечеству. Нетрудно было уже славолюбивому Бонапарте сдѣлать послѣдній шагъ къ единодержавію. Мнимый заговоръ противъ консула, участниками котораго были будто бы Пишегрю, завоеватель Голландіи, Жоржъ, Моро и принцъ Энгіенскій (внукъ принца Бондэ), подаль ему легкій предлогъ къ достиженію цѣли. Пишегрю былъ заключенъ въ темницу, въ которой и умеръ, вѣроятно, отъ руки убійцы; Жоржъ погибъ на гильотинѣ; Моро былъ изгнанъ; а принцъ Энгіенскій, коварно похищенный Французами изъ Германіи, разстрѣлянъ въ Венсенѣ, близъ Парижа, 20-го марта 1804 г.

Друзья всемогущественнаго Бонапарте безъ труда убѣдили народъ, что нельзя ожидать спокойствія, коли Бонапарте не сдѣлается монархомъ. Но королевскій титулъ былъ ненавистенъ для многихъ, поэтому Бонапарте долженъ былъ наименоваться императоромъ и въ этомъ самъ возстановить великую французскую монархію *Карла Великаго*. Такое предложеніе польстило тщеславію Французовъ, а послушный сенатъ принялъ на себя предложить консулу императорскую корону. Когда поднесли ему рѣшеніе Сената, онъ сказалъ съ притворнымъ равнодушіемъ: „я принимаю титулъ, который Сенатъ считаетъ полезнымъ для славы націи, и надѣюсь, что Франція никогда не раскается въ чести, дарованной ею моему дому“. 2-го декабря 1804 папа Пій VI торжественно и съ необычайнымъ великолѣпіемъ короновалъ его въ церкви Парижской Богоматери императоромъ, подъ именемъ Наполеона I.

Такимъ образомъ круговоротъ революціи, исходя отъ одной монархіи, довелъ до другой, почти также какъ было это и въ древнемъ Римѣ. Празднества всякаго рода, устроенныя съ восточной пышностію, возбуждали народъ радоваться окончанію грезъ его о свободѣ. Вскорѣ за тѣмъ *итальянская республика* избрала Бонапарте наслѣдственнымъ ко-

рележь Италиі. 26-го мая 1805 г. возложилъ онъ на свою голову желѣзную корону Лангобардовъ, промолвивъ при этомъ: „Богъ даровалъ мнѣ эту корону; горе тому, кто ея коснется!“

6.

Казнь принца Энгіенскаго, произволъ, съ какиѣмъ Наполеонъ обращался съ государями и народами, побудили прежнихъ враговъ Франціи снова вооружиться — уже противъ ея императора. Душой союза былъ неугомонный англійскій министръ *Питтъ*. Русскій императоръ *Александръ*, наслѣдовавшій Павлу, приступилъ къ коалиціи; напротивъ того, нѣкоторые нѣмецкія государства: Баварія, Баденъ и Виртембергъ прислали къ Французамъ. Наполеонъ быстро переправился черезъ Рейнъ, обошелъ австрійскаго главнокомандующаго, заперъ его въ *Ульмъ* и принудилъ сдаться съ 24,000 войска (1805 г.). Наполеонъ стремительно велъ походъ: не обнаживъ меча, вступилъ онъ въ Вѣну, потомъ обратился въ Моравію, гдѣ соединились русскія и австрійскія войска. Оба императора, Францъ и Александръ, находились при войскахъ своихъ. 2-го декабря 1805 г. произошло при *Аустерлицъ* рѣшительное сраженіе, въ которомъ союзныя войска были совершенно разбиты. Сокрушенный горемъ и заботами, императоръ Францъ принужденъ былъ заключить Пресбургскій миръ, по которому Австрія лишилась Венеціи, всего Тироля и владѣній въ Швабіи. Таковы были бѣдственныя послѣдствія для жалкой германской имперіи „битвы трехъ императоровъ,“ какъ называлъ Наполеонъ Аустерлицкое сраженіе въ высокопарномъ своемъ бюллетенѣ. Для довершенія же позора Германіи, Наполеонъ основалъ *Рейнский Союзъ*, по которому шестнадцать нѣмецкихъ князей отrekliсь отъ императора и отъ имперіи, признали *Наполеона протекторомъ* (покровителемъ) и обязались выставять Наполеону, для всякой войны его, 63,000 вспомогательныхъ войскъ. Тогда Францъ сложилъ съ себя неимѣвшій болѣе смысла титулъ германскаго императора, и съ 6-го августа 1806 г. сталъ именоваться императоромъ австрійскимъ. Такъ кончилась германская имперія, существовавшая тысячу лѣтъ.

Съ той поры Наполеонъ не зналъ границъ своей гордыни; какъ дешевые товары раздавалъ онъ владѣнія и короны своимъ генераламъ и

родственниковъ. Король Фердинандъ Неаполитанскій дозволилъ англійскимъ и русскимъ войскамъ высадиться въ его королевствѣ: тотчасъ Наполеонъ лапотноски выразился: „Фердинандъ пересталъ царствовать“, и большое войско подъ предводительствомъ Массены, „сына побѣды“, и Наполеонова брата, *Иосифа Бонапарте*, исполнило приговоръ властителя. Фердинандъ бѣжалъ за море въ Палермо, а 30-го марта 1806 г. Наполеонъ назначилъ королемъ Неаполитанскимъ брата своего Иосифа. Чтобы пристроить другаго брата, *Людвика*, Наполеонъ такъ подстроилъ дѣла, что Батавская республика (Нидерланды) выпросила себѣ Людовика въ короли (въ июнѣ 1806 г.). *Мюратъ*, бывшій прежде поваремъ, а впоследствии сдѣлавшійся зятемъ императора, получилъ герцогство Бергское и Клевское; маршалъ *Бертье* былъ сдѣланъ герцогомъ Нефшательскимъ.

7.

Съ неограниченной властью распоряжаясь Наполеонъ государями и народами въ Германіи. Воля его сдѣлалась закономъ; кто отъивался выражать другое мнѣніе, того непремѣнно достигала Наполеоновская инквизиція и кара, какъ государственнаго извѣнника. Нюрнбергскій книгопродавецъ *Пальмъ* распространять, не имѣя, впрочемъ, написанную брошюру: „Объ уничтоженіи Германіи“. За это внезапно схватили его французскіе жандармы, и онъ былъ расстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона.

Одна только Англія счастливо выдерживала тяжелую борьбу. Адмиралъ *Нельсонъ* вторично разбилъ и уничтожилъ французскій флотъ близъ мыса *Трафальгара*. Въ счастіе для Наполеона, умеръ непримиримый врагъ его, великій *Питтъ*, а отъ преемника Питта можно было ожидать выгоднаго мира. Для достиженія этого мира, и чтобы сдѣлать угодное Англіи, надо было уничтожить Пруссію, до тѣхъ поръ спокойно взиравшую на раздробленіе германской имперіи, на униженіе Австріи. Пруссійскій король, *Фридрихъ Вильгельмъ II*, много заботился о сохраненіи мира для своего народа; поэтому онъ согласился на предложеніе Наполеона, въ замѣнъ уступки Амшпаха, Клева и Берга, принять въ свое владѣніе *Ганноверъ*. Но вдругъ Наполеонъ предложилъ воз-

вратить Англичанамъ этотъ же самый Ганноверъ: тогда королю Прусскому не оставалось ничего другаго, какъ объявить войну Франціи. Пруссія стояла одна противъ завоевателя, только курфирстъ Саксенскій выслалъ ей 22,000 вспомогательныхъ войскъ. Борьба была не равная. Притомъ, прусскіе генералы были по большей части люди весьма пожилые и мало знакомые съ новыми способами веденія войны, а молодые офицеры были неопытны и заносчивы. Отъ всего этого и случилось несчастье. Быстро, форсированными маршами, двинулась главная армія Наполеона въ Турингію. Войско Пруссаконъ, раздѣленное на два корпуса, стояли подъ *Ауерштедтомъ* и подъ *Иеной*; первый корпусъ, подъ начальствомъ стараго герцога *Брауншвейгскаго*, второй подъ начальствомъ князя фонъ-*Гоенлоге*. Не успѣли они оглянуться, какъ непріятель стоялъ уже у нихъ въ тылу. 14-го октября произошла двойная битва при *Иенѣ* и при *Аерштедтѣ*. Въ этотъ бѣдственный день король потерялъ болѣе 50,000 солдатъ. Безпримѣрны были смятеніе и безпорядокъ. Принцъ *Гоенлоге*, настигнутый во время бѣгства, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 17,000 войска. Съ постыдной труеостію коменданты крѣпостей *Эрфурта*, *Мандебурга*, *Шпандау*, *Штетина* и *Кюстрина* передали ихъ Французамъ.

На третій день послѣ битвы курфирстъ Саксонскій разстался съ товарищемъ по несчастію; онъ приступилъ къ Рейнскому Союзу и, въ награду за это, получилъ отъ Наполеона титулъ короля. Печальна была судьба герцога Брауншвейгскаго, предводителя прусскихъ войскъ при Ауерштедтѣ. Тяжело раненный, бѣжалъ онъ въ свою резиденцію, и оттуда отправилъ пословъ къ Наполеону, просить у него пощады. Но разгнѣванный императоръ отвѣчалъ: „я не знаю никакого герцога Брауншвейгскаго, а знаю только прусскаго генерала этого имени“. Больной, лишенный зрѣнія, преслѣдуемый, старый герцогъ принужденъ былъ выѣхать въ Альтону, гдѣ и умеръ въ печальномъ изгнаніи.

8.

Остатки прусскаго войска соединились, по ту сторону Одера, съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь русскими войсками; 7-го и 8-го февраля 1807 г. произошла кровопролитная битва при *Прейсишъ-Эйлау*.

Обѣ стороны похвалялись побѣдою, и обѣ отступили съ поля сраженія. Наполеонъ издалъ прокламацію къ жителямъ Польши, возбуждая ихъ къ возстанію противъ старинныхъ ихъ критичесителей и обѣщая возстановить королевство Польское. Радостно поднялся народъ польскій на призывъ этотъ. 14-го іюня 1807 г. произошло, при *Фридландѣ*, кровопролитное сраженіе, въ которомъ Наполеонъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ русскими и прусскими войсками. Тогда императоръ Александръ сталъ просить перемирія и мира. Наполеонъ согласился на то и на другое. Оба императора и король прусскій съѣхались на рѣкѣ Нѣманѣ для личныхъ переговоровъ. Дальнѣйшіе переговоры повели они въ *Тильзитъ*. Туда явилась и королева *Луиза* прусская, типъ красоты и величія. Она хотѣла вымолить у грознаго побѣдителя почетный миръ, пощаду для народа и для государства. Но Наполеонъ остался непоколебимъ. Пруссія лишилась всѣхъ владѣній между Эльбой и Рейномъ, а сверхъ того, потеряла и польскія свои области съ городомъ Данцигомъ; польская страна получила названіе великаго герцогства Варшавскаго и почти вся была предоставлена королю Августу Саксонскому, часть прусской Польши получила Россія. Изъ странъ, лежащихъ между Рейномъ и Эльбой, изъ Ганновера, Брауншвейга и Гессенъ-Касселя, Наполеонъ составилъ Вестфальское королевство для младшаго своего брата Иеронима. Такимъ образомъ миниатюрная Франція образовалась въ самомъ сердцѣ Германіи.

Обрѣзанная въ своихъ владѣніяхъ, окруженная государствами, державшими сторону Франціи, Пруссія была совершенно подавлена. Въ это тяжелое время король Фридрихъ-Вильгельмъ, полагаясь на нравственную крѣпость и вѣрность своего народа, поддерживаемый благородными патриотами, предпринялъ ввести рѣшительныя улучшенія въ государственномъ управленіи и въ войскѣ. Онъ назначилъ первымъ министромъ барона *Штеина*, который подвергъ все старое пересмотру и преобразованію. Привилегія дворянства владѣть исключительно рыцарскими имѣніями была отиѣнена; среднее сословіе и крестьяне получили право приобрѣтать такія имѣнія. Принужденіе нести службу прекращено. Крестьяне получили свободу. Превосходное *городовое устройство* возвратило среднему сословію древнія, муниципальные права его, тѣ права, которыя сдѣлали его столь великимъ и сильнымъ. Каждая город-

ская община получила право избирать своихъ представителей. Въ подобномъ же духѣ преобразовано было и войско, — тутъ помогаль королю совѣтомъ и дѣломъ генераль *Шарнорст*. Между прочимъ, отиѣнено было позорное наказаніе палками. Возрожденіе чувства чести вызвало къ новой жизни чувство народности; солдатъ, сознавая въ себѣ гражданина, а не раба, какъ прежде, сражался съ охотой и любовью, между тѣмъ, какъ нѣкогда бился онъ только по принужденію. Скоро народъ понялъ чего ему не доставало. Нѣсколько человѣкъ, одушевляемыхъ любовью къ отечеству, съ цѣлію усилить эту любовь, основали въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи, *фрейнг* (т. е. клубъ), который, подъ названіемъ *тугендбунда* (союза добродѣтели), вскорѣ распространился по всей Пруссіи. Фонтъ-Штейнъ былъ душою всѣхъ этихъ стремленій, но Наполеонъ провѣдавъ объ этомъ, и Штейнъ былъ вынужденъ выйти въ отставку и даже удалиться изъ Германіи, потому что императоръ подвергъ его опалѣ, какъ возмутителя народа.

На мѣсто Штейна, поступилъ фонтъ-*Гардебергеръ*, такой же, какъ Штейнъ, горячій патріотъ и ревностный врагъ чужеземнаго владычества. Онъ былъ счастливѣе своего предшественника, ибо успѣлъ обмануть недоверчивость Французовъ и могъ безпрепятственно продолжать дѣятельность свою по части улучшеній. Умственное и нравственное образованіе проникало все могущественнѣе во все сословія народа, между тѣмъ какъ отдѣльныя благородныя личности, исполненныя пламенной любви къ родинѣ, какъ напр. Эрнестъ Морицъ *Армдт* и Лудовицъ *Янг*, — образовывали возрастающее поколѣніе. Устроены были гимнастическія заведенія, гдѣ юношество упражнялось въ верховой ѣздѣ, читалось благороднымъ ученіемъ о свободѣ и нравственности, и приобрѣтало мужество и воинственность.

Какъ въ Пруссіи, такъ и во многихъ другихъ германскихъ государствахъ, *національное чувство* пробудилось вновь тиетою тяжелаго униженія и вызвало негодованіе противъ чужеземнаго владычества.

Въ 1808 г. Наполеонъ силою и хитростію свергнулъ съ испанскаго престола Бурбоновъ и сдѣлалъ королемъ Испаніи брата своего,

Иосифа. Тогда возсталъ испанскій народъ и повелъ страшную войну противъ чужеземнаго войска. Наполеонъ узналъ, наконецъ, что такое *сила народа*. Онъ лично отправился въ Испанію, чтобы дать болѣе благопріятный оборотъ дѣлу. Между тѣмъ императоръ австрійскій приготовился къ войнѣ. Ободренный примѣромъ Испаніи, гдѣ военное искусство Наполеона сокрушилось о непоколебимую вѣрность народа, императоръ Францъ призывалъ весь народъ свой къ борьбѣ. Эрцгерцогъ *Карлъ* издалъ прокламацію ко всей нѣмецкой націи; въ ней говорилъ онъ: „Мы сражаемся за восстановление независимости и народной чести Германіи. Наше дѣло есть дѣло всей Германіи. Только тотъ изъ Нѣмцевъ врагъ нашъ, кто самого себя забываетъ“. Многія другія прокламаціи то же зывали къ германскимъ племенамъ: „Германцы! возстаньте изъ смертнаго сна безчестія! Неужели ваше имя сдѣлается посмѣшищемъ для всѣхъ вѣковъ?“ Наполеонъ приказалъ князьямъ Рейнскаго Союза двинуть войска свои противъ Австріи; Пруссія находилась еще подъ гнетомъ Франціи, и Наполеонъ, посмѣшно возвратившись изъ Испаніи, разбилъ австрійское войско. 10-го мая 1809 г. онъ вступилъ въ Вѣну и расположился въ императорской резиденціи Шенбруннѣ.

Эрцгерцогъ Карлъ двинулъ свое войско, изъ Богеміи къ Дунаю, на освобожденіе Вѣны. Наполеонъ выступилъ противъ него. Близъ селеній *Асперна* и *Эслимена* произошла битва, продолжавшаяся два дня. Съ той и съ другой стороны сражались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Иные клики служили какъ бы отголоскомъ классической древности; такъ на вызовъ скакавшей большими массами конницы Наполеона: „долой оружіе!“ австрійская пѣхота, непоколебимо сомнутая рядами, гордо и мужественно отвѣчала: „возьмите!“ Обаяніе непобѣдимости Наполеона было разсѣяно: въ первый еще разъ онъ потерпѣлъ пораженіе и съ трудомъ спасся на островѣ *Лобау*, лежащемъ на Дунаѣ. Храбрый маршалъ *Данн* остался на мѣстѣ сраженія; *Массена*, *Бессаръ* и многіе генералы были ранены. Французское войско непремѣнно погибло бы, еслибъ подоспѣло ожидаемое эрцгерцогомъ Карломъ подрывленіе. Но подкрѣпленіе не пришло; Наполеонъ выигралъ время для сбора своего войска, и при *Ваграмѣ* разбилъ Австрійцевъ. По *Шенбруннскому* миру Австрія потеряла опять 2058 кв. миль изъ своихъ владѣній и три съ половиною милліона подданныхъ.

Увѣнчанный новыми лаврами, Наполеонъ возвратился въ Парижъ. Вскорѣ затѣмъ, онъ развелся съ достойной любви супругой своей, *Жозефиной*, не давшей ему наследника престола, и сталъ просить руки *Маріи Луизы*, дочери австрійскаго императора, котораго лишилъ онъ половины его владѣній. Въ надеждѣ на миръ, сокрушенный императоръ долженъ былъ принести и эту жертву, свадьба была отпразднована въ Парижѣ 2 апрѣля 1810 г. съ необыкновенной пышностію.

10.

Всемогущій Наполеонъ стоялъ на недостигаемой высотѣ: одной рукою онъ угрожалъ изнемогающимъ врагамъ своимъ, другой захватывалъ области и цѣлыя государства. Съ престола Голландіи сигналъ онъ благомыслящаго брата своего Лудовика за то, что тотъ не хотѣлъ содѣйствовать угнетенію своихъ подданныхъ — Голландія была присоединена къ Франціи; всю сѣверозападную Германію, при устьяхъ Везера, Эмса и Эльбы, съ старинными ганзейскими городами: Бременомъ, Любекомъ и Гамбургомъ, отхватилъ въ свою власть, черезъ что Нѣмцы лишились великихъ своихъ рѣкъ, морскаго берега и морской торговли; папу изъ Рима увлекъ насильственно, присоединилъ римскую область къ Франціи и назначилъ римскимъ королемъ первенца своего сына. Могло ли что-нибудь противиться сильному властителю? Русскій императоръ былъ его союзникомъ, Пруссія и Австрія были обезсилены, Англія не могла ничего предпринять противъ него на твердой землѣ.

Зато, на морѣ Англичане были страшными врагами Наполеону. Они уничтожили всю морскую силу его и всю торговлю на морѣ. Какъ только французскій корабль выходилъ изъ гавани, Англичане тотчасъ захватывали его. Британцы и Испанцы, продолжавшіе храбро защищать свою свободу, казались единственными помѣхами для плановъ Наполеона. Онъ употреблялъ всѣ средства свергнуть Англію съ высоты, на которой она стояла. Страна эта была богата и могущественна черезъ торговлю, поэтому Наполеонъ задумалъ уничтожить торговлю ея, — и заперъ англійскими кораблями всѣ гавани Европы. Когда контрабандисты тайкомъ привозили англійскіе товары, Наполеонъ принуждалъ государей отыскивать эти товары и сжигать ихъ. Наполеону удалось уговорить Россію

приступить къ этой, такъ-называемой, „континентальной системѣ;“ Швецію же онъ принудилъ къ тому. Императоръ Александръ увидалъ скоро какіе неисчислимыя убытки несутъ его подданные отъ запрещенія Англичанамъ торговать въ Россіи—и смятилъ принятые противъ нихъ мѣры. Этимъ Наполеонъ очень оскорбился. Въ свою очередь оскорбилъ и онъ Александра, отнявъ владѣнія у его родственника, герцога Ольденбургскаго. Судьба влекла Наполеона къ роковому жребію,—онъ захотѣлъ помѣряться еще разъ съ императоромъ Александромъ, для того чтобы сломить окончательно силу Россіи и затѣмъ уже властвовать въ Европѣ на всей своей волѣ.

Наполеонъ сосредоточилъ всѣ силы своего государства для этой исполненной борьбы. Сборнымъ мѣстомъ для подвластныхъ ему народовъ онъ избралъ Польшу. Къ 480,000 чел. Французовъ и Итальянцевъ повелѣлъ онъ присоединить 100,000 союзныхъ нѣмецкихъ войскъ; Пруссія и Австрія принуждены были выставить каждая по 30,000 чел., для прикрытія фланговъ главной арміи Наполеона. Съ войскомъ болѣе чѣмъ въ полмилліона Наполеонъ перешелъ 24 и 25 іюня 1812 г. черезъ пограничную рѣку *Нѣманъ* и раздѣлилъ „великую армію“ на два войска: одно, подъ предводительствомъ маршала *Макдональда* и *Удино*, выслалъ онъ на Петербургъ, другое лично повелъ на Москву.

Итакъ, одновременно, онъ угрожалъ обѣимъ столицамъ Россіи. Но Петербургъ былъ спасенъ мужественными и искусными дѣйствіями генерала *Витгенштейна*; за то, Москвѣ предстояла страшная участь непріятельскаго нашествія.

Русское войско, противопоставленное арміи самого Наполеона, сначала было тоже раздѣлено на двѣ арміи, подъ начальствомъ генераловъ *Барклая-де-Толи* и князя *Багратиона*. Обѣ арміи эти постоянно отступали передъ стремительно-наступающимъ непріятелемъ. Наполеонъ хотѣлъ, не допустивъ ихъ до соединенія, по-одиночкѣ разбить; но несмотря на всѣ его усилія, русскія арміи, послѣ многихъ сраженій, изъ которыхъ особенно замѣчательно кровопролитное сраженіе подъ Смоленскомъ, окончательно соединились. Тѣмъ не менѣе, русское войско, отступившее подъ начальство одного уже Барклая-де-Толи, продолжало отступать. Планъ русскаго вождя состоялъ въ томъ, чтобы, не рискуя въ одну битву съ могучимъ непріятелемъ потерять все войско или осла-

бить его совершенно,—заманивать отступленіемъ Наполеона въ глубь страны, порозъ что должны были неминуемо ослабѣть силы и средства непріятеля. Между тѣмъ, войско русское, народъ русскій громко роптали, видя это постоянное отступленіе и не понимая его цѣли; къ ропоту даже примѣшивались глухія и несправедливыя обвиненія въ измѣнѣ,—и, удовлетворяя требованія общественнаго мнѣнія, императоръ Александръ назначилъ новаго главнокомандующаго, фельдмаршала князя *Кутузова-Смоленскаго*.

Вскорѣ по прибытіи арміи, Кутузовъ перешелъ къ наступательному движенію и рѣшился дать сраженіе при с. *Бородинѣ*. То была страшная битва: болѣе ста тысячъ человекъ вышло изъ строя съ обѣихъ сторонъ; Французы называютъ Бородинское сраженіе *битвой генераловъ*,—такъ много было убито и ранено ихъ въ этомъ сраженіи. Побѣда осталась нерѣшенною оттого, что Наполеонъ, ошеломянный грознымъ ходомъ боя, не рѣшился ввести въ дѣло свои резервы,—но русская армія, чрезвычайно-ослабленная громадными потерями, опять отступила къ Москвѣ. Войско, народъ, почти всѣ генералы русскіе, ждали новой, рѣшительной, *последней* битвы, подъ стѣнами древней столицы Россіи, ждали потому, что не могли допустить мысли оставить безъ боя Москву непріятелю,—но патріотическимъ ожиданіемъ этимъ не суждено было осуществиться. На военномъ совѣтѣ, въ подмосковномъ селѣ *Филатьевѣ*, Барклай-де-Толи подавъ мысль оставить Москву—Кутузовъ согласился съ нимъ, отступилъ фланговымъ движеніемъ на Калужскую дорогу, до с. Тарутина, и тѣмъ прикрылъ южныя, хлѣбородныя губерніи. Такъ рѣшена была участь Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшилась судьба великой войны и самого неутомимаго завоевателя.

Наполеонъ думалъ, что, со вступленіемъ его въ Москву, война будетъ кончена, что онъ заключить тамъ миръ на всей своей волѣ,—но страшно ошибся онъ въ своемъ разсчетѣ! 14 сентября (н. с.), онъ вступилъ безпрепятственно въ обширную и славную столицу Россіи. Къ великому изумленію его, не высыпали къ нему на встрѣчу толпы любопытнаго народа, какъ бывало въ другихъ, завоеванныхъ имъ, столицахъ. Мрачная тишина царствовала по всѣмъ улицамъ, словно на кладбищѣ, посреди могилъ. Почти всѣ жители бѣжали изъ Москвы и вывели съ собой имущество, кто сколько могъ; оставшіеся въ городѣ—скрывались

внутри домовъ. Императоръ расположился въ Кремлевскомъ дворцѣ—и вдругъ предстало предъ нимъ страдное зрѣлище: Москва загорѣлась во многихъ мѣстахъ. Поднявшаяся буря разнесла пламя во все концы,— скоро весь громадный городъ обратился въ огненное море. Напрасны остались все старанія потушить пожаръ. Высоко воздымавшееся пламя возвѣщало всему міру, что начался судъ надъ горделивымъ, грознымъ деспотомъ! Войско Наполеона принуждено было расположиться лагеремъ, частью на выгорѣвшихъ до-тла пустыряхъ города, частью же вокругъ его. Толпами бросались французскіе солдаты на дымящіяся развалины и отыскивали тамъ добычи. Вскорѣ, однако, кусокъ хлѣба сталъ для нихъ цѣннѣе, чѣмъ слитки золота.

Сожженіе Москвы разстроило весь планъ Наполеона. Войско его не имѣло ни жизненныхъ припасовъ, ни одежды, необходимой на зимнее время, ни даже крова. Оруженный, отсѣду врагами, отдѣленный громаднымъ пространствомъ отъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было бы получить подкрѣпленія людьми, жизненными припасами и военными снарядами, Наполеонъ видѣлъ, что нельзя ему зимовать въ Москвѣ. Отправлялись ли Франгузы на фуражировку,—на нихъ напали казаки и простой народъ, дикая ненависть котораго къ вторгнувшимся чужеземцамъ, *нехристямъ* была возбуждена до высшей степени. Между тѣмъ приближалось суровое время года; миновала уже половина октября. Наполеонъ предлагалъ было миръ, но ему отвѣчали, что война только-что начинается. Наконецъ, онъ рѣшился двинуться въ обратный путь (19 октября) и попытался было прорваться въ южныя губерніи Россіи, гдѣ могъ бы найти обильныя средства для содержанія своихъ войскъ; но это не удалось ему: послѣ кровопролитной битвы при Маломъ Ярославцѣ онъ принужденъ былъ начать отступленіе по той же трудной и дальней дорогѣ, по которой достигъ до Москвы, все черезъ тѣ же, и вообще скучныя мѣста, которыя были уже до-тла разорены недавнимъ движеніемъ громадныхъ войскъ, грабежами французскихъ фуражировъ, погромоиъ отъ русскихъ партизановъ, наконецъ, самими жителями, не хотѣвшими, чтобы запасы ихъ доставались въ руки врагамъ.

Ужасно было это отступленіе! Само небо казалось въ союзѣ съ Русскими; наступила необыкновенно ранняя, жестокая зима и настигла Франгузовъ на ихъ возвратномъ пути. Люди и лошади падали, истощенные

голодомъ и холодомъ, и снѣгъ, бѣлѣть саваномъ, покрывать павшія жертвы; вся дорога черезъ пустынные равнины, усыпалась трупами людей и лошадей, обломками орудій, багажемъ. Многие замерзали въ полѣ, вокругъ разложенныхъ огней, другіе были избиваемы казачами. Русская армія, преслѣдовавшая Французовъ, высылала противъ нихъ безпрестанно летучіе отряды казаковъ и легкой кавалеріи— и того было довольно для совершеннаго разстройства *великой арміи*: ежедневно гибли цѣлыя ея отряды. И нигдѣ не пришлось отдохнуть несчастнымъ Французамъ, впереди тоже не предвидѣлось отдыха; напротивъ, надо было спѣшить, во что бы ни стало, отступленіемъ: русскія арміи, подъ начальствомъ адмирала *Чичагова* и генерала Витгенштейна, спѣшили къ р. *Березинѣ*, на перерѣзъ великой арміи,—тутъ грозила ей конечная гибель. 27-го ноября Наполеонъ достигъ рѣки Березины, черезъ которую наскоро навели два моста. Страшная давка произошла на этихъ мостахъ, — ибо Русскіе слѣдовали по пятамъ и производили непрерывный картечный огонь по густымъ толпамъ Французскаго войска. Всякій снѣшилъ спастись, пока спасеніе было еще возможно. Иные изъ столпившихся на мосту сталкивали товарищей своего бѣдствія въ воду, чтобы только самимъ поскорѣе перебраться черезъ мостъ: многіе тутъ же были раздавлены колесами повозокъ и лафетовъ: другіе пытались достигнуть противоположнаго берега на плывучихъ льдинахъ—и погибли въ волнахъ. Наконецъ, мостъ подломился: переправа стала невозможна; всѣ, неуспѣвшіе перебраться на другой берегъ, были отрѣзаны и взяты въ плѣнъ. Французы потеряли при Березинѣ болѣе 30,000 человекъ.

5 декабря Наполеонъ покинулъ войско. Какъ нѣкогда Ксерксъ бѣжалъ изъ Греціи на утлой ладѣ, такъ и Наполеонъ, не дождавшись жалкихъ остатковъ своей великой арміи, въ плохихъ санникахъ спѣшилъ во Францію по снѣжнымъ равнинамъ Россіи, чтобы наскоро набрать новое войско. Главное начальство надъ уцѣлѣвшими остатками арміи онъ поручилъ Мюрату, королю Неаполитанскому. Съ той поры не стало уже вовсе порядка и дисциплины; солдаты, офицеры, генералы бѣжали куда понало; всякій думалъ только о своемъ спасеніи. Самая незначительная часть конницы имѣла еще лошадей. Голодные солдаты бросались на павшихъ животныхъ и пожирали ихъ съ жадностію. Когда

надалъ солдатъ, товарищи жидались на него, чтобы оставшіеся послѣ него одеждою обернуть себѣ руки и ноги. Часто, когда околѣнѣвшіе отъ стужи солдаты разводили огонь, вдругъ раздавался утрашающій крикъ: „казаки! казаки!“ и бѣдняки напрягали послѣднія силы своемъ къ бѣгству. Погибло болѣе 300,000 человѣкъ и 100,000 лошадей: жалкіе остатки великой арміи, оборванные и нищіе, пришли въ Германію. Такъ окончился столь гордо начатый походъ завоевателя.

11.

Генераль *Йоркъ*, стоявшій съ прусскими вспомогательными войсками у Нѣмецкаго моря, узнавъ объ отступленіи Наполеона, 30 декабря заключилъ съ Русскими договоръ, въ силу котораго воѣ находящіяся подъ его командою войска были объявлены нейтральными и заняли позицію между Мемелемъ и Тильзитомъ. Князь Шварценбергъ, сдѣлавъ тоже самое въ отношеніи австрійскихъ войскъ. Эти двѣ мѣры много содѣйствовали къ измѣненію порядка вещей въ Германіи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, за которымъ Наполеонъ всегда подозрительно наблюдалъ и которому грозилъ постоянно, проникнутый духомъ всего нѣмецкаго народа, принялъ внезапное рѣшеніе: въ январѣ 1813 г. онъ отправившись изъ Берлина въ Бреславль, заключилъ тамъ союзъ съ русскимъ императоромъ Александромъ и издалъ знаменитое „Воззваніе къ моему народу“, которое глубоко тронуло всѣхъ Пруссаковъ и вождь Нѣмцевъ. Воззваніе заключалось словами: „Богъ и твердая воля даютъ рують побѣду нашему доброму дѣлу, а выѣстъ съ добѣдой возвратитесь для насъ лучшія времена.“ Прусскій народъ, раздѣлявшій мысли и чувства короля, возсталъ съ восторгомъ. Юноши и пожилые люди добровольно спѣшили стать въ ряды войска, съ рѣшимостью, битвы за самыя сочашія блага свои: за честь и свободу, за короля и отечество. Никого не надо было приневоливать къ военной службѣ: люди всѣхъ сословій: пасторы, школьные учителя, студенты, дворяне, горожане и крестьяне радостно становились подъ знамена; у всѣхъ была одна цѣль: свергнуть съ себя постыдное иго Французовъ. Горожане и крестьяне образовали ландверъ (земское ополченіе), и вождей ихъ король уравнивалъ въ чести и достоинствѣ съ прочими предводителями войска. Такъ какъ да:

нежные средства государства были истощены, народъ добровольно принималъ на себя налоги; самые бѣдные клали на алтарь отечества береженную копилку. Женщины и дѣвушки продавали свои украшения; нѣкоторые изъ нихъ стригли даже себѣ косы и вырученные за нихъ деньги приносили въ даръ отечеству.

Пруссія отважно сдѣлала первый шагъ въ общій дѣлъ всего нѣмецкаго отечества; Австрія держала себя пока нейтрально; весь Рейнскій Союзъ, въ особенности же Саксонія, король которой считалъ себя обязаннымъ благодарностію Наполеону, держались еще за иноземное владычество. Между тѣмъ, Наполеонъ съ необычайными усиліями собралъ новое войско, наскоро обучилъ его и вывелъ въ поле. Онъ все еще надѣялся на свое военное искусство, на обаяніе своего имени. Первое генеральное сраженіе произошло при *Люценъ* и *Гроссгершенъ*. Наполеонъ побѣдилъ, но союзники отступили за Эльбу въ отличномъ порядкѣ. Второе сраженіе было при *Бауценъ*; опять побѣдилъ Наполеонъ, но Пруссакъ и Русскіе такъ мастерски отступили, что непріятель не осмѣлился ихъ преслѣдовать.

Наполеонъ заключилъ перемиріе, продолжавшееся съ 4 іюня до 17 августа; обѣ стороны приготовились съ свѣжими силами вступить въ новую борьбу. Тестъ Наполеона, императоръ *Францъ*, выступилъ посредникомъ и устроилъ конгрессъ въ Прагѣ. Но Наполеонъ не хотѣлъ уступить ни на волосъ и показывалъ, что не желаетъ мира. Тогда и императоръ Францъ объявилъ ему войну; 300,000 его солдатъ примкнули къ войскамъ союзниковъ. Нападеніе на Наполеона, при Дрезденѣ, не удалось, зато союзники одержали побѣды при Вульмѣ, Кацбахѣ, Гросбергенѣ и при Денневицѣ.

Чередъ дошелъ и до самого Наполеона. Союзныя войска стаялись плотнѣе и старались зайти ему въ тылъ. Онъ отступилъ къ Лейпцигу. Союзники послѣдовали за нимъ: 16 октября началась исполнская битва. Болѣе 300,000 союзниковъ (Австрійцевъ, Пруссаковъ, Русскихъ, Нидерловъ) стояли противъ 200,000 Французовъ; съ шести часовъ утра гремѣло болѣе 1000 пушекъ; земля колебалась отъ этого грома. Нѣсколько времени побѣда оставалась нерѣшенной. Всѣ усилія союзниковъ сокрушались о стремительную храбрость Французовъ и Поляковъ; самъ Наполеонъ нѣсколько разъ проскакалъ посреди огня, ободряя войска и

генераловъ. Въ три часа по полудни Французы сдѣлали уже такія успѣхи, что Наполеонъ послалъ гонца въ Лейпцигъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и приказалъ звонить во все колокола. Но Австрійцы и Русскіе заняли опять свои позиціи, а вождь Пруссакъ Блюхеръ опрокинулъ Французовъ и оттѣснилъ ихъ къ Лейпцигу. 17 октября пришлось воскресенье и битва была приостановлена. Наполеонъ предложилъ союзникамъ перемиріе, но они уже не хотѣли слушать его предложеній. Рано утромъ, 18 октября, возобновился страшный бой; тогда давно-ожидаемый наслѣдникъ принца шведскій подоспѣлъ съ сѣверной арміей. Во время сраженія, Саксонцы измѣнили Наполеону и почти всѣ погибли. Но напрасно Наполеонъ употреблять всѣ силы свои и искусство: онъ былъ побѣжденъ, войска его отступили къ Лейпцигу.

Утромъ 19-го начался съ трехъ сторонъ приступъ къ Лейпцигу. Нѣсколько дней уже весь городъ былъ наполненъ убитыми и ранеными; принуждены были открыть шлюзы, чтобы могла стечь накопившаяся кровь. Мандональдъ и Понятовскій должны были защищать городъ до послѣдней минуты, и потомъ прикрывать отступление. Послѣ десяти часовъ Наполеонъ оставилъ городъ; вскорѣ затѣмъ взлетѣлъ на воздухъ, подкопанный минами, каменный мостъ на Эльстерѣ. Тогда возобновился березинскій день. Многие потонули при переправѣ черезъ Эльстеръ, а между прочими и князь Понятовскій; почти всѣ остальные были отрезаны и взяты въ плѣнъ. Потеря Французовъ, въ этой четырехдневной „битвѣ народовъ“, простиралась до 80,000 чел.; союзники лишились около 50,000. Съ остатками войска Наполеонъ бѣжалъ къ Рейну; могущество его было сломлено.

12.

Союзники предложили миръ Наполеону съ условіемъ, чтобы онъ удовольствовался одною Франціею, съ границами до Рейна, но онъ не согласился на это, и они рѣшились перенести войну во Францію, чтобы уничтожить силу и власть завоевателя, въ теченіи столькихъ лѣтъ нарушавшаго спокойствіе Европы и дерзко игравшаго, для потѣхи своего честолюбія, судьбами народовъ.

Началась компанія 1814 г. Несмотря на побѣды Наполеона, развернувшаго въ это время свой военный геній, союзники, силы которыхъ значительно превышали силы императора Французовъ, все подвигались впередъ, къ Парижу. 31 марта они вступили въ столицу Франціи, послѣ битвы на высотахъ *Монмартра*. Затѣмъ учреждено было временное правительство, во главѣ котораго находился *Таллеранъ*. Этотъ хитрый дипломатъ и интригантъ тутъ же началъ дѣйствовать въ видахъ восстановления Бурбоновъ.

Между тѣмъ, маршалы стали измѣнять Наполеону; силъ для дальнейшей борьбы у него уже не было—и онъ сначала отказался отъ трона (4 апрѣля) въ пользу своего сына, а потомъ подписалъ актъ безусловнаго отреченія. Онъ получилъ во владѣніе островъ *Эльбу*, у береговъ Италіи, съ титуломъ императора и съ 2 милліонами франковъ ежегоднаго дохода, а супругѣ его, Маріи-Луизѣ, дано было герцогство Пармское. Горестно простился онъ на дворѣ замка Фонтенебло, гдѣ подписалъ и отреченія, съ гренадерами своей гвардіи—и 4 мая высадился на свой маленькій островъ. Но не тутъ должна была кончиться его тревожная жизнь.

Франція была приведена въ границы 1792 г. Бурбоны во Францію возвратились; король *Лудовикъ XVIII* долженъ былъ царствовать въ ней при конституціонномъ устройствѣ. Но Бурбоны и возвратившіеся съ ними эмигранты, въ изгнаніи своемъ, „ни чему не научились и ничего не забыли.“ Правительство видимо стремилось къ реакціи, эмигранты добивались возвращенія потерянныхъ своихъ имѣній и феодальныхъ правъ. Ненависть партій сильно разыгралась; всеобщее неудовольствіе на новый порядокъ господствовало всюду, въ столицѣ и провинціяхъ,—и тѣмъ было сильнѣе оно, что у всѣхъ еще свѣжо и ярко было воспоминаніе о недавней славѣ Франціи, о недавнемъ преобладаніи ея надъ всей Европою. Вѣсти объ этомъ положеніи дѣлъ во Франціи постоянно доходили до Наполеона и шевелили въ немъ надежды на возвращеніе утраченной власти, а къ надеждамъ присоединились и опасенія за свою участь: доносились къ нему слухи, что на Вѣнскомъ конгрессѣ, собравшемся для возвращенія законныхъ династій на потерянные ими троны, для окончательнаго подавленія началъ, пущенныхъ въ ходъ революціею, а также для раздѣла завоеванныхъ и упраздненныхъ зе-

мелъ и вознагражденія союзниковъ, шла уже рѣчь о перемѣщеніи бывшаго императора Французовъ съ острова Эльбы на островъ св. Елены.

Наполеонъ недолго задумывался. 1 марта 1815 г. съ немногими приверженцами онъ высадился въ Фрежюсъ, на берегъ Франціи. Выходя на берегъ, онъ обратился къ бывшей тутъ толпѣ народа съ однимъ только, но многозначительнымъ словомъ: „граждане!“—въ словѣ этомъ онъ давалъ уразумѣть, что будетъ править уже не по-прежнему, на основаніи одного своего произвола, но соображаясь съ волею и желаніями народа. Скоро обаяніе недавней славы, а также ненависть къ Бурбонамъ и олицетворяемому ими старому порядку увлекли на сторону Наполеона все войско, многихъ генераловъ и государственныхъ людей, даже нѣтъ тѣхъ, которые еще недавно ему измѣнили, и наконецъ, — весь народъ. Бурбоны опять бѣжали изъ Франціи, а императоръ опять возвратился въ Тюильри. Онъ далъ конституцію странѣ, созвалъ представителей народа, — дѣятельность его въ эти *сто дней* правленія была истинно-громадна; но само-собою уразумѣется, что вся она проникнута была военнымъ характеромъ. Наполеону нужны были войска, всякіе военные припасы, деньги для веденія войны; война была единственной цѣлью всей этой страшной дѣятельности восстановленнаго правительства и народа. Войнѣ не предвидѣлась даже конца, — и бѣдный, славолюбивый народъ опять готовъ былъ жертвовать всеми своими средствами для поддержанія честолюбца, котораго, однако, счастье начинало уже показывать видимо и навсѣгда.

Борьба, предстоявшая императору и несчастной Франціи, съ перваго же взгляда являлась неровною. Объявивъ Наполеона внѣ покровительства закона, европейскія державы двинули противъ него громадные силы. И опять началась война, опять начались кровопролитныя битвы. Последний актъ страшной трагедіи разыгрался на поляхъ Бельгіи. Первые сраженія (при *Линьи* и *Ватрбра*) кончились въ пользу Французовъ. Но 18 іюня произошла при *Ватерлоо* послѣдняя битва Наполеона, рѣшившая его участь. Французская армія сражалась геройски, побѣда видимо клонилась на ея сторону; Англичане, подъ предводительствомъ *Веллингтона*, готовились уже отступить, но къ нимъ на подмогу подоспѣлъ *Блюхеръ* съ прусскою арміею — и дѣло приняло иной оборотъ; Французы были уже истомлены прежнимъ боемъ, не вмочь имъ было

боротся съ свѣжими силами другой непріятельской арміи, а генералъ *Груши*, котораго все ждалъ императоръ, не явился—пораженіе французской арміи было ужасно. Этотъ роковой день погубилъ все надежды Наполеона.

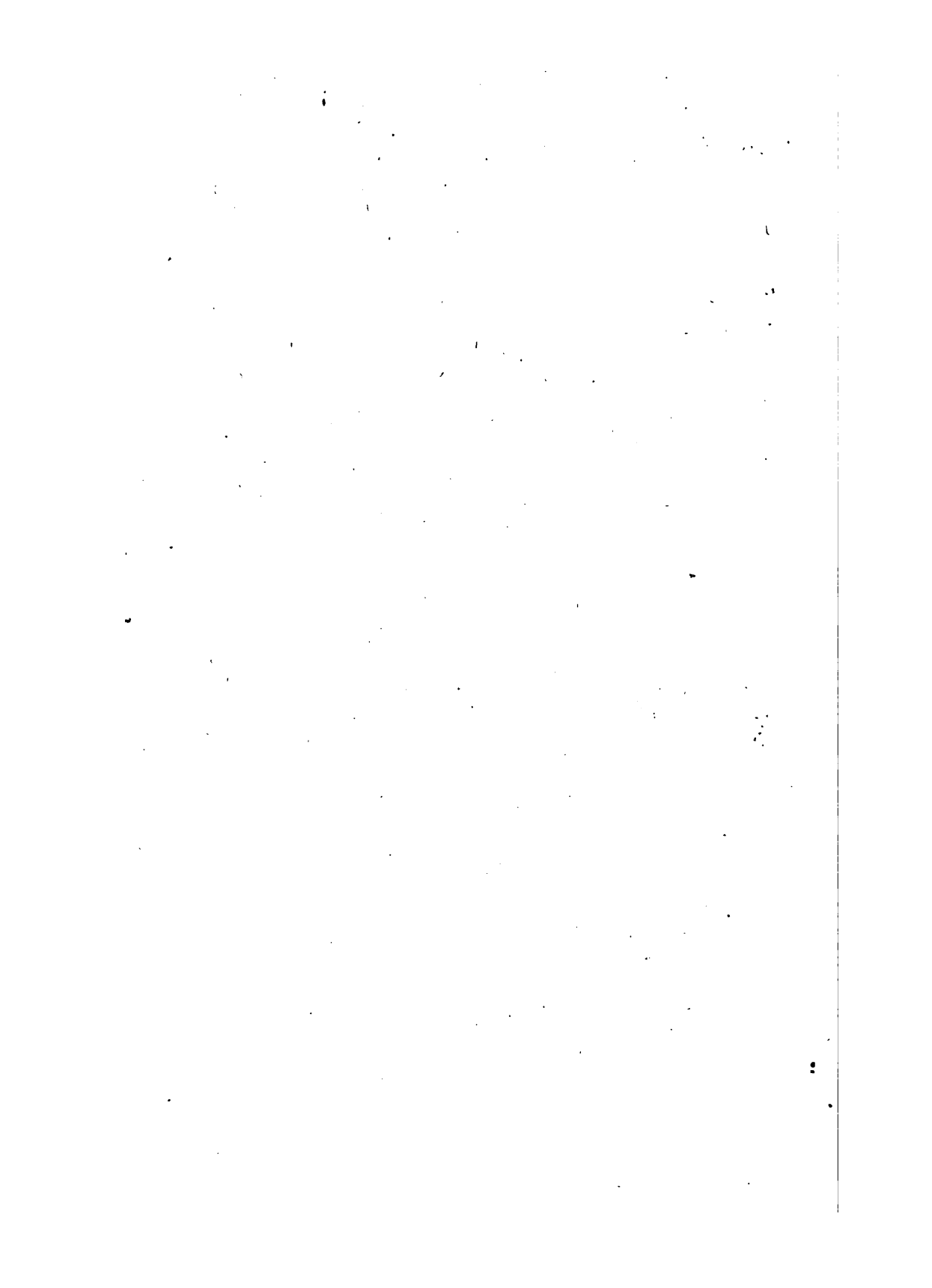
Дѣло его было проиграно окончательно; дальнѣйшая борьба оказалась невозможною. Онъ потерялъ не одну только армію, но и тѣру въ себя и въ свое счастье. Подписавъ опять отреченіе отъ престола въ пользу своего сына, онъ хотѣлъ было бѣжать въ Америку. Но и это оказалось невозможнымъ: англійскіе крейсера сторожили все французскія гавани. Тогда Наполеонъ рѣшился отдаться великодушному стариннаго своего врага, народа англійскаго. Англійскіе корабли *Балларфонтъ* принялъ развѣнчаннаго завоевателя. И тутъ скоро объявлено было Наполеону, что англійское правительство назначаетъ ему для жительства островъ св. Елены, на Атлантическомъ Океанѣ. Онъ протестовалъ, но тщетно; 18 октября его доставили въ мѣстоначальной ссылки.

Въ нездоровомъ климатѣ, подъ буровымъ надзоромъ губернатора острова, сэра Гудсона Лоу, снѣдаемый скорбными воспоминаніями о недавнемъ своемъ величіи, о страшномъ паденіи, Наполеонъ томился около шести лѣтъ. Онъ скончался 5 мая 1821 г. Въ послѣднія минуты, въ предсмертномъ бреду, ему представились все битвы и битвы.

Такъ кончилъ этотъ грозный завоеватель, жизни котораго представляется какъ-то особенно странною, если вспомнить, что онъ дѣйствовалъ, играя, по прихоти своей, судьбами народовъ и считая людей цифрами, среди самыхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, что онъ вывелъ изъ того великаго переворота, основной мыслью котораго была свобода. Грозной бурей пронесся надъ Европой этотъ чванливый, одаренный великими душевными силами, но потратившій ихъ на тибелья многихъ людей и самому себя.— Судьба его—великой урокъ для всего человѣчества.

11. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **17**, 1704 (1974).
12. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **19**, 1732 (1976).
13. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **21**, 464 (1978).
14. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **23**, 34 (1980).
15. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **25**, 160 (1982).
16. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **27**, 153 (1984).
17. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **29**, 136 (1986).
18. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **31**, 136 (1988).
19. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **33**, 136 (1990).
20. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **35**, 136 (1992).
21. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **37**, 136 (1994).
22. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **39**, 136 (1996).
23. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **41**, 136 (1998).
24. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **43**, 136 (2000).
25. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **45**, 136 (2002).
26. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **47**, 136 (2004).
27. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **49**, 136 (2006).
28. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **51**, 136 (2008).
29. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **53**, 136 (2010).
30. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **55**, 136 (2012).
31. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **57**, 136 (2014).
32. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **59**, 136 (2016).
33. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **61**, 136 (2018).
34. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **63**, 136 (2020).
35. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **65**, 136 (2022).
36. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **67**, 136 (2024).
37. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **69**, 136 (2026).
38. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **71**, 136 (2028).
39. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **73**, 136 (2030).
40. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **75**, 136 (2032).
41. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **77**, 136 (2034).
42. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **79**, 136 (2036).
43. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **81**, 136 (2038).
44. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **83**, 136 (2040).
45. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **85**, 136 (2042).
46. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **87**, 136 (2044).
47. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **89**, 136 (2046).
48. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **91**, 136 (2048).
49. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **93**, 136 (2050).
50. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **95**, 136 (2052).
51. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **97**, 136 (2054).
52. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **99**, 136 (2056).
53. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **101**, 136 (2058).
54. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **103**, 136 (2060).
55. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **105**, 136 (2062).
56. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **107**, 136 (2064).
57. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **109**, 136 (2066).
58. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **111**, 136 (2068).
59. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **113**, 136 (2070).
60. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **115**, 136 (2072).
61. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **117**, 136 (2074).
62. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **119**, 136 (2076).
63. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **121**, 136 (2078).
64. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **123**, 136 (2080).
65. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **125**, 136 (2082).
66. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **127**, 136 (2084).
67. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **129**, 136 (2086).
68. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **131**, 136 (2088).
69. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **133**, 136 (2090).
70. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **135**, 136 (2092).
71. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **137**, 136 (2094).
72. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **139**, 136 (2096).
73. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **141**, 136 (2098).
74. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **143**, 136 (2100).
75. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **145**, 136 (2102).
76. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **147**, 136 (2104).
77. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **149**, 136 (2106).
78. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **151**, 136 (2108).
79. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **153**, 136 (2110).
80. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **155**, 136 (2112).
81. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **157**, 136 (2114).
82. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **159**, 136 (2116).
83. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **161**, 136 (2118).
84. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **163**, 136 (2120).
85. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **165**, 136 (2122).
86. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **167**, 136 (2124).
87. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **169**, 136 (2126).
88. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **171**, 136 (2128).
89. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **173**, 136 (2130).
90. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **175**, 136 (2132).
91. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **177**, 136 (2134).
92. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **179**, 136 (2136).
93. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **181**, 136 (2138).
94. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **183**, 136 (2140).
95. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **185**, 136 (2142).
96. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **187**, 136 (2144).
97. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **189**, 136 (2146).
98. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **191**, 136 (2148).
99. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **193**, 136 (2150).
100. K. A. Brakke, *Phys. Fluids*, **195**, 136 (2152).

RETURN **CIRCULATION DEPARTMENT**
TO **202 Main Library**

PRINTED

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C035808568

